



*Кеннет  
Померанц*

# ВЕЛИКОЕ РАСХОЖДЕНИЕ

*Китай, Европа  
и создание  
современной  
мировой  
экономики*





Kenneth Pomeranz

# The Great Divergence

China, Europe,  
and the Making of the Modern  
World Economy

Princeton University Press  
Princeton and Oxford

Кеннет Померанц

# Великое расхождение

Китай, Европа  
и создание современной  
мировой экономики

*Перевод с английского*

АЛЕКСАНДРА МАТВЕЕНКО

*Под научной редакцией*

АНДРЕЯ ВОЛОДИНА



| Издательский дом ДЕЛО |

Москва | 2017

УДК 330.8  
ББК 65.02  
П55

**Померанц, Кеннет**

П55 Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики / Кеннет Померанц; пер. с англ. А.М. Матвеевко; под науч. ред. А.Ю. Володина. — М. : Издательский дом «Дело», 2017. — 592 с.

ISBN 978-5-7749-1201-8

«Великое расхождение» позволяет по-новому взглянуть на один из классических вопросов истории: почему стабильности промышленного развития удалось добиться именно в Северо-Западной Европе, несмотря на удивительную схожесть ситуаций, наблюдавшихся в наиболее развитых регионах Европы и Восточной Азии? Кеннет Померанц показывает, что еще в середине XVIII в. эти две части мира были весьма похожи по таким показателям, как продолжительность жизни, потребление, рынки товаров и средств производства, стратегии домохозяйств. По мнению Померанца, произошедшее в XIX в. расхождение путей развития Европы и остальных частей Старого Света было во многом обусловлено наличием у нее угля, пришедшего на смену древесному топливу. Еще одно отличие, сыгравшее, по его мнению, существенную роль, связано с торговлей. По воле случая Европа получила в лице Америки более значимый источник сырьевых ресурсов, чем те, на которые полагались экономические центры Азии. Это позволило Северо-Западной Европе значительно увеличить численность населения, осуществить более глубокую промышленную специализацию и освободить трудовые ресурсы от занятости в сельском хозяйстве при увеличении объемов импорта, а не максимизации объемов производства.

Несмотря на то что после 1750 г. периферийные районы Восточной Азии пережили существенный прирост как населения, так и производимой продукции, прирост этот воспрепятствовал экспорту жизненно необходимых ресурсов из данных районов в специализировавшуюся на производстве тканей Дельту Янцзы. В результате рост производства в данном центре восточноазиатской экономики почти остановился, а тот, которого все же удалось добиться, осуществлялся за счет интенсификации труда и экономии ресурсов — пути, по которому пришлось бы пойти и Европе, не оказавшись у нее соответствующих подземных и заморских ресурсов.

УДК 330.8

ББК 65.02

ISBN 978-5-7749-1201-8

Copyright © 2000 by Princeton University Press

Все права сохранены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме с помощью каких-либо электронных или механических средств, включая изготовление фотокопий, запись, поиск и хранение информации, без письменного разрешения издателя.

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2017

# Содержание

|   |     |
|---|-----|
| Благодарственное слово . . . . .  | 7   |
| Предисловие к русскому изданию . . . . .  | 9   |
| Введение. Сравнения, согласованность и ход экономического развития Европы . . . . .   | 35  |
| <i>Часть I. Мир удивительных подобий</i>  |     |
| Глава 1. Европа впереди Азии? Население, накопление капитала и технологии как объяснения европейского пути развития . . . . . | 77  |
| Глава 2. Рыночные экономики в Европе и Азии . . . . .   | 138 |
| <i>Часть II. От новой морали к новой экономике?</i>   |     |
| <i>Потребление, инвестиции и капитализм</i>   |     |
| Вступление . . . . .  | 203 |
| Глава 3. Потребление предметов роскоши и зарождение капитализма . . . . .   | 207 |
| Глава 4. Видимые руки: структура предприятий, социально-политическая структура и «капитализм» в Европе и Азии . . . . .       | 289 |
| <i>Часть III. Выход за пределы моделей Смита и Мальтуса: от экологических проблем к стабильному промышленному росту</i>       |     |
| Глава 5. Общие трудности: экологические проблемы в Западной Европе и Восточной Азии . . . . .                                 | 359 |
| Глава 6. Решение проблемы нехватки земель: Южная и Северная Америка как новый тип периферии . . . . .                         | 444 |

|  |     |
|--|-----|
| Приложение А. Сравнительная оценка мощностей сухопутного транспорта из расчета на душу населения: Германия и Северная Индия в 1800 году . . . .  | 497 |
| Приложение Б. Оценка объемов навоза, использовавшегося в земледельческих хозяйствах Северного Китая и Европы в конце XVIII века, и сравнение последующих изменений в уровне содержания азота в почвах . . . . .                    | 500 |
| Приложение В. Площади лесов и обеспеченность топливом во Франции, в Линнане и в части Северного Китая в 1700–1850 годах . . . . .  | 507 |
| Приложение Г. Оценочные показатели «фантомных площадей», обеспечиваемых поставками импортных товаров в Британию, конца XVIII — начала XIX века . . . . .   | 516 |
| Приложение Д. Оценочные показатели доходов работников текстильной отрасли в сельских районах долины нижнего течения Янцзы в 1750–1840 годах . . . . .  | 520 |
| Приложение Е. Оценочные показатели производства хлопка и шелка в нижнем течении Янцзы и в Китае в целом в 1750 году и в более поздних периодах: сравнение с показателями по Соединенному Королевству, Франции и Германии . . . . . | 536 |
| Литература . . . . .   | 555 |

## Благодарственное слово

**Р**ЕАЛИЗАЦИЯ крупных проектов невозможна в одиночку. Комментарии и советы многочисленных специалистов по настоящей книге, существовавшей первоначально лишь в качестве главы к совершенно иной публикации, оказались значимы в гораздо большей мере, чем этого следовало ожидать, по причине сложности работы над ней.

В свое время с той или иной версией рукописи ознакомились многие специалисты, отзывы которых были чрезвычайно полезными: Стивен Топик, Тимоти Гиннейн, Р. Бин Вонг, Дэниел Сигал, Джозел Мокир, Андре Гюндер Франк, Эдмунд Бурке III, Рэндольф Хед и слушатели его семинара по истории, Джеймс Гивен, Джек Голдстоун, Роберт Маркс, Деннис Флинн, Ричард фон Глан и Джейсон Хечт. По мере работы над рукописью отдельные ее части были также представлены на ряде конференций и семинаров, участники которых (слишком многочисленные, чтобы их можно было перечислить здесь) сделали крайне дельные и проницательные замечания. Нельзя не упомянуть и комментарии, которыми всегда сопровождаются заседания группы All-US по вопросам экономической истории. Не стоит забывать, что мы живем в эпоху Интернета, в связи с чем мне хотелось бы поблагодарить Джошуа Розенблума, Алана Тейлора и Сэмюэля Уильямсона за организацию крайне полезного обсуждения укороченной версии книги на ресурсе EH.Net. Неожиданные и полезные предложения, возникшие в ходе данного обсуждения (а позднее и в ходе обсуждения, которое вел Патрик Мэннинг на ресурсе H-World), пришлось как нельзя кстати.

Поскольку работа над настоящей книгой увела меня в области, выходящие за рамки полученного мною образования, мне пришлось положиться на коллег, подсказавших, какие именно труды помогут мне ознакомиться с вопросами, в которых они разбираются гораздо лучше. Наряду с теми, кто уже был перечислен выше, мне хотелось бы отметить Роберта Меллера, Энн Уолтхолл и Джеймса Ли, оказавших мне в данном вопросе наибольшее содействие. Не обошли вниманием данный проект и другие мои коллеги. Из длинного перечня мне хотелось бы выделить Питера Линдберта, Джона Уиллса, Джонатана Спенса, Дирдру Макклоски, Кена Соколоффа и Хамашиту Такеши.

Столь длинный перечень рискует сделать благодарность отдельным лицам делом малозначимым. Разумеется, к этому я совсем не стремлюсь. Мне хотелось бы особо поблагодарить Бина Вонга за ознакомление с двумя полными версиями рукописи, аргументированное обсуждение выявленных проблем и рекомендации библиографического характера. Хотя со временем его активная поддержка и начала представляться мне как нечто само собой разумеющееся, говорить об обыденности содействия с его стороны не приходится. Мне также очень приятно выразить слова

благодарности в письменном виде Дэну Сигалу. За более чем двадцатилетний срок нашего знакомства я научился у Дэна большему, чем у кого бы то ни было, как в профессиональной сфере, так и в том, что значит иметь хороших друзей. Поскольку каждым из перечисленных выше лиц было выдвинуто по крайней мере несколько возражений относительно содержания настоящего труда, я считаю необходимым повторить уже ставшее привычным утверждение: никто из них не несет ответственности за заблуждения, которых я продолжаю придерживаться.

При написании настоящей книги мне была оказана и существенная финансовая помощь. Она начала материализовываться, хотя и в совершенно ином виде, в тот момент, когда я, находясь в академическом отпуске, был занят работой над другим проектом, финансируемым из бюджета научно-исследовательских грантов президента Калифорнийского университета и грантов Фонда изучения Китая, созданного совместно ACLS, SSRC и Фондом Форда. Значительная часть настоящего труда была написана во время последующего академического отпуска, который стал возможным благодаря щедрости Мемориального фонда Джона Саймона Гуггенхайма и отделения Калифорнийского университета в г. Ирвайн. Рукопись данной книги была в немалой степени улучшена благодаря помощи и поддержке со стороны редактора издательства Princeton University Press Питера Дагерти и его ассистентки Линды Чанг и искусному и внимательному художественно-техническому редактированию Дженнифер Баккер.

Мои благодарности личного характера не менее значимы, чем благодарности профессионального характера. Значительная часть работы над настоящей книгой протекала в трудных обстоятельствах, которые без поддержки многих людей были бы еще более сложными. Когда в моей жизни случились неприятности, мне повезло получить воистину необычайную помощь со стороны старых и новых друзей, коллег и соседей. Перечислить здесь каждого из них я не могу, но и упомянуть лишь некоторых было бы неправильно, поэтому мне придется ограничиться коллективной благодарностью, не менее искренней и сердечной, чем признательность, высказанная отдельным лицам.

Наконец, мне хотелось бы выразить благодарность моей семье, продемонстрировавшей в годы моей работы над книгой незаурядную сплоченность, что обеспечило меня столь необходимым мне временем и соответствующими условиями работы. Дэйвид, Джесс и Бенджи проявили мужество и целеустремленность, которые вряд ли можно было ожидать от детей их возраста; они ни разу не дрогнули под напором проблем, всегда оставались страстными, милыми и любящими детьми. Я крайне признателен каждому из них.

Что же касается моей супруги Морин Грейвз, что я могу сказать о ней? Аналогия, о которой мы неоднократно слышали в последние годы, кажется достаточно уместной. Вместо запланированной поездки в Париж мы очутились в Новой Зеландии. При этом Морин не отказалась ни от идеи однажды все-таки вернуться в Париж, ни от возможности получить удовольствие от пребывания в Новой Зеландии, не пытаясь искать там Лувр. Поиск подобной гармонии потребовал от нее терпения, настойчивости, дальновидности и любви в значительно большей степени, чем я в состоянии объяснить себе или быть соответствующим образом благодарным. Однако в качестве небольшого жеста благодарности хочу сказать: это — ее книга.

*Ирвайн, Калифорния,  
сентябрь 1998 г.*

## Предисловие к русскому изданию

**Я** ПРИСТУПАЮ к предисловию к российскому изданию «Великого расхождения» с немалым удовольствием, хотя и некоторым смущением. Дело в том, что настоящая книга зачастую рассматривается в качестве труда, посвященного вопросам мировой истории, хотя России, а также таким крупным регионам мира, как Ближний Восток, Центральная Азия, большая часть Африки и Океании, в ней уделено незначительное внимание.

Отчасти это можно объяснить тем, что труды по мировой истории не обязательно должны охватывать весь мир — в них достаточно рассматривать проблемы, которые требуют от нас выйти за пределы отдельных государств или традиционно выделяемых регионов, например Западной Европы или Южной Азии. Добиться этого можно путем сравнения отдаленных друг от друга регионов или же путем установления взаимосвязей между ними (в настоящем труде я использую оба метода), равно как и обращаясь к рассмотрению вопросов мирового масштаба (в данной книге анализируются истоки современного экономического роста). При этом авторы неизбежно сосредотачиваются на том, в чем хорошо разбираются. В моем случае это Восточная Азия и страны атлантического региона. Анализируемая нами динамика также в большинстве случаев происходит в хорошо знакомых нам регионах. Так, в настоящем труде подробнейшим образом рассматриваются силы, связанные с экономическим подъемом густонаселенных районов, развитием относительно открытых рынков, для которых характерно большое число участников, а также давление, которое испытывают ограниченные природные ресурсы со стороны возрастающего в масштабах их потребления человеком. Однако это не те силы, которые занимают главенствующее место в истории России и прочих обойденных моим вниманием регионов в XVIII и XIX вв. Полагаю, что представленная в данной работе картина крайне значима, но не стану утверждать, что она всеобъемлюща. И именно по этой причине рассмотрение вопросов мировой истории носит

коллективный характер, и, значит, работы ученых следовало бы рассматривать прежде всего как способ стимулирования диалога и дальнейших исследований.

Соответственно, лучшее, что я могу сделать в новом предисловии к «Великому расхождению», — это осветить научную полемику, частью которой и является настоящая книга. Применительно к ней можно выделить четыре тесно перекликающихся, но все же более или менее независимых направления дебатов: два из них охватывают страны Запада, а в двух других главную роль играют ученые из Китая и Японии. Как следствие, неудивительно, что два последних направления уделяют первостепенное внимание Восточной Азии, а не Европе. Кроме того, здесь делаются попытки связать период XVIII и начала XIX столетий — как раз эпоху, на которой и сосредоточен мой труд, — с более поздними событиями, включая современные преобразования в странах азиатско-тихоокеанского региона и в мировой экономике.

### Насколько сильно расхождение и когда именно оно имело место

Первое направление полемики касается времени и места расхождения путей развития Китая и Европы, прежде всего Британии и региона, известного как Дельта Янцзы. При этом данное расхождение оценивается по таким параметрам, как уровень жизни, размер заработной платы и т. п., и включает другие поддающиеся количественной оценке тенденции, которые, судя по всему, и способны объяснить расхождение. Данное направление имеет ключевой характер в общей полемике, однако предисловие не предназначено для подробного рассмотрения соответствующих вопросов, а потому я лишь вкратце остановлюсь на нескольких основных темах.

Одно из утверждений, в пользу которого найдены убедительные свидетельства, касается существования в Дельте Янцзы развитого сельского хозяйства. Произведенные Робертом Алленом реконструкции позволяют говорить о том, что еще в 1820-е гг. производительность труда из расчета на один трудодень в сельском хозяйстве Дельты Янцзы составляла 90% от аналогичного показателя в сельском хозяйстве Англии. Между тем ежегодный чистый доход проживавшей в Дельте Янцзы семьи земельных арендаторов (включая доходы от довольно распространенной практики ткачества, которым, пусть и неполный рабочий день, занималась супруга арендатора) несколько превышал доход аналогичной английской семьи. (К этому моменту показатели ежедневных объе-

мов производства китайских изготовителей тканей несколько снизились по сравнению с английскими, в чем мы и удостоверимся; причем китайцы занимались производством тканей самостоятельно, что позволяло им рассчитывать на более высокую долю прибыли по сравнению с наемными работниками английской текстильной промышленности<sup>1</sup>.) В другом исследовании производительность труда в сельском хозяйстве Дельты Янцзы по состоянию на 1800 г. приравнивается к аналогичному показателю Голландии, который составлял 94% от английского<sup>2</sup>. Между тем необходимо отметить, что производительность земли в Дельте Янцзы была выше, чем где-либо еще, за исключением некоторых территорий Японии, и примерно в девять раз превосходили показатель по Англии. Таким образом, совокупная производительность факторов производства также отличалась крайне высоким уровнем, значительно превышавшим показатель по любым странам Европы, прошедшим в XIX в. путь индустриализации. (Например, производительность труда в сельском хозяйстве Германии составляла примерно 50% от показателей по Англии; производительность земли также была ниже<sup>3</sup>.) Эти и прочие свидетельства делают несостоятельной идею сельскохозяйственного фундаментализма, согласно которой готовность к проведению индустриализации напрямую вытекает из эффективности сельского хозяйства, высвобождавшей труд и капитал для их использования в иных целях и позволявшей удерживать цену на продукты питания и, как следствие, издержки на заработную плату на низком уровне<sup>4</sup>.

Другая версия сельскохозяйственного фундаментализма на протяжении долгого времени задавала тон в китайской историографии. В Китае настоящая книга была в целом принята хорошо. Хотя она и вызывала критику, в частности, ученых, которые полагают, что крестьянские хозяйства, противопоставляемые крупным сельскохозяйственным производствам с наемными работниками, не были способны давать излишки продукции, выходящие за рамки минимального жизнеобеспечения, или же обеспечивать уровень гибкости, необходимый для стабильного роста подушных показателей. В историографии Китайской Народной Республики подобный подход, как мы в этом удостоверимся, долгое время

1. Allen 2009b: 532–534, 544–548.

2. Li and van Zanden 2012.

3. Allen 2000: 20.

4. Например, Brenner 1985: 10–63, 213–327; Overton 1996. Термин «сельскохозяйственный фундаментализм» рассматривается в: Allen 1992: 2–3.

принимался как нечто само собой разумеющееся. Однако такой подход вступает в противоречие с уже приведенными выше данными о труде и совокупной производительности факторов производства, равно как и не согласуется с впечатляющими примерами экономического роста, которого удалось добиться в XX столетии Японии, Тайваню, а затем и восточным регионам Китая. Для всех этих территорий характерно наличие мелких крестьянских хозяйств семейного типа и стабильной системы прав владения или пожизненного пользования землей.

Потребовалось внесение корректировок и в весьма важное мое наблюдение о сопоставимости уровня жизни и показателей доходов на душу населения Европы и Китая, а также Англии и Дельты Янцзы, являющихся самыми богатыми районами рассматриваемых стран. Поначалу я придерживался мнения, что подобная ситуация была актуальна еще в 1800 г. и почти наверняка — в 1750 г. Применительно к 1750 г. данное утверждение остается вполне правдоподобным, хотя и вызывает споры. Применительно же к 1800 г. оно, вполне возможно, было несколько поспешным. В своей недавней работе Стивен Бродбери, Хануи Гуан и Дэвид Даокуи Ли склоняются к тому, что вместо 1750 г. следует говорить о 1700 г., что подтверждает сближение точек зрения, поскольку ранее Гуан и Ли утверждали о существовании огромной разницы уже в XV в.<sup>5</sup>

Примерное равновесие по состоянию на 1750 г. или даже 1700 г. представляет собой серьезный пересмотр доминирующих ранее взглядов. Так, если опираться на часто цитируемые оценочные показатели валового национального продукта, предложенные Энгасом Мэддисоном, отставание Китая от Европы началось несколькими столетиями ранее<sup>6</sup>. Согласно другим точкам зрения, фундаментальное расхождение имело место уже к 1500 г., 1000 г. или даже раньше<sup>7</sup>. Если же действительно расхождение произошло так поздно, как нам представляется сегодня, то целый ряд проверенных временем предположений, его объясняющих, становятся менее убедительными<sup>8</sup>.

Но даже если расхождение в экономическом развитии и случилось в более поздний, чем мы когда-то полагали, период, можно

5. Broadberry, Guan and Li 2014. Ранее Гуан и Ли выдвинули предположение о том, что значительное отставание Китая наблюдалось уже в XV в., а то и ранее; в последующие же столетие, как они полагают, оно только увеличилось.

6. Согласно Мэддисону (Maddison 2001: 42), Западная Европа обогнала Китай примерно в 1300 г.

7. Например, Lal 1998; Лал 2007; Jones 1987; Wallerstein 1976.

8. Landes 1998: 33–35, 59, and *passim*.

однозначно сказать, что значительная разница существовала уже по состоянию на 1800 г. и в дальнейшем только возрастала. Основной причиной этого стало то, что в Европе (Англии) производительность промышленных рабочих оказалась в целом более высокой по сравнению с производительностью сельскохозяйственных работников, в то время как для Китая или Японии ситуация была не столь однозначной. При этом число работников, не занятых в сельском хозяйстве, в разных частях Евразии возрастало<sup>9</sup>. Это вновь указывает на необходимость поиска объяснений за пределами сельскохозяйственного сектора экономики, не изображая черно-белыми красками целые общества, основанные на том или ином способе хозяйствования.

Судя по всему, расхождение в уровне заработной платы неквалифицированной рабочей силы и в городе, и в деревне произошло раньше расхождения в уровне жизни. Хотя данных, особенно по Китаю, недостаточно — имеющиеся свидетельства говорят о том, что к середине XVIII в., в то время как прочие показатели по-прежнему указывают на высокий уровень сопоставимости Дельты Янцзы и богатых регионов Европы, показатели заработной платы в Дельте Янцзы уже значительно отставали, соответствуя показателям по Милану или даже Варшаве, но никак не по Лондону<sup>10</sup>.

На первый взгляд два этих утверждения представляются несовместимыми, однако разница в уровне реальной заработной платы вполне может совмещаться со сравнимыми показателями уровня жизни. Вполне возможно, что наемные работники составляли менее 10% от общего числа взрослого населения в сельской местности даже в отличавшейся высоким уровнем коммерциализации долине нижнего течения Янцзы. Не исключено, что по состоянию на 1700 г. в Англии и Голландии — в отличие от ситуации в Китае — примерно половина трудящихся была занята по найму<sup>11</sup>. Поскольку в Дельте Янцзы большинство земельных арендаторов обладали правом пожизненного пользования землей, они

9. Например, Li and van Zanden 2012.

10. Allen et. al. 2011. Как отмечают специалисты, представленные в статье Аллена оценочные показатели заработка сельских работников в Китае весьма схожи с теми, что были предложены мною. Аллен (Allen 2009b) выдвигает предположение о том, что по состоянию на середину XVII в. уровень заработка в долине нижнего течения Янцзы был почти тем же, что и в Англии (р. 544), а также что в указанный период крестьяне Дельты были гораздо более состоятельными, чем труженики сельского хозяйства в Англии (р. 546).

11. Тилли (Tilly 1984: 36) прибегает к более широкому определению и проходит к еще более высоким показателям.

зарабатывали гораздо больше неквалифицированных работников: согласно наиболее надежным из собранных мною оценочных показателей, примерно в три раза. (Чистый же заработок мелких землевладельцев и вовсе был почти в пять раз больше заработка наемного работника<sup>12</sup>.) Соответственно, сравнение реальной заработной платы неквалифицированных рабочих представляет собой сравнение нижней части шкалы распределения доходов в Дельте Янцзы с примерно средними показателями по Англии и Голландии — единственными частями Европы, где в XVIII в. уровень заработной платы значительно превышал показатели по Китаю, что позволяет связать существенные отличия в заработной плате с сопоставимым средним уровнем жизни.

### Объяснения начала устойчивого экономического роста

При рассмотрении вопроса, *почему* расхождение имело место, методы и принципы доказательства становятся куда более спорными. Тем не менее и здесь можно выделить целый ряд факторов. В настоящей книге подчеркивается значимость такого фактора, как решение проблем экологического характера, ставшее возможным благодаря использованию угля и торговле с другими континентами. Причем совершенно очевидно, что массовое появление новых машин нельзя объяснить лишь наличием необходимых для их работы энергетических ресурсов. При этом я не утверждаю, что при более благоприятной ситуации с ресурсами Дельта Янцзы (или любой другой регион) непременно пережила бы индустриализацию. Напротив, Дельта Янцзы — пример отсутствия взаимосвязи между наличием процветающей агропромышленной и ремесленной экономики и современным экономическим ростом, основанным на активном потреблении капиталов и углеродного топлива. Соответственно, у меня нет возражений против точки зрения Джоэла Мокира и других специалистов, которые подчеркивают важность вклада европейской науки (особенно на поздних этапах индустриализации)<sup>13</sup>, при условии, что ее вклад не является единственным объяснением<sup>14</sup>.

12. Данные расчеты представлены в следующем издании: Roteman 2006.

13. Для ознакомления с одним из последних трудов, в которых указывается на крайне ограниченную значимость высокой науки на раннем этапе британской индустриализации, см.: Ashworth 2014.

14. Mokyr 2004, 2010; Мокир, 2012, 2016. См. также: Landes 1969, Matthias 1972: 148–167.

То же самое применимо к утверждению Дейдры Макклоски о том, что изменения в сознании, имевшие место в XVII и XVIII вв. в Голландии и Британии, благоприятствовали внезапному росту числа изобретений. Однако я полагаю, что утверждение о существовании коренных различий со всеми прочими частями мира более призрачно и сомнительно, чем утверждения, касающиеся роли европейской науки<sup>15</sup>. Даже если что-то в этот исторический период и способствовало в целом большей склонности британцев и голландцев к изобретательности, то нет никаких оснований утверждать, что именно этим и объясняется прорыв к фундаментально отличной, энергоемкой экономике без положительного ресурсного шока, который рассматривается в настоящей работе и позволил покончить с зависимостью, связанной с ограниченностью земельных площадей.

Работа Роберта Аллена «Британская промышленная революция в глобальной картине мира» значительно ближе к «Великому расхождению», чем труд Мокира. Аллен, как и я, учитывает *природу* изобретений (то есть направлены ли они на потребление труда или на его высвобождение) и скорость их распространения, а не скорость появления новых изобретений. При этом обеспеченность факторами производства и относительные цены рассматриваются Алленом в качестве основного объяснения скорости распространения изобретений и тех радикальных изменений, которые они привнесли. Роль, которую Аллен отводит углю и паровому двигателю, отличается от той роли, которую отвожу им я, хотя в целом наши мнения по этому вопросу в значительной мере схожи. Согласно Аллену, сочетание необычайно высоких зарплат с необычайно дешевым ископаемым топливом сделало обоснованным развитие новых технологий в Британии, в то время как в других регионах их развитие или хотя бы заимствование стало уместно лишь значительно позднее<sup>16</sup>. Весьма показательна в связи с этим история развития парового двигателя. Его ранние модели требовали столько топлива, что не только не оправдывали своего применения за пределами богатой углем и славящейся высокими зарплатами Британии, но и использовались поначалу исключительно на угольных шахтах. Китай в этом плане был еще более далек от Британии, чем остальная Европа. Данные за 1704 г. свидетельствуют о том, что

15. McCloskey 2006, 2010, 2016; для ознакомления с более поздними работами, посвященными роли торговцев в других регионах, см., например: Lufrano 1997, Najita 1997, Yu 1987.

16. Allen 2009a: 135–237; Аллен 2014: 197–344.

в Кантоне стоимость древесного угля относительно основных продуктов питания, а также относительно стоимости неквалифицированного труда даже при условии равенства реальной заработной платы в 20 раз превышала его стоимость в Лондоне<sup>17</sup>. Разумеется, это далеко не все из предложенных Алленом идей. Он рассматривает еще целый ряд вопросов, в которые я не стал углубляться, при этом я не вижу фундаментальных противоречий между его и моими выводами.

Тем не менее мое *видение* прорыва благодаря ископаемому топливу значительно отличается от версии Аллена. В некоторой степени это связано с тем, что при рассмотрении проблемы я уделяю больше внимания факторам экологического характера. Хотя Аллен и указывает на существенное снижение уровня реальной заработной платы в *Европе* (в том числе и в Англии) в период 1375–1625 гг. (по мере восстановления численности населения после разразившейся в XIV в. эпидемии чумы проблема нехватки рабочих рук ослабевала), его основное внимание приковано к вопросу, почему в *Англии* в период после 1625 г. реальная заработная плата стала расти, в то время как в других частях Европы (за исключением Голландии) этого не наблюдалось. Аллена не смущает тот факт, что на протяжении последующих 150–200 лет во многих частях Европы реальная заработная плата не только не возрастала, но и продолжала снижаться<sup>18</sup>. В моем исследовании это продолжавшееся снижение зарплат предстает значимым фактом, позволяющим говорить (особенно в свете многочисленных свидетельств о вырубке лесов, истощении земель, более частых песчаных бурях и т. п.) о том, что, подобно некоторым частям Восточной Азии, ряду территорий Западной Европы приходилось иметь дело с серьезными проблемами, вызванными тем, что растущее население требовало эксплуатации все новых лесных, сельскохозяйственных и прочих видов производительных земель, площади которых были далеко не безграничны. (Такой общий взгляд на проблемы раннего Нового времени мы встречаем в работах представителей французской «новой исторической науки»<sup>19</sup>, которым я многим обязан.)

Ни в одной из оконечностей Евразии увеличение данных потребностей в чистый мальтузианский кризис не вылилось. Более того, в главных районах двух рассматриваемых регионов уровень жизни повышался (или по крайней мере не падал), пусть зачастую

17. Расчеты произведены на основе данных из: Allen 2004: 6, 17.

18. Allen 2009a: 45; Аллен 2014: 73.

19. Например, Braudel 1981; Бродель 1986; Ladurie 1981; Ладюри 1993.

это происходило медленно и достигалось за счет постоянного увеличения вложений труда. (Работы Ханса-Йоахима Фота, изданные незадолго до выхода «Великого расхождения» и после него, указывают на значительное увеличение в период с 1760 по 1800 г. количества часов работы английских трудящихся при существенно меньшей отдаче<sup>20</sup>.)

Таким образом, экономический рост был достигнут главным образом за счет так называемой революции трудолюбия, исследованной Акирой Хаями на примере Японии и Яном де Фрисом на материале Северо-Западной Европы. Речь идет об экономическом росте, для которого характерно увеличение трудового вклада при незначительном повышении производительности, происходящее на фоне перемен в общественных институтах и противопоставляемое огромному росту производительности в дальнейшем, который был достигнут благодаря технологическим нововведениям, накоплению капитала и доступу к ресурсам вновь открытых земель. В ряде случаев, как подчеркивается в более ранней научной литературе, упор в которой делается на понятие «протоиндустрия»<sup>21</sup>, увеличение объемов труда было обусловлено необходимостью обеспечения определенного уровня жизни. В других же случаях причиной стали новые потребительские товары (например, табак, чай, кофе), послужившие стимулом к производству дополнительной продукции, предназначавшейся не для внутреннего потребления семьи, а для реализации на рынке<sup>22</sup>. Соответственно, в раннее Новое время экономический рост, будучи реальным и значительным, все же оставался в рамках системы мальтузианского типа. В такой системе производство продуктов питания, строительных материалов, топлива и используемых для изготовления одежды волокон осуществлялось главным образом посредством потребления растений или эксплуатации травоядных животных.

Достигавшийся подобным образом экономический рост сдерживался необходимостью поиска баланса в землепользовании. Каждый новый акр, отдававшийся под пашню, означал потерю одного акра леса, древесина которого могла пойти на строительство или получение энергии. Возможно, что в целом Восточная Азия

20. Voth 1998: 37–40; сведения о потреблении см. в: Voth 2001: 192–210.

21. Например, Kriedte, Medick, and Schlumbohm 1981; Mendels 1972.

22. de Vries 1994, 2008, 2013; де Фрис 2016; Hayami 1977, 1986, 1989, 1992. Сведения по Японии см. также в: Saito 2013 и Francks 2013; в настоящей книге я прихожу к схожим выводам по ключевым регионам Китая (главы 2 и 3); см. также: Pomeranz 2013.

подошла к исчерпанию данного лимита ближе Европы, однако при этом она обгоняла Европу в разработке методов борьбы с ограниченностью ресурсов. Суть в том, что оба региона двигались в *одном и том же* направлении.

Угольная революция стала эпохальным событием, давшим Европе возможность свернуть с этого общего пути острой нехватки природных ресурсов, поскольку позволила оперативно извлекать ископаемые останки растений, пролежавшие миллионы лет в земле на относительно небольших территориях, что невероятным образом ослабило остроту экологических проблем. К 1815 г. добываемый уголь ежегодно обеспечивал Англию таким же количеством энергии, какой при традиционном подходе можно было бы получить от древесины лесов, покрывающих те же площади, что и все пастбищные и пахотные угодья Англии вместе взятые<sup>23</sup>. С этого момента объемы потребляемой Британией энергии выросли в 15 раз. В Восточной Азии ситуация с нехваткой земельных ресурсов частично разрешилась значительно позже. Ее отставание в данном вопросе имело как технологическую, так и географическую подоплеку. Китай обладал огромными запасами угля, однако его экономически оправданная транспортировка в относительно богатую, динамично развивавшуюся и испытывавшую острую нехватку топлива Дельту Янцзы могла осуществляться лишь из немногих районов залегания.

При этом необходимо иметь в виду, что сосредоточение на вопросах сравнительной и экологической истории уводит нас дальше собственно истории добычи и применения угля — к другим нововведениям, позволившим разрешить ситуацию с нехваткой ресурсов в Европе (прежде всего в Англии) гораздо раньше, чем это было сделано в Восточной Азии. Здесь прежде всего следует выделить поставки в Европу землеемкой продукции из Америки. Я прихожу к выводу, что поставки одного только североамериканского хлопка позволили Британии сэкономить в 1830 г. больше «фантомных площадей», чем уголь<sup>24</sup>.

Значимость импорта ресурсов из-за океана подтверждается и исследованием Кевина О'Рурка и Джеффри Уильямсона, которые использовали другой подход и сосредоточились на рассмотрении свойственного для Британии соотношения между уровня-

23. Wrigley 1988: 54–55; Pomeranz 2000: 276 fn 50.

24. Ibid., p. 313–315.

ми заработной платы и аренды земли<sup>25</sup>. Согласно О'Рурку и Уильямсону, стабильное повышение данного соотношения означает переход от мира мальтузианского типа, в котором рост населения ведет к повышению ренты относительно заработной платы, к современному миру, в котором повышение производительности труда в сочетании с имеющим пределы спросом на продукцию сельского и лесного хозяйства позволяет соотношению уровней заработной платы и аренды земли возрастать вопреки показателям роста населения.

Вполне возможно, нет ничего удивительного в том, что О'Рурк и Уильямсон приходят к выводу, что модель, основанная на тенденциях численности населения и не учитывающая значимость зарубежной торговли для Британии, почти идеальна для расчетов действительных соотношений между уровнями заработной платы и аренды земли в Британии в период 1500–1730 гг. Однако в дальнейшем ее точность снижается, а для периода после 1840 г. и вовсе становится спорной<sup>26</sup>. Причем еще более удивительно то, что два других регрессионных уравнения указывают на то, что корректировка модели таким образом, чтобы она отражала компенсирующее влияние стремительно набирающей объема трансатлантической торговли на повышение арендной платы, вызванное приростом населения, делает данную модель актуальной и для периода 1842–1936 гг. в той же мере, что и ее корректировка таким образом, чтобы ею учитывался тот огромный прогресс в производительности труда, которого удалось добиться в указанный период благодаря новым технологиям, успехам в области здравоохранения и образования трудящихся и т.п.<sup>27</sup> Иными словами, вывод, который делают О'Рурк и Уильямсон, заключается в том, что уход Англии с мальтузианского пути развития в период после 1842 г. был обусловлен расширением трансатлантической торговли не в меньшей мере, чем всеми прочими изменениями, благодаря которым удалось повысить производительность труда в эпоху, определяемую нами как современную, *вместе взятыми*<sup>28</sup>.

Поскольку развитие торговли определялось не только рынками, но и политикой, это подводит нас к проблеме институтов. Институты фигурируют и в прочих объяснениях причин расхождения

25. O'Rourke and Williamson 2005. Данная проблема рассматривается мною в контексте целого ряда прочих вопросов в следующем издании: Pomeranz 2009a: 335–373.

26. O'Rourke and Williamson 2005: 18–22.

27. Ibid., p. 10.

28. O'Rourke and Williamson 2005: 22.

пугей, по которым двигались Восток и Запад. При этом разнообразие институциональных отличий, выделяемых специалистами, представляется бесконечным: внутренние политические системы; права собственности; обеспечение исполнения договорных обязательств; бюджетные и финансовые системы; институты, регулирующие вопросы собственности на изобретения и интеллектуальные права; организации, перед которыми стояла задача экспансии заморских территорий, и т. п. Соответствующие дискуссии охватываются гораздо более широкий спектр вопросов, чем масштабы и время расхождения. При этом участники дискуссий зачастую не слышат друг друга не только по причине того, что они работают над большим числом разнообразных подтем, но и потому, что не всегда понятно, каким именно образом следует перейти от описания отличий к оценке их значимости. Здесь я снова могу лишь упомянуть несколько фактов, являющихся в значительной мере общепризнанными.

Несмотря на то что в Восточной Азии система защиты прав собственности и обеспечения исполнения договорных обязательств отличалась от того, что наблюдалось в Северо-Западной Европе, она отлично подходила для развития эффективных рынков товаров, которые требовались для экономического роста в понимании Смита<sup>29</sup>. При рассмотрении рынков факторов производства приведенные выше сведения о сельском хозяйстве позволяют говорить об эффективности систем Китая (и Японии) в вопросе получения доступа к земле. Китайский рынок труда отличался по крайней мере большей свободой и меньшей фрагментарностью по сравнению с рынками большей части Европы, а возможно, и большей свободой, чем английский, принимая во внимание применение уголовного наказания за самовольное оставление работы<sup>30</sup>.

Ситуация со свидетельствами о рынках капитала более запутанна. Судя по всему, в Японии и особенно Китае капитал отличался большей дороговизной по сравнению с европейским, однако все же не настолько исключительной, чтобы предупредить появления типичных для XVIII в. видов предпринимательства — расширения ремесленного производства, коммерции (включая торговлю с отдаленными регионами), совершенствований в системе сельского хозяйства и даже появления первых фабрик. Технологии промышленного производства в Восточной Азии отли-

29. Информацию по рыночной интеграции в Китае и Европе см. в: Keller and Shiue 2007.

30. См. главу 2 данной книги, а также Steinfeld 2001; Stanziani 2014.

чались меньшей капиталоемкостью по сравнению с европейскими, но это не всегда означало их меньшую эффективность<sup>31</sup>.

Сильнейшие отличия, связанные с рынками капиталов, наблюдались в сфере общественных финансов. Государства Европы отличались, без сомнения, гораздо более эффективными системами привлечения свободных финансовых средств в обмен на будущую прибыль. Однако остается неясным, насколько это было значимо для общего экономического роста в раннее Новое время по причине трех ключевых факторов:

- 1) подавляющее большинство денежных средств расходовалось правительствами европейских стран на военные нужды;
- 2) Китаю и особенно Японии требовались существенно меньшие траты на военные нужды, причем не столь часто, как европейским государствам;
- 3) имевшиеся на тот момент технологии не позволяли надеяться на хоть какую-то прибыль ни от широкомасштабных долгосрочных инвестиций в основные средства (например, в сфере железнодорожного строительства в XIX в.), ни от действительно крупных государственных капиталовложений в физический и человеческий капитал (например, во всеобщее образование).

В XIX в. все три фактора претерпели изменения. Более того, в период после 1800 г. Европа наконец получила значительную, пусть и *отсроченную* отдачу от заморской колонизации, осуществленной ею в более раннюю эпоху. Колонизация потребовала больших объемов вложений, прибыль по которым могла быть получена значительно позже, и была так или иначе связана с вопросами военного и бюджетного характера<sup>32</sup>. При этом соответствующие институты касались не просто вопросов обеспечения собственности или свободных рынков, они олицетворяли гораздо более сложные и зачастую менее либеральные системы. Вполне возможно, что наиболее значимым и при этом достаточно хорошо установленным фактом является отсутствие последовательности: те самые институты, что отличались достаточной степенью функциональности (или, напротив, дисфункциональности) в экономике одной страны, для которой был характерен определенный набор технологических возможностей, в весьма отличных условиях

31. См. в первую очередь: Rosenthal and Wong 2011.

32. Более подробным образом эта взаимосвязь рассматривается в главе 4.

современного экономического роста оказывались гораздо менее функциональными (или же дисфункциональными).

### Китай раннего Нового времени в сравнительной перспективе

Данное направление полемики привлекает в основном китайских ученых, а из западных специалистов прежде всего китаеведов. Частично это объясняется тем, что развитие стран Запада здесь не вызывает каких-либо вопросов, в то время как история Китая рассматривается применительно к двум уже давно развивающимся дискуссиям. Первая дискуссия сформировалась вокруг вопроса: можно ли говорить, что китайская экономика периода поздней империи содержала «ростки капитализма», и если да, что помешало им расцвести? Вторая дискуссия возникла, когда стало ясно, что отсутствие всеобъемлющего перехода к капитализму в Китае не могло быть исчерпывающе объяснено лишь внешними факторами, такими как завоевание маньчжурами в XVII в. или столкновение с западным империализмом в XIX в., в отличие от того, на чем настаивали некоторые специалисты, и что объяснения этому феномену требовалось искать в китайском обществе<sup>33</sup>. Данная дискуссия сосредоточилась на том, в какой мере сельский Китай смог добиться стабильного экономического роста из расчета на душу населения в условиях социальной системы периода поздней империи. Соответственно, оба этих спора возвращают нас к аграрному фундаментализму, хотя сегодня он предстает в двух довольно различных ипостасях: одна определяется главным образом учением Маркса, а вторая — Мальтуса.

На протяжении многих лет обсуждение китайской экономической истории в КНР, которое вовсе не случайно было зачастую сосредоточено на «передовой» Дельте Янцзы, касалось так называемых ростков капитализма. Ключевой вопрос этого обсуждения можно сформулировать так: можно ли говорить о наличии в Китае в период с XVI по XVIII в. зарождающегося капитализма, который оказался подавлен в зародыше в результате установления в стране в 1644 г. маньчжурской династии Цин (некоторые ученые

33. Следует отметить, что высказывавшееся ранее предпочтение к объяснению «неудачи» Китая внешними факторами было удобно как ученым Китайской Народной Республики, придерживавшимся универсальности строгого порядка этапов развития общества, который был описан Марксом, так и специалистам националистического Тайваня, которые желали подчеркнуть тот вред, что был нанесен Китаю империализмом.

полагают, что причиной следует считать опиумные войны 1839–1842 гг.)? Следовательно, подтверждается идея, согласно которой история Китая соответствует универсальному набору этапов развития, определенных Марксом. Следовательно, задача в рамках рассмотрения данного вопроса заключалась в определении ведущего способа производства в Китае в соответствии с марксистской теорией. Такая картина развития зиждилась прежде всего на свидетельствах о все более широком распространении наемного труда (при некоторых попытках выявления растущих рынков земли и капитала), а не на учете изменений в уровнях дохода на душу населения, производительности или технологиях<sup>34</sup>. Хотя многих специалистов к концу 1980-х гг. все больше не удовлетворял подобный подход, было не ясно, чем именно заменить его в китайской историографии.

Наиболее радикальным образом данную полемику удалось изменить Ли Бочжонгу, благодаря которому китайская экономическая история переключилась с вопроса трудовых отношений на вопрос производства продукции. Кроме того, Ли Бочжонг придерживался мнения о существовании продолжительной эпохи медленного, но в целом неуклонного экономического роста из расчета на душу населения, в основе которой лежали организационные и технические изменения, вызванные к жизни рыночными процессами, прежде всего в период с середины XVI до середины XIX в.<sup>35</sup> Те специалисты, которые согласились с Бочжонгом, были положительно настроены и к «Великому расхождению». Одним из них был Ву Ченмин — ключевая фигура в полемике о «ростках капитализма», работа которого на разных этапах его научной деятельности была весьма близка позиции Бочжонга<sup>36</sup> и других молодых специалистов.

Наиболее скептически настроенными по отношению к «Великому расхождению» оказались те китаеведы, которые добились

34. В кратком изложении данный вопрос лучше всего представлен в: Wu Chengming 1985 и Dixon and Chengming 1985.

35. Li 1998, 2000, 2003, 2005.

36. Wu 2003; среди других специалистов старшего поколения, положительно отметивших настоящее издание, можно назвать Ши Жаньюна (Jianyun 2003), выступившего в роли переводчика книги в КИИР, и Чжана Чжиляна (Zhilian 2004). Ванг Жиафан (Jiafan 2004) оказался менее благосклонным. Дю Сюнчен и Ли Жин (Xuncheng and Jin 2009) подвергли мою работу, а также труды других членов калифорнийской школы (см. ниже) критике за чрезмерное внимание таким вопросам, как производительность труда, и за недостаточное — определению и анализу свойственных Китаю способов производства.

определенного авторитета благодаря своим работам, посвященным «росткам капитализма». Они придерживаются мнения о негативной природе последствий прироста населения в период поздней империи. Самым видным из них является американский историк китайского происхождения Филип Хуань (Хуань Чжончи). В целом можно сказать, что Хуань выступил с тем же утверждением, что и его коллега из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Роберт Бреннер: только сельские предприятия капиталистического типа, основанные на наемном труде и безжалостно снижавшие затраты посредством выдавливания излишней рабочей силы с земли, были в состоянии добиться повышения производительности труда, накопления капиталов и стабильного роста. Большинство трудов Бреннера посвящены вопросу, почему эта ключевая динамика возникла лишь в Англии, и объяснению соответствующих причин<sup>37</sup>.

В своей известной работе, опубликованной в 1990 г., Хуань настаивает на том, что в Китае, включая Дельту Янцзы, количественная стагнация проявлялась в еще большей степени, чем та, которую Бреннер выявляет для континентальной Европы. По его мнению, большинство китайских крестьян боролись со снижением площадей своих наделов посредством главным образом тех стратегий, что были описаны Чаяновым<sup>38</sup> (прибегая при этом также к услугам рынков товаров, но избегая рынков факторов производства). Следовательно, от них требовалась невероятная интенсификация труда, благодаря которой удавалось добиваться пусть небольшого, но все же имеющего решающее значение роста объемов производства. Подобный путь оказался ограничен траекторией количественного роста, которая представляет собой антитезу истинного развития и которую Хуань определяет термином «инволюция»<sup>39</sup>.

Подобная постановка вопроса вызвала к жизни продолжительную полемику, которая началась с публикации в *Journal of Asian Studies* и была подхвачена «Лиши Янжиу» — главным из посвященных вопросам истории журналом Китая и другими периодически-

37. Brenner 1977; Brenner and Isett 2002. Мой полный ответ Бреннеру еще не опубликован (он должен появиться в издании, выход которого все еще задерживается; в основе данного издания лежит наша дискуссия, имевшая место в Калифорнийском университете), хотя некоторые комментарии уже увидели свет, см.: Pomeřanz 2009b: 77–110.

38. Chayanov 1986; Чаянов 1989.

39. Huang 1990.

ми изданиями<sup>40</sup>. Можно сказать, что верх в данной полемике одержали мои предположения частично по причине того, что при проведении расчетов Хуань ошибся с местоположением десятичной запятой и как результат полученные им значения валового дохода сельских ткачих в Дельте Янцзы оказались десятикратно искажены, а чистый доход и того больше. Данная полемика вызвала интерес к «Великому расхождению» в Китае и других странах мира. Способствовал этому и целый ряд прочих факторов, не все из которых оказались научными. (Моя книга, пусть и ненароком, привлекла внимание китайских националистов, хотя, возможно, в меньшей степени, чем публикация Андре Гундер Франка, в которой рассматриваются смежные вопросы<sup>41</sup>.)

Наибольший интерес в Китае вызвали те части «Великого расхождения», где анализируется ситуация именно в этой стране. Большинство полемистов считают, что настоящая книга выражает идеи более широкой калифорнийской школы, что нашло свое отражение в целом ряде статей. Список тех, кого относить к калифорнийской школе, зависит от субъективного мнения того или иного специалиста, однако обычно в число ее последователей включают Р. Бина Вонга, Джеймса Ли и его соавторов, Ли Бочжонга, Роберта Маркса, Ричарда фон Глана, Джека Голдстоуна и меня.

Отзывы китайских специалистов на работы представителей данной школы отличаются разнообразием, однако сама полемика вызвала в Китае рост интереса к сравнительной истории. Более того, речь в данном случае идет о сравнительной истории, которая, в отличие от литературы, посвященной «росткам капитализма» и «инволюции», идет дальше в вопросе сравнения пути развития Китая с «типичным» путем, то есть соответствующим развитию европейского капитализма. Одной же из общих черт проводимых представителями калифорнийской школы сравнений является позиция, согласно которой ни одно из сравниваемых обществ не может рассматриваться в качестве нормы, по отношению к которой другое сравниваемое общество представляется отклонением<sup>42</sup>. Подобная позиция помогла в выработке новых подходов к рассмотрению эпохи династии Цин, для которой было

40. Huang 2002a, b, 2003a, b; Pomeranz 2002, 2003a, b; Huang 2009. См. также следующие статьи: Wong 2003, Goldstone 2003, Lee, Campbell and Wang 2002, Cao and Chen 2002, Wolf 2001, а также публикации прочих авторов.

41. По мнению Луо Сю (Luo Xu 2007: 346–7), обе книги заслуживают как похвалы, так и критики, поскольку в основе мнений калифорнийской школы в Китае лежат националистические мотивы.

42. Wong 1997 и данная книга.

характерно (к счастью или наоборот) менее серьезное вмешательство государства в дела своих граждан и в которой двигателями социальных изменений выступали другие силы общества. (Я бы отметил, что она стала лишь одним из факторов, указывающих в данном направлении.) Одновременно с этим проявился и повышенный интерес к выявлению в китайском обществе продолжительных, неспешно развивающихся тенденций (иногда восходящих вплоть до династии Чжао (960–1279 гг.), не прекратившихся и в XX в. Данный подход, самым недвусмысленным образом выраженный в вышедшем по результатам одной из конференций сборнике «От Чжао к Юань и Мин»<sup>43</sup>, пришел на смену предыдущим интерпретациям истории, в которых вслед за революционными изменениями эпохи династии Чжао и периода позднего правления Мин наступало время не менее радикального отступления. Это отступление не дало реализоваться тому, что должно было произойти далее согласно и марксистской теории, и теории западной модернизации, и тем направлениям, которые рассматривали историю Китая через призму этих предполагаемых отходов. (Здесь просматриваются параллели с тем, чего пытается добиться Алессандро Станциани, критикующий упор на крепостничество как определяющую черту социально-экономической истории России<sup>44</sup>.)

В какой-то мере подобное переформулирование подходов может способствовать развитию в китайской историографии тех процессов, которые ранее уже имели место в западной историографии, благодаря внедрению категории «раннее Новое время» и уменьшению акцента на скачкообразность перехода от Средних веков к Ренессансу. Между тем пока не достигнут консенсус относительно терминологии, которую следовало бы использовать применительно к столь значительному отрезку китайской истории, оказавшемуся теперь в центре внимания специалистов, и относительно того, должна ли данная терминология использоваться лишь по отношению к Китаю или для описания восточноазиатской<sup>45</sup>, евразийской и даже мировой истории. Среди прочего это будет зависеть и от от-

43. Glahn and Smith, eds., 2003.

44. Stanziani 2014.

45. «Великое расхождение» играет определенную роль и в дискуссиях, ведущихся в японской науке, поскольку автор настоящей книги вдохновился работами Хамашиты Такеши, Кавакатсу Хейты, но особенно Сугихары Каору, в которых указывается на уникальность пути, которым Восточная Азия шла к современному обществу. Однако я не собираюсь подробно освещать этот вопрос на страницах данного издания; те, кому интересно, могут оз-

ветов на множество конкретных эмпирических вопросов, над которыми мы сегодня работаем.

### «Восточноазиатский путь к современному обществу?»

Четвертое направление полемики, инициаторами которого стали главным образом японские ученые, затрагивает вопросы терминологии, используемой применительно к региональной и мировой истории. Прежде всего вопрос существования уникального пути, по которому страны Восточной Азии шли к построению современной экономики. Данное направление возникло независимо от моей работы, хотя начиная с 2000 г. рассматриваемые вопросы перекликаются с теми, что нашли отражение в данной книге. В центре внимания здесь оказалось рассмотрение значимых различий между институтами Востока и Запада и того, в чем именно их значимость проявилась. Специалисты отмечают невозможность объяснить неудачу, которая постигла аграрный фундаментализм, так же как и тот факт, что стремительный рост населения Японии в эпоху династии Токугава и Китая в середине эпохи правления Цин почти не отразился на показателях доходов на душу населения.

При этом самой мощной силой, которая движет авторами соответствующих работ, является желание понять произошедшее в последние десятилетия нивелирование уровня жизни в странах Восточной Азии и Запада (а в случае Японии еще более ста лет назад). Данное нивелирование, хотя и не повсеместное, все же представляется исключительным. Большинство стран мира, расположенных за пределами Европы и Восточной Азии, подобрались к свойственному богатейшим странам мира уровню жизни не ближе, чем они были к нему в 1913 г.<sup>46</sup> В то время как более ранние научные труды указывали, что странам Восточной Азии удалось догнать Запад благодаря внедрению схожих институтов, специалисты подчеркивают ту положительную роль, которую сыграли собственные особенности региона.

Поиск той динамики, которая была свойственна указанному региону, вновь возвращает нас к раннему Новому времени (данный термин когда-то использовался применительно к Европе,

накомиться с моими взглядами (и перечнем соответствующей литературы) в: Pomranz 2001, 2009c и 2015. См. также: Sugihara 2003, 2005, 2013.

46. Ср. показатели за 1913 г. (Maddison 1995, Tables 1–4) с современными данными из таблиц проекта Penn World Data, представленными по адресу <https://pwt.sas.upenn.edu>

однако теперь область его использования расширилась, что свидетельствует о потенциале данного периода, а не о его ограниченности). Так, недавние научные публикации подчеркивают тот факт, что рост населения в периоды правления династий Токугава и Мин/Цин сопровождался и некоторым ростом показателей доходов на душу населения<sup>47</sup>. Соответственно в них выделяется и свойственная данным периодам социально-экономическая созидательность, в то время как сосредоточение внимания на приросте населения вело к заключению о грядущем мальтузианском кризисе.

Существует целый ряд формулировок восточноазиатского пути развития с соответствующими разногласиями относительно его характеристики и географического охвата. При этом набор общих идей очевиден, и многие из них пересекаются с вопросами, рассматриваемыми в «Великом расхождении»:

- 1) на сопоставимых этапах развития и при сопоставимом уровне жизни страны Восточной Азии потребляли меньше энергии и прочих ресурсов, чем западные общества;
- 2) как уже было отмечено, при сравнении уровня жизни в странах Востока и Запада в раннее Новое время специалисты приходят к разным заключениям, однако нет никаких сомнений в том, что любые отличия в уровне доходов затмевались отличиями в уровне потребления энергии. Согласно Вацлаву Смилю, в 1750 г.— на момент, когда отличия в уровне жизни были значительно меньшими,— потребление энергии из расчета на душу населения в Китае и Японии составляло менее половины показателя по Франции и одну треть показателя по Соединенному Королевству. В 1800 г. показатель по Соединенному Королевству превышал показатель по Китаю в шесть раз, что совершенно не отражало масштабы его экономического отрыва, который был гораздо более скромным<sup>48</sup>. Кроме того, совершенно очевиден тот

---

47. Некоторые публикации китайских специалистов дают основания полагать, что эпоха правления Юань и ранний период Мин были в экономическом плане столь катастрофичны, что, несмотря на выправление ситуации начиная с середины эпохи правления династии Мин, показатели доходов на душу населения в период поздней империи оставались ниже показателей эпохи династии Чжао; см., например: Liu 2015: 133–134. Но даже если так и было, хотя это и не очевидно, предположение о том, что в период 1450–1750 гг. доходы из расчета на душу населения росли, представляется достаточно надежным; предположения о постепенном увеличении уровня жизни в Японии можно считать твердо установленными.

48. Smil 2015.

факт, что жители Восточной Азии использовали гораздо меньшие площади земли из расчета на душу населения.

Более того, когда Япония, Тайвань и прибрежные регионы Китая прошли впоследствии через процесс индустриализации, они сконцентрировались главным образом на менее капиталоемких и ресурсоемких изделиях и производственных методах. Кроме того, их отличало большее число промышленных производств, расположенных в сельской местности, малых предприятий и самозанятых трудящихся при меньших масштабах пролетариатизации по сравнению со странами Запада, для которых были характерны схожие уровни доходов и долей дохода от промышленного производства. Все это указывает на то, что Восточная Азия пришла к современному обществу собственным путем, а не догнала страны Запада, двигаясь вслед за ними;

- 3) в основе многих составляющих экономического роста Восточной Азии лежит деятельность тех многочисленных домохозяйств из ключевых регионов Японии эпохи Токугава и Китая эпохи Цин, которые сочетали высокодоходное сельскохозяйственное производство коммерческого характера с участием в сельской промышленности и (или) торговле при частом переходе от одного занятия к другому. Это явилось ответом на соответствующие сигналы рынка, хотя определяющей здесь стала роль глав домохозяйств, а не прямое участие отдельных членов семьи (прежде всего молодежи) в рыночной деятельности, которое было более привычным делом в странах Европы. Таким образом, патриархальная власть оказалась здесь более долговечной, чем на Западе. Более того, становление protoиндустрии в Восточной Азии избежало замкнутой петли, характерной для раннего периода индустриализации во многих ключевых районах стран Запада: большее число наемных трудящихся → более ранние браки → более крупные семьи в более раннем возрасте → больший уровень трудовой занятости и более свободное вмешательство торговцев в производственные процессы (посредством системы устранения конкуренции за счет прямого найма индивидуального производителя либо путем организации промышленных производств) → большее число наемных трудящихся<sup>49</sup>.

Вследствие того что в Восточной Азии производителям удавалось сохранять больший контроль за производством

49. Kriedte, Medick and Schlumbohm 1981; Mendels 1972; Levine 1977; Saito 1985; Pomeranz 2005.

по сравнению с ситуацией в Европе, производственные коллективы оставались небольшими, что вело к повышению интенсивности труда. Некоторые специалисты высказывают мнение о том, что сохранявшаяся на протяжении долгого времени значимость подобных коллективов способствовала необычайно широкому распространению предпринимательских и управленческих навыков, а также формированию предпочтения гибким производствам, а не тем, что были организованы по принципу предприятия Форда. Все это подчеркивают Сугихара, Танимото и другие специалисты применительно к Японии<sup>50</sup> и некоторые ученые применительно к Китаю и Тайваню<sup>51</sup>, хотя и не утверждая о существовании отчетливой связи с этой более ранней моделью развития. Эти и прочие особенности утвердили Сугихару во мнении, что восточноазиатский путь развития отличается не только трудоемкостью, но и требует большего числа навыков: это ведет к потенциальной совместимости трудоемкости с ростом доходов и с относительно мягко выраженным неравенством доходов. Если подобный путь развития является также и менее ресурсоемким, на что указывает Сугихара, он в большей степени способствует распространению указанных навыков<sup>52</sup>,

- 4) рассуждения о восточноазиатском пути развития охватывают и другие факторы, в частности связанные с организацией торговых сетей и их отношением с государством. Хотя данные утверждения также подпитываются литературой, посвященной вопросу «расхождения», они в большей мере связаны с другим направлением японской науки, посвященным проблематике островной Азии. И в первом, и во втором случаях они позволяют говорить о четко выраженных разновидностях капитализма. В то время как упомянутые выше утверждения описывали отличия между экономическим ростом Восточной Азии и развитием капитализма в соответствии с тем, как их понимал Маркс (при различиях в понимании центральной роли пролетариата, определяющих случившееся расхождение), мнения, каса-

50. Sugihara 2013; Tanimoto 2013.

51. См., например, краткое описание вопроса в Brandt, Ma, and Rawski, 2014: 57-

58. Подобный подход все же исключает маоистский период, для которого был характерен упор на тяжелую промышленность и очень крупные промышленные предприятия, что явилось продолжительным и затратным отходом от ожидаемой модели развития Китая. В дополнение к чему данный подход является и чрезмерным упрощением.

52. Sugihara 2003, 2013.

ющиеся островной Азии, опирались на более широкое определение капитализма, данное Броделем<sup>53</sup>, то есть они уделяли большее внимание циркуляции товаров и торговым сетям по сравнению с производством.

Два явления, выступающие в качестве «тяжеловесов» в данных дискуссиях,— это сосредоточенная вокруг Китая система торговли с обложенными данью государствами и племенами и диаспора китайских торговцев. Западные ученые усматривали в системе дани, к которой прибегали разные китайские династии, ограничитель торговли и соответственно экономического роста, однако Хамашита Такеши и другие специалисты подчеркивают, что, хотя *собственно* посольства, прибывавшие с целью подношения дани, организовывались правительствами и имели ритуальный характер, по крайней мере в период поздней империи данная система пусть и косвенно, но поощряла контакты и частную торговлю при одновременном содействии установлению общих вкусов в среде высших сословий на территории крупного региона<sup>54</sup>. Хотя представители китайской торговой диаспоры редко выстраивали отношения с правительствами (как собственной страны, так и прочих государств) столь же тесно, как это делали некоторые европейские торговцы, алчные до кредитов, монополий и политики, отвечающей интересам меркантилизма, им удалось создать эффективные торговые сети, протянувшиеся через относительно спокойные в военном плане моря. Хамашита указывает на взаимосвязь между этой альтернативной разновидностью торгового капитализма и современным промышленным капитализмом Восточной Азии, подчер-

53. Braudel 1977; Бродель 1993.

54. Hamashita 2008: 12–26; см. также статьи, собранные в издании: Hamashita, ed. 2001. Обратите внимание, что это еще один пример того, что ранее воспринималось учеными в качестве препятствия любому экономическому росту, но при более внимательном изучении оказывалось, что данный феномен в той или иной форме ему содействовал, пусть даже это содействие и не было оптимальным с точки зрения теории. Кавакатсу Хейта действует схожим образом, утверждая, что разрыв большей части торговых отношений Японией эпохи Токугава стал спасительным для местной экономики, поскольку способствовал развитию импортозамещения в производстве фарфора, чая, сахара, шелка и т. д. Если прибавить к его утверждениям мнение Хамашиты, то можно говорить о следующей щекотливой, но любопытной возможности: то, что одна часть восточноазиатского региона была включена в систему выплачивающих дань государств, а другая ее часть — нет, могло иметь больший положительный эффект по сравнению с вариантом, когда подобной системы не существовало бы вовсе или же ею была бы охвачена вся островная Восточная Азия.

ктивная роль, которую сыграли представители китайской торговой диаспоры в финансировании первых успешных промышленных предприятий Японии и экспорте их продукции, которая реализовывались главным образом на азиатских рынках<sup>55</sup>. Это позволяет Хамашите выдвинуть утверждение о существовании преемственности между торговой инфраструктурой региона, объединенного вокруг Китая, и Восточной Азией XX в., центром которой являлась Япония.

Некоторые ученые, в том числе и те, на кого оказал влияние Джованни Арриги<sup>56</sup>, идут дальше, указывая на преемственность между островной Азией доиндустриальной эпохи и той системой промышленной взаимодополняемости и субподрядной деятельности, которая получила развитие в Восточной и Юго-Восточной Азии в последнее время. Так, утверждения Сугихары позволяют связать данную интерпретацию истории развития коммерции с ресурсной составляющей аргументации в пользу «великого расхождения». Согласно Сугихаре, в XIX в. Запад превратился в доминирующую силу в ресурсоемком промышленном производстве, однако Осака (а также Бомбей, а позднее и Шанхай) вскоре составили ему конкуренцию в производстве некоторых трудоемких товаров. По иронии судьбы росту их конкурентных возможностей содействовали иммиграционные ограничения и строительство империй западными державами, которые ограничивали выходцам из Азии въезд во многие предпочитаемые ими страны. Это привело к тому, что разница в уровне заработной платы в государствах Запада и Восточной Азии оказалась большей, чем могла бы быть при иных обстоятельствах. Благодаря своим связям с китайской торговой диаспорой, отлично ориентировавшейся в региональных рынках, японские производители (а впоследствии и производители из прибрежных территорий Китая) нацелились на потребителей из стран Восточной и Юго-Восточной Азии (особенно на тех из них, чье благополучие выросло благодаря буму экспорта сырьевых товаров из Юго-Восточной Азии)<sup>57</sup>.

После Второй мировой войны произошло становление новых связей между экономиками стран Восточной Азии и Запада. Новый мировой порядок, первую скрипку в котором играли США, сделал Японию своей неотъемлемой частью и обеспечил ей доступ к необходимым ресурсам и рынкам, что облегчило ее экс-

55. Grove 2006: 28. См. также: Hamashita 2008: 167–178.

56. Arrighi 2009; Арриги 2009.

57. Sugihara 2005: 6–11; Sugihara 2013: 31–38.

пансию в сегмент более дорогих товаров и более прибыльные мировые рынки. (Иными словами, обеспечение равного доступа к товарам, рынкам и технологиям в рамках послевоенного западного альянса создало условия, в которых различия, вызванные «великим расхождением» между цивилизациями Северной Атлантики и Восточной Азии, могли быть постепенно преодолены.) Когда это привело к повышению заработной платы японских трудящихся, региональными сетями японских торговых компаний и местными торговцами (зачастую этническими китайцами) была проведена работа по поиску субподрядных организаций на Тайване и в Корее. Впоследствии, когда произошел рост заработной платы уже на Тайване и в Корее, эти страны также вывели наиболее трудоемкие производства за рубеж, что привело к зарождению местной модели регионального развития, которую Акамацу окрестил парадигмой «гусиной стаи»<sup>58</sup>. В период после 1980 г. и в особенности после 1992 г. эта субподрядная волна достигла прибрежных регионов Китая, которые незадолго до этого оказались интегрированы в систему мировых рынков и переживали этап масштабного становления трудоемкой промышленности, во главе которого стояли государственные предприятия, организуемые в поселках и сельских населенных пунктах, что в некоторой степени представляет собой современную версию прежней совокупности сельского хозяйства и сельской промышленности<sup>59</sup>, при массовом притоке зарубежных инвестиций (в большинстве случаев из Восточной Азии).

### Сведение всех нитей воедино

По большей части данная полемика представляет собой на текущем этапе набор провокационных гипотез, требующих подтверждения путем дальнейших исследований. (Утверждения, касающиеся стабильности окружающей среды, также ожидают проверки временем. Прежде всего речь здесь идет о последствиях экономического роста Китая для окружающей среды, в отношении которых особых оснований для оптимизма нет.) Более того, во *всех* упомянутых в предисловии направлениях полемики

58. Akamatsu 1962. (Согласно концепции Акамацу, одни страны идут по пути развития, следуя примеру других стран, находящихся в процессе развития непосредственно перед ними, напоминая своим графическим изображением летящую стаю диких гусей. — *Примеч. пер.*)

59. См.: Wong 1997; Poteranz 2008, 2013.

многое еще остается неясным, что вовсе неплохо, поскольку есть основания вести дальнейшую работу.

В связи с этим мне очень приятно, что те направления научной полемики, в которых настоящая книга способна сыграть определенную роль, продолжают расширяться. Остается надеяться, что частью этой полемики станет и обсуждение тех стран и регионов, о которых лично я в силу недостаточности соответствующих знаний могу сказать совсем немного. Хотя, как уже было отмечено выше, настоящее издание сосредоточено на динамике, которая, как я полагаю, была свойственна районам с особо высокой численностью населения и огромной потребностью в ресурсах. Я подчеркиваю, что данные районы не просто оказали существенное влияние на остальные части мира (о чем говорится, например, в работе Иммануила Валлерстайна<sup>60</sup>). Наоборот, я пытаюсь указать на пути влияния менее заселенных территорий на развитие ключевых или центральных территорий. Так, в последней трети книги значительное внимание уделено рассмотрению отличий между заморскими колониями Европы и огромными внутренними территориями империи Цин. Работа Клааса Роннбака, в которой происходит переоценка динамизма стран Скандинавии и Балтийского региона с учетом ряда моих утверждений<sup>61</sup>, может послужить моделью и для переоценки соответствующих аспектов истории России. Упомянутая же ранее работа Станциани может стать альтернативным плацдармом для рассмотрения данных аспектов. Я уверен, что те читатели, которые лучше меня разбираются в истории России и внутренних регионов Евразии, вспомнят множество других изданий. Поскольку сегодня мы стали свидетелями схожего проникновения Китая во внутренние регионы Азии, как находящиеся на территории самого Китая, так и в зарубежных странах, где Китай ведет торговлю и инвестиционную деятельность с целью приобретения энергии, воды и прочих ресурсов<sup>62</sup>. Вопросы о развитии соответствующих взаимоотношений также приобретают новую значимость. Мне остается лишь выразить признательность за переводное издание моего труда, благодаря которому в данную полемику могут быть вовлечены новые читатели, а в дискуссии смогут быть подняты новые вопросы.

60. Wallerstein 1976; Валлерстайн 2016.

61. Rönnbäck 2010.

62. Economy and Levi 2015; Dollar 2015.

## Сравнения, согласованность и ход экономического развития Европы

**С**ОВРЕМЕННЫЕ общественные науки в немалой степени обязаны своим развитием предпринятым в XIX и XX вв. попыткам европейцев понять причины уникальности экономического развития Западной Европы<sup>1</sup>. При этом попытки не увенчались успехом. Значительная часть трудов свелась к объяснениям более раннего по сравнению с другими частями мира развития широкомасштабной механизированной промышленности Европы. *Сравнения* с прочими регионами планеты использовались для того, чтобы продемонстрировать, что Европе — как вариант Западной Европе, протестантской Европе или даже просто Англии — был свойствен некий уникальный доморощенный ингредиент промышленного успеха или что ей уникальным образом удалось избежать возможных препятствий.

Другие объяснения заостряют внимание на отношениях между Европой и остальным миром — в частности, на различных формах колониальной эксплуатации, однако у большинства западных ученых такие объяснения популярности не снискали<sup>2</sup>.

1. Необходимо обратить внимание на тот факт, что большинство авторов понимают под Западной Европой некую социальную, экономическую и политическую концепцию, а не реальное географическое образование: экономическое развитие, рассматриваемое в качестве типично европейского или западноевропейского, было лишь в незначительной мере свойственно, к примеру, Ирландии, Южной Италии и большей части Пиренейского полуострова. Мною данный термин будет использоваться главным образом как географическая характеристика. При этом указанные в соответствующих сравнениях географические регионы (например, Южные Нидерланды или Северная Англия), исполняющие в них роль Европы, следует скорее сравнивать как по размеру, так и по экономическим показателям с такими единицами, как китайская провинция Цзянсу, а не с целыми субконтинентами вроде Китая или Индии.
2. Здесь следует, например, обратить внимание на негативную оценку со стороны преобладающего мнения на публикации Eric Williams 1944, Andre Gunder Frank 1969, Samir Amin 1974 и других авторов. Заслуживающая внимания критика эксплуатации колониальных территорий представлена в публикации de Vries 1976: 139–146, 213–214.

Здесь не помогло даже то, что данными объяснениями учитывался феномен, определенный Марксом как первоначальное накопление капитала через насильственное лишение земель коренного американского населения и обращение в рабство африканцев, а также многих представителей низших классов самой Европы. Подобная формулировка не только подчеркивает жестокость данного процесса, но и подразумевает, что накопление было первоначальным в том смысле, что явило собой лишь *первый* шаг в широкомасштабном накоплении капитала. Данная точка зрения была признана несостоятельной, поскольку ученым удалось продемонстрировать медленный, но все же выраженный прирост излишков средств существования, которые могли быть инвестированы и были получены за счет прибыли ферм, цехов и фирм собственно Европы.

В настоящей книге будет уделено внимание и эксплуатации неевропейского населения, а также вопросам доступа к зарубежным ресурсам в более общем плане, однако не в качестве единственного двигателя развития Европы. Вместо этого в настоящей работе признается крайне значимая роль роста европейской экономики благодаря внутренним процессам и подчеркивается, насколько схожими они оказались с процессами, наблюдавшимися в других регионах мира, особенно в Восточной Азии, практически вплоть до 1800 г. Некоторые важные отличия, конечно, имели место, однако я считаю, что они были способны привести к значительной трансформации, произошедшей в XIX в., лишь в условиях привилегированного доступа к ресурсам заморских территорий. Так, несмотря на то что в распоряжении Западной Европы были более эффективные институты, способные выделять крупные суммы и ждать получения доходов довольно продолжительное время, до XIX в. у них было немного возможностей для применения своего капитала, кроме таких, например, как военизированная заморская торговля и колонизация, в то время как совместное долгосрочное кредитование использовалось главным образом внутри самой Европы в целях финансирования военных кампаний. Еще более важным является тот факт, что к XVIII в. Западная Европа оказалась впереди в области использования различных трудосберегающих технологий. Тем не менее вследствие ее отсталости в использовании землесберегающих технологий быстрый рост населения и спроса на ресурсы мог бы вынудить ее вернуться на путь более трудоемкого экономического роста в условиях отсутствия ресурсов, поступающих из других частей света. В подобном случае ее расхождение с Ки-

таем и Японией было бы менее выраженным. В связи с этим для объяснения *различий* между развитием Европы и другими частями Евразии, прежде всего Китаем и Японией, настоящая книга заостряет внимание на результатах колониального господства, но не для объяснения развития Европы в целом или различий между Европой и *всеми* остальными частями Старого Света. Определенную роль сыграл и ряд прочих факторов, которые не могут быть отнесены ни к одной из категорий, например местоположение угледобычи. Таким образом, в настоящей работе используются сравнительный анализ, учет местных особенностей, а также комплексный или глобальный подход.

Более того, сравнительный и комплексный подходы вносят друг в друга определенные изменения. Если факторы, отличающие Западную Европу от, скажем, Индии или Восточной Европы (например, некоторые виды рынков труда), оказываются общими с Китаем, то сравнение не может заключаться лишь в поиске соответствующей отличительной черты Европы, а общие для обеих частей Евразии особенности не могут быть объяснены как продукты исключительно европейской культуры или истории. (Не могут они, разумеется, быть объяснены и как «отростки» универсальных тенденций, поскольку являют собой отличия одних обществ от других). Проведение аналогии между Западной Европой и прочими регионами мира, заставляющее нас отказаться от чисто сравнительного подхода, при котором в качестве единиц сравнения используются главным образом обособленные территории, в пользу подхода, учитывающего общемировые условия<sup>3</sup>, значимо по еще одной причине. Мы не можем рассматривать общемировые условия в период до 1800 г. через призму европоцентристской мировой системы. Вместо этого уместно говорить о наличии полицентрического мира, лишенного доминирующего центра. Общемировые условия зачастую складывались в пользу Западной Европы, однако не обязательно по причине того, что европейцы стремились к их созданию или навязыванию. Так, повторный ввод в обращение серебряной монеты в Китае в XV в. и последующее ее использование — процесс, предшествовавший появлению европейцев в Америке и вывозу из нее серебра, — сыграли одну из ключевых ролей в обеспечении финансовой стабильности отдаленной империи испанской короны

3. Для ознакомления со сравнением единиц, рассматриваемых в качестве системно взаимосвязанных, а не по-настоящему обособленных, что обозначено автором как внутреннее сравнение, см.: Tilly 1984.

в Новом Свете, а страшные непредвиденные эпидемии сыграли ключевую роль в собственно создании этой империи. Говорить о наличии единого, господствующего европейского центра имеет смысл только в том случае, если рассматривать Европу в период после ее экономического расцвета, обусловленного индустриализацией XIX в.

Тем не менее в большинстве научных работ используется либо подход, согласно которому европоцентристская мировая система осуществляет необходимое первоначальное накопление капитала в заморских территориях<sup>4</sup>, либо подход, который объясняет практически все внутренним экономическим ростом Европы. При таком выборе большинство ученых отдают предпочтение второму. Как следствие, последние работы по европейской экономической истории способствовали укреплению подобного взгляда на исключительно внутреннее развитие Европы по крайней мере тремя путями.

Во-первых, последние исследования выявили существование хорошо развитых рынков и прочих «капиталистических» институтов в гораздо более ранних, чем было принято считать, периодах истории — даже в эпоху феодализма, часто рассматриваемую в качестве полной противоположности капиталистической системе<sup>5</sup>. (Подобной ревизии подвергся и анализ средневековых наук и технологий, благодаря чему то, что раньше с пренебрежением рассматривалось как «темные века», теперь видится как эпоха творческого расцвета.) Это позволило подтвердить мнение о том, что Западная Европа вступила на уникальный, многообещающий путь гораздо раньше своей экспансии на другие континенты. В ряде недавних работ исчезает поворотная роль и самой индустриализации, которая теперь растворяется в столетиях единообразного роста.

Для контраста необходимо отметить, что в старых работах, начиная с классических трудов по социальной теории, датирующихся второй половиной XIX в., и заканчивая теорией модернизации 1950–60-х гг., подчеркивается фундаментальное отличие между современным Западом и его прошлым, а также между современным Западом и прочими современными странами. Поскольку благодаря последним научным исследованиям отличие в первой паре оказалось не столь большим, как было принято считать, получается, что второе отличие — европейская исключи-

4. Например, Blaut 1993: 186–206.

5. Для ознакомления со свежим примером см.: Britnell 1993.

тельность — уходит корнями в более далекое прошлое, чем мы полагали ранее. При этом одно из центральных утверждений настоящей книги состоит в том, что столь же просто найти аргументы и для подтверждения того факта, что разница между Западом XVIII в. и по крайней мере рядом прочих частей Евразии не столь велика, как было принято считать.

Во-вторых, чем более ровной оказывается динамика рынка, развивающегося во вроде бы негостеприимной среде культуры Средневековья и институтов того времени, тем больше соблазн сделать экономический рост, в основе которого лежит рыночная деятельность, основой *всего* исторического развития Европы, пренебрегая неудобными деталями и негативными последствиями разнообразных мер государственной политики и местных обычаев<sup>6</sup>. И если законодательные указы в собственно Европе мешали или помогали ее развитию лишь в незначительной мере, с какой стати уделять серьезное внимание применению силы в заморских территориях, весьма удаленных от главной арены исторических событий? Между тем все большее внимание к частным инициативам способствовало выстраиванию не просто четкой исторической линии, а исторической линии, совместимой в доминирующих сегодня неолиберальными идеями.

---

6. В качестве интересного примера изданий, принижающих значимость как законодательных изменений, так и народных обычаев, можно порекомендовать большое число публикаций, посвященных ревизии истории отмены системы открытых полей в Англии. Согласно бытовавшему ранее мнению, подобные земельные участки представляли собой воплощение враждебной зарождающемуся капитализму коллективной этики и были уничтожены законодательно, когда в парламенте возобладали идеи более индивидуалистического и менее патерналистского характера. Сегодня устоялось мнение, согласно которому в действительности система открытых полей являлась для отдельных лиц рациональную стратегию адаптации к условиям, характеризующимся переменчивостью урожаев и отсутствием страхования, а исчезли они главным образом потому, что постепенно снижавшиеся процентные ставки привели к появлению новых форм страхования урожая, а именно к складированию зерновых, что оказалась более дешевым и эффективным способом по сравнению с обработкой многочисленных наделов, разбросанных по разным полям вследствие их различий по составу почв и микроклиматическим условиям (см., например: McCloskey 1975a, 1975b, 1989). Еще одним следствием подобного мнения, рассматриваемым (и оспариваемым) в дальнейшем на страницах этой книги, является утверждение о том, что отсутствие сопоставимого и успешного наступления на традиционную систему открытых полей со стороны французского правительства оказалось гораздо менее значимым препятствием для развития Франции, чем было принято полагать.

В-третьих, поскольку данный непрерывный процесс коммерциализации затронул значительную часть доиндустриальной Западной Европы, то оставшееся от промышленной революции рассматривается многими публикациями последнего времени в качестве *европейского* феномена, а не в качестве изначально британского, как было принято ранее, но впоследствии распространявшегося и на остальную Европу<sup>7</sup>. Подобный подход оспаривается не только большинством ученых старшего поколения, но и более поздними работами, в которых выдвигается предположение о том, что Англия разошлась с европейским континентом в ключевых аспектах развития еще за несколько веков до собственно промышленной революции<sup>8</sup>. При этом отказу от мнения о главенстве британской промышленной революции в пользу общевропейской способствовали вышеуказанные тенденции, направленные на снижение важности политических решений и приуменьшение масштабов конфликта между традициями и рационально настроенными на защиту собственных интересов индивидуумами, что позволяет минимизировать различия среди отдельных стран Западной Европы.

Ставка не на британское, а на «европейское чудо» чревато важными последствиями уже хотя бы потому, что при таком подходе связи европейского континента с другими частями света вновь теряют свою значимость. Большая часть Западной Европы была вовлечена в торговлю между европейским и прочими континентами в гораздо меньшей степени, чем Британия. Поэтому если к промышленному росту привело коммерческое развитие именно Европы, а не Британии, то внутренних рынков и ресурсов было вполне достаточно для осуществления подобного преобразования. Более того, если рост стал в значительной степени причиной постепенного совершенствования конкурентоспособных рынков, то представляется маловероятным, чтобы колонии, связанные торговыми ограничениями и зависящие от труда рабов (и это всего лишь две из многочисленных проблем, с которыми им пришлось столкнуться), отличались достаточной для влияния на метрополию динамикой. Так, Патрик О'Брайан, один из главных авторитетов европейского подхода, признает, что

7. Для ознакомления с двумя классическими, хотя и весьма различными формулировками подхода, во главу угла которого поставлена именно британская промышленная революция, см.: Landes 1969; Hobsbawm 1975. Одним из наиболее ярких и острых примеров критики данного подхода является публикация О'Брайана и Кейдара (O'Brien and Keydar 1978).

8. См., например: Snookes 1994a; Wrigley 1990: 101-102.

британскую индустриализацию, в которой хлопок сыграл одну из ключевых ролей, трудно рассматривать в отрыве от колоний и труда рабов. Однако далее он продолжает: «Подкрепить собою утверждение о том, что хлопчатобумажная промышленность Ланкашира оказалась жизненно важным компонентом в индустриализации „центра“, в состоянии лишь упрощенная модель роста с хлопчатобумажной промышленностью в качестве одной из главных отраслей и британскими технологическими нововведениями в качестве мотора западноевропейского экономического развития. Фронт данного процесса был слишком широк, чтобы его наступление могло быть остановлено поражением передовой колонны, чьи пути снабжения тянулись через океаны до Азии и Америки»<sup>9</sup>. Далее он заключает, что «для экономического роста центра роль периферии оказалась второстепенной»<sup>10</sup>.

Подобные утверждения превращают заморскую экспансию европейских держав в малозначимый этап истории, доминирующим фактором в которой становится зарождающееся экономическое господство. Империя могла *объясняться* наличием подобного господства или существовать независимо от него, однако к собственно его созданию она имела весьма отдаленное отношение. Проистекающие из этого интерпретации в значительной степени независимы в двух ключевых аспектах: они редко требуют выхода за рамки непосредственно Европы или модели свободных, конкурирующих друг с другом продавцов и покупателей, располагающихся в сердце господствующих экономик. Для ученых же, объясняющих увеличившуюся скорость технологических изменений главным образом за счет патентной системы, обеспечивающей большую надежность владения собственностью

9. O'Brien 1982: 12.

10. Там же. В своей совместной с Кейдаром публикации, посвященной Британии и Франции, О'Брайан предлагает более убедительное, хотя и отличное мнение о том, что европейская индустриализация явилась не просто распространением британских технологических нововведений на остальной части континента. Франция, например, сосредоточилась на развитии других отраслей, которые часто предназначались для производства изделий из британских полуфабрикатов. Однако сама взаимодополняемость между Британией и Францией, которая демонстрирует возможность движения к индустриализации разными путями, указывает на то, что мы не можем просто взять и выкинуть британскую индустриализацию из истории и заявить, что, если бы ее не было, индустриализация континента все равно имела бы место. А историю Британии, как мы удостоверимся, нельзя представить без двух важнейших скачков, осуществленных благодаря добыче угля и наличию колоний.

через технологическую созидательность, подобная замкнутость становится практически полной.

Акцент на «европейской» индустриализации затрагивает и используемые нами единицы сравнения, причем зачастую негативным образом. В ряде случаев единицы сравнения просто приравнены к современным национальным государствам таким образом, что Британия сравнивается с Индией или Китаем. Однако исходя из размеров, численности населения и внутреннего разнообразия гораздо более уместным было бы сравнение Индии или Китая с Европой в целом, а не с отдельными европейскими странами. Регионы же двух субконтинентов, подходящие для сравнения с Британией или Нидерландами, сами теряются в усредненных территориях, включая азиатские эквиваленты Балкан, Южной Италии, Польши и т. д. В целом же, если только мы не сравниваем меры государственной политики, национальные государства являют собой не самую лучшую единицу сравнения.

Еще один отличающийся популярностью подход заключается в поиске параметров, отличающих Европу в целом (хотя зачастую рассматриваемые факторы характеризуют лишь часть континента), и после изъятия из получающейся картины остальных частей света — исследовании Европы на предмет выявления отличительных черт Британии. Подобные единицы сравнения, в основе которых лежат континенты или цивилизации, столь сильно вошли в наше подсознание, что абстрагироваться от них не так просто. Однако для сравнения более рациональным представляется иной подход, который был предвосхищен моим коллегой Бином Вонгом<sup>11</sup>.

Давайте сделаем следующее допущение: существует немного по-настоящему значимых характеристик, общих, скажем, для Голландии и Украины или китайской провинции Ганьсу и региона, известного как Дельта Янцзы. Такой регион (население в 1750 г. — 31–37 млн человек в зависимости от метода подсчета) достаточно велик, чтобы его можно было сравнивать с европейскими странами XVIII в. Различные же экономические центры, разбросанные по территории Старого Света, — Дельта Янцзы, равнина Канто, Британия, Нидерланды и Гуджарат — имели общие ключевые черты, которые были несвойственны остальным регионам соответствующих континентов или субконтинентов (например, относительно свободные рынки, мощные ремеслен-

11. Wong 1997.

ные отрасли, отличающиеся высокой степенью коммерциализации сельского хозяйства). Однако почему бы в таком случае не сравнить данные регионы напрямую, до введения в значительной степени субъективных единиц-континентов, которые имеют мало общего как с повседневной жизнью, так и с основными тенденциями в торговле, распространении технологий и т. п.<sup>12</sup> Более того, если у этих разбросанных по разным территориям центров действительно было много общего (а мы готовы к определенным допущениям), то их сравнение следовало бы сделать по-настоящему взаимным, то есть рассмотреть, чего именно не хватило Англии или что помешало ей стать в значительно большей степени тем, чем стали Дельта Янцзы или Гуджарат, наряду с более традиционным подходом, заключающимся в поиске преград, не позволивших неевропейским регионам воспроизвести пути развития, свойственные Европе.

Здесь я вновь следую методике, представленной в недавней работе Вонга под названием «Преобразованный Китай» (*China Transformed*). Как указывает Вонг, значительная часть классической социальной теории XIX в. была совершенно справедливо подвергнута критике по причине присущего ей евроцентризма. Однако альтернатива, которой отдают предпочтение нынешние «постмодернистские» ученые, — полный отказ от межкультурных сравнений и сосредоточение внимания почти исключительно на выявлении исторических фактов, которые отличает чрезвычайность, особенность характера и, возможно, неизвестность исторических моментов, делает невыполнимой даже задачу рассмотрения многих наиболее важных вопросов истории современности. Вместо этого более предпочтительным представляется атака на субъективные сравнения посредством более качественных. В какой-то мере это может быть сделано путем рассмотрения обоих объектов сравнения в качестве отклонений, если попытаться взглянуть на один объект через призму ожиданий другого, вместо того чтобы, как обычно и делается, брать один из объектов в качестве нормы. Именно подобного подхода я в основном и буду придерживаться, хотя конкретное использование данного метода взаимного сравнения и имеет существенные отличия от метода, практикуемого Вонгом. К тому же

---

12. Для ознакомления с недостатками цивилизаций в качестве единиц сравнений см.: Fletcher 1995: 3–7; Hodgson 1993: 17. По тому же вопросу относительно континентов см.: Wigen and Lewis 1997.

я намереваюсь использовать данный подход применительно к несколько иной проблематике<sup>13</sup>.

Этот редко практикуемый подход позволяет по крайней мере прийти к новым вопросам, дающим возможность взглянуть на разные части мира под новым углом. Например (и здесь я снова в целом соглашаюсь с Вонгом) мною будет выдвинуто утверждение о том, что целая серия пропорциональных сравнений указывает на ряд общих черт в сельскохозяйственном, коммерческом и протопромышленном (сюда относится, в частности, ремесленное производство для нужд рынка, а не собственного домохозяйства) развитии различных частей Евразии еще в 1750 г. Так, один только взрывной экономический рост, свойственный Западной Европе XIX в., требует объяснения прорывом. При этом ряд недавних публикаций демонстрирует тенденцию к принижению значения данного прорыва вследствие того, что их авторы ограничиваются сравнениями различных периодов европейской истории и поиском общих черт (вполне реальных) лишь в данной области. Работы эти зачастую едва выходят за рамки рассмотрения значимых факторов вклада в индустриализацию, в особенности конъюнктурных, которые могут быть восприняты как нечто само собой разумеющееся при проведении сравнений, ограничивающихся конкретными периодами европейской истории.

Стратегия двойного сравнения также обуславливает взаимосвязь между на первый взгляд различными вопросами. Тот момент, когда экономика Западной Европы превратилась в самую богатую экономику мира, не обязательно должен быть и тем моментом, когда она вырвалась из рамок мальтузианской системы и перешла к стабильности экономического роста на душу населения. Согласно большей части подходов, относимых мною к европоцентристским, Западная Европа стала в уникальной степени богатой задолго до промышленного прорыва. И если бы единственным вопросом, который мы ставили перед собой, оказался вопрос о том, смог бы Китай (или Индия, или Япония) осуществить свой собственный переход к условиям стабильности экономического роста на душу населения, то есть если мы стандар-

---

13. Так, по сравнению с Вонгом я уделяю гораздо большее внимание общемировым условиям и взаимному влиянию, а также не ограничиваю рассмотрение вопросов Европой и Китаем; кроме того, я почти не касаюсь некоторых из затронутых им вопросов (например, проблемы формирования государств), в то время как ряд вопросов, которым он уделяет незначительное внимание (например, климатические изменения), я рассматриваю более подробно.

тизируем европейскую историю и превратим ее в модель к реализации в условиях отсутствия препятствий или провалов, то вопрос о том, когда именно Европа вырвалась из рамок мальтузианской системы, был бы уже не слишком актуальным. В гораздо большей степени был бы значим тот факт, что Европа долгое время шла по пути, который в итоге и должен был привести ее к подобному прорыву. Между тем конкретные даты, когда Европа уже безо всяких сомнений была впереди остальных регионов мира, были бы неспособны поведать нам многое о прочих возможных путях развития европейского континента; рассказать они могли бы лишь о времени, когда остальные регионы мира пошли окольными путями, приведшими их к стагнации.

Однако если мы проведем взаимные сравнения и допустим вероятность того, что Европа могла превратиться в то, чем стал Китай, то есть предположим, что в действительности ни один из европейских регионов не пережил резкого и стабильного экономического роста в расчете на душу населения, связь между двумя рассматриваемыми единицами окажется более тесной. Если же мы пойдем дальше (что и будет сделано мною в последующих главах) и выдвинем утверждение о том, что в XVIII в. некоторые регионы мира были почти столь же близки, как и Европа, к получению максимальной выгоды от доступных им экономических возможностей, хотя им и не удалось преодолеть проблему нехватки соответствующих ресурсов (в отличие от Европы, которой помогли добыча ископаемого топлива и наличие колоний Нового Света), то связь между двумя рассматриваемыми единицами станет еще более тесной.

Тем не менее они по-прежнему четко отличимы друг от друга: разница, например, в климате, богатстве почв могла обусловить для разных территорий наличие в доиндустриальный период разных возможностей. При этом представляется маловероятным, чтобы относительно всех прочих густонаселенных территорий у Европы было какое-то существенное преимущество в реализации данных возможностей, особенно в силу приведенных далее свидетельств, дающих основание предполагать, что экономическая ситуация в Европе значительно улучшилась по сравнению с ситуацией в Восточной Азии лишь в тот момент, когда индустриализация шла уже полным ходом. Или же может оказаться, что, хотя Европа и не вырвалась вперед относительно Восточной Азии вплоть до момента, ознаменовавшего начало индустриализации, она уже имела в своем распоряжении ряд институтов, которые делали процесс индустриализации неизбежным, что даже

без ресурсов Америки и удобно расположенных запасов ископаемого топлива уровень технологического развития Европы был уже достаточным, для того чтобы обеспечить стабильный рост и в условиях нехватки любых собственных ресурсов не прибегать к решениям чрезвычайного трудоемкого характера, которые помогли добиться стабильного среднего экономического роста в других частях света, но не стабильности экономического роста на душу населения. Однако серьезные предположения, вытекающие из подобного утверждения о неизбежности процессов, порождают сомнения при сравнении Европы со стандартом, в качестве которого могут выступать прочие экономики доиндустриальной эпохи, в особенности в силу того, что в течение последних столетий, предшествовавших индустриализации, Европа не отличалась стабильностью и мощью экономического роста в расчете на душу населения. Таким образом, двойные сравнения не только поднимают новые вопросы, но и трансформируют взаимосвязь между старыми.

Именно поэтому в настоящей книге упор будет сделан на сравнения между отдельными *частями* Европы и частями Китая и Индии, которые, по моему мнению, находились в схожем положении относительно собственных континентальных миров. Мы еще вернемся к сравнению отдельных континентов и еще более крупных единиц, таких, например, как страны бассейна Атлантического океана, по мере того как это будет требовать рассмотрение тех или иных вопросов, например экономических центров соответствующих территорий. В ряде же случаев в качестве единицы сравнения нам понадобится весь мир, что потребует совершенно иного сравнительного подхода, определенного Чарльзом Тилли как внутреннее сравнение, при котором вместо сравнения двух отдельных объектов (как это делается в рамках классической социальной теории) мы сравниваем две части единого целого и пытаемся определить, как именно положение и функционирование каждой из частей системы влияют на ее природу<sup>14</sup>. На данном уровне, которому я уделяю больше внимания, нежели Вонг, сравнение и анализ взаимосвязей становятся неотличимыми друг от друга. При этом никуда не уходит значимость двусторонности анализа. Наше понимание взаимодействующей системы, в которой одна ее часть получает преимущество по сравнению с другой, еще не оправдывает того, чтобы называть первую часть центром и предполагать, что она влияет на все

14. Tilly 1984.

остальное, не поддаваясь, в свою очередь, влиянию других частей. Вместо этого нам предстанут векторы влияния, действующие в самых разных направлениях.

### Вариации европоцентристской истории: демография, экология и накопление капитала

Утверждения о том, что экономика Западной Европы обладала уникальными чертами, позволившими осуществить промышленную трансформацию, можно обычно отнести к двум категориям. Согласно первой категории, типичной для которой является, к примеру, работа Эрика Джонса, Европа XVI–XVIII вв. ушла далеко вперед по сравнению с остальными частями света в накоплении как физического, так и человеческого капитала, несмотря на фасад «доиндустриальной» схожести между нею и остальным миром<sup>15</sup>. Центральная догма данной категории взглядов заключается в том, что различные обычаи, ограничивающие рост населения (поздние браки, безбрачие служителей церкви и т. п.), позволили Европе избежать предшествующего современной эпохе «режима высокой рождаемости», характерного для прочих частей света, и, соответственно, столь же присущих прочим частям света условий, когда рост населения поглощал практически весь прирост производства. Как следствие, Европа оказалась единственным регионом, способным адаптировать свою рождаемость к сложности текущей ситуации и увеличить в долгосрочном плане свои объемы капитала не только в абсолютном выражении, но и в расчете на душу населения.

Таким образом, различия в демографическом и экономическом поведении обычных крестьян, ремесленников и торговцев привели к созданию Европы, которая оказалась способной прокормить еще большее число лиц, не занятых в сельском хозяйстве, снабдить своих жителей более совершенными орудиями производства (включая увеличившееся поголовье скота), предоставить им более полноценное питание, обеспечить им более высокий уровень здоровья и сделать их работу более продуктивной, а также создать огромный рынок товаров, которые не ограничивались лишь товарами первой необходимости. Центральные аргументы, подкрепляющие данную позицию, были выдвинуты более 30 лет назад Джоном Хайналом<sup>16</sup>. С тех пор они

15. Jones 1981, 1988.

16. Hajnal 1965, 1982.

были доработаны, но изменились несущественно. Тем не менее, как мы убедимся в главе 1, последние труды по уровню рождаемости, продолжительности жизни и прочим демографическим показателям Китая, Японии и Юго-Восточной Азии (здесь показатели отличаются меньшей достоверностью) заставляют то, что Хайнал полагал исключительно европейскими достижениями, выглядеть все в большей степени заурядным.

Значимость данных выводов еще не была полностью осмыслена, однако они были частично приняты к вниманию при одном из последних уточнений к демографической истории, а именно в признании того факта, что доиндустриальной истории неевропейских территорий были также свойственны экономические бумы и повышение уровня жизни населения. Однако они всегда рассматриваются в качестве временных явлений, которые либо сходили на нет по причине изменений в мерах государственной политики, либо исчерпывали себя вследствие того, что направленные на повышение производительности нововведения оказывались неспособными справиться с демографическим давлением, ставшим результатом роста населения, который стимулировало повышение уровня жизни<sup>17</sup>.

Подобные выводы представляют собой значительный прогресс на фоне более ранних публикаций, которые открыто либо косвенно утверждали, что вплоть до европейского экономического прорыва в ранний период Нового времени по всему миру царила бедность, а уровень накопленных капиталов был минимальным. Среди прочего они заставили специалистов обратить внимание не только на «восход Европы», но и на «упадок Азии»<sup>18</sup>. Тем не менее такие взгляды на историю зачастую отличаются анахроничностью по крайней мере в двух важных моментах.

Во-первых, придерживающиеся данных взглядов специалисты слишком часто ищут корни экологических катастроф XIX и XX столетий, затронувших значительную часть Азии, и лежащей в их основе проблемы переизбытка населения в азиатских странах XVIII в. и предшествующих периодов, которыми, по их мнению, были исчерпаны все доступные им возможности. Некоторые из них приписывают подобный феномен всем регионам, составлявшим в 1800 г. искусственную единицу, называемую Азией. Однако, как мы удостоверимся, в Индии, Юго-Восточной Азии и даже в некоторых частях Китая было достаточно про-

17. Jones 1988; Elvin 1973; Powelson 1994.

18. Abu-Lughod 1989; Frank 1998.

странства для размещения дополнительного населения без значительного совершенствования технологий или обязательного снижения уровня жизни. Вполне вероятно, что о серьезности ситуации следует говорить лишь применительно к некоторым районам Китая и Японии.

Во-вторых, по мнению данных специалистов, те невероятные трофеи, которые достались европейцам в результате завоевания Нового Света, зачастую становились естественной частью европейской истории. Некоторые ученые приравнивают заморскую экспансию к естественному расширению границ внутри самой Европы (здесь в пример можно привести расчистку и заселение венгерских долин, Украины или германских лесов). Подобные взгляды полностью игнорируют исключительность масштабов неожиданно свалившихся на европейцев богатств Нового Света, чрезмерную жестокость колонизации и организации производств в колониях, а также роль динамики мировых процессов в обеспечении успеха европейской экспансии в Америке<sup>19</sup>. Расчистка земель под новые сельскохозяйственные угодья в Венгрии и Украине сравнима со схожими процессами в Сычуани, Бенгалии и многих других регионах Старого Света. Произошедшее же в Новом Свете весьма отлично от того, что имело место как в Европе, так и в Азии. Более того, поскольку Европе XIX в. удалось решить многие проблемы экологического характера за счет заморских территорий как путем получения ресурсов, так и отправки туда части населения в качестве колонистов<sup>20</sup>, редко учитывают тот факт, что перед густонаселенными европейскими центрами XVI–XVIII столетий стояли экологические проблемы, не сильно отличавшиеся от тех, с которыми пришлось столкнуться ключевым регионам Азии.

Таким образом, публикации, исследующие вопрос упадка Азии, делают это при помощи излишне упрощенного контраста между исчерпавшими свои экологические ресурсы Китаем, Японией и (или) Индией, с одной стороны, и Европой, которой было куда расширяться, — с другой. При этом на стороне Европы, согласно одной из формулировок, было «преимущество отставания»<sup>21</sup>, поскольку она не была еще достаточно развита, чтобы требовать полномасштабной эксплуатации собственных ресурсов.

19. См., например: Jones 1981: 70–74.

20. Crosby 1986: 2–5, 294–308.

21. Frank 1998: 283 на основе утверждений Гершенкрона.

Я пытаюсь выйти за рамки подобных импрессионистских утверждений и предлагаю (см. главу 5) систематическое сравнение экологических проблем, свойственных ряду ключевых регионов Китая и Европы. Настоящим исследованием демонстрируется тот факт, что, хотя некоторые части Европы XVIII в. и обладали по сравнению с соответствующими территориями Восточной Азии рядом преимуществ экологического характера, общая картина представляется не столь уж однозначной. Более того, ключевые китайские регионы по ряду параметров, включая объемы топливных ресурсов в расчете на душу населения, судя по всему, намного превосходили соответствующие европейские территории. Более того, в Британии, где индустриализация собственно и началась, насчитывалось не так уж и много используемых не в полной мере ресурсов. В действительности она рассчитывала на ресурсы других частей Европы, и ее положение относительно наличия древесины, истощения почв и прочих экологических факторов было не лучше, чем положение сравнимого с ней китайского региона — Дельты Янцзы. Таким образом, если принять идею о том, что рост населения и его влияние на экологию привели к упадку Китая, следует признать, что и внутренние процессы Европы подвели ее к самому краю той же пропасти. Но она была спасена благодаря заморским ресурсам и прорыву английских технологий в использовании подземных источников энергии (частично обусловленному их удачным расположением). Если же считать, что Европа еще не испытывала кризиса, то, скорее всего, не испытывал его и Китай.

Выдвигая подобное утверждение, настоящая книга перекликается с рядом утверждений посвященного вопросам мирового развития труда Сугихары Каору, с которым я ознакомился уже на последних этапах работы над рукописью, что не позволило мне отразить его положения достаточно подробно<sup>22</sup>. Так же как и я, Сугихара подчеркивает тот факт, что высокий прирост населения в Азии между 1500 и 1800 гг. не следует рассматривать в качестве патологического явления, воспрепятствовавшего ее развитию. Наоборот, утверждает он, это явилось «восточноазиатским чудом», способствовавшим поддержанию уровня жизни населения, созданию новых навыков, что делает его полностью сравнимым с экономическими достижениями такого «европейского чуда», как индустриализация. Сугихара также подчеркивает высокий уровень жизни в Японии и (по его мнению, в меньшей сте-

22. Sugihara 1996.

пени) в Китае в XVIII в., а также развитость институтов, позволивших добиться благотворных экономических результатов в отсутствие государственных гарантий собственности и исполнения договорных обязательств, которые, по мнению многих западных специалистов, являются неперенным условием функционирования рынков<sup>23</sup>. Сугихара также утверждает (с чем я вновь согласен, хотя данный вопрос и выходит за рамки настоящей книги), что в долгосрочном плане крупнейший вклад в мировой валовый продукт был сделан благодаря сочетанию западноевропейского и восточноазиатского типов экономического роста, позволившему применению западных технологий в обществах с гораздо более высокой численностью населения, а не благодаря простому распространению западных достижений.

При этом Сугихара выдвигает предположение о фундаментальном различии между «западноевропейским и восточноазиатским чудом», имевшим место еще в 1500 г., когда Западная Европа пошла путем капиталоемкого развития, а Восточная Азия — трудоемкого. В отличие от него я на основе неожиданно открывшихся общих черт даже в 1750 г. и в связи с моей решимостью подойти к вопросу, почему Англия не стала второй Дельтой Янцзы, столь же серьезно, как и к вопросу, почему Дельта Янцзы не стала второй Англией, полагаю, что Европа тоже могла пойти восточноазиатским путем трудоемкого развития. То, что этого не случилось, стало результатом значимых и резких скачков развития, в основе которых лежали ископаемое топливо и доступ к ресурсам Нового Света, избавившие Европу от необходимости более интенсивной обработки земли. Более того, существуют многочисленные указания на то, что часть регионов Европы шла именно путем более трудоемкого развития, однако ход событий XVIII и XIX столетий повернул данную тенденцию вспять. Мы можем найти соответствующие свидетельства в отдельных аспектах сельского хозяйства и протопромышленности различных регионов Европы (включая Англию) и почти в любых фактах, касающихся Дании<sup>24</sup>. Разница между Востоком и Западом,

---

23. При этом следует отметить, что в последние годы многие западные специалисты по истории экономики выказывают интерес к рассмотрению институциональных условий, облегчивших обеспечение исполнения договорных обязательств и таким образом позволивших добиться эффективности рынка даже при отсутствии значительных государственных гарантий в обеспечении прав собственности. Для ознакомления с обзором проблематики см.: Greif 1998: 597–633.

24. См., например: Ambrosoli 1997; Levine 1977; Kjaergaard 1994.

сформировавшаяся вокруг вопроса трудоемкого развития, была не принципиальной, хотя и в значительной мере зависящей от прочих обстоятельств: одним из ключевых факторов предста-ет распределение прироста населения (противопоставляемого его среднего размеру), который, в свою очередь, сильно связан с *перекосами* рыночных процессов в Европе XVI–XVIII вв. и с миграцией в Новый Свет в XIX в.

В Китае и Японии основной прирост населения в период после 1750 г. пришелся на менее развитые районы, которые в то время могли похвастаться лишь небольшими излишками урожая зерновых, древесины, хлопка-сырца и прочих продуктов земледельческого производства, необходимых для обеспечения торговли с голодными на ресурсы центрами. А поскольку часть растущего населения периферийных районов оказалась занята в протопромышленности, то потребность данных районов в торговле с центральными была не слишком выраженной. В Европе же значительный прирост населения в период между 1750 и 1850 гг. пришелся главным образом на районы, уже отличавшиеся относительно развитой экономикой и значительным числом жителей. Так, большая часть Восточной Европы испытала быстрый прирост населения лишь после 1800 г., а Южная Европа (прежде всего ее юго-восточная часть) и того позже. Более подробно политико-экономические и экологические основы данных различий и их значимость для индустриализации будут рассмотрены в главах 5 и 6. Пока же следует подчеркнуть, что это не те различия, которые отражают более серьезную по сравнению с Европой *общую* нехватку ресурсов в Восточной (в меньшей степени Южной) Азии. Теперь перейдем от утверждений об объемах наличных ресурсов, как накопленных, так и еще не разрабатываемых, к утверждениям о том, что европейскими институтами осуществлялось такое *распределение* ресурсов, которое в большей степени благоприятствовало долгосрочному самоподдерживающемуся росту экономики.

### Прочие элементы европоцентристской истории: рынки, фирмы и институты

Второй группой утверждений, представленных в несколько ином виде в работах Фернана Броделя, Иммануила Валлерстайна и Кирти Чаудхури и в совершенно другом виде в публикации Дугласа Норта, уделяется меньше внимание *уровню* благосостояния. Вместо этого авторы этих работ концентрируют внимание на появлении в Европе (или некоторых ее регионах) раннего Нового

времени институтов, более благоприятных для развития экономики, чем институты, существовавшие в других регионах мира. Как правило, в фокусе внимания данных утверждений — становление эффективных рынков и систем защиты прав собственности, вознаграждавших тех, кто был способен найти наиболее продуктивные пути использования земли, труда и капитала. Часто, хотя и не всегда, данные утверждения сопровождаются предположением о том, что в других регионах мира, особенно в Китае и Индии, экономическому развитию препятствовало государство, либо слишком сильное и враждебно настроенное по отношению к частной собственности, либо слишком слабое для защиты совершенствующих производства предпринимателей в случаях, когда они шли против местных обычаев, духовенства или знати<sup>25</sup>.

Потенциально совместимой с данными утверждениями, хотя и сильно отличающейся от них, является публикация Роберта Бреннера, который видит в различиях в развитии отдельных частей Европы результат классовой борьбы, приведшей к изменениям форм собственности. Согласно Бреннеру, западноевропейские крестьяне вышли победителями из первого раунда противостояния со своими господами, имевшего место в течение примерно столетнего периода после эпидемии чумы, известной как черная смерть, добившись отмены крепостной зависимости. Крестьяне Восточной Европы борьбу проиграли, и в течение последующих столетий господствующий класс только усиливал их эксплуатацию, пренебрегая модернизацией сельского хозяйства и трудосберегающими нововведениями. Между тем, продолжает Бреннер, в Западной Европе начался второй раунд противостояния со знатью, которая теперь владела лишь землей и пыталась добиться права распоряжаться ею в целях получения максимальной прибыли зачастую посредством избавления от малопродуктивных или лишних арендаторов. Французская элита, согласно Бреннеру, эту борьбу проиграла, и в итоге Франция увязла в сельскохозяйственной системе, основу которой составляли миллионы мелких землевладельцев, не способных к технологическим нововведениям и не слишком в них заинтересованных, поскольку в результате подобных нововведений необходимость в части данных землевладельцев попросту отпала бы. В Англии же знать победила, вложив средства в нововведения, позволившие сократить часть трудовых затрат, и избавившись

25. Wittfogel 1957; Jones 1981: 66–67, 118, 125; Jones 1988: 130–146; Mokyr 1990: 233–234, 256–260; Мокир 2014: 366–367, 400–406; Powelson 1994.

от огромного числа ненужных теперь работников. По крайней мере часть этих бывших земледельцев со временем превратилась в рабочую силу английской промышленности, приобретавшую продукты питания из того, что являлось излишками сельскохозяйственного производства, получение которых стало возможным благодаря изгнанию работников с земли и которые теперь предлагали их бывшие хозяева.

Согласно Бреннеру, движущей силой данной истории выступает именно классовая борьба, а не воздействие со стороны факторов мальтузианской природы и не естественное зарождение более совершенных рынков; тем не менее направление движения остается схожим. Насколько то или иное общество способно приблизиться к неоклассическим моделям, определяется то, насколько продуктивным оно будет впоследствии. Так, предполагается, что *результатом* крайне радикального разделения земли и рабочей силы, ставших при этом товарами в наиболее полной степени, в Англии было появление самой динамичной экономики. Как ни странно, но здесь Бреннер перекликается с мнением Дугласа Норта, который, хотя и отмечая классовую борьбу в качестве объяснения становления систем частной собственности, тоже утверждает, что способность экономик к росту повышалась с развитием все более конкурентоспособных рынков превратившихся в товар земли, труда, капитала и интеллектуальной собственности.

В основе утверждений как Норта, так и Бреннера лежат институциональные условия, в которых работало значительное большинство населения, — рынки поденной работы, аренда земли и изделий, которые рядовым людям и производились, и потреблялись. В этом они схожи и даже совпадают с рассмотренными выше утверждениями, согласно которым европейцам доиндустриального периода уже были свойственны уникальные благополучие и производительность.

При этом внимание другой значительной группы утверждений, касающихся институциональных условий, а именно выводов Броделя и его школы, в большей степени сконцентрировано на доходах, накопленных небольшим числом крайне зажиточных лиц; институты, облегчившие подобный вид накопления, были зачастую связаны с наличием особых привилегий, противоречивших принципам неоклассических рынков. Как следствие, данной группой ученых было выказано повышенное внимание к доходам, в основе которых лежало применение силы и сговор. А поскольку многие из крупных торговцев, оказавшихся в фоку-

се их внимания, были вовлечены в товарообмен с другими странами, данная группа ученых в гораздо большей степени сконцентрировалась на вопросах международной политики и отношениях Европы с другими регионами мира. Рост товарообмена между феодальной Восточной Европой и капиталистическим Западом континента рассматривается как самое настоящее зарождение мировой экономики прежде всего Валлерстайном, подчеркивавшим, что накопление доходов в центре данной экономики, которому были свойственны свободные рабочие ресурсы, требовало постоянного наличия бедной периферии, для которой, как правило, были характерны рабочие ресурсы, занятые принудительным трудом.

Тем не менее движущей силой истории Западной Европы, согласно Валлерстайну, является уникальное сочетание относительно свободной рабочей силы, многочисленного и продуктивно работающего городского населения, торговцев и правительств, способствовавших развитию заокеанской торговли и повторному инвестированию прибыли. Международное разделение труда, ставшее результатом данной торговли, привело к усилению разницы в благосостоянии между Западной Европой и остальным миром, поскольку на перифериях усиливалась специализация в товарах, для производства которых дешевая, зачастую насильственно принуждаемая к труду рабочая сила была более важна, чем орудия и институты, необходимые для достижения высокой производительности. При этом подобное разделение труда было основано на уже существовавших различиях социально-экономической природы, которые в первую очередь и позволили Западной Европе навязывать свою волю остальным регионам мира.

### Недостатки европоцентристской истории

Автор настоящей работы черпает свою аргументацию в вышеуказанных утверждениях, главным образом принадлежащих перу институционалистов, однако в итоге выдвигает предположения иного рода. Во-первых, независимо от того, насколько далеко во времени мы можем сдвинуть дату зарождения капитализма, собственно *промышленный* капитализм, в рамках которого крупномасштабное использование неодушевленных источников энергии позволило избавиться от ограничений, свойственных доиндустриальному миру, зарождается лишь в XIX в. Есть немного оснований предполагать, что до этого момента экономика Западной Европы имела сколько-нибудь решительное преимущество

либо в объемах капитала, либо в развитии экономических институтов, которое указывало бы на высокую вероятность индустриализации там и на малую — где-либо еще. Основанный на рыночных механизмах экономический рост ключевых регионах Западной Европы в предшествующие столетия был в достаточной степени реальным и, без сомнения, одним из главных предвестников индустриализации, однако, вполне вероятно, что он способствовал промышленным преобразованиям ничуть *не больше*, чем крайне схожие процессы коммерциализации и «протопромышленного» развития, имевшие место в ключевых регионах Азии<sup>26</sup>. Принципы научно-технического развития, формировавшиеся в Европе раннего Нового времени, были непривычны в большей степени, однако, как мы удостоверимся, сами по себе они еще не гарантировали того, что Западная Европа окажется на фундаментально ином экономическом пути, чем, к примеру, Восточная Азия.

Во-вторых, вне границ Британии проявления европейской индустриализации оставались ограниченными по крайней мере до 1860 г. Таким образом, утверждать о существовании «*европейского чуда*», в основе которого лежат свойственные Западной Европе характеристики, довольно рискованно уже по причине того, что черты, общие для Западной Европы, были в равной степени представлены и в других регионах Евразии.

В части 1 настоящей книги подвергаются сомнению различные утверждения о том, что еще в период до 1800 г. Европе было свойственно экономическое преимущество, достигнутое за счет внутренних ресурсов. Вместо этого ей предлагается картина значительной схожести между наиболее густонаселенными и коммерчески развитыми территориями Старого Света. В главе 1 на основе характеристик различных регионов демонстрируется тот факт, что до 1800 г. у Европы не было критического преимущества в накопленном физическом капитале и что она была ничуть не более свободна от мальтузианских проблем (а значит,

---

26. По мнению Сугихары и Хайаи (Науами 1989), промышленная революция и так называемая революция трудолюбия расходятся по разным путям уже в XVII в. Арриги относит этот момент к XVIII в. Несмотря на наличие указаний на существование подобного расхождения уже в тот период, мною выдвигается утверждение о том, что оно завершилось лишь с началом XVIII в., когда благодаря доступу к ресурсам Нового Света и углю стало ясно, что развитие на основе интенсивного использования земли и ресурсов сможет оставаться стабильным в течение весьма продолжительного времени.

не имела и более благоприятных инвестиционных возможностей), чем многие другие экономики сопоставимого масштаба. Судя по всему, продолжительность и уровень жизни населения других регионов мира не уступали европейским показателям, и население это было в равной степени настроено и способно ограничивать рождаемость в интересах накопления капитала на уровне домохозяйства. Во второй части главы рассматривается вероятность ключевого технологического преимущества Европы еще в период, предшествовавший промышленной революции. Здесь мы действительно в состоянии выявить значимые отличия, однако они имели бы менее масштабный, смещенный во времени и, вероятно, количественно иной эффект, если бы не удачные географические открытия, сыгравшие важнейшую роль в энергетической революции, и не привилегированный доступ Европы к ресурсам заморских территорий. Технологическая изобретательность была необходима для промышленной революции, однако она не была достаточным условием или исключительно европейской особенностью. Остается неясным, были ли различия в *уровне* технологической изобретательности ключевыми для возможности вырваться из мальтузианского мира (технологические прорывы могли бы попросту оказаться перераспределены по несколько более продолжительному временному промежутку), однако не вызывает сомнений тот факт, что различия между регионами мира, позволившие Европе решить свои ресурсные проблемы и соответственно сделавшие нововведения в определенных областях (использовании земли и энергии, трудосбережении) плодотворным и даже саморазвивающимся процессом, были достаточными.

В главе 2 рассматриваются рынки и рыночные институты и предлагается соответствующее сравнение прежде всего Западной Европы и Китая. Данная глава демонстрирует, что западноевропейские рынки земли, труда и товаров даже в 1789 г. в целом были, вероятно, *более* далеки от рынков идеальной конкуренции, то есть, скорее всего, они были в меньшей степени представлены достаточно большим числом покупателей и продавцов, имеющих возможность свободного выбора среди большого числа потенциальных торговых партнеров, чем аналогичные рынки большей части Китая, и соответственно в меньшей степени подходили для процесса экономического роста, прогнозируемого Адамом Смитом. Я начинаю со сравнения законодательства и обычаев, касающихся регулирования вопросов владения землей и ее использования, а также со сравнения возможностей сельскохозяйственных

производителей по выбору потенциальных покупателей своей продукции. Следующий раздел главы 2 посвящен вопросам рабочих ресурсов — масштабам подневольного труда, ограничениям (или поощрению) трудовой миграции, ограничениям на смену вида деятельности и т. д.

В последнем и наиболее сложном разделе главы 2 рассматриваются взаимоотношения между домохозяйствами как потребительскими единицами и как институтами распределения труда, в частности женского и детского. Рядом ученых были выдвинуты утверждения о том, что китайские семьи были в большей степени, чем западноевропейские, склонны к тому, чтобы заставлять женщин и детей трудиться сверх того, когда их предельная производительность падала ниже прожиточного уровня, что привело к появлению «инволютивной экономики». Я продемонстрирую, что полагать так серьезных оснований нет<sup>27</sup>. Скорее распределение труда в китайских семьях в большей степени напоминает переориентацию труда, досуга и потребления в сторону рынка, названную Яном де Фрисом европейской «революцией трудолюбия»<sup>28</sup>. Иными словами, в 1750 г. экономические центры Китая и Японии напоминают собой наиболее развитые части Западной Европы, сочетая сложные системы сельского хозяйства, торговли и немеханизированной промышленности схожим, а возможно, и более совершенным по сравнению с последней образом. Соответственно, причины их последующего расхождения следует искать за пределами данных территорий.

### Менее европоцентристский взгляд на историю

Часть 2 глав 3 и 4 посвящена анализу деятельности, направленной на выживание человека, и рассмотрению новых видов потребительского спроса, сопровождавших их культурных и институциональных изменений, а также вероятности того, что различия в спросе оказали самое непосредственное влияние на производство (глава 3). Здесь мы видим отличительные черты, сделавшие Китай, Японию и Западную Европу непохожими на другие регионы мира и в гораздо меньшей степени — непохожими друг на друга. Различия между обществами данных регионов как в количестве имевшихся товаров, так и в потребительском поведении, судя

27. Huang 1990: 11–17; для ознакомления со схожим мнением см. также: Goldstone 1996.

28. de Vries 1994b.

по всему, были невелики и не слишком определены. (Например, можно почти с полной уверенностью сказать, что в середине XVIII в. китайцы потребляли больше сахара, чем европейцы, и что население Дельты Янцзы производило столько же предметов одежды на душу населения в 1750 г, сколько и британцы в 1800 г.) Институты же во всех указанных регионах (при этом не обязательно и в других странах), судя по всему, были таковы, что рост производства самым естественным образом привел к созданию спроса, хотя существует меньше уверенности в том, что повышение спроса привело к росту предложения. И, наконец, на различия в потребительском поведении, сыгравшие на руку Европе, самое серьезное влияние оказали внешние факторы, такие, например, как добыча в Новом Свете серебра и спрос на него в странах Азии, которая, в свою очередь, наводнила Европу своими экзотическими товарами, а также система производства, в основе которой лежали плантации Нового Света и использование рабского труда.

В свою очередь, глава 4 обращается к тем самым торговцам и производителям, которые наполняли рынки товарами «новой роскоши», представленными в главе 3, идет ли речь об импортируемых товарах, их копиях (например, веджвудском фарфоре) или оригинальных европейских изделиях. Здесь мы отойдем от типичного домохозяйства и тех рынков земли, труда и потребительских товаров, участником которого оно выступало. Вместо этого обратимся к субъектам более крупного масштаба, рынкам последнего производственного фактора, капитала, и утверждениям об особенностях европейского капитализма. Таким образом, мы отойдем от обсуждения тех институциональных вопросов, которые сосредоточены лишь на развитии, как предполагается, более совершенных европейских рынков, и обратимся вместо этого к утверждениям, которые в гораздо большей мере учитывают наличие внешних связей, выявляют преимущества тех или иных субъектов в условиях несовершенной конкуренции и уделяют больше внимания принудительным действиям неэкономического характера.

В главе 4 отвергаются различные утверждения о том, что получение европейскими торговцами ключевого преимущества в накоплении капитала явилось результатом либо общей структуры общества, либо законодательства в области коммерческой собственности, которые или защищали данный капитал от посягательств со стороны государства, или же делали возможным рациональное его использование. Хотя некоторые финансовые активы и могли быть более четко выражены и в большей степени защищены в Европе (или по крайней мере в Англии, Голландии

и городах-государствах Италии), подобные различия слишком незначительны, чтобы учитывать их в качестве весомых аргументов, как это делают Фернан Бродель, Кирти Чаудхури и Дуглас Норт. И еще более затруднительным представляется их связь с ранними этапами промышленной революции, не отличавшимися достаточной капиталоемкостью. При этом некоторые крупные китайские компании были в состоянии регулярно привлекать большой капитал, достаточный для реализации серьезных технических инноваций в эру, предшествующую строительству железных дорог.

Возможно, что процентные ставки в странах Западной Европы были ниже ставок в Индии, Японии или Китае, однако в действительности крайне трудно доказать, что данный фактор оказал серьезное влияние на относительные темпы сельскохозяйственного, коммерческого и протопромышленного роста, и еще труднее доказать значимость их влияния на ранних этапах развития механизированной промышленности. И здесь показателен тот факт, что там, где якобы более совершенным коммерческим организациям европейцев приходилось соперничать с торговцами из прочих регионов Старого Света без применения оружия, каких-либо преимуществ ими проявлено не было. Серьезное преимущество у финансовых институтов Европы, поддерживаемых системой соперничающих друг с другом и залегающих в долги государств, проявлялось лишь в заморской колонизации и *военизированной* торговле.

Еще более важным, как считал и сам Бродель, является то, что в XVIII в. капитал не был особенно дефицитным фактором производства<sup>29</sup>. В перспективе гораздо более серьезными препятствиями для дальнейшего роста стали проблемы обеспечения энергией, а в конечном счете и дефицит земельных площадей (в частности, сокращающиеся леса экономических центров Евразии). Развитие происходило таким образом, что объемы и трудовых ресурсов, и капиталов значительно превышали возможности земли. Причем производство любого из четырех неперменных средств существования, определяемых Мальтусом, — еды, волокон (одежды), энергоносителей и строительных материалов, по-прежнему требовало наличия земли.

В некоторой мере за счет использования труда и капитала можно было создать дополнительные площади сельскохозяйственных угодий (мелиорация) или добиться большего плодородо-

29. Braudel 1977: 60; Бродель 1993: 65; de Vries 1976: 210–214.

дия земель посредством ирригации, удобрения или сверхтщательной прополки, однако данные варианты существенно уступали возможностям химической промышленности XIX в. При этом возможности труда и капитала в производстве энергоносителей и строительных материалов в период, предшествующий массовой разработке ископаемого топлива, были сильно ограничены. Таким образом, даже если у Европы и было преимущество в возможностях объединения капитала, его было недостаточно для преодоления сдерживающих факторов экологического характера, имевших место во всех наиболее развитых протопромышленных регионах. При этом несомненен тот факт, что даже в Европе можно найти немало примеров богатых капиталом, но достаточно поздно вступивших на путь индустриализации регионов, чтобы поставить под сомнение взаимосвязь между накоплением значительных капиталов и непременным переходом к индустриализации. Очевидными примерами здесь являются Северная Италия и Голландия, несмотря на все совершенство их коммерческих экономик, а также Испания, где большой приток серебра в менее развитую экономику мог стать причиной отсрочки ее роста<sup>30</sup>.

Систематической оценки того, как именно его мнение об относительном изобилии капитала в период до 1800 г. могло отразиться на объяснениях особенности Европы, Бродель не проводил; вместо этого он обратился к непроверенным утверждениям о большей надежности европейских капиталов<sup>31</sup>. Тем не менее утверждения Броделя способны обратить наше внимание на проблему заокеанской торговли и на феномены — государства, колониальные предприятия и нерыночную добычу ресурсов, которые, как я полагаю, сыграли гораздо более значимую роль в европейском прорыве, чем это признается большинством последних исследований. В частности, я попытаюсь подкрепить утверждение о том, что, хотя сами по себе ни новые формы собственности, появившиеся в Европе раннего Нового времени (например, корпорации и различные виды акционерных притязаний на будущие потоки прибыли), ни меры внутренней политики соперничающих друг с другом и жадных до дохода европейских государств не обеспечили в период до 1800 г. наличия в Европе существенно более благоприятных для производственной деятельности условий, проекция межгосударственного

30. Flynn 1984; Hamilton 1934.

31. Braudel 1977: 60–75; Бродель 1993: 65–80.

соперничества на зарубежные территории оказалась фактором значимым. Как результат, акционерные предприятия и лицензированные монополии получили уникальные преимущества в военизированной заокеанской торговле и создании ориентированных на экспорт колоний — деятельности, требовавшей уникальных для той эпохи вложений капитала при готовности ждать прибыль относительно долгое время. Когда мы связываем данное понимание европейского капитализма, в рамках которого поддержка со стороны государства и право на использование силы и захват рынков были делом само собой разумеющимся, с идеей о том, что развитые рыночные экономики повсеместно столкнулись с разрастающимися экологическими проблемами, мы приходим к совершенно новому пониманию того, в чем именно заключались наиболее значимые отличия Европы.

Далее в части 3 глав 5 и 6 представлены принципы нового видения взаимоотношений внутренних и внешних факторов в истории развития Европы. Часть 5 начинается с утверждения о наличии серьезных экологических препятствий для *дальнейшего* экономического роста во всех густонаселенных, живущих по рыночным принципам и коммерчески развитых регионах Евразии. Препятствия эти не были остры на столько, чтобы вызвать серьезную нехватку продовольствия, проявившись в нехватке энергоносителей и строительных материалов и в некоторой степени в дефиците волокна и снижении плодородности земель. После рассмотрения данных проблем в последней части главы 5 переходим к анализу предпринятых всеми экономическими центрами попыток решения вопроса нехватки указанных ресурсов через торговлю с менее густонаселенными районами Старого Света. В настоящей публикации выдвигается утверждение о том, что подобная торговля была не в состоянии решить этот вопрос в полной мере. Одной из причин стала высокая себестоимость транспортировки в эпоху, предшествующую появлению паровой тяги. Другие причины уходят корнями в политическую экономию многих периферийных регионов, свойственный им относительно низкий уровень спроса и соответствующие трудности поддержания обмена основных промышленных изделий на сырье без наличия либо колониальной системы, способной обеспечить подобный обмен, либо более существенных межрегиональных различий в производительности промышленной сферы, часто обусловленных факторами относительно стационарной природы, такими, например, как созданное на основе новых технологий производ-

ственное оборудование, и проявившихся в конце XIX в. и в последующих периодах.

В главе 6 рассматривается имевшее место в период индустриализации существенное сглаживание остроты свойственной Европе проблемы нехватки земли. Здесь также кратко рассматривается переход от использования древесины к углю — важный фактор, который, однако, достаточно хорошо освещен другими авторами. После чего предлагается анализ ослабления остроты экологических проблем, ставшего возможным благодаря связям Европы с Новыми Светом. Подобное ослабление было обусловлено не только природными богатствами Нового Света, но и тем, что работорговля и прочие аспекты европейских колониальных систем создали новый *вид* периферии, что позволило Европе обменивать постоянно растущие объемы промышленного экспорта на постоянно растущие объемы продуктов земледельческого производства.

Последствия использования рабского труда были важной частью данной взаимодополняемости на протяжении всего раннего периода индустриализации. Плантации Нового Света закупали рабов за рубежом, при этом производство продукции для собственных нужд часто было ограниченным. Соответственно рабовладельческие регионы импортировали гораздо больше товаров, чем, скажем, Восточная Европа или Юго-Восточная Азия, где работники, участвующие в производстве идущей на экспорт сельскохозяйственной продукции, были уроженцами соответствующих местностей, удовлетворяли большинство своих основных потребностей самостоятельно и располагали лишь незначительными денежными средствами, что сильно ограничивало их покупательную способность.

Зона плантационного производства также сильно отличалась и от периферийных регионов, например внутренних районов Китая, для которых был характерен свободный труд. Восточно-азиатским производителям, которые осуществляли поставки в другие местности и страны риса, древесины и хлопка-сырца, была свойственна большая покупательная способность по сравнению с земледельцами из регионов, где применялся рабский труд, а также большая гибкость и заинтересованность в реагировании на изменения внешнего спроса. При этом та самая система более или менее свободного труда, которая привела к созданию этих динамических периферий, давала возможность отказаться от видов деятельности, не приносящих хороших доходов.

Со временем данные регионы пережили значительный прирост населения, частично обусловленный повышением доходов, и развили собственную протопромышленность. Это привело как к снижению их потребности во ввозе промышленных изделий, так и к сокращению излишков сырьевых материалов, которые они могли вывозить.

В отличие от них плантации Карибского бассейна проявляли меньшую склонность к диверсификации своей продукции или снижению потребности в импорте рабов и продуктов питания. А поскольку Европа приобретала большую часть рабов, отправляемых в Новый Свет, в обмен на промышленные товары (прежде всего ткани), в то время как значительная часть зерна и древесины поставлялась на Карибские острова из колоний британской Северной Америки, позволяя данным колониям приобретать европейские товары, то потребности Нового Света в импорте, в том числе в зерне и людях, позволяли Европе использовать свои трудовые ресурсы и капитал для решения проблемы нехватки земли. Наконец, в главе 6 мы сможем убедиться и в том, что динамикой колониального периода была создана система притока в Европу ресурсов как из регионов, использовавших рабский труд, так и из регионов со свободным населением; приток этот в течение XIX в. только ускорялся, несмотря на завоевание колониями независимости от метрополий и освобождение рабов.

В главе 6 также показывается, каким образом долгосрочные отношения между центрами и периферией могли бы изменить значимость одного феномена, характерного для ключевых регионов Евразии. Речь идет о протоиндустриализации — массовом распространении немеханизированных отраслей, в которых были заняты главным образом трудящиеся из сельской местности, поставлявшие изделия на (зачастую отдаленные) рынки с помощью торговцев. Разработавшие данную концепцию специалисты по истории Европы не пришли к единому мнению относительно взаимосвязи между протоиндустриализацией и собственно индустриализацией. Некоторые из них полагают, что протоиндустриализация способствовала накоплению прибыли и (или) развитию ориентированной на рынок деятельности, специализации и интересу к изделиям, которые трудно было изготовить самостоятельно. Джозелом Мокиром было продемонстрировано (в утверждении, которое, как я считаю, вполне годится для описания ситуации в отдельных частях Азии по состоянию на 1750 г., а не только в рассматриваемых им европейских регионах), что формирование крупного пула псевдоизбыточных

трудовых ресурсов в протопромышленных отраслях могло послужить существенным вкладом в индустриализацию. Подобным утверждением снимается множество вопросов, которые возникают, если принять тот факт, что рабочая сила промышленности формировалась за счет «избыточных трудовых ресурсов» сельского хозяйства<sup>32</sup>.

Однако модель протоиндустриализации Мокира предполагает, что протопромышленные районы способны повышать объемы экспорта своих ремесленных изделий и импорта сельскохозяйственных товаров без влияния на относительные цены вне зависимости от территориальной принадлежности данных районов. Рассмотрение недостатков подобного утверждения помогает заострить внимание на другой стороне протоиндустриализации.

Обычно протопромышленный рост связывают со значительным повышением численности населения (хотя точная природа этой связи остается предметом жарких споров), а во многих случаях быстрый прирост населения в протопромышленных районах связывают с порочным кругом крайне низких ставок оплаты труда, роста объемов производства, обеспечиваемого трудящимися, которые пытаются приобретать достаточное количество еды и не владеют землей, и дальнейшего снижения ставок оплаты труда. Любые изменения относительных цен, ставшие результатом как роста населения протопромышленных районов, насыщающего экспортные рынки своими изделиями, но, в свою очередь, требующего ввоза все больших объемов продовольственных товаров, так и снижения внешнего спроса и предложения, данный процесс обнищания масс лишь усугубляют. Если же брать более широкую картину, то прирост населения независимо от его связи с протопромышленностью может стать серьезным бременем для земли, которая требуется для получения энергоресурсов, волокна и прочих необходимых для промышленного развития материалов. Если данные материалы не могут быть получены посредством торговли, то единственный способ обеспечения роста производства заключается в более интенсивной эксплуатации земли, что при имевшихся на тот момент технологиях означало повышение цен на сельскохозяйственную продукцию, снижение производительности из расчета на душу населения и замедление промышленного роста.

32. Mokyr 1976: 132–164; ср. с.: Lewis 1954: 139–191.

Свидетельства наличия серьезных сдерживающих факторов экологического характера и ускоряющегося обеднения многочисленных работников протопромышленной сферы и лишенных работы земледельцев есть во многих регионах Европы середины XVIII века в той же мере, что и сравнимых с ними регионах Китая и Японии, возможно, даже и в большей степени. Однако позднее, как я полагаю, Европа и Восточная Азия поменялись местами.

Так, Дельта Янцзы испытывала большие трудности с продажей необходимого количества тканей и ввозом соответствующих объемов продовольствия и древесины, чего требовал рост протопромышленного производства, а также необходимость поддержания относительно высокого уровня жизни занятых в нем работников. Причиной этого стали не какие-то внутренние недостатки данного региона, а тот факт, что территории, с которыми он вел торговлю, сами переживали рост населения и расцвет протопромышленности, что вело к снижению их взаимодополняемости. В какой-то мере Дельте Янцзы удалось компенсировать данное снижение, как и следовало ожидать от одного из ведущих регионов, за счет повышения добавленной стоимости своих изделий через специализацию в производстве тканей более высокого качества, однако этого оказалось недостаточно. Следует отметить, что в восьми-девяти макрорегионах Китая, каждый из которых превосходил по размеру большинство европейских стран, функционирование рынков происходило должным образом, побуждая население значительной части внутренних районов страны к тому, чтобы уделять больше времени производству тканей и сопутствующих изделий по мере того, как им осуществлялось заселение новых земель, вырубка лесов вдоль рек и т. п. Однако эти хорошо отлаженные региональные рынки и взаимозависимости вступали в противоречие с ростом общенациональных рынков китайской империи, особенно в период после 1780 г., что препятствовало экономическому росту одного-двух ведущих регионов и их способности избежать применения более трудоемких стратегий сохранности земель и производства землеемкой продукции. Таким образом, свобода и экономический рост периферий в отсутствие технологических изменений завели страну в целом к экономический тупик.

В отличие от Китая Северо-Западная Европа в период 1750–1850 гг. оказалась способна развивать беспрецедентную специализацию в производстве протопромышленных и промышленных изделий и превратить невероятный рост населения в один из сво-

их активов. Огромную роль в данном преобразовании сыграла, разумеется, и серия впечатляющих прорывов в технологиях промышленного производства, сделавших огромное количество относительно недорогих изделий доступными для обмена на землеемкие товары, и транспортного сообщения, что сильно облегчило процесс специализации. Однако это еще не вся история. Западная Европа оказалась способной увеличить свое население, промышленную специализацию и уровень потребления на душу населения (и это в тот момент, когда, по мнению многих, она была на краю экологической катастрофы) еще и благодаря тому, что ограниченность ее территорий неожиданно проявила себя более гибким и менее значимым фактором. Частично это стало возможным и по причине того, что вследствие институциональных ограничений значительная часть сельскохозяйственных ресурсов Западной Европы оставалась неиспользованной вплоть до Французской революции и проведения в Германии реформ в период после эпохи Наполеона; частично по причине того, что серьезные институциональные ограничения (прежде всего крепостное право) в Восточной Европе (сравнимой, к примеру, с регионами верхнего течения Янцзы или юго-запада Китая) привели к довольно сильному отставанию в экономическом развитии региона; частично по причине того, что в начале XIX в. в метрополиях получили распространение зародившиеся в колониях новые технологии землепользования. Здесь можно было бы утверждать, что, как следствие, вместо того чтобы идти новыми путями, Европа догоняла Китай и Японию в применении как передовых, так и посредственных способов агролесоводства. При этом трансформация Европы стала возможной и благодаря таким факторам, как обезлюдившие территории, работоторговля, спрос на серебро в Азии, колониальное законодательство и торговый капитализм, превратившим Новый Свет в практически неиссякаемый источник землеемкой продукции и точку применения относительно обильных ресурсов капитала и труда Западной Европы. Соответственно сочетание изобретательности, наличия рынков, применения силы и удачно складывающихся общемировых условий привело к прорыву в развитии стран Атлантического бассейна, в то время как начавшееся ранее расширение, судя по всему, более развитых рынков Восточной Азии завело соответствующие территории в экологический тупик.

Как следствие, глава 6 усматривает значимость трансатлантической торговли не в плоскости финансовой прибыли, накопления капитала или спроса на промышленные изделия — Европа

вполне могла добиться высокого уровня спроса на данные изделия и в рамках собственных границ<sup>33</sup>, а в плоскости того, насколько они смогли помочь с решением вопроса нехватки ресурсов—земли и энергии, в которых Европа испытывала недостаток. А поскольку она действительно ослабила остроту этих фундаментальных проблем, то эксплуатация Европой заморских территорий заслуживает того, чтобы ее наряду с переходом Англии на использование угля приравнивали к ключевым факторам, позволившим *избавиться* от проблем мальтузианской природы, вместо того чтобы приравнивать ее к развитию текстильной, пивоваренной и прочих отраслей, которые независимо от их вклада в накопление *финансового* капитала или развитие наемного труда вели к усугублению вопроса нехватки земли и энергии в ключевых регионах Западной Европы, а не к его разрешению. Предварительная попытка оценить важность неожиданной удачи в разрешении экологических проблем действительно указывает на то, что на протяжении значительной части XIX в. результаты эксплуатации заморских территорий были, возможно, примерно столь же значимы по крайней мере для экономического преобразования Британии, как и эпохальный переход к использованию угля.

### Сравнения, взаимосвязи и структура утверждений

В части 1, в которой читателю в основном предлагается ряд сравнений, выдвигается утверждение о том, что, хотя сочетание относительно высокого уровня накопления капитала, путей демографического развития и существования определенных видов рынков и могло выделить некоторые регионы—Западную Европу, Китай, Японию и, возможно, несколько других территорий в качестве наиболее подходящих мест для радикальных изменений в экономическом развитии, данные факторы не в состоянии объяснить, почему подобные изменения произошли сначала в Западной Европе или почему они вообще имели место. Технологические различия также мало что могут объяснить для периода, предшествующего XIX в., когда Европе удалось ликвидировать

33. Для ознакомления с накоплением капитала в Европе и его сопоставлением с «экзотическими источниками» см.: de Vries 1976: 139–146, 213–214. Для ознакомления с вопросами спроса см. также: de Vries 1976: 176–192; Mokyr 1985b: 21–23; Mokyr 1985a. При этом в более общем плане Мокир ставит под сомнение значимость факторов спроса в промышленной революции.

свое отставание в землепользовании и вырваться вперед в других областях, и то лишь в случаях, когда в общую картину включаются сложные, а зачастую и окропленные кровью отношения Европы с прочими частями земного шара.

В части 2 продолжено сравнение различных регионов двух континентов, однако когда отношения между ними становятся значимыми. В данной части утверждается, что, по мере того как мы переходим к видам экономической деятельности, в меньшей степени связанным с физическими потребностями и требующим участия небольшой части населения, начинает проявляться ряд, возможно, значимых отличий Западной Европы в вопросах культуры и институциональных систем даже при ее сравнении с прочими ключевыми регионами. Однако эти отличия скорее касаются степени их проявления, а не их отсутствия у тех или иных единиц сравнения. При этом они довольно ограничены в силе и масштабах своего проявления. Они ни коим образом не подкрепляют утверждения о том, что Западной Европе, и только Западной Европе, были свойственны «капиталистический характер производства» или «потребительское общество», и сами по себе они не в состоянии объяснить те радикальные *расхождения*, которым суждено было произойти в XIX в. Более того, удивительно, что там, где значительные различия действительно проявляются, они неизменно связаны с отклонениями от простой рыночной динамики, сформулированной Смитом, в частности с выкупленными у государства монопольными правами и привилегиями, а также с плодами обеспечиваемых силой оружия торговли и колонизации.

Часть 3 вновь начинается со сравнения, демонстрирующего, что, какими бы преимуществами ни обладала Европа — лежали ли в их основе более развитые капитализм и потребительство, земельные ресурсы, появившиеся вследствие институциональных ограничений на более интенсивное использование земли, или даже технологические нововведения, преимущества эти были не в состоянии вывести ее из круга фундаментальных экологических проблем, свойственных ключевым регионам Старого Света. Более того, основанная на взаимной выгоде торговля с менее густонаселенными частями Старого Света (стратегия, к которой прибегали все ключевые регионы Евразии, зачастую в значительно больших масштабах, чем Западная Европа предшествующего 1800 г. периода могла себе позволить) обладала весьма ограниченным потенциалом для разрешения проблем нехватки ресурсов. А вот Новый Свет предоставлял не в пример более широкие

возможности в значительной мере благодаря складывавшейся в мире ситуации. Во-первых, эпидемии сильно подорвали способность коренного населения противостоять захвату земель европейцами. Во-вторых, трансатлантические отношения, установившиеся в результате завоевания Америки и сокращения ее населения, основанные на меркантилизме и прежде всего торговле рабами с африканского континента, сделали возможным самоускорение притока необходимых ресурсов в Европу, которого взаимовыгодная торговля между регионами Старого Света обеспечить не смогла. Такое самоускорение предопределило еще в предшествующий индустриализации период самообеспечиваемое разделение труда между экспортерами сырья и промышленными регионами современного мира. Таким образом, произошло одновременное создание первого современного центра и первой современной периферии мировой экономики. Это является значимым фактором в создании Западной Европой чего-то действительно уникального на основе передовой рыночной экономики, основные черты которой уникальными не были. В конце указанной части мы перейдем к рассмотрению соответствующих взаимосвязей и объяснению на их основе вопросов, которые одни только сравнения прояснить неспособны.

### Несколько слов о географии рассматриваемых явлений

После представления основных идей книги необходимо вкратце упомянуть и о географии рассматриваемых явлений. Несмотря на то что настоящая публикация касается такой активно развивающейся проблематики, как мировая история, различные регионы мира рассматриваются в ней отнюдь не равномерно. Довольно существенное освещение в ней получили Китай (главным образом его восточные и юго-восточные территории) и Западная Европа; Япония, Южная Азия и внутренние районы Китая значительно меньшее; Восточная Европа, Юго-Восточная Азия и Америка еще меньшее; Африка упоминается лишь в связи с работорговлей; Ближний Восток, Центральная Азия и Океания почти не упоминаются вовсе. Более того, Китай, Япония, Южная Азия и Западная Европа рассматриваются не только через сравнения, но и сквозь призму взаимоотношений. Иными словами, они анализируются и в качестве территорий, которые были вполне способны к фундаментальным экономическим трансформациям, поскольку их ситуация была сравнима с ситуацией в реги-

онах, данные трансформации переживших, и через призму взаимного влияния между ними и прочими регионами.

Восточная Европа, Юго-Восточная Азия, Америка и Африка рассматриваются главным образом через свои взаимодействия с другими регионами. Это не означает, что они были лишь *объектами* воздействия. Наоборот, согласно выдвигаемым в настоящей публикации утверждениям, то, что стало возможным в регионах, рассматриваемых нами в качестве центров, было обусловлено развитием и внутренней динамикой их периферий. Не следует из этого и то, что сравниваемые мною регионы оказались единственными, где значимые изменения имели место. Промышленный рост лишь элемент, хотя и ключевой, того, что мы называем современностью: прочие ее элементы могут иметь совсем иные географические корни. По этой же причине мы не можем позволить себе рассматривать регионы, ставшие почвой, на которой взошли доминирующие аспекты нашей эпохи; в противном случае мы можем прийти к обманчивому пониманию того, что появление данных аспектов было неизбежным. Иными словами, добавив для контраста к европейской истории немного истории Китая и Японии, мировой истории мы не получим.

При этом мой выбор указанных вопросов обусловлен не только ограниченностью моих возможностей. Некоторые из них касаются утверждений, которые я намереваюсь опровергнуть, а некоторые — утверждений, которыми я желаю поделиться.

Во-первых, именно Китай в большей мере, чем другие страны и регионы, служил в качестве «противоположного» примера в описаниях современного Запада от Смита и Мальтуса до Маркса и Вебера. Таким образом, две главные задачи данной книги заключаются в том, чтобы разобраться, насколько сильно развитие Китая будет отличаться от европейского, когда мы очистим его от вмененной ему роли «противоположности», а также понять, насколько иной будет выглядеть история Европы, если мы обратим внимание на *общие черты* ее экономики и экономики страны, которой она противопоставлялась чаще всего.

Во-вторых, процессы, на которых я более всего настаиваю в своих собственных утверждениях, обращают наше внимание на густонаселенные части мира и их торговых партнеров. С одной стороны, в основе продолжающейся специализации лежит высокая плотность населения; как правило, то или иное лицо не в состоянии зарабатывать на жизнь, занимаясь задачами, которые каждому конкретному человеку требуется выполнять лишь время от времени, если только в рассматриваемой местности

с налаженными рыночными отношениями не проживает большое число людей<sup>34</sup>. Плотность населения не единственный детерминант «протяженности рынка» в понимании Адама Смита. Более того, даже на малонаселенных территориях могут появиться отдельные группы специалистов, которые будут способны разделить между собой выполнение определенных, значимых с точки зрения местной культуры задач. Однако возникновение высокой степени специализации в многочисленных областях экономической деятельности — производстве продовольственных товаров, одежды, строительстве, транспортных перевозках и особенно обмене изделиями возможно лишь при наличии множества людей, проживающих в пределах доступных физических и культурных границ. Какой-либо иной альтернативы здесь нет. (То же верно и для специализации в изучении мира природы и выработке новых способов поставить его на службу человеку, что, согласно Смигу, представляет собой элемент плохо предсказуемого, но при этом, без сомнения, ключевого процесса развития технологических изменений.)

Между тем экологические проблемы, лежащие в основе моих утверждений, в еще большей степени связаны с вопросами демографии<sup>35</sup>. Разумеется, малонаселенные в абсолютном выражении регионы также могут сталкиваться с серьезными вопросами экологического характера, если оказываются неспособными прокормить большое число людей или если население данных террито-

---

34. В связи с этим следует отметить, что специализация — это не то же самое, что и разделение труда, и тем более не комплексность. Представим, к примеру, общество с чрезвычайно сложными правилами обмена, которыми определяется, кто именно занимается выпечкой хлеба в ту или иную неделю, но согласно которым никто не работает пекарем на постоянной основе. Разумеется, подобное общество может отличаться комплексностью в той же мере, что и любое другое, а каждый из его членов — обладать квалификацией в определенной, весьма сложной сфере деятельности, но именно по этой причине ему не будет свойственна та же экономическая динамика, что и обществу, члены которого должны концентрироваться на выполнении лишь небольшого числа задач, для результатов которых существует рынок сбыта.

35. Я определяю данную динамику как квазимальтузианскую, поскольку не придерживаясь мнения о том, что густонаселенность рассматриваемых мною регионов должна была непременно привести к снижению уровня жизни в любом из них. При этом я считаю, что, принимая во внимание технологии эпохи, предшествовавшей промышленной революции, усугубление соотношения «земля — труд» представляло собой серьезнейшее препятствие для дальнейшего экономического развития, и хотя технологии начального этапа промышленной революции часть проблем решили, сами по себе они достаточными не были.

рий эксплуатирует ресурсы окружающей среды определенным образом. Соответственно в главе 3 проводится различие между густонаселенными территориями и территориями, которые я определяю как полнаселенные, то есть территории, обладающие малым потенциалом для экстенсивного роста экономики, который в их случае возможен лишь посредством значительных технологических изменений в землесбережении, совершенствовании соответствующих институтов или расширения доступа к землесемким товарам через внешнюю торговлю, даже в случаях, когда плотность населения данных территорий ниже аналогичного показателя других территорий. (Так, Британия XVIII в. могла быть более полнаселенным регионом, чем Бенгалия, даже при более низкой плотности населения. Основаниями так полагать были более низкие урожаи с единицы земли и более высокий уровень жизни населения.) При этом и данный критерий заставляет нас фокусировать внимание на Западной Европе, Китае, Японии и в меньшей степени — на Индии. В отношении плотности населения, концентрации информации и вероятности определенных технологических и институциональных изменений возможны и другие заключения, однако они будут более косвенными по своей природе.

Последний, хотя и в меньшей степени поддающийся интеллектуальному обоснованию аргумент в пользу выбранного мною подхода заключается в том, что полученное мною образование позволяет мне писать скорее о Китае, Европе и Японии, чем о других регионах, тем более что я имею доступ к сравнительно большому числу соответствующих научных работ. То, что определяется Джеймсом Блаутом как униформитарианизм — мысль о том, что на определенном этапе (см. его анализ в публикации 1993 г.) многие взаимосвязанные части Афро-Евразии обладали относительно схожим потенциалом для «динамики развития» в общем его понимании и соответственно для становления современности<sup>36</sup>, представляет собой хорошую точку отсчета, однако имеет и свои недостатки, которые мы в состоянии выявить эмпирическим путем. Если бы данная идея была применима повсеместно, это стало бы невероятным совпадением, однако существует большое число свидетельств, указывающих на противоположное. Лично я, как уже говорилось выше, полагаю, что плотность населения окажется крайне важным фактором в рамках настоящего исследования и соответственно возрастет вероятность того, что, скажем, Север-

36. Blaut 1993: 42, 124, 152.

ная Индия окажется гораздо более схожей с Китаем, Японией и Западной Европой, чем, к примеру, с Центральной Азией или даже с Османской империей<sup>37</sup>. (В связи с этим не следует забывать, что любой специалист, который попытался бы написать книгу, подобную этой, десять лет назад, столкнулся бы с большими трудностями, чем я, в поиске научных материалов, подтверждающих выдвигаемые здесь утверждения в отношении Китая, а 25 лет назад он испытал бы недостаток соответствующих материалов даже по Японии.) Принимая же во внимание объемы доступных сегодня публикаций, а также ограниченность как моих собственных возможностей, так и наших знаний, внимание настоящей книги к вопросам географии позволяет по крайней мере вписать новые вопросы в нашу повестку дня. Рассматриваемые мною территории еще не весь мир, сам же остальной мир значим не только в плоскости своего взаимодействия с данными территориями или своей роли отрицательного примера, когда, скажем, Восточная Европа указывает на общие черты Китая и Западной Европы при взгляде на нее с такого ракурса, когда она оказывается более отличной от Китая и Западной Европы, чем Китай и Западная Европа друг от друга. Однако это, как мне представляется, является разумным основанием для переоценки истоков современной нам индустриальной эры.

---

37. Информацию по населению Османской империи, которое, судя по всему, отличалось относительно малой плотностью на большей части территории империи и к тому же снижалось на протяжении большей части XVIII столетия, см. в: McGowan 1994: 646–657.

# Часть I

Мир удивительных  
подобий



# Европа впереди Азии?

## Население, накопление капитала и технологии как объяснения европейского пути развития

**Е**ДИНОГО мнения о том, как именно Европе удалось добиться уникального благосостояния к середине XIX в., нет. При этом работа Эрика Джонса «Европейское чудо» (European Miracle), возможно, более других отражает самую популярную на сегодняшний момент позицию по данному вопросу. Хотя утверждения Джонса эклектичны и среди специалистов по истории Европы немало тех, кто отбрасывает или подвергает сомнению многие из них, однако есть среди его утверждений и такие, что принимаются практически всеми. Для целей нашего исследования наиболее важным из его утверждений общего характера, которое к тому же можно встретить в работах многих других ученых, является утверждение о том, что индустриализация не была тем моментом, когда европейская экономическая история отклонилась от траекторий, по которым двигались другие регионы Старого Света. Напротив, индустриализация явила собой момент полного расцвета тех отличий, которые незаметным образом накапливались на протяжении столетий. Многие ученые принимают данный факт как нечто само собой разумеющееся; но поскольку именно Джонс настаивает на подобном толковании, мы можем принять его работу в качестве подходящей точки отсчета.

Согласно Джонсу, европейцы<sup>1</sup> отличались уникальным уровнем благосостояния еще до индустриализации. В частности, они располагали гораздо большими объемами капитала прежде всего в виде домашнего скота<sup>2</sup>. Накопили они свой капитал благодаря «удержанию роста численности населения чуть ниже уровня его максимальной отметки». Это, в свою очередь, позволило

1. Кого именно Джонс объединяет под данным термином, ясно далеко не всегда: иногда речь идет о всем европейском континенте, иногда лишь о западной и даже только о северо-западной его части.

2. Jones 1981: 4–5.

европейцам «добиться чуть более высокого уровня потребления по сравнению с уровнем, свойственным Азии»<sup>3</sup>. Более того, их капитал был в меньшей мере подвержен рискам быть уничтоженным, поскольку Европа сталкивалась с меньшим числом природных катаклизмов, а европейцы раньше жителей других регионов мира приступили к использованию в строительстве таких огнестойких материалов, как кирпич и камень<sup>4</sup>. Таким образом, для компенсации обесценивания капитала Европе требовались меньшие объемы ежегодного остатка от потребляемых средств существования, и ее преимущество в объемах капитала стабильно возрастало даже до промышленной революции.

Тем не менее существует немного свидетельств в пользу количественного преимущества Западной Европы в объемах капитала в период до 1800 г. или существования комплекса стабильных условий демографической или иной природы, которые обеспечили бы Европе значительным преимуществом в накоплении капитала. Маловероятным представляется и тот факт, что европейцы обладали существенно лучшим здоровьем, то есть имели преимущество в человеческом капитале, более высокой производительностью и унаследовали прочие постепенно увеличивавшиеся в течение многих лет преимущества над наиболее развитыми частями Азии.

Обращаясь к сравнениям интегрированных в капитал технологий, мы действительно обнаруживаем ряд серьезных преимуществ Европы, возникших в течение двух-трех столетий, предшествовавших промышленной революции. Однако одновременно с этим мы видим отставание Европы, которое проявлялось в сельском хозяйстве, землепользовании и неэффективном применении ряда земледельческих продуктов, особенно древесного топлива. В итоге вышло так, что те области, в которых Европа имела преимущества, оказались важными для революционного развития, в то время как области, в которых ей было свойственно технологическое отставание от других обществ, подобной роли не сыграли. Однако даже технологическое превосходство Европы в различных областях не было бы способно обеспечить ее прорыв к самоподдерживающемуся экономическому росту без прочих изменений, сделавших ее по сравнению с прочими обществами менее зависимой от земли. В некоторой мере это стало результатом того, что Европе удалось ликвидировать отставание

3. Jones 1981: 14.

4. Ibid., p. 22-35, 40-41.

в ряде землесберегающих технологий — в этом ей сильно помогли знания, полученные благодаря наличию заморской империи, а в некоторой — результатом удачного расположения ключевых ресурсов, особенно угля, позволившего сберечь обширные площади лесов. В определенной мере это стало результатом и сложившихся *общемировых* условий, на которые, в свою очередь, повлияли политика европейских государств, зачастую проводившаяся насильственными методами, отсутствие крупных эпидемий и ряд главным образом независимых от Европы обстоятельств, например переход Китая к серебряной монете, что позволило рудникам Нового Света оставаться прибыльными и в течение продолжительного времени обеспечивать стабильность европейского присутствия в колониях вплоть до производства других товаров.

Сложившиеся общемировые условия позволили странам Западной Европы получить доступ к большим объемам дополнительных землеемких ресурсов. Более того, посредством извлечения данных ресурсов они оказались способны ослабить бремя экологических проблем, самым серьезным образом проявивших себя еще до произошедшего в XIX в. взрывного роста населения и потребления ресурсов на душу населения. При этом Западной Европе удалось избежать необходимости перенаправлять значительные объемы труда на трудоемкие виды деятельности, которые были бы необходимы в случае, если бы ей пришлось добиваться большей урожайности и стабильности развития своих земель. Без наличия данных внешних факторов сами по себе европейские изобретения, возможно, оказались бы не более революционными в своем влиянии на экономику и общество, чем незначительные технологические усовершенствования, произведенные в XVIII в. в Китае, Индии и других странах и регионах.

### Сельское хозяйство, транспорт и капитал в виде сельскохозяйственных животных

Европа действительно обладала большим числом сельскохозяйственных животных из расчета на душу населения, чем большинство прочих оседлых обществ, и *в рамках европейской системы обработки земли* сельскохозяйственные животные представляли собой столь высокую ценность в качестве орудий производства, что увеличение их числа, как правило, означало повышение благосостояния хозяина. При этом в некоторых районах Азии нехватка сельскохозяйственных животных мешала освоению больших земельных площадей. Так, в XVIII в. в ряде районов Бенгалии

безземельные батраки были не в состоянии обрабатывать пустующие плодородные земли по той простой причине, что у них не было доступа к тягловым животным. Однако корень проблемы был не столько в нехватке животных, сколько в хитрости со стороны землевладельцев, которые, опасаясь потери рабочей силы, монополизировали владение соответствующими видами скота<sup>5</sup>. Сам факт наличия неиспользованных земель делает мальтузианский гнет маловероятной причиной отсутствия сельскохозяйственных животных у населения.

В других азиатских регионах население выросло до такой степени, что причиной нехватки животных была именно его плотность. Однако ничто в таких случаях не указывает на то, что нехватка сельскохозяйственных животных сдерживала сельскохозяйственное производство. Если она действительно была ключевой проблемой, то остается непонятным, почему более состоятельные землевладельцы не прибегали к расширению поголовья и использованию большего количества скота. Для периода, по которому у нас имеются достаточно надежные данные, каких-либо отличий в использовании животной тяги из расчета на единицу площади между крупными и мелкими сельскохозяйственными хозяйствами Северного Китая выявлено не было<sup>6</sup>. Более того, то, что по европейским меркам было крайне малым количеством животных, для Северного Китая было вполне достаточным для проведения объемов работ, требующихся для обработки практически всех пригодных для земледелия площадей. Кроме того, моя оценка данного региона, набор сельскохозяйственных культур и экология которого напоминали Европу в большей степени, чем культивирующий рис юг страны, указывает на то, что даже при наличии относительно небольшого числа тягловых животных китайцы конца XVIII в. удобряли землю значительно большими объемами качественного навоза, чем европейцы<sup>7</sup>. Полученные таким способом урожаи поддерживали уровень жизни населения, отличавшегося исключительной для районов богарного (неполивного) земледелия плотностью<sup>8</sup>, сравнимый, как мы скоро убедимся, с уровнем жизни жителей Западной Европы. Между тем в регионах Азии, занятых

5. van Schendel 1991: 42; Marshall 1987: 7, 23.

6. Huang 1985: 145.

7. Для ознакомления с расчетами см. приложение В.

8. Хуань (Huang 1985: 322) приводит следующие данные по населению, например, Шаньдуну: 400 человек на квадратную милю в 1750 г., обходившихся без нетто-импорта продовольственных товаров. Для сравнения: показатель даже по Нидерландам составлял примерно 160 человек (на основе данных

выращиванием риса, самые высокие в мире урожаи обеспечивались сравнительно меньшим числом тягловых животных. Дело в том, что культивация риса не требует больших усилий от тягловых животных. Кроме того, обработка собранного урожая требует меньше усилий по сравнению с помолом пшеницы<sup>9</sup>. Субтропические и тропические территории прочих регионов, например Мезоамерика, также отличались высокой плотностью населения, обрабатывавшего землю с помощью небольшого числа тягловых животных или при полном их отсутствии. Поскольку даже при наличии большего числа животных европейское сельское хозяйство не отличалось особой продуктивностью, довольно затруднительно рассматривать сложившуюся в Европе ситуацию в качестве ее ключевого преимущества.

Разумеется, животные могли использоваться для прочих тягловых работ и транспортных целей. Огромное превосходство доиндустриальной Европы в наземном транспорте, возможно, стало в некоторой мере результатом наличия большого числа сельскохозяйственных животных, которых необходимо было ежедневно кормить, но которые не были заняты на сельхозработах постоянно. Можно ли в таком случае говорить о том, что у Европы было ключевое преимущество в средствах производства, использующихся в качестве наземного транспорта? Возможно, так оно и было, если сравнивать с ситуацией в Восточной Азии, где лугопастбищные угодья были редкостью. Однако данный недостаток компенсировался невероятно развитой сетью водного транспорта в Китае и Японии, который представлял собой как минимум равную форму транспортного капитала. Общее преимущество Восточной Азии того периода в транспорте было отмечено еще Адамом Смитом<sup>10</sup>. В тех же частях Азии, которые, как и Европа, изобиловали лугопастбищными угодьями, сельский транспорт, возможно, был развит ничуть не в меньшей степени. Отличным историческим примером здесь могут служить огромные караваны Северной Индии, насчитывавшие до 10 тыс. волов<sup>11</sup>. Количественные оценки достаточно ненадежны, однако существующие свидетельства указывают на то, что мощности Северной Индии XVIII в. в том, что касалось перевозки грузов с помощью вьючного и гужевого

---

в: McEvedy and Jones 1978: 62–63), пользовавшихся значительными объемами продовольственного импорта.

9. Brau 1984: 48, 198–200 (сравнение с Европой); Palat 1995: 60 (данные, касающиеся получения муки).

10. Smith 1937: 637–638; Смит 2007: 773.

11. Habib 1990: 376–377.

транспорта, не слишком отличались — в пересчете на душу населения — от приведенных Вернером Зомбартом показателей 1800 г. по Германии<sup>12</sup>. Кроме того, и Китай, и Индия долгое время покупали боевых лошадей и других сельскохозяйственных животных в Средней Азии, отличавшейся огромными площадями пастбищных угодий. В период после 1700 г. значительная часть Средней Азии оказалась под властью империи Цин, которая осуществляла там самостоятельное разведение боевых лошадей. Если бы китайцам понадобилось ввозить к себе дополнительное поголовье животных, то с экологической точки зрения это тоже было бы вполне осуществимо<sup>13</sup>.

Нет у нас и иных свидетельств нехватки транспортного капитала в странах Азии. Его дефицит воспрепятствовал бы рыночной продаже таких объемных товаров, как зерно. При этом в одной из самых густонаселенных стран — Китае доля урожая, перевозимого для продажи на дальние расстояния, судя по всему, значительно превышала аналогичный показатель по Европе. Согласно осторожным оценкам Ву Ченмина, объемы перевезенного на дальние расстояния зерна составили в XVIII в. 30 млн ши<sup>14</sup>, что было достаточным для того, чтобы прокормить 14 млн человек<sup>15</sup>. Это более чем в пять раз превышает самые оптимистичные оценки объемов зерна, перевозимого на дальние расстояния в Европе в период, предшествовавший пику данных перевозок в XIX в.<sup>16</sup>, и более чем в 20 раз — средние ежегодные показатели торговли зерном в странах бассейна Балтийского моря в период ее расцвета<sup>17</sup>.

Более того, данные Ву Ченмина касаются лишь оценки крупнейших из многочисленных зерноторговых маршрутов Китая. При этом он проявляет сдержанность даже в этих расчетах. Так, им не учитываются данные по провинции Шаньдун, население которой в 1800 г. составляло примерно 23 млн человек<sup>18</sup>, что несколько превышало численность населения Франции. При этом сама провинция не отличалась ни высоким уровнем коммерции, ни отсталостью развития. Среднегодовых объемов ввозимого ею

12. См. приложение А.

13. См., например: Gardella 1992b: 101–102.

14. Wu 1983: 277. Один ши равнялся примерно 103 литрам, а один ши риса весил примерно 160 фунтов.

15. Perkins 1969: 297–307; Marks 1991: 77–78.

16. Braudel 1981: 127; Бродель 1986: 143.

17. Jones 1981: 81; de Vries 1974: 170.

18. Huang 1985: 322.

в XVIII в. зерна было достаточно для того, чтобы прокормить 0,7–1 млн человек — больше, чем был способен прокормить экспорт зерна из стран Балтийского бассейна. Примерно такими же были и объемы вывозимого провинцией зерна<sup>19</sup>. Таким образом, если мы примем объемы зерна, ввозимого и вывозимого этой частью Китая, сравнимой размерами с целой страной, за эквивалент международной торговли в Европе, то окажется, что торговый оборот зерна одной лишь этой провинции сопоставим с объемами (осуществляемой на дальние расстояния) зерновой торговли всей Европы. Притом что торговля зерном внутри самой провинции также отличалась существенными объемами, поскольку указанные объемы ввозимого зерна были недостаточны для удовлетворения спроса городов, не говоря уже о населении, занятом выращиванием хлопчатника и табака.

Пример Китая далеко не уникален. Многие города различных регионов Азии (и, возможно, один-два города доколониальной Америки) были крупнее любого европейского города, кроме Лондона в XVIII в., а несколько городов превосходили размерами и сам Лондон. Согласно оценкам специалистов, 22% населения Японии проживали в XVIII в. в городах, в то время как в Западной Европе — 10–15%<sup>20</sup>. Аналогичный показатель для Малайского архипелага, отличавшегося небольшой плотностью населения, мог составлять 15%<sup>21</sup>. Многие из данных городов, как и ряд городов Южной Азии и Ближнего Востока, зависели от поставок объемных продовольственных товаров из отдаленных территорий.

Таким образом, в целом сложно говорить о наличии свидетельств в пользу преимущества Европы в развитости транспорта. В качестве одного из таких свидетельств можно было бы привести следующую важную особенность Европы: европейцы применяли животных для выполнения промышленных работ, например для того, чтобы приводить в движение мельничные жернова. Здесь, однако, следует сразу указать на то, что те части Азии, где население питалось рисом, испытывали потребность в перемалывании зерновых в гораздо меньшей степени, поскольку для приготовления пищи чаще всего использовались цельные зерна риса, а не рисовая мука (в отличие от пшеницы). Как правило, если рис и мололи, то лишь небольшие объемы, но не по причине отсутствия соответствующих тягловых животных,

19. Xu Tan 1995: 86.

20. Smith 1958: 68.

21. Reid 1989: 57.

а из-за природных свойств самого риса, подверженного быстрой порче после шелушения, вследствие чего сложилась традиция помола риса вручную в количестве, необходимом для приготовления пищи в течение дня<sup>22</sup>. Более того, большинство мельниц и прочих объектов промышленного назначения как в Европе, так и в Азии не отличались большими размерами. Зачастую они простаивали из-за ограниченности спроса, обычаев (например, в праздничные дни) и прочих проблем (в частности, отсутствия топлива для кузнечных горнов). Таким образом, необходимости в большом количестве рабочих животных не существовало, поэтому нет никаких оснований утверждать, что их нехватка где бы то ни было серьезно тормозила промышленное развитие.

Поэтому, если наличие в Европе большего числа сельскохозяйственных животных и давало ей определенное преимущество, то не в качестве средства производства, а лишь в качестве предмета потребления — источника белка, для которого у других регионов подходящего заменителя не было. Европейцы, без сомнения, потребляли больше мяса и молочных продуктов, чем большая часть населения Азии. Однако в период раннего Нового времени разница в потреблении данных продуктов снижалась, а не возрастала, причем быстрыми темпами. Так, в Германии в период между Средними веками и 1800 г. потребление мяса снизилось на 80%<sup>23</sup>. Более того, мясо не было единственным источником белка: многие коренные народы Центральной и Северной Америки получали наиболее важные аминокислоты, которыми ценно мясо, из кукурузы, бобов и тыквы, а жители Восточной Азии — из тофу.

В общем, любое утверждение, основанное на одном лишь аспекте питания или другой единственной отличительной черте — например, наличии большего числа кирпичных и каменных зданий, довольно несостоятельно. Как определить, какие именно различия свидетельствуют о более высоком уровне жизни?<sup>24</sup> Зачем акцентировать внимание на возможном преимуществе европейцев в жилищных условиях, а не, скажем, на масштабном обеспечении чистой питьевой водой большинства жителей Японии, Китая и Юго-Восточной Азии?<sup>25</sup> Или не на большем удобстве и износостойкости хлопковой ткани, которая была доступ-

22. Bray 1984: 53; Palat 1995: 60.

23. Braudel 1981: 196; Бродель 1986: 213.

24. Jones 1981: 7.

25. Hanley 1997: 104, 110–111, 117, 119–120; Reid 1988a: 36–38, 41.

на даже бедным жителям большинства регионов Азии и которой после ее появления в Европе отдавали предпочтение даже состоятельные европейцы? Единственный вывод, который можно было бы сделать, заключался в том, что наличие у европейцев определенных материальных товаров привело к тому, что они отличались лучшим здоровьем, большей продолжительностью жизни и большей энергичностью, однако имеющиеся у нас свидетельства, пусть и довольно ограниченные, оснований сделать подобный вывод не дают. Пол Бейрок, проводя ретроспективную оценку на основе данных за XX в., осуществил оценочные расчеты дохода на душу населения в 1800 г. для большинства регионов мира. Согласно полученным им показателям, Азия в целом лишь ненамного уступала Западной Европе, но опережала Европу в целом, а Китай опережал даже Западную Европу<sup>26</sup>. При этом расчеты Бейрока были сопряжены с определенными трудностями. Вместо того чтобы полагаться на один-единственный показатель, рассчитываемый Бейроком для экономики каждой страны, я попытаюсь доказать «обыкновенность» европейской экономики XVIII в., последовательно рассматривая вопрос за вопросом.

### Более долгая жизнь? Более качественная?

В 1650 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Англии, возможно самой процветающей части Европы, составляла 32 года (даже для детей высшей аристократии), превысив отметку в 40 лет лишь после 1750 г.<sup>27</sup> По данным исследования Джона Кнодела, продолжительность жизни населения 14 западногерманских деревень колебалась на протяжении XVIII и XIX вв. между 35 и 40 годами. При этом данный показатель был, как мы убедимся в этом далее, выше средней продолжительности жизни населения более крупных территорий Германии<sup>28</sup>. Согласно результатам масштабного исследования английских деревень, предпринятого Ригли и Скофилдом, средняя продолжительность жизни их населения на протяжении XVIII в. тяготела к показателям между 35 и 39 годами, достигнув показателя 40 лет в XIX в. и существенно превысив его лишь после 1871 г.<sup>29</sup>

26. Bairoch 1975: 7, 13, 14.

27. Stone 1979: 58.

28. Knodel 1988: 68–69.

29. Wrigley and Schofield 1981: 230, 708–713.

Хотя данные цифры указывают на то, что показатели по Англии в целом, как это ни удивительно, позволяют говорить о продолжительности жизни, лишь незначительно уступающей показателю продолжительности жизни аристократов, приведенному Стоуном, спешить с подобным выводом не следует. Ряд специалистов указывают на тот факт, что Ригли и Скофилд сделали недостаточную поправку на нехватку данных, касающихся рождений и смертей в среде простолюдинов в период до 1780 г. Подобная поправка способствовала бы увеличению разницы между показателями по простолюдинам и аристократам (документальные свидетельства по которым сохранились не в пример лучше) за счет снижения расчетной продолжительности жизни первых. Показатели Питера Раццелла указывают на то, что реальный уровень смертности среди младенцев в Англии в период 1600–1749 гг. вполне мог быть на 60–100% выше расчетов Ригли и Скофилда<sup>30</sup>. Уже одно это снижает показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении с 37 до 31,6–34,0 года. При этом Раззелл полагает, что прочие показатели возрастозависимых смертей также следует пересмотреть в сторону их повышения, особенно для раннего этапа указанного периода<sup>31</sup>. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении более многочисленного населения Франции была существенно ниже: между 27,5 и 30 годами для представителей обоих полов, родившихся в 1770–1790 гг.<sup>32</sup> Данные для несколько более позднего периода (1816–1860 гг.), касающиеся продолжительности жизни населения различных частей Германии, в целом сопоставимы с показателями Франции: 24,7 — по восточной и западной частям Пруссии, 29,8 — по Рейнской провинции и 31,3 — по Вестфалии<sup>33</sup>.

Продолжительность жизни населения различных частей Азии, судя по всему, как минимум не уступала показателям Западной Европы. Хэнли и Ямамура приводят следующие показатели по ожидаемой продолжительности жизни при рождении для населения двух японских деревень в конце XVIII и в начале XIX столетий: 34,9 и 41,1 — для мужчин и 44,9 и 55,0 — для женщин<sup>34</sup>. Согласно расчетам Смита, Енга и Ланди, показатели общей продолжительности жизни тех, кто дожил до одного года, среди жителей

30. Razzell 1993: 757–758.

31. Ibid., p. 759–763; расчеты по продолжительности жизни с учетом поправки мои собственные.

32. Blayo 1975: 138–139.

33. Nipperdey 1996: 89.

34. Hanley and Yamamura 1977: 221–222.

японской деревни XVIII в., по которой мы располагаем подробными данными, составили 47,1 года для мужчин и 51,8 года для женщин<sup>35</sup>. Таким образом, имеющиеся свидетельства указывают на то, что продолжительность жизни сельского населения Японии, среди которого не было представителей знати, так как по закону знать была обязана жить в расположенных при замках городах, не уступала, а возможно, и превышала продолжительность жизни европейцев.

Показатели продолжительности жизни китайцев не столь впечатляющи, но все же сопоставимы с европейскими. То же можно сказать и о населении прочих азиатских стран. Телфорд, изучавший генеалогию относительно зажиточной местности, указывает на то, что в середине XVIII в. ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла 39,6 года, хотя к началу XIX в. отмечается ее снижение до показателя 34,9 года, все же сопоставимого с оценками по Англии<sup>36</sup>. Ли и Кэмпбелл, которые использовали на редкость качественные данные по одной из деревень сельской Манчжурии в период 1792–1867 гг., приходят к показателю ожидаемой продолжительности жизни 35,7 года для однолетних детей мужского пола и 29 лет — женского<sup>37</sup>. Данные цифры несколько ниже оценок Телфорда для середины XVIII в., при этом показатель продолжительности жизни женщин может быть ниже вследствие предпочтения, которое отдавалось детям мужского пола. Тем не менее они по-прежнему сравнимы с показателями процветающих регионов Европы. Лейвли и Вонг находят немало оснований для того, чтобы подвергнуть сомнению любые

35. В таблице, представленной в работе Смита, Енга и Ланди (Smith, Eng, and Lundy 1977: 51), даются показатели 46,1 и 50,8 года, отражающие продолжительность жизни в *перспективе*. Также следует отметить, что в данной работе, как и в недавних исследованиях истории Китая, выявление данных по весьма распространенной практике убийства младенцев родителями, зачастую вовсе не связанной с невозможностью прокормить семью, подводит к необычайно большой разнице между ожидаемой продолжительностью жизни при рождении и продолжительностью жизнью для лиц, доживших до одного года, делая второй показатель более точным для описания общей картины. Тем, кто не в состоянии поверить, что убийство младенцев могло быть чем-то иным, кроме как жестом отчаяния, предлагаю обратиться не только к распространенности данной практики в семьях состоятельных китайцев и японцев, но и к традиции зажиточных европейских горожан отсылать своих младенцев к кормилицам в деревню, которая сохранялась продолжительное время уже и после того, как стало ясно, что подобная практика значительно повышает их смертность.

36. Telford 1990: 133.

37. Lee and Campbell 1997: 60, 76–81.

оценки, указывающие на снижение продолжительности жизни в конце XVIII в. Кроме того, собранные Лейвли и Вонгом (из целого ряда источников) показатели продолжительности жизни китайцев подводят к выводу о том, что они, как правило, превышают вплоть до XIX в. аналогичные показатели по сопоставимым группам населения северо-запада Европы<sup>38</sup>.

Недавние исследования генеалогии императорского дома Цин (необходимо отметить, что жизнь его представителей, возможно, задокументирована лучше, чем жизнь любой другой крупной группы населения эпохи, предшествующей Новому времени; при этом не всех из них можно было отнести к состоятельным лицам) подкрепляют мысль о том, что продолжительность жизни китайцев<sup>39</sup> не уступала показателю Западной Европы. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении представляется невысокой, что частично обусловлено весьма частой практикой убийства младенцев: вполне вероятно, что убитыми оказывались до четверти всех новорожденных женского пола; пик же данной практики пришелся на XVIII в.<sup>40</sup> (Убийство младенцев было часто применяемым инструментом семейного планирования, и дошедшие до нас весьма подробные документы по указанной группе населения позволяют убедиться, насколько широко данная практика была распространена.) При этом продолжительность жизни лиц, доживших до одного года, составляла к концу XVIII в. 40 или чуть более лет<sup>41</sup>, что сопоставимо с продолжительностью жизни наиболее состоятельных граждан Западной Европы, упомянутой выше. Вывод о том, что продолжительность жизни китайцев не уступала продолжительности жизни европейцев, может быть сделан и на основании прочих демографических данных. Как мы вскоре убедимся, по уровню рождаемости Китай, судя по всему, уступал Европе, хотя когда-то данный показатель Китая был и выше европейского (1550–1750 гг.), после чего оставался сравнимым с европейским. Уровень рождаемости как в Китае, так и Европе увеличился в 1750–1850 гг. почти в два раза. Однако это возможно только в случае, если уровень смертности китайцев был ниже уровня смертности европейцев. (Из Европы эмигрировало большее число жителей, однако вплоть до конца

38. Lavelly and Wong 1998: 721–724.

39. Члены императорского дома были маньчжурами, но проживали в Китае и отличались высоким уровнем ассимиляции.

40. Zhongqing 1994: 7.

41. Ibid., p. 9.

указанного периода эмиграция значительным фактором отличия не являлась.) Вполне возможно, что последующие исследования могут указать на более высокие уровни рождаемости и смертности жителей Китая, чем уровни, о которых мы можем говорить на основе имеющихся на настоящий момент свидетельств (особенно если будут обнаружены данные по менее развитым областям страны), однако необходимо отметить, что и показатели по Европе основываются прежде всего на данных по относительно богатым регионам континента.

Примерно одинаковые уровни продолжительности жизни в более благополучных частях Китая и Европы XVIII в. (при, наверное, небольшом преимуществе Китая) подтверждаются и имеющимися в нашем распоряжении разрозненными данными относительно питания населения двух регионов. Нам не стоит делать вывод о слишком тесной взаимосвязи между уровнем смертности и питанием, то есть следовать традиции, согласно которой население доиндустриальной эпохи имело немного возможностей осознанно влиять на уровень смертности, принимая колебания в объемах имеющихся ресурсов (и экзогенные кризисы, например эпидемии чумы или войны) в качестве главного фактора воздействия. Ли и Вонг, к примеру, приводят серьезные доказательства в пользу того, что новые государственные меры в области здравоохранения (в частности, вакцинация от оспы), насчитывавшая уже долгое время традиция личной гигиены (использование мыла, кипячение воды) и изменения в поведении населения (начиная с пользования услугами врачей и заканчивая убийствами определенных категорий младенцев или недостаточной заботой о них) могли оказать большее влияние на продолжительность жизни китайцев в XVIII в., чем стоило бы ожидать исходя из исследований населения европейских стран до начала Нового времени. Тем не менее фундаментальное мнение Мальтуса о том, что объемы доступной еды в расчете на душу населения влияют на уровень смертности, игнорировать не следует. В таком контексте факт, что китайцы, отличавшиеся достаточно высокой продолжительностью жизни, имели в своем распоряжении относительно много еды, весьма обнадеживает.

Броделем были выявлены огромные различия в данных, касающихся калорийности пищи европейцев в период до 1800 г. При этом он отмечает, что большая часть источников содержит информацию по привилегированным слоям общества. Бродель предлагает следующие показатели на душу населения: 3,5 тыс. калорий в день для лиц, занятых тяжелым физическим трудом

(например, команд испанского флота), и порядка 2,0 тыс. калорий для «больших масс городских жителей»<sup>42</sup>. Данные по Англии XIX в., собранные Кларком, Хуберманом и Линдертом, указывают на следующие показатели по 1860-м гг.: 2,0–2,5 тыс. калорий для *взрослых мужчин* из различных групп домохозяйств, не занятых сельскохозяйственным трудом, и почти 3,3 тыс. калорий для сельскохозяйственных рабочих<sup>43</sup>. Пан Минь Те, изучавший информацию о рационе сельскохозяйственных рабочих XVII в. на основе инструкции по организации сельскохозяйственного труда в Дельте Янцзы, указывает, что калорийность одних только зерновых продуктов должна была составлять 4,6 тыс. калорий в день<sup>44</sup>. Оценки потребления в XVIII в. зерновых китайским населением в целом разнятся, но при этом в среднем тяготеют к эквиваленту, равному 2,2 ши риса в год<sup>45</sup>, что составляет примерно 1837 калорий в день. Если бы возрастная структура населения была в XVIII в. той же, что и в примерах Джона Бака по 1920–30-м гг.<sup>46</sup>, следовало бы говорить об эквиваленте, равном 2386 калорий из расчета на взрослого человека плюс калории, получаемые с потреблением незерновых продуктов. Конвертация в эквивалент потребления пищи взрослыми *мужчинами* хотя и желательная для сравнения с показателями по Англии, но довольно затруднительная в силу того, что в данных по сельской местности Китая различия в потреблении пищи мужчинами и женщинами как в XVII, так и XX в. значительно сильнее различий в данных по Англии. При этом, если мы применим соотношение разницы между мужским и женским населением Англии второй половины XIX в., наш показатель по Китаю составит уже 2651 калорию на взрослого мужчину. Данный показатель сопоставим со всеми из разнообразных данных по Британии, кроме одного примера, включая данные по значительно более благополучной второй половине XIX в., и значительно превышает предложенный Броделем показатель по «широким городским массам» Европы в целом<sup>47</sup>.

42. Braudel 1981: 129–130; Бродель 1986: 144.

43. Clark, Huberman, and Lindert 1995: 223–226.

44. Pan, unpublished: 10.

45. Marks 1991: 77–78.

46. Примеры взяты из следующей публикации: Perkins 1969: 300.

47. Данные по Англии см. в: Clark, Huberman, and Lindert 1995: 226n. 25. На с. 327 и в соответствующих примечаниях работы Пана Минь Те (Pan 1994) представлено обоснование необходимости считать, что объемы потребления взрослого мужского населения превышали показатели потребления жен-

Данные по Юго-Восточной Азии освещают лишь отдельные местности. При этом записи реестра одного из приходов Лусона, относящиеся к XIX в., указывают на среднюю продолжительность жизни при рождении, равную 42 годам<sup>48</sup>. Прочие разрозненные данные позволяют говорить о том, что в период между 1500 и 1800 гг. продолжительность жизни представителей элит Юго-Восточной Азии несколько превышала соответствующий показатель для элит Европы. Причем европейские путешественники часто подчеркивали тот факт, что местное население региона отличалось отменным здоровьем<sup>49</sup>. Для оценки же других территорий мы не располагаем соответствующими данными.

Лишь по Индии расчеты показателей ожидаемой продолжительности жизни при рождении существенно уступают показателям по большинству стран северо-запада Европы: по состоянию на 1800 г. речь идет о диапазоне между 20 и 25 годами, но необходимо отметить, что показатели эти основаны на недостаточно надежных данных лишь по одной местности<sup>50</sup>. Как мы еще неоднократно сможем убедиться, сочетание огромного разнообразия и слабости данных сильно затрудняет не только общие выводы по Южной Азии, но и выводы по ее субрегионам, которые были бы сопоставимы с выводами о Китае, Японии и Европе. В связи с этим особую важность приобретает тот факт, что Индия отличалась гораздо большим разнообразием трудовых систем, чем даже более крупная (но при этом политически более монолитная) Китайская империя. Такое разнообразие представляется столь же широким, что и наблюдавшееся в Европе, и гораздо более широким, чем в Западной Европе. Это не было бы удивительным, если бы вело к столь же значительным различиям в распределении доходов и в условиях жизни даже между районами со схожими природными условиями. (Точно так же обстояли дела

---

ского в два раза. Если бы реальная ситуация действительно соответствовала подобному предположению, то калорийность одних только зерновых продуктов, потребляемых взрослым мужчиной, должна была составлять 3181 калорию в день, однако столь одностороннее распределение калорий между мужским и женским населением сделало бы показатели мужского потребления достаточно обманчивым стандартом сравнения. При этом данные по Шанхаю 1930-х гг. указывают на то, что уровень женского потребления зерновых продуктов составлял 77% от мужского (Shanghai shehuiju 1989: 183), что довольно близко к коэффициенту 0,733, использовавшемуся Кларком, Хуберманом и Линдертом при работе с данными по Англии.

48. Ng 1979: 56 — цитируется в: Reid 1988a: 48–49.

49. Reid 1988a: 45–50.

50. Visaria and Visaria 1983: 472–473.

и в Европе, в то время как в Азии взаимосвязь между природными условиями региона и уровнем жизни была более непосредственной.) Между тем даже такой показатель продолжительности жизни, как 25 лет, лишь немногим уступает приведенному Блейю показателю по Франции. Более того, согласно одному из недавних исследований, по состоянию на середину XVIII в. покупательная способность трудящихся по крайней мере южных регионов Индии (как сельхозрабочих, так и ремесленников), если говорить о продовольственных товарах, обычно превышала соответствующую покупательную способность представителей трудящегося класса Англии<sup>51</sup>.

### Уровень рождаемости

Ни смертность, ни рождаемость европейцев исключительно низким уровнем не отличались; соответственно европейские семьи какого-то особенного преимущества в сохранении наследуемого имущества не имели. Когда Джон Хайнал впервые описал картину рождаемости европейцев, отличавшуюся большим числом лиц, дававших обет безбрачия, подростков и молодежи, которым приходилось продолжительное время работать в качестве прислуги, прежде чем они могли завести собственную семью, и довольно поздним возрастом вступления в брак, и обеспечивающую более низкий уровень рождаемости по сравнению с доиндустриальной эпохой (когда семьи искусственно не ограничивали число своих детей), широкое распространение получило мнение о том, что черты данной картины, характерные для периода до начала Нового времени, были свойственны и остальным частям мира<sup>52</sup>. За пределами Европы насчитывалось немного крупных обществ, в которых имелись бы схожие институты, отсрочивавшие время вступления в брак или снижавшие число вступающих в него лиц, и специалисты, занимавшиеся сравнением Европы с другими регионами мира, попросту не были готовы к тому, чтобы обществам данных регионов было свойственно применение эффективных мер контроля за рождаемостью *в рамках* семьи. Они смогли осознать существование данных мер лишь тогда, когда меры эти начали проявляться и в Европе (примерно в конце XVIII в.). Однако теперь совершенно ясно, что жители Азии (или по крайней мере

51. Parthasarathi 1998: 79–109.

52. Hajnal 1965, 1982; см. прежде всего: 1982: 476–481.

Восточной Азии) осуществляли определенный контроль за рождаемостью в рамках собственно семьи.

Первыми данными, указывавшими на низкую рождаемость, стали данные по Японии. Это во многом, судя по всему, объясняется косвенным и, возможно, непреднамеренным результатом традиций, согласно которым молодые женщины трудились за пределами родных деревень зачастую на протяжении многих лет подряд, что вело к примерно тому же эффекту в отношении рождаемости (хотя и в более выраженной мере), что и эффект, описанный Хайналом для Европы<sup>53</sup>. В нашем распоряжении имеются надежные свидетельства о действиях людей, а не институтов в целях обеспечения контроля за числом и полом детей в семье, включая как аборт и убийства младенцев, так и, возможно, контрацепцию и воздержание. Более того, становится очевидным, что прямые меры, включая убийство младенцев, применялись не только в качестве стратегии выживания в периоды экономических кризисов, но и как часть стратегии накопления и мобильности в благоприятные времена<sup>54</sup>. При этом имеющиеся свидетельства говорят о том, что в Японии практика убийства младенцев имела большее распространение в среде зажиточных граждан, чем в среде бедняков<sup>55</sup>.

Данные по Юго-Восточной Азии отличаются большей разрозненностью и меньшей надежностью, однако также недвусмысленно указывают на то, что семейные пары прибегали к разнообразным мерам контроля за рождаемостью прежде всего в семьях, где занимавшиеся торговлей жены часто переезжали из одной местности в другую<sup>56</sup>. Появившиеся в последнее время свидетельства указывают на то, что китайские семьи из различных общественных классов прибегали к мерам по ограничению своего размера, увеличению сроков между рождением детей и выбору их пола как в благополучные, так и в неблагополучные времена<sup>57</sup>. Наиболее часто применяемые меры заключались в отсрочивании беременности и ее предупреждении; полученные недавно данные указывают на то, что меры эти делали «репродуктивную карьеру» китайцев в среднем значительно более короткой по сравнению с «репродуктивной карьерой» европейцев, несмотря на то что

53. Cornell 1996: 43–44. Данные Хайами (Hayami) приводятся в: Goldstone 1991: 405.

54. Smith, Eng, and Lundy 1977: 107–132.

55. Данные Скиннера (Skinner) приводятся в: Goldstone 1991: 407.

56. Reid 1988a: 16, 160–162.

57. Li and Guo 1994: 1–38; Li Bozhong 1994a: 41–42, 46–52.

китайки, как правило, вступали в брак достаточно рано<sup>58</sup>. Как результат, в 1550–1850 гг. в Китае был отмечен значительно более низкий по сравнению с Западной Европой уровень рождаемости из расчета на семью и женщину<sup>59</sup>.

В целом можно говорить о том, что жители различных регионов Азии отличались не меньшей способностью и решительностью в контроле за рождаемостью ради сохранения или улучшения уровня жизни, чем европейцы<sup>60</sup>. Более того, свидетельства о более низком по сравнению с Европой уровне рождаемости в Китае и Японии подкрепляют данные о более низком уровне смертности и соответственно более высоком уровне жизни, и наоборот. А если благосостояние жителей Восточной Азии не уступало или даже превосходило благосостояние европейцев, то нет никаких, пусть на первый взгляд и правильных оснований полагать, что им был свойствен более низкий уровень накопления капитала на уровне домохозяйства. В следующем разделе мы рассмотрим утверждение о том, что, несмотря на это, различные факторы макроуровня позволили европейцам добиться большей эффективности.

### Накопление?

В связи с вышесказанным есть мало оснований полагать, что еще в 1750 г. уровень жизни большинства европейцев, даже жителей северо-запада Европы, был уникально высоким. Соответственно, представляется маловероятным, чтобы достаточно высокой была ценность их капиталов, если капиталы эти оказались не в состоянии обеспечить им лучшие условия жизни. При этом следует выделить предположение Джонса о том, что капиталы европейцев были подвержены обесцениванию в меньшей степени. Существует много вариантов того, каким образом их преимущество в долговечности капиталов с течением времени могло сводиться на нет в силу прочих отличий (например, в силу более низкого уровня общих объемов капиталовложений или нехватки квалифицированных трудовых ресурсов), но постепенно проявилось позднее, когда значимость прочих отличий снизилась. Однако на сегодняшний момент есть немного оснований принимать данные предположения как достаточно состоятельные.

58. Lee and Wang (готовится к печати): 20–21; Lee and Campbell 1997: 90–95.

59. Zhongqing 1994: 3.

60. Bozhong 1994a: 57–58.

Вполне возможно, что здания европейцев выдерживали на- тиск стихий лучше, чем здания китайцев и японцев, которые так- же прибегали к таким строительным материалам, как кирпич и камень. Тем не менее у нас нет соответствующих данных, что- бы утверждать, что именно европейцы были впереди остальных в этом вопросе или что никаких иных компенсирующих нена- дежность капиталов отличий не существовало.

Джонс также полагает, что наиболее частые для Европы бед- ствия, в том числе стихийные (главным образом эпидемии, вой- ны и неурожай), уничтожали в первую очередь трудовые, а не ка- питальные ресурсы, в то время как землетрясения и наводнения, более привычные для многих частей Азии, чем для Европы, под- вергали капитальные средства опасности уничтожения в гораз- до большей степени. Однако и здесь существуют основания со- мневаться в том, что это давало европейцам сколько-нибудь су- щественное преимущество.

Да, как правило, за одно-два поколения население оправля- лось от любых, кроме самых страшных, бедствий, в то время как последствия разрушения капитальных средств давали о себе знать значительно более продолжительное время. Самым из- вестным примером, возможно, является многовековой упадок Ирана и Ирака, ставший результатом разразившихся в XIII в. войн и приведший к разрушению оросительных систем<sup>61</sup>. Одна- ко если основы общества разрушены не были, то даже самые сложные объекты инфраструктуры зачастую можно было восста- новить, пусть на это и требовалось больше времени, чем населе- нию на восстановление после эпидемий. Так, ирригационные си- стемы в долине Янцзы были восстановлены довольно быстро по- сле того, как ситуация в регионе нормализовалась с окончанием многолетнего периода войн, эпидемий чумы, экономического упадка и снижения численности населения, которыми был от- мечен XVII в.<sup>62</sup>, а после сравнимых абсолютных (но не propor- циональных) разрушений тех же систем в середине XIX в. и во- все в течение нескольких лет<sup>63</sup>. При этом наводнения и земле- трясения вряд ли способны разрушить основы общества в боль- шей степени, чем эпидемии чумы или засуха. Таким образом, если только основы обществ в странах Азии не страдали от войн больше, чем основы обществ европейских стран, а выдвигать

61. Abu-Lughod 1989: 193–197.

62. Will 1980; Perdue 1987: 211–219.

63. Bernhardt 1992: 129–134.

подобные предположения затруднительно в силу того, что в Европе раннего Нового времени войны были весьма частым явлением, в то время как по крайней мере в Китае и Японии они велись гораздо реже, а физические потери в большинстве войн в странах Юго-Восточной Азии были довольно небольшими<sup>64</sup>, утверждение о менее выраженном обесценивании капитала в Европе достаточно несостоятельно. (В более поздней работе Джонс переносит акцент с отличий в фактических разрушениях и потерях на предположение о том, что эра правления монголов привела к установлению в Азии чрезвычайно консервативных систем — позже мы еще вернемся к данному предположению<sup>65</sup>.) И, наконец, приведенные Джонсом данные не дают нам никаких оснований полагать, что заменить уничтоженный физический капитал было сложнее, чем капитал человеческий, который Европа, судя по всему, теряла по крайней мере столь же стремительно, как и Китай, Япония и, вероятно, Юго-Восточная Азия.

Более того, не существует и каких-либо свидетельств того, что ткачи, сельхозработники и прочие трудящиеся Европы отличались значительно большей производительностью, чем те же категории трудящихся в других частях Евразии, хотя они должны были отличаться, если в их распоряжении был капитал больших объемов или качества. Мы уже убедились в том, что жизнь европейцев не отличалась ни большей продолжительностью, ни более высоким качеством, что значимо не только само по себе, но и по причине того, что, выплачивая более высокую *реальную* заработную плату своим работникам, европейские производители не были поставлены в менее выгодные условия по сравнению с азиатскими. Соответственно, если бы их работники отличались большей производительностью, они были бы способны продавать свои товары на азиатских рынках. Однако все имеющиеся свидетельства указывают на то, что европейским торговцам было не в пример труднее реализовывать свои товары на рынках Азии, чем находить рынки сбыта для азиатских товаров в Европе, независимо от того, шла ли речь о предметах роскоши или товарах массового потребления. (Вполне возможно, что, несмотря на одинаковый с европейцами уровень питания, жители азиатских стран владели по сравнению с ними меньшим числом прочих товаров, хотя в главе 3 мы убедимся, что по крайней мере китайцы и японцы в этом плане от европейцев не отставали.) Да, главный

64. Reid 1988a: 121–128.

65. Jones 1988: 130–146, прежде всего с. 145–146.

источник азиатского экспорта в Европу — Индийский субконтинент — одновременно с этим представлял собой, по мнению многих ученых, крупный азиатский регион с крайне низким уровнем жизни трудящихся (как мы убедимся в главе 3, как по причине неравенства в распределении доходов, так и по причине низких реальных уровней производства на душу населения). При этом текстильные и прочие товары из Китая также пользовались на протяжении XVIII и значительной части XIX в. большой популярностью в Европе и Америке (и не только среди состоятельных граждан)<sup>66</sup>.

### А как обстояли дела с технологиями?

Уже к 1850 г. по крайней мере страны северо-запада Европы обладали выраженным технологическим превосходством над остальной частью Старого Света, и превосходство это не могло быть результатом развития лишь в течение XIX в. Однако, как уже было продемонстрировано в предыдущих разделах, маловероятно, что европейцы в XVIII в. отличались в целом более высокой производительностью, чем, скажем, китайцы или японцы; а это значит, что нам следует обозначить пределы тезиса об общем технологическом превосходстве Европы по состоянию на 1750 г. и соответствующим образом задать цели для наших собственных объяснений. Полученными таким образом выводами признается важность культурных и институциональных факторов, которые помогли распространению «научной культуры», однако пока однозначно говорить о ее уникальности рано — данный вопрос требует дополнительных исследований. Эти выводы также указывают на менее значимую роль факторов политико-экономического характера (от патентного законодательства до почти постоянно ведущихся войн и высокой стоимости труда в Британии). При этом данные выводы позволяют говорить о большей значимости знаний, полученных из-за рубежа и касающихся некоторых ключевых технологий, а также ряда факторов географического характера и доступности ресурсов.

Если, согласно выдвинутому мною предположению, по состоянию на 1750 г. преимущества в общей производительности европейцы не имели, то представляется маловероятным, чтобы общий уровень применявшихся ими технологий был выше уровня

66. Сведения о размере американского рынка и об относительно небольших ценах на ткани см. в: Нео 1986: 28; Morse 1966: II: 61, 180, 256, 266, 322.

технологий, использовавшихся в других регионах мира. При этом вполне вероятно, что лучшие из европейских технологий, применявшихся главным образом в Британии, Республике Соединенных Провинций Нидерландов и в некоторых регионах Франции и нашедших применение в самых разных отраслях, были на тот момент и лучшими из имеющихся в мире. Распространение этих технологий в последующее столетие и должно было привести к снижению разницы между лучшими технологиями и технологиями среднего уровня, а значит, к формированию того преимущества в производительности, которое мы наблюдаем к 1850 г. (Неоспоримым, к примеру, является тот факт, что механика Ньютона позволила жившим в 1750 г. европейцам сконструировать насосы и шлюзы, превосходящие по своим характеристикам любые из имевшихся на тот момент механизмов в других частях мира, однако вполне возможно, что благодаря густой сети каналов Китай еще долгое время имел преимущество в средних показателях эксплуатации внутренних водных путей.) Но даже если настаивать на альтернативном мнении о том, что все преимущество Европы в 1850 г. явилось результатом изобретений, сделанных после 1750 г., следует задать себе вопрос: что именно послужило основой для этого внезапного взрыва изобретательности?

Значительная часть заслуг как в ускоренном распространении передового опыта в период после 1750 г., так и в огромном числе новых изобретений принадлежит тем составляющим «научной культуры», которые, по мнению Маргарет Джэйкоб и прочих специалистов, возникли прежде всего в Англии в период 1600–1750 гг., например возросшей грамотности населения и распространению печатного станка, относительной доступности публичных лекций и т. п. Данные феномены подкреплялись уверенностью в необходимости поощрять изучение природы механики, поскольку это не только вело к повышению материального благосостояния каждого отдельного человека, но и представляло собой альтернативу, стабилизирующую ситуацию в обществе, двум другим типам эпистемологии, имеющим политическую составляющую,—догматическим взглядам духовенства и (или) бытовавшим в среде населения заблуждениям, в основе которых лежали интуитивные, «открывшиеся» или магические знания о живой природе, Боге и социальном порядке<sup>67</sup>. Действительно, некото-

67. См. прежде всего: Jacob 1988: 27–30, 58–59, 64, 77, 81–82, 89, 110, 123, 150–151, 158, 209, 223.

рые элементы подобной конфигурации были уникальными чертами северо-запада Европы. В связи с этим следует, к примеру, отметить, что в XVII в. значительно возрос интерес китайцев к физике и математике, особенно в период после маньчжурского завоевания в 1644 г.<sup>68</sup>, и что местные издатели пришли к выводу, что продажа книг по медицине была отличным способом повысить реализацию своих тиражей, выполнить взятое на себя обязательство делать мир лучше посредством своей работы и держаться подальше от минных полей политических противоречий последовавшего за завоеванием периода<sup>69</sup>. В более общем плане необходимо отметить, что сложившаяся в Европе конфигурация, несмотря на всю свою пользу, оказалась далеко не единственным путем к технологическому прогрессу. Прочие регионы мира шли в развитии различных технологий впереди Европы или вровень с ней, следуя своим собственным путем как в разработке нововведений, так и в их распространении.

При этом неевропейские страны оставались лидерами во многих областях. Наиболее очевидным примером здесь, возможно, является ирригация, которую мы уже упоминали. Во многих прочих сельскохозяйственных технологиях Европа также отставала от Китая, Индии, Японии и отдельных частей Юго-Восточной Азии. Основанное в 1753 г. в Уэльсе Общество по совершенствованию сельского хозяйства приняло данный факт в качестве прописной истины, заявив, что ставит перед собой задачу приблизить день, когда Уэльс станет «столь же процветающим, как и Китай»<sup>70</sup>. Действительно, после того как мы убедились в схожести показателей продолжительности жизни населения, что ставит под сомнение утверждения о том, что европейцы питались намного лучше, огромные отличия в плотности населения между Европой и Восточной Азией являют собой прекрасное свидетельство того, насколько огромной была та разница между Уэльсом и Китаем, на сокращение которой нацелилось Общество по совершенствованию сельского хозяйства<sup>71</sup>. К этому следует

68. См., например: Henderson 1984; Kawata 1979.

69. Widmer 1996: 95–99, 103–104, 107–108, 113–115.

70. Bayly 1989: 80–81.

71. Разница в плотности населения между провинцией Шаньдун и Нидерландами, о которой уже упоминалось в примечании 45, представляет собой любопытный пример, поскольку ирригация не была особо значимым фактором для сельского хозяйства Шаньдуна. Информацию по китайским сельскохозяйственным технологиям в целом см. в: Grau 1984. В качестве примера из истории других стран можно обратиться к следующему факту:

добавить способность сельского хозяйства Китая и Японии не отставать (сельское хозяйство Европы после 1800 г. этому требованию соответствовать перестало) от быстрорастущего спроса на текстильное волокно и свидетельства (рассматриваемые в главе 5) того, что даже относительно отсталый Северный Китай опережал в вопросе сохранения урожайности своих почв Англию и Францию. Как мы убедимся далее, европейцы, пытаясь решить проблему сокращения лесных площадей и снижения плодородия почв, с которой они столкнулись в своих тропических колониях к концу XVIII в., многому научились у Индии и Китая, однако собственно в Европе опыт данных стран нашел применение уже в XIX в. Если вычесть огромные площади дополнительных земель, полученных европейцами по ту сторону Атлантического океана (благодаря удаче, оспе, насилию, а также навигационным и торговым навыкам), то совсем несложно представить себе, что выраженное технологическое отставание Европы в самой крупной отрасли экономик XVIII в. имело не меньшую значимость, чем превосходство Европы в других отраслях.

Европейцам XVIII в. предстояло ликвидировать отставание и в целом ряде прочих отраслей. Во многих областях ткачества и окраски тканей они еще только пытались скопировать соответствующие процессы текстильной отрасли Индии и Китая. Та же ситуация наблюдалась и в производстве изделий из фарфора. В 1827 и 1842 гг. двумя не связанными друг с другом специалистами были сделаны заявления о том, что железный прокат из Индии не уступал, а то и вовсе превосходил английский. При этом цена на него в 1829 г. была более чем в два раза ниже цены на английский прокат<sup>72</sup>. В различных частях Африки также производили большие объемы железа и стали, которые не уступали по качеству железу и стали, производившимся в Европе раннего Нового времени, несмотря на то что нехватка древесины, используемой в качестве топлива, ограничивала производство

---

земледельцы долины реки Кавери, Южная Индия, отдавали примерно 94% своего урожая, но при этом не умирали от голода (van Schendel 1991: 44). Это говорит о том, что один земледelec мог прокормить 16 человек (хотя, возможно, и не в такой степени, что они могли бы наесться досыта) и что производительность одного земледельца (не только из расчета на единицу площади) в некоторых частях Азии могла быть значительно выше показателей любых регионов Европы.

72. Информацию по стали см. в: Dharampal 1971: 243–244, 246–247, 260; по ценам на английскую сталь и по превращению передельного чугуна в стальную прокат см. в: Deane and Cole 1962: 222n. 5, 223n. 1. Информацию по ткачеству и окраске тканей см. в: Mitra 1978: 13.

в некоторых районах и могла приводить к высокой себестоимости продукции в местностях, отдаленных от тропических лесов<sup>73</sup>. Вряд ли где-нибудь в мире медицина на рассматриваемый момент отличалась крайне высокой эффективностью, при этом рода Восточной и, возможно, Юго-Восточной Азии были впереди в ключевых вопросах здравоохранения, таких как санитария и обеспечение населения чистой водой<sup>74</sup>. К одному из немногих численных медицинских достижений, имевших место в XVII и XVIII вв., — профилактике оспы Европа, Китай и Индия, судя по всему, шли независимо друг от друга<sup>75</sup>. Недавние исследования указывают на то, что по крайней мере в вопросах защиты здоровья матери и ребенка медицина в империи Цин, знание основ которой быстро распространялось в среде населения, превосходила европейскую медицину, несмотря на отсутствие фундаментальных концептуальных прорывов, сравнимых с работами Гарвея Харви по вопросам кровообращения<sup>76</sup>. Перечень данных достижений можно продолжать еще долго.

Таким образом, утверждение о том, что в 1750 г. Европе был свойствен уникальный уровень технологического развития, требует серьезных доказательств. Даже в области производства и использования энергии, возможно самом значимом преимуществе европейцев в XIX в., как я предполагаю далее, ситуация столетием ранее была гораздо менее ясной. Согласно оценкам Смита, в 1700 г. показатели использования энергии из расчета на душу населения в Китае и Западной Европе, вероятно, были сопоставимы<sup>77</sup>. И хотя эффективность отдельных энергогенерирующих установок (от водяного колеса до появившегося вскоре парового двигателя) стала одним из главных преимуществ Европы, Китай владел столь же выраженным преимуществом в эффективности своих печей, как отопительных, так и используемых в приготовлении пищи<sup>78</sup>.

В ретроспективе четко видно, что, принимая во внимание осуществленный в XIX в. переход Европы на доступные и обширные

73. Thornton 1992: 45–48.

74. См.: Hanley 1997: 104–105, 110–111, 119–120; Reid 1988a: 38.

75. Сведения по Индии см. в: Dharampal 1971: 141–164; по Китаю см. в: Du Jiaji 1994: 154–169.

76. Сведения по защите здоровья матери и ребенка см. в: Xiong 1995; по популяризации печатных изданий медицинской направленности см. в: Unschuld 1986: 183–197; Widmer 1996: 95–115, and Bray 1997: 311.

77. Smil 1994: 234.

78. См., например: Anderson 1988: 154.

запасы ископаемого топлива, ее достижения в использовании тепла обладали большим революционным потенциалом, чем преимущество Китая в эффективном улавливании тепла, однако лишь в ретроспективе и принимая во внимание такое преимущество, как удобное расположение залежей угля. Если бы нехватка топлива привела к замедлению промышленного роста Европы и индустриальный прорыв произошел бы поначалу где-то в другом регионе мира, то низкая эффективность европейских печей представлялась бы уже не несущественным «исключением» в истории возрастающего технологического превосходства, а одним из главных примеров технологической слабости, сдерживавшей развитие в данной области. Или если бы Новый Свет не обеспечивал Европу гигантскими объемами текстильного волокна, то произошедший в Европе раньше, чем где-бы то ни было, переход на механические прядильные и ткацкие станки представлялся бы просто любопытным фактом, а не центральным элементом сильнейшей трансформации. И мы бы сейчас указывали на низкие показатели урожайности в Европе как на свидетельство серьезной технологической слабости, которой была обусловлена необходимость отдавать большую часть земель под сельскохозяйственные культуры и которая привела к тому, что эти замечательные, но тем не менее недостаточно востребованные изобретения «чахли без дела», пока не нашли свое применение в других областях.

К концу данной главы мы еще вернемся к знаковым примерам применения пара и механического прядения и к их связи с ресурсами Нового Света. Пока же следует подчеркнуть, что общества неевропейских стран обладали серьезными технологическими преимуществами во многих областях даже во второй половине XVIII в., и то, что в долгосрочном плане данные преимущества будут выглядеть относительно маловажными, неизбежным не было. Даже на тот момент, когда европейские технологии стали стремительно развиваться в многочисленных областях жизнедеятельности человека, еще не был очевидным тот факт, что они сумеют помочь преодолеть слабости в вопросах землепользования, сохранности почв и расширения рынков, при этом преодолеть их достаточно быстро для того, чтобы развитие Европы не пошло путем, чреватым соответствующими долгосрочными последствиями и требующим применения тех самых трудоемких решений, которые мы обнаруживаем в Азии и в некоторых нетипичных регионах Западной Европы, таких как Дания.

Не стоит делать и заключения о том, что преимущества неевропейских стран были всего лишь уже не проявляющим себя на-

следуем когда-то великих, но теперь застоявшихся традиций. Хотя Азия XVIII в. и не может похвастаться тем, что Джозел Мокир определяет как «макроизобретения» — радикально новые идеи, уже сами по себе ведущие к изменениям в производственных возможностях, сама Европа как в период 1500–1750 гг., так и в эпоху, называемую промышленной революцией (1750–1830 гг.), тоже произвела на свет немного таких изобретений<sup>79</sup>. Между тем в различных географических и технологических областях менее значимые технические усовершенствования продолжали производиться. Европейские красители, снискавшие на непродолжительное время большую популярность в Китае, были вскоре скопированы местными изобретателями<sup>80</sup>, подобно тому как это происходило с копированием многих товаров европейскими производителями. В XVII в. было сделано открытие, позволяющее некоторым клеткам удерживать количество влаги, достаточное для того, что заниматься прядением хлопчатобумажного волокна даже в течение многомесячного сезона засухи, характерного для севера Китая. В течение последующих ста с лишним лет соответствующее нововведение распространялось подобно неконтролируемому огню, позволив региону с населением, значительно превышающим население любой европейской страны, заняться собственным производством текстиля и значительно сократить сезонную безработицу. Точно также же, как распространение практики применения ископаемого топлива, снизившей прежнюю необходимость выжимать максимум из каждой унции горючего материала, превратило эффективность китайских печей из ключевого фактора в простое примечание в текстах исторических исследований. Именно благодаря тому, что в течение последующего столетия любое производство текстильных тканей на дому окажется показателем «отсталости», открытие данных клеток представляется не рядовым фактом, а техническим прорывом, распространившимся с впечатляющей скоростью<sup>81</sup>.

Пример данных клеток значим еще и вследствие того, что, хотя мы знаем слишком мало о том, как именно происходило распространение соответствующего нововведения, тем не менее мы знаем, что оно имело место. Несмотря на то что собственно идея нововведения была простой, люди, которым требовалось обучиться ему, представляли собой беднейшие, разбросанные

79. Mokyr 1990: 13, 57, 83; Мокир 2014: 34, 97, 136.

80. Greenberg 1951: 87.

81. Bray 1997: 217–220.

по огромной территории и крайне малограмотные слои населения. То, что распространение подобного плана могло осуществляться достаточно быстро и в масштабах большой территории посредством механизма, остающегося для нас загадкой, должно было бы заставить нас быть осторожными в заключениях о том, что вследствие отсутствия научных обществ и увлекающихся трудами Ньютона священнослужителей Китая (и прочие страны) испытывал недостаток в способах распространению новых и полезных знаний. В настоящий момент нам известно сравнительно немного даже о научных дискуссиях в высших слоях общества, а как было продемонстрировано Бенджамином Элманом и другими специалистами, в XVIII в. подобные дискуссии были гораздо более яростными, чем мы это себе обычно представляем<sup>82</sup>. Да, научные дискуссии велись главным образом на классическом китайском и в основном посредством обмена письмами, а не в стенах соответствующих институтов, однако данные письма не были частными документами, а дискуссии охватывали множество вопросов и отличались компетентностью и зачастую практической направленностью. В условиях отсутствия научных обществ популяризация сложных открытий была, как правило, делом более долгим, чем в Англии или Голландии, и затрудняющим «перекрестное опыление» между академической наукой и практическими знаниями ремесленников. Тем не менее многое о возможном вкладе публикаций на местных языках в развитие науки и техники еще только предстоит выяснить, что становится особенно очевидным сейчас, когда нам стало известно о широком обмене текстами на местных языках по вопросам медицины (по общему признанию, самой престижной проблематике среди научных и технических вопросов). Более того, в отличие от Европы, где эти формальные научные общества зачастую играли центральную роль в защите науки от церкви, в Китае столь мощного и враждебного оппонента у науки не было, и непонятно, почему присутствие особого вида институтов, получивших развитие в Европе, должно было непременно рассматриваться в качестве обязательного условия наличия научного или технологического прогресса в других частях света. Именно поэтому вместо того, чтобы искать причины общего застоя китайских наук и технологий, чего в действительности не было, нам стоит обратиться к вопросу о том, почему пути их развития не смогли революционизировать китайскую экономику. Подобным образом, отда-

82. Elman 1990: 79–85.

вая должное институтам, с помощью которых происходило необычайно быстрое распространение достижений европейских науки и технологий в самых широких областях, нам необходимо определиться и с тем, какие именно пути развития оказались ключевыми для экономического роста и какие именно факторы этому способствовали. Заимствуя у Джозела Мокира его метафору (хотя и с целью, отличной от оригинальной), мне хотелось бы сказать: нам следует сравнивать не только «моторы» технологических изменений, но и «рулевые колеса», а также те территории, по которым осуществлялось продвижение различных обществ.

Мало того что Западная Европа не являлась лидером в каждой технологической области, так еще и среди областей, где лидером она все же была, лишь немногие оказались значимыми в долгосрочном плане. Так, к рассматриваемому моменту у западных европейцев были самые совершенные водяные колеса в мире<sup>83</sup>, однако само по себе это не давало европейским отраслям, использующим гидроэнергию, конкурентного преимущества, способного нивелировать высокую себестоимость перевозки (или высокую себестоимость в других производственных составляющих) и помочь завоевать рынки в других регионах мира. В любом случае это было преимущество, которым можно было воспользоваться лишь на некоторых территориях и которое имело свои ограничения даже в рамках данных территорий. То же можно сказать и о множестве прочих технологий, как европейских, так и разработанных в других частях света.

Далее в этой же главе мною будет выдвинуто утверждение о том, что наиболее значимые технологические решения, которыми была обеспечена стабильность экономического роста, были так или иначе связаны с землесбережением. Прежде всего речь идет о технологиях, касающихся добычи ископаемого топлива, позволившего снизить зависимость в получении энергии от древесины. Тем не менее большее распространение получило мнение, согласно которому ключевым фактором европейских технологических нововведений был упор на сокращение *трудозатрат*. Общепринятая точка зрения заключается в том, что отличия экономического характера (прежде всего тот факт, что трудящиеся Западной Европы были свободными гражданами, а их работа, предположительно, оплачивалась сравнительно хорошо) заставили европейцев (согласно некоторым версиям данной точки зрения, британцев) уделять первостепенное внимание именно

83. Smil 1994: 107.

трудоберегающим технологиям, в то время как другие общества особой необходимости в сокращении трудозатрат не испытывали. (Думаю, здесь совершенно очевидно, что в основе данной точки зрения лежат демографические утверждения Хайнала и (или) институциональные — Бреннера.) Согласно данной точке зрения, уникальная потребность Западной Европы в снижении масштабов применения дорогостоящих трудовых ресурсов в итоге привела к появлению машинного оборудования, современной промышленности и значительно повысившимся из расчета на душу населения производительности и уровню жизни, в то время как прочие общества были больше заинтересованы в поиске новаторских решений, направленных на сбережение земли, капиталов или каких-то конкретных дефицитных материалов. Соответственно европейцы не были более изобретательны, просто высокие издержки на заработную плату направили их усилия в таком направлении, которое привело к настоящей трансформации. Различные версии подобного утверждения выдвигают такие разные ученые, как Дж. Б. Хаббакук (сравнение Британии и континентальной Европы), Марк Элвин (сравнение Китая и Европы), Дэвид Уошбрук (сравнение Индии и Европы) и Андре Гюндер Франк (сравнение Европы и Азии в целом)<sup>84</sup>. Их мнение согласуется с общими утверждениями о том, что Европа была богаче остального мира еще в предшествующий индустриализации период. Однако данные притязания несостоятельны, за исключением, может быть, одной-двух конкретных отраслей.

Во-первых, здесь имеются проблемы эмпирического порядка. Как мы уже убедились в первой части данной главы, весьма высока вероятность того, что средние доходы в Японии, Китае и отдельных частях Юго-Восточной Азии были сопоставимы (а то и выше) с доходами жителей Западной Европы даже во второй половине XVIII в. Если это так, то утверждения о том, что европейским производителям пришлось столкнуться с более высокими издержками на заработную плату, должны основываться на одном из двух предположений. Можно допустить, что распространение доходов было более однородным в Западной Европе (или по крайней мере в Британии, если принять мнение о том, что промышленная революция зародилась именно там), значит, местные трудящиеся получали большую долю сопоставимого среднего дохода на душу населения, чем трудящиеся других регионов мира. Другое предположение состоит в том, что

84. Elvin 1973; Frank 1998; Habbakuk 1962; Washbrook 1988.

в обществе существует система несвободного труда, в результате чего трудящиеся, хотя и получая в среднем достаточно высокое вознаграждение, не могли рассчитывать на дополнительное вознаграждение за дополнительную работу или смену вида деятельности в случае, если их хозяева были не в состоянии предложить им достаточно прибыльной работы. При подобном сценарии, несмотря на наличие того, что принимается за высокую заработную плату, элитам было бы гораздо выгоднее заставить работников больше трудиться, чем инвестировать в трудосберегающие технологии.

Второй сценарий описывает ситуацию в некоторых частях Юго-Восточной Азии, где высококвалифицированные ремесленники, достаточно немногочисленные, чтобы их труд хорошо оплачивался, зависели от заказчиков-аристократов, которые брали их под свою «защиту» и монополизировали право на покупку их изделий<sup>85</sup>. Такое описание применимо и к некоторым частям Индии, при этом формально свободные или полусвободные (и зачастую малооплачиваемые) индийские ремесленники были более многочисленной группой населения, по крайней мере до тех пор, пока британские правители страны не запретили законодательно различные способы, с помощью которых ткачи избегали зависимости от лиц, предоставлявших им рабочий капитал<sup>86</sup>. Подобная модель была лишь в малой степени свойственна большинству китайских ремесленников даже в XV в. и фактически перестала существовать после того, как в XVI в. исчезла система назначения наследных ремесленников государством. Как мы убедимся в следующей главе, вполне возможно, что китайские трудящиеся были более свободны, чем трудящиеся раннего Нового времени в Европе, по крайней мере не меньше. На первый взгляд может показаться, что система подневольного труда была в большей степени уделом Японии эпохи Эдо, когда различные профессиональные статусы, ограничения на смену занятий, а также клиентурные отношения, как предполагается, были закреплены законодательно. Однако, как мы убедимся в следующей главе, реальность от законодательных предписаний сильно отличалась.

Вопрос о крайне дешевом наемном труде еще более сложен. В главе 3 будут представлены свидетельства того, что распределение доходов в империи Цин и в Японии эпохи Эдо в действитель-

85. Reid 1989: 61, 69–71; Reid 1988a: 135.

86. Mitra 1978: 37–41; Hossain 1979: 324–338; Arasaratnam 1980: 259–260, 263, 265, 268, 272, 278.

ности отличалось большим равенством, чем в Западной Европе в целом и в Британии второй половины XVIII в. в частности. (Что же касается Индии, то большая часть отдельных свидетельств, представленных в главе 3, указывает на то, что ей равенство в распределении доходов *действительно* было свойственно в меньшей степени, чем Европе; при этом достаточного числа соответствующих количественных данных нет, а некоторые из существующих дают основания толковать ситуацию совершенно по-разному.) Тем не менее даже сведения по Восточной Азии далеко не однозначны и в большинстве своем указывают на то, что верхушке общества в Китае и Японии доставалось не больше общенационального дохода, чем европейской элите. При этом, возможно, в Китае и Японии численность крайне бедных слоев населения была большей, чем в Западной Европе, в результате чего уровень оплаты неквалифицированного труда был существенно ниже европейского. Хотя я не вижу особых оснований полагать, что именно так все и было, а свидетельства европейцев, побывавших в Азии в период до 1840 г., говорят как раз о противоположном<sup>87</sup>, подобной возможности отвергать не стоит.

Более того, существует отдельное, хотя и связанное с вышесказанным и при этом более правдоподобное объяснение, способное увязать высокий уровень жизни в экономических центрах Китая и Японии с более низкой по крайней мере по сравнению с Голландией и Англией оплатой труда. Несмотря на то что во второй половине XVII и в XVIII в. значительная часть голландской и английской промышленности базировалась в сельской местности, существуют серьезные свидетельства, позволяющие говорить о том, что к этому моменту в указанных странах насчитывалось относительно небольшое число лиц, которые занимались то сезонными сельхозработами, то вне сезона переключались на другие виды деятельности<sup>88</sup>. Ранее многие промышленные рабочие

87. См., например: Staunton 1799: II: 138.

88. «Относительно небольшое число», разумеется, определение относительное. В то время как де Фрис и Аллен (de Vries, Allen), проводившие сравнения Нидерландов и Англии с другими частями Западной Европы и с более ранними периодами истории самих этих стран, с удивлением обнаружили, что трудящиеся не слишком-то и стремились к занятости и в протопромышленности, и в сельском хозяйстве, хотя могли это делать, принимая во внимание сезонный характер сельхозработ, Соколофф и Доллар (Sokoloff and Dollar 1997), проводившие сравнительный анализ Англии и США, были удивлены *многочисленностью* англичан, деливших свой труд между указанными отраслями еще в XIX в. Мы еще вернемся к примеру США и его значимости для целей настоящего исследования в главе 6.

подрабатывали и в сельском хозяйстве в разгар полевых работ, по крайней мере в Нидерландах, что позволяло им зарабатывать относительно неплохие деньги. По мере обособления рынков сельскохозяйственного и промышленного труда поденная оплата должна была возрастать, чтобы дать возможность трудящимся, которые теперь не имели работы круглый год, как-то сводить концы с концами; данный рост зарплат действительно имел место, хотя ценой ему стало повышение безработицы<sup>89</sup>. Что же касается китайских и японских ремесленников, то их оторванность от сельского хозяйства была менее выраженной; соответственно, по крайней мере в теории, изготовление черепицы, тканей и прядение волокна приносили им меньший доход, но при этом их уровень жизни был выше уровня жизни голландских и английских ремесленников. Подобный вариант вероятен, хотя достаточных свидетельств в его пользу нет, но если он все же окажется верным, то поможет согласовать результаты наших выводов с одним крайне сильным стимулом, заставлявшим по крайней мере некоторых европейских работодателей стремиться к использованию меньших объемов труда. (Это также означало бы, что у английских работодателей было меньше трудностей с тем, чтобы их предприятия работали круглый год, по сравнению с работодателями, чьи работники отлучались на сельхозработы. Соответственно они должны были быть более предрасположенными к инвестированию в централизованные предприятия и оборудование.) Европейским работодателям пришлось также столкнуться с проблемой относительно высоких цен на продукты питания, а это означало, что даже если им не приходилось платить повышенную реальную заработную плату, то они все равно выплачивали более высокую денежную составляющую зарплат, чем большинство, если не все, их азиатских конкурентов<sup>90</sup>.

Но даже если мы временно допустим верность утверждения о том, что зарплат в Западной Европе были выше зарплат в Азии, из этого все равно сложно заключить, что данный факт стимулировал технологические изменения, имевшие место во время промышленной революции. В условиях, сложившихся в период раннего Нового времени, высокие зарплат могли как препятствовать технологическим нововведениям в целом, так и способствовать изобретениям трудосберегающего характера. Это внешне парадоксальное утверждение выдвигается Джозлем

89. de Vries 1994a: 57–62; Аллен (Allen) цитируется в: Postel-Vinay 1994: 72.  
90. Parthasarathi 1998: 101–102.

Мокиром на основе построения модели, которая довольно точно воспроизводит реальную ситуацию XVIII в.<sup>91</sup> Предположим, предлагает он, что новые технологии являются частью новых средств производства, за которые еще нужно заплатить. Предположим далее, что основную часть издержек большинства производителей составляет заработная плата, а предполагаемые немногочисленные преимущества новой технологии недостаточно значимы, чтобы позволить фирме или стране с более высокими зарплатами снизить общие издержки в производстве конкретного вида изделий. Соответственно прибыль производителей, выплачивающих более высокую зарплату, как правило, будет меньше прибыли их конкурентов. Если, что было обычным делом вплоть до XIX в., банковского кредитования на приобретение нового оборудования не существует или же даже если в небольших объемах и существует, но зависит от прибыли фирмы, то приобретение принципиально нового оборудования приходится финансировать за счет отложенной прибыли и у производителей, выплачивающих более высокую зарплату, возможностей делать это будет меньше. Таким образом, вместо того чтобы финансировать изобретение трудосберегающих технологий, высокая заработная плата может в той же мере и препятствовать появлению любых технологий. И хотя подобная модель может казаться сегодня нелогичной, судя по всему, она соответствовала ситуации в более ранние эпохи. К примеру, она используется для объяснения того факта, почему весьма развитая голландская экономика, отличавшаяся высоким уровнем заработной платы, перешла на механизированную промышленность так поздно.

Более того, хотя индустриализация последних двухсот лет и характеризовалась главным образом экономией труда и большими расходами капитала, было бы анахронизмом предполагать, что именно это прежде всего и стояло за основными техническими изобретениями. Применение энергии угля и пара во всех видах производственных процессов в конце концов привело к огромной экономии трудозатрат, однако изобретения XVIII в., благодаря которым уголь стал использоваться для получения железа, изготовления стекла и пива, были направлены на экономию средств, выделяемых на приобретение энергоресурсов (уголь оказался дешевле древесины), а не на экономию труда. Паровые же двигатели, откачивавшие воду из угольных шахт, не могли замечать занятых той же задачей людей до тех пор, пока благодаря

91. Mokyr 1991: 177–181.

им не стала возможной эксплуатация определенных видов шахт, выкачать воду из которых вручную не представлялось возможным ни при каких условиях. Разработчики прочих технических усовершенствований в таких областях, как выдувка стекла, производство железа, не ставили перед собой задачу экономии каких бы то ни было производственных факторов — их задача заключалась в получении высококачественных изделий. Если творцы промышленной революции и экономили прежде всего труд, они об этом даже не подозревали. В своем исследовании патентодержателей XVIII в. Кристин Маклеод приходит к выводу, что большинство из них объявляли целями своих изобретений либо повышение качества изделий, либо экономию *капиталов* (цель, представляющуюся более логичной, если вспомнить, что в отличие от технологических изменений, имевших место в период после 1870 г., первые 100 лет промышленной революции характеризовались сравнительно дешевыми товарами производственного назначения), а экономию труда указывали своей целью лишь 3,7% изобретателей<sup>92</sup>. А если изобретатели особо заинтересованы в вопросах трудосбережения не были, то те, кто судил об их изобретениях, были заинтересованы в них в еще меньшей степени. Еще в 1720-х гг. заявление изобретателя о том, что его технология позволяла экономить труд, судя по всему, было для него скорее минусом<sup>93</sup>. Никаких сомнений в том, что в долгосрочном плане результатом изменений стала экономия труда, нет. Однако для специалистов, утверждающих, что высокая заработная плата заставила концентрировать внимание на конкретном направлении развития, суть вопроса, должно быть, кроется в сознательной мотивации.

И наконец, поскольку большинство товаров производственного назначения были относительно недорогими, даже у производителей, плативших достаточно невысокую заработную плату, должен быть стимул испытать их в действии. Здесь необходимо отметить, что даже в нашу собственную эпоху гораздо более дорогих товаров производственного назначения достаточно трудно продемонстрировать, что низкая заработная плата является препятствием для внедрения трудосберегающих технологий<sup>94</sup>. (Иногда подобные утверждения оказываются состоятельными при сравнении стран, отличающихся большой

92. MacLeod 1988: 158–181.

93. Jacob 1988: 92–93.

94. Mokyr 1990: 166; Мокир 2014: 262.

разницей в стоимости труда — например, при сравнении современных Пакистана и Германии, однако не при сравнении стран, где данная разница ощутима, но не огромна — например, при сравнении викторианской Британии и США. При этом следует отметить, что для периода, предшествующего середине XIX в., столь значимую разницу выявить проблематично, поскольку в то время разница в благосостоянии между отдельными странами была не столько велика, как сегодня<sup>95</sup>.) Если до XIX в. предприниматели были нацелены на получение максимальной прибыли, то единственными нововведениями, которые они стали бы внедрять, принимая во внимание дешевизну рабочей силы, в любом случае могли быть только те, что обеспечивали лишь незначительную экономию труда. Если бы работодатель приобретал, скажем, хлопкопрядильное оборудование лишь с подобной целью, то это обеспечило бы ему почти полное отсутствие каких-либо затрат на оплату труда. В главе 2 мы ознакомимся с различными случаями, когда китайские фермеры тратили деньги на цели трудосбережения, несмотря на утверждения Марка Элвина (и прочих сторонников мнения о зарплате как стимуле нововведений), что владельцы предприятий в Китае игнорировали трудосберегающие нововведения по причине дешевизны китайской (в отличие от европейской) рабочей силы.

При этом гипотеза, касающаяся высоких зарплат, может все же быть актуальной для одной ключевой отрасли — производства хлопчатобумажных тканей, для которой ее значимость подчеркивается и Броделем, и Франком<sup>96</sup>. Здесь какой-либо двусмысленности относительно того, на что именно были нацелены нововведения, практически нет: они позволили сократить, возможно, более чем на 90% затраты труда, необходимого для получения единицы объемов волокна<sup>97</sup>. И в то время как столь огромная экономия должна была быть интересна любым работодателям независимо от уровня выплачиваемой ими заработной платы, она могла быть особенно привлекательной для английских производителей хлопчатобумажных тканей, которым приходилось иметь дело с гораздо более высокой номинальной себестоимостью труда, чем индийским производителям, с которыми они конкурировали за рынки, где стоимость

95. Lazonick 1981: 491–516; сведения о масштабах различий в уровне государственных доходов в 1800 г. и сегодня см. в: Baigoch 1975: 3–17.

96. Braudel 1984: 522, 575; Бродель 1992: 537–538, 593; Frank 1998: 289–291.

97. Chapman — цитата из: Мокыр 1990: 98–99; Мокыр 2014: 159.

тканей играла существенную роль (Западная Африка, Ближний Восток и особенно Новый Свет, где рабы носили одежду из самой дешевой хлопчатобумажной ткани). Ткани, ввозимые в рассматриваемый период Китаем (включая продукцию, которую Цзяннань, ведущий производитель тканей, поставлял в другие части страны), были достаточно хорошего качества, а цена была не главным фактором потребительского выбора<sup>98</sup>. Однако британские производители не могли конкурировать с индийскими на Ближнем Востоке, в Африке и Новом Свете без сокращения себестоимости труда.

Разумеется, британские производители текстиля могли запросто этого не сделать и проиграть битву с индийскими производителями: потребность далеко не всегда ведет к нововведениям. Что же касается Британии *в целом*, то вопрос о том, удастся ли ее производителям текстиля завоевать данные рынки, в видящейся на тот момент перспективе особо важным не представлялся, поскольку Британская Ост-Индская компания занималась продажей товаров их конкурентов. Хотя данные рынки сбыта текстиля и были весьма важными со стратегической точки зрения, любая потребность выходить на эти рынки была потребностью самих производителей, а не Англии. (Стратегически наиболее важным из данных рынков была Западная Африка, поскольку приобрести рабов здесь можно было лишь в обмен на определенные ткани. По крайней мере часть требующихся тканей была изготовлена из достаточно дорогого и высококачественного материала, однако британских торговцев рабами волновала не столько стоимость тканей, сколько необходимость иметь на борту достаточное их количество, поэтому прежде всего они закупали ткани индийского производства и уже во вторую очередь — отечественного<sup>99</sup>.)

Итак, формула «высокая зарплата / потребность» испытывает затруднения и здесь. Тем не менее она может иметь определенную значимость и в этом затруднительном, но важном случае. По крайней мере с его помощью можно сделать предположение, как именно принципы *мировой* торговли изделиями текстильной отрасли и способы ведения конкурентной борьбы английскими производителями с производителями, например, из Бенгалии могли привести к активизации усилий по поиску путей механизации прядения и ткачества. Во-первых, Бенгалия отличалась

98. Bozhong 1998: 108.

99. Klein 1990: 291–293.

низким уровнем оплаты труда (во всяком случае его низкой денежной составляющей), а во-вторых, после 1757 г. Британская Ост-Индская компания все чаще прибегала в Бенгалии к насилию, чтобы добиться снижения производителями цен на текстиль до уровня ниже рыночных<sup>100</sup>. Более того, данная формула помимо прочего действительно иллюстрирует, насколько важно найти обоснования конкретных изобретений, а не индустриализации в целом, рассматривая данные обоснования в контексте соответствующих отраслей и ожиданий, которые питали в отношении данных изобретений их современники, и пытаясь при этом подобрать примеры, значимые и для такого более широкого феномена — зарождения европейского превосходства.

У специалиста, знающего, как именно разворачивалась промышленная революция, есть соблазн искать преимущества Европы в двух ее наиболее важных и динамично развивавшихся секторах — текстильной промышленности и угольно-железо-паровом комплексе, причем прежде всего во втором секторе. И здесь у Европы действительно можно выявить преимущества, причем зачастую в самых неожиданных аспектах.

В китайской текстильной отрасли долгое время применялись машины, отличавшиеся лишь одной из действительно значимых деталей как от прядильной машины Джеймса Харгривса, так и от ткацкого станка с летающим челноком, изобретенного Джоном Кеем<sup>101</sup>. Таким образом, не стоит говорить, что у Западной Европы было существенное преимущество в используемых в данной отрасли технологиях еще до того момента, как эти изобретения были сделаны. Как не стоит и делать вывод о том, что раз последняя деталь, которой не хватало, в ретроспективе представляется несложной, ее отсутствие указывает на то, что технологическая инновация в Китае застыла. Значительная часть европейских технологий, относимых к XVIII в., была разработана 150 годами ранее, однако столь долгий промежуток между их изобретением и собственно применением вовсе не является показателем технологического застоя Европы<sup>102</sup>. Следует помнить: то, что представляется нам очевидным сейчас, на тот момент очевидным быть не могло.

100. См: Mitra 1978: 46–47, 51, 63–66, 75–92, 113–115, 126–127, 14–15; сравнения уровня

ней оплаты труда см. в: Chaudhuri 1978: 157, 273.

101. См., например: Mokyr, 1990: 221; Мокир 2014: 347.

102. Например, Hobsbawm 1975: 38.

Более того, все могло сложиться так, что английские изобретения в текстильной промышленности оказались бы второстепенными фактами истории, а не крупными нововведениями. В период, когда британцы первыми усовершенствовали процесс хлопкопрядения, хлопок был отнюдь не главным волокном в текстильной отрасли Европы. Механизация же льнопрядения и шерстопрядения заняла гораздо более продолжительное время. И, как мы удостоверимся в главе 5, для дальнейшего расширения в Европе производства изделий из льна и шерсти существовал ряд серьезных препятствий экологического и социального характера. На протяжении большей части XVIII в. хлопок в Европу ввозился из-за рубежа, причем в ограниченных объемах. При этом повышение спроса на хлопок-сырец, вызванное новой технологией прядения, спровоцировало резкий рост цен, что без расширения хлопковых плантаций на американском юге сильно ограничило бы пользу от данной технологии<sup>103</sup>.

Данная проблема может быть выражена более общей формулировкой. История технологического развития зачастую видится следующим образом: в результате какого-либо технологического прорыва появляются тормозящие дальнейший процесс развития факторы, что заставляет концентрировать усилия на их преодолении и ведет к новому технологическому прорыву, подобно тому как нововведения в производстве тканей создали определенные стимулы для ускорения процесса прядения. Тем не менее столь же часто проблема сдерживающих факторов решается простым выделением большего числа ресурсов без смены технологий, и чем дольше данный процесс перераспределения ресурсов продолжается, тем меньше стимулов искать технологическое решение. (Хорошим примером может служить стремительный рост числа рабочих, занятых в угледобыче в конце XIX в., поскольку использование ископаемого топлива для самых различных целей резко увеличилось, а каких-либо существенных изменений в сторону повышения производительности самой угледобычи сделано не было<sup>104</sup>.) Применительно же к механизированному производству текстиля сдерживающий фактор был связан с необходимостью повышения объемов хлопка-сырца (и других волокон) через расширение соответствующих плантаций и привлечения больших трудовых ресурсов.

103. См., например: Bruchey 1967: table 2-A (порядковые номера страниц для таблиц отсутствуют).

104. Parker 1984: 38; Mokyr 1985a: 107–108.

Как мы сможем убедиться в главах 5 и 6, Европа вряд ли обладала необходимыми для разрешения данной проблемы площадями. (Несмотря на рост поголовья овец в Польше и России<sup>105</sup>, оно оставалось недостаточным для покрытия существующих потребностей, а производство хлопка — минимальным.) Между тем трудовые ресурсы, использовавшиеся для разрешения данной проблемы, состояли в основном из рабов-африканцев. Что же касается европейских трудовых ресурсов, то они находили здесь применение в перевозке грузов по морю, торговле, обеспечении силовой поддержки и промышленном производстве (товаров, обмениваемых на рабов в Африке и на собственно хлопок). Как будет продемонстрировано в главе 6, подобное перераспределение трудовых ресурсов для устранения данного фактора сдерживания оказалось в долгосрочном плане более благоприятным для Европы, чем стало бы увеличение числа сельскохозяйственных работников для расширения производства волокна на самом континенте даже при наличии необходимых для этого земель. (Китай и Япония пошли именно этим путем, выжимая из одних земельных угодий большие объемы пищевых и топливных ресурсов за счет повышения трудозатрат и переводя другие земельные угодья, использовавшиеся ранее как лесные массивы или для выращивания пищевых культур, под выращивание волокна; при этом в долгосрочном плане подобный подход обошелся им дорого.) И хотя в примере с хлопком все до непривычного ясно, прочие сельскохозяйственные отрасли и рост спроса населения на еду привели к возникновению новых сдерживающих факторов, которые были преодолены без необходимости использования большего числа земельных ресурсов Европы или применения больших объемов труда. Партхасаратхи рассматривает индустриализацию в качестве частично британского решения проблемы, которую представлял собой следующий порочный круг: низкая урожайность земли  $\Rightarrow$  дорогие продукты питания  $\Rightarrow$  высокое денежное вознаграждение труда  $\Rightarrow$  низкая конкурентоспособность<sup>106</sup>. Однако следует помнить, что сама по себе индустриализация не могла разрешить проблему, которая, как предполагается, и привела к технологическим усовершенствованиям в промышленности без одновременного удовлетворения сельскохозяйственных потребностей трудящихся и соответствующих отраслей. И поскольку, как мы удостоверимся далее, в период с 1750

105. Gunst 1989: 73–74.

106. Parthasarathi 1998: 107.

по 1850 г. урожайность британских земель увеличилась несильно, решение данной проблемы потребовало привлечения торговых партнеров, участие которых в процессе обеспечивало бы наличие дополнительных земельных площадей.

В общем смысле вполне нетрудно представить себе ситуацию, когда огромный рост производительности в хлопкопрядении и производстве хлопчатобумажных тканей не привел к фундаментальному решению свойственных XVIII в. экологических проблем. Необходимому для производства тканей волокну так или иначе требовалась земля, и конкуренция за земельные ресурсы между четырьмя неперменными средствами существования, определенными Мальтусом, — едой, энергоносителями, волокнами и строительными материалами, на значительной территории Европы в XVIII в. только возрастала. При росте цен на еду и энергоносители, обгоняющем рост заработной платы<sup>107</sup>, что было свойственно большей части Европы XVIII в., спрос на текстильные товары не мог расти бесконечно даже при падении себестоимости производства пряжи и тканей, и новым текстильным технологиям пришлось искать свое применение в прочих отраслях. Данные обстоятельства в развитии производства хлопчатобумажных тканей могли легко закончиться лишь интенсификацией рассматриваемых в главе 2 процессов, которые уже были свойственны продолжавшемуся долгое время росту сельских «ремесленных отраслей» и связаны с ускоренным ростом населения, повышением нагрузки на землю, более интенсивным трудом, застоем в росте реальной заработной платы, а в перспективе — скорее с экологическим тупиком, а не прорывом.

Западной Европе XVIII в. пришлось столкнуться с серьезными экологическими задачами, на которых мы остановимся более подробно в главе 5. Если же говорить вкратце, то необходимо отметить следующее: демографическая и экономическая экспансии, пришедшиеся на XVI и XVIII вв., прежде всего на вторую половину XVIII в., привели к массовой вырубке лесов в Западной Европе, в результате чего частота лесных пожаров и объемы древесины из расчета на душу населения упали ниже показателей, свойственных даже самым густонаселенным районам Китая, не говоря уже об Индии. Вырубка лесов привела к возникновению новых проблем. Археологические свидетельства по Франции и Германии позволяют говорить о том, что XVIII в. стал одним из двух худших столетий в истории с точки зрения масштабов

<sup>107</sup> Goldstone 1991: 186; Labrousse 1984: 343, 346–347.

эрозии почв. Документальные свидетельства указывают на целый ряд территорий, где вырубка леса привела к появлению сильных песчаных бурь, падению урожаев и прочим проявлениям влияния человека на экологию<sup>108</sup>. Проведенные в Новое время исследования эрозии указывают на то, что она является ярким проявлением целого ряда более широких проблем почв<sup>109</sup>. К тому же во второй половине XVIII в. имело место необычное природное явление, известное как европейский муссон, когда чрезвычайно продолжительные периоды засухи прерывались необычайно сильными дождями. Подобные дожди не только сильно разрушали почву, но и наносили немалый ущерб урожаю, поскольку у европейцев (в отличие, скажем, от индийцев) не было мощных ирригационных систем, достаточных для хранения и перенаправления больших объемов воды. Что именно стало причиной данного климатического феномена, непонятно, однако чаще всего он проявлялся на территориях, подвергшихся в наибольшей степени рубке лесов<sup>110</sup>, поскольку деревья смягчают резкую смену периодов засухи и дождей. Одна из современных территорий, расположенная в зоне умеренного климата, но испытывающая феномен муссона, — это подвергшийся массовой рубке лесов Северный Китай<sup>111</sup>. (При этом Северный Китай расположен гораздо южнее и соответственно ближе к регионам, испытывающим влияние тропического климата, чем север Европы.)

Данные экологические проблемы не стали частью определенного Мальтусом *кризиса*, который должен был вот-вот закончиться резким падением уровня жизни европейцев. Наоборот, в ряде регионов они стали следствием повышения уровня потребления из расчета на душу населения, а также роста населения. Однако они привели, как мы увидим, к серьезным препятствиям для дальнейшего экономического роста. Тем не менее XIX в., несмотря на рост европейского населения и повышение потребления из расчета на душу населения, был отмечен стабилизацией факторов экологического характера. После четырех столетий рубки площади лесных массивов в Западной Европе в период с 1800 по 1850 г. стабилизировались, а в Британии, Франции, Германии

108. Blaikie and Brookfield 1987: 129–40, особенно 138; Kjaergaard 1994: 18–22. Дополнительную информацию см. в главе 5.

109. Blaikie and Brookfield 1987: 139.

110. Ibid., p. 133.

111. Chao 1973: 22–25, 30–31.

и Бельгии в XIX в. и вовсе увеличились<sup>112</sup>. Эрозия почв снизилась, а плодородие стабилизировалось и даже улучшилось; «европейский муссон» исчез, сменившись более типичным режимом осадков<sup>113</sup>.

Очевидно, что благодаря этому значительная часть европейских достижений промышленной революции должна была избежать наблюдавшейся уже продолжительное время ситуации, когда экономический рост требовал все больше земельных ресурсов. И за несколькими исключениями (например, Дании) достижение более высоких урожаев при одновременном сохранении плодородия почв не потребовало огромных объемов дополнительного труда (в отличие от практики, хорошо известной благодаря трудам Эстер Бозеруп). Более того, во второй половине XIX в. объемы труда на единицу площади даже снизились. Однако те технологические открытия в химии, что сегодня позволяют капиталу самым невероятным образом (прежде всего посредством применения искусственных удобрений и производства искусственных, а не возвращенных материалов) заменять собою землю и труд, относятся к самому концу XIX и XX столетия. Так как же была достигнута стабильность факторов экологического характера при постоянном росте европейской экономики?

Чтобы понять, каким образом стал возможным самоподдерживающийся рост экономики, необходимо обратиться в соответствии с рекомендациями Эдварда Ригли к тем процессам, которые позволили снизить нагрузку на землю. Ригли подчеркивает возросшее использование угля, который производил гораздо больше энергии на единицу поверхности, чем древесина<sup>114</sup>. К этому я также прибавил бы продовольственные сельхозкультуры Нового Света, прежде всего картофель, которыми обеспечивалось беспрецедентное для Европы количество калорий на единицу посевной площади. Лучшее понимание экологии и землепользования (особенно использования лесных ресурсов), как показал Ричард Гроув, европейцы получили из опыта колоний, равно как огромные ресурсы ими были получены благодаря применению существующих технологий в новых обширных заморских территориях.

112. Williams 1990: 181. Информацию по отдельным странам см. в: Darby 1956: 203–204; ср. с: Cooper 1985: 139п. 2 (Франция) и Williams 1990: 181 (Германия).

113. Blaikie and Brookfield 1987: 132–133.

114. Wrigley 1988: 80–81.

Технологический аспект последнему фактору был свойствен далеко не в главной мере. Более подробно мы остановимся на нем в главе 6. Сейчас же достаточно будет сказать, что Новый Свет давал не только землемские товары (хлопок, сахар, затем пшеницу, лес, мясо и шерсть), но и такие восстанавливающие почву ресурсы, как гуано. Картофель, лучшее понимание экологии, уголь, а также описание условий, сделавших их столь значимыми, — все это часть рассматриваемой в настоящей главе истории технологий.

Картофелем обеспечивалось большее число калорий на единицу посевной площади, чем существовавшими на тот момент европейскими сельхозкультурами. В XVIII в. картофель получил свое распространение в Китае и Японии, однако почти исключительно в высокогорных районах, поскольку в долинах большие урожаи на единицу посевной площади уже обеспечивались рисом. В Европе же, где урожаи зерновых были гораздо меньшими (как на единицу посевной площади, так и из расчета на одно зерно), картофель завоевал равнинные территории в таких густонаселенных регионах, как Ирландия и Бельгия (заменив собой к 1791 г. во Фландрии 40% калорий, получаемых из зерновых продуктов)<sup>115</sup>, а несколько позже в значительной части Центральной и Восточной Европы.

Менее известным по сравнению с картофелем фактором стали технологические нововведения: в XIX в. европейцы начали применять принципы научного сохранения своих лесов и понимать важность деревьев для сохранности экосистем в целом. То, как именно европейцы пришли к данному технологическому прорыву, тщательным образом описано Ричардом Гроувом. Любопытно то, что, хотя данный процесс был многим обязан европейской науке — механика Ньютона сыграла важную роль в понимании того, как именно деревья перерабатывали воду и влияли на местный климат, некоторые популярные в Европе идеи явились в этом и помехой: еще в начале XIX в. многие европейские врачи и ботаники обвиняли леса в производстве болезнетворных испарений и рекомендовали их вырубку в качестве здравоохранительной меры<sup>116</sup>.

Консолидация понимания европейцами экологических вопросов, которая случилась, как представляется, весьма вовремя, что-

115. Braudel 1981: 170; Бродель 1986: 187.

116. Grove 1995: 408.

бы стабилизировать ситуацию на северо-западе Европы<sup>117</sup> и помочь ей избежать участи некоторых частей Средиземноморья, а то и вовсе Северного Китая, была связана с ее заморской империей следующим образом. Во-первых, именно на тропических островах европейцы впервые подметили взаимосвязь между изменениями в землепользовании, климатом (прежде всего установлением засух) и изменениями в качестве почв, происходящими столь стремительно, что стало ясно: теоретически данную проблему не разрешить. Во вновь колонизированных же частях Индии, где спрос на товары со стороны европейского потребителя и изменения в системе владения землей привели к быстрой трансформации землепользования, европейцам открылось, что та же динамика экологических изменений могла быть свойственной и континентальным территориям. Более того, европейские ботаники, врачи и официальные представители колониальных властей (зачастую некоторым лицам приходилось совмещать сразу все эти должности), выявившие данную взаимосвязь, почерпнули очень многое из опыта Южного Китая, особенно Южной Индии, обращавшихся с экосистемами не в пример искуснее европейцев. (Опыт Японии мог быть еще более значимым, однако доступ в страну для иностранцев был практически закрыт<sup>118</sup>.) Наконец, более слабая система защиты прав собственности в колониях и относительная независимость колониальных режимов от местных собственников дали возможность колониальным должностным лицам в британских, французских и голландских колониях проводить с местным природоохранительным законодательством эксперименты, которые были бы просто немыслимы в метрополии. Знания, почерпнутые из опыта заморских территорий, легли в основу лесного хозяйства Европы и США

117. Как будет понятно из главы 5, частота лесных покровов на большинстве территорий континентальной части Западной Европы превышала аналогичный показатель Британии, однако в XVIII в. ей пришлось столкнуться с более серьезной нехваткой энергоносителей и более быстрым ростом цен на древесину, поскольку в большинстве районов какого-либо эквивалента используемому в Британии углю не существовало.

118. Информацию по заимствованиям из опыта Индии, которые, по утверждению Гроува, «были более важными... чем набор любых идей, импортированных из других стран» (с. 382), по крайней мере в период до 1857 г., см. в: Grove 1995: 387–388, 406, 440, 471–472; по заимствованиям из опыта Китая см. с. 187; по более ранним периодам см. с. 77–80. Данные по официальным взглядам на экологию в Китае и недостаточное понимание ее важности см. в: Dunstan 1997. Сведения о лесоводстве в Японии см. в: Totman 1989.

XVIII в., пособий по использованию зеленых насаждений для поддержания и улучшения качества пахотных земель и т.п.<sup>119</sup> Таким образом, заморская империя помогла Европе избавиться от своего технологического отставания в агролесоводстве (благодаря культивации картофеля и знаниям в таких областях, как экология и ботаника<sup>120</sup>), обеспечив наравне с импортом ресурсов, который мы еще рассмотрим далее, импорт важнейших знаний.

При этом последние серьезные изменения в наших землезащитных технологиях имели чисто европейские корни: речь здесь идет о расширении применения угля, особенно в Великобритании, как в целях отказа от использования древесного топлива, так и в качестве основы совершенно новых процессов.

Более ранним взглядам на промышленную революцию свойственно первостепенное внимание к углю. Столь же серьезное внимание уделялось лишь хлопку, железу, стали и железным дорогам, причем, за исключением хлопка, все эти вопросы так или иначе были связаны с углем. Однако в последнее время отводимой углю роли стало придаваться меньшее значение. Специалисты обратили внимание, например, на тот факт, что поначалу механизмы большей части фабрик приводились в движение силой воды, а не угля, а что большая часть английского угля использовалась для обыденных и не слишком значимых в инновационном плане задач обогрева жилья и приготовления пищи. Повторно центральная роль угля была подтверждена Эдвардом Ригли: согласно его расчетам, для замены объемов использовавшегося к 1815 г. в Англии угля понадобилось бы 15 млн акров лесов. Если бы Ригли использовал для расчетов взвешенный коэффициент перевода, то и вовсе 21 млн акров<sup>121</sup>, однако не совсем ясно, какие именно выводы можно сделать на основе этих цифр. Если бы угольного бума не было, потребление Англией дополнительных объемов древесины выросло бы несильно (Ригли и сам не утверждает обратного), поскольку дополнительной древесины у нее не было. При этом мы не в состоянии утверждать, что в данном случае случилось бы закрытие определенного количества производственных печей и падение выпуска изделий из стекла, а дома нечем было бы топить. Адаптационные меры потребовали бы сложного сочетания таких действий, как снижение тем-

119. Grove 1995: 435, 463–464, 471–472, 480.

120. Morton 1981: 118–121.

121. Wrigley 1988: 54–55; дополнительную информацию по коэффициенту перевода см. в главе 6, примечании 1016.

пературы воздуха в домах, приобретение большего числа одежды, уменьшение объемов производства железа. При этом мы не можем быть уверенными в том, что конкретные промышленные нововведения, не говоря уже об индустриализации в целом, в условиях отсутствия угля не состоялись бы.

Тем не менее по крайней мере частичный возврат к бытовавшему ранее мнению о важнейшей роли угля представляется оправданным как по причинам, выдвинутым Ригли, так и по ряду других. Пусть вода и приводила в движение механизмы большего числа фабрик, чем уголь, однако ее географическая доступность была ограничена, ее нельзя было перевозить, а цикличность сезонов дождей не всегда отличалась надежностью. Более того, вода не могла заменить собой топливо как в разнообразнейших химических и физических процессах (от пивоварения до металлургии и изготовления красителей), так и в транспортной революции, сыгравшей огромную роль в разделении труда. Что же касается такой ключевой отрасли, как производство железа (и соответственно стали, строительства железных дорог и т.д.), то очень трудно понять, какой была бы альтернатива отсутствию угля. Да, Хаммерсли продемонстрировал, что вопреки более ранним утверждениям производство железа в Англии в период 1660–1760 гг. не уменьшилось и, скорее всего, критического недостатка в доступном топливе не испытывало: согласно его оценкам, для удовлетворения потребностей производства железа в Англии того периода было бы достаточно лесов, занимавших 2% территории Англии и Уэльса<sup>122</sup>. К концу XVIII в. лес покрывал лишь 5–10% территории Британии<sup>123</sup>. Таким образом, даже в идеальных условиях максимально возможные объемы производства перелесного чугуна при использовании древесного угля составили бы в Британии примерно 87,5–175 тыс. тонн, причем к 1820 г. реальные объемы его производства достигли в стране 400 тыс. тонн<sup>124</sup>. Даже не принимая во внимание потребность в древесине для прочих целей, направить всю древесину на производство

122. Hammersley 1973: 602–607; см. также: Flinn 1978: 139–164.

123. Williams 1990: 181.

124. Harris 1988: 25, 56. Флинн (Flinn 1978: 145) также указывает на то, что при отсутствии ископаемого угля нехватка древесного угля сильно затруднила бы развитие производства железа в Англии после 1750 г.; задача Флинна при этом заключалась в демонстрации того, что более ранний уровень объемов производства мог поддерживаться и далее и что кризиса дефицита древесного угля, который вызвал бы к жизни развитие производства железа с применением ископаемого угля, не было.

железа с помощью древесного угля было бы непосильной задачей. Производственные печи должны были располагаться не только вблизи залежей железа, но и рядом с речными водоемами, обеспечивавшими работу мехов, а древесный уголь, использовавшийся в производстве железа, невозможно было перевозить на расстояния, превышающие 10–12 миль (предпочтительно менее 5): печам требовались большие куски древесного угля, при перевозке же на дальние расстояния он крошился на более мелкие, а то и вовсе превращался в пыль<sup>125</sup>. Таким образом, хотя Хаммерсли и демонстрирует, что производство железа в 1760 г. не сталкивалось с энергетическим кризисом, а тем более что сокращение лесных площадей *не* было причиной такого технологического прорыва, как производство железа с помощью ископаемого угля, те же цифры указывают на то, что дальнейший рост производства железа требовал наличия угля.

В большинстве прочих британских отраслей переход на уголь был осуществлен раньше, чем в производстве железа<sup>126</sup>. Таким образом, он значительным образом предваряет собой стремительное расширение использования угля в паровых двигателях. Соответственно бум применения угля в паровых двигателях вызвать к жизни соответствующие нововведения не мог, что однако не отменяет его значимости в расширении данных отраслей. Даже если уголь использовался главным образом для отопления домов, без него стоимость топлива для промышленности была бы гораздо выше. Да, реальные цены на древесный уголь в Англии стабилизировались в 1700–1750 гг. после периода резкого роста в 1550–1700 гг. (при этом все ценовые показатели по древесине и древесному углю необходимо использовать с чрезвычайной осторожностью)<sup>127</sup>. При этом следует отметить, что дешевый уголь постепенно становился все более доступным благодаря строительству соответствующих дорог и каналов еще до того, как паровой двигатель сделал возможным разработку более глубо-

125. Harris 1988: 26; Flinn 1958: 150.

126. Harris 1988: 26.

127. Хаммерсли (Hammersley 1973: 608–610) указывает на то, что в силу высокой себестоимости транспортировки цены на древесину от местности к местности сильно варьировались, и очень часто на местном рынке доминировал один продавец или покупатель, что делало цены крайне ненадежным показателем достаточности или нехватки древесины. Более того, цены на древесный уголь включали значительные трудовые издержки его производства, а потому лишь в незначительной мере были связаны с ценами на древесину.

ких пластов. Однако, как мы вскоре удостоверимся, эти постепенные усовершенствования были достаточно незначительными по сравнению с теми, что произошли благодаря пару (прежде всего в период после 1750 г.), и вскоре достигли бы своих пределов. Более того, после 1750 г. произошло новое повышение цен на древесный уголь, возможно, вследствие роста производства железа, несмотря на повышение добычи ископаемого угля<sup>128</sup>. Значительно более дорогие энергоресурсы должны были бы послужить серьезным препятствием для количественного расширения многих отраслей. При этом несложно представить себе и ограничения, которые подобный сценарий наложил бы и на технологические нововведения. Как мы еще убедимся, даже сам паровой двигатель был поначалу столь громоздким, «прожорливым» и опасным в эксплуатации, что эксперименты с ним могли показаться не стоящими того, чтобы совершенствовать его и далее, если бы стоимость топлива для него была существенно выше и угольные шахты сами не оказались идеальным местом для его применения. В главе 5 мы еще вернемся к вырубке лесов (и континентальной Европе); пока же достаточно понимать значимость роли угля в технологических прорывах Британии, прежде всего в производстве железа, стали, пара, электричества и в развитии транспорта.

Более того, хотя рассматривать угольный бум начала XIX в. через призму всех тех путей, посредством которых ископаемое топливо *в конце концов* ослабило остроту дефицита земельных ресурсов (хотя собственно в сельском хозяйстве это произошло благодаря удобрениям), было бы излишне телеологичным подходом, необходимо признать, что его появление, без сомнения, стало ключевым шагом. Сила воды, несмотря на все усовершенствования водяного колеса, попросту не обладала равнозначным потенциалом по обеспечению в течение грядущих десятилетий производства энергии, значительно обгоняющего быстрый рост населения, и не могла дать возможность химии заменить собой землю. Соответственно в итоге представляется целесообразным рассматривать добычу и применение угля в качестве наиболее вероятного европейского технологического преимущества, имеющего чисто европейскую природу, представляющего собой ключевой фактор в совершенном в XIX в. прорыве и, в отличие от текстиля, не зависящего в полноте своего развития от доступа Европы к заморским ресурсам.

128. Flinn 1978: 143–145, 147–148; Hammersley 1973: 608–610.

Паровые двигатели играли здесь ключевую роль и как машины, использующие уголь для реализации прочих процессов, и как источник энергии для более эффективных водяных насосов, способствовавших масштабному расширению собственно добычи угля. Майкл Флинн отмечает, что, несмотря на все разнообразие способов использования ветра, воды, силы тяжести и лошадей для откачки воды из шахт, ни один из них не был бы особо эффективен на глубинах, на которых залегалось большинство угольных запасов страны. Таким образом, без пара «горная промышленность Британии едва ли расширилась бы [превысив объемы добычи 1700 г.] и, возможно, пережила бы снижение доходности»<sup>129</sup>. Вместо этого с увеличением числа и эффективности использовавшихся в горной добыче паровых двигателей объемы добычи в последующие 50 лет увеличились примерно на 70% и более чем на 500% в период между 1750 и 1830 гг., доведя общий прирост примерно до 900%<sup>130</sup>.

Разные паровые двигатели конструировались изобретателями различных стран еще до XVIII в., однако стать чем-то большим, чем просто диковиной, им не удавалось<sup>131</sup>. Китайцы уже давно поняли соответствующий базовый научный принцип — наличие давления воздушной атмосферы — и изобрели (в качестве «ящика — мехов») систему двойного действия «поршень — цилиндр», очень напоминавшую паровую машину Джеймса Уатта, а также устройство преобразования кругового движения в линейное, которое не уступало прочим подобным устройствам, известным в период до XX в. Все, что им оставалось сделать, это использовать поршень для кручения колеса, а не наоборот. (В конструкции мехов целью был поток раскаленного воздуха, приводившийся в движение поршнем, а не шаг в сторону приведения в движение колеса). Иезуитский миссионер, которым были продемонстрированы в 1671 г. функционирующие миниатюрные модели кареты и парохода, приводимые в движение паровой турбиной, судя по всему, создал их на основе как китайских, так и западных изобретений<sup>132</sup>. Соответственно в строго технологическом смысле данная технология, являющаяся центральной для промышленной революции, могла бы быть изобретена и за пределами Европы. И мы никогда не сможем сказать

129. Flinn 1984: 114.

130. Ibid., p. 26, 121–128.

131. Данные по Китаю см., например, в: Needham 1965: 255.

132. Needham 1965: 135–136, 225–226, 369–370, 387.

с полной определенностью, почему она была поначалу изобретена именно в Европе. Тем не менее мы в состоянии выделить причины, по которым Европа, а точнее Британия, была наиболее вероятным кандидатом в качестве места, где могли произойти взаимосвязанные события, касающиеся угля и пара и сыгравшие центральную роль в промышленной революции. Сравнение Англии с Дельтой Янцзы, где имела место схожая ситуация с чрезмерным потреблением древесины и где существовали и развитые технологии, и экономика, в основе которой лежала коммерция, показывает, что преимущество Европы зиждилось как на удачном стечении географических обстоятельств, так и на общем уровне технических навыков и в гораздо меньшей степени — на каком-либо (возможно, и не существовавшем в действительности) превосходстве в рыночной эффективности экономики в целом.

Именно Британия обладала технологическими знаниями и опытом, в которых Западная Европа XVIII в. признается мировым лидером. Речь идет прежде всего о горной добыче, однако сюда же следует отнести другие области, соответствующая значимость которых на первый взгляд далеко не очевидна: производство часов, огнестрельного оружия и навигационных приборов.

История китайского горного дела в целом и угледобычи и в частности оставляет много вопросов. Север и северо-запад Китая обладают огромными залежами угля, и в течение того периода, когда в состав Северного Китая входил центр политического, экономического и демографического притяжения для остальных частей страны, Китаю удалось создать гигантский угледобывающий и железопроизводственный комплекс. Так, согласно оценкам Хартвелла, объемы производства железа в Китае в 1080 г., вероятно, превосходили показатели Европы, за исключением России, в 1700 г. Более того, указанный комплекс был не только гигантским, но и хорошо развитым. Так, судя по всему, китайские производители железа владели технологиями получения и применения кокса (очищенного каменного угля) — свидетельства владения данными технологиями более нигде не встречаются на протяжении еще многих веков<sup>133</sup>. Однако в период с 1100 по 1400 г. север и северо-запад Китая пережил целый ряд катастроф: вторжение и захват территорий (монголами и прочими народами), гражданские войны, масштабные пото́пы (приведшие, в частности, к тому, что река Хуанхэ изменила

<sup>133</sup> Hartwell 1967: 102–159.

свое русло) и эпидемии чумы. Племена чжурчженей, вторгавшиеся в регион в XII в., часто требовали, чтобы самые искусные ремесленники столичного региона были отданы им в качестве компенсации за временное снятие осады; сколько этих ремесленников впоследствии вернулись из плена, неизвестно<sup>134</sup>. К тому моменту как на данной территории установилась относительная стабильность (после 1420 г.), экономико-демографический центр Китая уже безвозвратно сместился к экологически более благоприятному Югу. Значительную часть территорий Северного Китая пришлось заселять заново, что было осуществлено в XV в. по приказу правительства за счет переселения жителей из других регионов<sup>135</sup>.

Сегодня нам известно, что вопреки тому, что предполагалось ранее, после нашествия монголов добыча железной руды и изготовление изделий из железа были восстановлены. В провинциях Гуандун, Фуцзянь, Юньнань и Хунань возникли новые центры производства. В определенной мере отрасль удалось восстановить и на северо-западе. К 1600 г. общие объемы производства достигли новой отметки — не менее 45 тыс. тонн, а производственные технологии претерпели изменения<sup>136</sup>. В исследовании Хуаня Циченя, из которого нам и известен факт восстановления производства железа после монгольского завоевания, очень мало говорится об использовавшихся топливных ресурсах. При этом удивительно то, что все новые производственные центры, на долю которых, согласно его оценкам, приходилось более 70% производства железа, располагались на сильном удалении от мест добычи угля, из чего следует, что железо выплавлялось главным образом с помощью древесины и древесного угля<sup>137</sup>. Нам по-прежнему известно крайне мало, что именно происходило с производством железа в XVII и XVIII вв. При этом сам Хуань Цичень предполагает (на основе крайне немногочисленных свидетельств), что оно снизилось<sup>138</sup>. Если так оно и случилось или если его объемы просто не удалось увеличить, то отказ от ископаемого топлива, ставший результатом смещения центра страны в период после монгольского завоевания, вполне мог оказаться фатальным.

134. Needham 1965: 497.

135. Huang 1985: 114–115; 1959: 136–137.

136. Qichen 1989: 1–2, 46, 84.

137. Ibid., p. 2, 70–72.

138. Ibid., p. 2.

Что же касается добычи и применения ископаемого угля вообще, то здесь многое нам по-прежнему неизвестно. Утверждение Хартвелла о том, что отрасль так и не смогла оправиться от монгольских вторжений и сопутствующих бедствий, может быть однажды оспорено, как это произошло с его параллельным утверждением, касающимся производства железа. Пока же этого не произошло, и даже если однажды выяснится, что добыча и применение ископаемого угля никогда и не снижались так сильно, как это ему представляется, мы можем быть уверены, что одной из ведущих отраслей китайской экономики добыча и применение угля уже больше не были.

Остается неизвестным, как сильно вследствие бедствий XII–XIV вв. пострадали знания, касающиеся добычи и применения ископаемого угля, а потеря таких знаний представляется вполне вероятной, поскольку еще в XIX веке и в Китае, и в Европе знания эти зачастую передавались устно от мастеров своим подмастерьям и не существовали в письменном виде. И когда многое из этих знаний больше не использовалось и не развивалось по причине того, что Китай — регион с крупнейшими запасами ископаемого топлива — превратился в отсталую территорию, располагавшуюся вдали от основных рынков и оторванную от живительных контактов с прочими категориями рабочих. Хотя добыча угля и осталась значимой отраслью для Китая, она навсегда утратила свою роль передового сектора. Все более важная роль стала отводиться различным нововведениям энергосберегающего характера, включая поджаривание пищи в казане вместо варки в более глубокой посуде.

В XVIII в. долина нижнего течения Янцзы, самая богатая и одна из наиболее сильно пострадавших от вырубки лесов, расширила географию приобретения необходимой ей древесины, а также используемого в качестве удобрения соевого жмыха за счет торговли с территориями, располагавшимися выше по течению и вдоль морского побережья. (Наличие данного удобрения позволяло населению использовать в качестве топлива траву и отходы сельскохозяйственных культур, которые в противном случае пришлось бы применять именно в качестве удобрения). Хотя подобные, связанные с торговлей полумеры не исключали одновременных экспериментов с ископаемым топливом, с которым они сосуществовали в других регионах и могли запросто сосуществовать и в Дельте Янцзы, не оставив при этом каких-нибудь документальных свидетельств. Вряд ли возможно, чтобы именно уголь был особо привлекательным для ремесленников и предпри-

нимателей долины нижнего течения Янцзы: как сам регион, так и удобные для доступа территории углем богаты не были. На долю девяти южных провинций приходится лишь 1,8% всех современных угольных запасов Китая, а на его 11 восточных провинций — 8%, в то время как на северо-западную провинцию Шаньси и на Внутреннюю Монголию приходится 61,4%<sup>139</sup>. Хотя в различных частях Южного Китая существовал ряд угольных шахт, а на севере<sup>140</sup> еще и в достаточной для торговых поставок близости с Пекином, они были не так велики и неудачно расположены, чтобы воспользоваться огромными потребностями в топливе со стороны самого богатого региона страны. По крайней мере время от времени непоследовательность правительственных мер им также мешала<sup>141</sup>. А крупнейшие залежи, которые в теории должны были бы оправдать инвестирование в совершенствование добычи и перевозки угля, располагались на северо-западе.

Хотя выгода от связывания залежей угля в северо-западных районах с Дельтой Янцзы и кажется в ретроспективе столь огромной, что можно легко вообразить попытки со стороны отдельных лиц реализовать столь масштабное предприятие, остается неясным, как именно они могли бы его осуществить. При этом бо́льшая часть выгоды от подобного предприятия, видимая нам сейчас, принимая во внимание наши знания о применении угля, не была заранее очевидной.

Между тем занимавшиеся эксплуатацией северо-западных шахт лица, жившие в довольно отсталом регионе, вряд ли могли узнать о технологических нововведениях в других местностях, применяя их для решения собственных проблем, и имели немного возможностей встретить на своем жизненном пути ремесленников, овладевших искусством специализированного производства изделий роскоши, таких, например, как часы. Такие ремесленники, конечно же, существовали, и в своих навыках, а может, и численности они не слишком уступали европейским коллегам, однако почти все они жили в Дельте Янцзы или вдоль юго-восточного побережья — в регионах, которым была характерна настоящая одержимость часами и игрушками со сложными внутренними механизмами<sup>142</sup>. И даже если бы занятые работой

139. Jingzhi 1988: 93.

140. Для ознакомления с перечнем существовавших в XVII в. угледобывающих районов см., например: Qichen 1989: 70–72.

141. Qichen 1989: 109–140.

142. См.: Needham 1965: 513–515, 522, 525–528, 531 (Нидхэм упоминает часы производства XVII в. размером с дюйм, весьма сложные в изготовлении, и часо-

на шахте люди и поняли, каким именно образом усовершенствовать свои технологии добычи, у них не было оснований полагать, что добыча больших объемов угля дала бы им возможность насытить огромный рынок: судя по всему, непреодолимые транспортные проблемы все равно не позволили бы им поставлять свой уголь богатым, но испытывающим дефицит топлива потребителям из крупнейших городов Китая<sup>143</sup>.

Шахты в Суйчжоу и Сусяне, Северный Цзянсу, неподалеку от Великого канала, возможно, отличались самым удобным расположением среди всех шахт, обладавших потенциальным доступом к Дельте Янцзы. Однако даже стоимость угля, добывавшегося в Суйчжоу, в эпоху правления династии Цин увеличивалась вдвое к тому моменту, как он прибывал в уездный центр, который был также и одним из портов канала<sup>144</sup>. Подобно прочим шахтам, расположенным севернее, во времена империи Сун эти шахты являлись частью комплекса тяжелой промышленности, основными отраслями которой была добыча железа и соли. Судя по всему, им не удалось полностью оправиться после серии потрясений, выпавших на долю региона в XII–XIV вв. В XVIII в., когда правительство приступило к стимулированию разработки угольных месторождений в данном регионе с целью обеспечения необходимым топливом Дельты Янцзы, им было принято решение о выдаче лицензий на ведение горных работ даже беднякам и безработным, которые выкапывали главным образом неглубокие шахты<sup>145</sup>. Представляется маловероятным, чтобы даже шахтам с наибольшей капитализацией удалось бы добиться серьезных технологических прорывов, необходимых для преобразования энергетической, транспортной и металлургической отраслей Китая. Наличие же столь малозначимых производителей угля в тех немногих районах, которые находились в достаточной близости как от крупных рынков, так и от мест сосредоточения

---

вых мастеров, способных воспроизвести самые утонченные из поставляемых из Европы изделий); см также с. 285 и 296 для сведений об одометрах с дифференциальной передачей, датирующихся XI в.

143. Информацию о транспортных расходах см. в: Skinner 1977a: 217. См. также: Wright 1984: 9. Райт отмечает, что после доставки угля с одной из шахт северо-запада Китая до берега реки в 50 километрах от шахты его стоимость возрастала пятикратно. Данные по Европе см. в: de Vries and van der Woude 1997: 37: «Исторически эксплуатация залежей энергоресурсов в гораздо большей степени зависела от себестоимости перевозки, чем от издержек на собственно добычу».

144. Mingxia 1991: 27.

145. Ibid., p. 19, 21.

искусных ремесленников и рабочих, вряд ли могло исправить ситуацию.

И, наконец, крупнейшая техническая проблема, с которой пришлось столкнуться китайским производителям угля, особенно на северо-западе страны, самым фундаментальным образом отличалась от той, с которой приходилось иметь дело их английским коллегам. Английские шахты, как правило, сталкивались с проблемой подтопления, и для ее решения требовались мощные насосы. Для китайских шахт подобная проблема была не так актуальна: вместо этого они были такими сухими, что в них постоянно существовала опасность самовозгорания. Именно эта проблема, решаемая посредством вентилирования, а не насосов, и занимала автора самого важного технического сборника Китая рассматриваемого периода. И хотя проблема так и не была полностью разрешена, по мнению одного из современных специалистов по истории горного дела, данный сборник содержал крайне передовые для своего времени решения<sup>146</sup>. Даже если бы еще более совершенная вентиляция и снизила остроту проблемы или же если бы уголь был столь востребован, что за него платили бы больше в качестве компенсации за опасность его добычи, собственноручно вентиляционные технологии не смогли бы помочь решить проблему транспортировки угля и проблемы более общего характера в той же мере, в какой удалось решить проблему британских шахт с помощью насосов. Таким образом, хотя общие навыки, ресурсы и экономические условия в *Kumae*, принимаемом как абстрактное целое, могли благоприятствовать угольно-паровой революции не в меньшей мере, чем в *Europe* в целом, распределение данных факторов было таково, что вероятность подобной революции выглядела гораздо более призрачной.

В отличие от Китая крупнейшие запасы европейского угля были расположены в куда более многообещающем регионе — Британии. Это означало близость залежей к великолепно функционирующему водному транспорту, к самой динамичной в коммерческом плане европейской отрасли, к большому числу квалифицированных рабочих в прочих регионах и, что придавало вопросам добычи и применения угля дополнительную актуальность, к обществу, которое к 1600 г., а то и раньше начало испы-

146. Yingxing 1637: juan 11, цитируется в: Mingxia 1991: 23. Вода представляется не столь существенной проблемой даже для шахт в Сюйчжоу — районе, отличавшемся гораздо большей влажностью, чем северо-запад. Ibid., p. 27.

тывать серьезную нехватку древесины<sup>147</sup>. И хотя лес и изделия из древесины завозились морем, это было гораздо более дорогим видом транспортировки, чем сплав бревен, именно так обеспечивались потребности Дельты Янцзы. Соответственно стимулы к использованию относительно доступного угля и хотя бы к тому, чтобы больше узнать о нем, были гораздо большими. Действительно, с 1500 г. и позже основная составляющая спроса на уголь в Англии — потребность в отоплении домов. Население пользовалось углем из-за его дешевизны, хотя получаемый в результате горения сильный дым и представлял собой проблему<sup>148</sup>. Промышленные же отрасли, начиная с пивоварения и заканчивая выплавкой стекла и железа, не могли его использовать из-за загрязняющих веществ, попадавших в их продукцию вместе с дымом, до тех пор пока вопрос не был разрешен в XVIII в. благодаря ряду новых технологий<sup>149</sup>.

Значительная часть знаний, касающихся добычи и применения угля, была накоплена рабочими и не была задокументирована в письменной форме даже в XIX в. Так, Джон Харрис указывает на тот факт, что в течение XVIII в. вышло гораздо меньше письменных трудов, посвященных добыче и применению угля, на английском языке, чем на французском, именно по причине того, что те мастера, которые и должны были знать все тонкости, передавали соответствующую информацию устно. При этом Харрис демонстрирует, что попытки французов скопировать различные производственные процессы, подразумевавшие применение угля, терпели неудачи, несмотря на то что им удалось воспроизвести необходимое оборудование, по той причине, что производство, скажем, огнеупорных тиглей требовало крайне подробных знаний и выполнения действий буквально по долям секунды, чего можно было добиться лишь посредством опыта, а финансовый ущерб от ошибки мог быть весьма серьезным. Важнейшие знания о том, сколько именно времени следует держать изделие в огне, под каким углом и как оно должно выглядеть с разных сторон, настолько укоренились в сознании работавших с угольными печами и при этом они существенно отличались от знаний, необходимых для работы с дровяными печами, что мастер первой традиции не имел бы понятия, что именно следует объяснить

147. Более подробную информацию см. в главе 5 и Nef 1964: 174, 263–264.

148. Nef 1932: 156–158; Wrigley 1988: 77–78.

149. Nef 1964: 158, 183, 203; Nef 1932: 215–224.

о процессе своей работы мастеру второй традиции<sup>150</sup>. Эффективный обмен необходимыми знаниями состоялся лишь после создания смешанных коллективов английских мастеров главным образом после 1830 г.

Таким образом, мы убеждаемся в том, что технологические знания были важнейшей составляющей того европейского технологического прорыва, которым стало использование угля. При этом само развитие знаний было поставлено в зависимость от продолжительного опыта работы, сопровождавшегося многочисленными неудачами, при наличии больших объемов недорогого топлива. Подобный опыт был возможен благодаря тому, что навыки мастеров, потребительский спрос и сам уголь были сконцентрированы поблизости друг от друга. Без подобной географической удачи развитие технологий в отдельных производственных областях было возможным, однако будущее данных технологий (например, в использовании и совершенствовании дровяных производственных печей) имело свои пределы, а движение путем, который в итоге привел к использованию огромных запасов энергии, просто не состоялось бы. Ситуация в Китае, когда его залежи угля были удалены от Дельты Янцзы в гораздо большей степени, чем французские от парижской конгломерации, лишь еще больше подчеркивают удачу Англии.

Паровой двигатель представлял собой еще более важный технологический прорыв, чем медленный и постепенный прогресс в угледобыче и в развитии знаний о том, как именно предупреждать попадание частиц угольного дыма в пиво, стекло и железо. Как мы уже удостоверились, Британии повезло в том, что проблема добычи угля предстала именно в виде необходимости откачивать воду из шахт, а не предотвращать самовоспламенение, поскольку ее решение привело к развитию двигателей, нашедших применение во множестве иных сфер. Однако паровой двигатель не изобрел себя сам, и здесь местоположение также оказалось значимым фактором технологического прогресса.

Эффективность парового двигателя была обеспечена и последовательным его совершенствованием многочисленными мастерами, в том числе лицами, занятыми в совершенно неожиданных областях. Как указывает Мокир, истинное технологическое преимущество Европы (и Британии перед Европой) заключалось не в инструментах или механизмах, а в приборах — напольных и карманных часах, телескопах, подзорных трубах и т. п. Хотя

150. Harris 1992: 18–33, особенно с. 21–23, 27, 30–31.

данные технические новинки и нашли определенное применение как средства производственно-технического назначения прежде всего в морской навигации<sup>151</sup>, главным образом они стали предметами обихода для состоятельных граждан, в первую очередь зажиточных горожан<sup>152</sup>. При этом именно заимствование навыков точной расточки и калибровки из производства приборов и в некоторой степени огнестрельного оружия и позволило Томасу Ньюкомону создать достаточно неплохой первый паровой двигатель, а Джеймсу Уатту усовершенствовать его, в результате чего эффективность двигателя увеличилась четырехкратно<sup>153</sup>. Живя спустя более двух столетий после этих постепенных усовершенствований, сделавших двигатели безопаснее, экономичнее<sup>154</sup> и компактнее по сравнению с любым из их прототипов, мы привыкли полагать, что потенциал даже самого примитивного парового двигателя был настолько очевидным, что его нельзя было не взять на вооружение сразу же, как только он появился. Однако очевиден его потенциал лишь в ретроспективе. Даже с учетом отдельных навыков, заимствованных из производства оружия и приборов, высокая себестоимость, крупные габариты и прочие недостатки данных двигателей привели к тому, что в течение 88 лет (1712–1800 гг.) после появления первого двигателя Ньюкомона было собрано лишь 2,5 тыс. подобных машин<sup>155</sup>. Прочие отрасли и изобретатели сделали ставку прежде всего на усовершенствование водяного колеса. Так, фон Тунзельманн полагает, что себестоимость энергии для единицы силы в текстильном оборудовании, приводимом в движение паром, удалось снизить значительным образом лишь после 1830 г., и пока этого не произошло,

151. Еще одна область, где Британия была первой в Европе, а Европа — в мире. Хотя морской транспорт был хорошо развит и в Азии, превосходя в некоторых аспектах даже европейский, основные пути азиатских судов пролегли вдоль суши, и значительно реже они выходили в открытый океан, где самые элементарные ошибки в навигации могли оказаться катастрофическими. Здесь технологические потребности мореплавателей, пересекающих Атлантический океан (подобных переходов азиатские мореплаватели не совершали), были вне всякого сомнения значительно выше, как значительнее был и спрос со стороны армии и военного флота на приборы, помогавшие в наведении артиллерийских орудий.

152. Thompson 1967: 66–70.

153. Мокуг 1990: 85, 103–104; Мокир 2014: 139, 165–166.

154. В период между изобретением Уатта и 1770 г. эффективность двигателя вновь возросла четырехкратно. См.: Мокуг 1990: 90; Мокир 2014: 146.

155. Ibid., p. 88; там же, с. 143–144.

вода (в соответствующих местностях) оставалась вполне конкурентоспособной<sup>156</sup>.

И лишь в добыче угля преимущества данного типа двигателя были столь очевидными, что их число в данной отрасли в течение всего нескольких десятилетий быстро выросло, достигнув в 1800 г. тысячи, а их применение помогло трансформировать целую промышленность<sup>157</sup>. В шахте крупные габариты парового двигателя проблемой не являлись, как не была проблемой и невероятная себестоимость необходимого ему топлива, которая с удаленностью от места добычи только увеличивалась. Более того, надшахтные паровые двигатели зачастую использовали некондиционный мелкий уголь, такой дешевый, что его транспортировка в другие местности могла попросту не оправдать себя финансово, что делало топливные издержки паровых двигателей практически нулевыми<sup>158</sup>. Каким бы невероятным ни казался подобный сценарий развития событий сегодня, но если бы не постепенно возрастающее преимущество парового двигателя за счет заимствования знаний из прочих областей, не расширение практического опыта посредством экспериментирования на ближайших угольных полях и не низкая себестоимость собственно угля, паровой двигатель не стоил бы того, чтобы его популяризировать.

Наведение социальных мостов между ремесленниками, предпринимателями и источниками научных знаний стало триумфом «научной культуры», о которой говорит Маргарет Джэйкоб и в которой у Европы могло быть значительное преимущество (хотя, чтобы быть в этом уверенными, нам необходимы дополнительные исследования). Но даже сегодня уже можно говорить о том, что если бы с проблемой огромных расстояний между угольными шахтами и промышленными центрами пришлось столкнуться Европе, а не Китаю, то вполне вероятно, что результаты развития двух стран могли оказаться совершенно иными. Во всяком случае история более раннего угольно-железного комплекса Китая дает основания считать именно так.

Резкий рост технологических открытий в Европе, разумеется (и об этом было уже немало сказано), явил собой неперемное условие промышленной революции, но прежде чем мы поставим европейскую техническую мысль над технической мыслью прочих регионов мира XVIII в. и утвердим ее в роли *источника* евро-

156. von Tunzelmann 1978: 224, 289.

157. Mokyr 1990: 88, 90; Мокир 2014: 143–144, 146.

158. von Tunzelmann 1978: 62–63.

пейского превосходства, необходимо вспомнить о значимости случайного совпадения географических и удачного сочетания прочих обстоятельств в том, что британские уголь и паровые двигатели стали движущей силой индустриализации. Если, как видно в ретроспективе, Европа и сделала ставку на победившую в итоге скаковую лошадь, то факторы, которые привели к победе, были самым непосредственным образом связаны с удачными, прежде всего свойственными Англии обстоятельствами (по большей части географическими). Сами по себе европейские науки, технологии и философские предпочтения не представляются достаточным объяснением, а предполагаемые отличия в экономических институтах и в ценах на факторы производства недостаточно значимыми. Наконец, как мы удостоверимся в нижеследующих главах, даже этот энергетический прорыв мог вполне оказаться недостаточным по причине европейского демографического бума, пришедшегося на конец XVIII и XIX в., если бы не были решены прочие проблемы обеспеченности ресурсами в значительной степени благодаря завоевания Европой остальных частей света. А без ослабления остроты данных проблем, случившегося благодаря углю и колониям, одни лишь европейские изобретения не смогли бы создать такой новый мир, где нехватка земельных территорий не являлась препятствием для неограниченного и стабильного роста экономических показателей из расчета на душу населения.

Рыночные экономики  
в Европе и Азии

Если Западная Европа не выделялась в 1750 г. особенно высоким уровнем благосостояния, то, может быть, ее институты в большей степени подходили для задач начавшегося в этот момент стремительного развития? Если определять институты достаточно широко, то данное предположение *должно* быть верным по крайней мере для стран северо-запада Европы. При этом самое распространенное мнение о том, что Западная Европа развивалась быстрее всех по причине того, что она обладала самыми эффективными рынками товаров и факторов производства, совсем неубедительно<sup>1</sup>. Есть, конечно, специалисты, выдвигающие утверждения о наличии у Западной Европы разнообразных институциональных преимуществ, включая такие, которые самым непосредственным образом исключают друг друга. Например, утверждения о том, что именно то, каким образом Европа отклонилась от развития свободных рынков, и способствовало накоплению и концентрации капиталов, сохранности жизненно важных, но «тощих» экологических ресурсов и т. д. Данные утверждения будут рассмотрены в последующих главах. Пока же давайте сосредоточимся на более традиционных утверждениях, согласно которым европейские рынки способствовали экономическому росту континента и были самыми совершенными в мире.

Разумеется, даже ставящие во главу угла рынки толкования истории достаточно сильно различаются в деталях. Немногие специалисты по истории экономики стали бы утверждать, что реальная ситуация в Западной Европе напоминала абстракции из учебников вводного курса экономики, а многие согласились бы с тем, что в ряде конкретных случаев намеренные (хотя обычно временные) отклонения от идеальных условий конкуренции — например, протекционистские меры в США и Германии XIX в.,

---

1. См., например: North and Thomas 1973, p. 157–158; North 1991: 35.

могут оказаться крайне полезными для развития экономики<sup>2</sup>. Однако в других случаях подобное несовершенство ведет к финансовым потерям. Например, применительно к Британии, которой в противном случае удалось бы продать больше своих товаров США, или к несубсидируемым отраслям, потенциальные потребители которых платили налоги, чтобы правительство могло просубсидировать другие отрасли. По этой причине с неоклассических позиций достаточно сложно утверждать, что отклонения от идеальных рыночных условий несли в себе чистую долгосрочную выгоду для экономической системы, объединявшей всех существующих потенциальных торговых партнеров. Соответственно, пока ученые рассматривают Европу в целом (особенно если при этом они еще не уделяют достаточного внимания ее связям с другими континентами), им сложно увидеть большую пользу от меркантилизма и прочих форм вмешательства в функционирование рынков.

В той же мере и последние объяснения европейского динамизма, которые подчеркивают усовершенствование производительности в малых масштабах и накопление капиталов миллионными обычными людьми, в гораздо большей степени касаются *относительно* идеальных рынков, которые заставляли всех этих владельцев капиталов конкурировать между собой, а не каких-либо систематических перекосов, которые давали преимущество одним за счет других. Как следствие, многие труды по истории развития Европы подчеркивают *снижение* проявлений государственного вмешательства и произвольного налогообложения, светских и церковных монополий, несвободного труда и связанных с обычаями ограничений на пользование землей и смену занятий и т. п. При этом в них выдвигаются предположения о том, что в Европе такие тенденции проявили себя в полной мере раньше, чем где бы то ни было. Тем не менее в данной главе мною выдвигается совершенно иное утверждение: Китай XVIII в. (а возможно, и Япония) был ближе к неоклассическому идеалу рыночной экономики, чем Западная Европа.

Крупнейшей отраслью и Европы, и Китая было сельское хозяйство. Соответственно мы начнем с рассмотрения рынков земли и сельскохозяйственной продукции. Далее перейдем к сравнению ограничений на занятия трудом (в форме обязательных видов деятельности и службы, препятствий для переезда на новое место жительства и лишения прав на занятие профессиональной

2. См., например: Senghaas 1985: 28–30, 65.

деятельностью), обсуждению такого вопроса, как свобода занятости в определенной производственной области и (или) торговли, наконец, к сравнению домохозяйств как институтов, оказавших мощное влияние на функционирование рынков труда. Рынки же капитала будут рассмотрены в главе 4.

### Рынки земли и ограничения на пользование землей в Китае и Западной Европе

То, что Китай и Западная Европа сильно отличались как своей историей, так и географией, вполне естественно, однако все большее число их регионов двигалось в XVI–XVIII вв. к тому, что Марк Блок назвал аграрным индивидуализмом. В целом Китай был ближе к рыночной системе сельского хозяйства, чем большая часть Европы, включая и большую часть *Западной* Европы.

Здесь крайне важно поразмышлять над тем, как именно провести сравнение различных отклонений от воображаемого экономического идеала. К примеру, Филип Хуань придает особое значение связанным с обычаями ограничениям на землю, труд и рынки товаров, свойственным Дельте Янцзы. Так, желающие продать, заложить или сдать в аренду свою землю часто должны были предложить ее прежде всего своим родственникам и (или) односельчанам. Таким образом, данные рынки были далеки от идеала конкуренции<sup>3</sup>. Однако Хуань напоминает нам, что само по себе наличие активных рынков еще не возвещает о наступлении «преобразующего экономического роста»<sup>4</sup>. Однако поскольку идеальные рынки нигде и не были исторической предпосылкой «преобразующего экономического роста», то само по себе это не объясняет неспособность экономики Дельты Янцзы расти столь же стремительно, как росла экономика Западной Европы. Для соответствующего объяснения понадобились бы свидетельства и критерии, которые еще никто не нашел.

Ограничения относительно того, кому именно продавать или сдавать в аренду землю, могли часто стоять владельцу земли упущенной выгоды и мешать ее передаче наиболее эффективному пользователю; чем сильнее ограничения, тем ниже эффективность. Мы можем никогда и не узнать масштабов соответствующего ущерба, нанесенного эффективности, однако мы можем предположить, каков был его диапазон. Например, маловероят-

3. Huang 1990: 108.

4. Ibid., p. 114.

но, чтобы разница между тем, чего мог добиться на определенном земельном участке самый талантливый земледелец и менее квалифицированный земледелец, который мог бы приобрести данный участок благодаря указанной традиции, была бы слишком большой, принимая во внимание всеобщее знание основных технологий земледелия и весьма распространенную практику аренды земли (за долю от урожая или фиксированную арендную плату), которая стимулировала арендатора к тому, чтобы добиваться максимальных объемов урожая. При этом далеко не всякая сделка, регулируемая обычаями, передавала землю в руки малоквалифицированного земледельца.

В идеале огромной подмогой специалистам послужили бы источники, которые не только описывают перекосы рынков, но и по-настоящему своеобразные результаты подобных перекосов, такие как существенная разница цен на отдельные земельные участки, отражающие не отличия в плодородии почв данных участков, а социальные связи между покупателем и продавцом. Хотя у нас и есть соответствующие свидетельства даже по достаточно развитым частям Европы, например Северной Италии XVII в.<sup>5</sup>, все еще нет их по Китаю и вряд ли когда-нибудь у нас будет достаточно соответствующих документов как по Китаю, так и Западной Европе, чтобы позволить систематическое сравнение того, насколько сильно ситуация на рынках земли отклонилась от неоклассических ожиданий вследствие существования соответствующих обычаев.

В качестве альтернативы можно было бы попытаться найти свидетельства того, что перекосы рынка привели к такому негативному эффекту в какой-либо из местностей, который более нигде не наблюдался. Скорее всего подобные случаи были бы связаны с тем, каким образом ограничения на пользование землей, свойственные значительной части Европы, мешали применению известных технологических нововведений, способных обеспечить гораздо большую разницу в производительности по сравнению с любой возможной разницей в результате периодически имевших место продаж земельных участков не тому, кто предложил бы максимальную цену, а тому, кто способен заплатить меньшую сумму родственнику.

Подавляющее большинство земельных участков в различных регионах Китая могло быть отчуждено без особых трудностей.

5. Описание рынка земли в одной из пьемонтских деревень см. в: Levi 1988: 79–99.

Так, в начале правления династии Мин (1368–1430 гг.) конфискации подверглись значительные площади земель в долине Янцзы, однако земли эти всегда возвращались в частные руки. В середине XVI в. правительство сдалось, признав все земельные участки, владельцы которых платили за них налоги, частной собственностью<sup>6</sup>. Часть земли, главным образом на севере страны, теоретически по-прежнему принадлежала государству и сдавалась с правом наследования воинам или лодочникам, занятым на Великом канале. Самому правящему дому в эпоху правления Цин принадлежало около 700 тыс. акров земли. При этом даже на бумаге общие площади данной земли не превышали 3,5 млн акров, что, возможно, составляло лишь 3% пригодных для пахоты территорий<sup>7</sup>. Более того, значительная часть данных земель в итоге так или иначе рассматривалась в качестве частной: наследственные арендаторы продавали и закладывали ее, а также яростно (и успешно) опротестовывали более поздние попытки правительства заставить их заплатить за официальный переход участков из государственного владения в частные руки<sup>8</sup>.

Другие площади земли оказались неотчуждаемыми благодаря их переводу в категорию частного «благотворительного имущества», которое было предназначено для вдов, сирот и обеспечения церемониальных расходов на нужды семей потомственных членов профессиональных корпораций или же расходов на нужды монастырей и школ. Подобная категория земель была значимым фактором в целом ряде районов страны. Так, в провинции Гуандун на ее долю могло приходиться до 35% пригодных для возделывания площадей, однако на большей части территории Китая их доля была крайне невелика<sup>9</sup>. Согласно проведенному в XX в. опросу, 93% всех сельхозугодий в Китае находилось в частной собственности с неограниченным правом наследования<sup>10</sup>. Более того, остается неизвестным, отличалось ли *пользование* неотчуждаемой землей от пользования землей других категорий.

Вне зависимости от принадлежности значительная часть земли обрабатывалась арендаторами и даже субарендаторами, и здесь могли иметь место дополнительные ограничения. Сказать точно, сколько именно земли арендовалось, затруднительно даже

6. Huang 1974: 99.

7. Huang 1985: 87.

8. Pomeranz 1993: 240.

9. Chen 1936: 34–35.

10. Buck 1937: 192.

по XX в., по которому существует гораздо больше письменных свидетельств. Вполне возможно, что доля арендованной земли в Северном Китае не превышала 15–20%<sup>11</sup>, что же касается Дельты Янцзы, отличавшейся высоким уровнем коммерциализации и относительно высоким уровнем благосостояния, то там доля арендованных земель вполне могла доходить до 50%<sup>12</sup>. В ряде районов юго-востока Китая в аренде находилась большая часть земель<sup>13</sup>.

Согласно правовым обычаям, зачастую земля должна была предлагаться в аренду в первую очередь родственниками или односельчанам. На юго-востоке, где узы родства были особенно сильны, они, вероятно, достаточно часто ограничивали возможности сторонних покупателей и арендаторов земли, поскольку, несмотря на то что группы родственников в данном регионе и отличались многочисленностью, даже правило «в первую очередь — родственники» давало возможность участия в борьбе за предлагаемый участок достаточно большому числу людей<sup>14</sup>. При этом некоторые источники XX в. отмечают, что родственники и лица, к ним не относившиеся, были способны арендовать землю, сдаваемую, согласно подобным обычаям, на одинаковых условиях<sup>15</sup>. Что касается других частей страны, то здесь мы знаем о подобных ограничительных обычаях из документов, указывающих на то, что предложения от родственников по тем или иным земельным наделам поступали, однако в итоге они были проданы посторонним лицам<sup>16</sup>. Тот факт, что во многих китайских деревнях большое число земельных наделов переходило к посторонним лицам, указывает на то, что непреодолимым препятствием подобные обычаи бывали редко. Наконец, нам известны многочисленные свидетельства того, что по крайней мере с XVIII в. и в дальнейшем младшие члены рода сдавали родовую землю посторонним лицам, которые обрабатывали или переустраивали ее таким образом, что изменения оказывались не-

11. Jing and Luo 1986: 34–35; Huang 1985: 103.

12. Huang 1990: 103–45%.

13. Роберт Маркс (Marks 1984: 44) указывает на то, что большая часть земли находилась в пользовании земледельцев на правах собственности, хотя в ряде районов значительная доля земли и сдавалась в аренду; согласно Чену (Chen 1936: 19), у небольшого числа деревень в аренде находилось до 68% земли.

14. Naquin and Rawski 1987: 100–101.

15. Watson 1990: 247.

16. Например, Huang 1990: 107.

обратимыми, как если бы на данную землю уже никто не мог претендовать; это было противозаконным, однако постфактум часто признавалось имеющим силу<sup>17</sup>.

Более серьезный комплекс проблем касается диапазона прав арендодателей и их взаимосвязи с инвестированием в развитие земельных участков. Аренда земли, при которой ключевые решения относительно ее культивации принимались арендодателями, была значительно более частым явлением, чем «управленческие» фермы, где владелец (или выступающий от его лица управляющий) принимал бы решения и руководил наемной рабочей силой<sup>18</sup>. Таким образом, споры вызывает вопрос о том, были ли права арендодателей защищены в достаточной мере, чтобы позволить им развивать арендуемые надель и стремиться к той же продуктивности, которую должны были демонстрировать «управленческие» фермы.

Свидетельства того, насколько хорошо были защищены права арендаторов, далеко не однозначны. Большинство дошедших до нас арендных договоров указывают на то, что права арендодателей в части культивации земли были защищены в достаточной мере<sup>19</sup>, однако согласно архивным материалам, касающимся разногласий между владельцами земли и арендаторами, применять положения данных договоров на практике было сложно<sup>20</sup>. Быстрое расширение коммерциализации, свойственное XVIII в., ускорило переход к чисто договорным отношениям между землевладельцем и арендатором, хотя и не обошлось без противления со стороны тех, кто продолжал видеть в земле неприкосновенное наследное имущество, а не просто товар<sup>21</sup>.

Но даже если мы взглянем на данные отношения с самой пессимистической точки зрения, а именно предположим, что отсутствие защиты прав арендаторов и высокая стоимость ренты не давали им возможности инвестировать в повышение производительности, нам все же следует помнить о двух ключевых моментах. Во-первых, при подобном сценарии неспособность к соответствующим усовершенствованиям была бы последствием набирающих силу рынков, а не обычаев. Во-вторых, самое большее мы имеем дело с дополнительными рисками, с которыми приходилось

17. Osborne 1994: 11–13, 15, 19.

18. Huang 1985: 79–81; Huang 1990: 58–75.

19. Myers 1982: 290–291; Rawski 1985: 6 (в примечании к данной странице также дается перечень литературы); Bernhardt 1992: 24–26.

20. Zelin 1986: 510–514.

21. Buoye 1993: 54–57.

сталкиваться земледельцам, уже инвестировавшим в продуктивность земли, и многие из них все равно делали выбор в пользу дополнительного вклада в ее дальнейшее повышение. (В конце концов продолжительные аренды были самым привычным делом, пусть даже и в условиях отсутствия гарантий.) У нас нет свидетельств того, что основанные на обычаях права мешали желающим провести необходимые улучшения земледельцам так и поступать, хотя подобная ситуация, как мы вскоре убедимся, для Западной Европы была более привычной. Даже в Северном Китае, где «управленческие» фермы встречались чаще, чем где-либо еще, а аренда земли реже (что, возможно, служит указанием на то, что там арендаторы были способны добиваться максимальной отдачи от земли реже, чем в других регионах), они, судя по всему, не отличались существенно большей производительностью в сравнении с арендаторами или мелкими земледельцами<sup>22</sup>.

В значительной части Западной Европы приобрести или продать сельскохозяйственные угодья было не в пример сложнее, чем в Китае. Еще в XIX в. примерно на половине подобных земельных участков в Англии располагались жилые строения землевладельцев, что делало их продажу практически невозможной<sup>23</sup>. В Испании XVIII в. «вследствие системы ордината на рынке было представлено так мало земли, что ее стоимость отпугивала потенциальных покупателей... в то время как и владельцы капиталов, и крестьяне в земле остро нуждались»<sup>24</sup>. Во Франции система ордината распространялась на меньшее число земель, однако сама практика все же существовала<sup>25</sup>. В то время как в ряде частей Западной Европы XVII и XVIII вв. существовали практически свободные рынки земли (в Голландии, Ломбардии и Швеции)<sup>26</sup>, подпадавшие под действие ордината имения в Англии и Испании составляли гораздо большую долю земель Западной Европы, чем доля территорий, оказавшихся вне действия рыночных механизмов в Китае.

Активность рынка аренды могла в значительной мере компенсировать ограничения на продажу земли, позволяя даже никудышному землевладельцу отдавать свое имение в управление лицам, способным использовать его оптимальным образом и предложить

22. Huang 1985: 139–145.

23. Thompson 1963: 68.

24. Carr 1967: 51.

25. Forsier 1960: 120, 162–163.

26. Сведения по Голландии см. в: de Vries 1974: 33, 38, 44–78, 54; по Ломбардии см. в: Roberts 1967: 68–69; по Швеции см. в: Roberts 1967: 142, 146.

самую высокую арендную плату при одновременном соблюдении собственных коммерческих интересов. При этом в некоторых частях Европы инвестиции на модернизацию по-прежнему были уделом землевладельцев, вследствие чего ограничения на продажу земли не могли компенсироваться даже сильным рынком аренды. Кроме того, в некоторых частях Западной Европы использование земли было столь же ограниченным, что и ее продажа, а иногда и в большей степени.

В Англии землевладельцам удалось избавиться от большей части гарантированных правом наследования арендных договоров еще в XIV–XV вв.<sup>27</sup> В северной части Нидерландов подобная система никогда и не была в достаточной мере развита, а значительная часть обрабатываемой земли в XVI в. и позднее в любом случае представляла собой территории, отвоеванные у болот и моря<sup>28</sup>. К середине XVII в. эти два европейских региона отличались самым производительным сельским хозяйством и высочайшим уровнем дохода на душу населения<sup>29</sup>. И именно они сыграли весьма существенную роль в европейском экономическом прорыве. При этом в Голландии и Англии, вместе взятых, было более чем вдвое меньше населения, чем во Франции (даже в 1750 г.). При этом наследственная аренда была там весьма распространена, получив в XVI, XVII и XVIII вв. *дополнительные* юридические гарантии<sup>30</sup>. А поскольку наиболее значимые инвестиции, доступные европейскому сельскому хозяйству в этот период, требовали сотрудничества членов целых коммун и (или) таких расходов, которые мог бы позволить себе лишь землевладелец (или его агент), то гарантия прав аренды была (в отличие от ситуации в Китае) скорее препятствием, чем стимулом для модернизации.

Наследственная аренда сильно препятствовала объединению отдельных наделов, а без этого их огораживание оказывалось слишком дорогим делом, от которого было мало практической пользы. При этом огораживание земли было необходимо для реализации самого значимого технологического изменения, доступного европейским земледельцам в период до второй половины XIX в., — высадки кормовых культур на 30–50% площади наделов, ежегодно отдаваемой под пар (как для увеличения их плодородия, так и для выпаса скота). К XVI в. многие итальян-

27. Bloch 1966: 127–128; Brenner 1985a: 47–48.

28. de Vries 1974: 27–28, 31–32.

29. Ibid., p. 152, 243; de Vries 1976: 36.

30. Bloch 1966: 128–192.

ские, голландские и британские земледельцы обнаружили, что огораживание земли для защиты от скота и ее засев определенными кормовыми культурами не только помогали повысить ее плодородие точно так же, как и в случае отдачи под пар, но при этом еще и обеспечить кормом большее поголовье скота. Навоз же от увеличенного поголовья, в свою очередь, повышал урожайность всего надела<sup>31</sup>. Согласно одному из последних исследований, в Англии дополнительный навоз, получаемый за счет расширения поголовья скота, в почву не добавлялся, поэтому урожайность с единицы площади на самых лучших почвах не повышалась. Однако благодаря тому, что увеличившееся плодородие пастбищ (включая и те, что ранее были малозначимыми) позволяло отдавать большие площади лучшей земли под зерновые, в результате увеличивались общие объемы урожая<sup>32</sup>.

При этом «новая форма земледелия» обычно требовала одного из двух типов огораживания, которые противоречили существовавшим обычаям. Согласно первому общие угодья, которые деревня использовала в качестве общего источника топливных материалов и корма для скота, делились на частные наделы. Согласно второму производилось объединение и обнесение оградой земли, которая уже находилась в частном пользовании, однако ранее она подпадала (как почти вся земля) под действие обязательства, согласно которому земля оставлялась под пар каждые два-три года, с тем чтобы жители деревни могли выгонять на нее свой скот. Второй тип огораживания рассматривается реже, хотя под его действие подпали значительно большие площади, и, соответственно, для целей настоящего исследования он значим в большей степени. Подвергавшиеся огораживанию наделы не обязательно были крупными<sup>33</sup>, причем выделение методом огораживания очень малых наделов было бессмысленным. Возделывание квадратных наделов было более прибыльным, чем вытянутых, тонких полосок, характерных для значительной части Франции.

Во Франции XVIII в. огораживание обоих типов распространялось довольно медленно. Появление многочисленных законов, позволяющих проводить разграничение общих угодий, приходится на период после 1750 г. и в особенности после 1769 г. Наиболее значимое законодательство, давшее землевладельцам

31. См. соответствующие коэффициенты в: de Vries, 1976: 39–40.

32. Ambrosoli 1997: 393–394.

33. Parker and Croot 1985: 80–81.

право отделять наделы, которые и так уже находились в их собственности, было принято в 1767–1777 гг.<sup>34</sup> И даже если данное право и было даровано в теории, укоренившаяся наследственная аренда зачастую делала его бесполезным на практике. В Англии практически каждый случай отделения наделов посредством огораживания требовал обязательного перераспределения арендуемых наделов для создания участков, которые имело смысл отделять. Во Франции подобная насильственная мера «была невозможной»<sup>35</sup>. Даже там, где местные суды и принимали решение об изъятии или передаче надела того или иного арендатора, французские коммуны еще в XIX в. применяли «жесткие санкции» в отношении землевладельцев, изгонявших арендаторов, и в отношении новых арендаторов соответствующих наделов<sup>36</sup>. Таким образом, ограничения на пользование землей в крупнейшей стране Западной Европы были достаточно сильны, чтобы успешно препятствовать распространению новой формы земледелия, то есть технологий, известных тем, что они позволяли увеличивать урожайность единицы земли примерно на 60% по сравнению с технологиями, использовавшимися по состоянию на 1800 г. на большей части Франции, на севере Германии и в Италии<sup>37</sup>. В Испании королевские указы оказались еще более действенными в предотвращении огораживаний, а попытки фиксации арендной платы и цен на пшеницу еще более мешали любым попыткам инвестирования в более продуктивное сельское хозяйство<sup>38</sup>. В большей части Германии трехпольная система продолжала доминировать по крайней мере до эпохи Наполеона в силу гарантий прав пользования общественным выгоном и различных традиций и протекционных прав. Из 18 млн гектаров земельных угодий одновременно под паром находилось около 4 млн. Чтобы понять, насколько важны были данные институты, достаточно взглянуть на то, что случилось после их исчезновения. К 1850 г. практика отдачи земли под пар сошла на нет, большие площади общинной и ранее непахотнопригодной земли стали обрабатываться, ежегодно под пашней находилось 25 млн гектаров, а урожаи из расчета на гек-

34. Bloch 1966: 221–222.

35. Ibid., p. 233.

36. Ibid., p. 179–180.

37. de Vries 1974: 152; de Vries 1976: 64–67. Сведения о широко распространенной практике запрета отдачи земли под пар в Северной Италии см. в: Zangheri 1969: 33–37.

38. Elliott 1961: 62–64; см. также: Klein 1920.

тар увеличились. (В ряде же районов юго-запада, где общественные выгоны сохранялись дольше, увеличения урожайности не происходило<sup>39</sup>.)

В целом в соответствии с общепринятым мнением территории Западной Европы, практиковавшие новую систему земледелия, были в 1800 г. ненамного более многочисленными, чем в 1600 г., — «технологическая сельскохозяйственная революция» явилась главным образом феноменом XIX в.<sup>40</sup> Каких-либо хоть отдаленно схожих примеров из истории китайских обычаев или законов, которые отсрочили бы распространение хорошо известного передового сельскохозяйственного опыта в столь огромных масштабах, нет<sup>41</sup>.

Авторами ряда последних публикаций ставится под сомнение тот факт, что огораживание вело к существенному увеличению урожая<sup>42</sup>. Так, Грегори Кларк выдвигает предположение о том,

39. Nipperdey 1996: 123, 131, 134.

40. van Bath 1977: 71; Thompson 1968: 63–73.

41. Жаркие споры о том, почему аграрный индивидуализм возобладал во Франции гораздо позже, чем в Англии, и о различных моделях перехода сельского хозяйства к «капиталистическим» классовым структурам, системам и менталитету, не должны препятствовать ходу нашего рассмотрения дальнейших вопросов. Что здесь важно, так это само существование временного отставания и ключевая взаимосвязь между относительной замедленностью данного перехода и довольно медленным внедрением новых технологий (Bloch 1966: 197–98). Более серьезная проблема возникла бы в случае, если бы было подвергнуто сомнению превосходство британского сельского хозяйства XVIII в. над французским, то есть подвергнуто сомнению различия в свободе применения новых технологий. Подобные сомнения действительно высказывались главным образом Патриком О'Брайаном (O'Brien 1977: 174) и Фрэнсисом Томпсоном (Thompson 1968: 71). При этом их утверждения основываются на предположении, что даже в Британии новые технологии внедрялись не столь быстро, как мы когда-то считали, но не на отрицании их превосходства. Однако повторные исследования, касающиеся численности британского населения, заставляют нас вновь пересматривать свои оценки британского сельскохозяйственного роста в сторону повышения (данные из: Cooreg 1985: 141–142). Хотя О'Брайан и прав в том, что предостерегает нас от поиска таких различий в сельском хозяйстве, которые были бы достаточно велики для обоснования более раннего *промышленного* прорыва Британии, это не отменяет того факта, что Франция увязла на более чем два века в ситуации, когда ей был достигнут предел роста населения и когда ей приходилось периодически сталкиваться с кризисом продовольствия (Ladurie 1974, 1976). И это при том что плотность ее населения была ниже показателей Англии, исторических Нидерландов, запада Германии и севера Италии (Cooreg 1985: 138–139), а бытовавшие обычаи препятствовали переходу к более продуктивной сельскохозяйственной системе.

42. Allen 1982; McCloskey 1975a, 1975b, 1989; Clark 1998.

что повышение числа арендуемых наделов, явившееся следствием огораживания, составило в Англии менее 40% (вполне вероятно, что и во Франции тоже), а не 100%, как утверждают многие источники<sup>43</sup>. Гораздо большие приросты урожаев, которые обычно и приводятся, могут быть отнесены на счет увеличения объемов труда и капитала, что зачастую и наблюдается после проведения огораживания, а не на счет собственно огораживания или того, что увеличение объемов труда и капитала происходило за счет их перенаправления из прочих областей. Таким образом, как полагают ученые, прирост общей производительности факторов производства — соотношение между объемами урожая и стоимостью всей земли, труда и капитала, использованных для его получения, и соответственно показатель общей эффективности — оказывается не таким уж и впечатляющим. Если же капитальные затраты на огораживание вычесть из 40%-ного прироста аренд, то прирост общей производительности факторов производства окажется еще меньше<sup>44</sup>.

Данные утверждения указывают на то, что даже часто упоминаемая «несостоятельность рынка»<sup>45</sup> в Европе эпохи Средневековья и раннего Нового времени не столь уж и важна. Однако для целей нашего исследования этот вопрос остается значимым. Использование общей производительности факторов производства в качестве показателя выгоды огораживания указывает на то, что, если бы огораживание не имело место, труд и капитал, используемые в возросших объемах на отделенных путем огораживания наделах, нашли бы себе применение в других сферах, которым был свойствен сопоставимый уровень потенциальной выгоды<sup>46</sup>. Это представляется сомнительным применительно к дополни-

43. Clark 1998: 77, 87–94.

44. Ibid., p. 94–97; см. также: McCloskey 1989: 159.

45. При этом для Макклоски и соавторов никакой несостоятельности рынка не было и в помине: система открытых полей являла собой рациональный способ сокращения рисков (посредством владения «портфолио» из нескольких малых наделов) во времена, когда размеры процентных ставок были слишком велики, чтобы большинство земледельцев могли подстраховаться от голода посредством воздержания от продажи излишков зерна. Как только обстоятельства изменились, недостатки системы открытых полей более не компенсировались подобным методом страховки и земледельцы отказались от нее.

46. Макклоски (McCloskey 1975b: 155–156) упоминает это в качестве возможной проблемы, утверждая при этом, что расходы на прочие факторы производства равнялись бы связанным с ними истинным альтернативным издержкам.

тельным объемам капитала, используемого после огораживания для возведения изгородей и модернизации, и в еще большей степени применительно к труду. Или, если сформулировать проблему иначе, использование общей производительности факторов производства в качестве нашей собственной меры указывает на то, что земля — фактор производства, производительность которого вследствие огораживания возросла, была в целом не в большем дефиците, чем труд и капитал — два фактора, «расходуемых» в целях повышения урожайности земли при огораживании и внедрении новых технологий земледелия. Однако, как мы удостоверимся ниже, а более подробно и в главе 5, вполне вероятно, что в различных частях Европы проблема дефицита земли стала проявляться достаточно остро. По этой причине меры, приведшие к повышению урожайности с единицы земли, были направлены на увеличение объемов продукции, несмотря на то что требовали достаточно большого вклада труда и капитала. Без подобных мер нехватка земли, скорее всего, привела бы к тому, что без дела оказалось бы большее число людей (и, возможно, большая масса денег) или же их труд использовался бы скорее для непродуктивных, нежели для созидательных задач.

Значительная часть материальных благ в Европе раннего Нового времени использовалась для таких непродуктивных целей, как, например, приобретение титулов (и косвенным образом на цели войны, которая являлась главным занятием большинства правительств), а не на цели расширения производств. Согласно достаточно распространенному мнению, именно перенаправление все большей доли материальных благ на расширение производства и торговли, а не на проявления религиозного, художественного и прочих статусов, постепенно и сделали некоторые европейские экономики капиталистическими, в то время как остальные оставались докапиталистическими<sup>47</sup>. Данный сдвиг действительно мог в определенной мере отражать в себе «дух капитализма». Одновременно с этим происходило и появление новых точек применения производственных инвестиций, включая

47. В качестве классического мнения по данному вопросу можно привести труд Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Вслед за ним последовали многочисленные объяснения прочих авторов, некоторые из которых ставили во главу угла изменение менталитета, а другие — силы материального характера. Тем не менее важность феномена сомнению не подвергается. Ниже будут рассмотрены публикации Фернана Броделя и Яна де Фриса — авторов наиболее значимых работ, уделяющих первостепенное внимание второму фактору.

такие, которые требовали незначительного прямого участия в управлении со стороны инвестора, который зачастую был больше заинтересован в прочих занятиях статусного характера<sup>48</sup>. Огораживание было всего лишь одним из этих медленно зарождающихся точек инвестирования капитала. Пока же большие суммы продолжали инвестироваться в другие, менее продуктивные с экономической точки зрения сферы. Нет никаких оснований полагать, что если бы юридические препоны для осуществления огораживания так и оставались в силе, то инвестирование капитала для целей выделения наделов посредством огораживания и их модернизации обязательно оказалось бы продуктивным. Соответственно, противоположной оценкой вклад огораживания в общие объемы продукции учитывается в недостаточной мере. Из этого следует, что общей производительностью факторов производства в *недостаточной* мере учитываются издержки от наличия институтов, препятствовавших проведению огораживания.

То же и даже в большей степени относится и к утверждениям, касающимся спроса на труд. Все изменения, к которым привело огораживание,—превращение пастбищ в пашни, осушение болот и снижение площадей, находящихся по паром,—требовали значительного трудового вклада, но насколько точно рыночная оплата труда отражает собой его альтернативные издержки? Уровень рыночной оплаты труда вряд ли может опускаться ниже прожиточного минимума, поскольку существует мало оснований трудиться, если труд не в состоянии вас прокормить, однако при рыночном уровне оплаты труда работы на всех будет хватать далеко не всегда. Значительная часть Европы раннего Нового времени, включая Англию и Ирландию, которым был характерен особенно быстрый рост населения<sup>49</sup>, страдала от беспрецедентного уровня как частичной, так и полной безработицы сельских жителей<sup>50</sup>. И как Артур Льюис указывал в своей классической ра-

48. См., например: de Vries 1976: 219–226, 232–235.

49. См.: Wrigley 1990: 107–111.

50. См., например, работу Фелпса Брауна и Шилы Хопкинс (Phelps Brown and Sheila Hopkins 1956: 306 and 1957: 289–99, особенно с. 296), которые отмечают неспособность сельского хозяйства ассимилировать возросшие трудовые ресурсы и соответствующее резкое увеличение спроса на временный и плохо оплачиваемый приработок. При этом необходимо также иметь в виду, что около 5% мужского населения Европы в возрасте 15–40 лет были военными (de Vries 1976: 204), что, однако, к значительному дефициту рабочих рук не приводило.

боте, посвященной экономикам, испытывающим излишки трудовых ресурсов<sup>51</sup>, заработная плата тех, кто занят в них, вряд ли может упасть до (крайне низкого) уровня альтернативных издержек трудящихся, то есть экономической стоимости того, чем они занимались бы, если бы их рабочих мест не существовало. Соответственно заработная плата, выплачиваемая дополнительным трудовым ресурсам, занятым на выделенных путем огораживания наделах, завышает ценность того, что следует вычитать из произведенной продукции при оценке чистой выгоды от огораживания. Соответственно общая производительность факторов производства лишь в недостаточной мере учитывает издержки, которые испытывали многие западноевропейские экономики в результате наличия преград для проведения огораживания.

Остается непонятным, в какой именно ситуации находилась Европа раннего Нового времени — в ситуации, где есть чистые «излишки трудовых ресурсов», по Льюису, или же в ситуации, которой свойственна полная занятость населения и зарабатывание им своего прожиточного минимума. Разумеется, полная и частичная безработица представляла собой хроническую проблему для Европы на протяжении значительной части XVI–XVIII вв., однако подробное исследование рынка труда Нидерландов недвусмысленно указывает на то, что, несмотря на значительный уровень безработицы в XVII в. и тенденцию к снижению заработной платы в других странах мира, в Нидерландах заработок городских и сельских жителей падал редко<sup>52</sup>. С другой стороны, Джозел Мокир утверждает, что по крайней мере частично безработица может объясняться не только избытком желающих трудиться относительно существующих объемов работы, но и другими факторами, например более выраженным по сравнению со свойственным современному человеку выбором в пользу праздности и сезонным характером работы в сочетании с большими транспортными и информационными издержками<sup>53</sup>. Попытки же рассчитать чистые «излишки трудовых ресурсов», то есть количество тех, без кого общие объемы произведенной продукции не пострадали бы, оказываются безуспешными даже применительно к крайне бедным и перенаселенным местностям XX в.<sup>54</sup> При этом вполне вероятно, что в Европе раннего Нового

51. Lewis 1954: 139–191.

52. de Vries 1994a: 61.

53. Mokyr 1985a: 107–108.

54. Schultz 1964: 61–70.

времени альтернативные издержки излишних трудовых ресурсов, поглощаемых благодаря проведению огораживания, были выше нуля, но гораздо ниже имевшей место рыночной оплаты труда. И если праздная жизнь ценилась больше, чем сегодня, то это тоже должно было бы свидетельствовать о том, что труд, который приносил лишь незначительную прибыль (поскольку привлечение трудящихся, которые были склонны к праздности, влекло серьезные издержки), вносил тем не менее значительный вклад в общие объемы производства. Таким образом, настоящая мера выгоды от проведения огораживания, возможно, лежит где-то между тем, на что указывают расчеты общей производительности факторов производства, и тем, что дает игнорирование издержек, связанных с любыми факторами, кроме земли. Однако это все равно подводит нас к несостоятельности рынка вследствие запуганности ситуации с правами собственности на землю, значительно более сложной, чем та, что наблюдалась в Китае.

Европейское земельное законодательство заставляло воздерживаться и от прочих мер модернизации. Во Франции XVIII в. проведение работ по осушению болот и ирригации существующих пахотных земель сильно тормозили обычаи и юридические процедуры, которые делали почти невозможной покупку наделов, которым угрожала подобная модернизация, даже там, где ее проведение было крайне выгодным. Отменить привилегии и упростить данные процедуры смогла только революция<sup>55</sup>. В то же время предусмотренный обычаями порядок компенсации тем, кто осуществлял ирригацию, и разрешения связанных с правами на воду споров в Китае и Японии в XVIII в. и, возможно, в Индии XVI–XVIII вв., где осушение болот и ирригация развивались в одинаковой степени быстро, представляется более эффективным<sup>56</sup>.

Разумеется, французские земледельцы нашли иные способы повышения объемов продукции. Так, по крайней мере на севере Франции многие земледельцы, жившие в XVIII в., а некоторые и в более раннем периоде и имевшие возможность покупать и продавать товары на городских рынках, сумели приспособиться посредством постепенного изменения набора выращиваемых

55. Rosenthal 1992: xii, 43, 48–50, 60, 70, 93, 120, 165.

56. Chen and Myers 1976; Marks 1997: 105–110, Perdue 1987: 165–174, 181–196 (Пердью отмечает, что проблема заключалась в чрезмерности ирригационных работ, а не в их недостатке, о котором говорит Розенталь применительно к Франции); Kelly 1982: 89–103, 118–195 (особенно с. 192–195), 204–219; Ludden 1985: 87–89; Stein 1982a: 109–116; Fukuzawa 1982a: 200.

культур и применяемых технологий, что и позволило им добиться существенного повышения объемов продукции. Более того, накануне промышленной революции потенциал выгоды от дальнейшей специализации без внедрения технологических изменений не был исчерпан<sup>57</sup>. Однако он не был исчерпан потому, что оставались неиспользованными многие возможности роста, описанные Смитом. И даже если ситуация с обеспеченностью Франции продовольственными товарами была не такой мрачной, какой ее представляют некоторые сторонники «новой исторической науки», она все же была достаточно мрачной и достаточно неприглядной, чтобы стать предметом озабоченности могущественных торговцев, политиков и прочих жителей городов<sup>58</sup>, чтобы на значительную прибыль могли рассчитывать даже земледельцы самых отдаленных местностей, способные повысить объемы производства. Однако темпы прогресса оставались слабыми и сохранялась старая система. При этом в горах не хватало продовольствия, а торговцы и чиновники были полны решимости изыскивать зерно в самых отдаленных уголках страны<sup>59</sup>. Джеймс Голдсмит, критикуя мнения о непереворотности деревни, в связи с этим пишет: «Существует мало сомнений в том, что раздробление земли и старинные положения феодального законодательства замедляли реорганизацию деревни, однако то не были непреодолимые препятствия... Имеющиеся свидетельства указывают на недостаточность использования ресурсов, а не на мальтузианский тупик»<sup>60</sup>. Подводя итог сказанному, следует отметить, что относительно медленное распространение различных нововведений, способствовавших повышению объемов продукции, — огораживания, осушения болот и т. п., все еще представляется как «несостоятельность рынка», требуя разъяснений относительно существовавших институтов (подобно тем, что даны Розенталем). Применительно к Китаю XVIII в. необходимость в подобных разъяснениях представлена гораздо ниже.

### Системы трудовой занятости

Если система прав собственности на землю в Западной Европе исключительной эффективностью не отличалась, то что можно

57. См., например: Grantham 1989c: 43–72.

58. Tilly 1975: 392–393, 397–400, 409–414.

59. Kaplan 1976: 252–299; Tilly 1975: 424–428; Meuvret 1977: vols. 4–6 *passim*.

60. Goldsmith 1984: 186, 187.

сказать о ее рынках труда? Давайте для начала посмотрим, как именно вопрос «свободного труда» соотносится с экономической эффективностью и развитием. С точки зрения экономической системы, противоположной точке зрения несвободного человека, вопрос заключается в следующем: используются ли несвободные трудящиеся лицами, в зависимости от которых находятся, для выполнения работ, отличающихся меньшей продуктивностью по сравнению с работами, которые они выполняли бы, будучи свободными? Вероятность того, что данные лица будут заставлять находящихся у них в подчинении людей заниматься непродуктивной деятельностью, крайне велика, поскольку пользу от подобной деятельности усматривает лишь господин, для которого лишний час работы крепостного не несет в себе ни дополнительных денежных расходов, ни искусственно понижаемых альтернативных издержек<sup>61</sup>. Если после освобождения крепостные выбирают более продуктивные виды деятельности, значит, система обязательного труда в действительности снижает общие объемы производства. Согласно таковому сценарию, например, бывшие арендаторы из числа крепостных крестьян, изгнанные с земельных наделов «модернизирующими» их хозяевами, становятся рабочей силой для новых отраслей. «Модернизирующий» хозяин может *производить* меньшие объемы продукции, однако его *чистая* выгода оказывается выше, поскольку ему не приходится содержать многочисленную группу крепостных, занятых выполнением относительно малопродуктивных задач. Экономика же в целом оказывается в выигрыше, поскольку теперь эти трудящиеся нанимаются для выполнения других видов деятельности, где результаты их труда стоят выше прожиточного минимума.

---

61. Лишний час времени такого трудящегося, потраченный на выполнение конкретной задачи, все же несет в себе определенные альтернативные издержки для хозяина, в качестве которых выступает стоимость другой задачи, которую трудящийся мог бы выполнять вместо первой. Однако там, где ряд альтернативных задач является праздное времяпрепровождение, альтернативные издержки для хозяина и вовсе являются нулевыми, что совершенно не отражает положение работодателя, которому необходимо сделать так, чтобы стремящийся к праздности свободный человек предпочел труд. Более подробно мы остановимся на данной проблеме в главе 5 прежде всего применительно к ситуации в Восточной Европе.

Однако это, как правило, сценарий долгосрочного развития, поскольку новые отрасли за один день не появляются. Пока же этого не произошло, многим трудящимся данной категории приходится перебиваться временными заработками, а общие объемы производимой продукции могут снижаться, поскольку старые задачи, вносившие *некоторый* вклад в производство, более не выполняются, даже если этот вклад и был недостаточным, чтобы оправдывать заработную плату на уровне не ниже прожиточного минимума (например, задача повторной прополки при наличии небольшого количества сорняков). Таким образом, в краткосрочном и среднесрочном плане несвободная рабочая сила способна как повысить общие объемы продукции, так и стать причиной их снижения.

Подобные проблемы встают применительно ко всем системам подневольного труда — рабовладельческой, крепостной и т. д. Некоторыми учеными был проведен схожий анализ труда крестьянок и крестьянских детей. По их мнению, там, где обычаи или институциональные условия заставляли крестьянок и крестьянских детей трудиться вне дома, но при этом на дому они производили годные для продажи изделия (в дополнение к воспроизводству рабочей силы посредством приготовления пищи, ухода за детьми и т. д.), крестьянская семья функционировала подобно малому имению, в распоряжении которого находится лишь группа зависимых трудящихся. Поскольку членам семьи надо было обеспечивать себя пропитанием, все, что они зарабатывали, так или иначе было на пользу домохозяйству, даже если их подразумеваемая почасовая зарплата была ниже прожиточного уровня. «Завязанное на себя» общество, в котором подобная система труда широко распространена, может проявлять множество тех же экономических (а то и вовсе социальных или эмоциональных) характеристик, что и рабовладельческие или крепостнические общества: использование крайне трудоемких технологий, отличающийся весьма малыми размерами рынок потребительских товаров и незначительная заинтересованность в трудосберегающих технологических нововведениях<sup>62</sup>. Мы еще вернемся к семейному труду после рассмотрения институтов, в рамках которых люди находились в подчинении у лиц, родственниками которым они не являлись.

Единого мнения относительно того, когда именно экономическая значимость подневольного труда в Китае заметным образом снизилась, у исследователей нет. Государство долгое время

62. Lewis 1954; Chayanov 1966: 53–117; Чаянов 1989: 214–282; Huang 1990; Geertz 1963.

пыталось добиться наличия свободных подданных, которых оно могло бы облагать налогами и мобилизовывать напрямую, а не посредством могущественной местной знати, однако добиваться своего у государства получалось далеко не всегда. Японскими учеными была проделана огромная работа по документированию наследственного подневольного труда земледельцев, особенно в имениях долины Янцзы.

Необходимо отметить, что к концу XV в. такие имения стали переходить на наемный труд. К началу же XVII в. вместо «управленческих» ферм долины Янцзы, на которых использовался как наемный, так и подневольный труд, стали появляться небольшие наделы, либо находившиеся в собственности свободных крестьян, либо взятые в аренду простолюдинами. Большая часть тех, кто еще являлся на момент смены династии Мин династией Цин крепостными крестьянами (примерно 1620 г.), стали свободными в последующий пятидесятилетний период войн, хаоса и соответствующей нехватки рабочих рук. Даже те специалисты, которые особенно подчеркивают наличие подневольного труда в долине Янцзы, обычно признают, что к XVIII в. его значимость сошла на нет<sup>63</sup>. (Большинство лиц «низкого происхождения», не занятых сельскохозяйственным трудом, — музыканты, актеры и некоторые государственные чиновники — к 1730-м гг. также перешли в разряд свободных простолюдинов.)

В других регионах экономическая значимость подневольного труда снизилась еще раньше. Так, в Северном Китае в период правления династии Мин (1368–1644 гг.) статус многих сельскохозяйственных рабочих был ниже статуса прочих простолюдинов, однако привязки к земле они не имели. К концу XVIII в. таких работников было уже немного даже на той незначительной доле (менее 10%) земель, которые обрабатывались лицами, не являвшимися ни их владельцами, ни арендаторами<sup>64</sup>. Последние юридические ограничения в отношении северокайтайских арендаторов и сельскохозяйственных рабочих исчезли к 1780-х гг.—

63. Elvin 1973: 235–267.

64. Лишь 20% наделов из 331, представленных в выборке «землевладельцев-управленцев» в работе Инга Сю и Луо Луна (Su and Lun 1986: appendixes 1 and 2), обрабатывались лицами, не являющимися их арендатором, и представляется маловероятным, чтобы в собственности данных землевладельцев находилось более 20% всех обрабатываемых площадей (см., например: Huang 1985: 104), что позволяет говорить о том, что, возможно, 4% всей земли обрабатывалась лицами, не являвшимися ни их владельцами, ни арендаторами.

примерно в то же время, что и в Западной Европе, однако еще до того, как это произошло, они действовали в отношении очень малого числа лиц<sup>65</sup>. Хотя кое-где в Китае, прежде всего в Хой-чжоу (провинция Аньхой) в XIX и даже XX вв., все еще оставались имения, где применялся подневольный труд. Это исключение, возможно, касалось лишь нескольких тысяч китайских семей, в то время как население страны в 1780 г. могло достигать 300 млн человек<sup>66</sup>. Военным из числа маньчжуров было дозволено содержать рабов, однако вполне вероятно, что к XVIII в. большинство представителей даже этой малочисленной части населения более не могли себе этого позволить. Даже в XVII в., на который пришлось «золотая пора» маньчжуров, их рабы обычно были личной прислугой, к которой зачастую относились почти как к родственникам, а не земледельцами или ремесленниками<sup>67</sup>.

Подобный ход развития событий не слишком отличается от того, что мы наблюдаем в Западной Европе. К 1500 г. к западу от Эльбы полная крепостная зависимость была достаточно редким явлением, так что большинство крестьян могли свободно жениться, переселяться на новое место жительства и владеть землей<sup>68</sup>. Тем не менее система крепостничества существовала даже во Франции XVIII в.<sup>69</sup> А подневольный труд и такая разновидность крепостной зависимости, как вилланство, оставались весьма распространенными явлениями в землях датской короны<sup>70</sup>. Более того, и во Франции, и в Западной Германии в силе оставалось множество синьориальных пошлин и ограничений, среди которых часто были монополия знати на помол зерна, обязательное выполнение сельскохозяйственных работ и контроль знати за местным судопроизводством. Все эти привилегии зачастую заставляли крестьян отказываться от отстаивания своих прав<sup>71</sup>. Даже в Англии XIX в., где вилланство на тот момент не существовало уже несколько столетий, так называемые законы о бедных давали беднякам возможность рассчитывать на определенные льготы только в том случае, если они оставались в пределах

65. Huang 1985: 85–105.

66. Ус 1983: 232–233, 239–240, 291.

67. Elliott 1993: 346, 383 (большинство рабов-маньчжуров выполняли роль домашней прислуги); более общую информацию см. в: Wei, Wu, and Lu 1982: 77–91.

68. van Bath 1977: 113–114.

69. Soboul 1966: 159–161.

70. de Vries 1976: 58–59; Kjaergaard 1994: 148–149, 154–155; 167, 221–223.

71. Soboul 1966: 168–179; Behrens 1977: 606–607; Mooser 1984: 99–103.

своих округов. Такая норма закона делала даже краткие отлучки слишком рискованными, поскольку давало возможность владельцам соседних крупных имений насильно использовать труд поиманных простолюдинов<sup>72</sup>. Миграции же на дальние расстояния в границах Европы препятствовало множество юридических препонов, языковых отличий и прочих проблем — гораздо больше, чем в Китае, в чем мы сейчас и удостоверимся.

### Миграция, рынки и институты

Логично было бы ожидать, что бедняки должны мигрировать (если у них есть такая возможность в принципе) в одном из двух направлений: в места, где выше соотношение между землей и рабочей силой (как правило, в приграничных районах страны), или же в места (зачастую, хотя и не всегда, города), где выше соотношение между капиталом и рабочей силой и где имеются рабочие места в сферах строительства, услуг или промышленного производства. В XVI–XVIII вв. первое направление могло принять намного больше людей, чем второе, и оно получило гораздо большее развитие в Китае, чем в Европе.

Европейцы, стремившиеся в более изобильные земли, могли в теории рассматривать в качестве таковых восточную часть Центральной и Восточную Европу или Америку. Тем не менее наличие целого ряда институциональных механизмов (зачастую объединяемых под такими терминами, как «манориальная система», «феодализм» или «второе крепостничество») означало, что лишь незначительное число жителей из густонаселенных районов Западной Европы могли улучшить свое положение, отправившись на восток. Вместо этого они вынуждены были бы мириться с меньшей юридической свободой и с неопределенностью ситуации с правами на занятые ими земельные участки (не говоря уже о такой распространенной в отдаленных приграничных областях проблеме, как ограниченность капитала и доступа к рынку). Хотя некоторые жители Германии и переезжали на жительство в Россию и Пруссию, а голландцы — в Литву и т.д., в рамках особых соглашений, гарантировавших им юридическую безопасность, это было исключением. В целом миграция в относительно малонаселенные и потенциально плодородные регионы на востоке была крайне небольшой по сравнению с тем, что можно было бы представить себе в отношении воображаемой

72. Brundage 1973: 2–5.

объединенной Европы, или с тем, что происходило на равнозначных по площади территориях Китая. (Дополнительно об этом будет сказано в главе 5.) В более же общем плане заселение указанных мест произошло лишь с наступлением радикальных юридических изменений и с бумом населения в самой Восточной Европе в XIX в.

Даже переезд европейцев в богатый землями Новый Свет в период до 1800 г. не выдерживает сравнения с массовой миграцией в Китае. Общее число европейских переселенцев в Южную и Северную Америку в период до 1800 г., возможно, не превышало и 1,5 млн человек<sup>73</sup>. Более того, примерно две трети переселенцев из Англии прибыли в Новый Свет в качестве связанной договором индентуры<sup>74</sup> прислуги<sup>75</sup>, в то время как принятая в различных колониях политика искусственным образом затрудняла возможность для бедняков остаться свободными людьми и при этом воспользоваться теми благоприятными возможностями, которые дарил Новый Свет<sup>76</sup>. Поток европейских мигрантов был тонкой струйкой по сравнению с избытком трудовых ресурсов только в одной Британии и не смог уравнивать показатели продолжительности жизни свободных европейцев с обеих сторон Атлантики в той же мере, в какой это удалось зарождающемуся рынку труда. Так, переезд в Новую Англию в 1700 г. повышал продолжительность жизни молодого англичанина примерно на десятилетие<sup>77</sup>, однако до 1800 г. число переселенцев оставалось небольшим.

В случае с переездом на жительство в Новый Свет (в отличие от переселения в Восточную Европу) высокие издержки миграции по сравнению с уровнем дохода и сбережений бедняков были,

73. Kulikoff 1992: 185–186.

74. Согласно подобному договору переселенцы расплачивались за свой проезд морем до Америки работой в течение нескольких лет у лиц, которые им его оплатили.— *Примеч. пер.*

75. Ibid., p. 191.

76. Например, Morgan 1975: 215–234.

77. Гривен (Grevin 1970: 26–27, 109, 193) приводит следующие данные по ожидаемой продолжительности жизни для лиц в возрасте 20 лет: 44,2 года для мужчин и 41,6 года для женщин в конце XVII в. (для последующих возрастных когорт она упала чуть ниже 40 лет) плюс чрезвычайно низкий уровень смертности среди лиц младше 20 лет. Раззел же (Razzell 1993: 765) приводит данные по различным (главным образом высшим) слоям английского общества, согласно которым продолжительность жизни лиц, достигших возраста 25 лет, в XVII в. возросла на 25–31 год, а в середине и в конце XVIII в. данный показатель приблизился уже к 35 годам, что почти соответствовало показателям по Массачусетсу.

возможно, более серьезным препятствием, чем любые юридические проблемы. При этом необходимо отметить, что большинство людей могли покрыть эти издержки лишь посредством договора индентуры, а даже его условия зависели прежде всего от ограниченного спроса крупных, ориентированных на экспортное производство плантаторов на рабочую силу и имеющейся у них альтернативы в виде использования труда рабов, когда труд лиц, связанных договором индентуры, начинал обходиться слишком дорого<sup>78</sup>. Разумеется, усилия со стороны европейских стран не могли сравниться с неоднократными усилиями китайского правительства, направленными на то, чтобы *облегчить* массовое переселение в районы, испытывавшие нехватку рабочей силы, и при этом сделать это таким образом, чтобы земледельцы сохраняли свою независимость.

Эти усилия со стороны правительства Китая зачастую включали в себя покрытие расходов на переезд, кредиты на обустройство, выдачу семян, выделение тягловых животных для вспахивания земли, предоставление основной информации и земли<sup>79</sup>. Численность переселившихся на дальние расстояния в слаборазвитые районы Китая (а также в те, что страдали от малочисленности населения после войн XVII в.) только в конце XVII и в XVIII в. превысила 10 млн человек. При этом большинство переселенцев стали владельцами собственных наделов<sup>80</sup>, а те, кто стал арендаторами, почти всегда оставались свободными арендаторами<sup>81</sup>. И хотя у нас нет достаточных данных, чтобы продемонстрировать, в какой мере переселениям удалось выровнять уровень дохода в разных регионах, отдельные свидетельства позволяют говорить о том, что китайские «земли новых возможностей» оказались быстро заселены до такой степени, что дальнейшее переселение в отдаленные районы более не представлялось шагом вперед. Таким образом, вполне вероятно, что массовые миграции китайцев независимо от того, что именно за ними стояло, сделали гораздо больше для избавления перенаселенных местностей от избыточной рабочей силы, чем миграции европейцев.

С другой стороны, европейская миграция в направлении больших капиталов могла оказаться более легкой. Жители тех

78. См.: Galenson 1989: 52–96; Morgan 1975: 295–315; дополнительно по данному вопросу еще будет сказано в главах 4 и 6.

79. Lee 1982: 284, 293; Xiaofen 1997: 30–34 — данные по Сычуани; Marks 1997: 291 — данные по Гуандуну и юго-западным провинциям.

80. Lee and Wong 1991: 52–55.

81. Zelin 1986: 518.

частей Европы, которые испытывали наибольший дефицит капитала (например, России), были мало расположены к переселениям. И как мы уже удостоверились, такие институциональные механизмы, как, к примеру, английские законы о бедных, могли стать искусственным препятствием для переезда из бедного английского прихода в Лондон (или в более поздний период в Манчестер). Тем не менее в XVII и XVIII вв. многие европейцы все-таки переселялись на короткие и средние расстояния в региональные экономические центры (например, немцы и скандинавы — в Нидерланды, а ирландцы — в Англию).

Китайское государство, всегда с подозрением относившееся к «лицам без определенного места жительства» и предпочитавшее земледельцев пролетариям, не предпринимало тех же шагов по перемещению бедных слоев населения к рабочим местам в экономических центрах, что наблюдались в их перемещении к сельскохозяйственным территориям на периферии. Более того, некоторые меры государственной политики подобным перемещениям препятствовали. В качестве одного из таких примеров можно привести организацию помощи голодающим таким образом, чтобы они могли получать продовольствие лишь в своей местности. Схожие цели преследовал и такой амбициозный проект, как попытки сделать живущих по соседству ответственными за действия друг друга посредством системы внутриобщинного контроля за соблюдением законов, однако он, скорее всего, реального влияния на процессы миграции не оказал. Вполне вероятно, что гораздо большую значимость имели обычаи и социальная структура китайской промышленности.

Как в Китае, так и Европе крупнейшей промышленной отраслью XVIII в. была текстильная, причем большая часть производств находилась в сельской местности. В Китае в данной отрасли были заняты в основном женщины, частично в силу того, что прядение и ткачество считались олицетворением женского труда. Однако немногие одинокие женщины были готовы переехать на новое место в одиночку в Китае, где женщины без сопровождения родственников рисковали своей репутацией в том числе при совершении краткосрочных паломничеств. Даже сегодня в некоторых частях Китая возможность переезда женщины в поисках работы по-прежнему рассматривается как нечто предосудительное<sup>82</sup>. Чтобы женщина могла уехать со своим мужем, ей требовалось на новом месте жилье, а мужу в идеале — земельный

82. См., например: Judd 1994.

надел: для занятых наемным трудом мужчин работы хватало, однако понятие о том, что у мужчины — главы домохозяйства обязательно должен быть свой надел (собственный или взятый в аренду), было настолько укоренившимся в сознании китайца, что могло запросто оказаться причиной отказа от переезда на новое место. В районах нижнего течения Янцзы и ряде других территорий насчитывалось множество прядильщиц и ткачих, однако там не было ни занятых в текстильной отрасли семейных пар, столь характерных для Западной Европы, ни крупных землевладельцев, заинтересованных в том, чтобы расселить подобных тружеников на своей земле для облегченного доступа к труду. Иными словами, то, что можно было бы назвать «вариантом пролетарской миграции», было в Китае явлением малораспространенным, поскольку профессиональная прядильщица или ткачиха была не пролетарием, а частью домохозяйства с собственным или хотя бы арендованным наделом.

При этом в Китае институты, подобные европейским, могли бы в большей мере способствовать миграции, которой было бы обеспечено (в теории) равновесие за счет перемещения населения из местностей с переизбытком рабочей силы в местности, богатые капиталом. В XIX в. со стремительным ростом населения окраин Китая и лишь незначительным увеличением населения его наиболее процветающих районов такие институциональные отличия могли бы сыграть существенную роль (мы еще вернемся к этому вопросу в главе 5). Однако что касается ситуации середины XVIII в., крайне трудно представить, чтобы расцвет Дельты Янцзы не обладал достаточной притягательной силой для привлечения множества наемных работников из других мест независимо от существовавших там традиций о ролях разных полов и прочих культурных ценностей. В Дельте Янцзы плотность населения уже составляла более 1 тыс. человек на квадратную милю<sup>83</sup>, в то время как в Хунане, самой плодородной и не испытывавшей трудностей с орошением провинции среднего течения Янцзы, — около 175 человек на квадратную милю<sup>84</sup>. И разумеется, среди жителей Китая (особенно мужчин) насчитывалось больше тех, кто умел обрабатывать землю. Принимая во внимание данные обстоятельства, представить себе массовую миграцию китайского населения в столицу довольно проблематично, даже если забыть о том, что ей препятствовали традиции, а власти активно

83. Wang 1989: 427.

84. Расчеты на основе данных из: Perdue 1987: 25, 40.

содействовали переселению в районы, богатые землей. Существовавшие же в Европе институты серьезно затрудняли миграцию земледельцев, но не лиц, ищущих наемную работу в местах, богатых капиталом, однако в XVIII в. поток последних оставался довольно незначительным. Разумеется, у нас нет никаких оснований утверждать, что традиции, препятствовавшие миграции в богатые капиталом регионы, представляли собой столь же серьезный недостаток рынка труда в Китае XVIII в., что и указанные препоны, с которыми приходилось иметь дело потенциальным земледельцам в Европе. И конечно, ни Китай, ни Западная Европа не могли похвастаться хорошо отлаженным неоклассическим рынком труда. Для целей нашего исследования достаточно уже того, что Китай, вероятно, был *ближе* к данной модели, хотя и ненамного.

### Рынки сельскохозяйственной продукции

Более того, земледельцам, занимавшимся выращиванием продукции для рынка, приходилось чаще сталкиваться с монополизмом покупателей, чем их коллегам, проживающим по соседству с Лондоном и Парижем. Английская и французская монархии, стремившиеся к получению капиталов практически любой ценой, со снисхождением относились к развитию частного рынка, в рамках которого нормы против скупки зерна, до того как оно будет поставлено на рынок, не соблюдались. Торговцы все чаще скупали зерно напрямую у крестьян в рамках оптовых сделок, что лишало последних доступа к физическому рынку, где продавец имел дело с предложениями целого ряда конкурирующих между собой покупателей<sup>85</sup>. Как подчеркивает Бродель, условия подобных сделок, в рамках которых у торговцев существовали преимущества в виде доступа к отдаленным рынкам и наличные деньги, были «по самой своей природе неравными»<sup>86</sup> и зачастую вели к возникновению порочного круга самовозобновляющейся долговой кабалы крестьян и отсутствия у них выбора относительно того, когда и кому продавать свой урожай.

85. Информацию по Англии см. в: Everitt 1967: 543–563, 568–573; по Франции см. в: Karlan 1976: 69–70; о попытках обеспечить продажу зерна исключительно на рынках и при наличии многочисленных покупателей и отказе от данной практики см. в: Ibid., p. 90–91; о повсеместности практики предварительной скупки зерна см. в: Ibid., p. 289–290. См. также: Usher 1913: 306.

86. Braudel 1977: 53; Бродель 1993: 58.

В отличие от Франции и Англии в Китае эпохи Цин государство было крайне озабочено тем, чтобы обеспечить наличие на местных рынках *многочисленных, конкурирующих* между собой продавцов и покупателей основных товаров. До 1850-х гг. это было основной целью системы лицензирования торговцев и брокеров<sup>87</sup>. Существует достаточно свидетельств того, что в целом (хотя и не всегда) эти принципы соблюдались в торговле зерном и хлопком, составлявшими большую часть рыночных сельхозтоваров. Да, торговцы зачастую прибегали к кредиту, чтобы приобрести нужные им сельскохозяйственные товары, однако, судя по всему, опять же по крайней мере до 1850 г. у крестьян почти всегда оставалась возможность выбора, кому именно свою продукцию продать<sup>88</sup>.

### Занятость в промышленности и неосновные виды заработка в сельской местности

Более того, у китайских крестьян по сравнению с европейскими было гораздо больше свободы заниматься производством ремесленных изделий на коммерческой основе, продавая их конкурирующим между собой продавцам. Для простоты давайте рассмотрим производство тканей.

В ранний период империи Мин в Китае по-прежнему существовали семьи потомственных ремесленников. В 1393 г. их число составляло 3% от общей численности населения<sup>89</sup>, однако в последующие 200 лет данная система исчезла: вознаграждение ремесленникам из числа крепостных было столь незначительным, что многие из них пускались в бег, в то время как семьи крестьян все чаще занимались производством тканей и прочих изделий на продажу<sup>90</sup>. К концу эпохи Мин система полностью изжила себя, а новая династия Цин и вовсе официально отменила ее в 1645 г. Хотя гильдии и были весьма распространены, объединения производителей текстиля были малозначимы, а городской монополии на легальное производство тканей не существовало. Более того, в эпоху династии Цин правительство поощряло занятие сельских женщин прядением и ткачеством как в целях повышения экономической стабильности платящих налоги крестьянских домохозяйств, так и по причине того, что образ матери за ткацким станком рас-

87. Mann 1987: 42, 45.

88. Pan 1994: 130–201, 173–187; см. также: Lu 1992: 488–490.

89. Wu and Xu 1985: 112–115.

90. Ibid., p. 116–118.

сма­три­вал­ся как хо­ро­ший при­мер для мо­раль­но­го вос­пи­та­ния де­тей. Го­су­дар­ствен­ные вла­сти за­ни­ма­лись рас­про­стра­не­ни­ем се­мян хлоп­чат­ни­ка и от­пе­чатан­ных пам­ф­ле­тов-ин­струк­ций, со­дей­ство­ва­ли обу­че­нию на­се­ле­ния со­от­вет­ст­вую­щим на­вы­кам и ак­тив­но вне­дря­ли раз­де­ле­ние тру­да по прин­ци­пу «му­ж­чи­на па­шет, жен­щи­на ткет» в ка­че­стве ос­но­вы силь­ной се­мьи<sup>91</sup>.

В це­лом дан­ные ме­ры сра­ба­ты­ва­ли. К на­ча­лу XVII в. по­чти ка­ж­дое до­мо­хо­зяй­ство в ра­й­о­нах ниж­не­го те­че­ния Ян­цзы бы­ло за­ня­то вы­пол­не­ни­ем тех или и­ных ра­бот, свя­зан­ных с про­из­вод­ством тек­стиль­ных тка­ней. В XVII–XVIII вв. их при­ме­ру по­сле­до­ва­ли и мно­гие се­мьи Се­вер­но­го Ки­тая и Лин­наня. Кро­ме то­го, зна­чи­мые про­из­вод­ства бы­ли на­ла­же­ны в ра­й­о­нах сре­д­не­го те­че­ния Ян­цзы и в дру­гих ме­ст­но­стях<sup>92</sup>. Там же, где ме­ст­ные про­из­вод­ства не раз­ви­ва­лись, ви­ной бы­ло от­сут­ствие не­об­хо­ди­мых ре­сур­сов и по­ступ­ле­ние со­от­вет­ст­вую­щих из­де­лий из бо­лее раз­ви­тых ре­ги­о­нов.

Го­род­ские гиль­дии За­пад­ной Ев­ро­пы кон­троль за тек­стиль­ным про­из­вод­ством так­же ут­ра­ти­ли, хо­тя это про­изо­шло не так бы­стро. Пусть тру­д сель­ских жи­те­лей и был бо­лее де­ше­вым, го­род­ские ре­мес­лен­ни­ки до­би­лись при­зна­ния за­кон­но­сти сво­их прав на при­ви­ле­гии, ко­то­рые мож­но бы­ло ре­гу­ли­ро­вать, но не так-то лег­ко бы­ло уп­разд­нить<sup>93</sup>. Мыс­ли­те­ли эпо­хи Про­све­ще­ния по­ста­ви­ли под сом­не­ние легитимность дан­ных прав, од­на­ко в за­ко­но­да­тель­ных ак­тах их м­не­ние под­твер­ди­лось толь­ко лишь по­сле 1789 г. Ев­ро­пей­ские пра­ви­тель­ства, ко­то­рых силь­но за­бо­тил во­прос под­дер­жа­ния по­ря­дка в *го­ро­дах*<sup>94</sup>, по­ни­ма­ли, что бы­ст­рая от­ме­на го­род­ских мо­но­по­лий чре­ва­та мас­со­выми вол­не­ни­я­ми, в ре­зуль­та­те че­го они ча­сто за­пре­ща­ли про­из­вод­ства в сель­ской ме­ст­но­сти. На зна­чи­тель­ной ча­сти тер­ри­то­рии Гер­ма­нии вла­сти в XVII и XVIII вв. да­же пы­та­лись *ух­ре­пить* го­род­ские мо­но­по­лии<sup>95</sup>. Мно­гие гер­ман­ские гиль­дии дей­стви­тель­но ста­ли мо­гущес­твен­нее (де-фак­то или де-юре) в XVIII в., про­дол­жив охо­тить­ся на «кро­ли­ков на мес­тах» — сво­их сель­ских кон­ку­рен­тов —

91. Осо­бен­но чет­ко дан­ный во­прос пред­став­лен в: Mann 1992.

92. Bozhong 1998: 107–108; Lu 1992: 480–481; Huang 1985: 118–120; Marks 1997: 171–173.

93. Sewell 1980: 117–121 — по Фран­ции; Walker 1971 — по Гер­ма­нии.

94. Дан­ное м­не­ние до­воль­но на­стой­чи­во от­ста­ива­ется Вон­гом (Wong 1997), рас­сма­три­ваю­щим, в ка­кой ме­ре со­от­вет­ст­вую­щие по­след­ствия э­ко­но­ми­че­ско­го ха­рак­те­ра, на ко­то­рые ев­ро­пей­ские го­су­дар­ства ре­а­ги­ро­ва­ли или же не ре­а­ги­ро­ва­ли, от­ли­ча­лись от си­ту­а­ции в Ки­тае.

95. Kellenblenz 1974: 59.

даже в XIX в.<sup>96</sup> Несмотря на данные меры, промышленность в сельской местности продолжала расширяться, а некоторые мастера стали отказываться от идеи исключения сельских работников из своей сферы занятости в пользу привлечения их к труду. Тем не менее привилегии городских гильдий по-прежнему законодательно запрещали миллионам жителей деревни заниматься промышленной деятельностью.

Другие препятствия к осуществлению данной деятельности были и в самой сельской местности. Герцоги Ратлендширские (Ратлендшир— сердце либерализма и европейского текстильного производства) пришли к выводу (не без оснований), что распространение производств вязаных изделий вело к конкуренции между сельскими работниками, повышению уровня рождаемости и в итоге к большим расходам на содержание бедных. Как владельцы трех четвертей деревни Боттсфорд и покупатели большей части производимой ее жителями рыночной продукции, они должны были не допустить подобных бед. Еще в 1809 г. Питт описывал их действия следующим образом: «Многочисленным и здоровым крестьянам здесь оказывается поддержка, чулочновязальным же машинам здесь не место, и содержать тех, кто на них работает, никто не собирается». Нет ничего удивительного в том, что в то время как в Лестершире наблюдался бум текстильного производства, оно зачастую отсутствовало в деревнях, находившихся во владении лишь одной дворянской семьи, и было слабо представлено в районах с большой концентрацией землевладельцев<sup>97</sup>. В некоторых частях Германии (прежде всего за пределами Пруссии) гильдиям удавалось вводить эффективные запреты на занятость многих работников (особенно женщин) в производстве тканей и на протяжении значительной части XIX в.<sup>98</sup> Между тем необходимость отбывать различные повинности еще и в 1848 г. представляла собой серьезную проблему как для ткачей, так и для сторонников нововведений<sup>99</sup>.

В других случаях сельская промышленность испытывала значительный подъем, однако ценой данного роста опять же было наложение ограничительных мер со стороны гильдий. В данных случаях сельские и городские гильдии действовали вместе (при поддержке государства) в целях противодействия техно-

96. Walker 1971: 88–107.

97. Levine 1977: 19–20.

98. Ogilvie 1996: 128–129.

99. Kriedte, Medick, and Schlumbohm 1981: 143, 182, 197–198.

логическим изменениям. Изучив данные по Германии, Шила Огилви пришла к выводу, что в XIX в. институциональное наследие протопромышленного развития и корпоративные привилегии по-прежнему «представляли собой непосредственное и живущее препятствие на пути экономических и социальных изменений»<sup>100</sup>.

Однако нам не следует ограничиваться перечислением отклонений от идеала открытого и единого рынка труда: отклонения могут быть найдены повсеместно, но это не означает, что достаточно развитого рынка труда не существовало. При этом мы располагаем итоговыми показателями по ряду примеров из истории Европы, которые демонстрируют тот факт, что интеграции в рынок труда были характерны значительная ограниченность и нестабильность.

Знаменитые выкладки по заработной плате в Англии, опубликованные Фелпсом Брауном и Шилой Хопкинс, самым недвусмысленным образом указывают на продолжительную заостренность рынка. Номинальное вознаграждение для различных видов несельскохозяйственного труда оставалось без изменений на протяжении десятилетий, а то и столетий, несмотря на частые колебания как предложения, так и спроса. Разница в уровне заработка квалифицированных и неквалифицированных работников также оставалась без особых изменений в течение невероятно долгих периодов<sup>101</sup>. Сегодня мы располагаем подобной информацией и по отдельным частям Франции и Германии<sup>102</sup>. Безработица в Англии — вполне логичный результат неспособности заработной платы приспособиться к колебаниям спроса — с XVI по XVIII в. была достаточно сильной. Кроме того, несмотря на серьезную *сезонную* безработицу, в XVIII в. в Англии лишь немногие сельхозработники подрабатывали на промышленных производствах в период отсутствия сельскохозяйственных работ. И несмотря на достаточно высокие заработки во время уборки урожая, особо большого сезонного притока промышленных рабочих в сельское хозяйство также не наблюдалось<sup>103</sup>. Это сильное разграничение между рынками труда сельского хозяйства и промышленности позволило поддержать ощутимую разницу между зарплатой в городе и деревне: по состоянию

100. Ogilvie 1996: 136.

101. Phelps Brown and Hopkins 1981: 3.

102. Соответствующие данные приведены в: de Vries 1994a: 40–42.

103. Allen — цитируется в: Postel-Vinay 1994: 72.

на конец XVIII в. уровень заработной платы в городе составлял 154% от уровня зарплаты в сельской местности<sup>104</sup>.

Рынкам труда Голландии вполне могла быть свойственна значительно ббльшая гибкость, по крайней мере в течение «золотой эпохи» XVI и XVII вв. Уровень номинальной заработной платы и разница в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных работников изменялись гораздо чаще, а временные работники постоянно меняли сферу занятий с сельскохозяйственной на промышленную, что способствовало объединению данных рынков труда<sup>105</sup>. Однако после 1650 г. колебания уровня номинальной зарплаты и разницы в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных работников происходили реже. Городские профессиональные объединения добились того, чтобы зарплата оставалась высокой и даже повысилась в реальном выражении после падения мировых цен в период после 1670 г., несмотря на снижение доходов и рост безработицы<sup>106</sup>. Для сезонных же работ промышленного характера все чаще нанимались временные мигранты из германского и скандинавского сельхозсектора. Тем временем потерявшие в деньгах и гарантиях занятости голландские трудящиеся не имели необходимой временной занятости как по причине снижения масштабов различных государственных проектов (например, прокладки каналов), так и в силу того, что фермеры все чаще нанимали не сезонных, а постоянных работников. Большое число голландцев покидали страну, поступая на службу в Голландскую Ост-Индскую компанию в качестве солдат и матросов. Хотя это и был работодатель, к которому обращались в последнюю очередь, но в XVIII в. компания быстро развивалась. В тот момент в Нидерландах сформировались три четко обособленных рынка труда: доступ на самый притягательный из них был строго ограничен, а те, кто был занят на двух других, проживать у себя на родине на постоянной основе были не в состоянии<sup>107</sup>.

В XVIII в. и даже на протяжении XIX в. особого объединения рынков труда не наблюдалось. В Англии в период с 1820-х по 1850-е гг. резко увеличился разрыв в уровнях оплаты труда сельских и городских трудящихся, составлявший 54% в 1797 г. и достигший своего пика — 81% в 1851 г.; в течение последующих

104. Williamson 1990: 183.

105. de Vries 1994a: 45, 53, 56.

106. Ibid., p. 61–62.

107. Ibid., p. 57–60, 62.

десятилетий он снижался лишь постепенно, периодически вновь возвращаясь к росту<sup>108</sup>.

Судя по всему, во Франции рынок труда отличался большей внутренней взаимосвязью, однако это было лишь временным явлением. Долгое время французские промышленные производства в сельской местности летом закрывались, поскольку оказывались не в состоянии конкурировать с высокими сезонными сельскохозяйственными зарплатами. Многие промышленные рабочие по достижении примерно 35 лет все чаще предпочитали постоянную занятость в сельском хозяйстве, поскольку заработная плата, на которую они могли рассчитывать в промышленных отраслях, снижалась. Столь значительная доля лиц, совмещавших занятость в сельском хозяйстве и промышленности (в 1800 г. 25–40% французских сельхозрабочих подрабатывали и на промышленных производствах), способствовала формированию рынка труда, отличавшегося большей внутренней взаимосвязью, чем британский, по крайней мере вне городов. Более того, возrastавшая в период 1750–1870 гг. коммерциализация французского сельского хозяйства означала, что эта взаимосвязь усиливалась, во всяком случае, во многих частях страны<sup>109</sup>. Однако взаимосвязь эта обеспечивалась крайне низкой капиталоемкостью французской промышленности, что позволяло в финансовом плане пережить летнее закрытие производств относительно безболезненно, и низким уровнем зарплат, что делало закрытие производств необходимостью в летний период, когда оплата труда в сельском хозяйстве повышалась. С развитием в последней трети XIX в. предприятий, применявших паровые машины, конкурентоспособность этих производств падала; а с падением уровня зарплат в период сбора урожая вследствие кризиса сельского хозяйства в 1870-х гг. сезонные потоки рабочей силы из промышленного сектора иссякли. Результатом стало резкое повышение во Франции конца XIX в. разницы между городскими и сельскими зарплатами, а также между зарплатами в различных регионах<sup>110</sup>. К XX в. французскому рынку труда были свойственны

108. Williamson 1994: 162, 166; Williamson 1990: 182–183. Данные по Англии представляют собой средневзвешенный показатель, учитывающий более широкую разницу, свойственную югу Англии, и менее выраженную — северу; перевод представленных на с. 182 коэффициентов по 1797 и 1851 гг. произведен мною.

109. Postel-Vinay 1994: 65–66, 72–74.

110. Ibid., p. 78–79.

скорее новые виды сегментации, а не общая тенденция к объединению.

Единого мнения относительно того, почему Европе индустриальной эпохи была столь долгое время свойственна значительная и все возрастающая разница в уровне зарплат между отдельными отраслями и регионами, нет. Объяснения, разумеется, даются разные, но при этом они учитывают многочисленные факторы, которые не могут рассматриваться в качестве «дефектов» рынков труда<sup>111</sup>. Тем не менее существует широкий консенсус относительно того, что данные «дефекты» сыграли определенную роль в том, что разница в уровне зарплат не исчезла. И независимо от того, какая именно сила приписывается различным факторам в каждом конкретном объяснении, поражает то, что здесь мы вновь сталкиваемся с необходимостью искать объяснения значительному отклонению Европы от эффективности, как ее понимал Смит, как в раннее Новое время, так и в собственно индустриальную эпоху; при этом в Восточной Азии каких-либо параллелей с подобным отклонением мы не находим.

К сожалению, в нашем распоряжении нет надежных выкладок по уровню заработной платы в Китае, позволивших провести сравнительное исследование, однако из дальнейшего текста настоящей главы станет ясно, что по крайней мере в XVIII в. заработки лиц, занятых в сельском хозяйстве, и лиц, занятых в сельских текстильных производствах, вероятно, были достаточно близки. Более того, нам известно, что в Китае не существовало сравнимых с европейскими ограничений на переход из одной отрасли в другую. Отдельные китайские землевладельцы почти никогда не имели власть, сравнимую с властью герцогов Ратлендширских. В любом случае они скорее предпочли, чтобы их арендаторы имели дополнительный источник дохода, позволявший им рассчитывать за арендную плату, которая все чаще выплачивалась деньгами. Что же касается городских гильдий ремесленников, то, как мы уже видели, какой-либо реальной властью, позволившей им запретить деятельность конкурентов из сельской местности, они не обладали. Наличие более неформальных мер, таких как наем сезонных и постоянных приезжих работни-

---

111. Уильямсон (Williamson 1990: 193) полагает, что более половины разницы в уровне зарплат объясняется различиями в стоимости жизни, негативными последствиями жизни в городе и все большей доступностью социальной поддержки малообеспеченным слоям населения в сельской местности; однако он приходит к выводу, что данные факторы не в состоянии объяснить существенную несостоятельность рынка труда.

ков через функционировавшие по месту их жительства организации, означало, что рынок труда во многих аспектах отличался сегментацией, которая, однако, не усугублялась законодательными ограничениями. Причем маловероятно, что это привело к формированию рынков труда, отличавшихся меньшей взаимосвязью, чем европейские рынки труда в раннее Новое время.

Применительно к Японии, где до 1860-х гг. существовало множество законодательных ограничений как на миграцию, так и на занятия дополнительными видами деятельности, следовало бы ожидать сегментации, сравнимой с европейской. Однако, судя по всему, они достаточно легко ограничивались неформальными договоренностями, по крайней мере в коммерчески развитых регионах. Саито Осама продемонстрировала, что начиная с 1750-х гг. поденщики в городах столичного региона зарабатывали почти столько же, сколько и поденщики в сельской местности, что указывает на существование взаимосвязанного рынка труда<sup>112</sup>. Нишикава Шунсаку схожим образом показал, что предельная производительность труда в XIX в. в Тёсю, принимаемая как уровень заработной платы сельскохозяйственного рабочего, была чрезвычайно близка к заработку лиц, занятых на близлежащих соляных производствах<sup>113</sup>. Таким образом, хотя ученым и предстоит еще много работы, существующие свидетельства не позволяют говорить о том, что европейские рынки труда соответствовали неоклассическим нормам в большей мере, чем рынки труда Японии и Китая.

### Семейный труд в Китае и Европе: «инволюция» и «революция трудолюбия»

#### *Потребление и производство*

Как бы то ни было, но Филип Хуань полагает, что экономике Китая эпохи династии Цин была характерна «инволюция», отличавшаяся от той, что была свойственна Западной Европе. Расширение производства и обмена продукцией основывалось, по мнению Хуаня, на все более возрастающем применении неоплачиваемого семейного труда, приносившего небольшой (и снижающийся) доход из расчета на единицу труда. Доход этот позволял домохозяйству удовлетворять свои более или менее устоявшиеся потребительские нужды, однако цена этому была значительной: сочетание

<sup>112</sup>. Saito 1978: 92.

<sup>113</sup>. Nishikawa 1978: 81–82.

низкой прибыли и почти нулевой условной зарплаты делало инвестирование в трудосберегающее оборудование бессмысленным, удерживало население от выполнения низкопроизводительных задач и обеспечивало лишь незначительный рынок для «товаров, не относящихся к категории предметов первой необходимости». Объемы производства сельской промышленности в подобных условиях расти могли, но производительность труда — нет. Таким образом, речь шла о «переводе на коммерческую основу мелкотоварного производства крестьян и их заработка, а не о зарождающемся капиталистическом предприятии». Ситуация усугублялась почти полным исключением женщин по причине «ограничений культурного характера» из процесса труда за пределами дома<sup>114</sup>. Подобные ограничения вели к тому, что в семье труд женщины рассматривался как бесплатный, во многом подобный труду рабов или крепостных крестьян, которых необходимо было кормить вне зависимости от объемов их труда.

Если предположить, что представляемая Хуанем ситуация в Китае соответствует действительности, насколько сильно она должна была отличаться от ситуации в Западной Европе в период, предшествующий концу XVIII в.? Относительно Европы также существуют многочисленные свидетельства того, что расширение производства с 1500 по 1800 г. в значительной мере стало результатом применения существенно больших объемов труда, а не стремительного повышения уровня производительности. Данная тенденция была настолько распространенной, фундаментальной и продолжительной, что Ян де Фрис предложил переосмыслить соответствующий период в качестве эпохи «революции трудолюбия»<sup>115</sup>. И как я уже указывал в главе 1, остается неясным, насколько сильно все эти дополнительные объемы труда способствовали повышению уровня жизни рядовых жителей Западной Европы. Как мы удостоверимся в главе 3, существует немало свидетельств того, что не относившиеся к правящим классам европейцы в 1800 г. обладали имуществом гораздо больших размеров, чем в 1500 г., но при этом питались они ничуть не лучше, а в действительности даже хуже.

Как нам уже известно, потребление мяса в Европе из расчета на душу населения в период между поздним Средневековьем и 1800 г. снизилось. В то же время потребление хлеба в Париже из расчета на душу населения в период с 1637 по 1854 г. какой-либо

114. Huang 1990: 91, 110.

115. de Vries 1994b: 249–270.

долгосрочной тенденции не проявило<sup>116</sup> (данные по другим городам схожи с парижскими). При этом с течением времени объемы труда, для того чтобы позволить себе те же объемы хлеба, *возрастали*. Так, в Страсбурге в период между 1400 и 1500 гг. объемы ручного труда для удовлетворения месячной потребности семьи из четырех человек в пшенице колебались между 40 и 100 часами, при этом чаще всего в диапазоне 60–80 часов. К 1540 г. показатель уже намного превышал 100 часов и в течение трех последующих столетий ниже этого уровня уже не опускался. Данные по Франции в целом указывают на то, что месячная потребность в пшенице вновь могла быть удовлетворена менее чем 100 часами работы не раньше 1880-х гг.<sup>117</sup> Схожая ситуация наблюдалась и в случае с германскими трудящимися: покупательная способность их заработной платы в период между 1500 и 1650 гг. упала примерно на 50%<sup>118</sup>. В Англии снижение покупательной способности началось несколько позднее. При этом в ее истории был и повторный пик покупательной способности (примерно в 1740 г.), когда на зарплату строительного рабочего вновь можно было купить столько же хлеба, сколько и в XVI в. Однако в целом заработная плата английских трудящихся вернулась к показателям покупательной способности, выраженной в возможности приобретения определенных объемов зерна, задокументированным по XVI столетию, также лишь в XIX в.<sup>119</sup> Принимая во внимание то, насколько важную роль зерновые культуры играли в питании, составляя более половины калорий, потребляемых даже высшими городскими слоями, и, возможно, до 80% калорий в рационе малоимущих<sup>120</sup>, вполне вероятно, что реальный почасовой заработок в указанный период падал. (В целях поддержания своей покупательной способности для приобретения определенного количества калорий некоторые переходили с хлеба на картофель, однако это рассматривалось как снижение качества питания.)

Мелкие земледельцы независимо от того, были они владельцами или арендаторами земли, питались немногим лучше. Хотя во время циклов повышения цен на зерновые их доход и позволял приобретать больше кухонной утвари, предметов домашней

116. Braudel 1981: 132; Бродель 1986: 146–147.

117. Ibid., p. 134–135; там же, с. 149–150.

118. Расчеты на основе: Abel 1980: 136, 161, 191.

119. Clark 1991: 446.

120. Braudel 1981: 131–133; Бродель 1986: 146–148.

мебели и т. п., качество их питания изменений в лучшую сторону не претерпевало. Ситуация складывалась главным образом так, что значительное повышение численности крестьян нивелировало рост объемов произведенной ими продукции, а сокращение территории незанятых земель, куда недовольные крестьяне могли бы переселиться, облегчало правящим классам и государству задачу изъятия у крестьян излишков продукции. Разумеется, товарная корзина населения пополнялась новыми товарами, но, принимая во внимание потери, представляется маловероятным, чтобы новая товарная корзина была качественнее первоначальной, при этом теперь, для того чтобы заработать на товарную корзину, приходилось тратить больше времени, чем тратили предыдущие поколения. Если бы реальная заработная плата в сельском хозяйстве повышалась или хотя бы оставалась неизменной, то не было бы и избытка сельхозрабочих, способствовавшего снижению реальной заработной платы, по которой в нашем распоряжении имеются многочисленные документальные свидетельства<sup>121</sup>.

Исследования протопромышленности, характеризовавшейся гигантским ростом сельских ремесел в раннее Новое время, приводят к тем же выводам. Работа Дэвида Левина, посвященная английскому текстильному производству в деревне, недвусмысленно указывает на то, что заработок одного текстильного работника в сельской местности не был достаточно высок, чтобы помочь прокормить семью; даже заработка двух таких работников было зачастую недостаточно без одновременного возделывания ими земельного надела и (или) заработка, обеспечиваемого трудом их детей. Тем не менее вероятность того, что семейной паре таких работников удастся прокормить семью за счет своей работы и возделывания небольшого надела, была достаточной, чтобы данные работники вступали в брак, не дожидаясь наследства, результатом чего были ранние браки, более высокий уровень рождаемости, переизбыток населения в местностях скопления текстильных производств и снижение зарплаток. Последнее вынуждало трудящихся работать дольше, что, в свою очередь, вело к дальнейшему ускорению их падения<sup>122</sup>. Таким образом, по заключению Левина, протопромышленность была не предвестником грядущей индустриализации, а тупиком, из которого Англия

121. Kriedte, Medick, and Schlumbohm 1981: 28–29.

122. Levine 1977: 58–87. См. также: Kriedte, Medick, and Schlumbohm 1981: 57, 77–86.

(но при этом не все ее работники текстильной отрасли) была выведена благодаря экзогенному технологическому прорыву.

Взаимосвязь между развитием протопромышленности и ускоренным ростом населения более не представляется столь же однозначной, какой она была для ранних сторонников модели. Расширение системы наемного труда в сельском хозяйстве, которая также давала возможность зарабатывать себе на жизнь и вступать в брак, не дожидаясь наследства в виде земельного надела, могло иметь тот же эффект на население, что и протопромышленность<sup>123</sup>, и оно также вело к увеличению числа семей, для материального обеспечения которых требовалось не менее двух человек. При этом основополагающее предположение Левина о том, что протопромышленность могла как завести в тупик, так и привести к значимому прорыву, по-прежнему представляется вполне состоятельным. Оно также напоминает нам о том, что пролетарии, которым приходилось взаимодействовать с рынком в качестве отдельных лиц, а не части семьи, которая была не только производственно-потребительской единицей, но и могла иметь в своем распоряжении землю, могли отклоняться от неоклассических ожиданий все в той же «инволюционной» манере.

В своем исследовании protoиндустриализации на территориях, входящих сегодня в состав Германии, Франции, Англии и Бельгии, Питер Кридт, Ганс Медик и Юрген Шлюмбом выдвигают предположение о том, что посредством капиталов и организационных навыков *торговцев* протопромышленность действительно могла способствовать последующему расцвету фабрик и заводов<sup>124</sup>. При этом их описание соответствующих экономических и демографических последствий для трудящихся напоминает картину, которую рисует Левин: определенная инволюция, стагнация уровня жизни и *увеличение* общей потребности в доступных ресурсах<sup>125</sup>. В дополнение к чему protoиндустриализация, судя по всему, сопровождалась значительным ростом населения в соответствующих частях Германии в XVIII и начале XIX в., несмотря на законодательные попытки на местном уровне усложнить вступление в брак. Массовая безработица и падение зарплат ниже прожиточного уровня были широко распространены явлениями, особенно в 1840-х гг.<sup>126</sup> В целом же уровень

123. См. перечень справочной литературы в: Ogilvie and Cerman 1996: 1–11.

124. Kriedte, Medick, and Schlumbohm 1981: 100–101.

125. Ibid., p. 77–88, 139.

126. Nipperdey 1996: 91–93.

жизни в Германии по крайней мере до 1850 г. каких-либо тенденций к улучшению не выказывал. От четверти до половины ремесленников Германии жили ниже черты бедности. Так, доля жителей мужского пола во Франкфурте, имевших достаточно имущества, чтобы иметь статус горожанина, снизилась с 75% в 1723 г. до 33% в 1811 г.<sup>127</sup>

Таким образом, в XVI–XVIII вв. рост объемов труда при относительно небольшом повышении уровня жизни был по крайней мере так же свойствен Западной Европе, как и Китаю. При этом другая часть европейских изменений, описанная де Фрисом, сильно контрастирует с картиной Китая, предлагаемой Хуанем: «Революция трудолюбия являла собой процесс *распределения* ресурсов в рамках домохозяйства, приведший к повышению предложения рыночных товаров *и труда*, а также *спроса на рыночные товары*»<sup>128</sup>. Иными словами, по мере того как европейцы все больше трудились, производя товары для рынка, они использовали часть заработанных денег для приобретения предметов (готовых изделий и полуфабрикатов) домашнего обихода, которые раньше производили сами, — хлеба, свечей и т.п.<sup>129</sup> Хотя общее число рабочих часов по-прежнему увеличивалось<sup>130</sup>, денежные траты на уменьшение объемов домохозяйственного труда служат свидетельством того, что время, уделяемое труду женщинами, вовсе не рассматривалось в качестве нулевых альтернативных издержек. Хуань же дает понять, хотя и не говорит об этом прямо, что у китайских крестьян значительного снижения объемов домохозяйственного труда не произошло. Таким образом, сельского рынка промышленных товаров не возникло: произошло простое увеличение объемов семейного (прежде всего женского) труда вместо описанных де Фрисом увеличения и перераспределения, свойственных Европе. Если это так, то следует говорить о серьезном отличии, однако эмпирических свидетельств в пользу данного заключения нет. Вместо этого можно сказать, что описанная де Фрисом ситуация в Западной Европе применима и к наиболее развитым частям Китая.

Некоторое увеличение и перераспределение труда имело место в обоих рассматриваемых регионах мира. Многие из новых товаров, которые стали приобретать европейцы, — кофе, табак, са-

127. Nipperdey 1996: 121, 144, 150, 183, 192, 197.

128. de Vries 1994b: 249 (в оригинале выделение курсивом отсутствует).

129. de Vries 1993: 107–21.

130. de Vries 1994b: 257.

хар, на которые сельские *ремесленники* тратили бóльшую долю своего дохода, чем любая другая группа европейского населения<sup>131</sup>, хотя вполне возможно, что большинство крестьян в принципе приобретали немного товаров, представляли собой не просто рыночные версии того, что когда-то с большими трудовыми затратами производилось самим домохозяйством, ведь вплоть до XIX в. бóльшая часть этих товаров потреблялась в основном вне стен дома<sup>132</sup>. Таким образом, представляется маловероятным, чтобы у европейцев высвобождалось немало времени, затрачиваемого на домохозяйственный труд, если только не рассматривать данные товары в качестве компенсации за снижение потребления столь любимых (и требующих значительных трудозатрат) мясных блюд. Прочие товары, все больше входящие в крестьянский обиход, — мебель, подносы, убранство стен и т. п., также представляются не связанными с экономией труда. Вместо этого они указывают на изменения в уровне жизни и, возможно, на приобретение ряда предметов досугового назначения<sup>133</sup>. Также вполне возможно, что принятые стандарты допустимого уровня жизни не повышались, а изменялись. Например, наличие комода стало представляться более важным для собственного самоуважения, чем регулярное потребление мяса. Однако прочие набравшие популярность товары — хлеб, пиво и одежда — действительно сэкономили немало времени домохозяйственного труда. (Если рассматривать все производство для домашних целей как чистый труд, то окажется, что значительная его часть нерентабельна. Повышение специализации, бывшей частью «революции трудолюбия», могло действительно привести к повышению средней прибыли с трудочасов, несмотря на снижение почасовой заработной платы. С другой стороны, вопрос сильно осложняется тем, что ряд видов домохозяйственного труда — приготовление пищи, уход за ребенком — может обладать по крайней мере некоторыми качествами досуга.)

Китайцы, подобно европейцам, также приобретали все больше сахара и табака — в действительности, как мы увидим далее, вполне вероятно, что до 1830 г. китайцы приобретали больше сахара, чем европейцы. Совершенно очевидно, что оплата данных приобретений требовала повышения объемов труда, а не его перераспределения. А поскольку потребление и зерновых, и мяса,

<sup>131</sup> Kriedte, Medick, and Schlumbohm 1981: 64–65, 68–69; Medick 1982: 90–92.  
<sup>132</sup> Данные по сахару см. в: Mintz 1985: 132.

<sup>133</sup> de Vries 1976: 179–180; de Vries 1993: 107–114.

судя по всему, оставалось неизменным<sup>134</sup> при незначительных изменениях в методах приготовления пищи, представляется маловероятным, чтобы здесь можно было сэкономить значительные объемы домохозяйственного труда (хотя исследования китайской пищевой промышленности могут привести к необходимости пересмотра данного мнения). Возможно, самое важное предположение, которое можно сделать на основе тех незначительных данных, которыми мы располагаем, это то, что объемы труда, необходимые для покупки определенного количества риса, стабильно повышались между 1100 г. (когда наблюдалось оптимальное соотношение между площадью обрабатываемой земли и численностью населения) и по крайней мере 1800 г.<sup>135</sup>, что очень напоминает ситуацию, сложившуюся в Европе в период после эпидемий чумы. (В XVIII в. в Китае, как и в Европе, часть населения переключилась на менее предпочтительные виды пищи, особенно пищевые культуры Нового Света<sup>136</sup>, тем не менее это не отменяет общую тенденцию повышения цен на продукты питания.)

Китай напоминал Европе и в том, что его население начало приобретать все больше непродовольственных товаров, несмотря на то что стоимость приобретения определенных объемов калорий возросла. Существуют определенные свидетельства о приобретении широкими массами населения большего количества мебели, ювелирных украшений и прочих изделий. Поскольку в Китае, в отличие от Европы, имущественных описей покойных не производилось, представляется крайне затруднительным проводить сравнение медленного повышения субъективной ценности различных товаров (и, следовательно, денег) соотносительно с досугом в Китае и в Европе, однако направление происходивших изменений представляется схожим. Мы рассмотрим имеющиеся свидетельства в главе 3 и удостоверимся, что схожесть с Европой достаточно велика. В целях же вопроса, рассматриваемого в данный момент, можно ли говорить о том, что повышение объемов труда в Китае было однозначно более инволюционным по своей природе явлением, чем в Европе, достаточно будет сказать, что определенный рост приобретений непродовольственных товаров действительно имел место при отсутствии

134. Perkins 1969: 71.

135. Zhao 1983: 55–57.

136. Общие данные по распространению пищевых культур Нового Света см.: Но 1955. При этом автор указывает на тот факт, что наибольшую значимость данные культуры приобрели в экономически наиболее слабых местностях.

потерь в излюбленных пищевых продуктах, сравнимом со снижением в объемах потребляемого европейцами мяса.

Жители Китая также стали значительно чаще приобретать услуги, возможно, даже чаще европейцев, которые, судя по всему, отдавали предпочтение товарам длительного пользования, нашедшим отражение в описях имущества покойных. Так, существует огромное число свидетельств того, что в XVI–XVIII вв. китайцы (даже малообеспеченные слои) стали гораздо чаще пользоваться услугами специалистов по различным ритуалам и профессиональных актеров. Более того, сектор платных ритуальных и развлекательных услуг показывал тенденцию к росту по крайней мере с VIII в. В отличие от ситуации в Китае на территории Европы официальные церкви и представители общины продолжали отправлять большинство ритуалов жизненного цикла на бесплатной основе. До конца XVII и в XVIII в. коммерциализация сферы досуга была достаточно новым феноменом даже для средних классов в относительно благополучной среде городской и буржуазной Англии<sup>137</sup>. Принимая во внимание многочисленные отличия культурного характера, было бы не слишком удивительно узнать, что китайские потребители распоряжались своей растущей покупательной способностью совсем не так, как жители северо-запада Европы. Если бы подобная разница в предпочтениях китайских и европейских потребителей действительно существовала, она имела бы значимость в долгосрочном плане, однако это вряд ли было свидетельством «инволюции»<sup>138</sup>. Точно так же как и в случае с отсутствием снижения потребления мяса, сравнимого с европейским, можно с определенной уверенностью сказать, что расширение прочих видов потребления в Ки-

137. Информацию по Китаю см.: Teiser 1993 и отдельные эссе в: Johnson, Nathan, and Rawski 1985; по Англии см.: Plumb 1972.

138. Спешу добавить, что подобная разница не обязательно означала бы, что китайцы (и прочие несаронейские народы) «не от мира сего» или более предрасположены к тому, чтобы тратить впустую свои средства на бесполезные ритуалы. Для театрализованного представления или похорон используются одни и те же ресурсы — время людей, продукты питания, материалы на костюмы и т. п. независимо от того, проводятся ли они профессионалами или же любителями. При этом ритуальные расходы не обязательно менее продуктивны в экономическом плане, чем прочие расходы. Высечение надписей на могильных камнях создает экономический спрос в той же мере, что и курение табака, и ни то ни другое в физическом плане не способствует значительному повышению производительности труда заказчика: однако в определенных условиях и то и другое может быть психологически важным для того, чтобы соответствующие лица оставались эффективными работниками и не выпадали из жизни общины.

тае представляло собой явное повышение качества жизни, достигнутое за счет указанного роста объемов труда.

Таким образом, ни уровень жизни, ни объемы труда в целом (насколько мы можем сказать) не являются основанием для противопоставления «инволюционного» Китая «трудолюбивой» Европе. Не является основанием для этого и то, что нам, в частности, известно о динамике домохозяйств и труда.

Если бы сельский Китай являлся по-настоящему инволютивной экономикой — такой, где альтернативные издержки по крайней мере для женского и детского труда были настолько малы, что, работай они больше, заработать даже несколько дополнительных грошей представлялось для них задачей почти невозможной, то следует предположить, что домохозяйства практически не тратили бы деньги на то, чтобы экономить женский труд, но они тратили. Так, в период между 1350 и 1850 гг. хлопковые ткани почти полностью вытеснили пеньковые. Сам Хуань отмечает, что в силу недостаточной длины волокон пеньки процесс производства тканей из нее «достаточно сложен»; изготовление же ткани из хлопка оказалось не в пример легче<sup>139</sup>. В Китае, как и в Европе, выросли объемы приобретения свечей, что является свидетельством желания тратить деньги в целях снижения объемов труда, необходимого для функционирования домохозяйства. Как мы вскоре удостоверимся, китайские семьи деньги тратили и для экономии времени, необходимого для производства рыночной продукции.

Некоторые виды продукции по-прежнему производились для собственного пользования вопреки понятиям рыночной эффективности. Так, поскольку в Китае позднего периода империи умение вышивать все в большей мере рассматривалось как одно из главных женских качеств, девушкам (по крайней мере определенного социального статуса) приходилось держать в сундуке со своим приданым несколько изделий, которые они вышили сами, несмотря на то что овладение искусством вышивания требовало немало времени, и многие девушки с большей финансовой пользой использовали бы его, занимаясь изготовлением тканей или получением шелковой нити и покупая на заработанные подобным образом денежные средства украшенные вышивкой изделия. (Некоторые так и поступали, несмотря на требования

<sup>139</sup> Huang 1990: 44; см. также: Warden 1967, для ознакомления со сложностями, связанными с получением нити из льна, см. с. 638–639, пеньки — с. 48–49.

традиций<sup>140</sup>.) Однако в этом нет ничего удивительного, поскольку противодействие полному подчинению жизни законам рынка (или, если сформулировать это иначе, подобное отражение производственных процессов в культуре) наблюдается во всех обществах. Однородный набор производимых на дому товаров и услуг в действительности отличается многообразием товаров и услуг, и представители любой культуры настроены, чтобы продолжать производить их для себя и членов своей семьи, а не для других. То же в еще большей степени верно и для еще одной абстрактной однородной категории, которая противопоставляется рыночному труду членов семьи, — досуга. Данное понятие охватывает любые виды досугового времяпрепровождения (разгадывание кроссвордов, слушание или сочинение музыки, секс, посещение дня рождения другого члена семьи и т. п.); в любой культуре существуют такие виды досуга, которыми можно пожертвовать в большей степени, чем другими, для получения более высокого дохода (и, соответственно, вознаграждения в виде приобретения товаров и услуг).

Таким образом, наличие некоторых видов домохозяйственной деятельности, которых не затронули преобразования «революции трудолюбия», несмотря на уровень их значимости для китайской культуры, вовсе не свидетельствует о том, что в Китае данный процесс оказался слабее того, что наблюдался в Европе, если только в Китае подобных видов домохозяйственной деятельности не оказалось существенно больше или если они не касались более фундаментальных вещей. (Например, обществу, где приготовление пищи рассматривалось в качестве слишком сокровенного процесса, чтобы этим можно было заниматься за деньги для посторонних, пришлось бы столкнуться на своем пути к «революции трудолюбия» с гораздо большими препятствиями, чем Китаю и Европе.) Вместо этого различия между Китаем и Европой в данном случае не позволяют говорить о чем-либо явном преимуществе. Например, в сельской местности Китая доля женщин, живших в семьях «расширенного» типа, была выше, чем в Европе, что облегчало им пользование услугами по уходу за ребенком со стороны родственников, более не способных работать в поле или у ткацкого станка из-за своего возраста. У европейских крестьянок было меньше подобных возможностей и меньше полномочий требовать от свекровей вроде бы само собой разумеющейся помощи. Уход же за детьми со стороны лиц, не являющихся родственниками, был

140. Bray 1997: 256, 260, 263, 265.

не только дорогим, но и (в некоторые эпохи) подвергался общественному порицанию.

Соответственно, на данном этапе рассмотрения проблематики мы не в состоянии на основе объемов произведенной продукции или моделей потребления делать выводы о том, какому именно региону, Китаю или Западной Европе, «революция трудолюбия» была свойственна в большей мере, включая такие ее проявления, как перераспределение и расширение домохозяйственного труда и рост потребления, направленного на экономию времени, или же о том, какой именно из двух сравниваемых регионов пережил нечто схожее с чистой «инволюцией». Оптимальным было бы отнести оба сравниваемых региона к одной категории и признать растущую значимость рынков труда, рынков как времясберегающих, так и прочих товаров, а также демографических проблем в обоих оконечностях Евразии. Чтобы подойти к вопросу сравнения более основательно, давайте обратимся как можно более непосредственным образом к стоимости времени человеческого труда, которая зависит от различных решений в организации производства. Сначала мы рассмотрим вопрос с позиций мужского труда, затем с позиций труда женщин, которые в силу меньших возможностей трудовой занятости имели больше шансов стать заложниками инволюционной экономики.

### Производственные решения и распределение труда

Достаточными данными по производственным решениям в рамках малого земледельческого хозяйства мы не располагаем. Тем не менее можно говорить о том, что сельскохозяйственный заработок мужчин никогда не падал ниже минимума, необходимого для питания работника. Те же, кто имел в своем распоряжении землю и мог заниматься земледелием самостоятельно, вряд ли жили хуже, чем сельские пролетарии. Более того, о многом говорит резкий рост приобретаемых объемов удобрения на основе соевого жмыха, стоившего гораздо больше навоза, но требовавшего значительно меньше трудозатрат при его применении. На основе данных по заработку и ценам можно было бы сделать вывод о том, что домохозяйства, приобретавшие соевый жмых, в своей оценке мужского труда имплицитно ориентировались на его (мужского труда) рыночную стоимость<sup>141</sup>. Наконец, поскольку расчеты чис-

141. Согласно Пану (Pan 1994: 36–38, 110–13; см. также: Adachi, 1978), одна весовая единица соевого жмыха соответствовала 20–50 весовым единицам должным

ла рабочих дней, требующихся для обработки одного му (или одной шестой акра) рисовой плантации в Дельте Янцзы, указывают на их неизменность для XVII и XIX столетий, а также 1930-х гг.<sup>142</sup>, при росте объемов урожая с одного му<sup>143</sup> возможно снижение доли арендуемых наделов в общих объемах урожая<sup>144</sup>. У нас оказываются меньше указаний на наличие инволюции *в сельской местности* по крайней мере в данной части Китая, чем на ее существование в Европе раннего Нового времени, для которой было характерно повышение количества рабочих часов и, судя по всему, снижение реального заработка неквалифицированных рабочих.

Сравнения показателей женского труда также не дают возможности недвусмысленно говорить о том, что «революция» была в большей степени свойственна Европе, а «инволюция» — Китаю. В Китае культурные традиции, осуждающие работу женщины вне домохозяйства, были более сильными, чем в Европе, однако это еще не свидетельство того, что рынок, на котором продавали

---

образом разведенного навоза, а потому могла быть использована с меньшими трудозатратами. Кроме того, при приобретении жмыха экономился труд, затрачиваемый на сбор навоза. Семья, купившая соевый жмых, который требуется в качестве дополнительного удобрения для рисовой плантации площадью 5 му, на 3 таэля, тратила три пятых денежной составляющей годовой заработной платы одного постоянного наемного работника или одной четвертой его общего заработка, состоящего из денежной части и оплаты натурой. Разница между стоимостью соевого жмыха и покупного навоза составляла примерно месячный общий заработок наемного работника (для расчетов взят верхний предел заработной платы); при этом вес удобрений, которые необходимо было перенести до поля, снижался в случае сожмыхом на 4,8–6,2 тыс. фунтов. Принимая во внимание тот факт, что отдельные надель, которые обрабатывал земледелец, могли находиться на значительном удалении друг от друга, это экономило значительную часть ежемесячного труда. Адачи (Adachi) приводит данные по объемам соевого жмыха, приобретаемого зажиточными земледельцами, но при этом особо подчеркивает, что приобретения эти делались прежде всего с целью экономии на заработной плате. Вполне вероятно, что подобные же мотивы двигали и мелкими земледельцами. (В XVIII в. в долине нижнего течения Янцзы надель площадью 5 му, скорее всего, представляли собой нижний порог среднего размера надель: для информации по наиболее вероятным средним размерам надель см.: Рап 1994: 521–24.) Сравнения со средней заработной платой поденного работника были бы менее красноречивы; при этом необходимо отметить, что заработная плата такого работника должна была значительно превышать прожиточный уровень, поскольку в жизни работников данной категории бывали периоды, когда они надолго оставались без работы.

142. Рап 1994: 41–43.

143. Perkins 1969: 21.

144. Bernhardt 1992: 228.

свой труд европейки, отличался большей свободой, чем рынок, на котором продавали свою продукцию китайки. Как мы уже удостоверились, уставы гильдий зачастую препятствовали участию женщин в рыночном производстве. Уставы эти были частью более широких культурных норм, поощрявших мужчин к тому, чтобы в максимальной мере концентрировать труд своих жен на производстве продукции для дома (насколько нереалистичным это ни было бы для большей части населения), а потому они могли быть настроены против свободного женского труда в той же мере, что и китайские культурные нормы, согласно которым женщина должна была оставаться в пределах своего дома, но при этом могла заниматься производством рыночной продукции. Возможно, вовсе не случайно то, что европейские монархи эпохи Просвещения переняли ритуал китайских императоров вспахивать первую борозду нового сельскохозяйственного сезона, но не традицию китайских императриц прилюдно собирать листья шелковицы и делать подношения богине тутового шелкопряда<sup>145</sup>. Разумеется, многим европейцам идея о том, чтобы поощрять женский труд, направленный на производство продукции для рынка и дома, и одновременно рассматривать его в качестве *помощи* женщине в воспитании детей<sup>146</sup>, показалась бы абсолютно чуждой.

Китайки редко продавали свою продукцию самостоятельно. Обычно они занимались этим под присмотром своих мужей или свекровей, которые, вполне вероятно, не слишком высоко ценили досуговое время невесток и заставляли их работать даже после того, как доход от дополнительного труда падал ниже уровня рыночного заработка. При этом тот факт, что европейки напрямую продавали свой труд лицам, не состоявшим с ними в родственных связях, вовсе не означает, что схожие силы в рамках домохозяйства не подталкивали их к тому, чтобы продавать

145. Информацию по заимствованию французскими и австрийскими монархами земледельческих ритуалов китайских императоров см.: Ledderose 1991: 245–246. Для информации об участии императриц династии Цин в культе богини тутового шелкопряда — «единственной публичной церемонии, которой женщины руководили, будучи представительницами императорского дома», см.: Мапп 1992: 79–81.

146. Китайские мыслители часто утверждали, что, наблюдая за матерями, выполняющими свою работу, дети учились прилежанию, бережливости и дисциплине. Соответственно даже китайки, которые могли позволить себе обходиться без денежного дохода, часто были вынуждены его иметь, в то время как европейки зачатую побуждали отказываться от платного труда, если они могли себе это позволить. См.: Мапп 1992: 86–89.

больше своего труда, чем они желали бы, при одновременном выполнении низкодоходной домохозяйственной работы.

Более того, когда китайские семьи продавали ткани, созданные трудом своих женщин, это происходило в условиях наличия многочисленных, конкурирующих между собой покупателей: хотя описания взаимоотношений между крестьянскими домохозяйствами и торговцами и разнятся, все они сходятся в том, что крестьяне имели прямой выход на рынок<sup>147</sup>. Европейская же система, нацеленная на устранение конкуренции, в рамках которой торговцы обеспечивали работников сырьем и зачастую оборудованием, а также авансом, с тем чтобы у тех не было необходимости продавать свои изделия, подразумевала, что подобные работодатели были часто в состоянии обходить конкуренцию на рынке труда тем же образом, что и зарождающаяся частная торговля зерном. Нередкой была ситуация, когда торговцы делили между собой территории, чтобы не конкурировать друг с другом; это позволяло им привязывать работников к единственному работодателю в рамках системы, которая была достаточно близка к пео-нажу, или по крайней мере расширять число работников без необходимости повышать им зарплату<sup>148</sup>.

Наконец, те недостаточно полные данные, которыми мы владеем, указывают на то, что Китаю инволюция могла быть свойственна в меньшей степени, чем Западной Европе. В своей работе Хуань опирается в основном на одно-единственное исследование рабочих договоров XVIII в. в провинции Хэнань, согласно которому связки «муж—жена» получали меньшее денежное вознаграждение (в дополнение к питанию), чем мужчины, нанимавшиеся в одиночку. Согласие на подобные условия должно было означать, что данные семьи считали, что женщины должны трудиться даже за вознаграждение ниже прожиточного уровня и что занятие другими видами деятельности (например, хлопкопрядением и ткачеством) приносило схожий или еще более низкий доход. Однако несколько договоров из экономически отсталой провинции со слабо развитым текстильным производством невозможно использовать для выводов о богатых регионах с высокоразвитым текстильным производством; более того, сами договоры достаточной однозначностью не отличались<sup>149</sup>. Наконец, произведенные

147. Tanaka 1984: 90–92; Nishijima 1984: 61–62; Lu 1992: 490.

148. Kriedte, Medick, and Schlumbohm 1981: 50–51, 102–104.

149. В работе Хуаня (Huang 1990: 65) приводятся данные из: Wenzi et al. 1983: 407, 413–417. Договоры, заключаемые с семейными парами, могли зачастую

Хуанем расчеты заработка прядильщиц и ткачих основываются на ценах XVII в., которые, как мы вскоре убедимся, не могут служить средними показателями для существовавших условий.

В отличие от Хуаня Пан Минь Те осуществил реконструкцию ряда гипотетических, но при этом вполне правдоподобных семейных бюджетов, отвечающих реалиям середины XVIII в. Согласно данным бюджетам взрослая женщина и ее девятилетняя дочь были в состоянии пополнять ежегодный доход достаточно бедной крестьянской семьи из Цзяннаня на 11,73 таэля (китайский эквивалент унции серебра) посредством выращивания шелковичных червей и прядения шелковой нити и параллельного выполнения домохозяйственных задач. Если семья могла финансировать производство шелковой нити, не прибегая к займам, то сумма дополнительного дохода могла составлять уже 13,73 таэля<sup>150</sup>. Заработок наемного работника мужского пола при выращивании шелковичного червя и шелкопрядении мог составить не более 5 таэлей в год плюс пропитание на время трудовой занятости<sup>151</sup>, даже если он оказывался в состоянии получить работу на все 12 месяцев, что было маловероятно. Если речь шла о работнике, нанятом на круглогодичной основе, он мог целый год не беспокоиться о своем пропитании, однако заработок его составлял лишь 2–4 таэля серебра.

Таким образом, данные расчеты указывают на то, что заработный потенциал женщин в дополнительных видах труда оказывался на уровне или выше рыночной заработной платы неквалифицированного работника-мужчины. Даже 11,73 таэля должны были составлять примерно 85% заработка мужчины в 1750 г. при условии, что мужчина работал 12 полных месяцев и в дополнение к денежной части зарплаты полностью обеспечивал себя пропитанием. А поскольку в среднем пропитание нашей гипотетической шелководческой бригады, состоявшей из матери и дочери, равнялось в рисовом выражении примерно 90% пропитания взрослого мужчины<sup>152</sup>, получается, что в дополнение к своему

---

быть рассчитаны и на питание их детей и родителей; рабочие договоры, заключаемые только с мужем, могли быть рассчитаны на меньшее количество приемов пищи (здесь можно выдвинуть предположение о том, что остальную пищу готовила ему супруга). Любое из данных предположений делает выводы Хуаня несостоятельными.

150. Данные из: Рап 1994: 97–101. Данные дополнены моими собственными расчетами.

151. Zhao 1983: 55–56.

152. Рап 1994: 348.1

прожиточному минимуму, который в целом совпадал с прожиточным минимумом мужчины, их заработок приносил еще и прибыль. Данная прибыль была получена за счет труда двух человек, однако девятилетний ребенок вряд ли мог зарабатывать столько же, сколько и взрослый. И мать, и дочь должны были посвящать рассматриваемому виду деятельности гораздо меньше времени, чем наш гипотетический работник-мужчина, занятый им на протяжении всего года. К тому же нами сделаны щедрые допущения относительно заработка работника-мужчины, когда мы предположили, что работницы вынуждены были прибегать для финансирования своей деятельности к займам по самым высоким из задокументированных процентных ставок (10% в *месяц*).

Женские заработки в отличающейся большими масштабами хлопчатобумажной отрасли также были выше уровня, характерного для инволюции. В своем исследовании долины нижнего течения Янцзы Лу Ханьчао выдвигает предположение о том, что в конце XVII в. заработок ткачихи мог быть достаточным для того, чтобы прокормить трех-четыре человека при условии, что производство необходимых объемов хлопка-сырца обеспечивалось ее мужем<sup>153</sup>. Однако расчеты Лу точно так же, как и расчеты Хуаня, основаны на показателях 1690-х гг. В тот момент Китай только-только выходил из жесточайшей депрессии, и относительные цены на различные потребительские товары не соответствовали привычному положению вещей. Так, наш источник по ценам, например, 1696 г. указывает на то, что в тот год цены на хлопчатобумажную ткань были низкими, в то время как цены на хлопок-сырец достигли своего максимума за последние восемь лет, что должно было служить указанием на чрезвычайно низкие заработки ткачих и прядильщиц. При этом слышать утверждение о том, что цены на хлопчатобумажные ткани в 1690-х гг. были чрезвычайно низкими, крайне удивительно, поскольку свидетельствующие об этом авторы должны были бы помнить о следующей, достаточно свежей для их памяти ситуации: в 1680-х гг. цены упали до минимальных значений за последние 50 лет и стали гораздо ниже тех, что были почти на протяжении всего периода правления династии Мин<sup>154</sup>. С другой стороны, к середине эпохи правления династии Цин цены на ткани среднего качества превышали почти вдвое цены XVII в.; цены на высококачественные ткани также выросли, хотя и не столь

153. Lu 1992: 482–483.

154. Zhongmin 1988: 207.

сильно. (По тканям низкого качества соответствующих данных у нас нет, однако нам известно, что в долине нижнего течения Янцзы подобных тканей выпускалось все меньше и меньше<sup>155</sup>.) Для нас особенно значим именно этот период, которым охватывается бо́льшая часть XVIII и начало XIX в.

При этом допустимо предположение о том, что демографический бум XVIII в. мог привести к более быстрому повышению цен на зерно, чем на ремесленные товары. В связи с этим необходимо проводить оценку реальной заработной платы прядильщиц и ткачих в более позднем периоде. С результатами подобной оценки, проведенной мною на основе двух массивов данных по ценам на хлопок-сырец и хлопчатобумажные ткани, можно ознакомиться в приложении Е. В тексте приводятся данные из массива с более низкими ценовыми показателями, поскольку они представляются более надежными и ведут к значительно меньшим расчетным показателям реального заработка.

Кроме того, я продолжаю предполагать, что сельскохозяйственные работники из числа мужчин были обеспечены круглогодичной работой, в то время как мои расчеты по заработку женщин основываются на предположении о том, что трудовая занятость последних составляла 200–210 дней в году. В действительности же было бы, возможно, целесообразнее предполагать, что круглогодичной работой были обеспечены как раз ткачихи и прядильщицы. Согласно результатам опроса, проведенного в XX в. в самом сердце хлопчатобумажной промышленности нижнего течения Янцзы, трудовая занятость ткачих и прядильщиц составляла 305 дней в году<sup>156</sup>.

Те из женщин, кто занимался лишь хлопкопрядением, действительно зарабатывали очень мало, по крайней мере если придерживаться нашего сценария низких цен; их заработка было достаточно для приобретения лишь 1,3 ши зерна, что едва соответствовало половине потребностей взрослой женщины. При этом, как указывает сам Хуань, лишь немногие из работников, занятых исключительно прядением, были взрослыми. И даже 1,3 ши было больше, чем нужно для пропитания девочек до подросткового возраста, которые в основном и занимались прядением, в течение тех дней, когда они действительно были заняты этой работой. Более того, это как раз тот случай, когда использование минимальных значений ценового диапазона может привести к из-

155. Zhongmin 1988: 207–208.

156. Xinwu 1992: 469.

лишне пессимистическим выводам. При использовании же максимальных показателей ценового диапазона мы получаем ситуацию, когда заработок женщин был существенно выше прожиточного минимума<sup>157</sup>.

У женщин же, которые занимались не только хлопкопрядением, но и ткачеством, заработки были значительно выше, что проясняет рассматриваемый нами случай. Такие женщины были в состоянии зарабатывать 12 таэлей при 210 рабочих днях в год в середине рассматриваемого столетия, что соответствовало возможности приобрести 7,2 ши риса. Это несколько выше показателей среднего заработка сельскохозяйственных работников из числа мужчин в рамках нашего «оптимистического» сценария и достаточно для питания взрослой женщины и до пяти маленьких детей или же, если смотреть на ситуацию с точки зрения существовавших на тот момент реалий, для питания взрослой женщины, престарелого тестя или тещи, которые могли, например, выполнять часть работы по дому, и двух-трех детей. Сочетание более низких пищевых потребностей данной работницы и более высоких заработков означает, что та часть ее заработка, что превышала ее собственный прожиточный минимум, превосходила в 1,6–3,0 раза аналогичный показатель сельскохозяйственного работника-мужчины.

Наконец, женщина, способная приобретать пряжу, сосредоточиваясь 210 дней в году исключительно на производстве тканей, могла зарабатывать 16,2 таэля даже при нашем сценарии минимальных значений ценового диапазона, что было на целых 35% выше заработка прядильщицы-ткачихи или сельскохозяйственного работника-мужчины и, вероятно, ненамного ниже заработка городских ткачей (в основном мужчин), занимавшихся производством высококачественных тканей<sup>158</sup>. Ли Бочжонг пришел недавно к схожим заключениям об относительных заработках сельскохозяйственных работников и ремесленников (и различиях

157. См. приложение Е. Для понимания того, почему именно сценарий использования минимальных показателей ценового диапазона излишне пессимистичен в данном случае, см., в частности, раздел «Применение минимальных показателей ценового диапазона» приложения Е.

158. Для информации по заработной плате данных ткачей в 1730–40-е гг. см.: Zhao 1983: 57. Их заработная плата представляется ниже 16 таэлей в трех из четырех рассматриваемых Чжао случаев, однако приведенные им цифры, судя по всему, касаются лишь денежной составляющей заработка, в то время как работники почти наверняка обеспечивались едой, возможно, кровом и рядом прочих неденежных составляющих оплаты труда.

между уровнем их заработка и прожиточным минимумом), несмотря на определенные отличия между нашими и принятыми им предположениями относительно продолжительности рабочего года и прочих параметров<sup>159</sup>. В целом можно сделать заключение, что принуждение китайских женщин к производству изделий на дому явилось для них более ограничивающим в социальном и культурном плане феноменом по сравнению с ситуацией с женским трудом в Европе, однако к значительному искусственному снижению производительности это, судя по всему, не привело. То, что китайки, судя по всему, зарабатывали на дому немногим меньше пролетариев-мужчин (а возможно, и больше), приобретает значимость при рассмотрении новой, провокационной версии гипотезы «инволюции», предложенной Джеком Голдстоуном<sup>160</sup>. В отличие от Хуаня Голдстоун не выдвигает утверждений о том, что Китай страдал от перенаселенности в большей степени, или о том, что его рынки труда (по крайней мере мужского) отличались меньшей развитостью по сравнению с Европой. Он (так же как и я во многих своих предположениях) опирается на работы Левина и прочих авторов для представления картины Европы, которой свойствен избыток рабочей силы (в широком смысле понятия), прежде всего в протопромышленности, сравнимый с избытком рабочей силы, который был характерен для Китая. Далее Голдстоун рассматривает Китай и Европу как схожие регионы, утверждая (не прибегая при этом к использованию термина «инволюция»), что в *обоих* регионах насчитывалось большое число людей, прежде всего женщин, чьи альтернативные издержки (и, соответственно, заработная плата, которую необходимо было им выплачивать) были существенно ниже альтернативных издержек неквалифицированных работников из числа мужчин.

Далее Голдстоун утверждает, что чрезвычайная дешевизна женского труда снижала потенциальную прибыль любого работодателя, который стал бы конкурировать с ним, используя труд мужчин, даже если бы такой работодатель в целях повышения производительности труда своих работников прибегал к применению машин. Таким образом, Голдстоун утверждает (так же как и Хуань), что работавшие сами на себя на дому жительницы сельского Китая делали идею строительства фабрик не столь привлекательной, какой она была бы в случае отсутствия конкуренции

159. Bozhong 1998: 150–151.

160. Goldstone 1996: 1–21.

с их стороны. (Обратите внимание, что для Голдстоуна значимым является разница в заработной плате мужчин и женщин. Соответственно, даже если заработок женщин, которым требовалось меньше еды, чем мужчинам, и был достаточным для обеспечения их потребностей, что отменяет «инволюцию» при рассмотрении вопроса с позиций Хуаня, утверждения Голдстоуна оставались бы верными.) Разница в том, говорит он, что в Европе женщина могла работать и вне стен дома. Таким образом, вновь появляющиеся фабрики могли нанимать тот самый дешевый труд, против которого им приходилось конкурировать, реализуя потенциал получения прибыли за счет своего нового оборудования. Соответственно, тот факт, что китайки оставались дома, пусть и занимаясь производством товаров для рынка, имел принципиальное значение. Результатом явилась ситуация почти полного отсутствия в Китае фабрик, хотя все прочие факторы — наличие капитала, техническая мысль и т. п. — делали его столь же хорошим кандидатом для индустриализации, как и Европу.

Некоторые из затрагиваемых Голдстоуном вопросов рассматриваются в ряде частей настоящего издания. Например, в главе 1 мы уже обращались к препятствиям, объяснявшим отсутствие технологического прорыва, которого следовало бы ожидать при наличии в обществе большинства необходимых элементов. И мы уже рассмотрели ряд причин, позволяющих усомниться в том, что одной механизации текстильного производства было достаточно, чтобы направить любое общество по пути самоподдерживающегося экономического роста (мы еще вернемся к данной проблеме в главах 5 и 6). При этом главный вопрос, рассматривавшийся Голдстоуном, остается актуальным и в настоящий момент: были ли социальные нормы, связанные с половой принадлежностью работников, одним из главных препятствий для осуществления индустриализации в Китае, а не в Европе и Японии?

Разумеется, китайские традиции, согласно которым женщины должны были оставаться дома, были сильны в достаточной мере, чтобы даже семьи бедняков отказывались от идеи посылать своих дочерей на фабрики. Тем не менее представляется вероятным, что, если бы фабрики существовали, было бы достаточно женщин (или тех, кто принимал решения в семье), готовых пойти на нарушение данного табу в обмен на небольшое повышение своих доходов. Ли Бочжонг демонстрирует, что, каким бы сильным и древним ни был *идеал* мужчины-пахаря и женщины-ткачихи, на практике он реализовывался недословно. Многочисленные тексты из долины нижнего течения Янцзы указывают на то, что в конце правления

династии Мин (XVII в.) мужчины помогали с производством текстильных тканей, а женщины работали в поле. Подобные упоминания встречаются достаточно часто еще в середине правления династии Цин, хотя полностью исчезают после Восстания тайпинов (1850–1864 гг.)<sup>161</sup>. Более того, замедленность реализации данного идеала была самым тесным образом связана с ее практической стороной, а не с игнорированием самого идеала. Соответственно, мужчины перестали помогать с производством тканей частично в силу того, что необходимыми навыками не владели<sup>162</sup> и их и так низкая квалификация в данном виде деятельности усугубилась с переходом на систему ротации земледельческих культур, что не оставляло им времени заниматься чем-то, кроме собственно работы в поле, в то время как ткачихи в Цзяннане переклюкались на производство тканей более высокого качества. Кроме того, женщины исчезли с полей в тех районах, где выращивание риса сочеталось с производством шелка, раньше и в более полной мере, чем там, где выращивание риса сочеталось с культивацией хлопка. Причина этого кроется в том, что значительная часть производства шелка переместилась из частных домов в города, что затрудняло для женщин возможность ненадолго отлучаться для работы в поле (при этом соответствующие производственные помещения в городах можно рассматривать в качестве прообразов первых фабрик)<sup>163</sup>. В чаепроизводственной же провинции Аньхой и сахаропроизводственных провинциях Гуандун и Фуцзянь женщины продолжали трудиться бок о бок с мужчинами на протяжении всего XIX в.<sup>164</sup>

161. Bozhong 1996: 102–106.

162. Ibid., p. 105. Брей (Bray 1997: 206–272) полагает, что в действительности в поздний период императорского правления мужчины играли в текстильном производстве существенно большую роль — данное мнение во многом подкрепляет мои утверждения о том, что разделение труда было ограничено старинными традициями не столь уж и чрезмерно. Тем не менее ее предположение во многом ограничивается проявлениями образцовых навыков текстильного производства и ткачами, занятыми производством самых дорогих тканей (см., например, с. 239–241, 257), — ситуация, несколько напоминающая ситуацию с элитными шеф-поварами в странах Запада, чье существование еще не отменяло того факта, что при готовлении большей части еды в странах Запада занимались женщины.

163. Bozhong 1996: 105. Данное отличие также может помочь объяснить исчезновение упоминаний о работающих в поле женщинах в провинции Цзяннань после Восстания тайпинов, поскольку именно в этом периоде в Цзяннане произошел крупномасштабный переход от выращивания хлопка к шелководству (Huang 1990: 120–122).

164. Gardella 1994: 172; Bray 1997: 221–222.

Если женщинам было позволено трудиться на всех этих производствах, то почему же они не могли работать на фабриках? Как признает и сам Голдстоун, в XX в. фабрики набирали достаточное количество женщин, хотя иногда испытывали с этим затруднения. В одном из исследований современного Южного Китая указывается, что данный предрассудок играл в пользу занятости женщин на фабриках, поскольку у мужчин создавалось ощущение, что их женщины были более защищенными, работая на фабрике, чем на других производствах, и что дисциплина на подобном предприятии в большей степени отвечала понятию «женственность», чем более свободные режимы труда, свойственные другим специальностям<sup>165</sup>. Иными словами, вместо того чтобы продолжать держаться за жесткое определение женской скромности, люди пришли к тому, что в их сознании традиции и работа на фабрике стали полностью совместимы. Голдстоун выдвигает предположение о том, что культурные нормы должны были служить более серьезным препятствием в ранние годы, утверждая, что в конце XIX в. зарубежное влияние должно было привести к значительному смягчению данного табу. Принимая во внимание тот факт, что мы знаем крайне мало о ролях, уделяемых представителям разных полов, и о культурных изменениях в среде простолюдинов в позднем периоде Китайской империи, полностью отвергать данное утверждение нельзя, хотя приводимые Ли свидетельства о *менее* выраженных проявлениях разделения труда между полами в эпоху царствования Мин и в раннюю эпоху правления Цин делает его не слишком правдоподобным.

Еще одно основание усомниться в силе этого, как предполагается, жесткого табу дает картина производства шелка, самим Голдстоуном и рисуемая. Производства шелковых тканей, которые использовали силу пара и, подобно механизированным прядильным и ткацким станкам, требовали больше рабочих рук, чем одно-единственное домохозяйство было в состоянии обеспечить, развивались в технологическом плане быстрее, чем хлопчатобумажные производства. Голдстоун отмечает, что поначалу технологические изменения затронули производства на юго-востоке Китая, где преемственность поколений и семьи *расширенного* типа были необычайно сильны. Далее Голдстоун утверждает, что семьи данного типа были в состоянии мобилизовать достаточное число рабочих рук для работы на новых машинах, без того

<sup>165</sup> Lee 1995: 385.

чтобы их женам и дочерям приходилось работать бок о бок с лицами, не являющимися их родственниками. Соответственно, утверждает он, достаточно быстрое распространение в данном регионе машин, обслуживание которых семьей малого типа было невозможно, указывает на тот факт, что именно стремление удерживать женщин *в рамках* семьи и препятствовало вполне реалистичному созданию/внедрению прочих новых технологий. Однако Гуандун производил не только шелковую ткань, но и большие объемы хлопчатобумажных пряжи и тканей. Более того, есть основания полагать, что начиная с XVI в. данная провинция уступала в производстве обоих видов тканей лишь региону нижнего течения Янцзы. Почему же тогда возможность создания крупных женских бригад, обеспечиваемая свойственными данной территории родственными связями, не проявила себя и в хлопчатобумажной отрасли?<sup>166</sup> (В нашем распоряжении имеется письменный документ от 1833 г., в котором говорится о большом числе крупных городских цехов, занимавшихся производством хлопчатобумажной ткани в Фошане, провинция Гуандун, однако по крайней мере один историк полагает, что доверять данному источнику не следует<sup>167</sup>.)

При этом наиболее красноречивым свидетельством против гипотезы Голдстоуна, по крайней мере для периода до 1800 г., является приведенное выше сравнение заработков, которое позволяет говорить о том, что гипотетическим фабрикам вынужденное использование труда мужчин не повредило бы. Более того, как указывает Хуань, большинство лиц женского пола, занятых на постоянной основе прядением хлопчатобумажного волокна в долине нижнего течения Янцзы, были детьми; кроме того, дети обоих полов доподросткового возраста были обычным явлением в общественных местах<sup>168</sup>. Таким образом, взаимосвязь между за-

166. Голдстоун мог бы возразить, что структура семьи была достаточно гибкой, чтобы позволить внедрение технологии, уже доказавшей свою состоятельность, но при этом недостаточно гибкой, чтобы вдохновить кого-нибудь на создание и внедрение машины, требовавшей выхода за границы существующих в отношении женщин ограничений. Такой вариант возможен, хотя и требует от нас приписывания весьма определенной степени влияния фактору, который по самой своей природе количественным оценкам не поддается, что делает данное утверждение не поддающимся доказательством о его неверности.

167. С утверждением о неверности данного документа выступил Чао (Chao 1977: 30–31). При этом Роберт Маркс, изучавший текстильную отрасль Гуандуна после Чао, не столь категоричен.

168. Huang 1990: 95.

творничеством лиц женского пола и отсутствием в Китае фабрик, к которой приходит Голдстоун, представляется маловероятной по крайней мере для ситуации XVIII в. Описываемая Голдстоуном проблема действительно имела бы место, если бы английские женщины были вынуждены оставаться дома, поскольку в Англии разница между мужским и женским заработком была гораздо большей, чем в долине нижнего течения Янцзы<sup>169</sup>. При этом имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства указывают на то, что, несмотря на стремление изолировать женщин, уровень заработка китайок уступал мужскому не столь сильно, как уровень заработка англичанок. Кроме того, в период отсутствия полевых работ в Китае должно было быть достаточно дешевой мужской рабочей силы. Именно на этой рабочей силе, как мы смогли убедиться, держалась значительная часть ранней французской промышленности, хотя, вероятно, на севере Англии, колыбели фабричной индустриализации, использование подобной рабочей силы было достаточно редким явлением. Наконец, нам следует помнить о том, что как только население осознает разницу в производительности труда, обеспечиваемую механизацией, разница в оплате труда в их сознании вряд ли может служить основанием для того, чтобы видеть в механизации убыточное предприятие. В конце концов в XIX в. английской пряже удалось завоевать индийский рынок, несмотря на большую разницу в оплате труда и высокие транспортные расходы.

Несмотря на вышесказанное, следует отметить, что гипотеза Голдстоуна может оказаться значимой применительно к некоторым периодам долгой эпохи между переходом китайцев к производству хлопчатобумажных тканей (случившимся в XIV в., когда у них уже имелось прядильное оборудование для производства волокна из китайской крапивы, весьма напоминающее машины, революционизировавшие хлопкопрядение в Англии четырем веками позже) и XX в., когда прядение волокна в Китае было наконец механизировано. Как мы увидим в главе 6, реальные заработки китайских ткачей резко снижались относительно заработков сельскохозяйственных работников в периоды, когда избыток населения давал знать о себе особенно остро, как, например, в начале XIX и XX в. При рассмотрении подобных обстоятельств представляется целесообразным возвращаться к некоторым из предлагаемых Голдстоуном выводов. Тем не менее маловероятно, чтобы его теория могла бы служить достаточным

169. Horrell and Humphries 1995: 102–103.

объяснением того, почему индустриализация началась именно тогда, когда она произошла, и именно там, где она имела место.

Таким образом, в целом использование труда в Китае, как и использование земли, соответствовало принципам рыночной экономики по крайней мере в той же степени, что и в Европе, а скорее всего и больше. Судя по всему, «революция трудолюбия» была свойственна в той или иной степени обоим оконечностям Евразии. Разумеется, вполне возможно, что европейские институты, получившие развитие в раннее Новое время, позволили доходам в некоторых узких, но значимых сферах профессиональной деятельности повысить их вклад в экономику, нежели это позволяла ситуация в Китае. Так, были приведены убедительные доказательства в пользу того, что развитие в XVIII в. в Англии патентного законодательства позволило заработкам изобретателей приблизиться к реальной ценности их труда и таким образом, возможно, оказало определенное влияние на технологические прорывы промышленной революции<sup>170</sup>. Однако, даже если бы они были верными, данные утверждения могли бы быть применимы лишь к последней части рассматриваемого нами периода. Но и в этом случае нам следует помнить о том, сколь незначительной была та часть западноевропейской экономики (как в плане географического охвата, так и количества отраслей), что оказалась преобразована новыми технологиями в период до середины XIX в., и о том, сколь сильно даже самые важные изобретения зависели в революционности своего влияния (как мы убедились в главе 1) от воли случая и складывавшихся за пределами Европы обстоятельств. Таким образом, отличие в институтах, управляющих переживающим период изобретений рынком, слишком незначительно, чтобы обосновать случившееся позднее экономическое лидерство Европы для любого периода до самого раннего 1830 г.

*Заключение к части I: многочисленность экономических центров и общность проблем в мировой экономике раннего Нового времени*

Итак, на настоящий момент мы рассмотрели целый ряд утверждений, которыми подчеркиваются выработанные собственно Европой преимущества в производительности труда в период до середины XIX в., и обнаружили, что все они вызывают определенные сомнения. Свойственная Западной Европе система демографии и брака, пусть и будучи уникальной, не смогла прийти

170. Например, North 1981: 164–166.

к более совершенному контролю за рождаемостью, а продолжительность жизни ее населения не превышала показатели других регионов мира. Существует недостаточно оснований утверждать, что капиталы Западной Европы отличались существенно большими объемами или включали в себя значительно более развитые технологии. Ее рынки факторов производства вряд ли были ближе к проповедуемым Смитом идеям свободы и эффективности, чем соответствующие рынки Китая, а возможно даже и в значительно меньшей степени. Более того, немало очерченные модели применения семейного труда, свойственные Китаю, при более близком рассмотрении оказываются столь же чуткими к изменяющимся обстоятельствам и ценовым сигналам, как и модели, характерные для северо-запада Европы. Не отличавшимся, таким образом, уникальностью наиболее развитым районам Западной Европы были свойственны общие черты экономики — коммерциализация, превращение продукции, земли и труда в товар, обеспечиваемый рынком экономический рост и регулирование домохозяйствами уровня рождаемости и распределения труда в зависимости от экономических тенденций — наряду с прочими густонаселенными экономическими центрами Евразии.

Более того, нет никаких оснований полагать, что данные принципы развития самым естественным образом вели где бы то ни было к промышленному прорыву. Вместо этого все экономические центры отличались лишь незначительным ростом экономики из расчета на душу населения, достигаемым главным образом за счет углубленного разделения труда, в условиях фундаментальных технологических и экологических проблем, решить которые рынки сами по себе были не в состоянии. В части 2, в которой рассматриваются сферы деятельности, уже в меньшей степени связанные с задачами физического выживания и воспроизводства, мы исследуем ситуацию с потреблением «необязательных» товаров и проведем сравнение последней группы институтов, оказавших влияние на формирование рынка факторов производства, — речь идет о юридических и социальных нормах, регулировавших накопление коммерческого и финансового капитала. Здесь мы также сможем выявить определенные отличия, которые, однако, окажутся недостаточными для объяснения уникального подъема, пережитого Европой. Это, в свою очередь, подведет нас в части 3 к более тщательному рассмотрению общих проблем экологического характера, упоминающихся в двух первых главах, взаимосвязи между продолжением рассматриваемого здесь экономического роста и пе-

переходом к новому, более резкому росту экономики, а также к той роли, которую сыграли в этом переходе конъюнктурные факторы, включая те из них, что одарили европейские экономические центры внезапным ресурсным изобилием Нового Света в тот самый момент, когда экономические центры Восточной Азии столкнулись с ситуацией, когда их периферии испытывали все больше затруднений, с тем чтобы и дальше выполнять свои привычные роли в обеспечиваемом рынком экономическом росте.

# Часть II

От новой морали  
к новой экономике?  
Потребление, инвестиции  
и капитализм



## Вступление

В ГЛАВАХ 1 и 2 нами был рассмотрен ряд широко принятых утверждений, согласно которым раннее вступление Западной Европы в фазу индустриального роста объясняется институтами, свойственными данному региону в период до начала XIX в., однако ни одно из этих утверждений не прошло проверки в свете последних научных публикаций, посвященных развитию других регионов мира. В итоге выяснилось, что существует немного оснований полагать, что в 1750 г. и даже в 1800 г. жители Западной Европы отличались большей производительностью по сравнению с их современниками из прочих густонаселенных регионов Старого Света. Обратившись к рынкам таких факторов производства, как земля и труд, мы не без удивления обнаружили, что, судя по всему, Китай соответствовал неоклассическим идеям эффективных экономических институтов по крайней мере в той же степени, что и Западная Европа в период своего развития, предшествовавший XIX в.

В результате мы получили целый ряд экономических центров раннего Нового времени, которым свойственны в целом сравнимые уровни и тенденции развития повседневной экономики в том, что касается их ресурсов, трудовых навыков, институтов и видов деятельности, с помощью которых производится, покупается и продается подавляющее большинство предметов первой необходимости. Какого-либо преимущества у Западной Европы, достаточного, чтобы объяснить ее индустриализацию XIX в. или связанный с заморской империей успех, выявлено не было. Более правдоподобным представляется предположение о том, что ни один из регионов мира не шел естественным образом к индустриальному рывку, решению ресурсных проблем и роли в качестве «мирового производственного цеха».

Соответственно, настало время перейти на следующую ступень социально-экономической иерархии. Рассматривавшиеся до настоящего момента утверждения касались либо накопления

капитала, распределения ресурсов и рыночного спроса в экономике в целом, либо институтов, определявших принимавшиеся подавляющим большинством домохозяйств решения. Несмотря на кажущееся отсутствие значимых отличий в данных областях, тем не менее возможно существование отличий, затрагивавших способность или склонность крайне важного меньшинства, к которому относились состоятельные домохозяйства, накапливать капитал или стимулировать экономические преобразования посредством своих потребительских предпочтений. Многие ученые утверждают, что подобные отличия действительно существовали и основывались на изменениях культурного характера, произошедших в представлениях европейцев о том, что такое человек, что такое космос, и о прочих объектах неэкономической природы. Наиболее знаменитым объяснением уникальности европейского пути с культурологической точки зрения является предпринятое Максом Вебером рассмотрение протестантской этики и «аскетического» капитализма. Однако более поздние ученые обращают свои взоры к стимулирующему эффекту европейского подхода к вопросу потребления, прежде всего потребления предметов роскоши. Прочие же пытаются совместить эти внешне противоречивые точки зрения посредством утверждений о существовании свойственного лишь Европе материализма<sup>1</sup>. Другие специалисты основывают свои аргументы на факторах культурологической природы в меньшей степени и утверждают, что европейская политическая экономия была исключительно благоприятной для коммерческого капитала, облегчая сбор финансовых ресурсов, обеспечивая их сохранность и предоставляя возможности их продуктивного использования лучше, чем политическая экономия других регионов мира.

Несмотря на разнообразие, указанные мнения имеют много общего. Все они уделяют первостепенное внимание «командным высотам» экономики, а не деятельности подавляющего большинства производителей (хотя некоторыми и подчеркивается происходящее впоследствии распространение принятых в среде высших классов идей и обычаев среди более широких слоев населения). Все эти мнения сосредоточены на производстве, потреблении и распределении товаров, чья подразумеваемая ценность имеет мало общего с их вкладом в удовлетворение основных, биологических, жизненных потребностей, являясь лишь отражением определенных *социальных* ожиданий (например, до-

1. См., например: Mukerji 1983.

ступ к определенным предметам роскоши рассматривается в не- которых социальных кругах в качестве неперемennого условия для вступления в брак и законного воспроизводства потомства). Более того, ценность данных товаров зачастую определялась та- кой их чертой, как экзотичность. Таким образом, заморская тор- говля, к которой мы в нашем исследовании пока почти не обра- щались, играет одну из важнейших ролей применительно к проб- лематике настоящего раздела.

Заморская торговля периода, предшествующего появлению пароходов, поднимает и другие вопросы. Крайне продолжитель- ный промежуток времени между началом сделки и продажей то- варов потребителю означает, что одна из ключевых ролей в дан- ной сфере отводится финансовому посредничеству. Таким обра- зом, ключевую важность приобретают и вопросы, связанные со статусом абстрактного достатка, то есть достатка, имеющего форму бумажных денег, драгоценных металлов или долговых расписок, а не выраженного через владение землей, складирован- ным зерном и прочими готовыми к употреблению предметами, а также способность конкретных лиц накапливать подобный до- статок (а не оперативно конвертировать его) с учетом степени его конвертации в прочие виды ресурсов и его защищенности зако- ном и обычаями, которая, разумеется, может быть весьма отлич- ной от степени защищенности, действующей в отношении про- чих видов активов. Кроме абстрактного достатка нам следует об- ратиться и к различным правам, часто связанным с вопросами заморской торговли, таким как пожалование монопольных прав и прочих особых привилегий.

Поскольку заморская торговля связывала не имевших непо- средственного контакта друг с другом производителей и потре- бителей, она предоставляла относительно небольшому числу за- нимающих стратегическое положение лиц возможность получе- ния гораздо большей прибыли, чем прибыль в условиях местных рынков, отличавшихся большим числом участников и непосред- ственным взаимодействием между производителями и потреби- телями. Соответственно, как подчеркивает Фернан Бродель, «ка- питализм» крупнейших торговцев XV–XVIII вв. процветал там, где условия *менее всего* напоминали условия идеальных рынков. Тем не менее он называет системы, в которых подобный обмен был особенно развит, капиталистическими, поскольку в подоб- ных обществах кредитование и финансовые инструменты игра- ют значимую роль, а капиталы обычно используются для нако- пления еще больших капиталов и поскольку данные общества

предрасположены к постепенной трансформации в целях облегчения такого накопления. Таким образом, культурологическую составляющую и политическую экономию «капитализма» необходимо рассматривать отдельно от рассмотренных нами на настоящий момент повседневной жизни и рыночной экономики. Общее у «культурологических» и «институциональных» тезисов о капитализме, кроме того факта, что культура и институты и так неотделимы друг от друга, то, что затрагиваемые ими вопросы отличаются от тех, которые рассматриваются при изучении рынков, жизнеобеспечения и жизни простых людей (вопросы, к которым мы обращались в части 1 настоящего издания).

При этом мы сможем удостовериться, что большая часть данных тезисов не в состоянии проводить четкое различие между потенциалом Западной Европы и потенциалом Китая и Японии, пусть даже и выделяя эти три региона из общемировой картины. (Индия представляет собой сложный, промежуточный случай.) Некоторые различия имеют место, однако они слишком незначительны, чтобы служить достаточными объяснениями, за исключением следующего объяснения: спрос на предметы роскоши и политическая экономия капитализма (в более широком смысле, о чем мы поговорим в главе 4) сыграли существенную роль в завоёвании Европой контроля над Новым Светом, хотя прочие конъюктурные составляющие также были весьма значимы. Сам же Новый Свет оказался жизненно важным фактором не столько для накопления капитала (как утверждают некоторые ученые), сколько благодаря тому, что его ресурсы помогли Европе свернуть с пути, которому были свойственны проблемы экологического характера и развитие главным образом трудоемкой природы, что было свойственно Китаю и Японии, и пойти по пути значительно более серьезных преобразований, потребовавших привлечения невероятных объемов энергии и земельных ресурсов.

В части 3 мы начнем как раз с проблем экологического характера (возвращаясь, таким образом, к жизни рядовых граждан), рассматриваемых и в главе 5. В главе 6 мы обратимся к институциональным, экологическим и конъюктурным причинам того, почему Европе удалось снизить остроту данных проблем, к их значимости для промышленной революции и кратко к последовавшему далее расхождению между Востоком и Западом, рассматривая как судьбу Западной Европы, так и судьбу тех регионов, которые продолжили следовать тем самым трудоемким и ресурсосберегающим путем, по которому вместе с ними еще недавно шла и Западная Европа.

## Потребление предметов роскоши и зарождение капитализма

Более или менее обычные предметы роскоши

**Р**АССУЖДЕНИЯ относительно зарождения роскоши и общества потребления в период после 1400 г. можно условно разделить на две группы. Первая рассматривает рост потребления предметов роскоши среди зажиточных граждан обычно с упором на демонстрацию дорогих промышленных товаров, зачастую товаров длительного пользования (изделий из шелка, зеркал, элегантной мебели и т. п.), как новое явление, пришедшее на смену старым методам подчеркивания своего статуса (например, содержать многочисленное окружение, мало способствовавшее стимулированию производства). Вернер Зомбарт назвал этот феномен овеществлением роскоши<sup>1</sup>. Предметы роскоши становились все более доступными для тех, у кого были деньги на их приобретение, вместо того чтобы оставаться доступными лишь для лиц, чье обладание престижными предметами отвечало определенным социальным критериям.

При этом «новая роскошь» трансформировалась в социальный статус лишь в случаях, когда данные предметы демонстрировались в соответствии с принятыми канонами вкуса, преобразование которых стало происходить быстрее, чем раньше. В некоторой степени каноны эти представляли собой средство защиты старых элит против упрощенной трансформации вновь нажитых материальных благ в статус посредством потребления. Зародившаяся подобным образом мода требовала того, чтобы даже те, кто владел большим количеством таких предметов длительного пользования, как мебель или изделия из хрусталя, ощущали постоянную необходимость приобретать все новые товары, с тем чтобы спрос на них, будучи по-прежнему ощущаемый как

---

1. Sombart 1967: 95; Зомбарт 2008: 134.

необходимый в *социальном* плане, становился все менее зависимым от каких-либо физических потребностей.

И наконец, согласно этим утверждениям данные модели высокостатусного потребления оказались заимствованы «менее значимыми» людьми. Заимствование облегчалось урбанизацией, приведшей к созданию концентрированных рынков. Заимствованию также способствовали новые концепции личности человека и возросшая подвижность структуры общества, которая позволяла не только нуворишам, но и средним и даже малообеспеченным классам использовать свои денежные средства для достижения посредством соответствующего потребления определенных социальных ниш.

Вторая группа рассуждений, которая включает в себя ставшее знаменитым рассмотрение Сидни Минцем вопроса о росте потребления сахара в странах Запада в период Нового времени, также *начинает* с высших слоев общества, однако концентрируется на трансформации того, что когда-то было предметами роскоши, в предметы повседневного спроса для среднего класса и даже малоимущих слоев населения. Нет ничего удивительного в том, что здесь акцент делается не столько на физически прочные предметы роскоши длительного пользования, сколько на товары, доступные в небольших количествах и зачастую требующие быстрого употребления. Таким товаром могла быть как серебряная заколка для волос, так и картина в раме, однако чаще всего речь шла, по определению Минца, о «вызывающих привыкание продуктах» — сахаре, какао, табаке, кофе и чае. Все они были экзотическими товарами, которые относятся к классу предметов роскоши, в любом регионе Европы XVI в., став к концу XIX в. товарами повседневного пользования для населения значительной части запада европейского континента<sup>2</sup>.

Несмотря на частичное совпадение двух явлений, те рассуждения, которые сосредоточены на роскоши высших классов, указывают на связи с индустриализацией, отличные от тех, на которые указывают рассуждения, в фокусе внимания которых находятся простолюдины и «вызывающие привыкание продукты». В рассуждениях, касающихся потребления товаров низшими слоями общества, обычно указывается на то, что спрос на подобные товары, которые можно было приобрести лишь при посредничестве рынка, делал простолюдинов более «голодными до денег». Таким образом, данные товары поощряли людей к тому, чтобы

2. Mintz 1985: 108.

работать больше, более интенсивно и в большей степени ориентироваться на рынок, а не прекращать трудиться ради денег по достижении уровня дохода, достаточного для удовлетворения своих жизненных потребностей. Иными словами, данные товары изменили само определение жизненных потребностей таким образом, что сюда стали включать большее число покупных товаров, которые не могли быть произведены в домашних условиях, что внесло определенный вклад в «революцию трудолюбия». (Подобно тому как традиция иметь в своем приданом сделанное собственными руками стеганое одеяло замедляла полное приятие конкретной семьей рынка в качестве судьбы, который решает, как именно следует использовать время их дочери, так и необходимо иметь в доме чай или сигареты, которые можно было бы предложить гостям, заставляла еще больше стремиться к подобному сравнительному преимуществу; однако безусловным образом утверждать, что какая-то из этих необходимостей была по сравнению с другой в большей степени вопросом «социальных ограничений», чем «индивидуальным выбором», не приходится.) И вместо того чтобы вести к изменению социальных ожиданий, некоторые виды новых пищевых продуктов вызвали определенное (или сильное) привыкание и отлично подходили для рутинного исполнения работы, требующей все большей дисциплины и все чаще выполнявшейся вне стен дома. Все эти пищевые продукты обладали стимулирующим эффектом, были удобны для упаковывания и, соответственно, требовали минимальных усилий для приготовления прямо на месте тонизирующего напитка, который принимался в течение рабочего дня.

Таким образом, в центре внимания данных рассуждений находится вопрос о том, каким образом потребление данных товаров расширило усредненный спрос и каким образом этот спрос изменил поведение простолюдинов в качестве *производителей*. Более того, на соответствующих европейцев, выступавших в качестве производителей, оказывало влияние множество прочих товаров — от зерна до повозок и одежды, однако сами они вызывающие привыкание продукты не производили. Сахар и табак выращивались за пределами Европы зачастую рабами или прочей подневольной рабочей силой: данной категории работников расширенного набора потребительских товаров в надежде повысить их производительность не предлагалось. Эти системы труда, существовавшие за пределами Европы, значимы для ее истории в силу того, что способствовали росту объемов производства «вызывающих привыкание продуктов» и снижению цен на них,

а не потому, что воплотили в себе новые стимулы для расширения производств в Европе<sup>3</sup>.

Рассуждения, в фокусе которых находятся более долговечные и дорогие предметы роскоши, от предыдущих аргументов сильно отличаются. Можно было бы говорить о том, что потребность в денежных средствах, необходимых для приобретения данных предметов роскоши, заставляла представителей высших классов задействовать свои производственные активы более рациональным образом и, соответственно, поставлять на рынок большие объемы зерна и прочих привычных товаров, однако подобные утверждения слабо доказуемы и должны быть подкреплены примерами того, как, скажем, покупка безделушек помешала профинансировать осушение болота. При этом более старые формы поведения представителей высших классов, включая содержание слуг, также способствовали созданию спроса.

С другой стороны, многие из этих предметов роскоши долговременного пользования производились главным образом в Европе, и возникновение городских центров, где и был сосредоточен спрос на них, действительно явилось для производителей важным стимулом к расширению производства, экономии за счет увеличения масштабов производства и внедрению новых технологий. Наступило время величайших возможностей, однако лишь для тех, кто имел достаточные объемы оборотного капитала для приобретения дорогого сырья, оплаты труда квалифицированных рабочих и ожидания момента, когда зачастую могущественные, но испытывающие денежные затруднения потребители наконец-то соглашались оплатить по счетам. Таким образом, одна часть производителей предметов роскоши стала успешными владельцами капиталов, а другая со временем превратилась в наемных работников. Соответственно, хотя обсуждения потребления элитных предметов роскоши долговременного пользова-

---

3. При этом Минц (Mintz 1985: 57–60) полагает, что плантации Нового Света могли служить прообразом европейских фабрик в том, что касалось масштабов производства, интенсивности труда и необходимости тщательного контроля и тесной координации, однако им не слишком четко проводится различие между непосредственным принуждением, используемым в целях интенсификации труда в Новом Свете, и мотивацией потребительского характера, что являет собой по-настоящему революционную особенность новых «предметов роскоши», нашедшую свое выражение на европейских производствах. Более того, хотя Минц и отмечает, в чем именно плантации были схожи с фабриками, но не демонстрирует факт прямого заимствования; при этом существовало множество других институтов, из которых соответствующие аспекты и могли быть заимствованы.

ния иногда и затрагивают усредненный спрос по всей экономике, в центре их внимания находится совсем иной вопрос, а именно каким образом расширяющиеся рынки предметов роскоши привели к изменениям в производстве товаров, вызывая к жизни новые институты и обособляя группы производителей.

Таким образом, для целей нашего исследования необходимо отметить, что утверждения, касающиеся так называемых вызывающих привыкание продуктов и популярных предметов роскоши, заставляют нас оглянуться назад, на вопросы, которые были затронуты в предыдущей главе: участие населения в рыночной деятельности, распределение труда и уровень жизни простых граждан. Со своей стороны утверждения, касающиеся более эксклюзивных предметов роскоши длительного пользования, соотносятся с особенностями капиталистической системы, рассматриваемыми в главе 4,—изменениями в структуре предприятий, усилением контроля над производством со стороны кредиторов и накоплением дохода относительно небольшим числом людей, испытывающих сильнейшие стимулы к повторному инвестированию своих средств. Таким образом, хотя потребление элитных предметов роскоши и опережает потребление предметов роскоши повседневного пользования в хронологическом плане, в целях проведения анализа предпочтительно было бы начать с рассмотрения именно вторых.

### Предметы роскоши повседневного пользования и потребление в среде широких масс населения в Европе и Азии раннего Нового времени

В идеале нам следовало бы сравнивать не потребление отдельных товаров, а полноценные потребительские корзины (потребление рыночных товаров). И в идеале же нам следовало бы исходить из того факта, что потребительские предпочтения представителей разных культур достаточно схожи и что отличия в потреблении диктуются их покупательной способностью. Однако имеющиеся у нас данные по XVIII в. не дают полной уверенности думать так, а потому нам следует быть осторожными относительно выводов из нижеследующих сравнений. При этом наши оценки продолжительности жизни (в главе 1) и доли бюджетов домохозяйств, расходуемой для получения основных объемов калорий, позволяют говорить о том, что сравнения других видов потребления в определенной мере значимы для общей картины нашего исследования.

При этом необходимо помнить, что по крайней мере в период до середины XIX в. бум спроса на предметы роскоши повседневного пользования был достаточно ограничен в своих масштабах. Перечень появившихся после 1400 г. продовольственных товаров, тканей, напитков и т. п. впечатляет, при этом многие из них действительно вызвали эффект привыкания. Однако их распространение по меньшей мере до конца XVIII в., а для многих и в течение значительной части XIX в. было достаточно медленным. За огромными процентами роста, как правило, скрываются крайне малые изначальные показатели даже для самых зажиточных частей Европы. Даже в Англии годовое потребление чая в расчете на душу населения в 1800 г. составляло лишь один фунт и 1,4 фунта — в 1840 г. И лишь впоследствии, когда цены упали, широкие слои населения начали потреблять чай повседневно: к 1880 г. ежегодное потребление чая из расчета на душу населения выросло примерно до 5 фунтов<sup>4</sup>. Что же касается показателей по остальной Европе, то они были значительно ниже. В 1780-х гг. в Европу, за исключением России, ввозилось около 22 млн фунтов чая в год<sup>5</sup>. Из этого можно сделать вывод, что ежегодное потребление могло составлять в указанный период примерно 2 унции чая на человека, при этом показатели европейского потребления, если вычесть английские данные, значительно ниже. Даже ввезенные в 1840 г. 80–90 млн фунтов могли обеспечить среднестатистического потребителя лишь 4 унциями чая<sup>6</sup>.

Показатели потребления в Китае были значительно выше. Ву Ченмин оценивает объемы продажи чая на внутреннем китайском рынке в 260 млн фунтов в 1840 г. (при этом необходимо отметить, что приводимые им данные по прочим показателям внутренней торговли Китая весьма сдержанные)<sup>7</sup>. Если население Китая составляло на тот момент порядка 380 млн человек<sup>8</sup>, то показатель потребления чая составит немногим

4. Braudel 1981: 252; Бродель 1986: 271— Бродель приводит данные Стаунтона (Staunton); Gardella 1994: 38.

5. Braudel 1982: 253; Бродель 1986: 272.

6. На основании экспортных данных из: Gardella 1994: 6 и показателей численности населения из: McEvedy and Jones 1978: 28.

7. Wu 1983: 99.

8. Численность населения Китая накануне пережитых им в середине XIX в. катастроф обычно оценивается в 425–450 млн человек, однако недавнее исследование Джорджа Склиннера указывает на то, что, возможно, правильное было бы говорить о 380 млн (Skinner 1987: 72–76).

меньше 11 унций на человека, даже если Ву Ченмин случайно упустил данные по значимым объемам местной или региональной торговли чаем, хотя это и маловероятно.

Разумеется, сравнение показателей потребления чая не может считаться объективным. Высокая себестоимость перевозки, тарифы и монополии сделали чай гораздо более дорогим товаром в Европе, чем в Китае. Кроме того, европейцы потребляли напитки (кофе, какао, виноградное вино), не получившие распространения в Китае. Тем не менее удивительно, как долго пришлось ждать, прежде чем потребление предметов роскоши повседневного пользования в Европе обгонит показатели Китая. У нас нет соответствующих данных по табаку, однако и Стаунтон, и Маккартни, дипломатические представители британской короны, посетившие Китай в 1793 г., были поражены тем, как много китайцы курят. Их свидетельства подтверждаются письмом за авторством жителя Китая, утверждающего, что в Чжэцзяне (провинции, достаточно богатой, однако не производящей больших объемов табака) курили «даже дети двух футов ростом»<sup>9</sup>.

Даже в потреблении сахара Европа обошла Китай гораздо позже, чем можно было бы ожидать. Хотя в Англии потребление сахара составляло в 1700 г. около 4 фунтов на человека, увеличившись до 18 к 1800 г., остальная Европа сильно отставала<sup>10</sup>. Реалистичным является показатель потребления в континентальной Европе в 1800 г., равный чуть менее 2 фунтам на человека. Такие показатели примерно соответствуют приводимым Броделем оценкам, согласно которым потребление сахара во Франции в 1788 г. составляло 1 кг на человека<sup>11</sup>. Более того, за пределами Британии тенденция к повышению потребления была вовсе не столь выраженной, как можно было бы предполагать на основе данных табл. 3.1<sup>12</sup>.

9. Staunton 1799: II: 48; Cranmer-Byng (Macartney) 1962: 225; письмо цитируется в: Dermigny 1964: III: 1253.

10. Mintz 1985: 67.

11. Показатель по Европе в целом взят из: Mintz 1985: 73, а по Европе без Британии из: Mintz 1985: 67. Для ознакомления с показателями по Франции см.: Braudel 1981: 226; Бродель 1986: 244.

12. Данные по объемам производства в португальских и испанских колониях из: Phillipp 1990: 58–61; данные по французским, голландским и английским колониям из: Steensgaard 1990a: 140. Данные по населению Европы из: McEvedy and Jones 1978: 26–29. Данные по потреблению в Британии из: Mintz (1985: 67, 73); при этом показатель за 1700 г. использован в качестве показателя за 1680 г.

ТАБЛИЦА 3.1  
Потребление сахара на душу населения, фунты

|         | <i>Европа</i> | <i>Европа<br/>без Британии</i> | <i>Британия</i> |
|---------|---------------|--------------------------------|-----------------|
| 1680 г. | 1,0           | 0,85                           | 4               |
| 1750 г. | 2,2           | 1,90                           | 10              |
| 1800 г. | 2,6           | 1,98                           | 18              |

Это вовсе не означает, что рост потребления сахара был свойствен исключительно Британии. Категория «Европа без Британии» слишком общая: по крайней мере Нидерланды, а также близлежащие к Парижу, Бордо и Гамбургу области демонстрировали показатели роста, значительно превышающие цифры по континенту в целом, а то и вовсе приближающиеся к показателям по Британии. (Так, в 1846 г. потребление в Париже составляло немногим менее 8 фунтов на душу населения<sup>13</sup>.) Более того, показатели за 1800 г. — в самый разгар военных кампаний Наполеона — сильно снижают общую статистику потребления. (Так, дефицит сахара в Париже в первые годы Французской революции привел к народным волнениям<sup>14</sup>.) Тем не менее данные показатели стоят того, чтобы их рассматривать.

Во-первых, несмотря на использование труда рабов для производства более дешевого сахара, его потребление в Европе стабильностью роста не отличалось. Сегодня, когда потребление сахара на душу населения в Европе превосходит показатель Англии за 1800 г., «завоевание мира»<sup>15</sup> сахаром представляется неотвратимым в свете появления специализированных, стремящихся к снижению издержек плантаций, выращивающих его для зарождающегося «общества потребления». При этом сахар, как указывает Минц, не был обычным предметом потребления: то был предмет вожделения европейцев на протяжении столетий. Короли и правители Святого Престола посылали его друг другу в подарок. Сахар преследовали предания и тайны, с которыми открытые в более позднюю эпоху табак и какао соперничать не могли. Сахар активно продвигали могущественные инвесторы и стремящиеся к развитию торговли правительства, наде-

13. Braudel 1982: 226; Бродель 1986: 244.

14. Ibid., p. 227; там же, с. 245.

15. Ibid., p. 224; там же, с. 223.

являвшиеся на прибыль, которую нес рост потребления. И наконец, сахар вызывал физическую зависимость<sup>16</sup>. Принимая все это во внимание, можно сказать, что 50-летний период отсутствия потребительского роста в Европе в эпоху общего экономического подъема указывает на то, что представления о необратимости «зарождения потребительского общества»<sup>17</sup> в период до 1850 г. могут быть достаточно обманчивы. В силу тех же причин рассуждения, придающие чрезмерный вес периодам отсутствия роста в потреблении предметов роскоши, могут вполне обычные факторы рассматривать в качестве аномалий, указывающих на помехи в процессах, которые в отсутствие данных факторов протекали бы самым естественным образом.

Во-вторых, данные таблицы напоминают нам, что до 1850 г. мы имеем дело главным образом с английской революцией, а не европейской. Как в абсолютном, так и в относительном выражении разница между Британией и большей частью Европы только возрастала, а не снижалась. Мнение Сидни Полларда о *производстве*, а именно о том, что в XIX в. производственные изменения революционного характера были свойственны лишь нескольким разрозненным европейским регионам, а не Европе в целом, является верным и для потребления<sup>18</sup>. При дальнейшем сравнительном анализе прочих составляющих идеализированной «европейской» истории нам следует учитывать как эту географическую неоднородность, так и прерывистость потребительского роста.

В высших кругах китайского общества сахару отводилась важная ритуальная роль (прежде всего в буддистских ритуалах) еще во времена правления династии Тан. Сахар использовался и в медицинских целях<sup>19</sup>. Во времена унаследовавшей императорский трон династии Чжао (960–1279 гг.) потребление сахара среди состоятельных граждан вышло за рамки торжественных случаев: «Продукция на основе сахарного тростника стала полноправной частью жизни и питания зажиточных граждан»<sup>20</sup>. В XVI и XVII вв. прибывавшие в Китай европейцы отмечали, насколько более *широким* было использование сахара в среде состоятельных китайцев по сравнению с состоятельными европейцами<sup>21</sup>. Тем временем

16. Mintz 1985: 16–18, 138–39, 164.

17. McKendrick, Brewer, and Plumb 1982: 1–6, особенно с. 4–5.

18. Pollard 1981: 84–106, 111–123.

19. Daniels 1996: 55, 59, 62–63, 70–71.

20. Mazumdar 1984: 62.

21. Ibid., p. 64.

использование сахара в ритуалах распространяется и в общих массах населения. В одном из документов, датированном 1680 г., рассказывается о том, что в провинции Гуандун сахар заливался в формочки, представляющие фигурки людей, животных и здания, а засахаренная слива была важной частью церемонии бракосочетания, свидетельствуя о том, «была ли невеста богатой или бедной». Состоятельные семьи готовили угощения, среди которых были тысячи кувшинов с засахаренной сливой. Считалось, что потраченное количество сладкого влияло на самочувствие молодой жены при будущих родах, а «те, кто не приглашал людей [отведать засахаренной сливы], получали прозвище „нищие без сахарной сливы“»<sup>22</sup>. В еще одном документе примерно того же времени указывается, что в Новый год даже бедняки ели сахарное печенье и что изобилие засахаренных фруктов было такой неотъемлемой частью бракосочетания, что разоряла некоторые семьи<sup>23</sup>. Подобное применение сахара, представляющее его использование в медицинских и церемониальных целях, а также подражательное потребление, когда зажиточные граждане потребляли его часто, а бедные лишь в особых случаях, сильно напоминает практику потребления сахара в Европе раннего Нового времени, на которую указывает Минц, и благодаря чему в XIX в. сахар стал одним из главных источников калорий в среде рядовых граждан. В Китае ничего подобного не произошло, однако это нельзя объяснить практикой потребления в XVIII в.

Мы не располагаем данными по общим объемам потребления сахара в Китае в середине XVIII в., однако даже фрагментарная информация позволяет говорить о чрезвычайно высоких показателях. Подавляющее большинство китайского сахара производилось в Гуандуне, Фуцзяне (включая Тайвань) и Сычуани. К счастью, у нас есть достаточно качественные данные по объемам сахара, перевезенного из Тайваня в материковую часть Китая в 1720 г., — примерно 104 млн фунтов. Хотя в последующий период резкого повышения объемов производства сахара на Тайване до окончания опиумных войн не наблюдалось, но, судя по всему, медленный и стабильный рост имел место. Таким образом, использование показателя за 1720 г. в качестве умеренной оценки за 1750 г. представляется вполне допустимым.

По общим объемам производства в Гуандуне данных нет. При этом мы располагаем устойчивым показателем урожайности од-

22. Chu 1968: 14:20b–22a.

23. Daniels 1996: 73, 75, 80–81.

ного акра плантации сахарного тростника в той же провинции — 2400 фунтов<sup>24</sup>, хотя мы не имеем точных указаний по отданным под сахарный тростник площадям. Мазумдар указывает на то, что в XVIII в. не менее 15 округов провинции (из 92) были центрами культивации сахарного тростника<sup>25</sup>. Согласно историческим источникам, в трех из них сахарный тростник занимал 40% земли, а в одном — 60%<sup>26</sup>.

В недавней работе Роберта Маркса предложен альтернативный подход. Он полагает, что в 1753 г. по крайней мере 24 млн му (4 млн акров) сельскохозяйственных земель в Гуандуне и Гуанси были отданы под производство товарных культур; причем в действительности данный показатель мог достигать и 41,5 млн му. На Гуандун в указанный период приходилось 70% общих обрабатываемых площадей двух провинций и еще большая процентная доля незерновых. (Главной товарной культурой Гуанси был рис, поставлявшийся на продажу в Гуандун.) Таким образом, предположение о том, что на Гуандун приходилось 70% площадей региона, отданных под незерновые культуры, может считаться усредненной оценкой: речь идет по меньшей мере о 16,8 млн му (2,8 млн акров), а возможно, и о 29,05 млн му (4841666 акров).

24. Mazumdar 1984: 297. Мазумдар приводит аргументы в пользу того, что по показателям урожая сахарного тростника Китай вряд ли уступал другим частям Азии. Генри Ботэм, живший во второй половине XVIII в., владелец плантаций с опытом работы как в Ост-Индии, так и в Вест-Индии, данное предположение подтвердил бы. Его слова свидетельствуют о том, что свободные китайцы выращивали сахарный тростник с большей эффективностью, чем подневольные работники в азиатских и американских колониях Европы (цитируется в: Daniels 1996: 93). Прочие европейцы еще в 1840-х гг. отмечали превосходство методов выращивания тростника, применявшихся вновь прибывавшими китайцами. Шепард (Shepherd 1993: 159) приводит гораздо меньшие показатели объемов урожая с одного акра по Тайваню, однако необходимо понимать, что на малонаселенной периферии не было большой необходимости стремиться к максимальному повышению урожайности, чем в континентальной части страны. Более того, весь сахарный тростник на Тайване возделывался без применения ирригации, в то время как в Гуандуне и Фуцзяне значительная его часть выращивалась с помощью оросительных систем, что и позволяло добиваться большей урожайности (Daniels 1996: 105, 236). Юджин Андерсон (Eugene Anderson 1988: 80–81) приводит следующий широкий диапазон показателей урожайности сахарного тростника в период поздней империи — от 1600 до 3200 фунтов с одного акра. Таким образом, приведенный Мазумдаром показатель в 2400 фунтов как раз соответствует срединному значению данного диапазона.

25. Mazumdar 1984: 280–281.

26. Ibid., p. 272.

Марксом высказано предположение о том, что правильным было бы считать, что незерновыми культурами была занята половина сельскохозяйственных площадей Гуандуна — 21,5 млн му<sup>27</sup>, поэтому вполне возможно использование показателя в 16,8 млн му.

Вероятно, под сахарный тростник было отдано больше земель, чем под любые другие незерновые культуры<sup>28</sup>. И даже если он не был основной сельскохозяйственной культурой конкретной провинции, он точно был второй (после шелковицы) либо третьей. (Гуандун ввозил большую часть потребляемого хлопка и выращивал крайне незначительные объемы табака, поэтому вполне допустимо предположить, что конкуренцию сахарному тростнику в борьбе за второе место могли составить лишь чайные и фруктовые деревья<sup>29</sup>.) При этом даже одна десятая часть принимаемого нами минимального показателя площадей, отданных в Гуандуне в 1753 г. под незерновые культуры, составляет 280 тыс. акров. Значит, площадь посевов сахарного тростника составляла порядка 3,9% от общих сельскохозяйственных земель провинции. Умножая полученные цифры на предложенный Мазумдаром показатель объемов урожая с одного акра, мы получаем, что ежегодный объем производства сахара в Гуандуне составлял 672 млн фунтов. Прибавив продукцию, произведенную на Тайване, мы получаем 776 млн фунтов в 1750 г. (и это без учета продукции Сычуаня, материковой части Фуцзяня и многих других территорий с сопоставимыми площадями сахарного тростника)<sup>30</sup>.

Согласно источнику, датируемому XVII в., на Фуцзянь (включая Тайвань) и Гуандун приходилось 90% посевов сахарного тростника. Это позволяет говорить о том, что к приведенному выше общему показателю следует прибавить еще как минимум 86 млн фунтов, что составляет одну девятую общих объемов производства в Фуцзяне и Гуандуне. В действительности же нам, возможно, следовало бы увеличить имеющиеся у нас данные на больший показатель, отражающий распространенность сахарного тростника к 1750 г. При переезде на новое местожительство (в другие провинции Китая и части Юго-Восточной Азии) фуцзяньцы обычно продолжали выращивать сахарный тростник

27. Из личной переписки в Робертом Марксом, август 1996 г.

28. Там же.

29. Mazumdar 1984: 271, 372.

30. См. карту в работе Дениелса (Daniels 1996), на которой обозначены префектуры шести других провинций, где также выращивался сахарный тростник.

и там. При этом в XVIII в. число перебравшихся в другие регионы жителей Фуцзяня было гораздо выше показателя за XVII столетие<sup>31</sup>. Однако я ограничусь лишь объемами производства сахара в Гуандуне и на Тайване. Наконец, следует сказать, что до 1840-х гг., за исключением периода, когда Тайвань находился под контролем голландцев, Китай экспортировал довольно незначительные объемы сахара<sup>32</sup>. С другой стороны, в 1730-х гг. Китай ввозил около 80 млн фунтов сахара в год из Вьетнама<sup>33</sup>. (При этом я не указываю гораздо меньшие объемы импорта из Таиланда<sup>34</sup>.) Вместе с данными по импорту мы получаем, что потребление сахара жителями Китая к середине века достигало 856 млн фунтов в год.

Поскольку, скорее всего, население Китая составляло в 1750 г. порядка 170–225 млн человек<sup>35</sup>, есть основания предполагать, что ежегодное потребление сахара из расчета на душу населения составляло от 3,8 до 5,0 фунта. Если прибавить сюда объемы производства сахара в других провинциях Китая, то данный показатель вырастет по крайней мере на 0,4–0,5 фунта. Если же использовать абсолютный минимум представленного Андерсоном широкого диапазона показателей урожайности в период поздней империи, из общего показателя следует вычесть от 1,1 до 1,4 фунта. При этом даже незначительное увеличение доли сельскохозяйственных угодий Гуандуна, отданных под сахарный тростник, ведет к резкому увеличению показателя подушевого потребления.

Данный показатель намного превосходит среднеевропейские показатели за 1750 и даже за 1800 гг. Китайский сахар содержал в себе меньше сахарозы по сравнению с сахаром, потребляемым европейцами, что по сегодняшним стандартам заставило бы отнести его к низкокачественным продуктам. Однако до XIX в. многие предпочитали, чтобы потребляемый ими сахар содержал больше примесей, делавших его вкус более богатым<sup>36</sup>.

31. Daniels 1996: 97, 105.

32. Мазумдар (Mazumdar 1984: 357, 374, 376) приводит следующие данные по 1792 г.: 65 тыс. пикулей или примерно 8,6 млн фунтов сахара, вывезенных из Кантона, плюс 2,6 млн фунтов, поставленных в Японию. Даже в 1833 г. объемы вывозимого из Кантона сахара выросли лишь до 34 млн фунтов.

33. Nguyen — цитируется в: Reid 1988a: 31.

34. Cushman 1975: 105.

35. Согласно официальной статистике за 1741 г., население страны составляло 141 млн человек, однако Хо (Ho 1959: 36–46) утверждает, что этот показатель по крайней мере на 20% ниже реального. Показатели прочих специалистов еще выше.

36. Daniels 1996: 276.

При сложившейся в Пекине конца XVIII в. цене —относительно высокой даже для продукта высшего сорта, поскольку весь сахар поставлялся из расположенных далеко на юге провинциях, солдату для покупки среднестатистических объемов белого сахара потребовалась бы его заработная плата за 3–4,5 дня<sup>37</sup>. Это представляется вполне правдоподобным. Сельскохозяйственному работнику для этого понадобилось бы *денежная* составляющая его месячной зарплаты, что для данного товара не является чрезмерно большой суммой. Однако зарплата сельскохозяйственных работников состояла не только из денег; при применении показателей денежной и натурной составляющих заработка сельскохозяйственного работника-мужчины, приведенных в главе 2, которые следует признать достаточно высокими, получается, что денежный эквивалент его годовой заработной платы в середине столетия составлял 10800 цзяней. В данном случае 5 фунтов сахара высшего сорта соответствовали бы уже 4% его годового дохода, что является высоким показателем, но не таким уж и неправдоподобным, если учитывать данные Фаня Синя, согласно которым четверть заработка малосостоятельных сельских граждан тратилась на незерновые продукты питания<sup>38</sup>. А поскольку безземельные работники входили в число самых бедных слоев населения Китая, следовало бы предположить, что ими потребление сахара было ниже среднестатистических показателей.

Усредненные показатели по Китаю точно так же, как и аналогичные показатели по Европе, не дают представления об огромных региональных различиях. Согласно Шепарду, ежегодное потребление сахара на Тайване, где цены на него должны были быть минимальными, составляло около 10 фунтов на человека<sup>39</sup>. Как направление перевозок сахара судами, так и состав местных блюд (прежде всего речь идет о засахаренных фруктах и сладких соусах, типичных для кухни юга и юго-востока) указывают на то, что на юге Китая потребление сахара намного превышало показатели его потребления на севере<sup>40</sup>.

37. Данный показатель рассчитан на основе цен, приведенных в: Mazumdar 1984:

64. Дополнительные неточности расчетов связаны с тем, что не совсем ясно, что именно принято за употребляемую Мазумдаром весовую единицу цзинь — бытовая мера веса, равная примерно 1,1 фунта, или же рыночная, соответствующая примерно 1,3 фунта. Для наших целей разница между двумя мерами не принципиальна.

38. Daniels 1996: 93, 97.

39. Shepherd 1993: 482n. 78.

40. Ng 1983: 134–35; Ng 1990: 306.

Таким образом, представляется весьма вероятным, что потребление сахара в Китае в 1750 г. превышало показатель по континентальной Европе за 1800 г. Даже если наши оценки по Китаю за 1750 г. превышают реальные показатели в *два* раза, потребление сахара в Китае было бы гораздо ближе к показателям по Европе, чем европейские показатели к британским.

Однако в какой-то момент потребление сахара на душу населения в Китае стало снижаться, в то время как Европа после 1840 г. испытала его взрывной рост. Согласно данным исследования Джона Л. Бака, в 1830-х гг. среднегодовое потребление сахара в Китае равнялось 2,2 фунта, что составляет лишь 60% минимального показателя наших оценок за 1750 г.<sup>41</sup> А поскольку вполне вероятно, что после катастроф 1850–60-х гг. производство сахара в Китае возросло, хотя значительная часть дополнительных объемов и отправлялась на экспорт, указанное падение в потреблении сахара имело место между 1750 и 1870 гг.

При этом потребление чая не снижалось, хотя могло и не расти. Согласно одной из оценок, его потребление в 1912 г. составило 2,6 фунта на человека, что как раз отражает впечатляющий рост; однако данная оценка представляется существенно завышенной, поскольку, согласно представительной выборке в среде городского населения, датируемой тем же десятилетием, потребление чая едва превышало 2 фунта на человека. Чань Чунь Ли полагает, что более вероятным является показатель общенационального потребления на уровне 1,1–1,3 фунта (18–21 унция) в 1930-х гг.<sup>42</sup> Это намного превышает показатель в 11 унций для 1840-х гг. (при этом, как уже указывалось, приведенный ранее показатель, возможно, занижен). Потребление чая на душу населения в значительно более процветающем Китае 1987 г. немногим *ниже* показателя за 1840 г.<sup>43</sup> Хотя вследствие того, что сейчас чаю приходится конкурировать с пивом, прохладительными и прочими напитками, данное сравнение некорректно. В целом же потребление на душу населения «вызывающих привыкание продуктов» в XIX и начале XX в. безусловно возрастало. В XVIII в. в растущем аппетите Китая к потреблению предметов роскоши повседневного пользования ничего самоподдерживающегося не было. Точно

41. Согласно Daniels 1996: 85.

42. Chang 1955: 303.

43. Данный показатель получен путем вычета экспорта из общих объемов производства, приведенных в таблице в работе Роберта Гарделлы (Gardella 1994: 8), и деления на показатель численности населения — 1,2 млрд человек.

так же можно сказать, что будущее европейского потребления тоже неизбежностью не отличалось. Однако просто отметить тот факт, что Европа вполне могла пойти по тому же пути (по которому она, вполне возможно, и шла в период 1750–1800 гг.), что и Китай, недостаточно. Нам потребуется объяснить расхождение, которое в итоге и произошло.

На данное расхождение сильно повлияли имевшие место демографические тенденции. Как мы увидим более подробно ниже, рост населения Китая в период после 1750 г. пришелся в основном на относительно бедные районы страны. Таким образом, даже если потребление в каждом регионе осталось на уровне 1750 г., его среднестатистические показатели по стране должны были снизиться. Это касается прежде всего сахара, поскольку его потребление в XVIII в. было сконцентрировано в трех процветающих макрорегионах, соединенных с районами производства сахара водными артериями, — Линнане, юго-восточном побережье и долине нижнего течения Янцзы. Вполне возможно, что в 1750 г. на эти три региона пришлось почти все потребление сахара в Китае (если не считать не столь масштабную его концентрацию в столичном регионе), в то время в них находилось около 40% общего населения страны<sup>44</sup>. В 1843 г. (и 1953 г.) на те же самые три макрорегиона приходилось лишь 25% населения страны<sup>45</sup>. Одно только это могло привести к снижению среднего показателя потребления сахара по стране на 37,5%, в значительной мере объясняя разницу между показателем нижней части диапазона оценки за 1750 г. и данными Джона Бака на начало XX в. (2,2 фунта сахарного песка, выделенного с помощью центрифуг, плюс сахар, представленный в других формах или потребляемый в виде сырца в районах культивации сахарного тростника). Данный демо-

44. На основе известных нам маршрутов перевозки сахара и отдельных свидетельств, указывающих на его широкое потребление в данных регионах и относительное отсутствие в остальных, можно сделать вывод о том, что такая сильная концентрация потребления сахара обусловлена характером местной кухни. Если бы на данные регионы пришлось потребление *всего* сахара в Китае по состоянию на середину XVIII в., а его общенациональные объемы соответствовали нижним показателям приведенного мною выше диапазона, то показатель среднедушевого потребления для данных регионов составил бы 10,7 фунта в год — достаточно высокий, но не такой уж и невероятный уровень, принимая во внимание тот факт, что в тех районах Тайваня, где культивировался сахарный тростник, потребление сахара составляло 10 фунтов в год (Shepherd 1993: 482n. 78).

45. На основе данных из: Skinner 1977a: 213 и с корректировкой данных в: Skinner 1987.

графический фактор помогает объяснить и то, каким образом снижение потребления могло произойти без того, чтобы это заставило говорить о снижении уровня жизни населения. Если снижение потребления в тех или иных районах не имело места, то не было и возможности его заметить. Подобная картина распределения прироста населения сильно контрастирует с ситуацией в Европе, где по крайней мере между 1750 и 1850 гг. быстрее всего население увеличилось в относительно благополучных частях континента (и Ирландии).

Однако демографические тенденции объясняют расхождение в потреблении лишь частично. Так, географическая концентрация потребления хлопчатобумажных тканей могла бы не совпасть с географической концентрацией потребления сахара, однако существуют свидетельства снижения абсолютных показателей производства хлопка в Северном Китае. (Но и в данном случае снижение производства еще не означает снижения местного потребления хлопчатобумажных тканей, ведь оно могло быть незначительным или вовсе отсутствовать: речь идет лишь о снижении производства хлопка, который раньше Северный Китай продавал в долину нижнего течения Янцзы. Соответствующие данные и их недостатки рассматриваются в приложении F.) Потребление же в Европе в период между 1750 и 1900 гг. не только не снизилось, но и росло быстрее, чем когда-либо прежде, особенно после 1840 г.

Как мы удостоверимся в главе 4, структура торговли этими новыми предметами роскоши повседневного пользования значительно отличалась от торговли прочими товарами. В Китае большая часть потребляемого сахара, табака и чая тут же и производилась. Торговля ими отличалась высокой степенью конкуренции, в нее было вовлечено большое число мелких торговцев, и ей была характерна относительно невысокая прибыльность<sup>46</sup>. Более того, особых доходов у государства от этой торговли также не было. Соответственно, заинтересованности в повышении объемов торговли именно этими товарами у кого-то из крупных игроков рынка не было, напротив, некоторые государственные лица такой торговле активно противодействовали<sup>47</sup>. В Европе также были свои государственные деятели и блюстители морали, выступавшие против новых потребительских предпочтений (не обошлась без них и Япония, и Османская империя, и Индия).

46. Ng 1983: 99, 157; Ng 1990: 305–306.

47. Ng 1983: 184–186, 190.

Однако здесь им противостояли мощные силы, которым рост потребления был выгоден, — нацеленные на увеличение доходов чиновники, а вместе с ними торговцы и владельцы колониальных плантаций, инвестировавшие большие деньги в производственные мощности и приобретение монопольных прав. Несмотря на это, потребление на большей части европейского континента и среди малообеспеченных слоев британского населения росло медленно вплоть до резкого падения цен в середине XIX в.

Существует мнение о том, что любовь англичан к сладкому в некоторой мере является результатом относительной простоты национальной кухни и что, в свою очередь, значительно более низкое потребление сахара в Китае может частично быть объяснено сложностью китайской кухни, в которой употребляется множество других подсластителей и специй<sup>48</sup>. Однако, принимая во внимание полученные нами высокие показатели потребления сахара в Китае в XVIII в., данное объяснение достаточным весом не обладает. Путь сахара от вещества медицинского назначения к специи оказался вполне успешным. По мнению Минца, здесь параллельно выступает период европейской истории, когда европейцы всех социальных слоев приучались к любви к сахару. Чего в Китае никогда не было, так это превращения сахара из часто используемой и весьма желанной специи в один из основных источников углеводов. И в данной трансформации наиболее важные отличия, возможно, касались не столько вкусов или методов торговли, сколько производства, цен и наличия колоний<sup>49</sup>.

Одного только желания поддерживать рост потребления популярных предметов роскоши было недостаточно в том числе и потому, что кроме выращивания данных культур земля использовалась и для других нужд. Следует отметить, что значительный прирост в производстве сахара в Китае имел место там, где сахарному тростнику не приходилось конкурировать с другими продовольственными культурами. На Тайване, еще и в XIX в. представлявшем собой малонаселенную периферию, наблюда-

48. Daniels 1996: 87; Mintz 1985: 190.

49. Разумеется, данная картина не является универсальной: нетрудно представить себе, например, что совершенно иное социальное кодирование обмена продуктами питания, свойственное отдельным частям Индии, могло оказаться крайне важным в определении того, как именно сахар использовался (или не использовался вовсе) широкими массами населения. Однако в истории Китая и Европы столь же явного кандидата на роль культурного фактора, способного серьезным образом повлиять на отношение к сахару, нет.

лось одновременное расширение культивации сахарного тростника и риса, так как континентальной части Китая для получения сахара не нужно было поставлять на остров зерно. В Гуандуне многие из тех самых крестьян, которые выращивали все больше сахарного тростника в XVII и XVIII вв., первыми же перешли на выращивание батата и арахиса (для чего часто расчищались холмы, ранее считавшиеся непригодными для использования на сельскохозяйственные нужды). Это помогало им одновременно обеспечивать и собственные пищевые потребности. В других случаях сахарный тростник вытеснял хлопчатник, что объяснялось уровнем относительных цен и ростом оборотов торговли с Бенгалией и Дельтой Янцзы<sup>50</sup>. При этом в Китае оставалось все меньше площадей, на которых можно было бы выращивать сахарный тростник (или же чай с табаком) без ущерба для производства зерновых. И как мы удостоверимся далее, существует вероятность того, что между 1750 и 1900 гг. в связи с необходимостью обеспечения едой быстро растущего населения производство хлопка (и, возможно, табака) в одном из ключевых его регионов — Северном Китае сильно снизилось.

Вполне уместно говорить о том, что в XVI–XVIII вв. потребность в выращивании пищевых культур по меньшей мере препятствовала бесконечному росту производства товарных культур. Без дальнейшего повышения объемов производства потребление из расчета на душу населения было обречено на снижение, поскольку в период между 1750 и 1850 гг. население Китая увеличилось почти вдвое. При этом производство зерновых от роста населения *не* отставало даже в эпоху, предшествующую внедрению современных сельскохозяйственных технологий<sup>51</sup>. В связи с этим представляется вероятным, что производство пищевых культур по крайней мере частично сдерживало выращивание товарных прежде всего в Северном Китае, где прирост населения был особенно быстрым, а повышение урожайности с единицы площади — делом достаточно сложным.

Европа выращивала почти весь свой сахар, табак и кофе в колониях, приобретая чай в обмен на американское серебро, поэтому в определенном смысле рост потребления так называемых вызывающих привыкание продуктов не мешал производству зерновых в той же мере, что и в Китае. Большая часть хлопка также ввозилась в Европу из колоний или бывших колоний.

50. Mazumdar 1984: 80, 284–285, 287, 372.

51. Классическим примером данного утверждения является работа: Perkins 1969.

Более того, рост потребления сахара пришелся на удачное время, особенно для Британии. Как мы увидим в главе 5, к концу XVIII в. сельское хозяйство Англии достигло точки, когда дальнейшее повышение объемов производства без технологического прорыва было практически невозможным, в то время как этот прорыв произошел только в середине XIX в.: речь идет о масштабном применении химических удобрений (сначала ископаемых фосфатов и импортируемого гуано, позднее, уже в XX в., синтетических удобрений). Между тем население Англии стремительно росло, и впервые объемы внутреннего производства зерновых оказались недостаточными, а до долгосрочного решения проблемы дефицита — поставок огромных объемов зерна из Северной Америки — было еще несколько десятилетий. В промежуточный же период протяженностью в полвека, на который и пришлось значительная часть промышленной революции, Англия ввозила зерно из остальных частей Соединенного Королевства, однако полностью решить проблему дефицита данные поставки не смогли<sup>52</sup>. Условия, в которых особенно остро стоял вопрос нехватки калорий, а многим беднякам необходимо было привыкать к новым ритмам труда (включая употребление пищи в середине рабочего дня на рабочем месте), оказались идеальными для того, чтобы сахар стал одним из ключевых продуктов потребления англичан. В Восточной Азии сахару удалось закрепиться в роли одной из важных специй, но, поскольку рост производства зерна не отставал от роста населения, у сахара не было особых оснований стать частью того, что обозначено Минцем как основные углеводы.

Структура колониального производства также подталкивала плантаторов к повышению выработки объемов сахара и табака даже в периоды падения закупочных цен. Перед китайскими производителями сахара, занимавшимися одновременно выращиванием и основных продовольственных культур, данная проблема стояла гораздо менее остро. Колониальные же плантации зачастую отличались узкой специализацией, выращивая конкретную товарную культуру. Значит, все остальное — начиная с продовольственных товаров и заканчивая промышленными изделиями и рабами — им приходилось ввозить и соответственно тратить достаточно большие денежные средства даже в периоды низких цен на свою продукцию. (Мы еще вернемся к данному вопросу в главе 6.)

52. Thomas 1985a: 142–147.

Может сложиться впечатление, что высокая специализация колониальных плантаций ставит под сомнение предшествующее суждение о том, что производимые на других континентах вызывающие привыкание продукты не конкурировали за дефицитные сельскохозяйственные угодья в Европе в той же мере, как сахарный тростник и табак в Китае. Обмен промышленных изделий, для производства которых требовались относительно обильные трудовые и капитальные ресурсы Европы, а не относительно дефицитная земля, на сахар не вступал в противоречие с потребностями Европы в продуктах питания. Аналогичной оказалась и ситуация с обменом промышленных изделий (или приобретенных в Азии товаров) на африканских рабов, использовавшихся на плантациях Нового Света, и с приобретением китайского чая на американское серебро. Однако, когда речь шла о том, чтобы кормить работников плантаций Нового Света европейскими продовольственными товарами, ситуация была совершенно иной. По словам аббата Рейналя, «чтобы накормить колонию в Америке, нужно возделывать целую провинцию в Европе». По крайней мере именно так обстояли дела во французских колониях Карибского бассейна<sup>53</sup>.

Колонии, которыми в Новом Свете владела Британия (речь идет о территориях Североамериканского континента), отличались от французских: они производили больше зерна, мяса, древесины и вылавливали больше трески, чем им требовалось, а потому могли продавать излишки в колонии, специализировавшиеся на выращивании сахарного тростника. В свою очередь, североамериканские колонии приобретали промышленные товары у Британии, что позволяло ей эффективно преобразовывать свои обильные трудовые и капитальные ресурсы, но не дефицитные земельные, в сахар, точно так же, как и в случае с торговлей африканскими рабами и прямыми поставками промышленных товаров в Карибский бассейн. (Бразильские плантации сахарного тростника потребляли главным образом продовольственные товары, производившиеся в самой Бразилии. Соответственно Португалии, как и Британии, не требовалось снабжать ее этими товарами из Европы. При этом Португалия не монополизировала торговлю своей колонии в той же мере, что и Британия.) Вопросам нехватки земли и экологическим проблемам будет уделено еще немало внимания в главах 5 и 6. Пока же стоит отметить, что отсутствие в XVIII в. прироста в потреблении сахара из расчета на душу населения в континентальной

53. Цитируется в: Braudel 1981: 226; Бродель 1986: 245.

Европе, в чем большая часть континента была ближе к Китаю, чем к Британии, может в определенной мере отражать одни и те же проблемы. При этом причины впечатляющего роста в потреблении сахара, свойственного Британии, возможно, частично связаны с *Северной* Америкой.

### Потребительские товары длительного пользования и «овеществление» роскоши

Эндогенное преимущество Европы представляется более правдоподобным применительно к товарам длительного пользования, таким как мебель, изделия из серебра, постельное белье и т. п. Однако и здесь следует быть предельно осторожным, особенно при сравнении с Китаем и Японией.

Подобные сравнения особенно осложняются отличиями в источниках информации, на которые нам приходится опираться. Например, Азии, в отличие от Европы, не была свойственна практика дополнения завещаний перечнями имущества. Тем не менее изменения в потребительских предпочтениях высших классов различных обществ в период, скажем, между 1400 и 1800 гг. представляются во многом схожими. В среде самых зажиточных слоев населения Европы, Китая, Японии и Индии был отмечен впечатляющий рост количества и разнообразия предметов домашней обстановки, изысканных одежд, столовых приборов и того, что сегодня мы назвали бы коллекционными предметами. Демонстрация материального имущества стала более значимым показателем статуса, в то время как неоднократные попытки удержать потребление в рамках, определяемых отнюдь не уровнем благосостояния, имели лишь ограниченный успех. Между тем важность свиты в качестве показателя статуса снизилась, а многие представители старой элиты обнаружили, что продолжать участвовать в конкурентной борьбе за статус посредством потребления они не в состоянии. Однако нам следует выйти за рамки этих сходств весьма общего характера.

Развитие потребления предметов роскоши происходило в каждом обществе по-своему. В рамках настоящей книги представляется невозможным рассмотреть все отличия того, что именно *подразумевалось* под потреблением в рамках того или иного общества. Для нас важно, что количественные изменения в том, *как именно* товары использовались в конкурентной борьбе за статус в различных обществах, были достаточно схожи, чтобы привести

к повсеместному увеличению количества применяемых в данных целях предметов потребления.

Обладание определенными предметами и обмен ими представляют собой важный показатель статуса в любых обществах. Как следствие, из этого слишком легко заключить, что возрастающее число людей, обладающих количественно значимым имуществом, является отражением универсального импульса к накоплению вещей, которому ранее препятствовали высокомерность элит и слабость производительности труда. При таком подходе желание обладать большим числом предметов роскоши является вневременным фактором и обоснований не требует. Изменения претерпевают лишь производство и распределение доходов.

Возможен и такой подход, когда обладание предметами роскоши небольшим числом людей в более ранних обществах рассматривается как явление достаточно редкое, чтобы придавать ему чрезмерное значение, и когда наблюдаемый в раннее Новое время резкий рост потребления товаров, не относящихся к категории жизненно необходимых, рассматривается как зарождение радикально нового, «материалистического» стиля жизни. Последний подход весьма значим тем, что рассматривает бесконечный спрос в качестве искусственного, а не естественного феномена. Однако и данному подходу свойственны свои недостатки. Он отлично годится для целей нашего исследования, но тем не менее может легко опускаться к дихотомическому делению обществ на те, где социальные отношения определяются предметами потребления и рынками, а обмен понимается как индивидуалистичное стремление к выгоде, и на те, где экономика регулируется социальными отношениями, потребление управляется статусом, а люди стремятся к взаимной выгоде<sup>54</sup>. Использование подобных дихотомий применительно к истории ведет к делению мира на Европу, которая первой ступила на путь материализма, и остальные страны, в которые по причине того, что данный рубеж еще не был пройден, «предметы потребления», «материализм» и «экономический человек» были введены извне.

Более свежая научная литература подходит к данным вопросам с большей искусностью. В одной из своих весьма значимых формулировок Арджун Аппадурай прибегает к созданию континуума, движущегося от систем моды к купонным или лицензионным системам. В системах моды любое лицо с достаточным количеством денежных средств способно приобретать огромное

54. Например, Polanyi 1957; Поланьи 2002.

число статусных товаров. Полное и непосредственное превращение денежных средств в статус ограничивается главным образом постоянно изменяющимися социальными нормами, на основании которых один вид потребительского поведения становится вульгарным, а другой — изысканным. В так называемых купонных системах владеть некоторыми ключевыми, зачастую священными предметами и обмениваться ими могут лишь лица, имеющие соответствующую социальную лицензию. В обоих случаях социальный статус, с одной стороны, и владение определенными предметами и обмен ими — с другой, ведут к взаимному учреждению, хотя и разными способами:

В то время как в одном случае статусные системы защищены и воспроизводятся посредством ограничения числа эквивалентов и возможностей обмена в рамках *стабильного* мира предметов потребления, в системе моды под действие ограничений и контроля подпадает *вкус* в *постоянно меняющемся* мире предметов потребления при наличии иллюзии полной взаимозаменяемости и неограниченности доступа. Законы против излишней роскоши представляют собой промежуточный механизм регулирования потребления, подходящий для обществ, нацеленных на поддержание стабильности в демонстрации статуса в условиях взрывного роста потребления, таких как Индия, Китай и Европа предшествующего Новому времени периода<sup>55</sup>.

Такая формулировка позволяет избежать однозначного отнесения конкретного общества к одной из категорий. Более того, Аппадурай находит, что некоторые предметы «купонного» общества свойственны даже современному Западу, и, таким образом, указывает на то, что всем обществам свойственны как экономика, так и культура<sup>56</sup>. Такая формулировка также препятствует тому, чтобы потребление было отнесено, как это иногда происходит, к якобы свойственному исключительно Западу индивидуализму, и, соответственно, тому, чтобы сильные общины в обязательном порядке противопоставлялись повышению потребительского спроса.

Несмотря на исключение излишне простых дихотомий, формулировка Аппадурай все же указывает на различия между мо-

55. Appadurai 1986: 25.

56. См. также: Sahlins 1976.

дой и купонами как на четко выраженные способы взаимодействия между статусом и потреблением. Более того, различия между ними определены достаточно ясно, чтобы позволить нам выявить серьезные последствия для экономического развития, которыми чреваты смещения в ту или иную сторону, а также определить причины подобных смещений.

Ослабление купонных систем, происходящее, когда приобретать особые предметы потребления разрешается все большему числу лиц, означает усиление зависимости от рынка. Такой же смысл и у появления нового статусного товара (скорее всего экзотического происхождения). А чем ближе система к системе моды, тем быстрее население обновляет личное имущество, стимулируя таким образом спрос. Более того, купонная система уже по одному своему определению препятствует копированию потребления, осуществляемого группой с более высоким статусом, группами с более низким статусом. В системах, более близких к системам моды, главный ответ элит состоит не в запрете копирования, а в переходе к новым предметам потребления (или же к новым способам их демонстрации) и навешивании на старые ярлыка «вульгарность». Подобной системе свойственно постоянное стремление к приобретению товаров представителями всех социальных групп, как стремящимися к поддержанию социальных различий, так и желающими навести между ними мосты (или перепрыгнуть через разделяющую их пропасть). Подобной системе также может быть характерно формирование четко выраженных канонов вкуса и превращению их в товар по мере того, как соответствующие печатные пособия и консультанты начинают помогать участвующим в данной конкурентной гонке людям.

Даже этот схематический набросок указывает нам на вполне конкретные вещи: расширение разнообразия товаров с социальной коннотацией и быстрота, с которой они менялись; рост числа лиц, которым было позволено владеть ими, и расширение возможностей по их приобретению у сторонних лиц; резкий рост подражательного потребления и распространение разнообразных статусных товаров для представителей различных социальных групп; расширение диалога о правильном и изящном применении различных предметов потребления.

*Наиболее полное* документирование данных феноменов было проведено в различных урбанизированных регионах Западной Европы — в (Северной) Италии эпохи Ренессанса, в Испании периода Золотого века, в Голландии, в некоторых частях Франции и в Англии. Везде имели место изменения в домах высших клас-

сов и в преследуемых ими целях. В сельской местности на смену замкам, более подходящим для ведения военных действий и развлечений многочисленной свиты (главным помещением в которых мог быть, например, большой зал для пиршеств с несколькими очень длинными скамьями), приходили усадьбы, отличавшиеся бóльшим числом комнат (и коридоров), предметов обстановки, ориентированных на обеспечение индивидуального комфорта, и элементов декора, а также обеспечивающих бóльшую степень приватности<sup>57</sup>. Все возрастающее число семей приобрело более чем одну резиденцию иногда по причине того, что усиливающаяся централизация государств требовала по крайней мере периодического пребывания представителей дворянства при дворе монарха, иногда в силу того, что проживавшая в сельской местности знать все чаще вела дела в городе, что требовало наличия городского дома, а иногда в силу пересмысления своих потребностей. Чаще людьми двигало желание построить дом (как правило, уже не первый) для личного пользования и увеселений, а не для использования его в качестве долгосрочного «опорного пункта» своей династии, при этом его местоположение и стиль должны быть соответствующими<sup>58</sup>. Как правило, городские резиденции были менее роскошными, чем загородные, однако и их число быстро росло, строились они из более прочных материалов и во все большей степени соответствовали новым потребностям в комфорте, приватности и наличии места, где можно было демонстрировать свое имущество, являющееся отражением уровня состоятельности и вкуса<sup>59</sup>. Возглавляло эту тенденцию строительство дворцов-резиденций монархов, однако она быстро распространилась и в среде богатой знати, торговцев и прочих социальных слоев.

Не менее важным, чем сами дома, а возможно, и более значимым, особенно в городах, было распространение предметов, призванных эти дома украшать. Зеркала, часы, мебель, картины в рамах, изделия из фарфора и серебра, скатерти и постельное белье, книги, драгоценности и одежда из шелка — вот лишь несколько категорий подобных предметов, ставших обязательными показателями статуса зажиточных жителей Западной Европы. Более важным было и то, чтобы данные товары были мод-

57. Hoskins 1953: 44–59; Stone 1979: 169–170, 245–246.

58. Sombart 1967: 97, 100–105; Зомбарт 2008: 138, 141–147.

59. Schama 1988: 311.

ными, а не только многочисленными и качественными<sup>60</sup>. Соответственно, предметы роскоши обесценивались в культурном отношении гораздо быстрее, чем изнашивались физически, и уже имеющиеся в наличии предметы роскоши дальнейшему приобретению товаров данной категории препятствовали все в меньшей степени. Многие авторы письменных источников ставили данной тенденции в вину то, что она выкачивала богатства общества, разоряла знать и мешала более важным проявлениям статуса и значимости человека. Правительства и религиозные институты Европы пытались, по крайней мере время от времени, воспрепятствовать данной тенденции, однако без особого успеха. Люди все больше идентифицировали себя через неустанный накопление имущества.

Однако подобное зарождение общества потребления было далеко не уникальным. Крейг Клунас демонстрирует, что дома высших классов в эпоху правления династии Мин (1368–1644 гг.) также все больше наполнялись картинами, скульптурами, изысканной мебелью и т. д. Более того, он обнаруживает, что точно так же, как в Европе, увеличивалась необходимость иметь строго определенные предметы роскоши для конкретной обстановки, человека или задачи. Так, например, в Китае кровати с изысканной резьбой предназначались потребителю строго определенного пола еще до появления подобной специализации в Европе<sup>61</sup>. Кроме того, вполне возможно, что состоятельные граждане могли позволить себе разные кровати и стулья в зависимости от времени года<sup>62</sup>. Между тем самые престижные предметы роскоши — произведения величайших мастеров — все в большей мере превращались в товар, то есть они были доступны любому лицу с достаточной для их приобретения денежной суммой, а не вращались в среде приближенных к мастеру лиц. А поскольку состояние все в большей степени поддавалось конвертации в статус *посредством потребления* (а не приобретения определенной должности, земли или образования для своих детей), в соответствующих печатных руководствах стали появляться советы по правильной оценке и демонстрации подобных предметов. Одни руководства объясняли старым элитам, каким образом следует утверждать свой статус через наличие вкуса, даже если у лиц низкого происхождения больше денег для приобретения предметов роскоши. Другие руководства

60. Braudel 1981: 311–333; Бродель 1986: 333–356.

61. Clunas 1991: 54–55.

62. Jin Ping Mei, 1692.

предназначались для нуворишей и давали им советы по приобретению и демонстрации подобных предметов.

В Китае такие сочинения (одно из них имело застенчивое название «Трактат об излишних вещах») начали появляться несколько раньше, чем в Европе. На протяжении периода правления династии Мин появлялись все новые руководства и переиздавались старые<sup>63</sup>. И хотя в ранний период правления династии Мин издавались законы, направленные на ограничение излишней роскоши через тщательное регулирование одежды, столовой утвари и т. д. в среде разных социальных групп, законы эти, судя по всему, особого эффекта не имели и вскоре безнадежно устарели, утратив свою актуальность. После 1500 г. к перечню предметов потребления, регулируемых данным сводом законов, прибавился лишь один пункт, хотя число предметов роскоши и разнообразие стилей продолжали увеличиваться<sup>64</sup>. Тем временем данные законы продолжали принимать в Италии и Испании (в XVII в.), а попытки ужесточить подобное законодательство предпринимались даже в таких буржуазных странах, как Голландия и Англия<sup>65</sup>.

Схожие свидетельства существуют и по Японии периодов Муромати и Эдо, где в претензиях моралистов и в текстах неэффективных законов, направленных на ограничение приобретения предметов роскоши, перечисляются многочисленные предметы потребления, использующиеся неподобающим образом представителями несоответствующих сословий. К XVIII в. данные законы были дополнены положениями против «украшений из золота, серебра и слоновой кости» в *крестьянских домах*<sup>66</sup>, а моралисты были раздражены случаями разорения самураев и даже даймё, пытавшихся не отстать от потребительских привычек зажиточных простолюдинов<sup>67</sup>. По крайней мере один из ученых, занимавшихся проблемой потребительства в Европе, пришел к выводу, что тенденции в Китае и Японии оказались до удивления схожи с протекавшими одновременно процессами в Западной Европе<sup>68</sup>.

Свидетельства по Индии не столь однозначны. Сомнений в том, что эпоха Великих Моголов была отмечена значительным

63. Clunas 1991: 8–39.

64. Ibid., p. 151.

65. Ibid.

66. Hanley and Yamamura 1977: 89.

67. Yamamura 1974: 41–47.

68. Burke 1993: с. 148–161, особенно с. 158.

ростом потребления предметов роскоши, нет. Многочисленные европейцы, только что прибывшие из Лондона, Парижа или Амстердама, отмечали невероятное множество предметов роскоши, продававшихся в индийских городах<sup>69</sup>. С распадом в XVIII в. империи Великих Моголов дворы *региональных* правителей приобрели большую значимость, и провинциальные столицы зачастую становились центрами подражательного потребления элитных предметов роскоши, что напоминало ситуацию с многочисленными дворами Европы<sup>70</sup>. Увеличение потребления предметов роскоши, частично провоцируемое возросшей коммерциализацией льгот и привилегий, полагававшихся лицам, занимающим правительственные должности (см. главу 4), выполняло роль одного из главных моторов индийской экономики того периода<sup>71</sup>.

Тем не менее мы не располагаем, по крайней мере на настоящий момент, теми же свидетельствами, что у нас есть по Китаю, Японии и Европе, о возникновении в Индии системы моды, объединяющей многие социальные классы, — например, в нашем распоряжении нет соответствующих руководств по надлежащей и элегантной демонстрации предметов потребления. Хотя в Индии XVIII в. и возросла роль торговцев и «служашей аристократии»<sup>72</sup>, потребление предметов роскоши происходило в основном в среде знати<sup>73</sup>. С другой стороны, у нас имеется гораздо больше свидетельств по Индии, чем по Западной Европе или Восточной Азии, о том, что старые купонные системы, в рамках которых за статусом закреплялась достаточно стабильная роль в регулировании доступа к относительно неизменному набору особых предметов потребления, значительную часть своей силы не утратили<sup>74</sup>. Таким образом, представляется вероятным, что потребительство, хотя, без сомнения, и присущее индийскому обществу, получило в нем меньшее развитие, чем в Восточной Азии или Западной Европе.

Это вполне логично, если рассматривать феномен овеществления роскоши в качестве альтернативы демонстрации статуса посредством размера личной свиты. По крайней мере начиная уже с XVI в. и в Китае, и в Западной Европе резкое снижение числа

69. Например, Tavernier 1925: I:52; Raychaudhuri 1982a: 180–181; Raychaudhuri 1982b: 266–67; Bayly 1983: 206, 266.

70. Bayly 1983: 201–204; Bayly 1989: 51.

71. Bayly 1983: 201–202, 204–206, 266.

72. Ibid., p. 466–467.

73. Ibid., p. 206, 268.

74. Например, Dumont 1970.

подневольных слуг и арендаторов, а также переезд знати на жительство в города делали содержание многочисленной свиты все более непростой задачей. И хотя Япония сравнимых *юридических* изменений не претерпела, социальные и экономические силы страны подталкивали ее в том же направлении. Следует отметить, что снижение центральной роли личной свиты заставляло знать быть недовольной практикой потребления в среде простолюдинов. Когда различные слуги были полностью интегрированы в домохозяйства своих хозяев, роскошные наряды по крайней мере тех из них, кто чаще других попадался на глаза посторонних, служили целям демонстрации богатства собственно семьи их хозяев; однако как только слуги, оставаясь более низкими по положению, стали независимы, любые подобные демонстрации осуждались как неподобающие и даже опасные способы самоутвердиться<sup>75</sup>. Таким образом, изобилие документов, осуждающих практику потребления в среде простолюдинов в Китае, Японии и Западной Европе, отражает как экономические изменения, так и масштабы утраченного первенства элит над теми, кто по социальному положению был ниже их, и, соответственно, насколько сильно сами элиты стали воспринимать отношения между социальными статусами через призму потребляемых товаров.

В Индии подневольный труд оставался значимым явлением, расхождение во мнениях вызывает лишь степень его значимости<sup>76</sup> в условиях, когда и занимающая государственные должности аристократия, и заминдары (наследственные землевладельцы из числа феодалов) были обязаны законом иметь многочисленную свиту<sup>77</sup>. Вполне вероятно, что спрос на предметы роскоши со стороны аристократии был во многом обусловлен и необходимостью одаривать ими фаворитов из числа ближайшего окружения. Использование дорогих подарков, обладающих устоявшимся символическим значением, для поддержания соответствующих отношений оставалось в Индии одним из центральных элементов социальной и политической конкуренции<sup>78</sup>. Однако это, скорее всего, способствовало развитию моды в меньшей

75. См., например: Stansell 1986: 164–165. См. также: Adshead (1997: 25–26) для ознакомления с другим мнением, имеющим, однако, схожее практическое значение.

76. Perlin 1979, 1985; Washbrook 1988.

77. Moosvi 1987: 175–176; Bayly 1983: 199, 266; Raychaudhuri 1982b: 181—об огромных размерах свиты.

78. Bayly 1983: 266.

степени, чем приобретение товаров для строго личного пользования.

Доля индийской знати, проживавшей в городах, вероятно, была больше, чем в Китае, возможно, уступая по данному показателю Западной Европе и точно отставая от Японии. Тем не менее иностранцев поражало, насколько сильно индийские города напоминали собой огромные лагерные стоянки, где большие группы свиты неотступно следовали за лицами, которым служили<sup>79</sup>. Если бы данная форма личной службы и зависимости была сильнее в качестве как факта, так и нормы, то следовало бы ожидать, что и в Западной Европе, и в Китае наблюдался бы менее выраженный сдвиг в сторону социальной конкуренции, реализуемой посредством моды. Индия отличалась меньшей стабильностью роста городских рынков предметов роскоши по сравнению с Китаем, Японией и Западной Европой. Как указывает Бейли, в 1780 г. городам Варанаси и Лакхнау был свойствен гигантский спрос на предметы роскоши, однако в этом они не слишком отличались от того, что представляли собой Дели и Агра в 1680 г., когда власть Моголов и концентрированность аристократии были более выраженными<sup>80</sup>.

Это же в еще большей степени соответствует ситуации в Юго-Восточной Азии. Здесь мы также встречаем интересные примеры овеществления роскоши в период между 1450 и 1650 гг. прежде всего в городах, а некоторые местные предметы роскоши не уступали в объемах использовавшихся дорогостоящих материалов изделиям из других регионов мира. Тем не менее стабильного сдвига в сторону овеществления роскоши и моды, сравнимого по масштабам с ситуацией в Западной Европе или Восточной Азии, здесь зафиксировано не было. Центральным организующим принципом общества здесь оставалась личная зависимость<sup>81</sup>, и даже большая часть крупных городов представляла собой агломерации, напоминающие лагерные стоянки, где люди группировались вокруг своих хозяев, образуя внутри городов подобие изолированных деревень. И (в отличие от Индии) почти все здания некультового назначения отличались простотой. Все это указывает на большую престижность свиты по сравнению с владением имуществом<sup>82</sup>.

79. Tavernier 1925: I:105; Hambly 1982: 438–442.

80. Bayly 1983: 199.

81. Reid 1989: 60, 64, 69, 71.

82. Reid 1993: 87.

В связи с этим можно заключить, что Китай, Япония и Западная Европа были в большей степени схожи друг с другом, чем с Индией или Юго-Восточной Азией; то же, вероятно, можно было бы сказать и в случае их сравнения с обществами Восточной Европы, Ближнего Востока или Африки. Или можно говорить о том, что по крайней мере ситуация в Китае и Японии указывает на то, что новое элитное потребление, свойственное Европе, было далеко не уникальным явлением. При этом, однако, следует обратить внимание и на то, насколько существенными были характерные для данных обществ проявления данного феномена.

Так, развитие жилищных условий в данных странах происходило совершенно по-разному. На значительной части территории Европы бум строительства дворцов, замков, городских резиденций и прочих сооружений подобного типа, предназначенных для состоятельных граждан, продолжался, хотя и при наличии циклических периодов подъемов и спадов, еще и в конце XVIII в. В Китае же и Японии масштабное строительство дворцов сопровождало смену политической власти в этих странах в XVII в. (восшествие на престол династий Цин и Токугава), однако более ранним периодам это было не свойственно<sup>83</sup>. По крайней мере в Японии широкомасштабное строительство по-настоящему долговечных домов началось в XVI и XVII вв.<sup>84</sup> И хотя качество домов в течение XVI–XVIII вв. несомненно улучшилось, разница все же представляется менее выраженной, чем в Европе, указывая на то, что существенных изменений в концепции того, что именно представляет собой дом, не произошло<sup>85</sup>. В Китае в эпоху поздней империи идеи о предназначении дома также претерпели незначительные изменения. Так, дом по-прежнему оставался важным местом для труда и культовых обрядов, а также приготовления пищи и сна. Дом продолжал восприниматься (по крайней мере среди высших сословий) как достояние многих поколений (включая предков, похоронные таблички которых хранились при домашнем алтаре), а не средство демонстрации достижений и вкусов нынешних его обитателей. Поскольку само понимание дома изменилось незначительно, архитектурные стили также претерпели небольшие изменения по сравнению с изменениями, имевшими место в Европе<sup>86</sup>.

83. Menzies 1992a: 64; Osako 1983; Totman 1992: 22.

84. Hanley 1997: 25–35.

85. Ibid., p. 36.

86. Bray 1997: 59–172, особенно с. 71.

Кроме того, и в Китае, и в Японии предпочтение в строительстве по-прежнему отдавалось дереву, и с исчезновением наиболее востребованных пород дерева строительный бум в обеих странах сошел на нет<sup>87</sup>. (У нас имеются определенные свидетельства об увеличении масштабов использования камня при строительстве жилых домов<sup>88</sup>, однако он все равно продолжал оставаться довольно редким строительным материалом.) Так, по благополучному столичному региону Японии отмечается снижение заработной платы как городских, так и сельских строителей относительно заработной платы большинства других категорий трудящихся (включая сельхозрабочих) уже в середине XVIII в., что служит свидетельством того, что спрос на *новые* дома был достаточно незначительным<sup>89</sup>. Ослабление строительного бума вовсе не является ни показателем замедления общего экономического развития, ни показателем неспособности использовать камень. По крайней мере в Японии применение дерева диктовалось особенностями климата и частыми землетрясениями. Легкость проветривания японских домов позволяла сократить частоту респираторных заболеваний во влажном климате и, вполне вероятно, внесла свой вклад в большую продолжительность жизни населения японских городов по сравнению с европейскими<sup>90</sup>. У китайцев же, как указывает Франческа Брей, предпочтение в строительстве жилых домов дереву, а не камню объяснялось причинами космологического и ритуального характера, хотя они и умели применять камень, а цена древесины в период правления династий Мин и Цин сильно возросла<sup>91</sup>. Некоторые из религиозных верований, стоящих за данными предпочтениями, были широко распространены и в Японии. Однако какими бы ни были причины данных предпочтений, сами по себе они означают, что в Восточной Азии, чтобы не «отставать от соседей», требовалось вкладывать в свой дом гораздо меньше денежных средств; в Юго-Восточной Азии это обходилось еще дешевле<sup>92</sup>. Вполне вероятно, что вкладывание значительных средств в строительство жилых домов (и применение камня) было в большей степени свойственно высшим слоям индийского общества, однако как именно можно было бы измерить масштабы этого явления, неизвестно.

87. Totman 1992: 23; Totman 1995: 84; Osako 1983: 132–35; Menzies 1992a: 64, 69.

88. См., например: Perdue 1987: 109–110.

89. Saito 1978: 98.

90. Hanley 1983: 188–189.

91. Bray 1997: 77.

92. Reid 1988a: 62–73.

Различия в прочих видах расходов выделить гораздо сложнее частично в силу того, что сравниваемые единицы отличались огромным разнообразием, по крайней мере различия между общественными классами и регионами. Хотя тщательного анализа классов и регионов мы провести не в состоянии, какие-то отдельные моменты оценить можно.

В Европе, по крайней мере в некоторых ее частях, предметы роскоши приобретались даже представителями не самых зажиточных слоев населения. Некоторые виды подобных предметов — ремни, ботинки, жилетки с серебряными и золотыми пуговицами, спиртные напитки, произведенные на основе ферментации и дистилляции, кофе, чай, сахар и т. п. — приобретались не только богатыми торговцами или ремесленниками с именем, но и не имеющими высокого заработка подмастерьями. Более того, владение подобными предметами и (или) их демонстрация стали важной частью городской плебейской культуры<sup>93</sup>. Согласно Гансу Медику, ремесленники тратили большую долю своего общего бюджета на подобные «предметы роскоши низшего порядка», чем представители любых других социальных групп<sup>94</sup>. Гансу Медику удалось найти свидетельства схожего поведения и в среде *сельских* ремесленников Европы, причем не только в Англии и Голландии. Он приводит примеры ремесленников из сельской Саксонии, занимавшихся изготовлением лент и подражавших городской моде, чтобы выделяться среди крестьян, а также ремесленников Вюртемберга, которые, по словам одного из их современников, могли мало что позволить себе сверх картофеля, но «считали, что потеряют человеческое достоинство, если откажутся от своего утреннего кофе»<sup>95</sup>. Здесь значим уже сам факт наличия подобного потребления, при этом некоторые виды потребляемых товаров (такие как кофе и чай), вероятно, были в новинку на всем протяжении XVI–XVIII вв. Однако остается неизвестным, насколько широко потребление предметов роскоши было распространено в среде простолюдинов или насколько оно было ново. Потребление подобных товаров простолюдинами, должно быть, вызывало бурю осуждения со стороны тех, кто в отличие от них был лицом «благородного происхождения», даже в случаях, когда общие объемы подобного потребления оставались, как мы уже убедились с помощью соответ-

93. Medick 1982: 86, 90–95.

94. Kriedte, Medick, and Schlumbohm, 1981: 64–65, 69; Medick 1982: 90.

95. Medick 1982: 94–95.

ствующих примеров потребления чая и сахара, крайне небольшими. При этом постоянность была свойственна вкладу в усредненный спрос со стороны далеко не всех новых потребителей привычек. К примеру, впечатляющий рост потребления джина в Англии, который пришелся на начало XVIII в., сменился практически столь же стремительным его снижением во второй половине столетия<sup>96</sup>.

Сделать какие-либо определенные выводы о потреблении данных товаров среди крестьян представляется еще более затруднительным, хотя, вполне вероятно, оно сильно отличалось от потребления сельских ремесленников<sup>97</sup>. Предпринятое Яном де Фрисом исследование Фрисландии в период между 1550 и 1750 гг. помогло установить, что по крайней мере в этом необычайно благополучном регионе мелкие землевладельцы и арендаторы приобретали большое количество самых разнообразных товаров, не отскакивая к предметам первой необходимости. Кроме того, он демонстрирует, что со временем количество представленных в перечнях имущества предметов высококачественной мебели и прочих изделий из дерева, а также столовой посуды, предметов интерьера и ряда других товаров сильно увеличилось<sup>98</sup>. (Ожидать увеличения числа предметов длительного пользования в доме, разумеется, следовало бы, даже если покупки таких предметов совершались не слишком часто.) При этом также примечателен и тот факт, что некоторые виды предметов длительного пользования не имели тенденции к значительному увеличению их количества в домах: речь прежде всего идет об изделиях текстильной отрасли — крупнейшего индустриального сектора и лидера будущей промышленной революции. То, что увеличения данных изделий не произошло, особенно удивительно на фоне того, что в период 1550–1750 гг. цены на большинство тканей относительно прочих товаров снизились<sup>99</sup>. Более того, число потребительских товаров, представленных в перечнях имущества, росло медленнее, чем количество

96. См., например: Medick 1982: 103–104.

97. Прошу обратить внимание на тот факт, что в приведенном Медиком примере изготовители лент из Саксонии стремились выглядеть *отличными* от крестьян образом, а не зажиточными крестьянами, и на то, что другое утверждение Медика, согласно которому сельские ремесленники прибегали к потреблению новых товаров для подчеркивания своего статуса в условиях отсутствия у них земли, столь важной для остальной части сельского общества, применимо к крестьянам в меньшей степени.

98. de Vries 1975: 220–224.

99. Ibid., p. 218–220.

представленных там же товаров производственно-технического назначения<sup>100</sup>. В целом же, как отмечает и сам де Фрис, ни масштабы возрастающего спроса со стороны крестьян, населявших этот процветающий регион, ни конкретные особенности данного спроса не кажутся достаточными для возникновения промышленной революции<sup>101</sup>, однако необходимо иметь в виду, что значительная часть спроса именно на *хлопчатобумажные* изделия была сконцентрирована за пределами Европы<sup>102</sup>.

Тем не менее даже в подобных обстоятельствах массовый потребительский спрос в Европе мог быть в достаточной мере большим по сравнению с прочими регионами мира, чтобы служить одним из объяснений того, почему в итоге пути Европы и прочих развитых экономик разошлись. К сожалению, нам недостает письменных свидетельств, которые сделали бы возможными по-настоящему значимые сравнения с прочими странами и регионами. Тем не менее мы в состоянии догадаться, насколько высокой была вероятность существенных отличий частично благодаря *способностям* не принадлежавших к высшим классам лиц приобретать товары, не относившиеся к предметам первой необходимости.

Свидетельства, которые мы в состоянии использовать для сравнения распределения доходов в рамках отдельных обществ, к сожалению, также слишком фрагментарны. При этом те свидетельства, которыми мы все же располагаем, противоречат утверждению Джонса о том, что в Европе доход и соответственно фактический спрос на повседневные предметы роскоши распределялись более равномерно, нежели в крупных экономиках Азии<sup>103</sup>. Различия, с одной стороны, между Индией и, с другой стороны, между Китаем, Японией и Западной Европой были вполне вероятны, однако те немногие свидетельства, которые имеются в нашем распоряжении, указывают на то, что между тремя последними регионами огромных различий не существовало.

Так, фактически единственной количественной оценкой распределения доходов в Китае в период до XX в. являются данные Чаня Чунь Ли. То, что определяется им как китайское «нетитулованное мелкопоместное дворянство», куда он включает и боль-

100. de Vries: 234–235.

101. Ibid., p. 236.

102. Braudel 1984: 575; Бродель 1992: 593.

103. Jones 1981: 110. В этом своем утверждении Джонс опирается на данные по Индии, в отношении которой, как уже отмечалось выше, его выводы представляются вполне верными; однако то, что под тот же знаменатель он заодно подводит и Азию с Европой, не совсем правильно.

шую часть богатых купцов, составляло в XIX в. примерно 2% населения страны, получая при этом примерно 24% национального дохода<sup>104</sup>.

Насколько мне известно, сравнимых показателей по Европе в целом не существует, тем не менее в нашем распоряжении имеются оценки современников по распределению дохода в Англии и Уэльсе в 1688, 1759 и 1801–1803 гг. Согласно оценке данных показателей Питером Линдертом и Джеффри Уильямсоном, в 1688 г. на 2% самых богатых граждан (исключая королевскую семью) приходилось 19% общенационального дохода, в 1759 г. — 22%, а в 1801–1803 гг. — 23%<sup>105</sup>. И разумеется, такая единица сравнения, как «Англия и Уэльс», являет собой лишь небольшую и относительно процветающую часть Европы, в то время как приведенные выше показатели по Китаю охватывают всю его территорию от условного «китайского Лондона» до условной «китайской Болгарии». Конечно же, более равномерное распределение земли в Китае — все еще самого важного производственного актива на двух оконечностях Евразии — позволяет говорить о том, что сравнение с применением более равнозначных данных вполне может указать на более резкое расслоение доходов. Прибыль, получаемая за счет владения землей, должна была распределяться более равномерным образом в среде китайского населения, чем в среде европейского, пусть даже неравенство доступа к земле и сглаживалось европейскими рынками аренды земли таким образом, что возможности трудиться на ней были распространены столь же широко и равномерно, как и в Китае. Разумеется, доля общенационального дохода, которой владели остальные 98% населения, представляет собой лишь частичную картину общей ситуации с распределением дохода и гораздо менее адекватный показатель распределения покупательной способности<sup>106</sup>, однако, будучи единственным доступным нам количественным показателем,

104. Chang 1962: с. 326; более общие данные см. на с. 296–331.

105. Расчеты на основе данных из: Lindert and Williamson 1982: 393, 396–397, 400–401.

106. Распределение доли дохода, доступной для приобретения товаров, не относящихся к предметам первой необходимости, неминуемо менее равномерно, чем распределение общего дохода. Кроме того, общая картина усложняется еще и показателями неравенства материального достатка, о чем мог бы поведать нам любой залезший в долги крестьянин, чей ежегодный доход несколько смягчал его отрицательный общий материальный достаток; и нам практически ничего неизвестно о том, какими именно могли бы быть результаты сравнения распределения материального достатка в Китае и Европе.

вполне заслуживает того, чтобы быть рассмотренным. Удивительным является и замечание Джорджа Стаунтона, в основе которого (в отличие от утверждений Смита и Мальтуса) лежат его впечатления от поездки из Пекина в Кантон в 1790-х гг. о том, что он видел очень мало свидетельств по-настоящему серьезной бедности<sup>107</sup>. Недавнее исследование бюджетов крестьянских домохозяйств долины нижнего течения Янцзы, основанное на разрозненных свидетельствах, указывает на то, что в XVII в. типичная семья земледельцев тратила на зерно 55% своего общего дохода, включающего и денежную, и натурную составляющие, а двумя столетиями спустя—54%<sup>108</sup>. У английских крестьян и ремесленников в конце XVIII в. на удовлетворение основных потребностей в калориях уходила примерно та же доля доходов<sup>109</sup>. В исследовании по Китаю доля расходов на незерновые товары почти наверняка занижена, что делает данное сравнение предвзятым применительно к Китаю<sup>110</sup>.

Как в Европе, так и в Восточной Азии крупнейшей несельскохозяйственной отраслью была текстильная, а потребление текстильных товаров зачастую является одним из первых видов потребления, по которым отмечается прирост в период индустриализации в той или иной стране. Хотя имеющиеся у нас данные и отличаются фрагментарностью, они позволяют говорить о сравнимости уровней производства и потребления текстильных товаров в обеих оконечностях Евразии.

Для расчетов объемов производства хлопка-сырца и шелка применительно к главному текстильному региону Китая—райо-

107. Staunton 1799: II: 134, 141.

108. Fang 1996: 93, 97.

109. Phelps Brown and Hopkins 1981: 14: в 1890-х гг. в семьях бедняков расходы на зерно составляли 53% их бюджета.

110. Fang 1996. Не располагая какими-либо независимыми оценками дохода сельскохозяйственных работников, Фань исходит из информации, почерпнутой им из руководств по сельскому хозяйству, касающейся того, чем именно следовало данным работникам обеспечивать, и делает расчеты по пяти базовым категориям потребительских товаров—зерну, прочим продуктам питания, топливу, жилищным условиям и одежде—и производственным расходам семей. В его источниках отсутствуют такие нечастные, но весьма значительные расходы, как обязательные ритуалы, украшения (притом что, судя по всему, они были даже у самых бедных женщин), развлечения, непредвиденные расходы на еду (например, приобретаемой во время поездки на базар) и любые товары, которые, будучи приобретенными на деньги, скажем, занимавшейся ткачеством жены, ускользнули от внимания лиц, в ведении которых находились вопросы найма и контроля, и не были учтены в зарботке самих сельхозработников.

ну нижнего течения Янцзы — мы можем поступить тем же образом, что и в случае с оценкой объемов производства сахара в Гуандуне. Более того, в данном случае оценки будут более точными, поскольку здесь данные по использованию земельных площадей отличаются большей полнотой по сравнению с данными по Гуандуну. Расчеты позволяют говорить о том, что в 11 префектурах на южной стороне дельты Янцзы, отличавшихся необычайно высоким уровнем коммерциализации, производилось почти 16 фунтов очищенного хлопка и примерно 2,0 фунта высококачественного шелка-сырца на душу населения<sup>111</sup>. Часть хлопка-сырца ввозилась в Линнань, а часть, наоборот, вывозилась из Северного Китая. К 1850 г. Цзяннань превратился в нетто-экспортера хлопка-сырца, поскольку его потребление Линнанем продолжало расти, а поставки из Северного Китая снижались, однако сказать, насколько именно, невозможно. При этом в 1750 г. любые объемы нетто-экспорта отличались гораздо меньшими объемами<sup>112</sup>. Таким образом, я пришел к предположению о том, что весь произведенный в Цзяннане хлопок-сырец там же и применялся для производства волокна и тканей, кроме тех объемов, которые использовались в качестве набивочного материала (1,3 фунта на душу населения в XX в.<sup>113</sup> и, возможно, те же объемы в XVIII в.). Таким образом, 14,5 фунта хлопчатобумажной и 2,0 фунта шелковой ткани на душу населения представляются вполне реальными (хотя, возможно, и несколько завышенными) оценочными показателями текстильного производства в Дельте Янцзы.

Для сравнения отметим, что в 1800 г. общие объемы производства хлопчатобумажных, шерстяных и льняных тканей в Великобритании составляли 12,9 фунта на душу населения<sup>114</sup>, притом что на тот момент повсюду шли преобразования текстильных технологий. (Поскольку квадратный фут и льняной, и шерстяной ткани, как правило, легче квадратного фута хлопчатобумажной, суммирование различных видов тканей делает данное сравнение предвзятым применительно к Китаю.) К сожалению, нам неизвестны объемы тканей, вывозившихся из Дельты Янцзы, — их доля могла быть даже выше показателя Британии, составлявшего примерно треть общего производства<sup>115</sup>, что указывает на то,

111. Подробную информацию по методам и расчетам см. в приложении F.

112. Основания для данных предположений объясняются в приложении F.

113. Chao 1977: 233.

114. Deane and Cole 1962: 51, 185, 196, 202. Оценки численности населения из: Mitchell 1988: 8–10.

115. Deane and Cole 1962: 196, 202.

что уровень *потребления* тканей был ниже соответствующего британского показателя. Однако, даже поддаваясь лишь относительному сравнению, показатели потребления текстильных тканей в наиболее развитых регионах и Китая, и Европы способны поведать нам о многом, особенно если не забывать, что численность населения этих префектур Дельты Янцзы в два раза превышала численность населения Соединенного Королевства. Более того, одежда из китайской хлопчатобумажной ткани отличалась значительно большей прочностью, чем производимая в Британии, по крайней мере в XIX и начале XX в.<sup>116</sup> К сожалению, данные как по Китаю, так и по Европе весьма фрагментарны, а производство отличалось большим географическим разбросом, поэтому сконцентрировать внимание лишь на нескольких ключевых регионах не представляется возможным. Исключением здесь является шелк, большая часть производства которого, скорее всего, приходилась на долину нижнего течения Янцзы, возможно, более чем три четверти<sup>117</sup>. Таким образом, общие объемы производства составляли менее 1 фунта на душу населения — не столь впечатляюще, как в случае с хлопком, однако совсем не тривиально для показателя производства элитной ткани и значительно выше цифр по Европе.

К сожалению, наша методика расчетов показателей по хлопку, сахару, шелку, а также показателей производства хлопчатобумажных тканей в Дельте Янцзы, проявляющая себя с лучшей стороны применительно к относительно небольшим, но хорошо развитым с коммерческой точки зрения регионам, не годится, когда речь идет о больших, но значительно менее развитых в коммерческом плане территориях. В последнем случае даже незначительные корректировки допускаемых величин могут легко увеличить в два-три раза площадь доступных для культивации хлопчатника земель (скажем, с 3 до 9% от весьма высокого обще-

116. Huang 1990: 137.

117. Согласно Со (So 1986: 81п. 2), до 1840 г. четверть объемов *экспортируемого* Китаем шелка приходилась на Гуандун. Экспорт — далеко не самый идеальный заместитель показателя общих объемов, однако, поскольку в Гуандуне находился единственный порт, открытый для торговли с зарубежными странами, а сама провинция располагалась на сотни миль дальше от основных внутренних рынков предметов роскоши, чем регион нижнего течения Янцзы, который, в свою очередь, и сам был крупнейшим рынком данной категории, представляется маловероятным, чтобы Гуандун был ориентирован на экспорт в меньшей степени, чем Цзяннань. Если это верно, то его доля экспорта могла бы служить в качестве примерного максимума его доли в общих объемах производства.

го показателя сельскохозяйственных земель). Вполне возможно, что лучшая альтернатива заключается в том, чтобы взять более поздние показатели и на их основе попытаться рассчитать показатели более ранних периодов.

В 1870 г. вскоре после подавления восстаний няньцзуней и тайпинов объемы производимого в Китае хлопка составили примерно 1,85 млрд фунтов<sup>118</sup>, что, вероятно, составляло немногим более 5 фунтов на душу населения, хотя оценки численности населения в период после войн середины XIX в. представляются ненадежными. К 1900 г. данный показатель снизился примерно до 1,5 млрд фунтов, после чего начался его повторный и до настоящего момента непрерывный рост. Рассмотрение основных регионов производства хлопка в Китае по отдельности указывает на достаточно удивительный на первый взгляд факт: объемы производства в 1750 г. не слишком уступали показателям 1900 г. и, соответственно, значительно превосходили их в расчете на душу населения.

Прежде всего важно отметить, что после 1750 г. появилось немало новых хлопкопроизводственных регионов, о которых можно было бы говорить как о значимых<sup>119</sup>. Хотя в период после 1750 г. провинции среднего течения Янцзы и увеличили свои площади хлопчатника, в число достаточно крупных производителей хлопка они никогда не входили. Между тем важные производственные районы Сычуаня и Шэньси переключились в XIX в. на производство другой товарной культуры, опийного мака, в основном за счет отказа от выращивания хлопка<sup>120</sup>, частично это произошло до 1870 г. и частично — после. Многие другие хлопкопроизводственные районы были разбросаны по всему Китаю, однако самыми важными из них и в 1750 г., и в 1870–1900 гг. были долина нижнего течения Янцзы и Северный Китай.

Существует немного оснований полагать, что в XIX в. объемы производства хлопка в долине нижнего течения Янцзы значительно увеличились. Население региона в этот период росло медленно, а посевные площади в 1750–1850 гг. в наиболее коммерчески развитых частях региона и вовсе не увеличивались, а на остальной территории региона прирост площадей был небольшим. Бедствия середины XIX в. привели к сильному сокращению населения

118. Kraus 1968: 158–159, 162–164, 167.

119. Chao 1977: 23.

120. Ibid.

и площадей возделываемых земель. И хотя к 1900 г. данные показатели восстановились, дальнейший их рост в период до 1949 г. был незначительным<sup>121</sup>. Между тем доля земель данного региона, отданная по состоянию на 1750 г. под товарные культуры, вряд ли претерпела в последующие два столетия изменения в сторону увеличения. Так, вполне возможно, что в 1930-х гг. объемы поставляемого в регион риса были ниже показателя 1750-х гг.<sup>122</sup>, что указывает на то, что часть земли могла снова начать использоваться под пищевые культуры. В любом случае к 1900 г. площади культивации хлопчатника могли сократиться, поскольку после 1870 г. все больше земель использовалось для культивации тутового дерева. Хотя имеющиеся у нас данные по объемам производства фрагментарны, каких-либо указаний на то, что между 1750 и 1900 гг. в долине нижнего течения Янцзы могло иметь место существенное увеличение объемов производства хлопка, они не содержат. Ожидать его и не следовало бы, поскольку серьезных изменений в производственных технологиях и при отсутствии роста населения значительного увеличения объемов труда не наблюдалось.

Теперь перейдем к Северному Китаю, информация по которому чрезвычайно скудна. При этом тенденции в выращивании тех или иных культур могли колебаться здесь значительно сильнее, чем в других регионах. С одной стороны, Ричардом Краусом выдвигается предположение о том, что на провинции Шаньдун и Хэбэй в 1900 г. приходилось лишь 3 млн му посевных площадей хлопчатника, к 1920-м гг. этот показатель увеличился до 5–6 млн, возрастая в 1930-е гг. и впредь<sup>123</sup>. (Провинции Шаньдун и Хэбэй входят в тройку главных производителей хлопка Северного Китая; каких-либо полезных сведений о третьей провинции, Хэнани, мне обнаружить не удалось.) Вполне вероятно, что данный рост был лишь возвращением к прежним показателям. Нам уже известно, что в период между 1870 и 1900 гг. объемы общенационального производства хлопка упали, а для жителей Северного Китая, претерпевшего в конце XIX в. несколько сильнейших засух, было бы более чем логично снизить площади культивации требующего много воды хлопчатника. Даже показатели по 1920-м гг., приведенные Краусом, едва достигают 3% от общей площади обрабатываемых земель двух провинций.

121. Skinner 1977a: 213; Ho 1959: 244–247.

122. Skinner 1977a: 234–235, 713nn. 30–32.

123. Данные Крауса приведены в: Huang 1985: 128.

С другой же стороны, Чжао Ганем приводятся данные из источника, датированного серединой XVIII в., согласно которому 20–30% обрабатываемых земель в Хэбэе (ранее известному как Чжили) были заняты посевами хлопчатника, что должно было составлять 14–21 млн му в одной только этой провинции<sup>124</sup>. Хотя эти данные и представляются маловероятными, утверждения другого источника о том, что 20–30% сельскохозяйственных угодий провинции к югу от Баодина были заняты хлопчатником, представляются более достоверными<sup>125</sup>. В провинции Чжили это должно было соответствовать 7–15 млн акров в зависимости от того, какие именно территории подразумевались данным источником<sup>126</sup>. Но даже если под хлопчатник было отдано лишь 10% сельскохозяйственных земель Шаньдуна и Чжили, это означает, что им были заняты 17–24 млн му или что данный показатель превышал в 6–8 раз показатель 1900 г.<sup>127</sup> Это также представлял собой и приблизительный показатель площадей, доступных в двух провинциях для выращивания непищевых культур, если применять использованную выше методику оценки других регионов, соглашаясь с неправдоподобно низкими официальными данными по возделываемым площадям и допуская, что потребление еды в расчете на душу населения составляло 2,2 ши в год<sup>128</sup>. Если же вместо этого мы примем утверждение Хуаня о том, что уже в 1750-х гг. площадь возделываемых земель была близка к показателю 1930-х гг., то размеры доступных для непищевых культур угодий увеличиваются уже до 70–90 му в зависимости от того, какой именно показатель потребления пищи мы принимаем — 2,2 или 2,5 ши на душу населения; причем хлопок был самой распространенной непищевой культурой Северного Китая<sup>129</sup>. К тому же есть целый ряд оснований полагать, что в 1750 г. в Северном Китае выращивалось значительно *больше* хлопчатника, чем в 1870 или 1900 г.

124. Chao 1977: 23.

125. Данные из работы Фаня Гуанчэня (Fang Guancheng) приводятся в: Zhang Gang 1985: 99.

126. Более подробную информацию см. в приложении F.

127. Для ознакомления с официальными данными по площади обрабатываемых земель, представляющимися крайне низкими, и их приемлемой корректировкой см.: Huang 1985: 325.

128. Маркс (Marks 1991: 77), применяющий показатели в диапазоне от 1,74 до 2,62 ши на душу населения, использует показатель в 2,17 ши для Линианя, который отличался большим по сравнению с Северным Китаем экономическим благополучием.

129. Более подробную информацию см. в приложении F.

Другие данные подобные предположения подтверждают. В период с 1750 по 1870 г. население Шаньдуна и Чжили/Хэбэя возросло более чем на 40%, а к 1913 г. — на 80%, в то время площади культивируемых земель увеличились в гораздо меньшей степени. Дуайт Перкинс же полагает, что увеличение данных площадей и вовсе не имело места<sup>130</sup>. Мне данное предположение представляется слишком категоричным: например, даже в 1800 г. территории данных провинций, покрытые лесами, возможно, еще значительно превышали площади лесов по состоянию на 1930-е гг. (см. главу 5). При этом даже дискредитированные официальные данные за 1750-е гг. лишь на 4% ниже показателя за 1873 г. и на 45% ниже показателя 1930-х гг. Данный прирост включает в том числе и давно обрабатывавшиеся площади, включенные в объекты налогообложения<sup>131</sup>. В других регионах Китая снижение показателей соотношения между численностью населения и культивируемыми площадями компенсировалось значительным ростом урожайности, достигнутым благодаря использованию больших объемов удобрений (как навоза, так и соевого жмыха), сочетанию большего числа культур и дополнительных объемов труда (например, сверхтщательной прополки). Однако в Северном Китае не выращивались культуры, которые реагировали бы на дополнительные объемы труда столь же впечатляюще, как рис; дополнительные объемы удобрений в основном ограничивались навозом, поскольку более эффективный соевый жмых был и более дорогим, а относительно короткий период полевых работ ограничивал возможности по ротации культур. Кроме того, вполне возможно, что проблемы заболачивания и засоления почв, возникшие в результате изменения русла Хуанхэ в 1853 г., привели к падению урожаев на миллионах акров возделываемых земель в Шаньдуне и на востоке Хэнаня<sup>132</sup>. Вполне вероятно, что в период между 1750 и 1870, 1900 или даже 1930 гг. объемы требовавшегося Северному Китаю продовольствия росли *гораздо* быстрее, чем площади возделываемых земель.

Таким образом, представляется достаточно вероятным, что объемы производства хлопка в Северном Китае значительно упали, как это произошло в Сычуане и Шэньси, в то время как показатель по региону нижнего течения Янцзы остался примерно

130. Perkins 1969: 233–234.

131. Huang 1985: 326–327.

132. Хуанем (Huang 1985: 53–69) рассматриваются многочисленные проблемы, связанные с почвами.

тем же. Рост производства был отмечен лишь в регионе среднего течения Янцзы и (предположительно) Хэнане — двух менее значимых районах производства хлопка. Из этого должно следовать, что в 1750 г. общие объемы производства хлопка в Китае были по крайней мере такими же, как в 1870 г., и точно не ниже показателя 1900 г.

Если мы возьмем наименьший показатель (за 1900 г.), вычтем хлопок, использовавшийся в качестве набивочного материала, и разделим на наименьший показатель численности населения (170–225 млн человек) за 1750 г., то получим средний показатель потребления на душу населения примерно в 6,2 фунта; использование же показателя за 1870 г. дает уже почти 8,0 фунта на человека. Насколько это сопоставимо с данными по Европе? Объединенный показатель по хлопчатобумажным, шерстяным и льняным тканям за 1800 г. составляет для Британии, включая Ирландию, 8,7 фунта на душу населения<sup>133</sup>. Французский показатель производства льняной ткани составлял в 1780-х гг. примерно 6,9 фунта на душу населения, а хлопчатобумажной — ничтожные 0,3 фунта<sup>134</sup>. Данные по шерстяной ткани существуют лишь в такой форме исчисления, как квадратные ярды, но не фунты, а точность перевода величин, разумеется, зависит от типа ткани; при этом 1,2 фунта на душу населения считается вполне достоверным показателем для конца XVIII в.<sup>135</sup> Таким образом, представляется вероятным, что во Франции накануне революции объемы производства текстильных тканей из расчета на душу населения несколько превышали верхний предел наших взвешенных расчетов по Китаю и на треть — нижний. Показатели по Германии значительно ниже: объемы производства шерстяной ткани составляли в 1816 г. лишь 1,1 фунта на душу населения, хлопчатобумажной в 1838 г. — всего лишь 0,6 фунта, а льняной в 1850 г. — примерно 3,3 фунта, что дает общий показатель в размере 5 фунтов текстиля на душу населения<sup>136</sup>. Благодаря импорту английских тканей показатель потребления в Германии превышал показатель производства; при этом представляется вероятным,

133. Расчеты на основе данных из: Deane and Cole 1962: 51, 185, 196, 202.

134. Mitchell 1980: 30, 449, 478.

135. Согласно данным Markovitch 1976: 459; информация по показателям на с. 497. Для перевода в фунты мною был использован показатель веса грубой хлопчатобумажной ткани, приведенный в: Chao 1977: 234, и замечание из: Jenkins and Ponting 1977: 11–12 о том, что шерстяная нить весила в 1,5 раза больше хлопчатобумажной нити той же длины и толщины.

136. Mitchell 1980: 30, 449, 478.

что в начале XIX в. в потреблении тканей жители Германии — вряд ли беднейшие среди европейцев — уступали показателю по Китаю (при сравнении с усредненными данными по всей империи) 75-летней давности.

Таким образом, в середине и конце XVIII в. потребление текстиля в Китае было вполне сопоставимо с показателями по Европе. Более того, отдельные свидетельства указывают на то, что даже крестьяне приобретали многочисленные товары, не относившиеся к категории продовольственных. При этом как разнообразие, так и количество товаров увеличивалось по крайней мере в XVI–XVIII вв. Так, в ряде документов из долины нижнего течения Янцзы упоминаются такие факты, как заклад мелкими землевладельцами и арендаторами золотых и серебряных заколок своих жен для получения денежных средств на финансирование шелководства<sup>137</sup>. Критические повествования о популярных религиозных культах, включая свидетельства из очень бедных сельских районов, сообщают о чрезмерно броских одеждах, макияже и драгоценностях, в которых на данных празднествах присутствовали даже крестьянки<sup>138</sup>. Процветающим бизнесом было и паломничество. Число паломников на одну только гору Тайшань составляло к началу XVII в. почти миллион человек в год, при том что какие-либо крупные города в данной местности отсутствовали. «Пакеты туров», все расходы по которым оплачивались по фиксированной ставке, предлагались даже в отсталых сельских районах к всеобщему неудовольствию моралистов из слоев социальной элиты<sup>139</sup>. Между тем те самые представители сельской знати, которые осуждали религиозные паломничества, сами не гнушались все более частыми поездками не только с деловыми, но и с образовательными и развлекательными целями. Как указывает Тимоти Брук: «Путешествия стали частью проекта культурного обогащения сельской знати»<sup>140</sup>.

Одновременный бум развития коммерческих предприятий общественного питания дотянулся даже до городов, где организовывались сельские базары, по крайней мере в Дельте Янцзы. В одном из источников начала XIX в. говорится о городе, насчитывавшем «несколько тысяч домохозяйств», 45 винных заведений и более 90 чайных, и о трех других близлежащих городах,

137. По данным Pan 1994: 85.

138. Hongmou 1962: 68:5a–6a.

139. Dudbridge 1991: 226–252; Pomeranz 1997a: 188–191; Peiyi 1992: 39–64.

140. Brook 1998: 181.

в которых располагались 40, 65 и 80 чайных заведений соответственно. Посетители, среди которых были как горожане, так и жители близлежащих деревень, появлялись в них с целью справиться о ценах, полюбоваться представлениями и сыграть в азартные игры, то есть ради коммерческих развлечений, коммерческого потребления пищи и собственно коммерции<sup>141</sup>.

На XVI–XVIII вв. пришелся также бум печати религиозных текстов, медицинских руководств и альманахов, написанных упрощенным языком и предназначенных для простолюдинов. Примерно в 1600 г. миссионер Маттео Риччи писал, что в Китае книги были дешевле и более доступны населению, чем в Европе<sup>142</sup>. В то время как в Китае владельцы книг, вероятно, встречались реже, чем владельцы экземпляров Библии, у которой было такое ценовое преимущество, как подвижной шрифт для буквенных алфавитов, XVII и XVIII столетий, их количество все же является подтверждением высокого и продолжавшего увеличиваться спроса на книги со стороны населения.

Вполне вероятно, что жилищные условия были одной из тех областей, где отставание от Европы и Китая, и Японии было наиболее выраженным. Как мы видели выше, Эрик Джонс приводит жилищные условия в качестве одного из ключевых показателей европейского благополучия. Тем не менее вполне вероятно, что в период до 1800 г. в таком вопросе, как качество жилищных условий и обеспеченность предметами домашнего обихода, Китай отставал от Европы лишь в незначительной мере. В XVI–XVIII вв. города Китая впечатляли европейцев столь же сильно, как и их предшественников, огромными общественными зданиями и монументами, прежде всего в Пекине и крупных городах нижнего течения Янцзы. Те немногочисленные европейцы, которые посещали другие места, также были поражены великолепием домов богатейших граждан: Галеоте Перейра и Гаспар да Круз, которые после событий, произошедших в 1560-х гг. близ Кантона, оказались в ссылке в отдаленной провинции Юньнань, отмечали роскошь резиденций, в которых проживали принцы императорского дома в Гуйлине<sup>143</sup>. При этом роскошные резиденции встречались и в Индии, на Ближнем Востоке и в Восточной Европе. Соответственно для нас прежде всего интересны свидетельства

141. Fan 1990: 279–281.

142. По данным Rawski 1985: 17.

143. Pereira 1953: 40; Cruz 1953: 109.

да Круза, описывавшего дома китайцев, не относившихся к весьма немногочисленной прослойке знати, ученым или сельской аристократии, особенно по причине того, что да Круз никогда не был ни в долине Янцзы, ни в столичной регионе.

Во-первых, да Круз отмечает, что здания в Кантоне (Гуанчжоу) «сильно уступают» зданиям прочих китайских городов, даже небольших<sup>144</sup>, после чего переходит к описанию домов должностных лиц, применительно к которым он использует термин «великолепные»<sup>145</sup>. Далее он продолжает: «Дома [городских] престолюдинов снаружи ничем особым не примечательны, однако внутри есть чем полюбоваться». Да Круз был высокого мнения о каменной кладке, великолепной древесине и красильных материалах, особенно об «огромных шкафах тонкой работы, занимающих в доме всю фасадную стену»<sup>146</sup>. Большой интерес представляет его описание домов богатых землевладельцев, не относящихся, судя по всему, ни к сельской аристократии, ни к купцам в сельских местностях юга и юго-запада Китая:

В не имеющих укреплений деревнях располагаются и дома богатых землевладельцев, которые издалика (в то время как прочие дома скрыты тенистыми рощами) именно благодаря произрастающим у них рощам можно принять за сельские усадьбы Португалии, величественные и высокие... Дома эти очень высоки — в три либо четыре этажа. Черепичная крыша не видна, поскольку стены, отличающиеся красивой отделкой, поднимаются выше ее скатов, а дождевая вода отводится через выступающие сточные желоба. Дома эти представляют собой цитадели, к которым ведут великолепные и величественные входные арки из каменной кладки... Войдя в первый из домов (крупный по размерам), встречаешься с огромными шкафами отличной работы и резьбы, хотя отличаются они не столько красотой, сколько крепостью и долговечностью. В дополнение к шкафам имеются красивые, выполненные из очень крепкого дерева стулья с доходящими до плеча спинками. Мебель их пользуется отличной репутацией и отличается долговечностью, переходя по наследству сыновьям и внукам<sup>147</sup>.

144. Cruz 1953: 92.

145. Ibid., p. 96–97.

146. Ibid., p. 99.

147. Ibid., p. 106.

Конечно, судя по описанию, данным домам была характерна меньшая роскошь и следование тенденциям моды, чем домам торговых магнатов в Янчжоу, Сурате, Осаке или Амстердаме или домам знати в Пекине, Дели, Эдо и Париже. Вполне вероятно, они не могли соперничать и с карабкающимися по социальной лестнице землевладельцами из долины нижнего течения Янцзы, читавшими «Советы домохозяину» и прочие руководства по воспитанию тонкого вкуса. Однако в качестве домов представителей тех, кого мы могли бы назвать верхней прослойкой сельского среднего класса, чем по-настоящему высшим классом, они позволяют говорить о значительности рынка высококачественных товаров даже в сельских местностях, располагавшихся вдали от основных экономических центров<sup>148</sup> и в самых отсталых макрорегионах Китая. Следовательно, такие землевладельцы скорее напоминают, чем не напоминают, состоятельных фермеров Фрисландии из исследования де Фриса.

К сожалению, самый ранний из опросов, предпринятых с целью выяснить, что именно находилось в собственности крестьян всех уровней финансового благосостояния и всех регионов, датируется лишь 1920-ми гг.—он был проведен Джоном Баком и его коллегами. Более того, данному опросу свойствен ряд серьезных недостатков, среди которых можно отметить чрезмерное представительство зажиточных земледельцев<sup>149</sup> и то, что опрос почти ничего не может поведать нам о *качестве* имущества крестьян относительно его количества. Тем не менее опрос этот представляет определенный интерес.

В опросе участвовало более 30 тыс. крестьянских семей всех регионов Китая. Кроме того что опрос не был проведен ранее, оказывается не столь существенной проблемой, какой видится поначалу. Скорее всего, уровень жизни китайской деревни в 1800–1850 гг. вырос не слишком сильно, если и вовсе вырос. На последующие 25 лет пришлось четыре крупные гражданские войны, масштабные наводнения, засухи и прочие катастрофы.

148. Обратите внимание, что описываемые дома располагались в деревнях, а не в торговых городах или укрепленных окружных центрах, в которые к XVI в. началось переселение землевладельцев из наиболее коммерчески развитых регионах страны. Более того, да Круз подчеркивает, что речь идет о районах, где особенно остро стояла проблема разбоев, как правило менее развитых в экономическом отношении частях сельской местности.

149. Эшерик (Esherick 1981) и Стросс (Stross 1985) представляют нашему вниманию два полезных, хотя и отличных взгляда на несовершенство данных Джона Бака.

Число жертв данных бедствий, возможно, составило до 50 млн человек. Вполне вероятно, что в последней четверти XIX в. и в начале XX в. численность населения Китая вновь достигла уровня 1850 г., а экономика не только восстановилась, но и начала проявлять тенденцию к росту, однако ничего более существенного достигнуто не было. Реконструкция ряда типичных бюджетов указывает на то, что в 1920–30-х гг. крестьяне Северного Китая и долины нижнего течения Янцзы жили хуже, чем их предки в 1750-х гг.<sup>150</sup> Наша реконструкция потребления тканей, чая и сахара из расчета на душу населения также указывает на снижение уровня жизни по крайней мере некоторых многочисленных групп населения. Другое исследование позволяет говорить о том, что землевладельцы из долины нижнего течения Янцзы получали в 1937 г. гораздо меньший доход от сдачи в аренду земли, чем в 1840 г.<sup>151</sup>, а в 1840 г. — меньший по сравнению с концом XVIII в. Соответственно, есть немалые основания предполагать, что сельские жители XVIII в. имели многое из того, чем владели их потомки в 1920-х гг.

Большая часть данных в опросе Бака касается мебели. Можно почти наверняка утверждать, что в период между XVIII и XX вв. стоимость мебели относительно прочих предметов потребления увеличилась, поскольку древесина стала гораздо более редким товаром. Приблизительные оценки говорят о том, что в 1937 г. показатель лесных площадей из расчета на душу населения составлял лишь 6–8% от показателя 1700 г.<sup>152</sup> Таким образом, представляется маловероятным, чтобы количество ежегодно покупаемой жителями Китая мебели увеличилось в указанный период или даже в более короткий период с 1800 г., даже если незначительное повышение общего уровня жизни и имело место. Между тем в результате катастрофических разрушений середины XIX в. значительная часть предметов мебели, накопленных в предыдущие десятилетия, исчезла.

Данные Бака представлены в виде средних показателей по восьми климатическим регионам, усредненных далее по двум огромным территориям, в которые объединены различные части

150. См., например: Рап 1994: 325–226, 382–83, 394–397.

151. Bernhardt 1992: 50–52, 135–136, 219–223.

152. На основе данных по площадям лесных массивов из публикации Линя (Ling 1983: 34–35) и показателей численности населения в 1700 и 1937 гг.: 100–120 и 450–500 млн человек соответственно. Более подробно вопросы снижения лесных площадей и тенденции, касающиеся пригодной для заготовки древесины, рассматриваются в главе 5.

ТАБЛИЦА 3.2  
Среднее количество товаров  
из расчета на одно домохозяйство сельской местности

|         | <i>Китай:<br/>районы<br/>культивации<br/>пшеницы</i> | <i>Китай:<br/>районы<br/>культивации<br/>риса</i> | <i>Фрисландия:<br/>внутренние<br/>районы</i> | <i>Фрисландия:<br/>побережье</i> |
|---------|--|---|--|----------------------------------|
| Стол    | 4,1  | 4,6   | 1,3  | 2,6                              |
| Лавка   | 4,0  | 12,0  | 2,5  | 4,3                              |
| Стул    | 2,1  | 4,0   | 6,7  | 13,5                             |
| Зеркало | 0,4  | 0,3   | 1,0  | 1,2                              |
| Кровать | 3,4  | 4,1   | 3,3  | 5,2                              |
| Сундук  | 2,2  | 2,7   | 1,0  | 1,2                              |

страны в зависимости от их специализации в выращивании пшеницы или риса, что примерно соответствует делению Китая на две части к северу и к югу от реки Хуайхэ. В табл. 3.2 данные Бака сравниваются с данными (за XVII в.) де Фриса по трем фрисландским деревням (одной из внутренних районов провинции и двум прибрежным); в таблицу включены все категории, по которым данные представлены и Баком, и де Фрисом<sup>153</sup>.

Придавать слишком большого значения данным цифрам не стоит. Значительная часть мебели, которой владели голландцы, была весьма изысканного исполнения<sup>154</sup>, в то время как многие из предметов мебели в домах китайцев были, скорее всего, достаточно грубой работы: лишь 36% из них были обработаны краской<sup>155</sup>. В данном сравнении мы не можем учитывать размеры и сложность структуры домохозяйств, хотя представляется маловероятным, чтобы они сильно повлияли на результаты сравнения в ту или иную сторону<sup>156</sup>. И разумеется, нужно иметь

153. de Vries 1975: table 6–16; Buck 1937: 456.

154. de Vries 1975: 220–224; Schama 1988: 311, 316–320.

155. Buck 1937: 457.

156. Средний размер китайских домохозяйств составлял 5,5 человека в районах преимущественного выращивания пшеницы, и 5,2 — в районах преимущественного выращивания риса (Buck 1937: 370). Де Фрис со своей стороны какой-либо информации по размерам домохозяйств Фрисландии не приводит, однако можно предполагать, что, исходя из имеющихся у нас общих демографических данных, в среднем они были теми же, что и у китайских домохозяйств, или же превышали их. С другой стороны, структура домохозяйств Северной Европы отличалась меньшей сложностью

в виду, что эти данные отражают в себе лишь часть предметов потребления, которыми владели домохозяйства. Тем не менее они должны помочь нам избавиться от стереотипа об аскетичной жизни китайских крестьян, противопоставляемых европейцам, дома которых якобы были набиты новыми товарами.

В Японии последствия социально-экономических изменений в начале эпохи Мэйдзи были столь значительными, что рассмотрение более ранних периодов с помощью данных по концу XIX в. не представляется возможным. Тем не менее в нашем распоряжении есть данные исследования 29 деревень позднего периода Эдо, которые позволяют говорить о том, что не менее 20% доходов *крестьянских* домохозяйств охваченного исследованием региона могли использоваться для накопления или приобретения любых товаров, не относившихся к предметам первой необходимости; согласно другому исследованию, данный показатель мог быть еще выше<sup>157</sup>. И к концу XVIII в. в японских деревнях отмечаются случаи приобретения жителями мебели, лекарств и прочих привезенных издалека специализированных предметов роскоши, в то время как в деревенских магазинах продается множество готовых к употреблению духов, масел для волос и благовоний, а также бумага<sup>158</sup>. В указах XVIII в., призванных ограничить потребление предметов роскоши, содержится критика крестьян, которые слишком хорошо питаются, пользуются дорогостоящими изделиями из дерева специализированного назначения, а также излишне нарядными одеждами, зонтиками и изделиями из золота, слоновой кости и серебра<sup>159</sup>. Описание одного из деревенских магазинов начала XIX в. говорит нам о том, что в нем продавались разнообразные письменные принадлежности, столовая и кухонная посуда, табачные изделия и «прочие товары повседневного пользования»<sup>160</sup>.

---

по сравнению с домохозяйствами Китая, то есть они редко когда включали в свой состав кого-то, кроме собственно семейной пары и их детей. Поскольку члены домохозяйства, не являвшиеся членами основной семьи, могли желать спать отдельно и иметь ряд собственных предметов потребления, такой вариант должен был бы компенсировать собой эффект, достигаемый наличием более многочисленного домохозяйства.

157. См. выводы в публикации: Hanley and Yamamura 1977: 357–358. Информацию по общему росту реальных доходов и сглаживанию различий между регионами и в профессиональных навыках см. в: Nishikawa 1978: 76–79 и Saito 1978: 85, 93, 99.

158. Hanley 1983: 190.

159. Все источники цитируются в: Hanley and Yamamura 1977: 88–89.

160. Croucher 1965: 41.

Имеющиеся у нас свидетельства о распределении доходов в Индии позволяют говорить о том, что там ситуация отличалась гораздо большей неравномерностью (и соответственно в большей степени ограничивала потребление в среде низших слоев населения) по сравнению с Китаем, Японией или Западной Европой. В одном из исследований земельных налогов за 1647 г. (эпоха правления Великих Моголов) делается вывод о том, на 445 семей приходилось 61,5% всей прибыли, что составляло примерно 50% валовых объемов сельскохозяйственного производства, а около четверти прибыли, получаемой данными семьями, составляло их личный доход. (Остальное шло на покрытие разнообразных издержек, связанных с содержанием и культивацией земельных угодий<sup>161</sup>.) Если это действительно так, то можно говорить о том, что эти 445 семей, составлявшие, возможно, менее 0,002% населения, получали только с одних своих земельных угодий доход, равный 7,5% стоимости общих объемов сельхозпроизводства или, вполне вероятно, 6% от общего дохода индийского общества!<sup>162</sup> Расчеты, основанные на проведенной Шайрин Моосви реконструкции ситуации 1595 г.<sup>163</sup>, дают схожие результаты. Согласно им, чистый личный доход 1671 представителя знати эпохи Великих Моголов, получаемый ими за счет одной только государственной прибыли, мог равняться примерно 7% от объемов производимой во всей империи продукции. Хотя достоверность источников, которые Моосви использовала в своем исследовании, подвергается сомнению и ее расчеты могут сильно отличаться от реальной картины, они все же достаточны для подтверждения наших предположений. И в то время как ряд европейцев, посетивших Китай, отмечали отсутствие там проявлений крайней нужды, европейцы, оказавшиеся в Индии, были поражены неимоверными богатствами и необычайной бедностью ее населения<sup>164</sup>. В связи с этим нет ничего удивительного, что в своем рассмотрении спроса на предметы роскоши в Индии Бейли обращается почти исключительно к спросу со стороны *аристократии*<sup>165</sup>. Предлагаемый Хабибом показатель объемов

161. Raychaudhuri 1982c: 266.

162. Моосви (Moosvi 1987: 303–304) полагает, что в 1595 г. на городские районы могло приходиться 17% общей чистой продукции империи Великих Моголов: использованный метод не отличается достаточной точностью, однако преследуемым целям вполне удовлетворяет.

163. Moosvi 1987: 108, 129, 131, 221, 278.

164. Hambly 1982: 440.

165. Bayly 1983: 201–206.

производства шелка (3–4 млн фунтов) в империи Великих Моголов середины XVII в.<sup>166</sup>, составляющий менее  $1/15$  рассчитанного нами показателя производства шелка в Китае середины XVIII в., также позволяет говорить о наличии достаточно узкого для столь огромной империи рынка, хотя объемы продукции в самом Китае в 1650 г. должны были быть гораздо ниже показателя за 1750 г.

Слишком сильно полагаться в своих сравнениях на какой-либо один товар или на объемы доходов, получаемых немногочисленной элитой, достаточно рискованно. Более того, в недавней своей публикации Прасаннан Партасарати приходит к противоречивому выводу, согласно которому индийские трудящиеся были не такими уж бедными и могли сталкиваться с меньшими трудностями при договоре о выгодных им условиях работы, чем работники в Британии<sup>167</sup>. Подобный вариант означает, что распределение доходов в Индии отличалось как высокой их концентрацией на самом верху общества, так и относительной адекватностью внизу, а средние слои представляли собой группу, чья доля дохода и потребления отставала от соответствующих показателей по Китаю, Японии и Западной Европе. Однако, несмотря на новые свидетельства, представляется несколько преждевременным говорить о пересмотре показателей потребления низших слоев общества в сторону повышения и об их сравнимости с показателями по другим странам и регионам.

Все большее число жителей Индии занимались производством товарных культур и изделий, которые зачастую у них попросту изымались. Соответственно, рост производства товаров потребления не обязательно означал усиление участия крестьян в рыночных процессах. Бойкая торговля правами на насильственное изъятие у крестьян различных выплат и товаров в конечном счете зависела от возможности реализации данных прав, препятствовавших участию в рыночных процессах собственно крестьян<sup>168</sup>.

Некоторым из находившихся в подчиненном положении групп индийского общества удавалось избежать или добиться пересмотра своих обязательств благодаря спросу на их труд. На протяжении значительной части XVIII в. спрос на труд в целом оставался высоким, а государство не препятствовало населению в переезде в другую местность, смене занятий и прочих схо-

166. Habib 1982b: 224.

167. Parthasarathi 1998: 82–101.

168. Perlin 1978: 183–184, 188; Perlin 1985: 440–443, 448n 83, 452; Bayly 1983: 195.

жих действий (в отличие от ситуации в других регионах мира, в частности в Европе)<sup>169</sup>. Так, касты, занятые обработкой неорошаемых земель или видами деятельности, пользующимися спросом на засушливых территориях (например, рытьем колодцев), имели больше возможностей по переезду в другие местности, поскольку таких земель было несравненно больше, чем земель со сложными ирригационными системами, а монополизировать их представлялось более сложной задачей. Более того, поскольку представители каст, связанных с обработкой неорошаемых земель, часто мигрировали группами, формируя более или менее независимые однокастовые общины, смена вида деятельности в их рамках была делом не сложным. Однако в других случаях, особенно когда речь шла о территориях, не испытывавших недостатка водных ресурсов, ограничения как на переезд в другую местность, так и на смену занятий не ослабевали, а неравенство между экономической властью землевладельцев и экономическими возможностями арендаторов так и оставалось огромным<sup>170</sup>. Если различия между ситуациями в сухих и влажных климатических зонах, вывод о которых Ладден делает на основе одного из регионов Южной Индии, верны и в более широком плане, то тем частям страны, где производились наибольшие излишки продукции, также было свойственно наиболее неравномерное распределение доходов и соответственно относительно слабое участие в рынке товаров, не относящихся к категории предметов первой необходимости. При этом даже те из находившихся в подчиненном положении групп, которым миграция помогла улучшить свое положение, могли быть в меньшей степени склонны к накоплению предметов потребления, чем схожие группы из других местностей, способные добиваться улучшения своего положения, не прибегая для этого к миграции.

Так, последние исследования показывают, что в XV–XVIII вв. прослойку городского населения Индии, способную приобретать товары, не относившиеся к предметам первой необходимости, составляли не только аристократы, но и возрастающее число служащих, мелких и средних торговцев и представителей прочих профессий<sup>171</sup>. И по крайней мере уже к 1820-м гг. серебряные украшения и денежные накопления были довольно привычным

169. Parthasarathi 1998: 92–96, 99–101.

170. Ludden 1985: 46–52, 59–67, 81–96.

171. Bayly 1983: 194, 370–371, 466–467; Perlin 1978: 191.

явлением даже в среде крестьян<sup>172</sup>. Тем не менее по-прежнему существуют основания полагать, что число участников данных рынков в Индии было значительно более низким, чем в Японии, Китае или Западной Европе. Бейли полагает, что в 1850 г. прямые покупки крестьян на городских базарах ограничивались в основном приобретением соли и изделий из железа<sup>173</sup>. Таким образом, даже если роскошь и мода в Индии соответствовали аналогичным понятиям, свойственным Японии, Западной Европе и Китаю, в большей степени, чем я предполагаю в настоящем исследовании, вероятно, что характерные для нее социальные отношения и системы труда ограничивали долю приобщенного к данным феноменам населения. Юго-Восточной Азии данная ситуация была свойственна в рассматриваемый период по крайней мере в той же степени. Возможно, бедность там была не столь выраженной, как в Индии, однако подневольный труд оставался одним из центральных институтов общества<sup>174</sup>.

И в Китае, и в Японии, и в Западной Европе потребительский спрос был феноменом, свойственным разным классам общества. Однако его территориальные проявления представляют собой весьма сложную проблему. Так, мы уже убедились, насколько сильно использование сахара и в Китае, и в Европе зависело от конкретной местности. Население менее развитых в коммерческом плане регионов не только приобретало меньше товаров, но и производило больше продуктов и изделий для собственного потребления. Соответственно, региональные отличия в рыночном спросе были более сильными, чем отличия в уровне жизни. Например, де Фрису удалось выявить четырехкратную разницу в стоимости домохозяйственных товаров между благополучными районами Фрисландии и внутренними территориями провинции, а также огромную разницу в числе специализированных ремесленников. Однако при сравнении с некоторыми другими частями Европы внутренние территории Фрисландии выглядят далеко не бедными<sup>175</sup>. При этом отсталость той или иной территории сказывалась даже на потреблении состоятельных местных граждан, поскольку малые масштабы рынка провоцировали высокие цены и ограничивали набор доступных това-

172. Bayly 1983: 242.

173. Ibid., p. 347; для ознакомления с противоположным мнением см.: Perlin 1985: 468–470.

174. Reid 1988a: 129–136; Reid 1989: 64–71.

175. de Vries 1975: 231 and table 6–16.

ров. Ограниченность спроса за пределами очень богатых местностей представляется весьма значительной. В коммуне Пон-Сент-Пьер даже зажиточные земледельцы начали приобретать напольные и настольные часы лишь после 1750 г.— через 60 лет после того, как данная тенденция проявила себя в среде крестьян Фрисландии. Следует отметить, что коммуна Пон-Сент-Пьер находится в Нормандии — в то время одним из самых богатых сельских регионов Франции, связанном речным путем как с Парижем, так и с морским побережьем<sup>176</sup>. Принимая во внимание подобную вариативность даже в благополучных частях северо-запада Европы, становится понятным, что систематическое сравнение уровней спроса между такими отличающимися гораздо большим внутренним разнообразием единицами, как Китай, Япония и Западная Европа, представляется проблематичным.

Соответственно нижеследующие абзацы преследуют более скромную цель — озвучить предположение о том, что у нас есть мало оснований считать, что в Китае и Японии пропасть между богатыми и бедными регионами была более выраженной, чем в Европе.

Вполне вероятно, что разница показателей спроса между отдельными районами Японии была менее выраженной, чем между отдельными районами Европы. Япония, конечно, меньше Китая или Европы, и значительная часть ее территории имеет доступ к прибрежным торговым путям. Начиная с середины XVII в. каждый даймё был вынужден проводить примерно по шесть месяцев в году при дворе сёгуна в Эдо в сопровождении многочисленных членов семьи и свиты, что способствовало распространению новых вкусов по крайней мере среди элиты. А поскольку каждый даймё содержал собственный двор в своем укрепленном городе в отличие, скажем, от представителей французской знати, которые редко проживали в подобных «декоративных резиденциях», для знати на местах это был шанс ознакомиться с новыми веяниями двора сёгуна и перенять их. Более того, дорожная сеть, построенная для путешествий семей высшей знати в Эдо и обратно, обслуживала и других граждан, способствуя появлению по крайней мере зачатков общенациональных рынков для множества товаров. Сглаживание отличий между более и менее развитыми частями Японии наметилось еще по крайней мере в середине XVIII в., а в дальнейшем этот процесс продолжился<sup>177</sup>.

176. Dewald 1987: 72; de Vries 1975: tables 6–8 to 6–10.

177. Saito 1978: 99.

С ситуацией в Китае все гораздо сложнее. Здесь (как мы удостоверимся в главе 6) различия в уровне доходов между наиболее развитыми регионами и промежуточной группой развивающихся территорий, возможно, также несколько сгладились в период между 1750 и 1850 гг., однако при этом представляется весьма вероятным, что отставание беднейших регионов только усилилось. Тем не менее маловероятно, чтобы разрыв между регионами Китая увеличивался столь же стремительно, как и между экономически более развитым северо-западом Европы и остальной ее территориями.

При этом распространенности спроса на предметы роскоши могли быть свойственны большие перекосы, чем распределению доходов. Так, Крейг Клунас предполагает, что новый интерес к «излишним вещам» был свойствен главным образом долине нижнего течения Янцзы, где и были написаны руководства по вопросам потребления предметов роскоши<sup>178</sup>. К тому же в Китае не было большого числа королевских дворов, выполнявших роль аванпостов мира моды даже в относительно бедных частях Европы, хотя во времена правления династии Мин в Китае было несколько дворов принцев императорского дома.

С другой стороны, то, что все эти руководства по потреблению предметов роскоши были написаны в долине нижнего течения Янцзы, дает нам меньше информации, чем подобная литература дала бы применительно к Европе. Поскольку население Китая пользовалось одним и тем же литературным языком, книги эти, подобно, например, книгам, публикуемым в Цзяннане, скорее всего, попадали и в другие регионы. Поскольку китайские торговцы и чиновники часто путешествовали, а в среде отличавшихся амбициями лиц было принято уезжать из родных мест<sup>179</sup>, распространение вкусов, касающихся предметов роскоши, должно было быть быстрым и широким. Тимоти Брук утверждает, что, хотя в 1560-х гг. еще можно было найти сельскую аристократию, не подпавшую под влияние «модного круга», где доминировал Цзяннань, столетие спустя подобное было бы практически невозможным<sup>180</sup>.

Сомнений в том, что вкусы распространялись от Цзяннаня до Пекина и обратно достаточно быстро, нет. В XVIII в. одним из чиновников г. Фучжоу, что на юго-восточном побережье стра-

178. Clunas 1999: 173.

179. Более подробные разъяснения см. в: Skinner 1971, 1976.

180. Brook 1998: 221–222.

ны, было высказано мнение о том, что стиль жизни элиты данного города не уступал в роскоши богатейшим городам Долины Янцзы<sup>181</sup>. Кантон, главный город макрорегиона Линнань, среди прочего рассматривался в качестве одного из мест производства изысканной мебели, которую стремились приобретать в том числе и представители высших кругов, проживавшие в сотнях миль от него<sup>182</sup>. Место действия датируемого XVII в. романа «Золотой лотос», в котором подробнейшим образом описываются невероятно разнообразные и дорогостоящие яства, мебель, одежды, предметы декора и даже новинки для занятий сексом, размещается в Линьцине, среднем по размеру городе Северного Китая. (В 1843 г. десятый по численности населения город в этом в целом сельскохозяйственном макрорегионе<sup>183</sup>, хотя возможно, что в XVII в. он занимал гораздо более высокое положение в табели о рангах городов.) Данный роман также знакомит нас с очевидными примерами правления «вкуса», посредством которого старая элита оборонялась от наступления нового мира потребительства. Главный герой романа, торговец, постоянно мешает сам себе, виной чему его потребительские привычки, которые рассмотренные Клунасом пособия определяют как вульгарные.

Действие менее известного романа XVII в. «Брак, пробудивший мир» разворачивается в Учэне, совершенно ничем не примечательном уездном центре Северного Китая. Однако уже в первых четырех довольно коротких главах герой, отец которого неожиданно разбогател, приобретает несколько кроватей с пологами из полупрозрачной ткани и шелковыми покрывалами, большое количество одежды из расшитой шелковой и дамастной ткани, палочки для еды из слоновой кости, резные чашки с глазурью и внутренней поверхностью из серебра, обувь из парчи и кожи ягненка, декоративные мечи и ножи, дорогие портьеры, стеганные одеяла, экстравагантные украшения, покрытый золотой глазурью письменный стол, книги, золотые веера, носки из дамастной ткани и большое число лекарств и афродизиаков, изготовленных из дефицитных ингредиентов<sup>184</sup>. Это описание — пример неумеренности. Все эти товары вполне могли быть приобретены в достаточно короткий промежуток времени в городке с населением 2–3 тыс. человек, который точно не входил в число

181. Qiyuan 1962: 36:21a.

182. Clunas 1988: 66–68.

183. Skinner 1977a: 238.

184. Nyren 1995: 8, 11, 17, 18, 23–24, 46–47.

500 крупнейших городов империи<sup>185</sup>. При рассмотрении вопросов жилья мы столкнулись с проявлениями того, что можно было бы назвать роскошью среднего класса даже в юго-западном, одном из двух беднейших макрорегионов Китая. Среднестатистические же данные по находившейся в частной собственности мебели представлены в приведенной ранее таблице.

Что касается Европы, то мы уже обратились к ряду примеров, демонстрирующих, насколько неравномерным было распределение новых товаров длительного пользования в таких относительно благополучных регионах, как Северная Франция и Голландия. То же можно сказать и применительно к ситуации с более дешевыми предметами роскоши. Как мы уже удостоверились, в континентальной Европе стабильный и стремительный рост показателей потребления сахара из расчета на душу населения произошел лишь после 1830 г. в результате резкого падения цен<sup>186</sup>. Во многих частях сельской Франции кофе оставался достаточно элитным продуктом, и его подносили в качестве подарка вплоть до XX в.<sup>187</sup> Даже в Англии потребление табака, чая и сахара трудящимися вряд ли было значительным вплоть до 1840-х гг.; во всяком случае нет никаких сомнений в том, что общее потребление во второй половине XIX в. росло гораздо быстрее, чем до него<sup>188</sup>. То, что в начале XIX в. английские бедняки покупали больше спиртных напитков, одежды и печатных изделий, чем одним-двумя годами ранее, сомнений не вызывает; приобретали они и табак. Однако может ли это в необходимой мере служить подтверждением того, что стремление к приобретению новых товаров было достаточным, чтобы изменить старые трудовые привычки? Или же данное потребление следует рассматривать в качестве компенсирующего феномена — нового способа обозначения общественного бытия, приобретающего (за неимением лучшего) большую значимость по мере того, как изменения, навязываемые

185. В 1843 г. в Китае насчитывалось 1653 города с населением более 2000 человек (Skinner 1977a: 229), и хотя население к этому времени сильно выросло, доля проживающих в городах — нет.

186. Данных по общеевропейскому показателю потребления сахара мне обнаружить не удалось, однако вывод о значительном его росте в середине столетия можно сделать на основе данных по объемам производства продукта. Митчелл (Mitchell 1993: 51) указывает на резкий рост производства сахара в Бразилии, которому сопутствовало появление сахарной свеклы на большей территории континентальной Европы в 1850–70-е гг. (Ibid., p. 255–312).

187. Weber 1976: 143.

188. Мокуг 1988: 74–75, 79–90.

трудящимся преобразующимися производственными системами, привели к ослаблению прежних притязаний и прежнего самосознания, а прежние «статусные» товары, такие как мясо, стали более редкими?<sup>189</sup> А поскольку значительно более бедные и в гораздо меньшей степени вовлеченные в рыночные процессы низшие классы, скажем, Италии, Португалии и Ирландии, не говоря уже о миллионах крепостных крестьян Восточной Европы, были в существенно меньшей мере частью нового потребительского общества, нам не следует придавать слишком большое значение неравномерности распространения новых товаров на еще большей по площади территории Китая.

### Экзотические товары и стремительность моды: мировая конъюнктура и появление экономических различий, вызванных отличиями культурного характера

Несмотря на большую схожесть накопления фактических товаров в Западной Европе, Китае и Японии, им были свойственны и любопытные отличия. Рост и трансформация потребления в Европе происходили, судя по всему, как в периоды роста реальных доходов, так и в периоды их падения, особенно ускорившись в середине XVIII в. Схожим тенденциям в Китае и Японии непрерывное ускорение оказалось несвойственно. Так, Клунас отмечает, что как только (примерно к 1683 г.) на троне Китая утвердилась новая династия Цин и представителей элит вновь стали приглашать на государственную службу, которую в период поздней династии Мин они старались избегать, число новых публикаций о потреблении предметов роскоши резко сократилось. Клунас полагает, что с восстановлением прежних способов определения ранга человека и его принадлежности к определенным кругам «разговоры о вещах стали излишними», а развитие «потребительского общества» приостановилось, так и не достигнув «критической массы»<sup>190</sup>.

Китайские тексты, датируемые XVIII в., критикуют роскошь ничуть не меньше текстов XVI и XVII вв., а романы содержат перечни еще большего числа безделушек. Можно предполагать, что

189. См., к примеру, противоречащие друг другу выводы, к которым приходит один из главных специалистов по «плебейской» культуре рассматриваемого периода Ганс Медик: Kriedte, Medick, and Schlumbohm 1981 и Medick 1982.

190. См. также: Brook 1993 и Peterson 1978; Clunas 1991: 169, 173.

если бы в нашем распоряжении были описи имущества, то в среднем количество предметов, представленных в описях, датированных XVIII в., оказалось бы больше по сравнению с перечнями в документах XVI и XVII столетий (что, как мы убедились, не обязательно верно и для Европы). При этом снижение числа новых публикаций по вопросам потребительского вкуса может указывать на замедление скорости, с которой *новые* предметы потребления и моды становились обязательными для лиц с социальными амбициями. В своем монументальном труде, посвященном истории китайского платья, Шэнь Цунвэнь тоже выдвигает подобное предположение: хотя многие новые виды одежды и украшений, зародившиеся в поздний период династии Мин, продолжали распространяться в обществе, где законодателем моды выступали высшие его круги, и в ранний период правления династии Цин<sup>191</sup>, а новой династией в одежду чиновников был внесен ряд изменений, судя по всему, одежда рядовых граждан в эпоху Цин претерпела меньше изменений, чем в эпоху Мин<sup>192</sup>, и гораздо меньше по сравнению с Европой конца XVIII в.<sup>193</sup>

В Европе же мода менялась все быстрее и быстрее, особенно это касалось предметов гардероба. Результаты практически всех исследований европейских и (североамериканских) описей имущества завещателей свидетельствуют о том, что доля потребительских товаров в общей стоимости имущества постепенно *снижалась*. Многие исследования указывают в том числе и на снижение абсолютной стоимости данных товаров. Чтобы увязать результаты данных исследований с многочисленными свидетельствами роста потребительского спроса и *многообразия* приобретаемых товаров в XVI–XVIII вв., представляется практически необходимым заключить, что срок службы различных потребительских товаров снизился и, как следствие, большее число приобретенных в течение жизни товаров не обязательно означало и большее число предметов, которыми в определенный момент времени владело то или иное лицо (что, например, и было отражено в перечнях имущества завещателей).

Почему вдруг снизился срок службы товаров? Некоторые из них, подобно тканям, (относительно) подешевели, что позволяло заменять их на новые гораздо чаще. Ряд новых товаров оказались менее прочными, чем старые (судя по всему, например,

191. Shen 1992: 489.

192. Ibid., p. 488.

193. Staunton 1799: II: 180.

посуда и из стекла и фарфора билась чаще, чем посуда из певтера, олова или дерева)<sup>194</sup>. Однако определенную роль здесь сыграло и следование веяниям моды. В конце концов именно в Европе XVIII в. были приостановлены военные действия для безопасного провоза «деревянной мадмуазели» — манекена из Парижа, который был одет в платье будущего модного сезона и которого возили для показов по различным городам от Санкт-Петербурга до Бостона<sup>195</sup>. Столь великий триумф моды мог означать, что европейский *спрос* на предметы роскоши рос быстрее по сравнению со спросом в Китае и Японии, несмотря на нашу предварительную гипотезу о том, что наборы данных товаров в указанных регионах (а также отношение к ним) менялись весьма схожим образом.

Это позволяет выдвинуть предположение о том, что сравнение уровней расходов на приобретение имущества в Европе и Восточной Азии может выявить большую разницу между двумя регионами, чем сравнение собственно имущества, а это, в свою очередь, ограничивает выводы, которые мы в состоянии сделать по каждому из данных сравнений. Для наших же текущих целей — рассмотреть возможность того, что европейцы с каждым годом приобретали все больше и больше товаров, а потому их «революция трудолюбия» продвинулась несколько дальше, чем в других регионах мира, достаточно проблематично утверждать, что данный показатель является отражением «более высокого уровня жизни». Вместо этого он может отражать лишь разницу во вкусах или наличных материалах<sup>196</sup>. Исходя из результатов

194. de Vries 1993: 101–104.

195. Jones 1981: 113–114.

196. Проблема становится очевидной при расположении товаров в виде континуума — от наименее долговечных (еда и напитки) до потенциально самых долговечных (например, жилых домов). Разумеется, что надлежащим показателем того, насколько хорошо люди едят, является ежегодный *объем* приобретаемых ими продовольственных товаров, поскольку пользу от них можно извлечь лишь посредством их полного обесценивания. Показатели фондов продовольственных товаров, которыми владеют определенные лица в конкретный момент времени, бессмысленны. Если же брать такой показатель, как *фонд* жилья, то именно его наличие и является показателем благосостояния, поскольку люди пользуются данным фондом на ежедневной основе, обесценивая его лишь в незначительной степени. Если бы мы обнаружили, что, скажем, японцы в среднем тратили ежегодно большие суммы на жилье, чем англичане, поскольку их деревянные дома требовали ремонта и замены чаще, чем каменные, было бы совершенно неправильным делать из этого вывод о том, что дома японцев отличались

наших сравнений потребления сахара, чая и одежды, следует помнить, что мы не можем быть уверенными даже в том, что расходы европейцев на товары, не относившиеся к предметам первой необходимости, действительно из года в год возрастали. Однако если именно так все и было, то, несмотря на то что европейцы вовсе не были богаче китайцев и японцев, необходимо понять, что именно обеспечивало необычайно сильный рост потребления товаров европейцами независимо от изменений в экономических циклах, относительных ценах, политической ситуации и т. п. — не был ли он обусловлен именно упомянутым социально обусловленным обесцениванием?

Почему разница в скорости, с которой еще годные для использования товары отправлялись в утиль (или в чулан), вообще проявлялась? Некоторые подсказки дает сравнительная социальная история. Как для Китая, так и для Японии и Западной Европы XVII в. явился периодом невероятной политической и социальной нестабильности, однако пришедшие в середине указанного столетия к власти династии Цин и Токугава, возможно, обеспечили Китаю и Японии большую стабильность в XVIII в., чем та, что выпала Западной Европы. Конечно, для главных стран Европы, особенно Британии, где «новое потребительство» было

---

от европейских в лучшую сторону. Но что нам делать с теми предметами, которые расположены в указанном континууме между буханками хлеба и домами, — речь идет о товарах от одежды до мебели, особенно если их устаревание зависит от моды в той же мере, что и от физического изнашивания? В целом мы принимаем современную точку зрения на то, что данные товары имеют в силу самой своей природы недолгий срок службы и соответственно рассчитываем ежегодный объем их производства (или приобретения) без того, чтобы вычитать из общенационального дохода показатель их обесценивания. Однако во многих бедных странах разница в скорости, с которой подобные товары обесценивались, могла иметь существенное влияние на благосостояние их жителей, которое должно быть обратно пропорционально уровню их расходов (и, соответственно, их *видимому* благосостоянию, если не принимать в расчет фактор обесценивания). В конце концов любые расходы, которые вы предпринимаете для того, чтобы ваш уровень жизни не ухудшался, подводят вас к одному и тому же результату, идет ли речь о выплате процентов по долгу, расходов на ремонт с целью противодействия физическому обесцениванию или же социально обусловленной необходимости заменить товары повседневного пользования, которые еще не исчерпали себя физически. Более того, вычитая показатели обесценивания классов товаров (например, жилья), которые отличаются большей долговечностью в Европе, но не делая то же самое с показателями тех классов товаров, которые обесценивались в Европе быстрее, мы приходим к ситуации, когда европейцы выглядят богаче, а жители Азии беднее, чем это было в действительности.

особенно выраженным, XVIII столетие также явилось временем относительной стабильности (в метрополиях), однако в Европе государственные машины не брались за сохранение и (или) возрождение традиционных ролей и статусов столь же энергично, как династии Цин и Токугава. Именно это, предположительно, и снизило значимость моды в том, как именно люди видели себя и конкурировали друг с другом. Именно этим и определяется та форма накопления предметов потребления и изобилия, что связана в Китае и Японии с «эпохой процветания», к которой и относят XVIII столетие и стремление которой к обновлению предметов потребления исключительно ради его обновления преимущественно в гораздо меньшей степени.

По крайней мере применительно к Китаю развитие моды следует рассматривать как часть очень долгого, медленного и отнюдь не линейного процесса, в рамках которого статусная конкуренция и самоидентификация в среде элит становится все менее связанной с государственной службой и официальным рангом. Одной из важных эпох данной тенденции стал период конца XVI и начала XVII в., когда растущая неопределенность государственной карьеры и разочарование в ней подталкивали представителей высших кругов к выбору других видов деятельности и (по крайней мере косвенным образом) к таким способам обозначения своего ранга, которые не зависели бы напрямую от системы оценки рангов госслужбы. Данные устремления вкупе с ростом частного благосостояния не только способствовали развитию моды и показному потреблению, которое мы уже обсуждали, но и развитию таких видов деятельности, как финансирование представителями высших кругов буддистских монастырей и изучение литературы и письменных текстов<sup>197</sup>.

Сданной точки зрения, успехи династии Цин не только в обеспечении порядка после 1644 г., но и в частичном восстановлении прежнего величия государственной службы (как свойственного официальным должностям, так и обеспечиваемого посредством филантропической деятельности, которую государство поощряло, но не возглавляло) в качестве идеала и средства указания на статус вполне могли оказаться тем фактором, который, судя по всему, не только привел к прекращению финансирования частными лицами монастырей, но и остановил продвижение моды. Любые утверждения о том, что «воскрешение» государственной службы имело широкий психологический эффект,

197. Brook 1993; Peterson 1978.

замедливший развитие моды, следует рассматривать лишь в качестве гипотетических. Однако наличие по крайней мере одной достаточно прямой взаимосвязи предположить все же можно. Строгие правила, касавшиеся *официальной* одежды, остались в эпоху правления династии Цин единственным видом законодательного ограничения роскоши<sup>198</sup>. А предоставление права использовать те же элементы одежды, что были разрешены к ношению лишь чиновниками (пуговицы, колпаки и т. п.), было для государства одним из видимых путей проявления своего расположения к купцам, землевладельцам и ученым, которыми оказывалось достойное награды содействие в различных государственных проектах, начиная с помощи голодающим и заканчивая строительством дорог. Разумеется, что те, кто носил подобные знаки отличия, не были заинтересованы в том, чтобы знаки эти обесценились или оказались доступными лицам, не имеющим тех же заслуг перед государством. В этом смысле хотя восстановление при правлении Цин престижности государственной службы и не раздавило «ростки капитализма» в более широком экономическом контексте вопреки бытовавшему ранее мнению, оно могло быть достаточным для усиления «купонной» системы, что, в свою очередь, замедлило развитие моды.

Установленные династией Цин правила имели не меньшие последствия и для лиц женского пола из числа представителей высших кругов, несмотря на то что женщины к государственной службе не допускались. Обмен стихотворными произведениями — крайне важный способ как самовыражения, так и социальной конкуренции за руку представительниц знати в эпоху правления династии Мин, по крайней мере в долине нижнего течения Янцзы — в так называемом долгом XVIII в. Китая только укоренился, что было отражением благосостояния в условиях высококонкурентного брачного рынка (в местностях, не имевших наследственной аристократии), а также свидетельством, возможно, самого глубокого, чем когда-либо прежде, внимания к сочинительству как неперемennom атрибуту цивилизованного человека, которое сопровождало рост интереса к изучению литературы и письменных текстов<sup>199</sup>. Подобная форма конкуренции и самовыражения требовала меньших приобретений товаров, чем европейская мода. Стихи за авторством женщин из отдаленных регионов, включая вновь завоеванные территории, пре-

198. Shen 1992: 516.

199. Mann 1997: 16–18, 76–120.

доставляли им возможность косвенного участия в строительстве империи Цин и в маньчжуро-китайской «цивилизующей миссии»<sup>200</sup>, что представляло собой отличный от потребления экзотических товаров способ обеспечения единства территории империи. Одновременно с этим нравственные принципы высокой культуры эпохи Цин поощряли данных женщин к тому, чтобы ограничивать свое появление в публичных местах в гораздо большей степени, чем это было принято в эпоху правления династии Мин, и проводить еще более резкую черту между собой и женщинами из городских увеселительных заведений. Социальные мероприятия с участием замужних женщин из высших кругов и куртизанок и обмен письменными произведениями между ними, бывшие обычным делом в долине нижнего течения Янцзы поздней эпохи Мин, в эпоху Цин происходят значительно реже<sup>201</sup>. И по мере того как общение между этими двумя социальными группами прекращается, влияние увеселительных заведений, где правят коммерция и мода, на более многочисленную, состоятельную и важную группу, которую представляют собой замужние женщины из высших кругов, предположительно значительно снижается.

Соответственно и здесь возвращение прежнего политического и социального порядка могло снизить интерес к самоопределению посредством все более частых покупок и обновления фонда своих предметов потребления. Однако любые подобные утверждения должны рассматриваться как излишне гипотетические: нам известно слишком мало о том, что именно одевали представители высших кругов для тех или иных мероприятий (не говоря уже об ограниченности наших знаний о бюджетах домохозяйства), чтобы делать в настоящий момент какие-либо дальнейшие умозаключения. Для поиска дальнейших ответов нам следует обратиться к проблеме необычайно ускоренного развития европейской моды, которая требует объяснения не меньше, чем «неспособность» вкусов жителей Китая и Японии к столь же головокружительным изменениям.

Частично рассматриваемый феномен, без всяких сомнений, должен объясняться весьма общими изменениями в поведении, что и предполагают многие ученые. Возросшие в XVIII в. масштабы выбора, который был предоставлен человеку во всем, начиная с выбора спутника жизни и заканчивая выбором карьеры

200. Mann 1997: 212–216, 219.

201. Ко 1994: 266–278; Mann 1997: 121–128.

и религии, в качестве показателя статуса и личного достоинства<sup>202</sup>, судя по всему, способствовали и росту значимости потребительского выбора как формы самовыражения, соответственно дав толчок развивавшейся в Европе системе моды. Хотя некоторые специалисты и отмечают произошедший примерно в то же время рост значимости личного выбора в среде китайских элит (например, в матримониальных решениях), они проявляют мудрость, не выдвигая при этом утверждений о том, что в Китае данные тенденции оказались столь же выраженными, но отмечая, что для индивидуума и для человека выбирающего тенденции эти имеют совершенно разные степени идеологического первенства<sup>203</sup>.

Если взглянуть на проблему с иной точки зрения, то можно сказать, что в XV–XVIII вв. развитие европейских государств обеспечивалось, в частности, тем, что они «подрезали крылья» большим семьям (к примеру, путем запрета кровной вражды и расширения области применения унифицированного права)<sup>204</sup>. Одновременно с этим они почти наверняка снизили центральную роль расширенных родственных связей в отождествлении человека и предположительно привели к усилению тенденции рассматривать то или иное лицо через призму вновь зародившихся взаимосвязей с приобретаемыми товарами (противопоставляемых родственным связям и неотчуждаемой собственности). В отличие от этого и Токугава, и Цин восстановили порядок благодаря сотрудничеству с местными институтами, в руках которых они и сосредоточили значительную часть полномочий по решению повседневных вопросов. Одна из важнейших ролей в данных институтах была отведена широким родственным связям прежде всего в Китае, а государство гораздо чаще способствовало увеличению их силы и идеологического первенства, чем пыталось подавить их. Возможно, что там, где данные институты и подобные отождествления оставались более значимыми, у людей было меньше потребности постоянно идентифицировать себя через выбор предметов потребления<sup>205</sup> и их демонстрацию и соответственно

202. Для ознакомления со взвешенным рассмотрением как степени реальности выбора, так и степени, в которой он стал показателем статуса по крайней мере в части английского общества, см.: Handler and Segal 1990: 43–63.

203. Например, Rowe 1992: 2–3, 5–6, 32–34.

204. См., например: Stone 1979: 9–107, особенно с. 99–100.

205. Ср. с: Sahlins 1976: 216: «Для Запада деньги значат то же, что родство для остального мира».

меньше необходимости избавляться от еще годных к употреблению предметов.

Однако поскольку каждому обществу могли быть свойственны различные степени значимости личного выбора и принадлежности к определенной группе, когда данные факторы поощрялись в одних сферах и подавлялись в других, то тем из нас, кто ищет объяснения более конкретным феноменам, следует сужать свои поиски до соответствующих уровней. В данном случае это означает более пристальное внимание к тому, какие именно предметы были связаны с ускоряющимся разрастанием европейской «системы моды», и к факторам, влияющим на их производство и распространение по земному шару.

Если вкусы европейцев действительно изменялись быстрее вкусов жителей Китая и Японии, то частично данное отличие можно объяснить разницей в степени престижности экзотических товаров, особенно *промышленных*. В конце концов индийский и китайский текстиль, китайский фарфор и т.д. стали весьма важными элементами европейской моды даже в среде не самых зажиточных слоев населения, в то время как ни одному товару западного производства заручиться той же степенью важности для потребителя Восточной Азии не удалось. Да, в датирующихся XVII в. китайских руководствах по правилам потребления упоминаются различные товары иностранного производства в качестве престижных коллекционных предметов<sup>206</sup>, а в других китайских и японских текстах того же периода содержится указание на интерес к западным товарам. Очки и прочие подобные изделия западного производства вызывали живейший интерес в поздний период правления династии Мин и в раннюю эпоху Цин. А «морские куртки западного образца», сделанные из весьма дорогой ткани, рисунок которой копировал орнамент башни одной из резиденций императоров дома Мин, и копировавшие куртку, которая была надета на одном итальянском путешественнике, на долгое время стали модным элементом одежды в гардеробе проживавших в императорском дворце женщин в XVII в. и модниц из долины нижнего течения Янцзы в XVIII в.<sup>207</sup> Кроме того, в XVIII в. большую популярность снискали экзотические меха — сначала русские, затем американские. Однако ни один из зарубежных товаров не смог оказать такого же влияния на вкусы и потребление китайского

206. Clunas 1991: 58–60, 110, 137.

207. Shen 1992: 491.

и японского обществ, как, например, азиатские ткани на вкусы и потребление европейцев. Почему?

Среди западных исследователей Восточной Азии (прежде всего Китая) бытует мнение о том, что товары зарубежного производства были неинтересны жителям данного региона в силу их убежденности в превосходстве своей цивилизации. Некоторые документы данное утверждение действительно подкрепляют. Возможно, самое знаменитое заявление подобного рода было сделано китайским императором Цяньлуном, указавшим в 1793 г. английским посланникам на тот факт, что Китай производил все, в чем нуждался, и не испытывал необходимости в умных игрушках, предлагаемых Западом, следовательно, и потребности в расширении торговых связей он не видел<sup>208</sup>. Для многих историков данное заявление олицетворяет собой давно установившийся китайский менталитет, который, как считается, противопоставлен западному менталитету, отличающемуся любопытством, стяжательством и динамизмом. Даже более проникательное мнение, согласно которому предпочтения императоров колебались между периодическим приятием экзотических товаров (в качестве одной из составляющих притязаний трона на *всемирное* владычество) до их исключения (как показатель убежденности верховенства китайской цивилизации) в другие эпохи, усматривает в мнениях императоров риторическое выражение китайского отношения к зарубежным товарам в целом<sup>209</sup>. Соответственно, исходя из данной точки зрения, более глубокий интерес Европы к зарубежной моде вовсе не случаен. Он служит указателем того, что отклонение Европы от общего пути берет в итоге свое начало в фундаментальном различии менталитетов, которое, возможно, связано в целом с большей готовностью идти на риск и искать новые пути.

При этом, если прекратить ссылаться на императоров маньчжурского происхождения как выразителей мнения Китая, на ум приходят гораздо более простые объяснения нежелания страны импортировать горы экзотических товаров. В конце концов Китай импортировал ровно столько, сколько и экспортировал (по умолчанию принимая во внимание институты торговли с зарубежными странами того периода), и его товарообмен, в частности, с Юго-Восточной Азией и так включал большое число экзотических сырьевых продуктов: акулы плавники

208. Teng and Fairbank 1954: 19–21.

209. Например, Sahlins 1994 (1989).

и съедобные птичьи гнезда, пользовавшиеся спросом у гурманом (равно как и большие объемы менее экзотического черного перца), жемчуг для украшений, благовония, поставлявшиеся через Юго-Восточную Азию с Ближнего Востока и различных тихоокеанских островов, а также редкие породы древесины<sup>210</sup>. Спрос на все эти категории импорта быстро повышался на протяжении XVIII и в начале XIX в. Естественно, британские торговцы, активно участвовавшие в доставке таких товаров с Малайского архипелага в Кантон, были больше озабочены тем, чтобы обеспечивать себе достаточные объемы груза, а не вопросом насыщения рынка<sup>211</sup>.

Ни один из этих импортируемых товаров не смог вызвать потребительский бум, сравнимый со спросом в Англии на табак, чай и сахар, однако это и вряд ли было бы возможно. Охота за санталом и прочими экзотическими товарами, которые пользовались большим спросом в Китае, нанесла огромный экологический ущерб многим тихоокеанским островам. Спасением же для них, как это ни забавно, стал опиум, которым загружали корабли для отправки в Китай<sup>212</sup>. Более того, практически все экзотические товары, за исключением перца, представляли собой продукцию, которая *собиралась*, а не выращивалась. И уже один этот факт исключал интенсификацию ее производства, а также снижение цены за единицу продукции в отличие от ситуации, имевшей место на плантациях Нового Света, где интенсивный труд рабов подвергался тщательному и жесткому контролю. Выращивать большое число акул и воссоздавать в джунглях ареал для птиц, строивших съедобные гнезда, подобно тому как расчищали землю под дополнительные посевы сахарного тростника, не представлялось возможным. При этом попытки увеличения числа лиц, занятых поиском и сбором необходимой продукции, *предпринимались* за счет обращения в рабов жителей близлежащих территорий (прежде всего Королевства Сулу, Южных Филиппин)<sup>213</sup>, однако тот факт, что в силу самого характера данной работы сборщикам предоставлялась значительная самостоятельность, говорит о том, что у сборщиков-рабов были определенные

210. Для ознакомления с перечнем многочисленных предметов роскоши, поставлявшихся из одного только Таиланда, см.: Cushman 1975: 105–6, 200–204; информацию по импорту из тропических джунглей островных территорий Юго-Восточной Азии см.: Warren 1982: 419–420.

211. Warren 1982; McNeill 1994: 319–325.

212. McNeill 1994: 325–336.

213. Warren 1982: 419–434.

рычаги влияния на условия своего труда, а у рабов карибских плантаций нет.

Потребление сахара и табака в Китае переживало резкий рост, однако (как нам уже известно) оба продукта производились в самом Китае свободными крестьянами. Значит, сахарный тростник и табак конкурировали не только с другими сельскохозяйственными культурами за площади посевов, но и с тем, как производители будут использовать свое время, включая досуг. В этих примерах трудно найти свидетельства того, что экзотические предметы роскоши были неинтересны жителям Китая. Более вероятным представляется предположение, что приобретаемые ими экзотические товары было достаточно трудно переделать в дешевые предметы роскоши повседневного пользования. (То же, разумеется, можно сказать о гвоздике и прочих изысканных пряностях, которые интересовали европейцев в странах Юго-Восточной Азии; среди ввозимых в Европу экзотических товаров сахар и табак также стояли особняком.)

Говоря об относительном безразличии китайцев к экзотическим товарам, следует иметь в виду незначительный объем импорта в Китай промышленных изделий. Однако, как замечает Клунас, среди предметов, дорогих сердцу китайских ценителей, были и различные промышленные изделия зарубежного производства<sup>214</sup>. Даже если император Цяньлун и не испытывал особого интереса к европейским промышленным товарам, его проявляли представители высших сословий прибрежных Гуандуна и Фуцзяня, которые коллекционировали часы и прочие западные диковины<sup>215</sup>. Тем не менее не может быть никаких сомнений в том, что китайские объемы импорта промышленных товаров из расчета на душу населения были крайне малы и не имели существенного влияния на понятия о подходящих одеждах и домашнем интерьере. А кроме промышленных товаров, европейцы мало что могли предложить, и ассортимент западных товаров, в отличие от товаров, ввозимых в Китай из Юго-Восточной Азии, был на удивление однообразным. В период, предшествующий буму спроса на опиум, примерно 90% импорта из Европы и европейских колоний приходилось на серебро. Именно поэтому у историков складывается впечатление, что Китай в целом (а не только императорский двор) интереса к зарубежным товарам не испытывал. Но существует и гораздо более основательное

214. Clunas 1991: 58–60.

215. Idema 1990: 467–469 (примеры из литературы); Waley-Cohen 1999.

объяснение того, почему основным грузом западных торговых судов, направлявшихся в Китай, было серебро. Это объяснение можно найти в недавних публикациях Ричарда фон Глана, Денниса Флинна, Артуро Хиральдеса и Андре Гюндера Франка.

Примерно с 1400 г. Китай возобновил чеканку монет из благородных металлов, что произошло после того, как в результате серии неудачных экспериментов с бумажными деньгами и злоупотреблений, связанных с чеканкой медной монеты в период правления династии Юань (1279–1368 гг.), страна осталась без общепризнанных денежных знаков. В подобных обстоятельствах серебро превратилось в средство накопления сбережений, денежную единицу (и зачастую фактическое средство оплаты) крупных торговых сделок, а также средство государственных вливаний в гигантскую и отличавшуюся высоким уровнем коммерческого развития экономику. Соответствующий огромный спрос на серебро повысил его стоимость в Китае (относительно золота и большинства прочих товаров) по сравнению с другими регионами мира. При этом в самом Китае серебра добывалось совсем немного. Как следствие, Китай импортировал огромные объемы серебра (главным образом из Японии и в меньшей степени из Индии и Юго-Восточной Азии) еще за век *до того*, как европейские корабли достигли берегов Азии.

Когда же европейцы наконец прибыли, привезя с собой серебро из богатейших в мире залежей (на Латинскую Америку приходилось примерно 85% мировой добычи серебра в период с 1500 по 1800 г.<sup>216</sup>), они обнаружили, что поставки серебра в Китай (напрямую или с помощью посредников) сулили большую и весьма надежную прибыль за счет его продажи по более высокой цене. Прибыль эта была столь велика, что поставлять еще какие-либо товары для ее максимизации смысла не было. (На миссиях же, прибывавших в Пекин с целью выплаты дани и изученных Маршаллом Салинсом на предмет понимания китайского менталитета, подобная ситуация не отражалась, поскольку речь шла главным образом о символическом обмене ценностями между суверенами по фиксированной стоимости. При подобных обменах выгода отходила на второй план, хотя, как правило, данные миссии сопровождалась и частной торговлей, задачей которой было уже получение прибыли<sup>217</sup>.)

216. Barrett 1990: 224.

217. Wills 1995 (неизданная работа; данные с разрешения автора); Hamashita 1988: 16–18; Sahlins 1994 (1989).

Западные интеллектуалы и политики, предпочитавшие, чтобы серебро оставалось у их держав (в качестве запасов, идущих на финансирование, например, военных кампаний), постоянно выступали за то, чтобы в Азию отсылались другие товары. Масштабы их возражений, нашедших отражение в письменных документах, столь велики, что они зачастую создают впечатление о том, что Запад изо всех сил пытался заставить азиатов покупать зарубежные товары, а китайцы были попросту слишком эксцентричны (или же ремесленники стран Запада недостаточно умелы), чтобы Западу удалось добиться этой цели. Однако излишнее внимание к данной полемике означало бы подмену предпочтений всего общества на мнения ряда политических лидеров, точно так же как и в случае с заявлениями китайских императоров о надлежащих формах и масштабах торговли. При этом в обоих случаях решения о том, чем именно торговать, принимались бывшими участниками рынка — купцами.

Тенденция рассматривать предпочтения Китая в вопросах импорта в качестве свидетельства культурного консерватизма подкрепляется подходом, согласно которому на серебро возлагалась роль современных денег — другими словами, роль остаточного средства сбережения абстрактной ценности, передаваемого с целью покрытия «торгового дефицита Европы». Вместо этого нам следует рассматривать серебро в качестве товара — очищенного продукта на минеральной основе, который отлично подходил для выполнения определенной функции и который Запад был в состоянии производить гораздо дешевле, чем любой регион Азии, за исключением Японии в ряде периодов. Геология же самого Китая позволяла ему добывать лишь небольшие объемы серебра. Более того, это было одно из тех промышленных изделий, где у Запада было преимущество не только в объемах сырья, но и в технологиях дальнейшего производства. Европейские технологии чеканки обеспечивали производство более качественных и в меньшей степени поддающихся подделке монет, чем технологии любых стран азиатского континента<sup>218</sup>. Поскольку в Китае серебро имело хождение в виде слитков, то для его жителей преимущество европейских технологий в чеканке особого значения

218. Перлин (Perlin 1991) не говорит об абсолютном преимуществе (хотя именно оно и подразумевается, принимая во внимание превосходство европейцев в печати и чеканке металлов), однако подчеркивает, что рыночные силы были достаточно благоприятными для подстегивания производства большого количества монет в Европе, в том числе для целей возможного их использования в дальнейшем в качестве местной валюты в Азии.

не имело. Однако это оказалось весьма актуальным для Юго-Восточной Азии и ряда прочих регионов, которые и выступали в роли первичных покупателей серебра у европейцев, впоследствии переправляя его в Китай через свои собственные торговые каналы<sup>219</sup>. Стоит только заняться рассмотрением данного вопроса, как становится очевидной неадекватность взгляда на серебро, отсылавшееся в Восточную Азию вместо товаров, как на деньги в современном смысле этого слова, а не как на товар, использовавшийся в Китае в качестве денежного средства. В конце концов многим престижным товарам — шелку, перцу, опию, зернам — как также довелось выполнять в некоторых регионах мира функцию денежных средств, однако же они рассматриваются именно как товары. Кроме того, значительная часть серебра использовалась то как украшения, то как деньги (например, когда драгоценности отдавались в залог или переплавлялись). Подход к серебру как к еще одному конкретному товару, а не к эквиваленту современных долларовых банкнот помогает нам понять, почему в тот самый период, когда серебро ввозилось в Китай, отмечался вывоз значительных объемов золота из Китая в Европу и Индию<sup>220</sup>. Наконец, тенденция видеть в серебре остаточное средство сбережения абстрактной ценности, отправлявшееся в Китай для оплаты потребительских товаров, подкрепляется давним мнением, бытующим среди западных специалистов и заключающимся в том, чтобы видеть в Западе активный (и имеющий соответствующие устремления) субъект, связывающий вместе различные части света. Однако если мы примем во внимание динамику, созданную изменением денежной базы экономики, составившей в тот период, возможно, до 40% мировой (если прибавить сюда государства, которые выплачивали Китаю дань и также стремились к использованию серебра), то становится довольно трудно не видеть в спросе Китая на серебро активную силу, способствовавшую созданию мировой экономики, в той же мере, в какой был спрос Запада на фарфор, чай и т. п.

Более подробно ситуация с серебром Нового Света будет рассмотрена в главе 6. Сейчас же более важен тот факт, что благодаря огромному сравнительному преимуществу Запада в экспорте серебра в Европу устремились порождающие потребительские

219. Flynn 1995: 429–48.

220. Для ознакомления с более подробным объяснением данного феномена см.: Flynn and Giraldez 1996; von Glahn 1996: 83–142, 224–237; Perlin 1991: 315–348.

тенденции престижные товары из Азии. Это позволяет объяснить, почему экзотические товары наводнили именно Европу: азиатские товары представляли собой плату за серебро и заставляли колесо моды вертеться в Европе быстрее, чем где бы то ни было. (В главе 4 мы рассмотрим и другие причины подобного прилива товаров.) Это позволяет видеть корни указанного уникального прилива товаров в конъюктуре, связывавшей Европу, Азию и Америку, а не в исключительно европейском материализме<sup>221</sup> и любопытстве. И принимая во внимание, как именно Европа заполучила серебряные рудники Америки и их эксплуатировала, это напоминает нам об огромной значимости мер принуждения в обеспечении экономического превосходства Европы. (Развитие технологий также имело значение, однако оно не было бы столь эффективным без захвата месторождений и принуждения населения к их разработке.) В данном случае плоды осуществляемого вне границ Европы принуждения могли оказаться значимыми для ускорения изменений в тенденциях моды и, соответственно, для согласованной и основанной на рыночных принципах торговли в Европе. При этом весьма важно, что объяснение идет от принуждения, осуществляемого вне европейских границ, до дополнительного толчка описанной Смитом динамики, имевшей место в Европе (а позже и дополнительного толчка направленной на замещение импорта индустриализации), а не от более эффективных маркетинга и промышленного производства в Европе до возможностей принуждать население прочих регионов мира.

Наконец, нам следует помнить, что независимо от масштабов того дополнительного толчка механизму моды, который был дан импортом приобретаемых за серебро предметов роскоши, предположение о том, что европейский спрос на товары, не относившиеся к категории предметов первой необходимости, был в достаточной мере более мощным, чем аналогичный спрос в Китае и Японии, чтобы иметь решающее экономическое значение, является всего лишь гипотезой, а не фактом, за который его принимают Зомбарт, Бродель и др. Как мы уже смогли удостовериться ранее, нет никаких веских причин полагать, что в Европе «революция трудолюбия» и участие населения в описанной Смитом динамике проявлялись в гораздо большей степени, чем в Китае (и, возможно, Японии) независимо от того, как именно развивалась ситуация со спросом на предметы роскоши на самом верху

---

221. Mukerji 1983.

общества. Нам остается рассмотреть второй фактор значимости, который иногда приписывают спросу на новые предметы роскоши и который заключается в том, что спрос этот привел к новому накоплению капиталов успешными торговцами и ремесленниками, новым преимуществам, которые получили крупные производители и, соответственно, зарождению капиталистических предприятий, на которых были заняты превратившиеся в пролетариев трудящиеся. Именно к рассмотрению данных утверждений мы и переходим в заключительном разделе, в то время как следующая глава посвящена более общему рассмотрению финансовых институтов и капитализма.

### Спрос на предметы роскоши, социальные системы и капиталистические предприятия

В классическом труде Вернера Зомбарта, посвященном вопросам роскоши и зарождения европейского капитализма, утверждается, что рост спроса на предметы роскоши привел к появлению новых видов ремесленников и торговцев. Вследствие дороговизны материалов, значительности времени, уходившего на производство высококачественных изделий, и существования такой проблемы, как неоплаченные долги заказчиков, которые зачастую были людьми могущественными, но испытывающими при этом денежные затруднения, большинство ремесленников были не в состоянии заниматься производством подобных изделий самостоятельно.

В этом не было ничего нового. Производство значительной части предметов роскоши всегда требовало наличия оборотных средств, превышающих средства, которые были бы под силу одному ремесленнику. И проблема эта решалась будущим владельцем изделия, который заказывал и оплачивал его производство. Довольно часто ремесленник выполнял работу в усадьбе заказчика, что препятствовало возможности скрыться с авансом и давало заказчику возможность влиять на конструкцию и внешний вид изделия по ходу работы над ним. Однако теперь рост спроса на данные изделия и его концентрация в городах означали, что производитель (или дилер), способный финансировать производство самостоятельно, мог воспользоваться преимуществами экономии за счет масштабов производства и, таким образом, производить товары дешевле, чем ремесленники, продолжавшие работать по старинке.

Как отмечает Зомбарт, именно так возник ряд независимых цехов, занимавшихся производством изделий и продающих их всем, кто имел достаточное для их покупки количество денег. Далее эти весьма успешные ремесленники-торговцы переходили к более масштабному производству, используя труд значительно большего числа ремесленников, которые, не обладая достаточным капиталом, стать независимыми производителями никогда бы и не смогли, а вместо этого постепенно превращались в пролетариев<sup>222</sup>.

Подобные случаи действительно имели место, однако преувеличивать их число мы не будем. За пределами крупнейших городских центров прежняя практика работы с предварительными заказами оставалась доминирующим явлением и в конце XVIII в.<sup>223</sup> При этом те же самые феномены, которые были описаны Зомбартом для стран Европы, — например, изготовление предметов роскоши не на заказ, оказались характерны и для крупных городов Китая и Японии, где они сосуществовали наряду с производством изделий на заказ<sup>224</sup>.

Между тем в других регионах мира ремесленное производство изделий на заказ оказалось вполне в состоянии удовлетворить резкий спрос на предметы роскоши. Те самые европейцы, которыми утверждалось, что в главных городах Индии продавалось все, что только можно себе представить, замечали, что товары эти зачастую являлись результатом принудительного размещения заказов среди ремесленников, а не приобретались у независимых цехов<sup>225</sup>. При этом данная практика вовсе не являлась общепринятой на территории всего субконтинента. Многие индийские ткачи, проживавшие в сельской местности, не зависели от конкретных покупателей и заказчиков. Из исследования Синнаппаха Арасаратнама, посвященного юго-восточной Индии XVIII в., становится ясным, что даже те ткачи, что получали аванс за свою работу (а получали его большинство), сохраняли за собой значительную долю контроля над изготовлением своих изделий в отличие от европейцев, получавших сырье в рамках системы, нацеленной на устранение конкуренции. И в ткацких деревнях, расположенных вблизи портов, в и прочих населенных

222. Sombart 1967: 134–135; Зомбарт 2008: 161–162.

223. Например, Dewald 1987: 195.

224. Clunas 1988: 65–72; Clunas 1991: 155–56; для ознакомления с многообразием готовых изделий, которые можно было приобрести в XVII и XVIII вв. даже в магазинах Пингаты, порта среднего размера, см.: Takekoshi 1967: 311.

225. Raychaudhuri 1982b: 266.

пунктах, которым было характерно большое число потенциальных покупателей, достигалась значительная степень автономии ремесленника<sup>226</sup>.

Это сильно отличалось от ситуации, когда ремесленники обслуживали небольшое число чрезвычайно богатых заказчиков и напрямую зависели от них. При этом в большинстве случаев этим ткачам приходилось иметь дело с торговцами не напрямую, а через зачастую наследственных главных ткачей (а иногда и через дополнительных посредников). Этим главным ткачам, «осуществлявшим отеческий контроль над группами ткачей, не имея при этом экономического контроля над результатами их труда»<sup>227</sup>, судя по всему, удалось наладить широкомасштабные производства зачастую очень качественных изделий, не становясь при этом капиталистами, напрямую контролирующими производство, и не порождая пролетариев, за которыми осуществлялся бы прямой надзор со стороны тех, кто финансировал и продавал их изделия.

В городах Юго-Восточной Азии музыку также по-прежнему заказывали покупатели из числа аристократов. Квалифицированным ремесленникам постоянно грозила опасность быть привлеченными к суду вопреки своей воле и работать в дальнейшем под покровительством одного из представителей знати или богатого купца, бравших на себя роль их «защитников»<sup>228</sup>. Даже Малакка XVII в., при населении в 200 тыс. человек превосходящая почти все европейские города, судя по всему, была прекрасно обеспечена разнообразнейшими предметами роскоши без параллельного роста ремесленников-торговцев капиталистического типа. Хотя немногочисленность ремесленников, свойственная Юго-Восточной Азии, зачастую и позволяла им выторговывать себе достаточно благоприятные условия, они оставались в рамках системы патронажа и производства на заказ (даже в такой капиталоемкой области, как изготовление ювелирных изделий) почти до конца XIX в., то есть спустя значительное время после того, как европейские колониальные режимы покончили с поддерживаемым законом кабальным состоянием (но не с традиционной значимостью связей между покровителем и зависимыми от него лицами)<sup>229</sup>.

226. Arasaratnam 1980: 259–260.

227. Ibid., p. 265.

228. Reid 1988a: 135–136.

229. Reid 1989: 64–71.

Более того, логика производства различных товаров, не относившихся к предметам роскоши, могла служить не менее веским (пусть и отличной природы) основанием для перехода на капиталистические рельсы. Например, именно по этому пути в Китае пошла лесозаготовка по причине больших промежутков времени между заготовкой леса и оплатой за него, свою роль здесь сыграла и потребность в больших группах лесорубов. К XIX в. лесозаготовительные предприятия предпочитали использовать труд тысяч наемных рабочих, а не закупать лес у мелких независимых производителей<sup>230</sup>. Еще более показательным является пример рыболовных предприятий позднего периода эпохи Эдо.

Рыболовный промысел на Хоккайдо уже давно был коммерческим. Большая часть улова шла на производство удобрений, которые затем продавались в более богатые, но испытывавшие экологические проблемы районы. Спрос на подобные удобрения в поздний период эпохи Эдо быстро увеличивался одновременно с продолжавшейся коммерциализацией сельского хозяйства во многих частях Хонсю. Разразившийся в это же время в северо-восточной оконечности Хонсю голод сильно повысил число наемных работников на малонаселенном Хоккайдо, что позволило крупным рыболовецким предприятиям, применявшим наемный труд, перейти к широкому использованию новых и эффективных, хотя и дорогостоящих сетей, для работы с которыми требовалось 15–20 человек. Благодаря этому предприятиям, использовавшим наемный труд, удалось получить преимущество над многочисленными домохозяйствами региона, занимавшимися рыболовецким промыслом на независимой основе, и изменить природу своих взаимоотношений с ними. Крупные торговцы рыбой долгое время ссуживали деньги мелким рыболовецким бригадам, покупая их улов, однако в условиях нехватки рабочей силы и растущего спроса на продукцию у них не было ни интереса, ни возможности обратиться к своим поставщикам в пролетариев. Даже те из рыбаков, которые не могли рассчитаться по долгам, все равно получали новую ссуду, что позволяло им продолжать вести независимый промысел. Однако все изменилось с появлением новых рабочих рук и сетей нового типа. Теперь стало выгодно лишать должников права собственности, приобретать больше сетей и превращать обанкротившихся рыбаков в наемных ра-

230. Wu and Xu 1985: 437–439.

бочих. Иными словами, капитал переместился из торговли в собственное производство, количество наемных работников выросло, а централизованно координируемое производство с большими объемами основного капитала стало нормой. И все это произошло в отрасли, занятой производством одного из самых непрестижных продуктов<sup>231</sup>. При этом следует по-прежнему иметь в виду, что жилищное строительство — единственная область, где потребление предметов роскоши в Европе действительно отличалось от ситуации в Китае, Японии и Юго-Восточной Азии (хотя, возможно, не в Индии), было также и областью, где ремесленная структура производства распадалась крайне медленно и производство множества одинаковых изделий, позволявшее осуществлять экономию за счет масштабов, начало осуществляться лишь в XX в.

Таким образом, напрашивается следующий вывод: ни в масштабах собственно спроса на предметы роскоши, ни в его природе не было ничего такого, что могло бы привести к появлению торговцев, продающих безделушки, которые были произведены не на заказ, и многочисленных наемных работников, а не к зарождению иных производственных систем. Скорее уж дело было в растущем спросе (и в некоторой степени в экономике за счет масштабов) в рамках обществ, где большую значимость в целом приобретали рынки товаров и факторов производства. Без данных условий рост спроса на изделия парижских ремесленников со стороны потребителей дворянского происхождения (чье стремление использовать свою власть, чтобы не оплачивать долги, Зомбарт приводит в качестве причины того, почему выжить смогли лишь ремесленники с достаточным количеством капитала) мог привести к усилению старых производственных связей в той же мере, что и к их преобразованию. Вполне возможно, что спрос со стороны торговцев, «богатых землевладельцев» и прочих лиц с меньшей по сравнению с дворянами политической властью был более значим в стимулировании процесса возникновения цехов нового типа, занятых производством товаров не на заказ. Однако, как мы уже удостоверились, существуют все основания полагать, что спрос на предметы роскоши был рассредоточен в среде различных классов китайского и японского обществ по крайней мере в той же степени, что и в европейском. И, как мы уже заметили, в ситуациях,

231. См.: Howell 1992: 271–278.

когда речь шла о свободном труде и рынках всей экономики, Европа на фоне Китая и Японии не выделялась. Более того, вполне возможно, что она шла позади по крайней мере Китая. Как минимум можно говорить о том, что у этих трех стран было гораздо больше общего друг с другом, чем с Индией, Османской империей или Юго-Восточной Азией. Таким образом, по меньшей мере на настоящий момент во всех трех странах мы наблюдаем схожесть условий, подходящих для зарождения новых типов предприятий, которые обычно рассматриваются как капиталистические. Однако настало время увидеть, почему подобные предприятия — и капитализм в более общем смысле — появились лишь в Европе.

## Видимые руки: структура предприятий, социально-политическая структура и «капитализм» в Европе и Азии

Ряд историков, в большинстве своем придерживающихся идей Фернана Броделя, ищут объяснения европейской уникальности в располагающихся на вершине экономики крупных предприятиях. В данном случае разнообразие утверждения (как и утверждения в вопросах потребления) зачастую отличаются меньшей ясностью, чем мнения, рассмотренные в главе 1 и касающиеся однозначной и достаточно простой модели идеальных рынков и (или) поддающихся количественному измерению показателей благосостояния. Авторы данных утверждений указывают на то, что идеальные условия для накопления *концентрированного* капитала, то есть для капитализма, характеризовались не только масштабным развитием прав собственности (включая обеспечение прав на финансовые активы) и рынков свободной конкуренции, но и наличием механизмов, позволявших отдельным лицам получать прибыль за счет обхода процедур, подразумевающих наличие конкуренции, ограничения своих обязательств и обеспечения себе таких нерыночных и антирыночных привилегий, как монополия и откуп.

Поскольку данные аргументы апеллируют к сложной комбинации противоречивых тенденций как к «отлично подходящей» для накопления капиталов, их практическое использование и сравнительный анализ представляются достаточно затруднительными. В то время как для доказательства несостоятельности аргументов, рассмотренных в главе 2, было достаточно рассмотреть ситуацию в одной-единственной азиатской стране, утверждения об исключительно европейском капитализме требуют сравнения с гораздо большим числом примеров. Более того, мы действительно обнаруживаем здесь не мнимые, а явные организационные преимущества Европы, однако в период до 1800 г. они применимы лишь к ограниченному числу начинаний, исключая войны, заморскую торговлю и колонизацию. Рассмотрение данных вопросов в итоге приведет нас к политической экономии

торговли и колонизации, которые осуществляются вне границ Европы. В главе 3 мною будет выдвинуто утверждение о том, что деятельность вне границ Европы *имела* ключевое значение не столько по причине того, что вела к накоплению *финансов*, сколько потому, что позволила значительно увеличить поставки *физических* ресурсов.

Бродель и сам приводит документальные свидетельства наличия множества общих черт у крупных торговцев из разных частей доиндустриального Старого Света. Черты эти включают в себя практически все методы работы, определяемые им как капиталистические: деятельность вне рамок прозрачных рынков свободной конкуренции; первостепенное внимание сделкам, в которых производитель и потребитель не имеют прямых контактов; использование кредитов для предупреждения ситуации, когда испытывающие недостаток денежных средств стороны (от голодающих ремесленников до увязших в долгах принцев) могут обратиться к возможным конкурентам, и постоянное участие в высокоприбыльных видах деятельности, в результате чего владельцы капиталов управляли «включением капитала в непрерывный процесс производства [или, может быть, продажи?]', а не в определенный вид товаров<sup>1</sup>.

Одна из причин подобной «неугомонности» заключается в том, что в доиндустриальном мире ни одна отрасль не обладала достаточными экономическими возможностями, чтобы наиболее успешные торговцы ограничивали свою деятельность лишь одной из них: «...купец не специализируется потому, что ни одна из доступных ему отраслей не является достаточно емкой, чтобы поглотить всю его энергию. Слишком часто думают, что капитализм прошлого был мелким за недостатком капитала... Между тем переписка купцов и записи торговых палат довольно часто свидетельствуют о том, как порой тщетно капиталы ищут возможностей вложения»<sup>2</sup>. Ситуация с избытком капитала изменилась лишь в XIX в., для которого были характерны стремительные технологические трансформации. Они сделали прибыльным вкладывание крупных сумм в приобретение оборудования, преобразовывавшего собственно производственные процессы. До того момента самым успешным владельцам капиталов приходилось иметь дело с непреходящей проблемой поиска возможностей повторного инвестирования прибыли — пробле-

1. Braudel 1977: 47; Бродель 1993: 53.

2. Ibid., p. 60; там же, с. 64–65.

мой, которая усугублялась тенденцией подражателей вторгаться на ранее «заповедные территории», обеспечивавшие высокую прибыль, порождая ненужную конкуренцию. (Это также привело к увеличению привлекательности пусть и непродуктивных, но способствовавших повышению статуса способов использования прибыли — момент, которому прочие авторы уделяют большее по сравнению с Броделем внимание.)

Таким образом, как утверждает Бродель, капитализм развивался медленно и был в состоянии по-настоящему утвердиться лишь там, где отличающийся высокой степенью стабильности социальный порядок, относящийся к собственности как к чему-то священному и неприкосновенному, давал возможность семьям владельцев капиталов выстраивать свой бизнес на протяжении многих поколений — эти условия, как отмечает Бродель, имели место лишь в Европе и Японии<sup>3</sup>. По его мнению, в Китае и исламском мире государство было слишком сильным, чтобы лица, не облеченные верховной властью, могли чувствовать себя в полной безопасности; в Индии кастовые ограничения на профессиональную деятельность обеспечивали торговцам определенную степень уверенности, хотя и недостаточную, препятствуя им при этом возможности заниматься новыми видами деятельности<sup>4</sup>.

Схожие, хотя и более узкие утверждения об отличиях между Европой и Азией в подходах к частной собственности выдвигает и Кирти Чаудхури. В своих ранних работах он обращает внимание на несколько форм предприятий, свойственных Европе в период после 1500 г. и облегчающих инвестирование средств<sup>5</sup>, — принимающий вклады банк, доступный широким слоям населения, и акционерное общество. Выдвигая данные утверждения, Чаудхури опирается на Вебера, полагавшего, что лишь Западная Европа оказалась в состоянии выработать идеи и системы бухгалтерии, позволившие не смешивать ресурсы предприятий, участников договорных отношений и агентов, рассчитывать фактическую прибыль и, соответственно, максимизировать накопление капиталов.

Однако последние исследования ставят данные предположения под сомнение. Так, в Китае бухгалтерская отчетность отличалась значительно большей сложностью, чем это представлял себе Вебер. Кроме того, как оказалось, вплоть до того момента,

3. Braudel 1977: 69–71; Бродель 1993: 74–76.

4. Ibid., p. 72–74; там же, с. 76–78.

5. Chaudhuri 1981: 40, 45; Chaudhuri 1985: 212.

как в конце XIX в. на первый план вышли крупные управленческие предприятия, наиболее рациональные системы бухгалтерской отчетности были взяты на вооружение лишь некоторыми западными предприятиями<sup>6</sup>. Китайские же предприятия оставались на плаву на протяжении столетий, несмотря на взлеты и падения династий, от влияния которых они были отделены отнюдь не идеальным образом. Документальные свидетельства о коммерческих династиях крайне скудны, поскольку данный вид успеха не было принято выставлять напоказ<sup>7</sup>. Тем не менее некоторые свидетельства все же дошли до нас. Компания «Жуйфусян», управлявшая несколькими магазинами тканей, просуществовала более трехсот лет, а основанный в 1776 г. концерн «Юйтан», производитель пищевых продуктов, просуществовал какое-то время и после установления в 1949 г. Китайской Народной Республики<sup>8</sup>. Город Тяньцзинь мог похвастаться несколькими торговыми династиями, процветавшими с XVIII, а то и вовсе с конца XVII в. вплоть до событий XX в.<sup>9</sup> Если взглянуть на семейные династии в целом, то можно обнаружить и такие, которые просуществовали и на протяжении тысячи и более лет, хотя в Китае было мало наследственных должностей и (как мы уже удостоверились) мало неотчуждаемой земли<sup>10</sup>.

Более того, даже те предприятия, которые ассоциировались в основном с каким-либо одним родом, часто выступали в качестве объекта инвестиций со стороны других родов и использовали труд наемных управляющих<sup>11</sup>. Многие были способны привлекать объемы капиталов, достаточные для осуществления деятельности на обширных территориях и в целом ряде отраслей, и даже добиваться значительной степени вертикальной интеграции<sup>12</sup>. В каждом из крупнейших лесозаготовительных предприятий, функционировавших в XIX в. в Шэньси, было занято от 3

6. Chandler 1977; Gardella 1992a: 317, 321, 331.

7. Манном (Mann 1987: 91–93) приводятся отличные примеры того, как традиционные китайские источники прижимают значимость коммерции для знатных родов, а также эвфемизмы, призванные представить коммерческий успех в качестве достижения иного, более престижного сорта. См. также: Pomeranz 1997b: 19.

8. Информацию о компании «Жуйфусян» см. в: Chan 1982: 218–235; о концерне «Юйтан» см. в: Hai 1983: 48–78, 90–106 и Pomeranz 1997b.

9. Kwan 1990: 260–272, 290–294; Xiaobo 1995: 67–72.

10. Beattie 1979: 1–23, 127–132; Dennerline 1986: 173–79, 194–207; Rowe 1990: 51–59, 63–65; Watson 1990: 247.

11. Chan 1982: 219–222.

12. См., например: Pomeranz 1997b (касается концерна «Юйтан»).

до 5 тыс. человек<sup>13</sup>. Это были одни из крупнейших предприятий доиндустриального мира, и, предположительно, они были в состоянии привлечь достаточно денежных средств, чтобы реализовать любые доиндустриальные или ранние индустриальные процессы. К началу XIX в. многочисленные предприятия, функционировавшие на территории крупнейшего склада Ханкоу, были организованы в соответствии с принципами акционерного общества при привлечении инвесторов из различных частей страны. Та же ситуация наблюдалась и с предприятиями, производившими соль и торговавшими ею на огромных соляных копях в Фуроне, Сычуане<sup>14</sup>. Сложные коммерческие партнерства с участием многочисленных инвесторов, не состоявших с основателями предприятий в родственных связях, были также довольно привычным делом в среде занятых торговлей групп населения, таких как банджары и вани, проживавшие на севере Индии<sup>15</sup> и в ряде других мест. Нет никаких сомнений в том, что данные предприятия все же не дотягивали до обозначенного Вебером идеала. При этом остается неясным, дотягивало ли до него большинство европейских предприятий.

В ряде последующих работ Чаудхури уже в меньшей степени обращается к своим предыдущим утверждениям, касающимся рациональной организации бизнеса<sup>16</sup>, и в большей — к предполагаемому недостатку гарантий прав собственности на коммерческий капитал в Азии<sup>17</sup>. В отличие от Броделя, периодически утверждающего, что это является отражением свойственной Азии системы правления, отличавшейся в целом большим деспотизмом, Чаудхури полагает, что в Азии *частным лицам и недвижимости* не обязательно угрожал больший произвол, чем в Европе. При этом в отличие от Европы в Азии капитал торговых предприятий не рассматривался отдельно от частных лиц, что повышало соответствующие риски:

Торговцы и банкиры в этих коммерческих обществах Азии были не в состоянии вкладывать свои средства в области, отнесенные к сфере общественных интересов, защищенных законом и поощряемых государством. Граждане, инвестировавшие свои деньги в облигации Венецианской и Генуэзской

13. Wu and Xu 1985: 439.

14. Rowe 1984: 72–73; Zelin 1988: 79–80, 86–90, 96–101; Zelin 1990: 87–88, 91–95, 106.

15. Habib 1990: 389.

16. Для ознакомления с более ранними взглядами см.: Chaudhuri 1978 (1981).

17. Chaudhuri 1985: 210–215, 226–228; Chaudhuri 1990: 386.

республик или Амстердамский банк, не были свободны от финансовых рисков. Однако облигации обладали юридической силой и могли быть использованы в качестве залога. Индийские же и китайские торговцы, ссуживавшие деньги представителям правящей элиты или помогавшие со сбором налогов, превратить свои публичные кредиты в рыночные активы были не в состоянии.

В Азии концепция частной собственности на землю не зависела ни от размера земли, ни от того, кто именно ею владел... Однако с торговым капиталом дела обстояли совсем иначе. Торговец и его оборотный капитал оставались неразделимы. В качестве деятельности коммерческого характера капитализм присутствовал во всех регионах бассейна Индийского океана. При этом в глазах общества и закона производственная роль капитала была практически неотделима от его владельцев<sup>18</sup>.

По мнению Чаудхури, в основе подобного отсутствия разграничений между капиталом и его владельцами лежал тот факт, что в отличие от правящих элит европейских городов-государств участие правящих элит великих азиатских империй в коммерческой деятельности ограничивалось потребностями государства или их собственными интересами:

Прочие факторы производства, земля и труд социально разграничивались; любое лицо с достаточной покупательной способностью было в состоянии приобретать землю и привлекать наемный труд. А вот капитал, используемый в торговле и промышленности, оставался твердым образом в руках коммерческих групп. *Мысль о том, что владение правом на коммерческие инвестиции, приносящие постоянный доход, может быть лучше прямого налогообложения торговцев, судя по всему, правителям азиатских государств в голову не приходила* (выделено мной.— К.П.). Если бы случилось наоборот, за этим последовало бы другое необходимое условие— потребность законодательного определения подобных прав. Вследствие недостаточности его юридического определения и неправильного понимания его роли обществом, которое связывало его с ростовщичеством, захватом рынков и монополиями, области частного владения капиталом и его конкретного ис-

18. Chaudhuri 1985: 210, 214.

пользования, управления и накопления также оставались ограниченными<sup>19</sup>.

Соответственно, «призрак самоуправной экспроприации все время был где-то неподалеку»<sup>20</sup>.

Тем не менее остается неясным, действительно ли крупные азиатские торговцы подвергались экспроприации чаще, чем европейские. Подобное утверждение представляется особенно сомнительным, если мы прибавим сюда экспроприацию де факто, случавшуюся, когда европейские монархи отказывались платить по долгам. Как мы удостоверимся далее, по крайней мере часть торговцев из стран Южной Азии были надежно защищены против подобных злоупотреблений, а китайские торговцы сталкивались с данной проблемой нечасто, поскольку государство привлекало лишь небольшие объемы заемных средств. Вполне вероятно, что торговцы в Японии эпохи Эдо, которые, согласно Броделю, пользовались теми же *преимуществами*, что и европейские, подвергались экспроприации де факто (причиной чему были отказы со стороны представителей аристократии или крупных землевладельцев платить по долгам или отмена долга указами сёгунов) гораздо чаще, чем торговцы Китая или Индии, хотя в поздний период эпохи Эдо подобное случалось реже<sup>21</sup>.

Более того, хотя определенная степень защиты частной собственности и необходима для надлежащего функционирования рынков, нет никакой уверенности в том, что каждое последующее увеличение степени защиты автоматически снижает надбавки и страховые премии за риск, удешевляет капитал и способствует росту экономики. Грегори Кларк приходит к выводу, что, хотя в период с 1540 по 1837 г. политические кризисы и политическая стабильность и влияли на процентные ставки государственного долга, ставки дохода, на который рассчитывали участники частных сделок, как правило, не менялись. Более того, основные изменения в политических системах, направленные на усиление защиты частной собственности от конфискации и налогообложения (например, за счет усиления контроля со стороны парламента за правительственным бюджетом), какого-либо выраженного влияния на стоимость капитала в частных сделках также

19. Chaudhuri 1985: 228.

20. Ibid., p. 213.

21. Totman 1993: с. 333 (насильственные займы) и с. 519 (отказы от выплаты долгов, практикуемые еще в 1831 г.).

не имели. Соответственно Кларк выражает сомнения в том, что постепенное усовершенствование институциональных условий явилось сколько-нибудь важной прелюдией к промышленной революции. По крайней мере в этом отношении английские институты отличались стабильностью не позднее 1540 г., что в дальнейшем сделало возможным развитие менее своевольной и коррумпированной политической системы, не оказывающей особого влияния на рынок капиталов<sup>22</sup>. Если отличия в степени защищенности частной собственности в Англии в периоды 1540–1660 и 1690–1760 гг. на стоимости капитала отражались несильно, становится непонятным, почему различия, существовавшие в XVIII в. между Европой и Восточной Азией (возможно, и Юго-Восточной), должны были бы иметь решающее значение.

Но даже если для китайских и индийских торговцев угроза со стороны государства и была ничуть не выше, чем в случае с европейскими, меньшая степень разграничения между коммерческим капиталом и его владельцами все же могла быть значимой. Ряд авторов утверждают, что в Китае притязания членов рода на средства разбогатевших родственников препятствовали накоплению капиталов в долгосрочном плане, поскольку прибыль направлялась в аграрные «благотворительные трасты», поддерживавшие вдов, финансировавшие образование и подготовку для поступления на государственную службу. Тем не менее последние исследования указывают на то, что успешные торговцы из Тяньцзиня не испытывали особых проблем с тем, чтобы разграничивать свои активы и активы семей своих братьев, а со временем процесс разграничения только упрощался<sup>23</sup>. Кроме того, «благотворительные трасты» сами могли выступать в роли орудия долгосрочного накопления торгового капитала. Мы получаем все новые и новые свидетельства того, что эти теоретически неотчуждаемые трасты занимались выдачей ссуд предпринимателям или владели торговыми или промышленными предприятиями, а не землей<sup>24</sup>. Здесь родственные связи и общинная собственность работали на долгосрочное накопление капиталов, позволяя каждой ветви семьи получать постоянный доход от коммерческой деятельности и сильно затрудняя возможность для какой-либо из ветвей вывести свой капитал из общего дела;

22. Clark 1996: 587–588.

23. Kwan 1990; Xiaobo 1995.

24. Zelin 1988: 87–95, 97–109; Zelin 1990: 86–88, 92, 95, 98; Kwan 1990: 271–272, 290–300; Pomeranz 1997b.

судя по всему, у управляющих (иногда это были лица, не приходившиеся родственниками владельцам) имелись обширные полномочия, позволявшие им устанавливать уровень выплат доходов предприятием, удерживая необходимые суммы, точно так же, как это делают сегодняшние корпоративные управляющие<sup>25</sup>. В отличие от торговцев Большого Янчжоу, к которым обращался в своем труде 45-летней давности Хо Пинти<sup>26</sup>, чья жизнь на широкую ногу и стремление быть допущенным в круг образованных людей долгое время и определяли наши представления о торговой элите позднего периода китайской империи, ни тянцзиньские, ни фуруньские торговые династии не предпринимали особых усилий, чтобы определять своих сыновей на службу в государственный аппарат, пока усилившаяся в XX в. политизация не сделала это настоятельной необходимостью<sup>27</sup>. Наконец, нам следует помнить о том, что семейные предприятия доминировали почти во всех экономических отраслях европейских стран вплоть до конца XIX в., то есть и на протяжении некоторого периода фабрично-заводской эры.

Отличия между западноевропейской и восточноазиатской моделями организации бизнеса могли быть наиболее очевидными в секторе, в котором европейцы принимали крайне активное участие, — в заморской торговле. Новые формы партнерств и в конечном счете акционерные общества создавались европейцами в основном именно для целей заморской торговли и колонизации. Этими новыми формами партнерств обеспечивалась новая степень разделения между капиталом и его владельцами, что облегчало объединенное управление слишком крупными для единичного инвестора торговыми экспедициями и грузами.

Китайские же джонки, бороздившие воды Юго-Восточной Азии, как правило, перевозили одновременно грузы, принадлежавшие различным торговцам, и сами эти торговцы либо их агенты присутствовали на борту как члены команды, получая в качестве платы за свой труд место для груза. Согласно описанию одного из ученых, трюмы джонок были разделены на множество

25. Исключением в данном сходстве, как указывает Кван (Kwan 1990: 272п. 2), было отсутствие рынка акций, сочетающего ликвидность, требующуюся для удовлетворения интересов отдельных инвесторов, и потребность предприятия в капитале, представленном в виде доли акционеров; при этом концерну «Юйтан», судя по всему, удалось искусно решить и эту задачу (Pomeranz 1997b).

26. Ho 1954.

27. Zelin 1990: 99–100, 105; Zhang Xiaobo 1995: 88–91; Kwan 1990: 175–187, 262–276.

отделений, «напоминая собой вынесенный в море рынок в пригороде Кантона», в то время как другие специалисты пришли к выводу, что подобная организация торговли могла быть лишь элементом отсталого, розничного и посредственного капитализма<sup>28</sup>. Однако, как мы убедимся далее, работавшие подобным образом торговцы составляли достойную конкуренцию европейцам на большинстве маршрутов, если только европейцы не прибегали к использованию силы. (Они могли завоевывать рынки и за счет снижения своей прибыли, однако у нас нет свидетельств данного подхода, к тому же более высокая стоимость капитала в Китае делала это маловероятным.)

Более того, подобная система перевозок была абсолютно оправданной в условиях наличия на данных маршрутах муссонных ветров. Вернуться домой до того момента, как муссонные ветры меняют направление на противоположное, не представлялось возможным, как невозможным было сократить время пребывания в порту (портах). Группа ведущих свои дела предпринимателей, которая решила бы использовать все наличное пространство джонки под свой груз или сдать его за наличные деньги, обнаружила бы, что ей придется выплачивать огромные суммы зарплаты профессиональным морякам и за то время, что они вынуждены оставаться на берегу. Гораздо более разумной была практика захода в порты на непродолжительное время и наличия среди членов команды лиц, которые могли заняться в каждом порту покупкой и продажей грузов.

На фоне этого в XVIII в. происходит значительное сокращение издержек, связанных с перевозкой грузов через Атлантику, благодаря тому, что различные группы европейских транспортных фирм, выплачивающих заработную плату своим командам, решают проблему сокращения времени пребывания в портах с более чем 100 дней, требующихся для сбора груза в Чесапике в 1700 г., до менее 50 в 1770 г.<sup>29</sup>, что позволяло им совершать в течение года два полных рейса вместо одного. Однако особенности ветровых режимов в Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии подобную экономию времени исключали, во всяком случае пока суда ходили под парусом. Таким образом, нерациональность ни в коем случае не была свойственна той меньшей степени физического разединения между торговцем и его капиталом, что

28. Ng 1990: 315; для ознакомления с классическими свидетельствами см.: van Leur 1955.

29. Shepherd and Walton 1972: 87.

мы наблюдаем в данном случае. Это была лишь адаптация к ситуации в той части света, где ветровой режим отличался от ветрового режима Атлантики.

Осуществлявшаяся сухопутными путями торговля чаем между Китаем и Россией, завязанная на относительно однородном потребительском товаре, который, как и в случае с табаком, загружаемом в Чесапике, мог быть централизованно сконцентрирован в одном месте в ожидании прибытия корабля или каравана, и не зависевшая от ветрового режима, была организована по европейским принципам. В работе Гарделлы описывается чайная торговля с участием крупных компаний, хотя в большей степени с участием мелких, и сложных партнерств с наличием авансового финансирования, рынка грузовых мест (что делало возможным физическое разделение между инвесторами и их грузом), оптовых рынков наличного товара и оптовых форвардных рынков и т. п.; партнерства эти во многом напоминали вовлеченные в заморскую торговлю европейские компании раннего Нового времени (например, английское торговое предприятие, известное как «Московская компания»)<sup>30</sup>. Пусть им и не хватало некоторых качеств корпораций XVII в., прежде всего неограниченного срока существования, однако особой необходимости в этих качествах и не было. Точно так же, как и более ранние торговые компании Европы, они отличались необходимой в их деле степенью обезличенности. И, как мы удостоверимся ниже, дальнейшее разделение между управляющими и владельцами капиталов требовалось лишь в определенных обстоятельствах.

Тезис о том, что у европейских владельцев капиталов было больше возможностей по их инвестированию, представляется более многообещающим, однако пока область сравнения ограничена Китаем и Юго-Восточной Азией. В отличие от ситуации с торговлей мануфактурой, соевым соусом или древесиной чрезмерное участие китайской торговой компании в заморской торговле могло привлечь нежелательное внимание со стороны властей, особенно если капитал оставался за рубежом более чем на один торговый сезон подряд. Соответственно, приведенные выше цитаты Чаудхури, касающиеся рисков, с которыми приходилось иметь дело азиатским торговцам, могли быть вполне актуальными применительно к этой ограниченной, но важной сфере деятельности<sup>31</sup>. Китайцы продолжали принимать активное

30. Gardella 1994: 34–35; Gardella 1992b: 101–107.

31. Wills 1995; Godley 1981: 60–61.

участие в заморской торговле, несмотря на период затишья, вызванного политической нестабильностью в XVII в., когда правительством были предприняты серьезные усилия, направленные на ее прекращение. Однако даже этот перерыв не имел долгосрочного отрицательного влияния на развитие базирующихся в Китае торговых сетей. Правительство Китая не прибегало к использованию силы для расширения влияния китайских торговых предприятий за рубежом там, где объемы потенциальной прибыли были особенно привлекательными. Как мы увидим далее, власти империи Цин проявляли определенную обеспокоенность в отношении заезжих китайских торговцев, совершавших ежегодные путешествия в страны Юго-Восточной Азии, и при этом были безразличны или же настроены враждебно по отношению к китайцам, обосновывавшимся за рубежом. Последние могли играть ключевую роль в деятельности торговых поселений или колониальных империй. Кроме того, не могло быть и речи, чтобы китайские власти санкционировали развитие частной торговли под вооруженным прикрытием, которая осуществлялась бы с китайской территории. Во время правления династии Цин размеры Китая в период 1680–1760 гг. увеличились почти в два раза, при этом основное внимание китайские власти уделяли Средней Азии, не вызывавшей особого интереса у тех, кто был сосредоточен на прибрежной торговле. Таким образом, в Китае система политической экономии благоприятствовала развитию конкретного капиталистического предприятия в меньшей степени, чем в конкурирующих друг с другом европейских государствах раннего Нового времени.

Более того, до середины XIX в. китайское государство привлекало крайне мало заемных средств, редко когда поручало торговцам доставку государственных доходов и продавало относительно мало должностей, но много научных степеней, присваиваемых при сдаче экзаменов на должности государственной службы<sup>32</sup>. И хотя в стране все-таки была создана одна общенациональная монополия на соль, немногочисленные обладатели прав на нее необычайно обогатились. В целом в Китае монополии не получили

32. Информацию по государственным финансам в эпоху Мин см. в: Huang 1974: 5, 24, 49–50, 80, 104, 112, 114, 119, 148, 150, 203; по привлечению торговцев к доставке государственных доходов см. в: Xiaobo 1995: 94–98; по продаже государственных должностей см. в: Ho 1962: 33, 47–50; по относительно незначительному участию торговцев в системе государственных финансов в целом и сравнению с Европой раннего Нового времени см. в: Wong 1997.

такое же широкое распространение, как и в Европе. В Китае не было монополий на сахар, табак, спиртные напитки и прочие набравшие популярность недорогие предметы роскоши, столь обогатившие европейских правителей и пользовавшихся их благосклонностью торговцев. Соответственно, государственные финансы, которые не только приносили огромные барыши богатейшим европейским владельцам капиталов, но и служили в качестве своеобразной лаборатории для новых финансовых институтов<sup>33</sup>, не могли предложить такие же широкие возможности и китайским торговцам.

Таким образом, по крайней мере в отношении Китая можно было бы утверждать, что государство, способное жить за счет текущих доходов с земли, *вмешивалось* в дела своих торговцев в меньшей по сравнению со странами Европы степени, хотя при этом и *создавало* для них меньше благоприятных возможностей и рыночных ниш, где они находились в привилегированном положении. Ниже мы еще вернемся к данному предположению. Вполне возможно, что концессии, получаемые крупнейшими компаниями Европы благодаря сотрудничеству с государством, вполне компенсировали неудобства от вмешательства его в их дела, вследствие чего европейская политическая экономия способствовала накоплению капиталов в большей степени, чем китайская. Однако подобное утверждение еще требует соответствующих доказательств.

Еще одно предположение заключается в том, что институциональные нововведения, ставшие в Европе ответом на финансовые потребности государства, привели к развитию более эффективных рынков капитала в целом. Это представляется вполне вероятным, однако требует уточнения, для каких именно видов деятельности были важны сложные рынки капиталов. Прежде чем приступить к данной задаче, нам следует уделить еще немного внимания далеко идущим утверждениям о том, что голодными до кредитов государствами Европы обеспечивался уникальный уровень безопасности финансовых активов. Рассмотрение примеров азиатских стран в дополнение к примеру Китая, которым были характерны разнообразные отношения между государственными финансами и частными рынками, порождает вопросы относительно простоты взаимосвязи между потребностью государства в кредитах, обеспечением безопасности капиталов и дешевой и обилием кредитных средств в более общем плане.

33. van der Wee 1977: 345, 352, 368, 373.

В доколониальную эру государства Юго-Восточной Азии были как по европейским, так и по китайским меркам достаточно слабыми, хотя ряд стран, расположенных в материковой части региона, и набирали силу<sup>34</sup>; для коммерчески более развитых островных государств ситуация была не столь однозначной. Многие из стран Юго-Восточной Азии энергично поддерживали торговлю с другими государствами, активно привлекая торговцев для поиска путей извлечения прибыли для государства, а также сбора и управления государственными доходами<sup>35</sup>. При этом роль данных государств в приросте доходов населения была относительно невелика<sup>36</sup>. Соответственно, обеспечиваемые ими возможности по получению значительной прибыли посредством приобретения финансовых или коммерческих привилегий уступали аналогичным возможностям, которые обеспечивали европейские государства раннего Нового времени.

Однако тот факт, что государственные заимствования в Китае и Юго-Восточной Азии развивались гораздо медленнее, чем в Западной Европе, вовсе не означает, что частные долги и финансовые активы подвергались там большей опасности, чем где-либо еще. Между тем Южной Азии и Ближнему Востоку конкуренция между более или менее равными соперниками, в которой стороны прибегали к оружию, была свойственна в большей мере, что создавало бюджетные потребности, аналогичные тем, что наблюдались в странах Европы раннего Нового времени<sup>37</sup>. При этом в ряде стран данного региона происходило становление финансовых институтов, отличавшихся той же степенью развития и сложности, что и соответствующие институты Европы. Многие из последних исследований указывают на наличие в Южной Азии капитализма, уничтожившего те самые ограничения, на которые обращал внимание Чаудхури. Так, Фрэнк Перлин показывает, что в начале XIV в. в различных частях Индии крупные семьи сосредоточили в своих руках руководство деревнями, права на сбор налогов и определенную долю с продукции земледелия. Права эти часто приобретались посредством кредитования государства, прочих авторитетных семей и все в большей степени соб-

34. Lieberman 1990: 79–80.

35. Subrahmanyam 1993: 18–25; Reid 1993: 116, 120.

36. Reid 1988a: 120–121, 126–129, 145.

37. Более общие сведения о «милитаристской фискальной политике», свойственной империям Великих Моголов, Сефевидов и оттоманов, см. в: Bayly 1989: 52–55.

ственно крестьян<sup>38</sup>. По мере развития данного процесса их претензии на долю урожая отдельных крестьян не только приобрели институциональный характер, но и были в определенной мере защищены. Даже монарх был не в состоянии их отменить<sup>39</sup>, а владельцы долей в урожае крестьян могли осуществлять операции продажи или заимствования, где гарантией выступали как раз подобные доли урожая. Другими словами, у них была та же роль ценных бумаг, что и у европейских облигаций или залоговых прав на будущие доходы, на которые и ссылаются Бродель и Чаудхури<sup>40</sup>. В Индии управление государственными финансами, судя по всему, развивалось за счет частных инициатив и нововведений, а не наоборот<sup>41</sup>.

В то время как Перлин и Андре Уинк концентрируют свое внимание на Северной и Центральной Индии, Санджей Субраманьям обнаруживает еще более очевидные свидетельства семейного накопления капиталов и коммерциализации государственных финансов в Южной Индии. Субраманьям прослеживает профессиональный путь тех, кого он называет портфельными капиталистами, то есть людей, которые пробовали себя в разных видах деятельности — торговле с другими регионами и странами (по большей части высокоприбыльными предметами роскоши), кредитовании, работе с долговыми обязательствами и прочими финансовыми инструментами, покупке и временном приобретении прав на сбор налогов и государственные монополии (например, в добыче драгоценных камней), капиталоемком освоении земель (зачастую это выражалось в приобретении прав на сбор налогов в отдаленных территориях, финансировании строительства поселений и ирригационных систем, а затем благодаря использованию таких рычагов, как кредитование и права на сбор налогов, в получении исключительных прав на приобретение производимых в данной местности товаров, предназначенных для продажи в других регионах), выполнении роли местных агентов по закупкам для британцев и голландцев и службе в качестве придворного чина, генерала или лица, ведающего тыловым снабжением войск<sup>42</sup>. И здесь мы снова наблюдаем защиту прав на будущие доходы, обеспечиваемую как обычаями, так

38. Perlin 1985: 422, 431–432, 442–446; Perlin 1979: 179, 187–192.

39. Perlin 1985: 448n. 83, 452.

40. Ibid., p. 442–448, 452; см. также: Wink 1983: 606–608.

41. Perlin 1985: 431–432.

42. Subrahmanyam 1990: 298–342.

и официальным порядком. Со временем данные права превращались в товар, их наследовали и использовали в качестве залога точно так же, как и в случае с эквивалентными инструментами в Европе.

После исследований, посвященных Южной Индии, Субраманьям предпринял обобщения по «Азии раннего Нового времени»<sup>43</sup>. При этом он выдвинул тезис о том, что в огромной прибрежной зоне Индийского океана и смежных морей распространились две крупные и влиятельные группы «портфельных капиталистов». Иранцы занимались торговлей, сбором и перевозкой доходов, финансированием и высокоприбыльными производствами (например, управлением государственными рудниками) от побережья Восточной Африки до Ближнего Востока, Южной Азии и (позднее) отдельных частей Юго-Восточной Азии. Одновременно с этим китайцы из прибрежных районов Гуандуна и Фуцзяня рассредоточились по Юго-Восточной Азии. Обе группы опирались в сборе государственных доходов на методы работы, получившие первоначальное развитие в частной сфере бизнеса и финансов, используя при этом свои связи с властями для получения выгодных концессий, ценной информации и дальнейшего продвижения своих корыстных интересов, и все это в основном в соответствии с изложенными Перлином принципами<sup>44</sup>.

Деятельность «портфельных капиталистов» и в целом меркантилистские подходы, проявлявшиеся государствами, в которых они вели свою деятельность, лучше всего зафиксированы в документальных свидетельствах, касающихся городов-государств, живших за счет своего положения в качестве перевалочных пунктов для коммерческих грузов (Малакки, Ормуза и т. д.) и испытывавших потребность в создании благоприятного делового климата для приезжих торговцев<sup>45</sup>. Уже одни эти города-государства являли собой территории деловой активности и безопасности, сравнимые с теми, на которых вели свою деятельность европейские владельцы капиталов раннего Нового времени. Обратите внимание, что Чаудхури отмечает четкий правовой статус, которым пользовались кредиторы Венеции, Генуи и Амстердама, в отличие от шаткого положения тех, кто ссужал деньги монархам Франции, Испании и прочих крупных европейских государств. (Даже в Англии, этой европейской державе, настроен-

43. Subrahmanyam 1993: chap. 1.

44. Ibid., p. 20–26; Subrahmanyam 1990: 298–342; Perlin 1979: 172–237.

45. Subrahmanyam 1993: 16.

ной в пользу меркантилизма в наибольшей степени, в период гражданской войны правительство не выполняло своих долговых обязательств, касающихся весьма значительных денежных сумм, а на протяжении последующих десятилетий сохранялась неуверенность относительно выплаты ряда прочих королевских долгов<sup>46</sup>.)

Далее Субраманьям указывает на то, что великие империи материковой части Южной и Юго-Восточной Азии следовали примеру данных городов-государств, в то время как некоторые из них получали контроль за значительными территориями периферийных районов. Соответственно имели место как совпадения ранее различных моделей государственных финансов, собственным крупным аграрным государствам и городам-государствам Индийского океана, где доминировали торговцы, так и расширение территорий, в рамках которых «портфельные капиталисты» могли вести свою деятельность с минимумом рисков и высокой доходностью<sup>47</sup>.

Вполне возможно, что в XVIII в. торговцы, выполнявшие роль посредников в сборе государственных доходов в ряде материковых империй, добились гораздо большего уровня защиты своих интересов, чем те, кто был доступен большинству их европейских коллег. Взять, к примеру Бенгалию, численность населения которой до разразившегося в 1770 г. ужасного голода приближалась к 20 млн человек<sup>48</sup>, что было больше, чем население любой европейской державы, за исключением Франции и России. Джагат-Сетхи, банкиры правителей Бенгалии, традиционно выплачивали навабу (правителю Бенгалии) сумму государственных доходов в обмен на право, для реализации которого они, в свою очередь, нанимали сторонних лиц, сбора будущих налогов. Судя по всему, низложение того или иного наваба внутренними или внешними врагами на ситуацию с данным правом никак не влияло, что являлось важным обстоятельством их участия в заговорах против тех навабов, которые пытались отменить проданные их предшественниками концессии<sup>49</sup>. У их современников, ссужавших европейских монархов, подобного выбора зачастую не было, как бы сильно они его ни желали.

46. Hill 1980: 188–189.

47. Subrahmanyam 1993: 18–27; Subrahmanyam 1986: 357–377.

48. van Schendel 1991: 38.

49. Marshall 1987: 40, 51, 59, 71, 75–79.

Крайне удивительно, что «портфельные капиталисты» процветали в Индии, где население в целом участвовало в рыночной деятельности, возможно, в гораздо меньшей степени, чем в Китае, Японии или Западной Европе. Их наличие особенно остро подчеркивает необходимость различать между условиями, обеспечивающими расширение класса владельцев капиталов, и условиями, обеспечивающими преобразование общества в целом. В своей публикации, предшествующей труду Субраманьяма, Бейли выдвигает предположение о существовании по меньшей мере двух факторов, ограничивавших преобразующий потенциал индийского капитализма в раннее Новое время<sup>50</sup>.

Бейли подчеркивает, что торговля различными правами на сбор налогов, монополии и прочие концессии — то, что он называет коммерциализацией королевской власти, была основана на исключении из рынка значительной части населения. Гарантия подобных прав не могла бы быть достаточной для масштабной торговли ими, если бы их приобретатели не были уверены, что смогут продолжать раньше других обращать в свою пользу рост рынков различных товаров и услуг, отличавшихся более высоким уровнем конкуренции. В этом смысле капитализм определенного типа, вместо того чтобы идти рука об руку с ростом рыночной экономики, мог быть настроен крайне враждебно по отношению к нему и, соответственно, к более общим экономическим преобразованиям.

Бейли предлагает использовать название «дух индийского капитализма», что представляет собой попытку следовать мнению Вебера о наличии связи между религиозными верованиями и экономической активностью, однако на основе гораздо более качественных свидетельств, чем те, которые, рассматривая неевропейские государства, имел в своем распоряжении Вебер. Хотя мы и не можем уделить достаточно внимания данному подходу на страницах этой книги, тем не менее имеет смысл кратко обрисовать его и рассмотреть, насколько значимыми существовавшие отличия могли быть в экономическом плане.

Бейли утверждает, что большинство торговцев северной Индии не были склонны следовать по стопам «портфельных капиталистов» либо через более активное участие в различных спекулятивных предприятиях (главным образом связанных с государством), подразумевающих высокую доходность, высокие риски и быстрый оборот капиталов, либо же через более активное уча-

50. Bayly 1983.

стие в управлении сельскохозяйственными территориями, поскольку некоторые аспекты подобной деятельности противоречили пониманию рядовыми базарными торговцами того, кем именно им следует быть. В частности, Бейли указывает на то, что рядовые индийские торговцы были озабочены сохранением семейного кредита — финансового, социального и духовного. Подобный кредит мог пострадать в результате рискованных предприятий, жизни на широкую ногу или попросту *обладания* состоянием, которое могло бы привести к излишне роскошной жизни самих торговцев или их детей. Соответственно рядовые торговцы строили свое состояние посредством осторожного ведения дел, относительно медленного оборота капитала и аскетичного образа жизни, что совершенно не сочеталось с образом жизни придворного торговца высокого полета. Более того, ходившие в среде торговцев поучительные рассказы указывали на то, что прямое участие в управлении землей или доходами с нее было чревато особо большими опасностями, поскольку было связано со сложными обязательствами перед более могущественными лицами и рискованными ставками на будущие урожаи. В экономике, где покупательная способность граждан была ограниченной, всегда существовал соблазн приобщиться к управлению государственными доходами, торговле с другими странами и прочим видам потенциально высокодоходной деятельности, однако нравственные идеалы большинства индийских торговцев указывали совсем в другую сторону. «Портфельными капиталистами» восхищались, им завидовали, однако в среде более консервативных торговцев они служили отрицательными примерами<sup>51</sup>.

Усомниться в подобном описании культуры данных торговцев достаточно сложно, но также сложно и понять, сколь многое она объясняет. В конце концов осторожный торговец, порицающий тех из своих коллег, кто слишком высоко забрался, характерен не только для Индии. Его можно обнаружить даже в «очаге» раннего спекулятивного капитализма — в Амстердаме. Так, указывает Саймон Шама, в глазах многих бюргеров фондовая биржа являлась символом абсолютно недопустимых спекуляций, а вот действовавший с чрезвычайной осторожностью городской банк служил воплощением похвальной коммерческой деятельности<sup>52</sup>. Более того, Бейли и сам приводит удивительный пример набожных торговцев севера Индии, живших в скромных,

51. Bayly 1983: 383–387.

52. Schama 1988: 347.

невзрачных домах на городских окраинах, где они занимались, предположительно, достаточно выгодным бизнесом<sup>53</sup>. Таким образом, набожность зачастую определялось то, чем человек мог похвастаться, а не то, чем он собственно занимался. То же самое можно сказать и о предававшейся наукам мелкопоместной аристократии Китая, без лишнего шума занимавшейся серьезными инвестициями коммерческого характера.

Даже если то, каким образом торговцы воспринимали самих себя, и удерживало многих из них от рискованных, но высокодоходных предприятий, остается неясным, насколько значимым это было для экономики в целом. В любом случае каждый из этих секторов мог вместить лишь ограниченное число участников, и соблазн высоких доходов вполне мог привлекать достаточное число людей, чтобы соответствующие виды деятельности не испытывали недостатка в притоке капитала. Отличия в более очевидных экономических последствиях представляются структурными. По крайней мере в ряде европейских стран займы государству *со временем* стали образцом осторожного инвестирования, в то время как в Индии вследствие переживаемых ею в XVIII в. потрясений ссуды правительству оставались сферой, предназначенной для тех, кто готов рискнуть. (Схожие изменения в *относительной* оценке риска, связанного с частными и государственными займами, отражены и в колебаниях процентных ставок в Англии, упоминаемых Кларком и уже рассмотренных выше.) Как мы удостоверимся ниже, инвестирование в ряд видов деятельности, якобы ведущейся от лица государства, включая военные действия, посредством соперничающих друг с другом Ост-Индской и Вест-Индской компаний привело к зарождению в Европе новых форм накопления *долгосрочных* капиталовложений, в то время как в других регионах мира инвестирование в обеспечиваемые силой оружия предприятия оставалось деятельностью краткосрочного и спекулятивного характера. При этом главные причины данных отличий лежали вовсе не в плоскости культуры, а применимость этих новых финансовых инструментов к видам деятельности, не связанным с колонизацией и с ведущейся под прикрытием пушек торговлей, судя по всему, была ограниченной.

Ряд свидетельств указывают на то, что в XVIII в. наибольшей эффективностью отличались рынки капиталов Западной Европы, однако существуют основания для того, чтобы делать какие-

53. Bayly 1983: 387–388.

либо определенные заключения с осторожностью. Процентные ставки в Голландии, составлявшие всего 3% для самых надежных заемщиков, возможно, были в XVII и XVIII вв. самыми низкими в мире, в то время как в Британии процентные ставки в течение XVIII в. упали до 4–5%<sup>54</sup>. В Сурате в конце XVII в. процентные ставки для самых надежных заемщиков составляли 7%. Судя по всему, на протяжении XVII в. в Индии происходило их повсеместное снижение<sup>55</sup>. В Японии также отмечалось снижение процентных ставок, однако с более высокого первоначального уровня. Процентные ставки ссуд, предназначенных для даймё, которые оказывались не в состоянии рассчитаться по долгам достаточно часто, чтобы их нельзя было рассматривать в качестве идеальных заемщиков, упали со среднего показателя 12,45% в 1707–1740 гг. до 8,68% — в 1860-х гг. (несмотря на масштабные политические потрясения, имевшие место в данном десятилетии)<sup>56</sup>. Касательно ситуации в Китае имеющиеся у нас фрагментарные свидетельства указывают на то, что в XVIII в. номинальные процентные ставки соответствовали японскому уровню, а вот в XIX в. были уже выше. В конце XVIII в. тяньцзиньские банки выдавали ссуды под 10% годовых как правительству, так и немногим надежным торговцам<sup>57</sup>, в то время как ростовщики находили ссуды государству под 12% годовых достаточно привлекательными, чтобы в ответ подчиняться различным требованиям законодательного порядка<sup>58</sup>. Это позволяет сделать предположение, что странам, где «милитаристская фискальная политика» была более выраженной, а система государственных заимствований — более развитой (Южная Азия и прежде всего Европа), действительно удалось разработать более эффективные способы доставки капиталов в экономику в целом. Однако нам не следует слишком поспешно делать вывод о том, что развитию Китая мешали излишне дорогие кредиты.

Во-первых, поскольку у нас нет данных по уровню инфляции в Китае в XVIII в., нам неизвестен и уровень реальных процентных ставок. Во-вторых, процентные ставки зависели от конкретного заемщика, и отличия между странами в уровнях процентных ставок по более рискованным займам могут не совпадать

54. de Vries 1976: 211; Clark 1996: 567.

55. Habib 1982d: 376–377; Chaudhuri 1981: 45; Perlin 1990: 269.

56. Hanley and Yamamura 1977: 345.

57. Xiaobo 1995: 97.

58. Pan 1985: 40–55; Pan 1994: 103–130.

с отличиями в уровнях процентных ставок по кредитам наиболее надежным заемщикам. Более того, в случаях, когда потенциальные заемщики оценивались не по критерию их кредитоспособности, низкие процентные ставки могли и не являться отражением рыночной цены кредитов. Так, английские судебные записи указывают на тот факт, что в XVII в. кредиторы были вынуждены выдавать займы лицам более высокого социального положения и не претендовать на их имущество в случае просрочки займа даже в случаях, когда было известно, что заемщики неплатежеспособны<sup>59</sup>.

Уровень процентных ставок не был единственной или хотя бы обязательно самой важной побудительной причиной для заемщиков привлекать кредиты на цели инвестирования. Например, в Китае было крайне трудно завладеть используемой в качестве залогового обеспечения землей. Если землевладелец оказывался неплатежеспособным, его можно было превратить в арендатора, а вот изгнать его или лишить возможности однажды выплатить долг и вернуть себе землю представлялось чрезвычайно затруднительным. С одной стороны, подобные правовые обычаи — серьезный недостаток системы прав частной собственности, что, без сомнения, повышало процентные ставки, устанавливаемые займодавцами. Однако с точки зрения интересов заемщика ситуация, скорее всего, была иной. Взвешивая решение о том, следует ли брать кредит на приобретение ткацкого станка, дополнительных листов шелковицы, позволяющих содержать дополнительный стеллаж шелковичного червя, или на оплату свадебных расходов (и соответственно приобретение дополнительных рабочих рук), миллионы крестьянских домохозяйств были *более* склонны к тому, чтобы попытаться счастья даже с высокими ставками, если бы знали, что вероятности того, что им будет отказано в полном доступе к земле, практически не существует, чем в случаях, когда наличие более низких процентных ставок сопровождалось наличием более серьезных санкций за невыплату кредита. Подобная ситуация представляется особенно актуальной для тех, кто был занят в шелководстве, где период кредитования был достаточно коротким, а доход с хорошего урожая и риск неудачи крайне высокими.

В Европе же оборотный капитал и производственные фонды в сельской промышленности чаще обеспечивались нацеленными на устранение конкуренции торговцами, а не собственно работ-

---

59. L. Hill (неопубликованная работа).

никами. И эта категория в целом более кредитоспособных инвесторов, возможно, была в большей степени готова идти на риск, предпочитая более низкие процентные ставки с более суровыми санкциями в (достаточно редком) случае, если выплатить кредит им окажется не под силу. При этом мы не можем строить предположений о том, что в Китае процентные ставки препятствовали либо дальнейшему росту протопромышленности и сельскохозяйственного производства, либо механизации в отсутствие свидетельств того, что ставки эти отражали абсолютную нехватку капитала или что вследствие их слишком высокого уровня оказывалось, что заниматься некоторыми ключевыми видами экономической деятельности попросту невыгодно. И, как мы вскоре убедимся, ни один из этих вариантов не представляется в достаточной мере достоверным.

Ни одному из рассматриваемых нами экономических центров не была свойственна абсолютная неэффективность капитала для целей индустриализации. Как указывает Бродель в приведенной ранее цитате, ограниченность раннего капитализма не была результатом наличия слишком малых объемов капиталов<sup>60</sup>. Она была результатом отсутствия соответствующих предприятий для их применения в эпоху, предшествующую той, когда появились технологии, способные преобразовывать производственные процессы посредством инвестирования крупных сумм в стационарные сооружения и оборудование. Или, если быть более точным, проблема заключалась в отсутствии достаточного числа предприятий, инвестиции в которые были бы более привлекательными для состоятельных граждан, чем инвестиции в титулы и прочие экономически непродуктивные активы (хотя некоторые из них и были продуктивны в личном плане)<sup>61</sup>. Поскольку даже Китай, которому были характерны самые высокие процентные ставки из рассматриваемых здесь регионов, отличался производительностью и уровнем жизни, сравнимыми с европейскими показателями, представляется маловероятным, чтобы он испытывал серьезную нехватку капитальных ресурсов или не располагал необходимыми для мобилизации капиталов институтами. Финансирование большей части ранних индустриальных проектов в Британии осуществлялось предпринимателями или их родственниками, обходившимися без помощи финансовых институтов. Поскольку, судя по всему, на 2% самых состоятельных

60. Braudel 1977: 60; Бродель 1993: 65.

61. de Vries 1976: 213–231.

граждан Китая приходилась та же доля общенационального дохода, что и в Англии и Уэльсе<sup>62</sup>, довольно сложно представить себе, что то же самое не происходило и в Китае. Исследование более поздних периодов, по которым существует большее число свидетельств, также указывает на значительный избыток денежных средств, доступных для инвестирования<sup>63</sup>. Исследование ситуации, имевшей место в 1840-х гг. в двух городах и 29 деревнях Японии, где процентные ставки были лишь ненамного ниже, чем в Китае, и выше, чем в индийских портах или городах Западной Европы, указывает на то, что примерно 20% *крестьян* имели личные сбережения<sup>64</sup>.

Тем не менее разница в уровне процентных ставок должна была иметь определенный эффект. Наиболее вероятным представляется сценарий, согласно которому более дешевый капитал и более развитые рынки капитала северо-запада Европы облегчили получение данным экономическим центром стабильно повышающихся объемов необходимого сырья из отдаленных территорий, в то время как более высокие процентные ставки *могли* (хотя это всего лишь предположения) воспрепятствовать этому в Китае. Однако прежде чем рассмотреть данную гипотезу, обратимся к возможности того, что разница в капитальных издержках самым непосредственным образом отражалась на производственных возможностях самих экономических центров.

Маловероятно, чтобы данная разница сыграла ключевую роль в развитии сельскохозяйственного производства и протопромышленности данных центров. В своей работе Пан Минь Те демонстрирует, каким образом в XVII и XVIII вв. крестьянам долины нижнего течения Янцзы (а также Северного Китая) удавалось значительно повышать свои доходы за счет заимствования средств, которые позволяли им заняться шелководством, выращиванием хлопчатника, домашним производством тканей даже при широком распространении высоких процентных ставок — в действительности зачастую даже при ссудах по самым высоким ставкам, назначаемым при отсутствии обеспечения. Он дает понять, что главным здесь было собственно наличие доступа к какому-либо источнику кредитования, который не ставил крестьянина в зависимость от одного кредитора (либо землевладельца-кредитора, либо стремящегося к монополии торговца)

62. См. освещение соответствующего вопроса в главе 3.

63. Riskin 1975: 65–80, особенно с. 75.

64. По данным: Hanley and Yamamura 1977: 357.

и, таким образом, не мешал потенциальному производителю предоставлять и приобретать товары в свободных рыночных условиях. Судя по всему, большей части крестьян подобной зависимости избежать удавалось<sup>65</sup>. Как я уже предположил ранее, крестьяне могли быть даже *более* склонны к такому кредиту, чем в случае, когда при более низких процентных ставках предполагались бы более суровые санкции.

Тем не менее можно было бы предположить, что в Европе приобреталось большее количество ткацких станков, прядильных машин и т. п., поскольку там торговцы были способны приобретать их по более низким кредитным ставкам, чем ставки, существовавшие для приобретения аналогичного оборудования китайскими крестьянами. Однако увеличение числа занятых работой на ткацких и прядильных станках имело смысл только в случае, если торговцы делились прибылью от дешевых кредитов с производителями, а не удерживали ее в качестве собственного барыша и не использовали для снижения цен. Принимая во внимание высокую конкуренцию на рынках текстильных тканей в Европе раннего Нового времени и гораздо менее совершенную природу рынков труда в сельской протопромышленности, которым было свойственно наличие в определенной местности лишь одного или нескольких покупателей продукции сельских ремесленников<sup>66</sup>, это представляется маловероятным.

Еще труднее представить себе, чтобы отличия между Китаем и Европой в капитальных издержках и формах ведения бизнеса оказались решающим фактором в становлении ранней механизированной промышленности. Большинство технологий раннего этапа промышленной революции не были дорогостоящими. Ранние текстильные фабрики не требовали значительных объемов основного капитала, и их финансирование было под силу семейным фирмам. До середины и даже конца XIX в. капитал британской угледобывающей промышленности, сыгравшей самую важную роль в решении проблем доиндустриального периода, почти целиком финансировался самими семьями владельцев предприятий или за счет средств, привлекаемых благодаря местным связям<sup>67</sup>. На раннем этапе развития индустриальной экономики корпоративные формы предприятий данным отраслям были практически несвойственны.

65. Pan 1994: chap. 3.

66. См. главу 2 настоящего издания, с. 87–89.

67. Griffin 1977: 43–59; Morris and Williams 1958: 137–149.

Более того, прибыль от инвестиций для новаторов раннего этапа промышленной революции была достаточно высокой, чтобы процентные ставки, превышающие уровень процентных ставок в Британии, не представляли собой сдерживающий фактор. С другой стороны, Голландия XVII и XVIII вв.<sup>68</sup>, которая, вероятно, отличалась самыми низкими ставками кредита в мире, энергетического прорыва не совершила. Торф, самый многообещающий из местных ископаемых энергоресурсов, оказался непригодным ни в количественном, ни в качественном отношении, несмотря на огромные инвестиции в эксперименты и развитие транспортной инфраструктуры, которая была призвана удешевить его доставку<sup>69</sup>. Таким образом, представляется маловероятным, чтобы отличия рынков капиталов играли особо значимую роль в *производстве* до момента наступления *второй* промышленной революции, имевшей место в конце XIX в.

Вполне вероятно, что для местной и региональной торговли дешевизна кредитов в Европе значение имела, однако трудно сказать, насколько большое. Принимая во внимание экстенсивное развитие рынков во всех рассматриваемых здесь обществах, довольно затруднительно допустить, чтобы небольшое отставание в торговле, вызванное более высокими процентными ставками, могло сыграть роль главного «заграждения» в Китае, Японии и даже Индии. И если не принимать во внимание заморскую военизированную торговлю и колонизацию, то окажется, что особых отличий в формах ведения бизнеса в сфере торговли между различными евразийскими экономическими центрами нет<sup>70</sup>. Разумеется, до середины XIX в. корпоративная форма ведения бизнеса торговцами почти не использовалась.

Если зарождающиеся в Западной Европе компании капиталистического типа действительно обладали уникальными преимуществами, то следовало бы ожидать, что преимущества эти должны были проявлять себя там, где европейские компании конкурировали с азиатскими торговцами. Однако преимущества они имели главным образом там, где географические и местные политические условия благоприятствовали применению силы в целях создания монополий или близких по своей природе к монополи-

68. de Vries 1976: 211.

69. Ibid., p. 165–167, 252; de Zeeuw 1978.

70. См. работу Броделя (Braudel 1982: 585; Бродель 1988: 595), хотя он и утверждает, что данные виды деятельности были свойственны Азии в меньшей степени, чем Европе; Gardella 1992a: 319–321; Perlín 1990: 258–301.

ям компаний (главным образом в торговле пряностями). В данных обстоятельствах европейцам действительно удавалось вытеснить своих азиатских конкурентов, получая огромные барыши. Главными примерами здесь могут служить их успехи на Молуккских островах (известны как Острова пряностей), Шри-Ланке и (периодически) в Малаккском и Ормузском проливах и Красном море<sup>71</sup>. Добиться же доминирующего положения в высококонкурентной торговле кофе на Ближнем Востоке европейцам не удавалось. Когда же наконец в XVIII в. им это удалось, то произошло это благодаря созданию новых кофейных плантаций в своих колониях — на Яве, Сан-Доминго и Реюньоне<sup>72</sup>. Именно на политической и военной мощи, а не на более высоком уровне организации коммерческой деятельности, судя по всему, зиждились успехи и тех европейских торговцев, которым удалось потеснить местных торговцев в Индии и китайских — на Филиппинах<sup>73</sup>. Да, в середине XVII в. европейцам удалось получить контроль над имевшей большую важность торговлей тканями в ряде районов Коромандельского побережья (восток Индии), почти не прибегая к использованию силы, однако лишь по той причине, что локальные военные конфликты уже истощили ресурсы местных торговцев, а проигравшие пошли на союз с иностранцами в надежде восстановить утраченные позиции<sup>74</sup>. Как правило, там, где оружие не было главным козырем, европейцы проигрывали конкуренцию китайцам, гуджаратцам и прочим азиатским торговцам или же объединялись с ними по крайней мере не реже, чем брали верх в конкурентной борьбе<sup>75</sup>. Более того, голландская и английская Ост-Индские компании, предположительно, самые передовые капиталистические предприятия Европы<sup>76</sup>, зачастую оказывались неспособны выплачивать дивиденды и периодически требовали принятия мер для предотвращения их банкротства, даже несмотря на множество привилегий, которыми они пользовались<sup>77</sup>.

71. Subrahmanyam 1993: 62–74, 136; см. также: Bayly 1989: 67–74.

72. Ukers 1935: 1–5; Chaudhuri 1985: 92, 198–199.

73. Habib 1990: 398; Gungwu 1990: 421.

74. Brenning 1977: 326–338, 331–332.

75. Subrahmanyam 1993: 186; Subrahmanyam 1990: 193–218; Blussé 1986: 97–99, 116, 120, 123–129, 154, 165; Ng 1990: 311–312; Bayly 1989: 69; Lombard 1981: 179–180; Pearson 1991: 108.

76. Chaudhuri 1978 (1981); Steensgaard 1982.

77. Информацию по английской Ост-Индской компании в период до 1760 г. см. в: Chaudhuri 1978: 444–452; в период после 1760 г. см. в: Bayly 1989: 98, 120; информацию по голландской Ост-Индской компании см. в: Glanville 1981:

Строительство железных дорог, требовавшее больших объемов капитала и больших периодов ожидания до момента, когда вложения начнут приносить доход, являло собой отдельную историю — здесь корпоративная форма ведения бизнеса и доступность дешевого капитала уже имели большое значение. Однако их строительство началось уже тогда, когда промышленная революция шла полным ходом. Природа ключевого прорыва в наземном транспорте была технологической, а не финансовой. Бум строительства железных дорог в середине столетия вряд ли можно назвать результатом наконец-то найденного предпринимателями решения того, как именно они могли бы взяться за финансирование строительства: то, что строительство железнодорожных линий возможно и принесет прибыль, было ясно еще до его начала. Разумеется, как только строительство *началось*, оно стало стремительно расширяться, поскольку усилия большого пула инвесторов, многие из которых сделали состояния на хлопчатобумажных фабриках, угледобывающих шахтах и прочих видах ранних промышленных предприятий, были направлены на поиск безопасных способов повторного вложения огромных доходов, пусть даже при достаточно скромной прибыли (особенно после того, как многие обожглись на кредитах странам Латинской Америки, завоевавшим независимость)<sup>78</sup>. В ситуации, когда крупные суммы денег искали безопасные варианты инвестирования, а многие отрасли еще не использовали значительные объемы основного капитала, эра Броделя, для которой было характерно обилие капитала, пытающегося найти адекватные возможности для применения, еще не окончилась, хотя и была близка к завершению с появлением благодаря новым технологиям выгодных путей вложения огромных сумм на продолжительные периоды времени<sup>79</sup>. Таким образом, западная корпоративная модель и западные финансовые институты могли быть в целом

---

249–250, 264–265 и Gaastra 1981: 69. Более общую информацию см. в: Lombard 1981: 179.

78. Hobsbawm 1975: 109–115.

79. Braudel 1977: 60; Бродель 1993: 64–65. Данную ситуацию можно рассматривать в качестве схожей с той, о которой во многих слабо развитых регионах еще в 60-е годы XX в. говорил Шульц. По его утверждению, ограниченность инвестирования в новые сельскохозяйственные технологии была обусловлена не слабостью предложения сбережений, как полагали некоторые специалисты, а слабостью предложения новых технологий и прочих инвестиционных возможностей, доказавших свою состоятельность в условиях, в которых принимали инвестиционные решения землевладельцы и прочие обладатели богатств материальных благ. См.: Schultz 1964: 83–90, 96–101.

не столь уж и необходимы даже в строительстве железных дорог, хотя польза от них, вероятно, была<sup>80</sup>. Без сомнения, уникальный успех Британии в использовании угля был необходим, чему частично способствовало его наличие на ее территории.

Вполне возможно, что транспорт в более широком смысле был той областью, где дешевый капитал и развитые финансовые институты оказались значимыми по крайней мере в Англии, где с привлечением частных денег были построены многочисленные платные дороги и каналы, связавшие производителей, ресурсы, включая уголь и зерно, и рынки. И хотя ни одно из данных предприятий не потребовало тех же объемов капиталов, что и строительство железных дорог, они также предполагали относительно большой временной промежуток между первоначальными инвестициями и получением доходов. И это был гораздо более продолжительный период ожидания по сравнению с любыми другими видами производства в период до 1850 г. или с торговлей любыми товарами в рамках одного континента. Как следствие, эти усовершенствования инфраструктуры оказались восприимчивы к эффективности инструментов привлечения капитала, включая те, что позволяли некоторым инвесторам отказываться от своей доли еще до момента, когда предприятие начинало приносить доход. С наступлением в XIX в. ситуации, когда Британия стала серьезно зависеть от поставляемого из Южной и Северной Америки сырья, транспортная инфраструктура приобрела еще большую важность, открыв доступ к внутренним территориям данных континентов. И такие проекты независимо от того, финансировались они государством или частным капиталом, требовали наличия организованных рынков капитала, способных объединять инвестиционные средства сторонних лиц<sup>81</sup>. Однако

---

80. Рой (Roy 1997: 78–114) выдвигает неожиданное утверждение о том, что корпоративная модель не была функционально необходимой даже для расширения гораздо более масштабной сети железных дорог в Америке, однако при ее применении для получения максимальной прибыли финансистов, инвестировавших в ее строительство, она превратилась в институциональную форму, использование которой ожидалось и от прочих предприятий, которые зачастую и делали выбор в ее пользу, пусть даже данная форма бизнеса по своей сути и не отличалась большей эффективностью для целей организации их деятельности.

81. Для ознакомления с примерами по Северной Америке, касающимися важности частного финансирования и корпоративной модели (даже для проектов, которые никогда не выплачивали дивидендов), см.: Majewski 1994: 47–105, особенно с. 50–51, 93–94, 109ff.). Для информации по возросшей значимости банков после появления железных дорог см. также: Klein and

продемонстрировать, что организованные и эффективные рынки капитала (по обе стороны Атлантики) способствовали созданию необходимой Британии инфраструктуры, это не одно и то же, что и продемонстрировать, что менее развитые рынки капитала в Китае оставили Цзяннань и Линнань без транспортных мощностей, необходимых для дальнейшего роста протопромышленности и механизированной индустриализации. Как в Дельте Янцзы, так и в районе дельты Чжуцзяна сеть рек и каналов и дешевый водный транспорт обеспечивали связь между целым рядом территорий. А возможность навигации на большинстве крупнейших китайских рек (большая часть Хуанхэ была здесь главным исключением) плюс построенный государством Великий канал протяженностью 1400 миль давали Китаю, как отмечал Адам Смит, ощутимое преимущество в водном транспорте перед Европой<sup>82</sup>. Само собой разумеется, что обслуживание данным видом транспорта Цзяннаня, располагавшегося около устья речной системы, питавшей дома трети населения Китая, а также у одной из оконечностей Великого канала и вдоль тихоокеанского побережья, было налажено чрезвычайно хорошо. Однако Цзяннань был не в состоянии получать с помощью водного транспорта достаточные объемы одного из ключевых товаров — угля. Поскольку, как мы уже знаем, залежи угля располагались по большей части в отдаленных горных районах, без современного строительного оборудования и автомобилей ни один финансовый механизм разрешить вопрос с его доставкой не смог бы.

Тем не менее одно правдоподобное объяснение проблемы все же остается. Как мы удостоверимся в следующей главе, в XIX в. Цзяннань более не получал столько же дешевого риса, древесины и прочей первичной продукции из долин верхнего и среднего течения Янцзы, как в середине XVIII в., что сильно затруднило его дальнейшее развитие и промышленную специализацию. Как мы увидим, по большей части данные изменения стали результатом роста населения и развития протопромышленности в самих внутренних регионах Китая. Рост населения, предположительно, произошел бы в любом случае, однако остается неясным, почему, например, население долины среднего те-

---

Majewski 1991: 12–18. Для ознакомления с ключевой ролью правительственных субсидий и соответственно рынков государственного долга, в том числе в период, предшествующий появлению железных дорог, см.: Goodrich 1960: 51–65.

82. Smith 1937: 637–638; Смит 2007: 773.

чения Янцзы стало развивать собственное ремесленное производство, вместо того чтобы вывозить больше риса и ввозить больше тканей. Здесь наложились многие факторы, одним из которых, возможно, стали транспортные издержки.

Большинство заселенных позднее территорий оказались территориями в еще большем отдалении от Янцзы, вследствие чего увеличивающиеся издержки транспортного сообщения между новыми населенными пунктами и берегом реки должны были способствовать возрастанию их самодостаточности и, соответственно, уменьшению объемов торговли. При этом данные издержки могли бы быть снижены, если бы местные власти или частные лица имели доступ к дешевым кредитам. Судя по всему, состояние многих дорог в Китае оставляло желать лучшего, несмотря на наличие соответствующих знаний<sup>83</sup>. К тому же они были по большей части предназначены для личного передвижения (или почтовой службы), а не для перевозки больших объемов грузов. Даже некоторые дороги из тех, что связывали основные города, ни шириной, ни качеством в лучшую сторону от дорог местного назначения почти не отличались<sup>84</sup>. В ряде регионов дороги попросту не могли составить конкуренцию великолепной системе водных магистралей, однако применительно к районам, где данный фактор отсутствовал, мы вполне можем допустить, что определенную роль здесь сыграла и финансовая система. Что же касается ситуации с заготовкой и транспортировкой леса на северо-западе и юго-западе Китая и в районе верхнего течения Янцзы, то вполне возможно, что более доступные кредиты могли бы помочь в наращивании объемов вывозимой древесины до того момента, как произошла их стабилизация. В конце концов лесозаготовительные работы в качестве вида деятельности доиндустриального периода требовали необычайно больших сумм оборотного капитала.

При этом весьма вероятно, что это был малозначимый фактор применительно как к производству риса, так и к лесозаготовкам. Древесину до речных магистралей так или иначе приходилось перетаскивать на огромные расстояния, превышающие соответствующие расстояния где бы то ни было в Европе, однако те многочисленные свидетельства, что мне удалось обнаружить,

83. Еще в начале XIX в. Джон Макадам внес серьезный вклад в европейское дорожное строительство, используя соответствующий опыт Китая, с которым он ознакомился лично для изобретения технологии, получившей его имя (макадам). См.: Heske 1938: 24.

84. Schran 1978: 30–31.

позволяют говорить о том, что конечная цена на древесину в Цзяннане превышала цену на древесину в месте вырубки в меньшей степени, чем в случае с балтийской древесиной, поставлявшейся в Англию<sup>85</sup>. Главным сдерживающим фактором в торговле древесиной, скорее всего, были либо ограниченные размеры лесов, либо такие проблемы транспортировки (например, крутизна склонов гор), которые не могла бы решить ни одна из технологий предшествующего Новому времени периода независимо от объемов финансирования. И хотя транспортные проблемы и могли быть связаны со стагнацией торговли рисом, в главе 5 мы сможем убедиться в том, что прочие факторы, возможно, оказались здесь более значимыми.

Соответственно, представляется маловероятным, чтобы мы могли с определенностью указать хотя бы на один аспект, в котором китайские рынки капитала представляли бы собой ключевую проблему для обеспечения связей Цзяннаня со своей периферией. При этом наше рассмотрение вопроса о том, каким образом кредитные институты Китая могли бы дополнительно способствовать задаче поддержания стабильности притока первичных продуктов из отдаленных районов, помогает сфокусировать наше внимание на тех областях, где финансовые институты Европы, прежде всего политическая экономия капиталистической системы (как ее понимал Бродель) и «милитаристская фискальная политика», вероятно, оказались наиболее значимыми, а именно на организации торговли стран Западной Европы с отдаленными периферийными территориями.

До конца настоящей главы мы сосредоточимся на рассмотрении связей между центрами и периферией. Для начала я предлагаю обратиться к утверждениям о том, что Новый Свет, работорговля и применение силы в других регионах мира оказались в целом ключевым фактором для концентрации европейских ка-

---

85. Сравните данные Альбиона (Albion 1965: 103), согласно которому конечная цена превышала цену на древесину в месте вырубки в 20 раз, с данными Ли Бочжонга (Bozhong 1994b: 93). Источники, на которые ссылается Бочжонг, не представляются достаточно надежными, однако исходя из них можно сделать вывод, что, как правило, конечная цена превышала цену в месте вырубки примерно в 10 раз. Разумеется, применительно к другим местностям производства древесины или другим ее видам соотношение конечной и первичной цены могло быть другим, однако необходимость поиска соответствующих свидетельств должна была бы стать как минимум задачей для тех, кто полагает, что отсутствие транспортной инфраструктуры представляло серьезную проблему для обеспечения поставок древесины.

питалов. Отмахнуться от подобных утверждений нельзя, однако и убедительными их назвать трудно. После рассмотрения данных утверждений мы обратимся к тому, что представляется более тесной связью между капитализмом, применением силы в других регионах мира и индустриализацией, а именно к утверждениям о том, что политико-экономические институты европейского капитализма и ожесточенная конкуренция между государствами в сочетании с крайне удачной (для Европы) мировой конъюнктурой придали отношениям Европы (прежде всего Британии) с остальными территориями бассейна Атлантического океана характер уникальности, если сравнивать их с отношениями между прочими мировыми экономическими центрами и их перифериями. В свою очередь, указанные отношения обеспечили Британии уникальное преимущество в доступе к ряду наименований земледельческой продукции, в которой к концу XVIII в. все главные экономические центры Евразии испытывали все больший дефицит. После рассмотрения данного утверждения мы перейдем к части 3, чтобы более подробно ознакомиться с общими проблемами экологического характера и тем, как Европе удалось их разрешить.

### Эксплуатация колоний и накопление капиталов: ревизия тезиса Эрика Уильямса

По мнению ученых, занимающихся прежде всего проблемами неевропейских регионов, финансовые активы, приобретенные посредством работорговли, пиратства и схожих видов деятельности, сыграли важнейшую роль в финансировании промышленной революции. Наибольшую известность среди версий данной точки зрения снискало мнение Эрика Уильямса. Лишь немногие специалисты по истории Европы, прежде всего Фернан Бродель, принимают утверждение о том, что рудники нового мира, плантации и работорговля позволили Европе добиться более высокого уровня жизни и инвестиций, чем тот, которого она могла бы достичь собственными силами<sup>86</sup>. Большинство же сходятся во мнении, что полученная таким образом прибыль не имела значения по крайней мере по трем причинам. Некоторые из них отрицают и собственно тот факт, что меры принуждения позволили добиться прибыли более высокого уровня. Другие допускают существование по меньшей мере возможности того, что соответ-

86. Braudel 1982: 184–203; Бродель 1988: 173–192.

ствующая прибыль превышала средние показатели, утверждая при этом, что накопленные объемы этой прибыли были незначительны по сравнению с накопленными объемами прибыли, полученной в результате экономической деятельности в рамках самой Европы. Есть и те, кто указывает, подобно тому, как выше это было сделано мною, на существование на раннем этапе промышленной революции потребности лишь в относительно небольших объемах капитала, что делало дополнительную прибыль малоактуальной для целей собственно индустриализации.

Обоснованность последнего предположения о том, что объемы средств, доступных для инвестирования в основной капитал, не играли решающей роли в зарождении промышленной революции, зависит от того, какое именно из вышеуказанных утверждений мы опровергаем. Некоторые из предпринимателей могли построить в Британии хлопчатобумажные фабрики и пивоварни даже без прибыли, полученной в результате работоторговли и разработки рудников Нового Света. Даже более значительные потребности в капитале со стороны железнодорожного строительства могли бы быть удовлетворены после того, как стала появляться прибыль, произведенная в рамках хлопчатобумажной революции. При этом утверждение более общего характера может оказаться вполне состоятельным. Принимая во внимание усугубляющиеся сложности, с которыми в XVIII в. столкнулись регионы Европы в попытках обеспечить всем необходимым быстрорастущее население, и те изменения, которые данные сложности могли вызвать в развитии идущей прежней дорогой Европы, если бы необходимые объемы производства обеспечивались за счет дальнейшего повышения интенсивности труда, а не капиталоемкости (вопрос, который более подробно будет рассмотрен в главах 5 и 6), сокращение доступных финансовых ресурсов могло бы иметь серьезные последствия.

Представляется маловероятным, чтобы использование в заморских территориях мер принуждения не приносило никакой дополнительной прибыли. Разумеется, работоторговля, разработка ископаемых Нового Света, пиратство могли быть чрезвычайно прибыльными, и хотя соответствующие неудачи в данных предпринятиях и снижали весьма значительно средний уровень прибыли, некоторые состояния были нажиты именно за счет этих видов деятельности. Да, традиционные виды деятельности, осуществляемой на территории Европы, были не менее прибыльными, однако остается неизвестным, на чем именно было бы сосредоточено внимание состоятельных европейцев при отсутствии

тех возможностей, которые предоставляло в заморских территориях использование силы: занимались бы они и дальше последовательным осушением болот или покупали бы себе больше титулов, тюльпанов и картин Тициана. Даже в достаточно буржуазной Англии было гораздо легче привлечь капиталы высших классов в торговые предприятия, в рекламных проспектах которых упоминалось пиратство, чем в те, в публикациях которых подобной информации не содержалось<sup>87</sup>. Нет никаких сомнений в том, что «путем поиска эзотерических источников капитала ключ к пониманию возраставшей роли капитала в европейской экономике не обнаружить; скорее он связан с решением проблемы сохранности и поддержания производительности уже имеющихся капиталов»<sup>88</sup>. При этом мы не можем не учитывать тот факт, что некоторые способы поддержания их производительности существовали и были прибыльными главным образом благодаря насильственным действиям в заморских территориях. Хотя целый комплекс культурных и институциональных изменений со временем и усилил склонность европейцев инвестировать средства в экономически продуктивные предприятия, нам не следует закрывать глаза на тот факт, что притягательность патриотизма, экзотики и завоеваний, осуществляемых чужими руками, оказывалась способной побуждать по крайней мере некоторых лиц к тому, чтобы воспользоваться новыми благоприятными возможностями по пассивному инвестированию средств, появившимися в результате создания акционерных обществ и прочих новых институтов. Иными словами, применение мер принуждения в заморских территориях должно было внести определенный вклад в накопление капиталов в Западной Европе, но был ли этот вклад достаточно существенным?

В любом случае доходы от деятельности за пределами Европы были намного ниже тех, что стали возможными благодаря участию в менее спекулятивных предприятиях на территории самой Европы, однако это еще не ответ на вопрос. В своей часто цитируемой статье Патрик О'Брайан представил расчеты, согласно которым выгода от насильственных действий в колониях могла обеспечить не более 7% от общих объемов инвестиций, сделанных британцами к концу XVIII в., хотя в более поздней статье говорится о возможности и более высокого показателя.

87. Rabb 1967: 35–48; Andrews 1984: 18–19.

88. de Vries 1976: 213.

Применительно же к Европе в целом данный показатель должен быть существенно ниже<sup>89</sup>.

Однако в доиндустриальную эпоху данный показатель мог быть весьма значимым. Стандартные показатели роста объемов продукции были гораздо ниже тех, которые характерны для большинства современных промышленных экономик. Выдвигаются предположения, хотя и не получившие подтверждения, о том, что в доиндустриальную эпоху товары производственно-технического назначения в среднем отличались значительно меньшей физической долговечностью, чем соответствующие товары сегодня, состоящие из разнообразных материалов и эксплуатируемые в крайне неблагоприятных условиях. Это должно было служить указанием на то, что объемы *чистого* накопления капитала, обеспечиваемые за счет неупотребленной годовой продукции, в то время были значительно ниже, чем сейчас. Большая часть данной продукции должна была использоваться для компенсации высокой степени износа товаров производственно-технического назначения. Саймон Кузнец как-то предположил, что, используя более низкий показатель ежегодного прироста экономики в целом (0,4% вместо 2,5%, который он считал нормой для промышленных экономик), снизив показатель среднего жизненного ресурса товаров производственно-технического назначения с 40 до 30 лет и повысив потребности текущего технического обслуживания (с 1 до 2% от объемов производства), можно прийти к модели доиндустриальной экономики, в которой на чистое накопление капиталов шло лишь 6% валовых накоплений, вместо 76%, которые он определял для модели современной экономики. С помощью дополнительных корректировок он пришел к гипотетической экономике предшествующего Новому времени периода, которая, даже добиваясь большей экономии (26%) в целом по сравнению с его показателями по современной (24,9%), получала чистый прирост к своему основному капиталу лишь в размере 1,32% от общих объемов годового производства (против 19% у современной экономики)<sup>90</sup>.

89. O'Brien 1982: 17. В напечатанном позднее эссе (O'Brien 1990: 171, 176–177) О'Брайан допускает, что прибылью от межконтинентальной торговли могло обеспечиваться от одной пятой до одной шестой общих объемов накопленных капиталов, однако не предпринимает при этом попыток рассчитать, какой могла быть доля, обеспечиваемая за счет различных действий насильственного характера. Соответственно представляется более разумным придерживаться его первоначальных цифр.

90. Kuznets 1968: 47–50.

В подобных условиях даже относительно небольшой «бесплатный обед» — прирост валовых накоплений, который был достигнут не за счет потребления — мог бы привести к весьма существенному увеличению объемов чистого накопления капитала. Например, если представить себе экономику, полностью соответствующую второй модели доиндустриальной экономики Саймона Кузнецца (валовые инвестиции в размере 26% от объемов производства, чистые — в размере 1,32%), то повышение валовых инвестиций на 7%, которые, по мнению О'Брайана, могли обеспечиваться суперприбылью, должно было бы увеличить чистый годовой прирост основного капитала более чем вдвое. В свою очередь, даже не слишком большое снижение объемов валового накопления капитала свело бы на нет большую часть или даже весь объем чистого накопления капиталов. В любом случае эти дополнительные гипотетические 7% могли бы оказаться весьма важными.

Разумеется, можно возразить: могли бы оказаться, а не оказались. Для подкрепления своего утверждения О'Брайан указывает, что прибыль от торговли с периферией в два раза превышала прибыль нормальной торговли. При этом он совершенно обоснованно замечает, что это еще никем не было продемонстрировано<sup>91</sup>. И хотя значительная часть издержек, связанных с действиями насильственного характера, ложилась на компании, организованные для реализации правительственных концессий, а потому данные издержки уже учитываются расчетами О'Брайана, любое проведение этого мыслительного эксперимента в подробном виде требует вычитания ряда дополнительных издержек, которое осуществлено не было. (Подобная задача столкнулась бы и с вопросом о том, каким образом следует оценивать альтернативные издержки трудовых ресурсов применительно к Европе раннего Нового времени: скажем, оказались бы мигранты из Скандинавии и безработные из сельских районов Голландии, поступавшие на службу в голландскую Ост-Индскую компанию, в состоянии найти себе продуктивное занятие дома?<sup>92</sup> Многим это вряд ли удалось бы.) Однако если насильственные действия в самом деле обеспечивали европейцам *определенные* дополнительные доходы, а именно так оно, скорее всего, и было, и небольшое увеличение валового инвестирования могло вести к существенным изменениям в объемах чистого инвестирования, то отвергать то, что насильственные действия в заморских территориях внесли свой вклад

91. O'Brien 1982: 17.

92. de Vries 1994a: 58–60.

в способность Европы финансировать экономический рост, представляется преждевременным. Вместе с тем по крайней мере столь же рискованным было бы предположение о том, что полученные таким образом дополнительные доходы сыграли решающую роль. Более здравым представляется предположение о том, что независимо от наличия или отсутствия соответствующего вклада со стороны указанных насильственных действий у Европы конца XVIII в. не было заметного преимущества в том, как именно она осуществляла накопление, защиту или применение коммерческого капитала (независимо от источника его происхождения), — преимущества, которое было бы способно многое прояснить о долгосрочном развитии.

### Значимость очевидного: спрос на предметы роскоши, капитализм и колонизация Нового Света

Если в чем европейские спрос на предметы роскоши, потребление и политическая экономия капиталистического типа и имели очевидную значимость, так это в стимулировании роста экономик Нового Света и торговли африканскими рабами. Однако даже здесь движущей силой в освоении Нового Света выступало сочетание европейской политической экономии и спроса со стороны как Европы, так и Азии, особенно Китая.

Несмотря на наличие колонистов, которыми двигали религиозные и политические цели, представляется маловероятным, чтобы Европе удалось добиться значительного увеличения своих колоний в Новом Свете, если бы колонисты не смогли производить там товары, пользовавшиеся спросом либо в Европе, либо в Азии. По большей части колонизация осуществлялась на частные средства лиц, пытавшихся извлечь из нее прибыль. Многие *поселенцы*, скорее всего, искали бы землю, где они могли бы жить в условиях относительной самодостаточности, а не плацдарм, с которого они могли бы принимать участие в отличавшейся непостоянством экспортной экономике<sup>93</sup>. Однако в период до 1800 г. оплатить свой переезд через океан могли меньше трети белых поселенцев. При этом те, кто мог, были заинтересованы в том, чтобы использовать труд мигрантов для производства

93. Информацию о перипетиях, связанных с выращиванием табака, см. в: Morgan 1975: 185–186, 197; о стремлении к спокойной жизни и лишь ограниченному участию в рыночной деятельности см. в: Kulikoff 1992: 17–18, 27–28, 35, 39.

экспортируемых товаров, а не в том, чтобы помочь им осуществить свои мечты о самодостаточной и спокойной жизни<sup>94</sup>.

Кроме того, расходы на эмиграцию, сами по себе высокие сравнительно со сбережениями бедняков, могли бы быть значительно выше, если бы Южная и Северная Америка не экспортировали такие большие объемы табака, сахара и т. п. Перевозчики данных товаров, которым приходилось возвращаться из Европы практически с пустыми трюмами, яростно соперничали друг с другом за возможность перевозки эмигрантов<sup>95</sup>. Экспорт был настолько важен, что некоторые толкования экономической истории колониальной Северной Америки рассматривают падение цен на морские перевозки, позволившее поселенцам продвигаться внутрь материка, но при этом по-прежнему поставлять свои товары на европейские рынки, в качестве главного двигателя прироста белого населения и занимаемых им территорий<sup>96</sup>. Прежде всего в основе притока африканцев в Карибский регион, включая юг Северной Америки и Бразилию (при этом в период до 1800 г. число ввезенных африканцев превышало число белых поселенцев), явным образом лежал рост спроса европейцев на предметы роскоши.

Положение в испанской империи характеризовалось несколько большей сложностью. Здесь самой важной статьей экспорта было серебро, крупнейшим потребителем которого выступала не Европа, а Китай, где крупнейшая экономика мира переходила на денежные расчеты, проводившиеся прежде всего в серебре, после серии неудачных экспериментов с бумажными деньгами и сильно дискредитированными медными монетами. (Спрос со стороны Индии на серебро для целей его применения в денежных расчетах также повышался, хотя и не так сильно. Индия отличалась меньшей численностью населения, более слабой распро-

94. Галенсон (Galenson 1989: 56–64) приводит оценочные данные по числу лиц, прибывших в Новый Свет в качестве связанной договором иindentуры прислуги, и показывает, что стоимость переезда значительно превышала средства большинства неквалифицированных работников, особенно молодых; это должно было в еще большей степени касаться эмигрантов из Германии и прочих частей Европы, где заработная плата была обычно ниже, чем заработной платы в Англии.

95. Galenson 1989: 57.

96. Для общего рассмотрения вопроса значимости европейского спроса в обеспечении экономического развития даже в колониальной Северной Америке — регионе мира, где роль экспорта проявлялась в наименьшей степени, см.: McCusker and Menard 1985, прежде всего общее изложение вопросов на с. 17–34, и Shepherd and Walton 1972.

страненностью денежных расчетов и большим числом применяемых денежных средств, включая золото, чем Китай.) В конце XIV в., когда Китай стал ввозить большие объемы японского серебра, соотношение его внутренних цен на золото и серебро колебалось в диапазоне от 1:4 до 1:5. С началом поставок серебра из Нового Света показатель соотношения цен в Китае составлял лишь 1:6, в то время как в Европе от 1:11 до 1:12, в Персии — 1:10, в Индии — 1:8<sup>97</sup>. При наличии столь выгодной разницы в ценах нет ничего удивительного в том, что от одной трети до половины всего добываемого в Новом Свете серебра оседало в Китае. Деннис Флинн и Артуро Хиральдес смогли продемонстрировать, что именно благодаря невероятно высокому спросу со стороны Китая королям Испании удавалось взимать высокую плату за разработку недр, без того чтобы большинство рудных предприятий оказывались не в состоянии вести свою деятельность. Огромная инфляция в XVI и начале XVII в. в Европе указывает на то, что, несмотря на то что значительные объемы серебра стран бассейна Атлантического океана поглощались Китаем (и в меньшей степени Индией и Ближним Востоком), поставлявшим, в свою очередь, товары, пользовавшимся высоким спросом в Европе, серебро стремительно обесценивалось. Если бы не спрос со стороны стран Азии, то, вполне вероятно, добыча серебра в Новом Свете прекратилась бы в течение нескольких десятилетий, поскольку продолжать получать прибыль, выплачивая испанской империи ренту, за счет которой та существовала, более не представлялось возможным<sup>98</sup>.

В целом в рамках такого спроса серебро не было предметом роскоши. Будучи важнейшим средством накопления сбережений в китайской экономике, главным средством оплаты налогов и значимым (хотя и далеко не единственным) средством обращения, серебро часто использовалось всеми категориями населения, за исключением беднейших слоев. (В XVIII в. была возобновлена чеканка медных монет, что привело к зарождению биметаллической денежной системы, которая существовала еще в XX в.) Обращение же серебра в Европе, где в XVII в. в повседневных расчетах население все больше отдавало предпочтение медным монетам<sup>99</sup>, больше напоминало торговлю

97. von Glahn 1996: 214.

98. Flynn and Giraldez 1996: 321–329.

99. Информацию по большому числу соответствующих европейских стран см. в: Flynn 1984: 47.

предметами роскоши в предшествующую Новому времени эпоху, хотя и беспрецедентных масштабов. Торговля серебром явила собой нечто новое — по-настоящему общемировую и крупномасштабную торговлю тем, что использовалось на регулярной основе рядовыми гражданами. Китай же, спрос со стороны которого подпитывался целым рядом нетипичных обстоятельств, лидировал в данной торговле как по количественным, так и по качественным показателям<sup>100</sup>.

Тем не менее в истории серебра росту потребления предметов роскоши и развитию потребительства в Европе по-прежнему отводится важная роль. Для обеспечения эффективности своего спроса на серебро Азии требовалось поставлять собственные товары в страны бассейна Атлантического океана — шелк, фарфор и прочие товары из Китая, хлопок и пряности из Индии и Юго-Восточной Азии. Андре Гюндер Франк высказал мнение о том, что, позволив Европе превратиться в рынок сбыта азиатских товаров (в противном случае Европа мало что могла предложить), серебро Нового Света дает возможность многое объяснить в отношении роста азиатской protoпромышленности в период между 1500 и 1800 гг., а также увеличения численности ее населения<sup>101</sup>. Однако применительно по крайней мере к ситуации в Китае у меня есть основания сомневаться в том, что европейский спрос на предметы роскоши был достаточным стимулом для роста производства. Даже в случае со спросом на шелк внутреннее потребление намного превышало объемы экспорта, оттягивая на себя большую часть возросших объемов продукции

100. Указывая на данное лидерство в мировой торговле, я вовсе не пытаюсь ввести читателя на мысль, что вслед за этим должна была последовать и столь же масштабная торговля прочими товарами. Можно было бы утверждать, что, принимая в расчет расположение соответствующих рудников, развитие печати и прочих технологий того времени, а также распространенность рудных залежей, заменить монетное серебро в той роли, которую оно выполняло, было крайне тяжело. В Китае сложилась весьма непривычная ситуация, сделавшая серебро уникальным товаром массового рынка, относительно его способности выдерживать высокие торговые наценки и высокие же расходы межконтинентальной перевозки. (В недавнем разговоре с моим коллегой Р. Бином Вонгом было высказано предположение о том, что высокотехнологическое оружие в предшествующий 1850 г. период было еще одним видом товаров, способным соперничать в Китае с серебром как в плане наличия небольшого числа близких заместителей, так и в плане потенциала объемов продаж.) Если такое предположение принять, оно сделает роль случайностей и конъюнктуры в возвышении Европы еще более значимой.

101. Frank 1998: 158–164.

и спроса на трудовые ресурсы. При этом наплыв серебра, «смазавший колеса» китайской экономики, определенный стимулирующий эффект, разумеется, оказал. Как мы уже удостоверились в главе 3, представляется маловероятным, чтобы Индия и особенно Юго-Восточная Азия смогли бы добиться тех же масштабов экономического роста без внешнего спроса на свою продукцию.

Поскольку Франк руководствуется прежде всего стремлением опровергнуть те из теорий, которые отдают активную роль Европе, он рассматривает желания европейцев приобретать азиатские товары как нечто само собой разумеющееся. Он подчеркивает два момента: то, каким образом серебро Нового Света позволило европейцам преобразовать больше подобных желаний в эффективный спрос, чем удалось бы в противном случае, и то, каким образом динамизм азиатских экономик позволил им данный спрос удовлетворить, поглотив беспрецедентные объемы чистого импорта денежных средств. Данные уточнения полезны в качестве корректив европоцентристских взглядов. Тем не менее рост европейского спроса на азиатские товары невозможно объяснить лишь более высокой платежеспособностью и непреходящими или необъяснимыми желаниями.

Если представить себе ситуацию, согласно которой европейцы достигли Мексики и Перу, но при этом всем странам Европы были свойственны социальные структуры, характерные для Румынии или даже Пруссии, то вряд ли бы Китай получил значительные объемы серебра. Или представим себе менее крайнюю и не слишком притянутую ситуацию: ведущие европейские державы добились более эффективного выполнения законов, регулирующих потребление предметов роскоши, чем в действительности. В любом из этих случаев удовлетворить спрос стран Азии на серебро Нового Света было бы сложнее, а без этого, как было продемонстрировано Флинном и Хиральдесом, у Испании возникли бы большие затруднения в обеспечении стабильности своего пребывания в Новом Свете.

Задача, которую я здесь преследую, заключается не в том, чтобы сообщить уникальные мотивирующие свойства европейским моде и спросу на предметы роскоши, который в количественном отношении, *возможно* и превышая показатели на душу населения по Китаю и Японии, не был уникальным. Вместо этого я хотел бы подчеркнуть, что спрос этот был значим лишь в связке с серебром Нового Света, производственными возможностями proto-промышленности азиатских стран и беспрецедентным спросом с их стороны на ввоз огромных объемов определенного предме-

та повседневного пользования (серебра). Тем не менее понятно, что рост европейского спроса как в своих привычных, так и в неожиданных проявлениях должен быть *частью* картины, даже такой, где Новая Испания предстает зависимой от серебра и соответственно от Китая.

Разумеется, что применительно к Карибскому бассейну и Северной Америке утверждение о том, что *европейский* спрос на предметы роскоши был движущей силой расширяющейся колонизации, представляется излишне прямолинейным. В конце концов Азия самостоятельно обеспечивала себя сахаром, чаем, завоевавшим рынки раньше кофе и какао, а вскоре и табаком. Таким образом, механизм обратной реакции, выступавший в качестве движущей силы экономического роста экономик Карибского региона и Северной Америки, умещался в рамках связей между странами и территориями бассейна Атлантического океана, пусть даже связи эти и были частью более широкой мировой экономики. Европейский спрос делал расширение производств в Новом Свете выгодным предприятием. Рост объемов производства и транспортировки позволил снизить затраты по сделкам из расчета на единицу продукции, что сделало финансирование частными лицами поселений на отдаленных от портов территориях, ввоза большего числа людей (рабов, тех, кто был связан договоромindentуры, и свободных лиц), развития портов выгодным.

Тем временем пошлины на вывоз товаров шли на финансирование административных органов, необходимых для управления разрастающимися поселениями. Так зарождались условия для гораздо более стремительного роста как поселений, так и производства экспортируемой впоследствии продукции. В этой более стремительной фазе роста на экспорт шли уже товары массового спроса — хлопок, дешевеющие сахар и (во второй половине века) пшеница. Однако в течение первых 200 с лишним лет экспортируемые из Нового Света товары (за исключением серебра) представляли собой предметы роскоши: бразильский кофе, североамериканская пушнина, табак и сахар. Иными словами, европейский спрос на предметы потребления оказался ключевым фактором в подготовке того «насоса», которым в дальнейшем обеспечивался приток более крупных объемов ресурсов, необходимых для промышленного и демографического бума, произошедших в Европе в XIX в.

Самых больших вложений капиталов в этот период требовали исследования заморских территорий, их заселение и торговля с ними, а не протопромышленность или первые фабрики

и заводы. Новые финансовые институты и более широкие проявления «милитаристской фискальной политики» отлично подходили для расширения заселенных территорий и торговли с другими частями света, обеспечиваемых с помощью оружия. Значимость данных институтов оказалась наибольшей именно в этих видах деятельности, а не в производстве или торговле внутри самих европейских экономических центров.

Существует соблазн увидеть прямую параллель между первыми колониальными корпорациями и сегодняшними транснациональными компаниями, однако отличия между ними не менее разительны. Пожалуй, главное отличие заключается в том, что колониальные корпорации концентрировали свои усилия на определенных территориях, пытаясь исключить любую конкуренцию в своей географической нише, а не на определенных категориях товаров и услуг, которые развивались бы ими сразу во многих регионах мира. Иными словами, они были в той же степени структурами, взвалившими на себя часть функций управления, что и прототипами транснациональных компаний, и зачастую создавались не только для экономических, но и для военных и политических целей<sup>102</sup>. Так, Нильс Стеенсгаард выдвинул утверждение о том, что именно исключительные трудности, связанные с военизированной торговлей с Азией, а трудности эти в определенной степени напоминали те, с которыми приходилось иметь дело при завоевании новых территорий, их заселении и военизированной торговле с колониями Нового света, и заставили голландскую Ост-Индскую компанию превратиться в более современный тип предприятия, чем те, которые существовали до этого момента.

Если вкратце, то Стеенсгаард утверждает, что огромные постоянные издержки военно-коммерческой империи, созданной Ост-Индской компанией в Азии, которые она покрывала за счет собственных средств, не прибегая к созданию отдельной, не связанной с получением прибыли администрации, сделали невозможным применение предшествующей практики, согласно которой после заранее обусловленного периода времени торговые партнерства полностью ликвидировались, а все активы возвращались партнерам. Вместо этого возникла необходимость рассматривать значительную часть основного капитала в качестве постоянного и удерживать максимально возможные объемы прибыли для целей обращения капитала. Уже одно это сделало воз-

102. См., например: Arrighi 1994: 73; Арриги 2006: 120–121.

можно распределить крупные суммы постоянных издержек по достаточно крупным объемам торговли и должным образом компенсировать инвесторов, инвестиции которых не подлежали ликвидации и возврату. И наконец, вследствие того что не все инвесторы проявляли достаточное для предприятий данного вида терпение, вопросы долевого участия и контроля за деятельностью компании пришлось отделить друг от друга, создав при этом рынок акций, для того чтобы недовольные участники могли выйти из постоянного организационного механизма, в рамках которого им все чаще отказывали в праве голоса, когда речь шла о действиях компании<sup>103</sup>.

Мы уже знакомы с причинами сомневаться в другом утверждении Стеенсгаарда о том, что компании этого нового вида были более эффективными *в качестве предприятий чисто экономической плоскости*, чем различные азиатские фирмы, с которыми им приходилось конкурировать. Однако свойственная данным компаниям форма организации была рассчитана специально на создание коммерческих империй в Ост-Индии и Вест-Индии. В утверждении Стеенсгаарда для целей нашего исследования более всего любопытно то, что он продемонстрировал развитие корпоративной формы западных предприятий на основе потребностей *колонияльной* торговли, требующей частого применения насильственных действий; данная организационная форма будет повторно востребована уже гораздо позднее — при реализации одного из проектов (строительстве железных дорог) на территории собственно метрополии.

Между тем необходимость повышать объемы экзотических товаров, ввозимых данными компаниями в Европу, могла иметь многообразные и важные последствия. Так, данная потребность означала, что различные участники торговых и политических отношений были сильно заинтересованы в том, чтобы культивировать в населении пристрастие к табаку, сахару и т. п.; насколько сильно, будет рассмотрено ниже. И хотя стремлению развивать в населении новые пристрастия зачастую противостояла озабоченность (если уж не в среде торговцев, то в среде политиков) тем, чем импорт предметов роскоши подрывает национальное

103. Steensgaard 1982: 235–258; см. также: Gaastra (1981: 57) — информацию о содействии, которое государство оказывало управляющим голландской Ост-Индской компании в защите от акционеров, требовавших быстрой прибыли. Информация о «выходе» и «голосу» взята из: Hirschmann 1970; Хиршман 2009.

благосостояние и традиции, подобная озабоченность не возникла при отправке данных товаров в прочие европейские страны. Поскольку за данной торговлей стояло сразу несколько компаний (и правительств), а закрыть границы не представлялось возможным, то торговля новыми предметами потребления получила мощный толчок.

Торговля рядом товаров привела к еще одному последствию, на которое новые компании точно не рассчитывали. Старательно продвигая моду на новые товары, остававшиеся дорогостоящими (частично в силу высоких пошлин, частично — монопольного или олигопольного формирования цен), компании, занятые ввозом товаров из Ост-Индии и Вест-Индии, способствовали развитию новых импортозамещающих отраслей — от производств китайского фарфора в Делфте, Веджвуде и Мейсене до подражания индийским тканям в конце XVIII в. В главе 5 мною будут приведены аргументы в пользу того, что сами по себе эти отрасли были не в состоянии обеспечить самоподдерживающийся процесс производства, принимая во внимание ограниченность поставок различных землемных ресурсов. А реализация подобного прорыва потребовала решения экологических проблем Европы с помощью угля и колоний. Тем не менее их наличие послужило дополнительным толчком к росту потребления, а также развитию специализации и «революции трудолюбия» в Европе. В этом смысле колониальные торговые компании могли способствовать европейскому экономическому росту в силу того, что механизмы их функционирования соответствовали потребностям военизированной торговли, а также потому, что они *не* конкурировали с производителями, копировавшими ввозимые ими товары в метрополиях, применять силу против которых они были не в состоянии.

Межгосударственное соперничество, насилие и государственные системы: в чем они были значимы, а в чем — нет

Можно сказать, что *политическая* экономия Европы раннего Нового времени (в частности, постоянное дорогостоящее военное соперничество) могла быть более значимой в придании своеобразия коммерческой экспансии Европы в заморских территориях, чем собственно предпринимательские таланты или любопытство, которое вызывали экзотические товары. Более того, это позволяет предполагать и то, что главным *положительным* вкладом военного соперничества европейских стран в рост экономики континента, вероятно, стало не то, каким образом военные

действия и бюрократизация отразились на экономической ситуации внутри Европы (например, посредством содействия технологическим изменениям или дарования новых прав на частную собственность правителями, испытывавшими серьезный недостаток денежных средств), а то, каким образом на нее повлиял выход соперничества за пределы Европы. Максимальную прибыль удалось извлекать там, где насильственные методы были особенно востребованными, — в активно развивающейся экономике Атлантического региона.

Однако прежде чем мы перейдем к оценке значимости таких явлений, как создание европейскими державами государств в заморских территориях и ведение там военных действий, следует рассмотреть утверждения, касающиеся последствий данных действий для собственно Европы. Выдвигаются три возможные пользы ведения военных действий для развития Европы: заимствование технологических решений, стимулы, обеспечиваемые ростом спроса, и побуждение правительств к преобразованию своих институтов таким образом, чтобы ими обеспечивался рост объемов производства (и, соответственно, государственных доходов).

Поскольку причины технологических изменений остаются не до конца ясными, мы не в состоянии полностью отбросить утверждения о том, что войны способствовали развитию технологий. Однако до XIX в. число военных нововведений, нашедших свое применение и в гражданской сфере, остается чрезвычайно малым. Достижения в области сохранности пищевых продуктов, которые удалось достичь в XIX в. королевскому флоту, являются одним из ранних примеров того, что в дальнейшем стало привычной практикой подобных технологических заимствований, однако до начала войн индустриальной эпохи данные явления оставались достаточно редкими<sup>104</sup>. Нет однако и оснований полагать, что военные кампании доиндустриальной эпохи привели к дополнительному увеличению усилий, направленных на поиск новых путей, которые позволили бы поставить природу на службу человеку. Еще не существовало бюджетов, выделяемых средства на конкретные исследования и цели развития, и хотя иногда награды за решение той или иной проблемы и предлагались, скорее всего, они заставляли изобретателей браться то за одну задачу, то за другую, вместо того чтобы привлекать дополнительные человеческие ресурсы в сферу технологических экспериментов. Эксперименты имели определенный

104. Mokyr 1990: 140, 184–186; Мокир 2014: 221, 290–295.

практический эффект. Например, эксперименты с точным растачиванием огнестрельного оружия оказались весьма полезными в растачивании паровых двигателей, позволившем усовершенствовать их конструкцию. Однако в прочих отраслях (например, производстве часов) подобные навыки также развивались, и нет никаких оснований полагать, что развитию особо высокого уровня квалификации способствовало именно выполнение задач, связанных с военным обеспечением. В целом же совокупное воздействие военных задач на развитие технологических решений, скорее всего, было отрицательным, поскольку занятость в решении данных задач отвлекала квалифицированные кадры от работы над проектами более широкого гражданского назначения, препятствовала обращению информации, вела к смерти потенциальных изобретателей и т.п.<sup>105</sup>

Схожие аргументы с еще большей уверенностью можно привести и против утверждения о том, что решение военных задач имело важный экономический эффект посредством увеличения спроса. Контракты на боеприпасы, униформу и т. п. в разные периоды действительно стимулировали деятельность некоторых отраслей, однако в конечном итоге весь этот спрос финансировался через налоги, снижая, таким образом, частный спрос. Как мы уже удостоверились, Западной Европе (как и Восточной Азии) удалось развить институциональные и культурные условия, в которых рост потребительского спроса происходил на протяжении длительного времени (несмотря на отличавшиеся цикличностью периоды кризисов и подъемов) и в которых деньги на приобретение потребительских товаров среднего и высшего класса сами по себе порождали необходимый для производителей спрос. Иными словами, нет никаких оснований полагать, что недостаточность усредненного спроса представляла собой проблему для любой из двух оконечностей Евразии, за исключением периодов стихийных бедствий, когда большая часть расходов населения приходилась на продовольственные товары. Обеспечение решения военных задач вряд ли могло представлять собой соответствующее решение.

Утверждения о том, что межгосударственное соперничество привело к зарождению благоприятных для экономического развития институциональных условий, являются еще менее однозначными. В большинстве случаев ссылаются на то, что монархами была обеспечена большая, чем прежде, степень защиты прав

105. Mokyr 1990: 183–186; Мокир 2014: 289–295.

частной собственности — непереносимое условие рыночной экономики — в обмен на краткосрочные доходы, необходимые для финансирования текущих военных кампаний. Соответственно, заключают сторонники этой точки зрения, усиление прав собственности стало побочным результатом беспрестанного военного соперничества<sup>106</sup>. Однако если усиление прав собственности в Европе действительно и происходило подобным образом, это не было единственно возможным путем к такому результату. Специалисты, считающие наоборот, утверждают, что у государств, не испытывавших необходимости постоянно наращивать свои военные расходы, было меньше потребности вступать в переговоры со своими состоятельными гражданами, а значит, и предоставлять им соответствующие имущественные права. Здесь в качестве классического примера зачастую приводится китайская империя, соседи которой не могли сравниться с ней ни размерами, ни богатствами<sup>107</sup>. Утверждение Чаудхури, которому вторит и М. Н. Пирсон, что, поскольку главные азиатские империи не зависели от торговых доходов, к которым им пришлось бы прибегнуть, если бы военное соперничество между ними было более интенсивным, у них никогда не возникало потребности в том, чтобы гарантировать права коммерческой собственности, представляется более узкой, но при этом схожей формулировкой<sup>108</sup>.

После подробного рассмотрения вопроса, как именно функционировали китайские рынки — более соответствуя принципам неоклассической модели, чем европейские рынки XVIII в., подобное утверждение вряд ли состоятельно, если под собственностью понимается в целом не подвергавшееся сомнению право продавать и использовать производственные активы. Сколь бы ни была велика значимость межгосударственного соперничества в движении Европы в соответствующем направлении, другим обшествам удалось добиться сравнимого положения просто другими путями.

106. North 1994: 263.

107. Для ознакомления с одним из актуальных примеров см.: Braudel 1977: 68; Бродель 1993: 76.

108. Chaudhuri 1985: 210–214; 1990: 384–386. Пирсон (Pearson 1991: 97–103) придерживается схожего мнения с тем главным отличием, что у него в качестве ключевой бюджетной проблемы выступает количество крестьян, с которых империя могла взимать налоги, а не масштабы требовавших разрешения военных задач.

Непрекращающиеся военные кампании помогли обеспечить собственность привилегий, начиная с откупа и приобретения должностей и заканчивая дарением государством монопольных прав и закреплением привилегий гильдий. Мы уже смогли убедиться в том, что подобные привилегии были свойственны ведущим военные кампании странам Европы и Южной Азии, отличаясь в XVIII в. высоким уровнем гарантий и возможностью передавать их другим лицам<sup>109</sup>. В отличие от них в Китае, столкнувшись с необходимостью вести военные кампании гораздо реже и в меньших масштабах, в эпоху династии Цин существовало лишь две крупные национальные монополии или олигополии (на соль и торговлю в Кантоне), продажа должностей до XIX в. была довольно редким явлением (хотя продажа титулов и была распространенной практикой), государственного долга не было, сбор налогов осуществлялся напрямую, а не через подрядчиков, и попытки городских гильдий исключить сельских конкурентов либо пресекались государством, либо оно им не содействовало<sup>110</sup>.

Соответственно, вопрос заключается в следующем: каким именно был вклад распространения и обеспечения данных привилегий в экономическое развитие? Если принимать в расчет усредненные показатели производства, то назвать его положительным никак нельзя. Вклад откупщиков и покупателей должностей в объемы производства был незначительным, в то время как гильдии и вовсе чинили препятствия испытывающим проблемы с постоянной занятостью труженикам из сельской местности. Монополисты удерживали цены на все виды товаров — от сахара и табака до таких предметов первой необходимости, как соль, — столь высокими, что число обслуживаемых ими потребителей составляло лишь малую долю тех показателей, что будут достигнуты в XIX в.<sup>111</sup> (Для сравнения: главной монополией Китая была монополия на соль, которую можно было добывать в различных частях страны; при этом ее незаконная добыча и перевозка подрывали систему монополии так сильно, что офици-

109. Информацию по Индии см. в: Perlín 1979 (в разных частях издания); Bayly 1983: 217.

110. Kwan 1990: 146–147; Mann 1987: 42 (цель, которую преследовало собой лицензирование купцов, заключалась в регулировании рынка, а не в получении дохода с их деятельности); Mann 1992: 76–79; Xiaobo 1995: 94–98.

111. Для ознакомления со свидетельствами о том, что рост потребления чая и сахара в первой половине XIX в. явился прежде всего результатом падения цен, а не повышающихся доходов населения, см.: Clark, Huberman, and Lindert 1995: 233–235; Mokyr 1988: 74–75, 79–86.

альные цены могли и не оказывать слишком существенного влияния на спрос.) Тезис, на котором Перлин настаивает применительно к Индии, о том, что привилегии имели ценность лишь тогда, когда гарантировали их обладателям способность не допускать равного с ними участия в рыночной деятельности со стороны их конкурентов, почти в той же степени относится и к Европе, где продаваемые менее часто права по крайней мере давали доступ к подневольной рабочей силе.

В более общем плане это позволяет говорить о необходимости различать некоторые изменения, затронувшие часть европейских стран,—большая гарантия прав собственности, развитие представительных органов власти (по крайней мере для имущих классов) и распространение ряда гражданских свобод, которые зачастую смешивают в общую массу под такими названиями, как «модернизация», «либерализация» и «рационализация». Поскольку многие из данных уступок предоставлялись государствами, испытывающими потребность в денежных средствах на цели ведения войны, и все они тем или иным образом были связаны с лицензированием внутринациональной конкуренции (для политической власти речь шла о рынке или «рынке идей»), то сам собою напрашивается вывод о том, что победителями в интенсивном межгосударственном соперничестве выходили те страны, которым была свойственна наибольшая степень внутринациональной конкуренции—логика, подтверждаемая (временным) триумфом Британии, где либеральные институты получили наибольшее развитие<sup>112</sup>. Однако более внимательный взгляд на ситуацию говорит о другом.

Во-первых, как напоминает нам Чарльз Тилли, любые подобные утверждения применимы лишь в отношении стран, шедших в государственном строительстве путями, которые определяются им как «капиталоемкие» или «насилиеэмкие и капиталоемкие» (в отличие от того, что он называет «насилиеэмким» путем)<sup>113</sup>.

112. Норт (North (1994: 262–263) признает тот факт, что потребность в доходах породила ряд решений, приведших к снижению гарантий прав собственности (например, в Испании и Португалии), а также решений, которые их, напротив, укрепили, однако все же подчеркивает, что последние подходы в итоге возобладали, будучи обоснованными потребностью государства в доходах.

113. Обратите внимание, что Тилли имеет в виду выбор между стратегиями интенсивного использования капитала или насилия для получения необходимых государственных ресурсов от населения своих стран (например, выбор между трудовой повинностью и приобретением услуг или между использованием военных наемников и воинской повинностью). При этом

Государства эти были не единственными, кто вышел победителями из трудностей раннего Нового времени (очевидным исключением здесь выступает Россия). Между тем ряд государств, относимых к категории «насилиеемких и капиталоемких», таких как Дания, борьбу за политическую мощь проигрывали, как проигрывали соперничество и «капиталоемкие» государства (например, Голландия)<sup>114</sup>.

Во-вторых, указанные изменения имели разную степень взаимосвязи с военными нуждами или внутренней конкуренцией. Довольно часто представительные органы власти и различные права собственности учреждались и подкреплялись в обмен на доходы, которые требовались для финансирования военных задач. Свободы слова при этом, как правило, приходилось добиваться путями, которые были мало связаны с мобилизацией страны на нужды военного времени. Следует также помнить, что даже в случае с Британией, которую часто приводят в качестве примера того, что либерализация оказалась козырем в межгосударственном соперничестве, хронология событий заставляет усомниться в любом упрощении взаимосвязей. Есть основания полагать, что в 1790–1830 гг. Британия переживала один из самых авторитарных периодов своей истории и усугубление ситуации наблюдалось до конца 1832 г., и именно в этом периоде ей удалось оправиться от потери американских колоний, превратиться, вне всяких сомнений, в ведущую мировую державу и (на время) разойтись в аспектах экономического развития с остальными странами Европы<sup>115</sup>.

---

Тилли не отрицает, что все страны прибегали к насилию как в своих отношениях с другими европейскими государствами, так и с субъектами за пределами европейского континента.

114. Tilly 1990: 134–137, 150–151. Данию можно отнести к группе «насилиеемких и капиталоемких» государств, поскольку она отличалась одним из самых высоких уровней налогообложения среди европейских стран XVIII в. Большая часть налогов шла на содержание армии и флота, которые были крупнейшими в Европе из расчета на душу населения. Одновременно с этим в Дании активно развивалась коммерция и существовал полный набор концессионных компаний, ведущих торговлю за пределами Европы. Но, несмотря на все эти громадные усилия, Дания потеряла множество территорий: регион, являющийся сегодня Южной Швецией, отошел от нее в 1658 г., Норвегия — в 1814 г., в конце XIX в. — Шлезвиг-Гольштейн и Исландия; в результате всех этих отделений осталось государство, в активе которого оказалась лишь небольшая часть прежних территорий и влияния. См.: Kjaergaard 1994: 4–5, 14–15.
115. Bayly 1989: 8, 116, 161, 195–213, 235–236; Thompson 1966.

Более того, наличие прав собственности не обязательно вело к экономическому либерализму. Многие из них подкрепляли рассмотренные выше привилегии, которые были направлены на устранение конкуренции, и даже те из них, которые не слишком выделяются по нормам сегодняшнего дня, своим своеобразием зачастую самым негативным образом сказывались на общей эффективности. Так, во Франции — одной из главных победительниц в межгосударственном соперничестве — постоянно испытывающее потребность в деньгах государство закрепило местные права собственности и права передачи прав собственности на основании решений местных судебных органов, которые предусматривали возможность наложения вето меньшинством голов на объединение или огораживание земельных наделов и использование общинной земли под новые цели или ее раздробление. Как мы уже видели в главе 2, следствием данного положения вещей было то, что различные возможности по усовершенствованию землепользования стали юридически реализуемыми лишь после революции<sup>116</sup>. (Некоторые из малых государств запада Германии проводили схожую политику, что не помогло им сохранить суверенитет, ослабив любую необходимую взаимозависимость между внутренней либерализацией и успехами в межгосударственном соперничестве.)

Но даже если привилегии, скорее всего, и препятствовали среднесрочному увеличению объемов производства, вполне можно допустить, что они способствовали накоплению капиталов и, соответственно, их увеличению в долгосрочном плане. Усеченная версия данного утверждения заключалась бы в следующем: гарантия и продажа любых источников будущего дохода (откупа и т. п.)

---

116. Для информации по взаимосвязи между государственным строительством во Франции и факторами, препятствовавшими проведению огораживания или объединения земельных наделов, см.: Brenner 1985a, b; см.: Rosenthal 1992 для информации по решениям местных судебных органов и тому, каким образом они препятствовали возможностям по усовершенствованию землепользования. Следует отметить, что мнение Бреннера о том, что подобная политика была равнозначна политике защиты интересов крестьянства в целях обеспечения наличия у режима соответствующих объектов налогообложения и воинской повинности, оспаривается специалистами (см. Cooper, Rosenthal и т. п.), указывающими на то, что зачастую против решений о, например, разделении общинной земли выступали зажиточные и привилегированные члены общин. Если так оно и было, это только подкрепляет выдвигаемое здесь мнение о том, что увидеть, что система межгосударственного соперничества производила выбор в пользу более конкурентоспособных среди внутренних экономических институтов, позволяет лишь весьма расплывчатое представление общей картины.

содействовали развитию инструментов, способствовавших утверждению прочих видов источников будущего дохода. Таким образом, откуп и государственный долг подготовили почву для появления частных облигаций, корпораций и т. д.

Одна из основ корпоративной формы ведения бизнеса — сложные партнерства — встречалась повсеместно. Но вот компания, в которой сочетались бы бессрочность существования, самостоятельность юридического лица и структура, способствовавшая накоплению капитала в рамках собственно компании, действительно характерна именно Западу. Тем не менее, как мы уже убедились, технологии, потребовавшие долгосрочных капиталовложений в объемах, превышающих возможности традиционных кругов (обычно основанных на родственных связях), финансировавших большую часть прочих предприятий (включая угледобывающую и хлопчатобумажную отрасли, сыгравшие центральную роль на ранних этапах индустриализации), появились лишь с приходом эры железных дорог. А до того момента, как мы тоже уже удостоверились, корпоративная форма организации оказалась значимой главным образом в заморской колонизации и военизированной торговле, которые представляли собой такие виды деятельности, которые как раз и требовали (главным образом в силу расходов, связанных с выполнением функций органов государственной власти, таких как ведение военных действий и строительство инфраструктуры) крупнейших объемов долгосрочных капиталовложений. В XIX в., прежде всего в Британии, семейные предприятия доминировали в большей части сфер экономической деятельности, включая торговлю опоясавшей весь земной шар империи. (Любопытно, что единственным исключением здесь оказалась торговля и колонизация в Африке, для которой также предусматривалось создание акционерных обществ-концессий и выполнение ими функций органов государственной власти<sup>117</sup>. Вскоре мы еще вернемся к колониальным корпорациям.) Соответственно, чтобы разглядеть значимость этих новых финансовых механизмов для экономической деятельности в Европе, требуется окинуть взглядом *весьма* продолжительный период времени.

Более серьезным утверждением в случае его соответствия реальной картине стало бы утверждение о том, что подгоняемое военными нуждами выделение привилегий способствовало накоплению капиталов в силу того, что оно вкладывало материальные блага в руки лиц, которые были более других предрасположены

<sup>117</sup> Arrighi 1994: 282–284; Апприги 2006: 359–361.

к тому, чтобы реинвестировать их с максимально возможной выгодой. В ряде мест в работе Броделя высказывается та же мысль. При этом им подчеркивается, как мы уже видели, важность того, что великие семейные династии прибегали к огромному числу разнообразных инвестиционных инструментов. Но даже если данные династии и были значимы, из этого еще не следует, что значимыми были и *все* из открытых ими инвестиционных инструментов. Более того, существует вероятность того, что по крайней мере некоторые из этих связанных с государством инструментов перенаправляли капитал в сторону от более продуктивных видов деятельности. По утверждению Яна де Фриса, значительная часть капитала, использовавшегося для целей экономического роста Европы раннего Нового времени, была найдена посредством перенаправления денег от престижных, но в экономическом плане непродуктивных способов их применения. Военное соперничество, которое привело к тому, что практически каждое государство выставляло на продажу все большее число должностей, откупов и титулов, препятствовало данной трансформации, а не способствовало ей. Джеффри Паркер отмечает, что даже в Голландии, возможно самой буржуазной части Европы XVII и XVIII столетий, многие держатели облигаций испытывали разочарование, когда заканчивалась очередная война, поскольку это лишало их надежного, выгодного, престижного и (в умственном плане несложного) вложения своих денег. То, что мы назвали бы производственными капиталовложениями, привлекало по крайней мере некоторых инвесторов лишь в случаях, когда изыскать какие-либо другие способы применения денежных средств они были не в состоянии<sup>118</sup>. Принимая во внимание данные обстоятельства, трудно понять, как именно «милитаристская фискальная политика» могла внести значительный вклад в экономическое развитие собственно Европы. Войны же вели к ускоренному обесцениванию активов, потере определенных профессиональных навыков и росту себестоимости ведения бизнеса.

Однако вне пределов Европы военное соперничество действительно приносило дивиденды. Прежде всего наибольший эффект механизма межгосударственной конкуренции пришелся на заморские территории. Более того, он ускорил и обусловил развитие Нового Света таким образом, что новые территории сделали гораздо больше для решения проблемы нехватки ресурсов в Европе, чем это удалось бы добиться лишь посредством направления

118. Parker 1988: 63–64.

в эти малонаселенные регионы потоков европейских эмигрантов и открытия этих территорий для свободной торговли.

Разумеется, в определенной мере само завоевание заморских территорий было результатом интенсивного военного соперничества внутри собственно Европы. Соперничество это способствовало существенному развитию военных технологий и тактики, что позволило европейцам нивелировать такие недостатки, как чрезмерно большие расстояния, на которых осуществлялось снабжение войск, и ограниченность размеров военного контингента в заморских территориях. Однако нам не следует приписывать «военной революции» слишком большую роль в заморских успехах Европы. Многие районы Азии были завоеваны европейцами в том числе благодаря тому, что им приходилось иметь дело с противником, который не привык воевать за землю (ведя войны за пленных) и потому легко уступал территорию (что наблюдалось в некоторых частях Юго-Восточной Азии)<sup>119</sup>, или же благодаря тому, что внутренние конфликты вели к созданию условий, когда исход военных кампаний решался пусть и немногочисленными, но хорошо вооруженными войсками (например, в Бенгалии)<sup>120</sup>. В любом случае до конца XVIII в. территории, завоеванные европейцами в Старом Свете, были незначительными и зачастую отвоевывались коренным населением обратно<sup>121</sup>. Наибольшие дивиденды европейский авантюризм принес именно в Новом Свете, при завоевании которого не меньшим подспорьем, чем военные технологии и организованность, оказались неведомые для местного населения болезни<sup>122</sup>.

Еще более значимым для уникальных экономических последствий европейского вторжения в Новый Свет могло быть то, как именно лицензированные монополии, откуп и прочие составляющие сформулированной Броделем модели капитализма были связаны с голодными до доходов и разбрасывающимися привилегиями государствами. Мы можем проследить некоторые из них, сравнив результаты построения Европой своих империй в Новом Свете с успехами тех китайских купцов, которые утвердились в Юго-Восточной Азии без поддержки родного государства. Бóльшая часть Юго-Восточной Азии, как и Новый Свет после прибытия европейцев, была малозаселенной территорией, способной обеспечивать огромные объемы востребованных в ме-

119. См.: Reid 1988a: 122–123.

120. Bayly 1989: 52–53, 67–70; Marshall 1987: 70–82.

121. См., например: Marshall 1980: 15–17, 21–23, 27; Bayly 1989: 98.

122. Crosby 1986: 71–103, 196–216.

трополиях «землеемких» ресурсов. Китайцы расселялись там в значительных количествах, однако Юго-Восточная Азия никогда не была для прибрежных регионов Китая тем, чем стал для Европы Новый Свет.

Европейская колонизация Нового Света требовала существенных издержек на оборону (от американских индейцев, прочих европейцев и африканских рабов, которые во многих районах превосходили своей численностью белое население) и функционирование органов власти. Легче всего подобные издержки переносились игроком, действовавшим в одиночку (неважно — государством или лицензированным монополистом), поскольку он мог сократить объемы экспорта и избежать ситуации, когда ему приходится платить за других игроков, пользующихся благами за бесценок. (Работник, занятый в 1670-х гг. на табачных полях Вирджинии, приносил британской короне больший доход, чем зарабатывал для себя или своего хозяина<sup>123</sup>.) Таким образом, существование монополий делало необходимым финансирование населением Европы заселения больших территорий, чем при условиях, когда производители Нового Света являлись бы частью более открытого рынка.

Колониальные компании, оплатившие первоначальные издержки колонизации, делали все возможное, чтобы прививать вкус к своей продукции у населения метрополий<sup>124</sup>. К этому же, по крайней мере в некоторых случаях, стремились и власти. Хотя нам чаще приходится читать о европейских меркантилистах, воспринимавших в штыки импорт любых предметов роскоши, следует помнить, что Англия, Голландия и Франция полностью поддерживали свои компании, когда речь шла о реэкспорте данных товаров в прочие европейские страны. А поскольку население так или иначе потребляло бы предложенные экзотические товары, то даже самого закоренелого сторонника меркантилизма из числа государственных деятелей можно было легко убедить в том, что будет лучше, если потреблять их население будет с помощью собственной национальной компании, а правительство при этом будет иметь возможность взимать ввозные пошлины и получать от концессионных компаний кредиты<sup>125</sup>.

123. Morgan 1975: 198.

124. См., например: Mintz 1985: 163–164, 170.

125. Для ознакомления с дополнительными цифрами по значимости импорта из Нового Света для пополнения бюджета см.: O'Brien 1988: II, 15 и главу 6 этой книги.

Можно было бы предположить, что без монополий европейский рынок развивался бы еще стремительнее, подобно тому как происходило его развитие после падения цен в результате осуществленной в XIX в. либерализации. Однако совершенно непонятно, каким образом осуществлялось бы финансирование заселения новых земель и их развития, если бы свободная торговля возобладала уже в самом начале их освоения. Владельцы сахарных плантаций вполне могли ввезти еще большее число рабов, если бы рынок для их продукции отличался большими размерами, однако большая часть оборотного капитала, необходимого для приобретения рабов, выделялась европейскими торговцами, а не плантаторами Нового Света. Даже в случае с теми предметами роскоши, к экспорту которых допускались новые, не слишком состоятельные лица, — табаком, пушниной и, возможно, даже золотом и серебром (к концу XVII в. функционировало множество небольших частных шахт), наибольшую выгоду получали не производители Нового Света, а европейские потребители. При этом непонятно, как именно эта разобшенная выгода миллионов потребителей могла бы профинансировать либо расширение миграционных потоков, либо накладные издержки, связанные с освоением территорий Нового Света.

Разумеется, в итоге миллионы рядовых граждан смогли профинансировать собственный переезд на жительство в Новый Свет и переезд своих родственников, однако это случилось уже в XIX в., которому были свойственны гораздо более низкие издержки, связанные с обращением информации, ведением бизнеса и транспортными перевозками<sup>126</sup>. К тому же в это время органы власти Нового Света были уже в состоянии взимать налоги с собственного населения для финансирования вооруженных сил, государственного управления и базовой инфраструктуры, необходимой для расцвета частного предпринимательства.

Было бы глупо утверждать, что растущее потребление предметов роскоши в Европе, напоминающее ситуацию в Восточной Азии, и соперничество между европейскими державами, предоставлявшими монопольные права на развитие новых территорий, что более напоминало картину в Южной и Юго-Восточной Азии, «объясняют» тот факт, что важные заморские территории оказались в распоряжении лишь Европы. Удачи географического и эпидемиологического характера, навигационные успехи и многие прочие факторы позволяют говорить о том, что перед нами

126. Galenson 1989: 67–68.

классический случай множественности равнозначных причин. При этом стоит обратиться и к отличиям в условиях, возникших как результат политической экономии Европы и Китая.

Те из китайцев, которые занимались торговлей с заморскими странами, происходили в основном из Фуцзяня и Гуандуна. Значительная часть населения этих провинций испытывала потребность в земле, вследствие чего многие жители уезжали на Тайвань и в китайскую глубинку. Довольно большое число наемных работников (главным образом рудокопов, но были среди них и земледельцы) в период до 1800 г. эмигрировали в малонаселенные районы Юго-Восточной Азии по приглашению местных правителей, рассчитывавших с их помощью расчистить необходимые площади под выращивание товарных культур<sup>127</sup>. Места их расселения включали как территории, ставшие в дальнейшем районами культивации сахарного тростника, чая и табака («Карибы» Юго-Восточной Азии), так и дельты таких рек, как Иравади, Меконг и Чаупхрая (плюс о. Лусон), которым суждено было превратиться после 1850 г. в «Северную Америку» Юго-Восточной Азии, то есть территории, где трудом прибывших из-за моря мигрантов производились огромные объемы зерновых. Заработная плата в испытывавшей потребность в большом числе рабочих рук Юго-Восточной Азии была достаточно высокой, чтобы привлекать мигрантов даже в случаях, когда они не могли стать землевладельцами сразу же по приезде на новое местожительство<sup>128</sup>. Превращение речных дельт континентальной части Юго-Восточной Азии в рисовые плантации потребовало бы огромных трудовых усилий — главным образом речь шла о выравнивании полей, при этом технологических причин для того, чтобы ожидать установления французского и британского колониальных режимов для решения этой задачи, не было.

Однако массовой миграции земледельцев в XVIII в. ожидать не следовало. Китайское государство не было заинтересовано в обеспечении военной и политической поддержки своих подданных в их заморских начинаниях, что отмечает Вангом Гунгву и другими специалистами<sup>129</sup>. Это позволяло голландским и испанским колониальным властям препятствовать покупке

127. См. примеры из: Heidhues 1996: 164–182.

128. Интересный пример по близлежащим к Батавии регионам приводится в: Blussé 1986: 26–27; для общей информации по заработной плате наемных работников см.: Reid 1988a: 129–131.

129. Gungwu 1990: 400–421.

больших земельных площадей крупными торговыми китайскими общинами в Маниле и Батавии (прежнее название Джакарты), периодически натравливая разъяренных туземцев на китайцев, которых те попросту убивали, или устраивая резню самостоятельно. (Особенно здесь можно выделить события 1740 г. в Батавии и 1603 и 1764 гг. в Маниле.) В подобных обстоятельствах у китайских торговцев были все основания держать свои активы в ликвидной форме, чтобы в случае необходимости можно было без помех пуститься в бега или дать взятку, но не связывать свое состояние приобретением или развитием земельных участков, владеть которыми они и так не должны были. Те же, кому очень хотелось владеть собственной землей, могли приобрести ее на родине, где ситуация с обеспечением прав собственности была более благоприятной и присмотр за ней вполне мог осуществляться родственниками.

Более того, даже в период после 1850-х гг., когда в Юго-Восточной Азии расселились не только китайские торговцы, но и земледельцы, связи между двумя этими группами были слабыми, что отлично иллюстрируется событиями в Батавии.

В Батавии в период после 1690 г. производство сахара за пределами городской черты контролировали китайские предприниматели: в 1710 г. 79 из 84 цехов принадлежало китайцам, составляли они и большую часть рабочей силы. При этом среди владельцев цехов не значились состоятельные и проживавшие в пределах города китайские торговцы, которые уже продемонстрировали способность мстить городу в случае применения против них насильственных действий. Общины же китайцев, проживавших в сельской местности и занимавшихся производством сахара, находились не под присмотром китайского «старшины», отвечавшего за проживавших в городе китайцев, а под опекой голландского начальника полиции, который, судя по всему, был крайне нечист на руку<sup>130</sup>. Голландская Ост-Индская компания приобретала сахар по фиксированной цене, поставляя его в Персию, Индию и Европу<sup>131</sup>.

После того как рынки сбыта пережили серьезное падение цен, в сельской среде стало нарастать недовольство, и голландцы предприняли попытки депортации сельских работников из числа китайцев на Цейлон, испытывавший потребность в рабочей силе. Проживавшие в городе китайцы оказались вовлечены в эту

<sup>130</sup> Blussé 1981: 174.

<sup>131</sup> Ibid., p. 175.

ситуацию лишь после того, как голландцы и местные яванцы обвинили их в том, что они были инициаторами бунта среди своих сельских сородичей, после чего началась резня. В действительности городские и сельские китайцы друг с другом, скорее всего, практически не общались<sup>132</sup>.

Без стабильных, не говоря уже о привилегированных, взаимосвязей с рынком Китая или по крайней мере гарантий безопасности для жизни и состояния китайцев, которые были предоставлены режимами юго-востока Азии более позднего периода, у успешных китайских торговцев, проживавших в Батавии, не было никаких оснований способствовать прибытию большого количества своих сограждан для занятия земледелием и производить необходимые *сельским* поселениям капиталовложения. Соответственно, в условиях отсутствия поддержки со стороны родного правительства сельские поселения китайцев за рубежом продолжали больше походить на временные лагеря, организуемые для непродолжительной эксплуатации выгодных коммерческих начинаний, вместо того чтобы стать, подобно плантациям Нового Света, зародышами разрастающихся общин, экспортирующих землеемкую продукцию, вознаграждавшую тех жителей метрополии, которые, приобретая ее, финансировали освоение новых земель.

Администрация Цин рассматривала возможность жесткого ответа на события 1740 г. Значит, нам не стоит делать слишком поспешных выводов о том, что Китай был «всемирной империей», которая, однако, не находила для себя никакой выгоды в том, чтобы вмешиваться в экономику территорий, лежавших за пределами ее границ<sup>133</sup>. Одним из главных аргументов в пользу организации торгового эмбарго, которым планировалось наказать голландцев за резню, была уверенность в том, что без соответствующих ответных мер голландцы вновь прибегнут к насилию в отношении следующей группы китайских торговцев, точно так же как они поступали и в отношении китайцев, проживавших на территории их колоний на постоянной основе. Главным же

132. Blussé 1986: 94–97; для ознакомления с мнением о случившемся со стороны администрации Цин см.: Fu 1966: 173–74.

133. Для ознакомления с мнением о том, что «империя претендует на то, чтобы быть самодостаточным организмом. Он не может обогащать свою экономику, опустошая другие, поскольку она — единственная экономика» (таковой была китайская идеология, а возможно, и убежденность), см.: Wallerstein 1974: 45. Для ознакомления с тем, какие ответные меры обсуждались императорской администрацией, см.: Cushman 1978 and Fu 1966: 173–174.

аргументом против эмбарго было его потенциальное негативное воздействие на жизни сотен тысяч человек, населявших южное побережье Китая. Главная разница заключалась в том, что те лица, которые вели свои дела из Китая, имели в своих торговых предприятиях и поездках в Юго-Восточную Азию право на императорскую защиту, а те, кто *оседал* в других странах, на подобную защиту рассчитывать уже не могли. Империя Цин также проводила политику территориальной экспансии, однако объектом ее была Центральная Азия, которая не могла обеспечить Цзяннань и Линнань тем же сырьем, что поставлялся из финансируемой торговцами поселенческой империи в Юго-Восточной Азии.

Не была администрация Цин, учитывая понимание ею вопросов безопасности<sup>134</sup>, ее желание сохранить низкие налоги и до конца XVIII в. частый профицит бюджета, заинтересована и в том, чтобы выдавать разрешения на ведение своими гражданами морской торговли под прикрытием вооруженных сил (или, скажем, в образовании торговых монополий для импортируемых товаров). Как следствие, ни одно частное объединение (за одним непродолжительным исключением) не было способно утвердиться в качестве единственного связующего звена между гигантским рынком Китая и заморскими предметами роскоши.

Этим единственным исключением стала морская империя семьи Чжэн, достигшей необычайного богатства и мощи в период своего расцвета в XVII в. Ее успех в коммерческих и морских столкновениях с голландцами, которых им удалось вытеснить с Тайваня и из различных прибыльных рынков Юго-Восточной Азии, заставляет сильно усомниться в любых утверждениях о том, что китайцы по своей сути были не заинтересованы в сочетании военизированной торговли с колониальной/морской экспансией по европейскому образцу, непригодны для нее или не обладали соответствующими технологиями<sup>135</sup>. Чжэн тоже осуществлял

134. Информацию по поводу подозрительности со стороны администрации Цин к тем из китайцев, кто имел слишком обширные заморские связи (в отличие от отношения к собственно иностранцам), и ее озабоченности возможностью сосредоточения торговой и военно-морской мощи в одних и тех же руках, см. в: Wills 1979 (1995). Для ознакомления с мнением о том, что главным вопросом безопасности для администрации Цин было предотвращение восстаний внутри страны, а опасность этого увеличилась бы, когда те, кто получил бы лицензию на насильственные действия за рубежом, вернулся бы домой, см.: Wong 1997: 83–89.

135. Более подробную информацию см. в: Wills 1994: 223–228.

ли колониальные завоевания. Они не только захватили часть Тайваня, где впоследствии расширили свои владения, но и угрожали Лусону<sup>136</sup>. Однако империя семьи Чжэн процветала лишь в период династического кризиса в Китае. Вместо безопасного и привилегированного доступа к рынкам родной страны Чжэн могли вести торговлю лишь с постоянно подвергавшимися осадам портами материковой части Китая. Более того, возглавлявшие семью лица всегда рассматривали торговлю с лежавшими за морем территориями в качестве источника финансирования своих военных операций в Китае, целью которых была безнадежная задача реставрации династии Мин, а не в качестве какого-либо долгосрочного проекта. Таким образом, их империя оказалась успешным эквивалентом европейской военизированной торговли и колонизации, не являясь при этом привычной составляющей китайской государственной системы.

Но даже если бы торговцы, ведущие дела с заморскими территориями, и переезжающие туда поселенцы из Китая вооружились и смогли каким-то образом заручиться разрешением на создание торговых монополий, на этом их трудности не закончились бы. Скажем, монополия на сахар особой выгоды торговцу не принесла бы, поскольку тот же сахар производился в самом Китае. В отличие от китайских европейские торговцы могли устанавливать достаточно высокие наценки на ввозимые сахар, кофе, чай и шелк (а продолжительное время и на табак), позволявшие им компенсировать свои издержки за вооруженное обеспечение производства и доставки данных товаров именно в силу того, что в Европе они не производились. (С другой стороны, они не могли поступать так же, к примеру, и с поставлявшейся из Северной Америки пшеницей. Так, хотя зерно из Пенсильвании и продавалось в некоторых частях Европы<sup>137</sup> и было известно, что далее, вглубь материка, имеется больше подходящих для выращивания зерновых земель, в колониальный период их освоения в целях организации экспорта пшеницы не производилось. Для быстрого перемещения границ возделываемых под пшеницу полей пришлось ждать гораздо более значительного снижения транспортных издержек, развития крупных городских рынков в самой Северной Америке и появления независимого правительства, у которого были свои собственные причины для финансирования расширения своих территорий, управления ими и включения

136. Santamaria 1966: 78–79.

137. McCusker and Menard 1985: 199.

в общий рынок без одновременного расчета на получение немедленной прибыли.)

Таким образом, китайская заморская торговля развивалась по пути, отличному от того, которым следовал тесно связанный с государственными интересами капитализм европейских компаний. В условиях свободной торговли с относительно низкой маржей один только Тайвань в 1730-е гг. экспортировал сахар в объемах, равных трети объемов сахара, производимого в 1750-е гг. на плантациях всего Нового Света. При этом Тайваню удавалось зарабатывать достаточную прибыль для вознаграждения большого числа мелких инвесторов и кораблевладельцев<sup>138</sup>. Тем не менее это не позволяло получать прибыль, которая, скажем, оправдала бы захват Северного Лусона, хотя, принимая во внимание ослабевшую в XVIII в. хватку Испании, контролировавшей регион<sup>139</sup>, его географическую близость к Тайваню и присутствие в Маниле влиятельной общины китайских торговцев (превосходившей в 1603 г. численность населения Нью-Йорка или Филадельфии в 1770 г. и более чем вдвое превышавшей численность населения Бостона в том же 1770 г.)<sup>140</sup>, было бы совершенно логичным, чтобы торговцы, скажем, Фуцзяня, заручившись лицензией, прибегли к использованию оружия и торговым привилегиям, позволившим бы им компенсировать издержки, связанные с привлечением войск, подобно тому как поступали их европейские коллеги. Некоторые данные позволяют говорить о том, что к концу XVIII в. в Батавии и ее окрестностях проживало 100 тыс. китайцев, что было больше численности населения по состоянию на 1770 г. Нью-Йорка, Бостона и Филадельфии вместе взятых<sup>141</sup>. Однако колонизация не имела бы перспектив, если бы потребители экспортируемой продукции не платили за нее. В этом смысле сахар и рис Юго-Восточной Азии были более близки к пшени-

138. Информацию по издержкам морских перевозок см. в: Ng 1983: 157; данные по объемам сахара см. там же, с. 163 и Shepherd 1993: 156–166, ср. с: Deert 1949: 193–203, 235–242, Phillips 1990: 59, 61 и Steensgaard 1990a: 140.

139. Для ознакомления с исследованием, посвященным слабости контроля Испании над данной территорией, см., например: de Jesus 1982: 21–37. Хотя в Маниле и ее окрестностях испанский контроль был более ощутим, китайцы значительно превосходили здесь испанцев числом.

140. Вполне возможно, что накануне резни 1603 г. в Маниле проживало 30 тыс. китайцев (Bernal 1966: 51), в то время как в 1770 г. население Филадельфии составляло 30 тыс. человек, Нью-Йорка — 25 тыс. Бостона — 16 тыс. человек (McCusker and Menard 1985: 131).

141. Блюссе (Blussé 1986: 97) утверждает, что к 1800 г. в Батавии и в непосредственной близости от нее проживало 100 тыс. китайцев.

це Нового Света, чем к его табаку или сахару, а потому будущим гигантским плантациям риса в материковой части Юго-Восточной Азии, как и полям хлебных злаков в Америке, пришлось ждать своего часа, прежде чем они смогли наконец заполучить необходимые для их освоения капиталы и трудовые ресурсы.

Никакого дохода с потребления предметов роскоши повседневного пользования китайское государство не получало, а потому не испытывало никакого интереса к тому, чтобы способствовать его развитию. При таком положении дел, когда 90% получаемого в стране сахара и весь производимый шелк и табак попросту не вывозились за границу, а потому никакого дохода в виде пошлин (до момента появления в 1850-х гг. транзитного сбора на внутреннюю торговлю) не давали, никакой выгоды от содействия торговле данными товарами администрация Цин не имела. Те из чиновников, кого беспокоили излишне большие объемы ввозимого из Тайваня сахара, не обязательно были противниками рынка в большей степени, чем европейские меркантилисты, выступавшие против экспорта серебра для закупки шелка. В конце концов они лишь желали, чтобы Тайвань продолжал продавать рис тем районам Фуцзяня, которые специализировались на торговле, ремеслах и выращивании чая, а не чтобы Тайвань или Фуцзянь оказались экономически обособленными регионами<sup>142</sup>. Администрация Цин была прекрасно осведомлена, что огромное число жителей южного побережья Китая зависели от заморской торговли, а потому и не желала ей препятствовать, за исключением случаев, когда это необходимо было делать по соображениям безопасности. При этом если какие чиновники и настаивали из соображений безопасности на приостановке ввоза предметов роскоши, то, в отличие от европейских противников экспорта серебра, им не противостояли мощные интересы казначейства, вооруженных сил и колониальных властей.

Причины уникальности европейского колониализма заключались не только в межконтинентальной торговле, колониальной экспансии и «милитаристской фискальной политике». Даже если бы Китаю был в большей мере присущ меркантилизм «европейско-индийского» образца или, например, Индии — массовый спрос на экзотические зарубежные товары, подобный тому, что наблюдался в Европе и Китае, им вряд ли удалось превратить Юго-Восточную Азию в то, во что удалось превратить Новый Свет европейцам (и африканским рабам). Начать хотя бы с того, что

142. Для ознакомления с подобными опасениями см.: Shepherd 1993: 162–168.

у них не было того биологического преимущества, которое проявилось в уровне сопротивляемости болезням между представителями Старого Света и Нового. Однако если бы Европе не повезло и не сложились бы воедино различные факторы — эпидемии, военные успехи европейцев, «милитаристская фискальная политика», спрос на предметы роскоши, интерес к серебру со стороны Китая и т. п., ей бы тоже не удалось воспользоваться возможностями Нового Света в той мере, в какой это было сделано. Альфред Кросби совершенно справедливо утверждает, что к обезлюдиванию больших территорий в результате эпидемий могло привести появление в Америке представителей любых народов Старого Света, однако сами по себе патогенные заболевания не были бы способны заменить разрушенные таким образом общества ориентированными на экспорт экономиками и широкомасштабной миграцией, финансируемой с прицелом на обеспечение данного экспорта. Как мы вскоре удостоверимся, экспорт товаров из Нового Света был одним из ключевых, хотя и недостаточным условием постоянного и ускоряющегося экономического роста прежде всего в Британии. Итак, мы выяснили условия и механизм, благодаря которым европейский капитализм и потребительство, возможно, оказались гораздо более значимыми, чем в случае, если бы они были лишены двух континентов, которые можно было использовать под свои нужды.

### Заключение к части 2: значимость сходств... и отличий

Следовательно, можно говорить о том, что еще в середине XVIII в. Западная Европа не отличалась ни уникальной производительностью, ни экономической эффективностью. Однако мы не можем перепрыгнуть от заключения о том, что многие прочие части Старого Света отличались той же степенью благополучия, развития протопромышленности и протокапитализма, что и Западная Европа, к сильно притяннутому утверждению о том, что ряд азиатских обществ двигалось в направлении промышленного прорыва, однако «ростки капитализма» оказались раздавлены маньчжурскими или британскими захватчиками. Более вероятным представляется предположение о том, что к данному прорыву не шел ни один регион мира: никто из основных специалистов по вопросам экономики конца XVIII в., включая европейских, ничего подобного не предвидел<sup>143</sup>.

143. Данное мнение выдвинуто Ригли (Wrigley 1988) и дополнено Вонгом (Wong 1997).

Вместо этого можно говорить о том, что все наиболее «полнонаселенные», то есть достаточно густонаселенные относительно возможностей земельных ресурсов при использовании имеющихся технологий<sup>144</sup>, и экономически развитые части Старого Света двигались в направлении протопромышленного тупика, в условиях которого даже при постоянно увеличивающихся объемах трудозатрат, распространении наиболее популярных способов производства и коммерциализации, позволяющей добиваться еще более эффективного разделения труда, производству едва удавалось опережать прирост населения<sup>145</sup>. Узнать, удалось бы ему опережать прирост населения бесконечно долго, породив европейскую копию того, что Сугихара называет восточноазиатским чудом, характеризующимся стабильностью роста, основанного на интенсивности труда, или же в итоге прирост населения его обогнал бы, заведя общество в настоящий мальтузианский тупик, не представляется возможным. При этом ни один из этих вариантов не походит в достаточной мере на капитало- и энер-

144. Обратите внимание, что применительно к настоящей публикации термин «полнонаселенный» не является синонимом слову «густонаселенный». Так, в Северной Индии численность населения из расчета на квадратную милю превышала аналогичный показатель Западной Европы, однако экологические возможности региона позволяли ему обеспечивать потребности гораздо большего числа людей. Относительно полнонаселенная территория — территория, способная обеспечивать потребности своего населения, достигшего максимально возможной отметки, без крупных технологических прорывов. Подобные территории вполне могут сталкиваться с перспективой экологических кризисов и представлять собой места, где контролируемые относительно скудные факторы производства (землю, а возможно, и капиталы) элиты могут выказывать меньшую предрасположенность к принудительному использованию трудовых ресурсов. Соответственно, это территории с условиями, в определенной мере подходящими для зарождения рынков труда и рынков факторов производства в целом. В конце XVIII в. подобные условия были свойственны Китаю, Японии и Западной Европе: к этому времени все три региона достигли беспрецедентных уровней численности населения, которое в дальнейшем увеличивалось лишь незначительно — до момента начала индустриализации (уже неминуемой для Западной Европы, произошедшей спустя два поколения в Японии и более чем через столетие — в Китае), приведшей к существенному ускорению темпов роста населения. С другой стороны, регионы, которые сегодня фактически рассматриваются как воплощение понятия «перенаселенность», такие как Индия, Ява и Вьетнам, характеризовались более медленным приростом населения до рассматриваемого момента, переживая однако всплеск роста численности населения в начале и середине XIX столетия; в Восточной Европе быстрый рост населения произошел еще позднее.

145. Ср. с: Levine 1977, Kriedte, Medick, and Schlumbohm 1981, Elvin 1973 или Huang 1990; на это же указывается и в публикации: Wong 1997.

гоемкое, требующее наличия огромных территорий «европейское чудо», которое как раз и имело место. Рост производства и потребления текстиля хотя зачастую и рассматривается в качестве начала индустриализации, но изменить направление движения не смог, поскольку сам по себе не являлся решением фундаментальной проблемы, заключавшейся в том, что нужды производства продуктов питания, волокон, топлива и строительных материалов конкурировали друг с другом за все более дефицитные земельные ресурсы. По мере снижения площадей лесов, уступавших место текстильным культурам (а то и вовсе пастбищам для овец, требовавшим еще больше земли из расчета на фунт пряжи), доступность энергии, необходимой для более фундаментальных усовершенствований в транспорте и тяжелой промышленности, снижалась все больше и больше.

Таким образом, вместо того чтобы рассматривать прочие передовые экономики XVI–XVIII вв. в качестве «потерянной Европы», возможно, было бы целесообразнее видеть в Западной Европе данного периода достаточно рядовую экономику. Ей посчастливилось лишь тогда, когда непрогнозируемые и значительные по своим размахам скачки, имевшие место в конце XVIII и в XIX в., позволили ей покончить с фундаментальными проблемами использования энергии и ресурсов, которые в предыдущие периоды заслоняли горизонты *всех и каждого*. И в то время как собственно новый вид энергии возник главным образом как результат быстрого увеличения добычи и применения английского угля. Способность Европы воспользоваться преимуществами, которые давала ей ископаемая энергия, требовала также, как мы увидим в двух следующих главах, притока различных ресурсов Нового Света. И именно благодаря созданию условий, необходимых для их притока, европейский капитализм и «милитаристская фискальная политика» в качестве составляющих мировой конъюнктуры оказались значимыми.

## Часть III

Выход за пределы моделей Смита  
и Мальтуса: от экологических  
проблем к стабильному  
промышленному росту



## Общие трудности: экологические проблемы в Западной Европе и Восточной Азии

ОТДЕЛИВ индустриализацию от любых естественных путей развития экономических процессов раннего Нового времени в *любом* регионе мира, мы можем теперь выдвигать предположения относительно того, как именно развитие отношений между определенными регионами помогло Западной Европе заручиться накануне индустриализации целым рядом важнейших преимуществ. Они не *должны* были привести к прорыву промышленного характера, но должны были значительно увеличить вероятность подобного прорыва и облегчить задачу его развития. Преимущества эти помогли справиться с одной из главных проблем, свойственных экономическим центрам Старого Света: до пришествия искусственных удобрений, искусственных волокон и дешевой ископаемой энергии, благодаря которой процесс получения искусственных материалов отличается экономичностью, труд и капитал могли выступать в качестве заменителя земли лишь в ограниченной степени. Подобное ограничение затрудняло одновременный рост населения, потребления из расчета на душу населения и степени отраслевой специализации той или иной территории. И этот вопрос вставал все острее в связи с ускорением темпов роста данных показателей в XIX в. Как мы уже удостоверились, торговля внесла свой посильный вклад, однако решить эти проблемы была не в состоянии. Трудоемкое землепользование могло прокормить большее число людей и, возможно, даже несколько повысить уровень жизни населения, однако на большее его вряд ли бы хватило; оно привело бы к снижению, а не к увеличению доли населения, занятого вне сельского хозяйства.

Преимущества Европы, которые помогли ей справиться с данными проблемами, носили главным образом экологический характер. Часть из них стали результатом нехватки ресурсов в самой Европе и были, как это ни странно звучит, положительной

стороной препятствий на более раннем этапе разработки, однако преимущества оказались нивелированы преимуществами Восточной Азии, заключававшимися в эффективном использовании земли и топлива. Другие, рассмотренные в главе 1, касались удачного расположения угольных залежей и высокого уровня их эксплуатации. Прочие основывались на богатствах Нового Света и особенностях условий, определивших связь Нового Света с Европой, о чем будет рассказано в главе 6. В свою очередь, эти положительные ресурсные «потрясения» помогли выиграть время для появления других нововведений, а все вместе они трансформировали европейский мир экономических возможностей. Разумеется, это вовсе не значит, что такое дополнительное поле для маневра явилось причиной высокой активности технической мысли, однако, работая бок о бок, эти два фактора существенно повышали эффективность друг друга.

Итак, в настоящей главе для начала я обрисую в общих чертах перспективы Западной Европы сравнительно с перспективами других регионов, обращая особое внимание на то, что у нее было общего с прочими густонаселенными частями мира. Далее я представлю вкратце общие экологические проблемы XVIII в. и приду к выводу о том, что, несмотря на тот факт, что Западная Европа была менее густонаселенным регионом по сравнению с Китаем или Японией, ей приходилось иметь дело со столь же серьезными экологическими проблемами. К концу XVIII в. как в Западной Европе, так и в Восточной Азии сложилась ситуация, когда дальнейшее экстенсивное развитие было практически невозможно без осуществления значительных институциональных преобразований, появления новых землесберегающих технологий и (или) ввоза больших объемов продукции землеемкого производства. В то время как Япония все еще располагала периферийными территориями, в которых при условии институциональных преобразований роста производства можно было добиться за счет применения передовых методов обработки земли, использование которой еще не вошло в фазу интенсивного землепользования, а Европа — гораздо большими площадями подобного рода (особенно в Восточной Европе), в Китае таких земель было относительно немного. Все три региона также характеризовались наличием экономических центров (дельты рек Янцзы и Чжуцзян, Британия и Нидерланды, в Японии — столичный регион и Канто), где поддерживать дальнейший прирост населения или потребления можно было лишь посредством серьезных технологических изменений, значительного увеличения торго-

вого оборота с периферийными районами или за счет и того, и другого одновременно.

Теоретически для поддержания дальнейшего прироста населения посредством увеличения интенсивности труда у Европы оставалось больше потенциала, чем у Восточной Азии, однако природа европейского земледелия была такова, что его полное использование вряд ли было бы когда-нибудь возможным. Более того, маловероятно, чтобы подобный путь позволил бы добиться значительного увеличения потребления на душу населения, не говоря уже о росте промышленного производства. Если мы обратимся к одной из европейских стран — Дании, которая пошла именно этим путем, увидим, что повышение интенсивности труда позволило ей стабилизировать свою хрупкую экологию и добиться *поддержания* определенного уровня жизни. Однако дальнейшего роста населения и потребления из расчета на душу населения при этом не произошло и никаких предпосылок к серьезному шагу вперед создано не было.

Наконец, мною будет рассмотрено, в какой степени все экономические центры пытались ослабить остроту своих проблем через торговлю с менее полнаселенными регионами Старого Света. В каждом случае подобная торговля представляла собою лишь часть решения не только в силу технических ограничений (например, высоких транспортных издержек), которые рано или поздно могли бы быть преодолены, а вследствие социально-экономических проблем, присущих природе осуществляемому по взаимному согласию товарообмену между более или менее развитыми частями Старого Света.

У нас есть основания предполагать, что в качестве мест, обладавших соответствующим потенциалом для индустриальных преобразований, следует рассматривать лишь территории, которым было свойственно наличие относительно высокой плотности населения, продуктивного сельского хозяйства, масштабной высокоразвитой торговли и крупных ремесленных отраслей. Однако даже эти критерии ставят Китай, Японию и, возможно, Индию, прежде всего Северную, в один ряд с Западной Европой.

При дальнейшем рассмотрении Индия представляется менее подходящим кандидатом по сравнению с прочими регионами. Несмотря на наличие населения, отличавшегося высокой численностью и плотностью в абсолютном выражении, Индия была далека от пика своих доиндустриальных возможностей. Судя по всему, прирост населения в империи Великих Моголов сильно отставал от показателей Китая, Японии и Западной Европы

того же периода: оценки за 1600–1800 гг. указывают на прирост населения в диапазоне от 0,1 до 0,3%, а более высокие показатели прироста были зафиксированы лишь в период после 1830 г.<sup>1</sup> Более того, кастовая система там, где она функционировала, предоставляла достаточно замкнутым группам специалистов исключительный контроль над определенными ресурсами и (по крайней мере теоретически) ставила этих лиц и их потомков в бесспорную зависимость от данных ресурсов. Это могло в какой-то мере замедлить быстрое истощение ресурсов, которыми Китай, Япония и Европа были наделены в большей степени. В Китае, Японии и Европе ограничивать чрезмерное потребление ресурсов было гораздо труднее, а у населения было больше возможностей избежать зависимости от того или иного истощаемого ресурса посредством смены занятий или места жительства<sup>2</sup>. Хотя принципы кастовой системы, судя по всему, зачастую не исполнялись даже там, где, по утверждению европейцев, они были значимы, они все же, возможно, выполняли роль определенного тормоза в отношении экономического роста, повышения численности населения (более вероятного там, где наемный труд и возможность смены профессиональной занятости позволяют вступать в брак, не дожидаясь переходящего по наследству места в определенной экономической нише) и истощения ресурсов.

Независимо от того, что было тому истинной причиной, политическая экономия и экологическая ситуация в Индии отличались от того, что наблюдалось в Китае, Японии и Западной Европе, где численность населения почти достигла своего доиндустриального пика, превышая все предыдущие циклические пики. В конце XVIII в. Индии удалось сохранить большие массивы лесов: даже в густонаселенной Бенгалии в середине столетия треть территории была занята все еще не отданными под сельскохозяйственное производство лесами и болотами<sup>3</sup>. К этому времени индивидуальная и коллективная борьба — наиболее распространенный способ защиты своих интересов в среде крестьян на большей территории Китая, Японии и Западной Европы — уже давно стала непрактичной. При этом последние исследования позволяют говорить о несостоятельности идеи о том, что индийским правителям доколониальной эпохи удавалось поддерживать эко-

1. Moosvi 1987: 402, 405; Subrahmanyam 1990: 358–360; Habib 1982a: 166–167; Visaria and Visaria 1983: 463–465.

2. Gadgil and Guha 1993: 91–110.

3. van Schendel 1991: 38.

логическое равновесие до того момента, как британская древесина и спрос на товарные сельхозкультуры, безусловные права собственности и произошедший в XIX в. рост населения не нарушили существовавшее ранее равновесие. Однако те же свидетельства, которые разрушили идиллическую картину экологической ситуации в доколониальный период, включая письменные источники, повествующие о том, как власти приказывали сжигать леса, чтобы неплательщикам налогов, мятежникам и грабителям негде было укрываться<sup>4</sup>, служат напоминанием о том, что Индии все еще были свойственны такой запас экологической прочности и такая форма сопротивления со стороны крестьян, которые на двух противоположных оконечностях Евразии встречались все реже.

При наличии относительно больших площадей еще пустующей земли индийские элиты зачастую полагались на подневольный труд. При этом существовала и многочисленная прослойка свободного сельского пролетариата, работавшего на других, поскольку приобрести землю ему было не по карману<sup>5</sup>. Таким образом, несмотря на то что, как мы уже удостоверились, на рынок Индии поступали большие объемы сельхозпродукции и ремесленных изделий, сами производители доступа к рынку не имели, а это означало, что они приобретали меньше товаров и гораздо реже сталкивались с таким вопросом необходимости распределения своего времени, игравшим центральную роль в «революции трудолюбия».

Одним из результатов подобного использования земли и межклассовых отношений стал на удивление ограниченный внутренний рынок предметов повседневного спроса, предназначенных для простолюдинов. Действительно, Индия вывозила больше товаров, чем ввозила (за исключением драгоценных металлов<sup>6</sup>.) Изменения в зарубежном спросе на ее товары и спросе на товары со стороны ее элит способны объяснить гораздо больше в колебаниях ее экономики, чем эти же факторы в колебаниях экономик Китая, Японии или Западной Европы, в отношении которых существует предположение, что (по крайней мере после 1500 г., а для Китая уже после 1000 г.) любое повышение объемов произ-

4. См., например: Rangarajan 1994: 149–152.

5. Raychaudhuri 1982a: 180–181; Habib 1982a: 168; Habib 1982c: 249; Fukuzawa 1982b: 251–252; Raychaudhuri 1982b: 284, 304; Raychaudhuri 1982c: 335; Arasaratnam 1980: 259–260.

6. Chaudhuri 1978: 155–156; Latham 1978a: 50.

водства само по себе создавало спрос посредством получаемых производителями денежных средств<sup>7</sup>. Там, где повышение объемов производства и доходов элит можно было добиться за счет интенсификации подневольного труда и (или) распахки не использовавшихся ранее под сельскохозяйственные нужды земель, вероятность того, что элиты будут инвестировать в развитие новых производственных процессов была невелика<sup>8</sup>. Кроме того, не было и надежного рынка для инноваций, способных расширить производство обычных видов товаров, несмотря на наличие огромного населения и достаточно хороших транспортных возможностей: у слишком большого числа людей было слишком мало денежных средств. Более того, умный индийский ремесленник понимал, что от нововведений он лично вряд ли что выгадает. Наконец, принимая во внимание высокий статус иерархической взаимовыгоды, бывшей частью многих отношений между покровителем и зависимыми от него лицами, стремление к собственному финансовому выгоду, хотя и существовавшее, возможно, было менее мощным фактором, чем в Китае, Японии или Западной Европе.

Таким образом, Индия вряд ли была тем местом, где мог случиться индустриальный прорыв, несмотря на высокий уровень развития ее коммерции и технологий. Следует напомнить, что картина индийского общества отличалась крайним разнообразием.

7. Ср., например: Raychaudhuri 1982b: 306, Bayly 1983: 204–206, 251, 266, 272, 290 и Prakash 1981: 196–197 с наиболее распространенным представлением ситуации в Китае, Японии и Западной Европе.

8. Дэвид Уошбрук (David Washbrook 1988) пришел примерно к такому же выводу, пытаясь продемонстрировать, что Индия XVIII столетия была капиталистическим обществом, однако не в той форме, которая могла бы привести к индустриализации. Уошбрук делает упор на дешевизну труда, а не на тот факт, что зачастую это был *подневольный труд*, в котором я вижу по меньшей мере столь же важный фактор, но не обсуждается вопрос недорогих и неиспользуемых производственных мощностей. Эта вторая часть сценария разрабатывается в качестве модели выхода для профицита торговли с зарубежными странами, главным образом для ее использования применительно к странам, которые в конце XIX и XX в. все еще имели большие запасы свободных земель (см.: Muir 1958; Lewis 1954.) Среди выдвигаемых данными специалистами предположений следует отметить мнение о том, что в подобных обстоятельствах рост производства требовал крайне незначительных капиталов, по крайней мере в течение определенного времени. Для целей же нашего исследования мы можем переформулировать данный вывод следующим образом: в подобных условиях прибыль элит может прирастать посредством экспорта при относительно небольших инвестициях и совершенно точно без значительных инвестиций в преобразующие технологии.

см, особенно в нестабильном в политическом плане XVII в. Социальные механизмы в ряде ее территорий, судя по всему, двигались в том же направлении, что и в полнонаселенных регионах. Япония эпохи Эдо, которой была свойственна ситуация, когда тщательно расписанные на бумаге и имеющие обязательную юридическую силу предписания на практике соблюдались все меньше и меньше, представляется для данных территорий вполне подходящей аналогией. Наверное, нам стоит рассматривать Индию не в качестве страны с историей экономического развития, полностью отличной от истории экономического развития Китая, Японии или Западной Европы, а в качестве страны, где описанные мною для данных территорий тенденции были в количественном выражении существенно более слабыми, а силы, действовавшие в других направлениях,—гораздо более мощными. Какие именно тенденции возобладали бы в условиях отсутствия колониального режима, остается лишь гадать. При этом торговля с зарубежными странами могла быть подспорьем для развития в любом из двух направлений<sup>9</sup>.

В прочих частях Старого Света население было еще дальше от своего потенциального доиндустриального максимума, чем население Индии, а соответственно и от того пути развития, по которому пошли Западная Европа и Восточная Азия. От Юго-Восточной Азии до Восточной Европы простирались малонаселенные территории, и правившие там элиты не спешили отказываться от подневольного труда, часто увеличивая его интенсивность в ответ на открытие новых рынков.

Таким образом, нам остаются лишь Китай, Япония и Западная Европа. Не случайно именно они стали регионами, расшатавшими «биологический „старый порядок“»<sup>10</sup> и достигшими к 1800 г. новых уровней плотности населения<sup>11</sup>. По крайней мере в экономических центрах данных регионов высокий уровень плотности населения и значительность степени накопления капиталов позволили элитам, имевшим достаточно большую свободу в распоряжении производственными активами, обходиться без подневольного труда и при этом использовать наемный труд по таким расценкам, которые все равно позволяли получать при-

9. Наиболее четко данный вывод представлен у Перлина (Perlin 1994: 83–85; Perlin 1985: 468–473).

10. Фраза из: Braudel 1981: 70; Бродель 1986: 84.

11. Информацию по Китаю см. в: Но 1959; по Японии см. в: Saito 1985: 185–88; по Европе см. в: McEvedy and Jones 1978: 26–30.

быль. Более того, это были территории с минимальными площадями пустующих земель, минимальным использованием труда не по назначению и минимальным проявлением прочих форм неиспользуемых производственных мощностей.

Таким образом, у этих трех регионов была огромнейшая *потребность* в промышленном прорыве, максимизировавшая стимулы к преобразованию производственных процессов. Однако сама по себе потребность привести к необходимым результатам не могла. Соответственно, эти полнаселенные регионы двигались по направлению к одному и тому же вероятному тупику.

Проблема скорого падения объемов производства продуктов питания ни перед одним из них не стояла. Тем не менее налицо были другие проблемы биологического характера. И в Китае, и в Японии повышение объемов производства продуктов питания и текстильных культур шло вровень с приростом населения, однако ценой этому (во всяком случае в XIX в.) были вырубка больших площадей лесов, эрозия склонов холмов и сопутствующее повышение опасности затопления соответствующих территорий. Без новых и значимых земледельческих инструментов, например больших объемов ископаемых и искусственных удобрений, даже такая затратная с экологической точки зрения и трудоемкая экспансия была близка к исчерпанию своих возможностей. То же самое в целом можно сказать и о ситуации в Западной Европе, которой, правда, были характерны два важных отличия.

С одной стороны, как мы уже видели, различные способы интенсификации западноевропейского сельского хозяйства использовались в недостаточной мере, даже в 1800 г. Как следствие, здесь оставалось больше неиспользуемых ресурсов, чем в Восточной Азии. Они вполне могли быть использованы в случае, если бы соответствующие институциональные и ценовые изменения сделали их применение выгодным, что, впрочем, постепенно и происходило. Так, в своем исследовании Франции Джордж Грантам демонстрирует, что постепенное улучшение ситуации с доступом к рынку побуждало крестьян переходить к выращиванию новых наборов сельскохозяйственных культур, прибегать к использованию труда членов своих домохозяйств, которые ранее к земледельческим работам привлекались в недостаточной мере, и изменять свое потребление — все это позволило им продать в 1850 г. гораздо больше зерна, чем в 1750 г., даже в условиях отсутствия значительных технических изменений. Схожий вариант событий был отмечен и в Германии, правда, немного позднее, после

1800 г., когда отмена предыдущих ограничений на использование земли привела к массовому отказу от парового земледелия, четко выраженному переходу к выращиванию новых культур и в большей мере ориентированному на рынок сельскому хозяйству<sup>12</sup>. Однако, принимая во внимание тот факт, что данные усовершенствования были отложены на будущее, у европейского земледелия XVIII в. было больше, чем у Восточной Азии, запаса для дальнейшего роста до момента, когда ему пришлось столкнуться с описанными Мальтусом проблемами.

С другой стороны, неиспользуемые мощности не могли быть оперативно и достаточно легко мобилизованы для удовлетворения потребностей растущего населения и прочих задач, с которыми пришлось иметь дело в XIX в. Данные Грантама указывают на то, что переход к более продуктивному земледелию был далеко не везде даже в таком относительно высокоразвитом регионе, как Северная Франция. Французское земледелие, как он указывает в другой своей работе, отличалось недостаточным уровнем капитализации даже в 1860-х гг., хотя экономика в целом недостатка капиталов не испытывала. Проблема заключалась в крайне медленно трансформирующихся условиях институционального характера, которыми определялся выбор того или иного способа земледелия<sup>13</sup>. Франция продолжала кормить себя сама, при этом ее население, прежде всего городское, росло гораздо медленнее населения Англии, Германии и Европы XIX в. в целом.

Тем временем в Англии, где рост индустриализации и численности населения отличался самыми высокими темпами, неиспользуемых ресурсов или мощностей оставалось, возможно, не слишком много даже в 1750 г., поскольку импульс, обеспечиваемый возможностями рыночной деятельности и благоприятными институциональными условиями, получил там широкое развитие гораздо раньше, чем во Франции. Как следствие, в период между 1750 и 1850 гг. производительность сельского хозяйства в Англии изменилась не слишком сильно<sup>14</sup>. Повышение урожайности кормовых культур позволило отдавать большее число земель среднего качества под пастбища и луга, а земли высшего качества использовать исключительно под культивацию зерновых, результатом чего стало более строгое разделение участков

12. Nipperdey 1996: 126–127, 130–131.

13. Grantham 1989b: 147, 151.

14. Например, Clark 1991: 454–455.

на земли для зерновых культур и земли для выпаса скота. Дополнительные же объемы навоза, производимого животными, которые паслись на землях высшего качества, шли исключительно на удобрение пастбищ, состояние которых значительно улучшилось. Что же касается удобрения земель, используемых под выращивание зерновых, то здесь улучшений не наблюдалось. Соответственно, как общие объемы урожая, так и показатели урожайности единицы площади оставались неизменными, а угроза их снижения — постоянной<sup>15</sup>, до тех пор пока в Британии не были налажены добыча, ввоз, а затем и синтезирование удобрений, главным образом после 1850 г. Работа Мауро Амброзоли показывает, что, хотя англичане и изучали с должной тщательностью соответствующий опыт континентальной Европы, классические труды по сельскому хозяйству и собственные эксперименты, выявленные ими способы оптимального поддержания плодородия почв при одновременном наращивании урожайности применения в Англии не нашли, поскольку речь шла о трудоемких методах земледелия, в то время как английские земледельцы капиталистической формации (в отличие от европейских крестьян) были нацелены на минимизацию трудозатрат и максимизацию прибыли. Методы же, которые были приняты ими на вооружение, нацеленные на повышение производительности труда, представляли собой фундаментальный отход от описываемых в соответствующей литературе передовых методов земледелия и во многих случаях мешали задаче сохранения плодородия почв. Именно эти методы среди прочих причин и вызвали сложившуюся в XIX в. ситуацию, когда уже просто для предотвращения падения урожайности требовались все большие объемы фосфатов и нитратов<sup>16</sup>. Иными словами, без действия со стороны новых промышленных ресурсов Англия испытала бы серьезные затруднения уже с тем, чтобы просто поддерживать определенный уровень урожайности без дополнительного трудового вклада в обработку почв. Как мы удостоверимся, многие другие страны пошли по пути трудоемкого производства, однако к индустриализации он их не привел.

Однако даже с появлением этих новых ресурсов на протяжении последующих десятилетий было сложно добиваться чего-то большего, чем просто поддерживать объемы производства, в то время как объемы потребления стремительно росли. Согласно оценкам Фрэнсиса Томпсона, вполне возможно, что в Англии в период

15. Ambrosoli 1997: 367, 374, 392–395, 412.

16. Ibid., p. 412.

между 1840 и 1914 гг. удалось добиться увеличения объемов сельскохозяйственного производства из расчета на одного работника на 50%. Но поскольку число работников снижалось, можно говорить о том, что общий прирост объемов производства составил за семидесятипятилетний срок, вероятно, лишь 12%, а производство зерновых в период 1866–1914 гг. и вовсе упало. А поскольку вклад в объемы производства со стороны техники, а также покупаемых кормов и удобрений, еще крайне небольшой в 1840 г., достиг к 1938–1939 гг. 45%, становится понятным, что по большей части повышение производительности было достигнуто за счет технологий, еще не существовавших в 1800 г. На тот момент Англия была способна добиваться лишь крайне ограниченного прироста производительности за счет дальнейшей, стимулируемой рынком рационализации в уже весьма ориентированном на рынок сельском хозяйстве<sup>17</sup>, которая в действительности привела к сокращению общих объемов сельскохозяйственного производства (хотя и освободила трудовые ресурсы для других отраслей), не сделав ничего для повышения плодородия почв.

Более того, в период между 1750 и 1850 гг. произошло почти двукратное увеличение общей численности населения Европы<sup>18</sup>. Однако независимо от того, какие именно неиспользуемые ресурсы или мощности были введены в действие, местные потребности континента полностью удовлетворялись. Северо-Западная Европа в целом к 1836 г. испытывала недостаток хлебных злаков<sup>19</sup> — к этому моменту индустриализация в континентальной части Европы только-только началась. В Германии, несмотря на почти 80-процентное увеличение урожайности с единицы площади, которого удалось добиться в течение 50-летнего периода, начавшегося с того момента, как Наполеон приступил к разрушению старого европейского порядка, рост объемов производства едва поспевал за стремительным увеличением численности населения, также частично вызванным разрушением прежнего порядка, ограничивавшего как брак, так и смену занятий в пользу proto-промышленности и прочих видов наемного труда, которые зачастую и делали вступление в брак возможным. Увеличение показателей эмиграции в «голодные 40-е» и в последующие годы указывает на то, что прирост объемов производства продуктов питания в Европе от прироста населения, возможно, несколько

17. Thompson 1989: 189, 193; Ambrosoli 1997: 395, 412.

18. McEvedy and Jones 1978: 28–29; Grantham 1989a: 43.

19. Thomas 1985a: 149.

отставал<sup>20</sup>. Излишков, которые можно было бы продавать Британии, у континентальной части Европы не было.

Объемы же производства зерновых и мяса в самой Британии больше не отвечали растущим потребностям, о чем свидетельствуют, во-первых, резкий рост цен на пшеницу относительно цен на другие продукты питания (на 40% в период 1760–1790 гг.)<sup>21</sup>, а во-вторых—острые проблемы эпохи наполеоновских войн. Поначалу для решения проблемы Британия обратилась к импорту из Ирландии, 10% стоимости которого субсидировалось по решению ирландского парламента в 1784 г. и в дальнейшем<sup>22</sup>. К 1824–1826 гг. данный импорт составлял примерно 10% от собственных объемов производства сельского хозяйства, лесного хозяйства и рыболовства, превышая импорт из Германии и Польши вместе взятых и увеличиваясь и далее в 1830-х гг., статистических данных по которым нет<sup>23</sup>, однако расти в дальнейшем он не мог. Вскоре Ирландия оказалась не в силах себя прокормить и экспорт ее сельхозпродукции сильно сократился. Поскольку дефицит пищевых продуктов, с которым пришлось столкнуться Британии, лишь усиливался, она стала зависеть от их поставок из Нового Света, а также, хотя и в меньшей степени, от поставок из России и Океании.

Тем временем потребление пищевых продуктов в Британии в XIX в. отставало от показателей, которых следовало бы ожидать исходя из роста численности населения и среднедушевого дохода. Как указывают Кларк, Хуберман и Линдерт, все имеющиеся в нашем распоряжении оценки указывают на то, что в XIX в. объемы пищевых продуктов из расчета на душу населения в Британии показывали тенденции к стагнации или даже к снижению, несмотря на наличие уже рассмотренного нами импорта и огромного увеличения объемов ввозимого сахара, о чем мы еще поговорим в главе 6<sup>24</sup>.

Причины того, что более богатое население не потребляло больше калорий из расчета на душу населения, чем раньше, были связаны тем или иным образом с собственно индустриализацией. Все большее число людей были заняты трудом внутри помещений, что уже само по себе снижало пищевые потребности. Се-

20. Nipperdey 1996: 92–93, 97.

21. Thomas 1985a: 141.

22. Ibid.

23. Ibid., p. 145–146. Для сравнения с показателями континентального импорта см. с. 141.

24. Clark, Huberman, and Lindert 1995: 215.

мы сельскохозяйственных работников потребляли в 1863 г. почти на 50% больше калорий из расчета на взрослого мужчину, чем семьи городских работников, тратя на еду больше денег, чем городские работники с тем же уровнем дохода<sup>25</sup>. Все меньше людей занимались тяжелым, немеханизированным трудом — подобные изменения способны снизить потребности в калориях из расчета на час работы в диапазоне от одной трети до половины нормы<sup>26</sup>. Существенное снижение стоимости хлопчатобумажных тканей на 85% между 1750 и 1850 гг.<sup>27</sup> и затрат на обогрев домов<sup>28</sup> также привело к значительному сокращению потребностей в калориях<sup>29</sup>. Чай и сахар, сильно подешевевшие и получившие большее распространение в XIX в. по отношению к прочим видам пищевых продуктов<sup>30</sup>, подавляют аппетит<sup>31</sup>. Соответственно, их вклад в сокращение потребностей британцев в зерновых даже выше, чем вклад собственно содержащихся в сахаре калорий. (Мы еще вернемся к данному вопросу в главе 6.) Необходимо отметить, что все эти изменения были так или иначе связаны либо с началом массового применения угля, либо с резким ростом импорта дешевого сырья (хлопка, сахара и чая) из заморских территорий. Этим, соответственно, подчеркивается тот факт, что Британия удовлетворяла рост своих потребностей в продуктах питания совсем не так, как, по мнению Грантама, это делала континентальная Европа, а также подтверждается наше предположение о том, что без двойной удачи в виде угля и колоний Британии пришлось бы иметь дело с экологическим тупиком, очевидного решения для которого за счет внутренних ресурсов у нее не было.

Более того, утверждение Грантама о том, что рост спроса со стороны городского населения увеличил предложение, поощряя переход к выращиванию более продуктивных сочетаний сельскохозяйственных культур, применимо главным образом к пищевым культурам. Ситуация с текстильными культурами была более сложной главным образом потому, что они весьма капризны к качеству почв и требуют больших трудозатрат. На большей территории Англии лен и конопля выращивались в качестве

25. Clark, Huberman, and Lindert 1995: 226–228.

26. Ibid., p. 225.

27. Mokyr 1990: 111; Мокир 2014: 177.

28. Clark, Huberman, and Lindert 1995: 233.

29. Ibid., p. 235.

30. Ibid., p. 233.

31. Ibid., p. 234.

садовых растений, причем в крайне ограниченных количествах. Даже многочисленные государственные субсидии не смогли переломить ситуацию с нежеланием выращивать их в больших объемах, что требовалось для самообеспечения Британии. Но даже самообеспечение в льне и конопле еще не означало бы самообеспечения в волокнах, именно поэтому в конце XVIII в. Британия приступила к ввозу все более увеличивающегося в объемах поставок хлопка<sup>32</sup>. Во Франции текстильные культуры редко выращивались в качестве регулярных ротационных культур, поскольку сильно истощали почвы. В период 1750–1850 гг. выращивание конопли несколько расширилось, однако лишь в непосредственной близости с городами, где были доступны в больших количествах используемые в качестве удобрений отходы жизнедеятельности человека и животного. Разумеется, что площади примыкавших к городам территорий были достаточно ограниченны, а поскольку города предоставляли множество возможностей по трудоустройству, в распоряжении располагавшихся на данных территориях земледельческих хозяйств редко когда было число рабочих рук, достаточное для значительного расширения посевов текстильных культур, требовавших больших трудозатрат<sup>33</sup>. (Со всем иначе складывалась ситуация в России, где выращивание льна стало достаточно масштабным явлением благодаря тому, что существовавшие площади позволяли держать землю под паром, однако возникли осложнения из-за проблем привлечения достаточного числа рабочих рук и транспорта.) Таким образом, хотя европейское сельское хозяйство и смогло удовлетворить растущие потребности в пищевых продуктах без дальнейшей вырубки лесов, истощения почв или значительных технологических усовершенствований, достаточной гибкости в отношении текстильных культур оно проявить не смогло. Когда в XIX в. производство тканей в Европе достигло заоблачных высот, ей необходимо было закупать гораздо больше волоконного сырья, чем требовалось или потребовалось Китаю или Японии.

И если ценовая эластичность предложения на волокно была ниже ценовой эластичности предложения пищевых продуктов, то соответствующие показатели по строительным материалам

32. Информацию по импорту см. в: Bruchey 1967: table 2-A; по субсидиям на выращивание льна и ограниченности их эффективности см. в: Warden 1967: 362–364.

33. Grantham 1989a: 49–71; информацию по ограниченности перспектив увеличения объемов производства льна в континентальной части Европы см. в: Warden 1967: 724.

и энергоносителям — двум последним из четырех средств существования, определенных Мальтусом в качестве неизменных, значительно уступали им обоим. Лесоводство в состоянии повысить объемы древесины с единицы территории леса по сравнению с объемами, достигаемыми естественным путем. Однако соответствующая деятельность еще находилась повсеместно в зачаточном виде, хотя по состоянию на 1800 г. Япония, вероятно, продвинулась в данной области несколько дальше и Китая, и Европы<sup>34</sup>. Хотя европейский опыт работы в тропиках и передача лесных заповедников Индии в ведение английской Ост-Индской компании и стали ценными источниками знаний о важности искусственного разведения лесов и его технологиях, эти знания нашли применение в Европе лишь после 1840-х гг.<sup>35</sup> Разумеется, ничто в конце XVIII или начале XIX столетия не указывало на то, что какому-нибудь из экономических центров Старого Света удастся добиться значительного увеличения производства древесины. Вместо этого все они столкнулись с ростом спроса на древесину, сокращением площадей, выделяемых под лесное хозяйство, и слабостью увеличения объемов производства на единицу площади. И в этом была серьезная экологическая угроза, противостоящая ускоряющемуся экономическому росту как в Западной Европе, так и в Восточной Азии. Она заслуживает более подробного рассмотрения.

В наиболее развитых частях Европы, Китая и Японии дефицит энергоресурсов представлял собой серьезную проблему, поскольку леса уступали место сельскохозяйственным угодьям. В Европе наибольшая нехватка древесины ощущалась, что ничуть не удивительно, в регионах интенсивного земледелия — от Сицилии до Дании, однако существуют свидетельства того, что дефицит древесины был свойствен практически всем частям континента. К началу наполеоновской эпохи нехватка древесины рассматривалась в качестве острого общеевропейского кризиса<sup>36</sup>. Разумеется, что подобная проблема не стояла столь же остро, скажем, для Скандинавии и России, однако ее наличие указывает на то, что обеспеченность вопросами обеспечения древесиной стала весьма привычным делом.

34. Totman 1995: 104; Totman 1989: 116–70; Bozhong 1994b: 88; Osako 1983: 132, 135, 142; Menzies 1996: 651–654.

35. Grove 1995: 187, 199, 261, 264–266, 299–300, 332–336, 365, 382, 387–406, 409, 427, 435, 440, 463–464, 471–472.

36. Kjaergaard 1994: 18–19, 89–91.

Если принять оценки Броделя, то окажется, что общеевропейское предложение энергоресурсов было достаточным для обеспечения годового показателя 0,5 тонны в угольном эквиваленте на душу населения<sup>37</sup>. Это намного превышает современный показатель минимального (0,33 тонны в угольном эквиваленте) потребления энергоресурсов домохозяйствами в сельских местностях Азии<sup>38</sup>. Однако принимая во внимание суровые зимы на севере европейского континента, более энергоемкие способы приготовления пищи, свойственные европейцам, и их малоэффективные домашние очаги, озвученные Броделем цифры могли и не являться свидетельством большего уровня комфорта по сравнению с показателем современного минимума по сельской Азии. Показатель Кьерсгаарда по общему потреблению энергоресурсов в Дании в XIX в.<sup>39</sup>, соответствующий 0,55 тонны в угольном эквиваленте на душу населения, примерно совпадает с оценками Броделя по Франции и Европе в целом. Как следствие, 1740–1840 гг. оказались худшим периодом в датской истории в том, что касалось обеспечения домов теплом и распространности туберкулеза<sup>40</sup>.

Усредненные показатели не в состоянии отразить всю серьезность проблемы, поскольку перевозить древесину на дальние расстояния по суше было затруднительно, вследствие чего многие местности испытывали постоянный дефицит энергоресурсов. Даже во Франции, где площади лесных покровов были относительно большими, в XVIII в. в ряде местностей древесины больше не было и беднякам приходилось обходиться без огня. Рост же населения данную ситуацию лишь усугублял.

Рост европейских цен на энергоносители в XVIII в., судя по всему, сильно обгонял повышение цен на другие товары<sup>41</sup>. Так, по оценкам Лабрусса, во Франции цены на древесное топливо в период между 1726–1741 гг. и 1785–1789 гг. выросли на 91%, что представляет собой крупнейшее повышение цен среди всего мно-

37. Braudel 1981: 367; Бродель 1986: 392.

38. Для ознакомления с соответствующими данными см., например: Asian Development Bank 1982: 114, 360. Вполне вероятно, что показатель минимального уровня потребления энергоресурсов в Европе выше показателя по Азии вследствие разницы в способах приготовления пищи и гораздо выше в наиболее холодных частях Северной Европы. (Большинство же малоимущих жителей Азии, за исключением населения Северного Китая, проживают в относительно теплом климате.)

39. Kjaergaard 1994: 123.

40. Ibid., p. 97.

41. Goldstone 1991: 186.

гообразия товаров, охваченного его исследованием. ●особенно быстро цены на древесное топливо увеличивались после 1768 г., продолжая повышаться и в начале XIX в., когда их рост достиг «необычайной силы»<sup>42</sup>. В Британии цены на древесное топливо в 1500–1630 гг. выросли на 700%, увеличиваясь в период с 1540 по 1630 г. в три раза быстрее среднего уровня прироста цен<sup>43</sup>. XVII в. стал для большей части страны временем энергетического кризиса<sup>44</sup>. В период после 1750 г. страна столкнулась с хронической нехваткой древесины, древесного угля, продуктов перегонки смолы и железного проката, производимого с помощью древесного угля. В 1763–1795 гг. цены на железный прокат удвоились и его импорт из Швеции и России резко вырос, несмотря на заградительные пошлины и начало значительного увеличения объемов производства с использованием ископаемого угля<sup>45</sup>. Более половины торгового тоннажа судов, прибывавших в 1750-х гг. в британские порты, приходилось на древесину. Импорт пихты увеличился в 1752–1792 гг. на 700%<sup>46</sup>.

При этом даже в местностях, где имелись достаточные для приготовления пищи энергоресурсы, использовать их для производственных целей представлялось возможным далеко не всегда. Для различных частей Европы в XVIII в. была типична ситуация, когда вследствие нехватки топлива кузницы могли работать на регулярной основе лишь несколько недель в году<sup>47</sup>. Приблизительные оценки действительно позволяют говорить о том, что к 1789 г. просто поддержание рассчитанного Броделем уровня потребления энергоресурсов требовало бы 90% от постоянных объемов производимой во Франции древесины<sup>48</sup>. Таким образом, даже если древесина расходовалась без потерь и могла без проблем доставляться в любую местность, ее почти не оставалось для таких целей, как увеличение количества сушильных печей, пивоварен и кузниц или производство больших объемов бумаги, большего числа судов и домов. Расширение применения

42. Lahrousse 1984: 343, 346–347.

43. Nef 1932: I: 174, 263.

44. Nef 1964: 262–264.

45. Обратите внимание, что конкурентное преимущество Швеции и России в железном прокате было обусловлено более низкой себестоимостью труда и высоким качеством руд, а не только большими объемами энергоресурсов (Flinn 1958: 151).

46. Thomas 1985a: 140; Thomas 1985b: 729.

47. Braudel 1981: 367; Бродель 1986: 392.

48. См. приложение D.

ископаемого угля (к чему мы еще вернемся) значительно облегчило ситуацию в Британии, Бельгии, Лионе и за счет импорта в Дании<sup>49</sup>, однако для остальной части Западной Европы ситуация изменилась лишь после 1850 г.<sup>50</sup>

Нидерланды представляют собой интересный промежуточный пример. Долгое время голландцы использовали то, что можно было бы назвать полуископаемым топливом, — торф. Благодаря огромным инвестициям в разработку торфяников и строительство каналов для перевозки торфа Голландия добилась в XVI–XVIII вв. изобилия дешевого топлива. Тем не менее в долгосрочной перспективе торф не был тем энергоносителем, который мог бы обеспечить по-настоящему стабильный и масштабный рост промышленного производства<sup>51</sup>.

Это вовсе не означает, что причины испытываемых голландской промышленностью трудностей были вызваны проблемами ее обеспечения энергоносителями. В своей публикации де Фрис и ван дер Вуде демонстрируют, что предложение энергоресурсов не может рассматриваться в качестве ограничительного фактора голландской экономики, поскольку на фоне снижения промышленного производства значительная часть торфяников оставалась неразработанной (при этом производство торфа в XIX в. заметно увеличилось). Более того, ископаемый уголь мог бы поставаться в Голландию по ценам, ненамного превышающим цену на него в Лондоне. Нехватка ископаемых энергоносителей ограничивающим фактором в развитии голландской экономики не была. Вместо этого, по мнению авторов, производство торфа не увеличивалось лишь потому, что больше не рос спрос на него. Промышленное же производство страны снизилось по ряду других причин, но не потому, что испытывало недостаток энергоносителей<sup>52</sup>.

Подобные утверждения вполне логичны. А торф, разумеется, добывается, а не выращивается на ежегодной основе. Однако 150-летняя стагнация прироста населения, промышленного производства и потребления энергоносителей из расчета на душу населения заставляет рассматривать Нидерланды в качестве уникального случая. То же самое заставляет делать и их уникальная роль в качестве экспортера коммерческих, финансовых и страхо-

49. Kjaergaard 1994: 120.

50. Nef 1932: I: 169.

51. de Zeeuw 1978: 23–25.

52. de Vries and van der Woude 1997: 709–710, 719–720.

вых услуг, оказываемых многим западноевропейским странам, и тот факт, что Нидерланды долгое время полагались на импорт зерновых и древесины, полностью обеспечивая себя волокнистым сырьем и энергоресурсами. Нам нет необходимости демонстрировать, что нехватка ряда сырьевых материалов была серьезной проблемой для любой развитой экономики независимо от наличия каких бы то ни было прочих обстоятельств. Разумеется, еще до того как предложение энергоносителей становилось проблемой, стагнация могла быть вызвана другими, институциональными причинами, что, судя по всему, и имело место в Нидерландах. При этом для обеспечения роста как населения, так и производства на душу населения экономике любой крупной страны требуются ископаемые энергоресурсы и (или) другие способы решения проблемы нехватки земельных ресурсов. К 1780-м гг. даже Нидерланды, несмотря на отсутствие прироста населения и изобилие торфа, импортировали уголь в объемах, составляющих примерно треть объемов добываемого торфа<sup>53</sup>. Если бы в период между началом XVIII и началом XIX столетия население Нидерландов, подобно населению Британии, удвоилось, то даже быстрый рост добычи торфа, пришедшийся на XIX в., мог бы обеспечить ежегодное предложение энергоресурсов из расчета лишь 2 млн килокалорий на душу населения. Соответствующий показатель британской экономики, в основе которой лежало потребление ископаемого угля, составлял 8 млн килокалорий уже в 1815 г., то есть еще до периода, на который пришелся основной бум паровых двигателей<sup>54</sup>. И даже если большие объемы торфа оказались недостаточными для роста экономики, то уж ежегодный рост деревьев был здесь еще меньшим подспорьем.

Между тем древесина высшего качества, используемая для изготовления таких изделий, как корабельные мачты, была еще большим дефицитом. Это заставило Британию попытаться резервировать для нужд военно-морского флота все деревья в колониях Новой Англии, передислоцировав большинство строительных верфей торгового флота в свои богатые лесом колонии, раскинувшиеся от Квебека до Мадраса. Накануне Американской

53. de Vries and van der Woude 1997: 709n. 18.

54. Данные по Нидерландам взяты из того же источника (посредством вычета доли импортируемого угля) и из примечания на с. 719 о том, что в XIX в. производство торфа равнялось показателям за XVII и XVIII вв. вместе взятые. Данные по добыче угля взяты из: Mitchell 1988: 247; данные по энергосодержанию угля основываются на: Smil 1985: 36 и предположении о равенстве долей мягкого и твердого угля в общих его объемах.

революции в одних только американских колониях строилось до одной трети новых судов британского торгового флота<sup>55</sup>.

Для Европы дефицит древесины в Британии (и в меньше степени — во Франции) особо серьезной проблемы не представлял. Вполне возможно, что в 1789 г. 16% территории Франции еще были покрыты лесами по сравнению с более чем 33% в середине XVI в.<sup>56</sup> Согласно оценкам Майкла Уильямса, к 1850 г. большая часть остальной «островной и полуостровной Европы» — Италия, Испания, исторические Нидерланды и Британия — была покрыта лесами лишь на 5–10%<sup>57</sup>. В Дании на леса, покрывавшие 20–25% ее территории в 1500 г., приходилось лишь 4% территории страны в 1800 г.<sup>58</sup>, несмотря на серьезнейшие меры, направленные на охрану энергоресурсов. Это, как мы удостоверимся далее, примерно тот же показатель, к которому к 1930-м гг. пришел китайский макрорегион Линнань, уступавший по коммерческому развитию и плотности населения лишь долине нижнего течения Янцзы<sup>59</sup>. Значительная часть Скандинавии, некоторые районы Восточной Европы и огромные пространства России по-прежнему были покрыты большими лесными массивами, однако, как мы увидим далее, их способность решить проблему дефицита в более развитых регионах Европы была ограниченной. На территориях, которым предстояло стать Германией и Австрией, было все еще больше лесов, чем во Франции: здесь, возможно, лесами было покрыто до 25% площадей<sup>60</sup>. Тем не менее в отдельных частях Германии вопрос нехватки древесины стоял весьма остро еще до пришедшегося на XIX столетие стремительного роста населения и культивируемых земель. При этом ежегодное потребление превышало восстановление лесных массивов по Германии в целом уже в конце XVIII в., что привело как к ввозу древесины из-за рубежа, так и к вырубке лесов в невосполняемых объемах в самой Германии<sup>61</sup>.

Между тем рост спроса на пищевые продукты угрожал еще одному источнику европейского энергообеспечения — плодородию

55. См.: Lower 1973: 36 для данных по Квебеку; см.: Cronon 1983: 109–110 для данных по Новой Англии; Gadgil and Guha 1993: 119; Albion 1965: 161; Thomas 1985a: 140.

56. См.: Cooper 1985: 139n. 2.

57. Williams 1990: 181.

58. Kjaergaard 1994: 15.

59. Оценку лесных площадей см. в: Ling 1983: 35.

60. Williams 1990: 181.

61. Ibid.; Heske 1938: 5, 25–26.

почв. Поголовье овец и крупного рогатого скота, судя по всему, уменьшалось, на что указывает долгосрочное снижение потребления мяса, о котором мы уже говорили ранее, поскольку все больше пастбищных угодий использовалось под нужды земледелия<sup>62</sup>. Снижение площадей лесов делало менее выгодным содержание свиней, в результате чего их поголовье тоже падало<sup>63</sup>. В Дании, где лесов становилось все меньше и меньше, в XVIII в. был введен запрет на выпас в них крупного рогатого скота<sup>64</sup>. Это помогло спасти большое количество молодых побегов деревьев, но при этом сильно увеличило себестоимость содержания крупного рогатого скота и привело к снижению объемов получаемого навоза.

Как следствие, в конце XVII и в XVIII в. объемы и качество навоза, применяемого на единице площади обрабатываемых земель, на значительной части Европы снизились. Даже в ряде тех регионов, где интенсивность земледелия возросла<sup>65</sup>, после 1750 г. ситуация, по крайней мере во Франции, начала усугубляться ускоренными темпами<sup>66</sup>. В Дании в период между 1700 и 1759 гг. стоимость навоза увеличилась на 500%, в то время как цены на сельскохозяйственные культуры выросли весьма незначительно. Клевер, который поначалу воспринимался в Дании в качестве панацеи и доля которого в ротационных культурах составляла в конце XVIII в. 40–70%, привел к новым проблемам — «усталости почв», вызванной произрастанием на них клевера, быстрому распространению свойственных клеверу заболеваний в среде других культур и снижению урожайности, потребовавшему новых изменений<sup>67</sup>.

В Англии, где ориентированность сельского хозяйства на рынок и высокий уровень грамотности населения привели к появлению огромного числа публикаций, посвященных вопросам усовершенствования сельскохозяйственного производства, стада домашнего скота, наоборот, увеличивались. Однако перспективы плодородия почв были все же не столь радужными, как можно было бы себе вообразить, основываясь на свидетельствах о сельскохозяйственной революции. Отчет из Норфолка, датированный 1787 г., недвусмысленно указывает, что ставшая знаменитой норфолкская система севооборота проблемы истощения

62. van Bath 1977: 90.

63. Ibid., p. 89.

64. Kjaergaard 1994: 107.

65. van Bath 1977: 95.

66. Blaikie and Brookfield 1987: 131–132.

67. Kjaergaard 1994: 60, 85–86.

почв не решила, по крайней мере проблемы истощения легких почв. Посевы клевера оказались неоднородными, а земля показывала признаки усталости<sup>68</sup>. Наибольший эффект от несвойственных той или иной местности сортов клевера и прочих кормовых культур заключался в том, что они позволяли превращать второсортные земли в хорошие пастбища, отдавая лучшую почву под зерновые. Однако навоз, получаемый на этих новых пастбищах, приходилось использовать для их удобрения, иначе качество пастбищ снижалось. Соответственно, данная система не решила ни проблему используемых под выращивание зерновых земель, ни проблему производства соответствующих объемов зерновых. Она позволила увеличить объемы сельскохозяйственной продукции (зерно плюс животные продукты), но не объемы производства сельскохозяйственных культур<sup>69</sup>.

Соответственно, в целом, несмотря на совершенствование знаний по земледелию, некоторые из наиболее интенсивно используемых в Европе (включая Англию) земель столкнулись к началу XIX в. с проблемой значительного истощения почв. (При этом, судя по всему, перед Англией не стояла в достаточно серьезной мере проблема эрозии почв, которая, как мы вскоре удостоверимся, стала настоящим бедствием для ряда территорий европейского континента, возможно, как следствие плодосменного хозяйства и случившегося слишком рано ухода из сельского хозяйства большого числа производителей, не располагавших достаточными для реинвестирования ресурсами<sup>70</sup>.) Без пришедшего на XIX в. бума в импорте удобрений, добыче фосфатов и случившемся позднее использовании искусственных удобрений ситуация могла обернуться катастрофой<sup>71</sup>.

Наконец, там, где вырубка лесов сопровождалась чрезмерным выпасом скота, существовала угроза исчезновения собственно почв: в XVIII в. во внезапно лишившихся лесов частях Венгрии, Пруссии, Швеции, Дании, Англии, Голландии и прибрежной Франции обыденным делом стали песчаные дюны и масштабные песчаные бури, иногда переносившие почвы на более чем 30 миль<sup>72</sup>. В других местностях бывшие лесные массивы оказались заболоченными, поскольку прочие растения поглощают

68. Ambrosoli 1997: 374.

69. Ibid., p. 392–394.

70. Blaikie and Brookfield 1987: 140.

71. Hobsbawm 1975: 106; Thompson 1968: 62–77.

72. Kjaergaard 1994: 20–21.

воду и выделяют ее в виде испарений не так хорошо, как деревья, а почва сильно окислилась; чтобы справиться с этими напастями потребовались такие трудоемкие работы, как удобрение почв мергелем и строительство водоотводов<sup>73</sup>. Археологические исследования во Франции и Германии указывают на то, что XVIII в. оказался одним из двух худших столетий в истории Европы в том, что касается эрозии почв, причем именно в XVIII в. проблема максимально усугубилась<sup>74</sup>. Более того, высокий уровень эрозии обычно является указанием на то, что почвам свойственны и другие проблемы<sup>75</sup>, что подтверждается свидетельствами о прекращении роста или даже сокращении урожаев во многих районах континентальной части Западной Европы после 1750 г.

В XIX в. на значительной территории Европы эрозию почв в низменностях удалось остановить. (А вот во многих гористых районах восстановить почвы так никогда и не удалось<sup>76</sup>.) Для этого понадобилось сочетание более качественных вспашки и унавоживания (с применением усовершенствованного плуга, который уже долгое время широко использовался в Китае), восстановления лесов (в чем помогали новые знания в вопросах экологии, увеличение доступности недревесных энергоресурсов, а в конце столетия и поставки леса из Северной Америки) и упразднения еще остающихся полей общего пользования, подвергавшихся по мере роста населения и сокращения площадей самих полей чрезмерной эксплуатации). Вполне возможно, что подспорьем здесь был и уход в XIX в. второстепенных земледельцев в города, а также отъезд в Америку. А увеличение поставок продукции сельского хозяйства из заморских территорий и рост предложения промышленных удобрений, поначалу добываемых, затем производимых искусственным путем, были одними из основных факторов, способствовавших улучшению ситуации с продовольствием в Европе XIX в., а также сдерживавших процесс ухудшения качества почв. Без этих многочисленных, направленных на выправление ситуации мер, среди которых ресурсы Нового Света играли одну из главных ролей, XIX столетие могло бы явиться для Европы временем стремительного усугубления экологических проблем, что, судя по всему, имело место в Китае, или же европейский континент смог избежать подобной судьбы за счет существенно более

73. Kjaergaard 1994: 21, 40–41, 50–56.

74. Blaikie and Brookfield 1987: 129–131, 138, 140.

75. Ibid., p. 137.

76. Ibid., p. 136.

медленного роста населения, более низкого уровня жизни и необходимости удерживать значительную часть населения в сельской местности, где оно применяло трудоемкие, землесберегающие способы земледелия, вместо того чтобы служить источником дешевого труда для промышленности.

Более того, существуют основания предполагать, но не более того, что сокращение лесных площадей в Западной Европе стало сказываться пагубным образом и на климате. Типичная климатическая модель для Европы заключается в относительно ровном распределении осадков по всему году, однако в конце XVIII в. возник такой феномен, как европейский муссон, для которого была характерна смена коротких периодов мощных, концентрированных и зачастую разрушительных для почв осадков продолжительными сезонами засухи<sup>77</sup>. Хотя точная причина этого явления нам неизвестна, следует иметь в виду, что лишенные лесных массивов территории подвержены подобным погодным явлениям в значительно большей степени. Как мы уже видели, европейцы только начали понимать это на основе погодных изменений в ряде колоний, где они осуществляли массовую вырубку лесных массивов под плантации и (или) корабельный лес<sup>78</sup>. Сегодня одним из таких регионов умеренной климатической зоны, которому свойственны подобные погодные феномены, является сильно пострадавший от вырубки лесов Северный Китай, к которому мы вскоре вернемся. Более того, даже там, где рубка лесов не привела к погодным изменениям, она могла иметь для почв те же последствия, что и в случае, если бы климат действительно стал более резким. При замене лесов на сельскохозяйственные поля пиковые температуры у поверхности земли могут значительно повышаться (в ряде мест в Новой Англии были зафиксированы увеличения на 10–11°), в то время как минимальные температуры понижаются. Кроме того, поскольку земля с меньшим числом деревьев удерживает снег значительно хуже, она теряет защитное снежное покрывало, промерзая гораздо глубже. Средняя скорость ветра на таких территориях увеличивается, что может привести к серьезной эрозии почв, а сток воды усиливается, чем усугубляются масштабы как наводнений, так и засух, а уровень грунтовых вод падает даже в случае отсутствия климатических изменений<sup>79</sup>. Поскольку некоторые

<sup>77</sup> Blaikie and Brookfield 1987: 133; см. также: Lamb 1982: 235–236.

<sup>78</sup> Grove 1995.

<sup>79</sup> Для ознакомления с познавательными сведениями по данным взаимоотношениям см.: Crompton 1983: 122–123.

части Европы, практически неспособные отказаться от уже достигнутых масштабов сельскохозяйственного производства, оказались на пороге подобных изменений, им пришлось столкнуться с экологическим кризисом, который в перспективе мог сильно замедлить их индустриализацию.

### Снижение лесных массивов и истощение почв в Китае: ряд сравнений с ситуацией в Европе

У нас нет достаточных количественных данных по сельскому Китаю, однако нам точно известно, что истощение его региональных ресурсов было весьма существенным. В Дельте Янцзы нехватка древесины привела к резкому росту цен на крупные здания и суда. Вполне возможно, что стоимость леса, идущего на постройку морских судов, повысилась в период между 1550 и 1820 гг. на 700%, в то время как стоимость риса, возможно, всего на 100%. Значительная часть верфей, на которых осуществлялось строительство морских джонок, были перенесены из Дельты Янцзы, Фуцзяня и Гуандуна в Юго-Восточную Азию<sup>80</sup>. Население в различных частях Китая старалось избегать использования дефицитной древесины в качестве топлива, обращаясь вместо этого к остаточным продуктам сельскохозяйственного производства, траве и навозу<sup>81</sup>. Примерно к 1750 г. по крайней мере три макро-региона—Линнань, юго-восточное побережье и прежде всего долина нижнего течения Янцзы—зависели от поставок разнообразных товаров, производство которых провоцировало проблемы экологического характера. Все три региона ввозили значительные объемы продуктов питания (13–18% от общих объемов предложения в долине нижнего течения Янцзы). Все три региона ввозили древесину. И по крайней мере долина нижнего течения Янцзы, один из крупнейших производителей сильно истощающего землю хлопчатника, закупала значительные объемы удобрения на основе соевого жмыха у Маньчжурии<sup>82</sup>. Линнань ввозил большую часть используемого им хлопка, а в XIX в., когда рост его населения, в отличие от Дельты Янцзы, продолжился, увеличил ввоз соевого жмыха.

80. Bozhong 1994b: 86–89, 94; Viraphol 1977: 180.

81. Marks 1997: 320. Ли Бочжонг (Bozhong 1998: 48, 2000. 23) указывает на нехватку навоза в Цзяннане и на переход к промышленным удобрениям. При этом им отмечаются прежде всего преимущества новых видов удобрений, а не использование навоза для других целей.

82. Wang 1986: 90–95; Wang 1989: 427; Adachi 1978; Marks 1991: 76–79.

Принимая во внимание высокую плотность населения Китая, существует соблазн предположить, что усугубленность экологических проблем там была гораздо более выраженной, чем в Европе. Однако твердой уверенности в этом у нас нет. Хотя у Китая по сравнению с Европой, возможно, и было меньше возможностей по расширению строительной и энергоемких отраслей, тем не менее вполне вероятно, что его способность поддержать существующий уровень жизни была не меньшей, чем у гипотетической, не имеющей в своем распоряжении ресурсов Нового Света Европы. В действительности эта его способность могла быть несколько более высокой.

Ирригационное выращивание риса, при котором большая часть питательных веществ поступает в растения из воды, а не в почву, а годовой отдых участка с добавлением в почву сушеных водорослей в состоянии воспроизвести запасы питательных веществ, истощенных выращиванием 24 урожаев подряд<sup>83</sup>, сделало интенсивное выращивание риса в Южном Китае на постоянной основе вполне возможным. При этом поголовье свиней (главного источника удобрений) продолжило увеличиваться<sup>84</sup>. В Линнане урожайность заливных рисовых полей росла благодаря использованию больших объемов удобрений на основе соевого жмыха, вполне возможно удвоившись в период между 1750 и 1900 гг. В долине нижнего течения Янцзы, где соевый жмых активно применялся уже в XVIII в., рост урожайности после 1800 г. замедлился, хотя, судя по всему, и не прекращался полностью вплоть до 1930-х гг. даже в условиях широкого использования новых технологий. (Искусственные удобрения и пестициды появились здесь лишь после 1900 г., оставаясь малодоступными вплоть до 1960-х гг.<sup>85</sup>)

В экологическом плане территории богарного земледелия были более уязвимыми, однако, как это ни странно, их ситуация оказалась вполне сопоставимой с ситуацией в земледельческих районах Западной Европы. Мои примерные расчеты по богарному земледелию Северного Китая, основными сельскохозяйственными культурами которого были пшеница и сорго, позволяют говорить о том, что в 1800 г. объемы используемого навоза, вполне возможно, превышали там объемы навоза, применяемого в За-

83. Для ознакомления с классическим описанием экологии выращивания риса см: Geertz 1963: 29–37. Данные о способности высушенных водорослей восстанавливать необходимые объемы азота см. в: Smil 1985: 140.

84. Perkins 1969: 71–72.

85. Сведения по Линнаню взяты из моей личной переписки с Робертом Марксом (Marks); данные по долине нижнего течения Янцзы из: Perkins 1969: 21.

падной Европе, на 40–60% из расчета на единицу площади. Нам мало что известно о качестве данного навоза, однако есть основания полагать, что он был лучше западноевропейского, а способ его применения позволял сохранить имеющиеся в нем питательные вещества гораздо лучше<sup>86</sup>. Еще более важным был тот факт, что, как правило, с типичного земельного надела в Северном Китае в течение шестилетнего севооборотного периода снималось три урожая закрепляющей азот сои в отличие от двух сезонов выращивания закрепляющего азот клевера каждые шесть лет в рамках гипотетически усредненного смешанного севооборота. (В действительности севообороты как в Китае, так и в Европе отличались значительным разнообразием.) В приложении В даны оценки темпов истощения содержания азота на примере двух земледелий Северного Китая и Англии, каждое из которых специализировалось на выращивании пшеницы. Хотя полученные данные приблизительны, они позволяют говорить о том, что сохранение питательных веществ в почвах лучше удавалось жителям Северного Китая, за исключением, быть может, случаев, когда речь шла о выращивании хлопчатника, а не жителям земледельческого центра высокоразвитой Европы<sup>87</sup>. Более того, у лёссовых почв, покрывающих значительную часть Северного Китая, есть одно важное преимущество. Структура лёсса действует подобно капиллярам, вытягивая воду и минералы с больших глубин. По словам одного из специалистов в области географии, при условии достаточной влажности это позволяет лёссу осуществлять эффективное «самоудобрение»<sup>88</sup>. Поскольку те свидетельства, которыми мы располагаем, указывают на то, что в XIX в. показатель урожайности с единицы площади на значительной территории Китая продолжал расти даже без ввоза дополнительных природных или использования искусственных удобрений, существует мало оснований полагать, что, за исключением нескольких конкретных регионов, проблема почв достигла там критической степени. А вот земледельцы Англии и прочих европейских стран оказались не в состоянии поддерживать достигнутый в 1800 г. уровень урожайности без импорта гуано и использования ископаемых удобрений<sup>89</sup>.

86. См. пояснения расчетов в приложении В.

87. См. приложение В.

88. Chi 1963: 14–15.

89. Rossiter 1975: 149–153, 172; Ambrosoli 1997: 395; Hobsbawm 1975: 106; Thompson 1968: 65–70. См. также приложение В.

Нехватка волокон представляла собой потенциально более серьезную проблему в обеих оконечностях Евразии. Как мы уже удостоверились, существует вероятность того, что в Китае в период с середины XVIII до конца XIX столетия произошло снижение объемов производства хлопка из расчета на душу населения, но не общих объемов. Для почв цена даже подобных достижений могла быть весьма высокой, по крайней мере в районах, не использовавших в достаточных объемах удобрений на основе соевого жмыха из Маньчжурии. Существенное отличие ситуации в Европе заключалось в том, что начиная со второй половины XVIII в. она сильно увеличила импорт волокон; прежде всего речь идет об американском, а также и об индийском и египетском хлопке, к которому позднее прибавилась австралийская и новозеландская шерсть.

Проблемы вырубки лесных массивов и обеспеченности энергоресурсами стояли в Китае гораздо серьезнее, хотя, возможно, не столь остро, как принято думать, и, как это ни удивительно, не серьезнее, чем в Западной Европе. Согласно оценкам Линя Дакси, в 1700 г. леса покрывали 26% территории империи<sup>90</sup>. Если не брать в расчет четыре периферийных малонаселенных региона, имевшие мало общего с остальными частями империи, — Тибет, Синьцзян, Цинхай и Внешнюю Монголию, то для оставшейся территории Китая показатель будет составлять 37,2%. Более того, вполне вероятно, что используемые Линем Дакси показатели по Великой китайской равнине слишком занижены<sup>91</sup>.

При этом необходимо учитывать, что оценки Линя Дакси касаются 1700 г., когда демографический бум в империи Цин только начинался. Насколько сильно ситуация ухудшилась к 1800 г.? Разумеется, большие площади бывших лесов оказались в XVIII в. в числе сельскохозяйственных угодий, особенно с появлением кукурузы, батата и прочих введенных культур, позволивших использовать ранее не годившихся для обработки земель. В долгосрочной перспективе вырубка лесов на склонах холмов грозила экологической катастрофой. Между тем осушения отдельных участков рек и озер вело к замедлению течения рек, повышая их заиливание и вероятность наводнений. При этом данные проблемы достигали критического уровня не сразу, а в течение многих лет. Вполне вероятно, что в 1800 г. их состояние соответствовало тому, что наблюдалось в прочих густонаселенных регионах

90. Ling 1983: 34.

91. См. далее в тексте с. 234–235 и приложение В.

мира. Так, проблема, связанная с заселением горных территорий и последующими эрозией почв и наводнениями, была очевидна и в высокогорных частях Японии — в столичном регионе и в Канто, достигнув ситуации, когда существовала постоянная угроза наводнений по меньшей мере за 50 лет до того, как подобная ситуация сложилась и в долине Янцзы<sup>92</sup>.

Предлагаю начать с долины нижнего течения Янцзы — региона, который более всего подходит для сравнения с такими богатыми, но испытывающими экологические трудности регионами, как Англия и Нидерланды в Европе или столичный регион и Канто в Японии. В середине XVIII в. обычным делом были жалобы против чрезмерной мелиорации участков низменностей в долине среднего и нижнего течения Янцзы, однако по большей части речь шла об осушении заводненных участков, а не о вырубке лесов, и ее последствия (главным образом для отвода избыточных вод) критического уровня еще не достигли<sup>93</sup>. До 1780-х гг. жалоб, касающихся экологических проблем, вызванных вырубкой лесов в горных районах, было немного<sup>94</sup>. (Жалобы, касавшиеся проблем социального характера, представляли собой совершенно иной вопрос: многие из тех, кто занимался вырубкой лесов в горах, были мигрантами из других регионов, и столкновения между местными и приезжими случались весьма часто.) Значительная часть суши в Дельте Янцзы была образована за счет осушения болот и засыпки части моря, а не путем вырубки лесов, всегда уступая по количеству деревьев большей территории Южного Китая. Провинция Цзянсу, включая существенную часть Дельты, судя по всему, является единственной южной провинцией, где леса составляли менее половины территории (46%) еще в 2700 г. до нашей эры<sup>95</sup>. Согласно оценкам Линя Дакси, к 1700 г. площади лесов в провинции Цзянсу, состоявшей в значительной мере из земель Дельты Янцзы и южной части Великой китайской равнины, составляли примерно 5% территории, что позволяет приравнивать ее к тем частям Северного Китая, где экологическая ситуация была наиболее тяжелой, а также к Англии XVIII в.<sup>96</sup>

92. Cp.: Totman 1992: 22 с Schoppa 1989: 147–167; Perdue 1987: 227, 230; Will 1980; Osborne 1994: 30–31.

93. Cp. с: Schoppa 1989: с. 120–139 и 147–163; см. также: Perdue 1987: 196, 202, 219–233.

94. Osborne 1994: 30.

95. Ling 1983: 33.

96. Ibid., p. 34.

При этом сравнительно недалеко располагались лесные массивы: большие площади холмистой территории провинции Чжэцзян, примыкавшей с юга к Дельте Янцзы, еще в 1802 г. были покрыты лесами, новая массовая вырубка которых случилась в 1840-х гг., причем скорость вырубки лесов увеличилась уже после 1820-х гг.<sup>97</sup> Первое упоминание в письменных источниках о наводнениях, приписываемых последствиям вырубки лесов на холмах, датируется 1788 г.<sup>98</sup> Та часть Фуцзяня, которая приходится на юго-восточное побережье (как и Цзяннань, отличавшаяся чрезвычайно высоким уровнем плотности населения территории, а также крупный судостроительный центр), судя по всему, столкнулась с серьезными проблемами, вызванными вырубкой лесов на склонах холмов, ростом эрозии и наводнениями, еще в XVI в., однако в дальнейшем произошла стабилизация ситуации<sup>99</sup>.

Экологии долины нижнего течения Янцзы угрожал целый ряд серьезных проблем, однако, вполне вероятно, что лишь в XIX в. их острота превысила остроту аналогичных проблем в экономических центрах Европы и Японии. А к этому времени, как мы увидим, острота экологических проблем в большей части развитых регионов Европы уже была снята за счет подземных и заокееанских ресурсов. В меньшей степени, но острота данных проблем была снижена и в Японии, все больше полагающейся в производстве продуктов питания и удобрений на дальние рыболовные экспедиции<sup>100</sup>. Однако несмотря на ослабление остроты данных проблем, население Японии в период с 1720 по 1860 г. почти не увеличивалось. Ряд ученых утверждают, что с середины XVIII в. не увеличивался и уровень дохода на душу населения, достигший, однако, к тому времени исключительно высокого значения<sup>101</sup>.

Более подробный количественный анализ масштабов вырубки лесов и проблем, связанных с обеспечением энергоресурсами, возможен применительно к Линнаню, вполне вероятно второму макрорегиону Китая, в том, что касается показателей коммерческого развития и плотности населения. И хотя нет никаких со-

97. Osborne 1994: 36.

98. Ibid., p. 30–31.

99. Vermeer 1990: 141–147, 156, 161.

100. Totman 1992: 23.

101. Данное мнение рассматривается Хэнли и Ямамурой (Hanley and Yamamura 1977: 16–28), подвергающими его серьезной критике. Люк Робертс (Roberts 1991: 88–95) выступает за более сложную разбивку данных, утверждая, что прежнее мнение вполне применимо к ряду периодов и регионов.

Таблица 5.1  
Площадь лесных угодий в Линнане в 1753–1853 гг.

|         | Площадь лесов, га |          |           | Площадь лесов, % |        |         |
|---------|-------------------|----------|-----------|------------------|--------|---------|
|         | Гуандун           | Гуанси   | Линнань   | Гуандун          | Гуанси | Линнань |
| 1753 г. | 9000 000          | 6500000  | 15500000  | 45               | 35     | 40      |
| 1773 г. | 8200000           | 6020 000 | 14220 000 | 41               | 32     | 37      |
| 1793 г. | 7440000           | 5660 000 | 13100000  | 37               | 30     | 34      |
| 1813 г. | 6560 000          | 5240000  | 11800000  | 33               | 28     | 30      |
| 1833 г. | 5760000           | 4940 000 | 10700000  | 29               | 26     | 28      |
| 1853 г. | 4880000           | 4700 000 | 9580000   | 24               | 25     | 24      |

мнений, что к концу XVIII в. экологические проблемы встали здесь весьма остро, у Линнаня оставались большие резервы лесных массивов, чем у значительной части островной и полуостровной Европы. Вполне вероятно, что ситуация в Линнане была даже более благоприятной, чем во Франции, которую часто противопоставляют высокоразвитой, но уничтожившей свои леса Британии<sup>102</sup>. (В 1753 г. в Линнане проживало 17,5 млн человек, а к 1853 г. — 30,5 млн<sup>103</sup>; население Франции составляло в 1789 г. 26 млн человек, а размеры территории превышали площадь Линнаня на 40%.)

Согласно оценкам Линя Дакси, по состоянию на 1700 г. в прибрежной провинции Гуандун площади лесов составляли 54,5%, а в Гуанси, смежной с Гуандуном провинцией, обеспечивавшей его рисом, — 39%<sup>104</sup>.

Подобно ситуации в других частях Китая, демографический бум, только начинавшийся в 1700 г., привел к значительному сокращению лесных площадей; в отличие от долины нижнего течения Янцзы в Линнане рост численности населения не ослабевал и в XIX и XX вв. Можно с уверенностью сказать, что к 1937 г. площади лесов в Гуандуне составляли 10% от общей территории провинции, а в Гуанси и вовсе 5%<sup>105</sup>. При этом данные по промежуточным периодам у нас отсутствуют, поэтому мы будем рассчитывать некоторые показатели самостоятельно.

102. См., например: Williams 1990: 181–182.

103. Marks 1997: 280.

104. Ling 1983: 34. Роберт Маркс, автор первого полномасштабного исследования истории экологии Линнаня, находит эти цифры достаточно правдоподобными.

105. Ibid., p. 35.

Один из простейших способов расчета заключается в учете тенденций численности населения. Применяя данные, собранные Робертом Марксом, мы в состоянии рассчитать среднюю взаимосвязь между ростом населения и исчезновением лесов: появление одного дополнительного жителя в Гуандуне означало сокращение площади лесов примерно на 0,4 га, а в Гуанси — на 0,6 акра<sup>106</sup>. (Подобная разница в показателях между двумя провинциями основывается на том факте, что посевные площади в Гуандуне расширялись не только за счет вырубки лесов, но и засыпки части моря, а выращивание риса отличалось высокой степенью интенсивности; кроме того, в отличие от Гуанси, Гуандун ввозил значительные объемы риса.) Соответственно, учитывая предложенные Робертом Марксом данные по росту численности населения каждые 20 лет, мы можем использовать полученные усредненные показатели для расчета исчезнувших к определенному году площадей лесов. Хотя данный способ позволяет осуществлять лишь приблизительные расчеты, его результаты, скорее всего, заставляют ситуацию выглядеть удручающей в *более раннем* периоде, чем это было в действительности<sup>107</sup>. Результаты расчетов представлены в табл. 5.1.

Наличие тенденции стабильного сокращения лесов очевидна, однако следует отметить, что в 1853 г. лесами все еще были покрыты около 25% общей территории Линнаня, в то время как плотность его населения составляла примерно 77 человек на 1 кв. км; для сравнения: во Франции площадь лесов в 1789 г. снизилась до 16% от общей территории страны, при этом показатель плотности населения составлял менее 50 человек на 1 кв. км<sup>108</sup>.

106. На основе данных из: Marks 1997: 280.

107. На самом деле следовало бы ожидать, что показатель сокращения лесов из расчета на каждого дополнительного жителя должен быть меньше в начале рассматриваемого нами периода и выше — в конце. Лучшие земли, как правило, осваиваются первыми, соответственно, поначалу прирост населения требовал использования меньших площадей, чем в дальнейшем (хотя именно в дальнейшем это могло быть компенсировано за счет повышения урожайности земли). Кроме того, в более раннем периоде дополнительные потребности в энергоресурсах, вызванные приростом населения, могли удовлетворяться и без того, чтобы показатель ежегодного потребления древесины превышал скорость восстановления леса. Однако по мере возрастания плотности населения потребление древесины могло уже вести к объемам вырубки лесов, значительно превышающим объемы его восстановления, что запускало процесс постоянного усугубления ситуации, по крайней мере в ряде местностей.

108. Данные по населению Франции взяты из: McEvedy and Jones 1978: 59.

Именно в силу того, что плотность населения в Линнате была гораздо выше, чем во Франции, более высокий показатель доли лесных площадей может скрывать больший дефицит древесины. Для того чтобы разрешить данный вопрос, я прибегнул к созданию двух простых, хотя и искусственных показателей. Первый из них — экологически рациональный объем обеспечения энергоресурсами из расчета на душу населения — представляет собой оценку того, как много тепла (в тоннах угольного эквивалента — туэ) ежегодно можно получать из древесины, не прибегая к вырубке больших объемов леса, чем те, что допустимы для его восстановления. Второй — использование древесины в промышленных целях из расчета на душу населения — указывает на объемы древесины, доступной для прочих целей (от производства бумаги и строительства до обеспечения топливом кузниц), исходя из предположения, что основные потребности домохозяйств в топливе были удовлетворены, но не превышены, и потеря древесины не произошло.

На первый взгляд может показаться, что при использовании данных показателей ситуация во Франции должна выглядеть более оптимистичной, чем в Линнате, с учетом того, что от одного гектара леса зависело гораздо меньше людей. Однако по крайней мере четыре фактора заставляют предполагать обратное.

Во-первых, вполне вероятно, что потребности в энергоресурсах на душу населения в Южном Китае были значительно меньше аналогичных потребностей во Франции, так как в более теплом климате необходимость обогрева жилищ стояла не столь остро; способы тепловой обработки пищи в Китае позволяли доводить ее до готовности гораздо быстрее и при использовании меньшего количества топлива; конструкция китайской печи отличалась гораздо большей эффективностью как для целей приготовления пищи, так и для обогрева жилища по сравнению с конструкциями печей и (особенно) каминов, распространенных в Европе. Данные отличия были учтены мною при расчетах показателей по Гуандуну (см. приложение В), однако существует большая вероятность того, что сила их воздействия принята во внимание в недостаточной мере<sup>109</sup>.

109. Информацию по конструкциям печей, технике быстрого обжаривания пищи в глубокой сковороде при постоянном помешивании и прочим особенностям, повышающим эффективность использования топлива, см. в: Anderson 1988: 149–151, 154. См. также приложение В.

Во-вторых, общая практика выращивания деревьев и сбора древесного топлива в Китае, для которой были характерны наличие небольших групп деревьев во дворах или вокруг дворов каждой семьи и более выраженная зависимость от добычи древесины в лесных массивах, указывает на минимальность транспортных издержек. Соответственно, имело смысл подбирать и хворост, и прочие мелкие элементы горючих материалов, которые в европейских лесах остались бы лежать на земле и просто пропали бы. Я не знаю, насколько сильным было это отличие, поэтому в моих расчетах оно не учитывается, однако оно показательно для практики китайских семей сельской местности, когда использование небольших объемов дополнительного труда (обычно женского и детского) помогало извлекать максимальную пользу из ресурсов, компенсируя экологические издержки, связанные с более высокой плотностью населения<sup>110</sup>. (Относительная немногочисленность больших массивов лесов также соответствует другой традиции, согласно которой китайские элиты, в меньшей мере интересующиеся охотой и верховой ездой, чем большая часть правящих классов Евразии, предпринимали меньше усилий по сохранению значительных массивов земли для целей малоинтенсивного использования, чем господствующие слои большинства прочих оседлых обществ<sup>111</sup>. Результатом этого была большая эффективность, но меньшие объемы неиспользуемых ресурсов, что впоследствии сыграет для Европы благоприятную роль «преимущества отсталости».)

В-третьих, в субтропическом Линнане за год дерево почти наверняка успевало вырасти больше, чем во Франции. Подобное отличие можно было бы оценить количественно и учесть при расчетах, однако я этого не сделал; это еще один способ добиться того, чтобы наши сравнения были предвзяты скорее по отношению к Китаю, чем к Европе.

110. Информацию по данной практике выращивания деревьев и ее отличиям от ситуации в Европе см. в: Menzies 1996: 663, 667.

111. Подобное обобщение применимо скорее к этническим китайцам из числа мелкопоместного дворянства, купцов и землевладельцев, чем к маньчжурским завоевателям, основавшим династию Цин; однако маньчжуры повсеместно оставались немногочисленной группой населения, за исключением Пекина и собственно Маньчжурии. Более того, в то время как культурные интересы маньчжуров теряли налет воинственности (они все меньше увлекались охотой и верховой ездой), среди собственно этнических китайцев тех, кто интересовался охотой и верховой ездой, всегда было немного.

В-четвертых, и это, возможно, самое важное, семьи китайских земледельцев использовали в качестве топлива не только древесину, но и остаточные продукты урожая. Таким образом, в то время как во Франции каждый гектар леса, превращенного в пашню, был полностью утерян для целей обеспечения энергоресурсами, в Китае отданная под плуг земля продолжала обеспечивать земледельцев и топливом. Сжигание остаточных продуктов урожая имело свои экологические издержки, однако это вряд ли представляло собой большую проблему. Речь шла о потере органических веществ, которые могли бы удобрить собою почву (поскольку черви, бактерии и грибок разлагали мертвые растения на питательные вещества, поглощаемые живыми растениями), хотя наша оценка азотного обмена позволяет говорить о том, что это едва ли представляло серьезную проблему. Еще одна не поддающаяся расчетам, однако, возможно, более серьезная проблема заключается в том, что извлечение остаточных продуктов урожая усугубляет ветровую эрозию почв. Вполне возможно, что это была более серьезная проблема для Северного Китая, чем для Линнаня, поскольку для севера страны характерны более легкие почвы и более длинные промежутки между сбором урожая и появлением новых ростков, обладающих достаточно сильными для удержания земли корнями. Для текущих целей данные издержки приниматься мною в расчет не будут, по крайней мере для показателей по Линнаню. Я перехожу к оценке описанной практики в обеспечении потребностей региона в энергоресурсах.

В предшествующую зеленую революцию эпоху съедобным было менее половины веса взрослого растения риса (как и прочих малых зерновых растений). Думаю, мы ничуть не переоценим объемы остаточных продуктов урожая, если предположим, что они равнялись объемам съедобной части растения. Однако надо учитывать, что некоторые из остаточных продуктов использовались как корм для скота, особенно свиней. Хотя до 1920-х гг. описей поголовья скота нигде в Китае не проводилось, существуют основания полагать, что соотношение количества свиней (главного источника мяса) к количеству людей на протяжении истории менялось незначительно (это позволяет нам применять данные по XX в. для XVIII в.). Мною делается допущение о том, что соотношение числа прочих сельскохозяйственных животных, использовавшихся главным образом для выполнения определенных работ, к числу людей в целом соответствует показателям XX в. по Северному Китаю, что почти наверняка будет представлять собой завышенное значение, поскольку крестьяне Линнаня

обрабатывали гораздо меньшие наделы, чем жители севера страны. (Для дополнительной информации по источникам, допущениям и расчетам см. приложение В.)

Использование данной методики применительно к объемам производства продуктов питания в Линнане в 1753 г., рассчитанных Робертом Марксом, приводит к выводу о том, что остаточные продукты урожая, доступные для использования в качестве топлива, должны были давать по меньшей мере 0,08 туэ на душу населения или примерно четверть того, что рассматривается Азиатским банком развития в качестве сегодняшних минимальных потребностей; при этом более достоверным представляется показатель 0,16 туэ на душу населения. (Маловероятно, чтобы в XVIII в. крестьяне использовали значительно бóльшие объемы топлива, чем те, что рассматриваются сегодня в качестве нормы, и было бы парадоксальным предполагать, что их потребности были выше, а потому им пришлось столкнуться с невероятной нехваткой энергоресурсов.) И на случай, если наша оценка все же является завышенной, я полностью исключил любые остаточные продукты, кроме тех, что сопутствовали сбору урожаев зерновых, батата и сои, притом что остальные культуры были распространены весьма широко. Согласно оценкам Роберта Маркса, все пищевые продукты, употребленные в 1753 г. населением Линнаня, вполне могли быть выращены на 30% культивируемой в провинции земли. Соответственно, даже при таком маловероятном сценарии, как необходимость уменьшить рассчитанные Марксом объемы урожая вдвое, территории, отданные в Линнане под другие культуры, все равно должны были составлять более 40% общих сельскохозяйственных площадей; игнорирование остаточных продуктов с данных территорий почти наверняка в достаточной мере принижает любой оптимизм в оценке объемов получаемого из них тепла.

Теперь мы можем перейти к оценке объемов обеспечения энергоресурсами в 1753 г. и в последующем периоде. Прибавляя прирост населения в Линнане каждые 20 лет плюс соответствующее число животных, предполагая (ложно), что дополнительные площади земли, отдаваемые под сельскохозяйственные нужды, служили лишь для обеспечения потребностей дополнительного населения в питании, и используя вышеприведенные данные, касающиеся вырубки лесов, мы получаем показатели для табл. 5.2 и 5.3. Таблица 5.2 демонстрирует, что потенциальные объемы обеспечения энергоресурсами из расчета на душу населения были подвержены изменениям. Таблица 5.3 показывает, сколько дре-

Таблица 5.2  
Общие объемы обеспечения энергоресурсами  
из расчета на душу населения при условии,  
что древесина для иных целей не использовалась, туз

|         |      |         |      |
|---------|------|---------|------|
| 1753 г. | 1,75 | 1813 г. | 0,99 |
| 1773 г. | 1,45 | 1833 г. | 0,83 |
| 1793 г. | 1,19 | 1853 г. | 0,70 |

Таблица 5.3  
Объемы обеспечения древесиной,  
превышающие потребности домохозяйств

|         | <i>Лесные<br/>территории,<br/>га</i> | <i>Лес, исполь-<br/>зуемый<br/>как топливо</i> | <i>Оставшиеся<br/>лесные<br/>площади</i> | <i>«Нетопливная»<br/>древесина,<br/>т на душу<br/>населения</i> |
|---------|--------------------------------------|--|--|---|
| 1753 г. | 15500000                             | 1650000  | 13850000                                 | 2,85  |
| 1773 г. | 14220000                             | 1675000  | 12545000                                 | 2,25  |
| 1793 г. | 13100000                             | 2260000  | 10840000                                 | 1,73  |
| 1813 г. | 11800000                             | 2469000  | 9331000                                  | 1,32  |
| 1833 г. | 10700000                             | 2956000  | 7744000                                  | 1,00  |
| 1853 г. | 9580000                              | 3339000  | 6241000                                  | 0,74  |

весины было доступно для прочих целей при условии, что ежегодно рубке подвергались лишь экологически рациональные площади лесов и потребность в древесине, необходимой для обеспечения разницы между доступными остаточными продуктами урожая и минимальными объемами топлива, используемого для обогрева жилищ и приготовления пищи, полностью удовлетворялась до того, как древесина шла на другие возможные цели.

Несмотря на свою неточность, полученные показатели иллюстрируют два важных момента. С одной стороны, мы видим, как рост населения мог приводить к быстрому уничтожению лесов даже в экономике, использовавшей ресурсы достаточно эффективно. Если учитывать, что древесина, обозначенная в табл. 5.3 как «нетопливная», шла на строительство домов, судов, изготовление телег и прочих необходимых изделий, становится очевидным, что запасы энергоресурсов, доступных для обеспечения роста в любой отрасли (даже в текстильной, где энергоресурсы применялись для изготовления отбеливающих веществ и красителей),

стремительно уменьшались. Таким образом, получается, что, способствуя увеличению численности населения, рост рыночного ремесленного производства мог в итоге привести к закрытию той экологической «двери», которая позволяла «революции трудодобу» перейти к революции промышленной, если только экономика не переходила на массовое использование ископаемых энергоресурсов и (или) импортируемого сырья. В рассматриваемом нами случае сдерживающий фактор экологического характера был налицо. В ретроспективе он представляется серьезным препятствием для дальнейшего роста населения и среднедушевого дохода, связывая трудовые ресурсы в сельском хозяйстве.

С другой стороны, приведенные цифры вовсе не указывают на неминуемость мальтузианского кризиса — даже по состоянию на 1853 г. ситуация в Линнане представлялась более благоприятной, чем та, с которой в более ранний период столкнулась Франция (повторюсь, далеко не самая обезлесенная часть Западной Европы). По состоянию на 1550 г. показатель общих объемов резервов энергоресурсов из расчета на душу населения составлял во Франции 2,3 туэ или 3,6 тонны пригодной для заготовки древесины на душу населения сверх основных потребностей, но к 1789 г. почти весь этот избыток оказался исчерпан. Уровень обеспечения энергоресурсами должен был составлять примерно 0,64 туэ на душу населения при условии, что вся пригодная для заготовки древесина сжигалась, что оставляло примерно 0,29 тонны древесины из расчета на душу населения для использования в прочих целях при условии, что потребление энергоресурсов соответствовало предложенному Броделем показателю 0,5 туэ на душу населения. Ситуация даже в самых густонаселенных частях Китая, судя по всему, не отличалась крайней остротой экологических проблем, а была даже более благоприятной по сравнению с ситуацией в экономически схожих частях Европы.

Наконец, нам следует обратиться к ситуации в Северном Китае. Этот регион богарного земледелия был лишен преимуществ, связанных с наличием заливных рисовых полей. При этом необходимость обеспечения столицы страны, которая всегда была одним из крупнейших городов мира, лежала на нем тяжелым грузом. К 1900 г. на значительной части территории Северного Китая действительно был экологический кризис. Причем принято считать, что подобная ситуация существовала здесь на протяжении длительного времени. Приводимые Линем Дакси данные по 1700 г. позволяют говорить о том, что две северные провин-

ции Китая Шаньдун и Хэнань уже сильно пострадали от уничтожения лесов, площади которых составляли 1,3 и 6,3% соответственно. В Чжили — третьей провинции, целиком относившейся к макрорегиону Северный Китай, ситуация с лесами была не столь плачевной (22,7%). В Шаньси, входившей в данный макрорегион лишь частично, лесами были покрыты 18,8% территории. Тем не менее ситуация в двух последних провинциях была далеко не безрадужной.

В целом с самыми серьезными экологическими проблемами, судя по всему, пришлось столкнуться двум макрорегионам — Северному Китаю и Северо-Западному Китаю. Вследствие того что северо-запад страны отличался низкой плотностью населения, заострять внимание на его усугубляющихся проблемах мы не будем, несмотря на всю их значимость в локальных масштабах, а сосредоточимся на его значительно более густонаселенном соседе. Северный Китай, как мы уже удостоверились в главе 3, представляет собой единственный макрорегион Китая, где в период между 1750 и 1900 гг. объемы производства непищевых культур, вероятно, упали как в абсолютном выражении, так и из расчета на душу населения, поскольку для выращивания пищевых культур требовалось все больше площадей. Однако по состоянию на 1800 г. ситуация в Северном Китае была удручающей далеко не повсеместно: перспективы повышения уровня жизни были ограниченными, однако экологические резервы еще позволяли стабильное поддержание уже достигнутого уровня жизни при некотором приросте населения.

Путешествовавший в 1696 г. вдоль Великого канала французский миссионер дю Альд упоминал в своих записях обширные леса в южной части Шаньдуна, одной из наиболее густонаселенной частей самой бедной лесами части Северного Китая<sup>112</sup>. Местность близ Яньчжоу, к которой и относились описываемые дю Альдом леса, продолжала поставлять топливную древесину по каналу в императорский кирпичный завод в Линьцине и на протяжении XVIII в. Пусть объемы поставляемой древесины и были небольшими, это позволяет говорить о том, что Шаньдун располагал большими площадями лесов, чем можно было бы предположить, исходя из данных Линя Дакси<sup>113</sup>. Свидетельства Джорджа Стаунтона, члена британской дипломатической миссии в Пекине, указывают на то, что даже в 1793 г. ситуация была далеко

112. Pomeranz 1993: 134.

113. Тан 1986: 138.

не однозначной. Замечая, что на большей части Великой китайской равнины деревья «разбросаны редко»<sup>114</sup>, он указывает и на наличие в ряде мест крупных рощ, обычно вблизи кладбищ<sup>115</sup>. При этом, по его мнению, в целом жители сельских местностей Северного Китая, которых он встречал, хотя и были бедными, но нужды в предметах первой необходимости не испытывали. Стаунтон также отмечает, что в Северном Китае корни сорго, обычно сжигавшиеся для получения используемой в качестве удобрения золы, «в случаях нехватки топлива» применялись и для поддержания огня в домашнем очаге<sup>116</sup>. Наконец, Стаунтон указывает на то, что сам Великий канал на протяжении многих миль был обрамлен ивами и прочими деревьями, высаженными для укрепления его берегов<sup>117</sup>. Хотя собственно сами эти деревья и не были достаточно многочисленными, они позволяют говорить о том, что нехватка энергоресурсов еще не достигла критической отметки: в XX в., когда население действительно испытывало серьезные проблемы с топливом, защитить эти деревья от незаконной вырубki оказалось невозможным<sup>118</sup>.

Любые количественные оценки будут весьма приблизительными, однако использование данных за XX столетие, для того чтобы с достаточной долей достоверности обрисовать картину предшествующих периодов, вполне возможно. В качестве выборки мною были взяты 25 округов на юго-западе Шаньдуня, население которых могло составлять в 1800 г. примерно 5 млн человек. К 1930-м гг. используемые в выборке округа Северного Китая стали одними из тех, кому пришлось столкнуться с самой острой нехваткой энергоресурсов: вполне возможно, что объемы обеспечения энергоресурсами упали здесь до годового показателя на душу населения 0,09 туэ, что ниже показателей в самых проблемных частях современного Бангладеш и Сахеля<sup>119</sup>. Соответственно весьма удивительно, что, по свидетельствам Стаунтона, в 1800 г. население указанной территории особых трудностей не испытывало.

Приблизительная и при этом весьма консервативная техника расчетов указывает на то, что показатель обеспечения энергорес-

114. Staunton 1799: I: 279, II: 46.

115. Там же, ч. I, с. 266; а также ч. II, с. 46, 169.

116. Там же, ч. II, с. 138, 141.

117. Там же, ч. II, с. 142.

118. Сведения по нехватке топлива и незаконной вырубке деревьев в XX в. см. в: Pomeranz 1993: 124–125, 143–145.

119. См.: Pomeranz 1993: 125; Pomeranz 1988: appendix F.

сурсами в рассматриваемых округах составлял в указанный период примерно 0,62 туэ в год, что примерно на 20% выше предлагаемого Броделем показателя использования энергоресурсов во Франции того же периода и почти в два раза выше современной оценки минимальных потребностей. Вполне возможно, что более 40% данного показателя обеспечивались за счет остаточных продуктов урожая, однако существует вероятность того, что в 1800 г. по крайней мере 13% территории рассматриваемых округов еще были покрыты лесами<sup>120</sup>. Судя по всему, для удовлетворения прочих потребностей (так, при строительстве сельских жилых домов часто использовался кирпич-сырец) древесины оставалось немного, не говоря уже о ее использовании для целей промышленного роста, а сжигание остаточных продуктов урожая в долгосрочном плане, должно быть, самым негативным образом повлияло на эрозию почв и утрату ими питательных веществ (прежде всего в силу дальнейшего исчезновения лесов в последующие десятилетия и снижения уровня грунтовых вод, о чем мы еще поговорим ниже). Тем не менее по состоянию на 1800 г. общая ситуация вряд ли была более удручающей, чем на значительной территории Западной Европы.

Таким образом, несмотря на высокую плотность населения, в 1800 г. ситуация с воздействием на земельные ресурсы со стороны жителей Китая, вероятно, была не хуже, чем в Европе (или Японии). И вполне вероятно, что по крайней мере в том, что

---

120. См. приложение В. Приведенный процентный показатель значительно превышает предложенный Линем Дакси показатель по провинции в целом (1983 г.), однако мне представляются лишь два варианта, при которых он может оказаться слишком завышенным. Первый заключается в том, что я серьезно переоценил урожайность единицы площади, однако это потребовало бы маловероятного заключения о том, что урожайность в течение XIX столетия, отмеченного серьезнейшими экологическими трудностями и слабым развитием технологий, росла еще стремительнее, чем население. Второй заключается в серьезной недооценке мною площадей земель, отданных в рассматриваемых округах под выращивание непитаемых культур; при этом округа эти, судя по всему (подобно тому, что наблюдалось в XX в.), были в значительной мере сконцентрированы на выращивании пшеницы и сорго при достаточно небольших объемах производства табака и хлопчатника. Это более вероятный вариант — в главе 3 мною было выдвинуто предположение о том, что в конце XVIII в. Северный Китай в целом, возможно, производил большие объемы хлопка, чем столетием позже, однако, если мои показатели лесных площадей ошибочны именно по этой причине, это означает, что для использования в качестве топлива были доступны даже большие объемы остаточных продуктов урожая, чем мы предполагаем, и что в 1800 г. Китай был еще более процветающим обществом, чем мною допускается.

касается деревьев и почв, в Китае скорость гниения была ниже той, что наблюдалась в Западной Европе XVIII в.

В других частях Европы экологические резервы могли быть более мощными. Так, более широкое распространение практики ротации сельскохозяйственных культур в Восточной Азии повысило уязвимость сельского хозяйства данного региона с установлением в Северном полушарии в первой половине XIX в. более холодной погоды, вызванной неожиданным снижением солнечной активности<sup>121</sup>. Европа, по которой у нас есть большое число свидетельств, еще располагала значительными площадями лугов и пастбищ, орошаемых в мере, достаточной для их превращения в пахотные земли. Почти две трети площадей, прибавившихся к пахотным землям в Европе (за исключением России) в период между 1700 и 1850 гг., пришлось именно на эти пастбища. При этом и демографические, и институциональные исторические данные указывают на то, что большая часть подобных трансформаций произошла после 1800 г. Однако в Китае (или, если быть точным, в китайской части Средней Азии) большинство не используемых под земледелие лугов представляли собой степи, а потому расширение посевных площадей производилось в основном за счет вырубки лесов или осушения болот<sup>122</sup>. Таким образом, относительное изобилие воды (представлявшей собой естественный ресурс) могло дать Европе дополнительное поле для маневра в попытках справиться со связанными с земельными ресурсами трудностями.

Земельные и водные проблемы были взаимосвязаны и другими путями. Несмотря на то что тщательный сбор хвороста и остаточных продуктов урожая в Китае и позволил решить проблему дефицита энергоресурсов, снизив необходимость в расчистке дополнительных площадей и вырубке большего числа деревьев, данный подход имел и свои изъяны. Исчезновение лесов со временем вело к эрозии почв и увеличению числа наводнений. Как уже указывалось, вполне возможно, что в XVIII в. ситуация с эрозией почв в Китае была не хуже, чем в Европе, а вот проблема наводнений могла стоять гораздо острее. Вырубка лесов ведет и к обезвоживанию почв, поскольку лишившиеся леса территории получают меньше осадков, испарение влаги из почв усиливается, а низкорослые растения подвергаются более серьезному воздействию со стороны солнечных лучей. Сезонный характер

121. Marks 1997: 224.

122. Данные по Европе см. в: Richards 1990: 164.

осадков и засухи в Северном Китае делает его более схожим с некоторыми средиземноморскими и тропическими регионами, чем с Северной Европой<sup>123</sup>, и вполне возможно, что с исчезновением лесов климатическая ситуация в нем лишь усугубилась. Кроме того, по мере того как лёссовый грунт становится все более сухим, он оказывается не в состоянии снабжать растения дополнительными питательными веществами через свою мощную капиллярную структуру. Самое же важное здесь то, что лёссовые почвы очень легковесны и чрезвычайно подвержены эрозии при исчезновении лесов, защищающих ее от сильных ветров. (Значительная часть почв, утраченных на территории Великих равнин северо-американского континента вследствие пылевых бурь 1930-х гг., также были лёссовыми.)

Таким образом, то, как Европа решала свою задачу нехватки энергоресурсов (даже в период, предшествующий массовому применению угля), могло быть более эффективным методом сохранения других ресурсов, чем подход, практикуемый в Китае. Необходимо подчеркнуть, что дело здесь было вовсе не в том, что европейцы осознанно пытались предупредить иссушение почв посредством сохранения лесного покрова. Хотя подобные усилия и предпринимались в ряде тропических колоний, где последствия вырубki лесов для климата были значительно более выраженными, данные идеи, частично основанные на китайских и индийских источниках, возымели значение в самой Европе гораздо позже: сохранение лесного покрова в том виде, в котором он существовал в Европе XVIII в., было направлено исключительно на получение строительного леса (особенно для кораблестроения) и топлива<sup>124</sup>.

В ряде частей Северного Китая недостаток воды мог стать к 1800 г. серьезной проблемой, хотя наши сегодняшние знания не позволяют сделать сколько-нибудь определенные выводы. В течение двух последних столетий в данном регионе происходит опасное снижение уровня грунтовых вод. Сегодня многие города Северного Китая столкнулись не только с нехваткой воды, но и с серьезной проблемой проседания грунта<sup>125</sup>. Вполне

123. См., например, карты I-17 и I-23 в: Hsieh 1973, согласно которым среднегодовой уровень осадков на большей территории Северного Китая составляет примерно 500 мм, 250 из которых приходятся только на июль и август, а 150 — главным образом на период с октября по апрель. Для сравнения с данными по Северной Европе см.: Wallen 1970: 63, 114, 162–192, 227–239.

124. Grove 1995: 56–59, 155, 199.

125. Smil 1994: 38–49; China News Digest, May 21, 1998.

возможно, что по состоянию на конец XVIII в. данные проблемы еще не достигли критической отметки. Да, крестьянам Северного Китая приходилось строить все более глубокие и дорогостоящие ирригационные колодцы, особенно тем из них, кто занимался культивированием хлопчатника (разумеется, что в долгосрочном плане это только усугубило ситуацию<sup>126</sup>), однако предпринятое в 1771 г. исследование лежащей к югу от Пекина территории показало, что параметры 117 родников и 5 крупных озер практически не отличаются от своих показателей 1420 г.<sup>127</sup> Исчезновение водоемов в окрестностях Цзинаня, столицы провинции Шаньдун, и в юго-западной части Шаньдуня также, судя по всему, произошло в конце XIX и прежде всего в XX в. В префектурном географическом справочнике, датированном 1839 г., указано, что на тот момент в округе Личэн насчитывалось 7 озер, 150 родников, 11 колодцев, 14 прудов и 18 прочих водоемов. В справочнике подчеркивается, что 2 из 72 родников, которыми славился округ, исчезли. Кроме того, в нем содержится указание на исчезновение еще 7 родников и 2 озер, указанных в более ранних источниках (иногда значительно более ранних времен). (Предыдущий географический справочник по данному округу датируется 1785 г.<sup>128</sup>) Это позволяет говорить о некотором снижении уровня грунтовых вод, хотя и не слишком резком. При этом в географическом справочнике по Личэн, датированном 1920-ми гг. и отличающемся гораздо большими подробностями по всем представленным сведениям, указывается лишь 5 озер, 40 родников, 5 прудов и 4 ручья. В нем особенно подчеркивается, что из 72 знаменитых источников, 70 из которых еще существовало по состоянию на 1839 г., осталось менее половины и что большое число прочих водоемов также исчезло или заметно уменьшилось<sup>129</sup>. Таким образом, представляется весьма вероятным, что любые проявившиеся в XVIII в. трудности, связанные с колодцами и снижением уровня грунтовых вод, представляли собой раннее и достаточно мягкое проявление проблемы, резкое усугубление которой пришлось на период после 1850 г.

126. Pan 1994: 57–59.

127. Zuo and Zhang 1990: 476. Необходимо, однако, учитывать, что данная территория уникальна, поскольку значительная ее часть представляла собой императорские охотничьи угодья.

128. Jīnān fūzhī 1839: juān 6. Указание на исчезнувшие водоемы приведено в следующих разделах справочника: 6:24a–b, 6:32a, 6:33b, 6:35a, 6:36a–b, 6:40b, и 6:42b.

129. Xūxiū Lìchéng xiānzhī: juān 10–12; информацию по 72 источникам см. в разделе 10:44a.

Благодаря преимуществам, которые дает ретроспективный взгляд, мы в состоянии заметить ряд важных отличий в том, каким именно образом экологические и экономические проблемы были взаимосвязаны в Китае и Европе. У Европы было немного шансов на увеличение объемов обеспечения своих потребностей в ткацком волокне и древесине за счет собственных ресурсов, принимая во внимание достаточно малоинтенсивный уровень ее сельского хозяйства и (по сравнению с Восточной Азией) ограниченность предложения труда, что явилось бы помехой для повышения производства льна, более тщательного сбора топливных материалов и использования остаточных продуктов урожая, а также, возможно, даже шансов на увеличение объемов производства продуктов питания, которое соответствовало бы потребностям происходившего в XIX в. роста населения. Тем не менее оказалось, что дефицит данных ресурсов мог быть восполнен за счет заморской торговли (поначалу благодаря хлопку, гуано, сахару, деревянным судам и продуктам перегонки смолы, а затем пшенице, мясу и лесу). Китай и Япония удовлетворяли данные потребности за счет собственных ресурсов благодаря использованию трудоемких способов производства и (как мы увидим далее) внутренней торговли. И делали они это не для того, чтобы запутываться в сетях экологических проблем. Тем не менее в долгосрочном плане именно это и произошло, по крайней мере в Китае, запас прочности которого в обеспеченности водными ресурсами и, возможно, защиты от холодной погоды уменьшился. Эти проблемы нельзя было разрешить ни посредством погоды, ни любыми технологиями даже из числа тех, которыми мы обладаем на сегодняшний день.

Относительно небольшой запас экологической прочности, свойственный периферийным районам Китая, делал их весьма уязвимыми и в случае любого снижения уровня эффективности или помощи со стороны государства, содействовавшего в сглаживании указанных проблем, при этом в середине XIX в. резкое снижение указанного уровня и произошло. Богатая Дельта Янцзы, которой была предоставлена свобода в решении водных и прочих экологических задач, оказалась затронута данным снижением в гораздо меньшей мере, чем остальные регионы, хотя и серьезно пострадала в результате гражданских войн XIX в. и роста объемов ввоза опиума, сопутствовавших новым проблемам и новым ориентирам государства<sup>130</sup>.

130. См.: Pomeranz 1993: chaps 3–5.

Наконец, после того как население оказалось вовлечено в отличающиеся большей степенью интенсивности сельское хозяйство и заготовку энергоресурсов и именно этим и обеспечивало свое существование, изменить ситуацию, вычленив и разменяв проблемы данного пути на проблемы (решенные за счет колоний, технологий и химии), свойственные пути, которым пошла Европа, представлялось нелегкой задачей<sup>131</sup>. При этом даже в современных условиях переориентация китайского населения на занятость в нацеленное на экспорт промышленное производство и импортирование больших объемов сырья (как в свое время поступила Европа) оказались крайне сложной задачей. Проблема здесь заключается не только в огромном количестве соответствующего населения, но и в том, что многие из этих «излишних» работников в отличие от «излишних» работников в протопромышленности *не могут* перейти на работу на фабрики и заводы, без того чтобы это не сказалось негативным образом на объемах сельскохозяйственного производства.

Иными словами, ни одного из тех изменений, сочетание которых позволило Западной Европе остановить усугубление своих экологических проблем, не было в Китае. Там не оказалось свободных ресурсов, наличие которых обеспечивалось малоэффективными методами использования земель, такими как общественные выгоны, трехполье или пастбища, предназначенные для выпаса лошадей дворян. Не было Китаю и пользы ни от тяжелого железного плуга (глубокая пропашка замедляет эрозию почв), использовавшегося на протяжении столетий, ни от заимствования и доработки идей и технологий разведения лесов. У оказавшихся не у дел земледельцев не было такой альтернативы, как промышленные города или Америка, и, как мы смогли удостовериться в главе 2, бытовавшие в среде китайского населения обычаи не позволили полностью реализоваться даже той небольшой пользе в решении экологических проблем, которую периферии могли бы получить в случае оттока части населения,

131. Взгляд на данную проблему со стороны Сугихары (Sugihara 1997) более оптимистичен. Он утверждает, что, хотя взятие на вооружение и адаптация западных технологий применительно к широкому массам населения, ставшие результатом более позднего «восточноазиатского чуда», породили на настоящий момент лишь одну страну (Японию), уровень жизни в которой не уступает уровню жизни в богатейших государствах Запада, революция эта обернулась ни с чем не сравнимым благом для миллионов жителей неевропейских стран, обеспечив большие объемы роста мирового ВВП в XX в., чем собственно Запад.

ищущей лучшей доли, в пропромышленный район Дельты Янцзы. В Китае не было ни бума использования угля, заменившего собою древесное топливо, ни больших объемов землеемких товаров из Нового Света. И хотя прирост населения Китая, возможно, и был медленнее того, что наблюдался в 1800–1850 гг. в Европе (примерно тем же он был и в период между 1800 и 1850 гг.), он пришелся прежде всего на такие регионы, как Северный Китай и районы среднего и верхнего течения Янцзы, поставлявшие большие объемы сырья в Дельту Янцзы. Соответственно, если сложить друг с другом проявления, скорее всего, большей по сравнению с Европой экологической уязвимости Китая (частично в силу самообеспечения волокном) по состоянию на 1800 г. и прибавить сюда отсутствие неиспользуемых ресурсов, возможностей по реализации относительно простых усовершенствований в области землепользования и каких-либо эквивалентов того, чем Америка стала и в качестве направления исхода населения, и в качестве источника сырья, то внезапное расхождение путей развития Европы и остального мира становится не таким уж и удивительным. Мы видим, каким образом экологическая ситуация, которая в 1800 г. была ненамного хуже ситуации в Европе, особенно того, что наблюдалось в экономических центрах европейского континента, и усугубление которой даже замедлилось, в ряде регионов Китая вдруг стремительно ухудшилась, в то время как в Европе ситуация стабилизировалась. В свою очередь, нетрудно представить и то, что без всех этих (или по крайней мере большинства) источников решения экологических проблем, как ставших результатом использования новых технологий, так и наверстывания отставания или богатств Нового Света, Европа также могла добиться гораздо меньших экономических преобразований, оказавшись в ситуации, когда ей пришлось бы столкнуться с необходимостью предпринимать гораздо больше усилий экологического характера.

Здесь снова весьма показателен пример Дании — западноевропейской страны, которая больше схожа с некоторыми регионами Китая и Японии, чем с Англией. Несмотря на мощное развитие датского военного и торгового флота в XVI–XVIII вв. (ценой чему стала вырубка больших лесных площадей) и создание концессий для заморской торговли и колонизации в соответствии с принципами англо-голландской модели, в итоге Дания мало что выиграла от заморской экспансии, а ее проблемы, связанные с землей, энергоносителями и плодородием почв, в XVIII в. обострились. Тем не менее в отличие от большей части Европы ей

удалось стабилизировать экологическую ситуацию за счет внутренних ресурсов — масштабных кампаний по удобрению почв мергелем, обращению песчаных дюн в плодородные земли, рытью канав, систематическому управлению лесными ресурсами, плодопеременному хозяйству с засаживанием огромных площадей клевером и т. д. Меры эти оказались крайне трудоемкими — весьма сдержанные оценки Кьерсгаарда указывают на 50%-ное повышение рабочих часов для трудящихся сельской местности<sup>132</sup> — и во многих случаях требовали массового использования каторжного труда, еще весьма распространенного явления в Дании XVIII в.<sup>133</sup>

Несмотря на то что данные усилия подвели под сельское хозяйство новую, экологически более здоровую основу, в период 1500–1800 гг. увеличения доли городского населения в Дании не произошло, а рост протопромышленности был весьма скромным<sup>134</sup>. Почти все энергоемкие товары, включая изделия из стекла, завозились из других стран, несмотря на связанные с этим проблемы<sup>135</sup>. Данная ситуация была свойственна и XIX в., хотя Дания и располагала достаточными объемами капиталов, транспортом хорошего уровня, участвовала в развитии европейской науки и имела поблизости примеры индустриального строительства схожих с ней в культурном плане обществ. Более того, трудовые ресурсы страны были по-прежнему сконцентрированы прежде всего в сельском хозяйстве, несмотря на то что трудоемкие подходы к земледелию, сохранности энергоресурсов и землепользованию привели в долгосрочном плане к существенному снижению физической производительности труда: согласно оценкам Кьерсгаарда, в период между 1500 и 1800 гг. произошло не более чем 100%-ное увеличение объемов сельскохозяйственной продукции, которую необходимо было продавать для импорта таких товаров, как энергоресурсы, в то время как трудозатраты

132. Kjaergaard 1994: 151. В действительности, поскольку Кьерсгаард приходит к выводу о 50%-ном увеличении рабочей недели и росте числа рабочих недель в году, наиболее вероятным представляется более чем 50%-ное увеличение рабочего времени. См. также обсуждение Кьерсгаардом вопроса с применением мергеля на с. 55–56, где его расчеты показывают, что трудозатраты на обработку одного тонда земли (0,55 га) составляли 110 рабочих дней, однако его дальнейшие расчеты основаны на допущении, что данные трудозатраты составляли всего 50 рабочих дней.

133. Ibid., p. 37–38.

134. Ibid., p. 151–154.

135. Ibid., p. 123.

увеличились более чем на 200%<sup>136</sup>. (Когда же в конце XIX в. при-быльность труда в Дании стала повышаться, поначалу причиной этого было не столько усовершенствование физической производительности, сколько рост индустриализации в соседних странах, благодаря которому цены на сельхозпродукцию увеличились.)

Таким образом, вступить однажды на путь почти полной экологической самодостаточности посредством интенсификации сельского труда и затем свернуть с этого пути оказалось делом весьма непростым — во всяком случае до того момента, как развитие в XX в. соответствующего оборудования и химии не позволило произвести гораздо более радикальные преобразования в сельском хозяйстве. В этом смысле путь Дании скорее напоминал путь, по которому в XVIII и начале XIX в. шли различные части Восточной Азии, чем путь развития Англии или даже Фландрии. (Это именно тот самый «крестьянский» путь, с которого, по мнению Амброзоли, и свернула Англия, рискуя скатиться к возможной экологической катастрофе, если бы не доступность гуано и промышленных удобрений.) Но даже и при столь масштабном трудовом вкладе в сфере землепользования результатом было достижение лишь *приблизительного* экологического равновесия: объемы ввозимого в страну угля стали стабильно повышаться после 1740 г. и особенно после 1820<sup>137</sup>.

Однако проблемы Европы представляются более легкоразрешимыми, чем проблемы Китая только в ретроспективе, да и то лишь при сочетании технологических изменений с наверстыванием институционального отставания и ресурсами Нового Света. В конце XVIII в. Восточную Азию нельзя было рассматривать в качестве «перенаселенной» по сравнению с Европой, поскольку значительная часть ее населения жила не хуже европейцев, а состояние некоторых из экологических проблем, с которыми ей приходилось иметь дело, было не столь серьезным, как в Европе.

Даже дальнейший прирост китайского населения по крайней мере на 150 млн, а может быть, и на все 225 в период между 1800 г. и 1930-ми гг. не сопровождался сколько-нибудь явным снижением качества питания. Даже в начале XX в., когда проблема бедности населения встала чрезвычайно остро, а идеи Мальтуса особенно актуальными, средний рост молодых представителей

136. Kjaergaard 1994: 158.

137. Ibid., p. 127–128.

взрослого населения продолжал пусть и медленно, но увеличиваться, что представляет собой часто используемый, хотя и неоднозначный приблизительный показатель качества питания населения<sup>138</sup>. Среднее потребление товаров, не относящихся к предметам первой необходимости, вероятно, все же снизилось, однако, как мы удостоверились в главе 3, в значительной мере это стало результатом того, что рост населения пришелся прежде всего на менее развитые регионы, вследствие чего доля населения Цзяннаня и ряда прочих местностей, для которых был характерен более высокий уровень жизни, в общенациональных средних показателях потребления снизилась. Существует немного оснований говорить о снижении уровня жизни в Китае, кроме, возможно, в северных и северо-западных районах, за исключением периода катастроф, пережитых страной в середине XIX в. Соответственно, немного оснований говорить о перенаселенности или экологическом кризисе по состоянию на 1800 г. (и еще в меньшей мере по состоянию на 1750 г.), если под этим мы понимаем угрозу существующим ожиданиям. Самое большее, о чем мы можем утверждать, так это о наличии сдерживающих факторов экологического характера, которые препятствовали резкому повышению уровня жизни, а также служили указанием на более серьезные проблемы в будущем, которые могли возникнуть в северной и северо-западной частях Китая.

В целом следует сказать, что значительные проблемы испытывали обе оконечности Евразии. Любые отличия, касавшиеся (зависевшей лишь от внутренних ресурсов) степени серьезности той или иной проблемы были весьма незначительными. Большая же часть преимуществ Европы заключалась в наличии неиспользуемых ресурсов или мощностей, ставших следствием институциональных преград для интенсивного землепользования, а не постепенным их накоплением, которое стало бы возможным за счет экономических условий более высокого порядка. Более значимым, чем любые отличия, при условии, что мы ограничиваемся внутренними ресурсами рассматриваемых регионов, является то, насколько быстро рост населения и протопромышленности закрывал ту экологическую «дверь», что делала возможной реализацию более радикальных изменений в экономической жизни и показателях потребления ресурсов из расчета на душу населения в любом регионе мира. Для реализации и дальнейшего развития промышленной революции и даже для более про-

<sup>138</sup> Lee and Wang (готовится к печати): с. 6, 10.

должительного роста протопромышленности требовалась неожиданная удача в виде возможности поставки огромных объемов энергоресурсов, волокна и, возможно, даже древесины из других регионов.

Для полного понимания значимости подобной удачи нам необходимо обратиться к последней из общих черт рассматриваемых регионов. Выше мною было высказано утверждение о том, что благодаря крайне эффективным (и зачастую трудоемким) способам использования ресурсов китайским и японским экономическим центрам удалось добиться большего в поиске тех *местных* «болеутоляющих» средств, которые были способны сгладить нехватку землеемких ресурсов. Тем не менее найденные решения не были доведены до конца (особенно решения, касавшиеся обеспечения древесиной) и зависели от ввоза ресурсов из других местностей (например, соевого жмыха из Маньчжурии, предназначенного для улучшения состояния почв, отданных под культивацию хлопка). Иными словами, как европейским, так и азиатским экономическим центрам требовалось заполучить землеемкие ресурсы, которыми их могла бы обеспечить международная торговля с менее густонаселенными регионами. Если брать исключительно осуществлявшуюся ненасильственными методами международную торговлю с другими частями Старого Света, то у экономических центров в обеих оконечностях Евразии были сравнимые возможности и ограничения. При этом можно утверждать, что китайские экономические центры использовали данную торговлю более эффективно, чем западноевропейские.

### Торговля с периферийными регионами Старого Света ради их ресурсов: общие модели и ограниченность смитовского решения квазимальтузианских проблем

#### *Замещение импорта в перифериях со свободным трудовым населением*

Ввозом землеемких товаров, прежде всего различных источников энергии, из менее густонаселенных территорий занимались все экономические центры Китая, Японии и Европы. Для Западной Европы подобными товарами были поначалу зерновые, лес и крупный рогатый скот из стран Балтии и Восточной Европы, а затем разнообразная продукция из Нового Света. Линнань ввозил ряд товаров из Юго-Восточной Азии и даже Индии, а вот Цзяннань полагался в основном на рис и древесину из районов,

находящихся выше по течению Янцзы и ее притоков, а примерно с 1680 г. и на древесину и сою из Маньчжурии. В Японии объемы торговли с другими странами, отличавшиеся в XVI и начале XVII столетия достаточно большими размерами, сильно упали после 1640 г. как следствие проводимой государством политики, а к 1700 г. товарообмен и вовсе ограничился почти исключительно серебром и шелком<sup>139</sup>. При этом развитие получила торговля между экономическими центрами (то, что Сьюзан Хэнли и Козо Ямамура условно называют регионом I) и остальными частями (регионом II) Японии. Регион I, судя по всему достигший к 1720 г. максимального уровня населения, которое он был в состоянии обеспечивать всем необходимым, продавал в другие части страны гвозди, черепицу, инструменты, кожаную обувь и прежде всего ткани. Регион II ввозил промышленные товары и вывозил рис, древесину, лошадей и прочие землеемкие товары. Внешние районы, особенно на дальнем севере страны, были среди прочего и важными поставщиками рыбы, за которой приходилось уходить все дальше в море и которая с середины XVIII в. играла в экономических центрах все более важную роль и как пищевой продукт, и как основа для получения удобрений<sup>140</sup>.

За возможность приобретения землеемких товаров необходимо было платить, и все наши экономические центры пытались осуществить это посредством продажи промышленных товаров, прежде всего тканей. Однако подобной модели обмена были свойственны по меньшей мере два возможных ограничения.

Во-первых, экспортеры сырья зачастую инициировали процессы импортозамещения, в рамках которого они сами брались за изготовление промышленных товаров, которые ранее ввозили. А по мере снижения прибыли от производства основных видов экспортируемых товаров, например когда дальнейший экспорт древесины означал доставку бревен до рек на все большие расстояния, население переключалось на другие виды деятельности. В XX в. многие правительства стран третьего мира приступали к импортозамещению в качестве сознательной стратегии, направленной на индустриализацию страны зачастую с довольно слабыми в долгосрочном плане результатами<sup>141</sup>. Соответственно экономисты рассматривают импортозамещение в каче-

139. Sugihara 1996: 38

140. Hanley and Yamamura 1977: 19–28, 132–136, 163–171; Howell 1992: 271–275.

141. Многие более открытые экономики, разумеется, также не преуспели.

стве попыток пойти против естественных тенденций рынка, избегая к тарифам, субсидиям и прочим подобным мерам, направленным на искусственное повышение конкурентоспособности зарождающихся промышленных отраслей. При этом две сотни лет назад технологические отличия между экономическими центрами и перифериями были достаточно невелики, и какими бы они ни были, они не находились под защитой общепризнанных международных патентов. Лишь немногие производственные процессы требовали значительных первоначальных объемов основного капитала, а довольно высокие транспортные издержки (особенно в случае со слишком объемными относительно своей стоимости предметами повседневного спроса) выполняли в определенной степени роль естественных протекционистских мер. Некоторые производства (например, шелководство и изготовление шелковых тканей) были столь сложными, что конкурировать с уже существующими производителями было крайне сложно, при этом многие другие виды производств были достаточно простыми<sup>142</sup>. Таким образом, до 1800 г. импортозамещение не было вынужденным процессом: оно происходило естественным путем в тех периферийных регионах, где население обладало достаточной свободой, чтобы заниматься новыми сферами производственной деятельности и решать, что именно производить для собственного пользования, а что закупать на средства, вырученные от занятий прочими видами труда, то есть участвовать в описанной де Фрисом «революции трудолюбия». Процесс прерывался лишь при отсутствии определенных видов сырья, при необходимости владения особо сложными производственными навыками или при вмешательстве правительств или слишком много возмнивших о себе монополий.

Со временем практика импортозамещения распространилась на территории тех районов Китая, с которыми вели торговлю долина нижнего течения Янцзы и Линнань. Развитие протопромышленности ударило по излишкам риса, который культивировался на территориях, примыкающих к среднему течению Янцзы (как по причине роста населения, так и отказа части земледельцев от выращивания риса в пользу производства хлопка, которым обеспечивались местные прядильщицы и ткачихи), и ранее поставлялся в долину нижнего течения Янцзы, что снижало зависимость данного региона от тканей, поставляемых

142. Borah 1943: 85–101; Schurz 1939: 44–45, 364–366.

из Цзяннаня<sup>143</sup>. В XVII в. производство хлопчатобумажных тканей в Северном Китае расширилось, и по мере того как данный процесс продолжался и в XVIII в., регион поставлял все меньше хлопка-сырца в Цзяннань<sup>144</sup>.

Вполне возможно, что сокращение поставок хлопка-сырца из Северного Китая было более существенным, чем снижение поставок риса и древесины из районов среднего и верхнего течения Янцзы, поскольку, судя по всему, Северный Китай располагал меньшим числом внутренних факторов, препятствующих приросту населения, получив в итоге более острые экологические проблемы. В 1750–1850 гг. Северный Китай, точно так же как и районы среднего и верхнего течения Янцзы, отличался более высоким уровнем прироста населения, чем империя в целом. Однако на территориях, прилегающих к среднему течению Янцзы, прирост населения, судя по всему, саморегулировался точно так же, как в долине нижнего течения Янцзы. В течение нескольких десятилетий, предшествовавших гражданским войнам середины XIX в., вследствие нехватки земельных и водных ресурсов он сильно замедлился, вернувшись к прежним показателям лишь спустя 50 лет после окончания вооруженных конфликтов<sup>145</sup>. И хотя давление на земельные и водные ресурсы уже было серьезным, замедление роста населения имело место достаточно рано, чтобы регион смог избежать крупного экологического или экономического кризиса. Площадь поверхности озера Дунтинху — второго крупнейшего озера Китая — представляет собой хороший приблизительный показатель воздействия населения на экологию районов, прилегающих к среднему течению Янцзы, поскольку значительная часть территории озера была засыпана, что сильно повысило опасность наводнений. В период с 1825 по 1850 г. площадь озера уменьшилась почти на 800 квадратных миль (или 13% от предыдущего показателя площади), оставаясь до конца столетия практически неизменной<sup>146</sup>.

В Северном Китае прирост населения продолжался почти беспрерывно, несмотря на серию настоящих экологических катастроф с долговременными последствиями, вплоть до 1950-х гг., когда произошло его ускорение. При этом как до 1850 г., так и после самый быстрый прирост населения на территории Северно-

143. Bozhong 1998: 108.

144. Lu 1992: 482–483.

145. Perdue 1987: 219–233; Skinner 1987: 67–77.

146. Perdue 1987: 204.

го Китая, судя по всему, имел место в Хэнане—самой бедной провинции макрорегиона<sup>147</sup>. Остается непонятным, почему произошло именно так, однако определенные подсказки вполне могут быть получены благодаря последним исследованиям вопроса контроля за рождаемостью в других частях Китая.

В работе Джеймса Ли и Вана Феня, отличающейся радикально новым взглядом на демографию Китая, подчеркивается роль расширенных родственных групп, действовавших посредством объединений родственников или глав домохозяйств расширенных семей. Подобные группы играли важнейшую роль в ограничении уровня деторождения в браке и усыновлении сирот, а также в обеспечении приемлемого уровня жизни для своих престарелых членов и ритуальной преемственности в случаях отсутствия у семейной пары собственного наследника мужского пола<sup>148</sup>. В более широком смысле бытует утверждение, что социальные механизмы, в рамках которых взаимосвязь между женами родными братьями остается крепкой, являют собой определенную форму гарантий, снижающих необходимость подстраховки от рисков, выраженной в виде многочисленного потомства<sup>149</sup>. Родственные объединения были особенно влиятельны в Южном Китае, хотя составлявшие их домохозяйства в среднем и не отличались большей сложностью, чем семьи севера страны<sup>150</sup>. Совместные домохозяйства были наиболее частым явлением в провинции Ляонин—одном из главных объектов исследования Ли и Вана.

При этом на севере и северо-западе Китая родственные связи были достаточно слабыми, совместные домохозяйства встречались гораздо реже, чем в Ляонине (правда, данные, на основании которых сделан этот вывод, отличаются фрагментарностью), зато были более распространены независимые семьи малого типа. Когда собственность семьи делилась между родными братьями на севере страны независимо от того, был ли еще жив кто-то

147. Информацию по предшествующему 1850 г. периоду см. в: Liang 1981: 396–397, 400–404; показатели за 1774 г. и более поздние данные, кроме данных за 1842 г., которые представляются чрезмерно завышенными по всем рассматриваемым провинциям, а также необычайно низкие показатели за 1711 г. по Хэнаню, уровень которых делает последующий рост показателей провинции еще более впечатляющим, см. в: Lin and Chen 1981: 39.

148. См. готовящуюся к изданию работу Ли и Вана (Lee and Wang), особенно главы 7 и 8; информацию по вопросам усыновления см. также в: Waltner 1990 и Dennerline 1986.

149. Cain 1982: 173.

150. См., например: Buck 1964: 367.

из родителей, вероятность того, что они откажутся от каких-либо составляющих собственности, принадлежавшей расширенной семье, или создадут новые ее составляющие, была существенно ниже, чем в южных регионах<sup>151</sup>. Даже комната, в которой располагались семейный алтарь и похоронные таблички предков, часто превращалась в жилую комнату или делилась на соответствующее количество частей, и каждый из братьев устанавливал в ней собственный алтарь даже в случаях, когда двор домов братьев по-прежнему оставался общим<sup>152</sup>. Принимая во внимание подобные обстоятельства, крайне трудно представить себе, чтобы семья расширенного типа была в состоянии воздействовать как в качестве материальной силы, так и в качестве идеала на решения о рождении ребенка, принимаемые семьями малого типа, в той же мере, что и в Цзяннане и Ляонине. Вполне возможно, что совершенно отличная система родственных связей делала механизмы уровня домохозяйств, игравшие центральную роль в ограничении рождаемости в других частях страны, относительно слабыми в Северном и Северо-Западном Китае, где динамика изменения численности населения была более близкой к той модели, которую Мальтус, Хайнал и прочие специалисты определяли в качестве общей для всего Китая.

Какими бы ни были причины демографического бума в Северном Китае, вполне вероятно, что в 1840-х гг. плотность его населения превышала плотность населения территорий среднего течения Янцзы на 50%, и это несмотря на гораздо меньшие водные ресурсы, более короткий сельскохозяйственный сезон и прочие проявления его менее выгодного положения<sup>153</sup>. К 1953 г. по показателю плотности населения Северный Китай превосходил среднее течение Янцзы уже на 70%. В подобных обстоятельствах производство непищевых культур из расчета на душу населения в Северном Китае в отличие от территорий среднего и верхнего течения Янцзы в 1750–1900 гг. почти наверняка снизилось (вполне возможно, что имело место и падение абсолютных объемов производства). И если производство хлопка-сырца снижалось при одновременном увеличении объемов производимой здесь же хлопчатобумажной пряжи, то падение объемов поставок хлопка-сырца в Цзяннань должно было быть весьма значительным. (Для дополнительной информации по данным сценариям см. приложение Е.)

151. Wakefield 1992: 224–229, 254.

152. Wakefield 1994: 201, 227–228.

153. Skinner 1977a: 213, 226 с корректировкой данных из: Skinner 1987.

Независимо от того, смогли ли данные процессы развития в перифериях достигнуть относительно благоприятного равновесия, что, судя по всему, и имело место в районах среднего и верхнего течения Янцзы, или же им этого не удалось, подобно ситуации в Северном и Северо-Западном Китае, они ограничили способность более развитых регионов к экономическому росту и дальнейшему углублению промышленной специализации. Прежде чем мы вернемся к рассмотрению этих последствий, следует более подробно остановиться на причинах данного процесса.

До настоящего момента я определял его в качестве естественного, развития которого и следовало ожидать в случае, если периферии отличались наличием более или менее свободного трудового населения и отсутствием особых ограничений (например, в виде колониальных монополий). Однако реальность гораздо сложнее. Мы еще довольно далеки от понимания того, что именно привело к росту населения в любой из данных периферийных территорий, хотя внешний спрос на их продукцию и рост возможностей профессиональной занятости определенную роль, безусловно, сыграли.

Сложностью отличается и взаимозависимость между приростом населения и снижением вывоза сырьевых материалов в другие регионы. В Северном Китае, для которого было характерно богарное земледелие, одно лишь повышение трудозатрат привести к значительному увеличению урожаев было не в состоянии, при этом прирост населения и экологические проблемы, вероятно, служат хорошим объяснением того, почему столь многие из представителей избыточных трудовых ресурсов региона выбирали ремесленное производство, а объемы вывоза хлопка-сырца упали<sup>154</sup>. Собственно прирост населения мог бы многое объяснить и в снижении объемов вывоза древесины из производивших ее регионов. Продукты питания и лес соперничают между собой за землю, а знания, позволяющие увеличить урожайность с единицы площади, были еще на достаточно примитивном уровне<sup>155</sup>.

При этом не совсем понятно, почему в районах среднего течения Янцзы, где увеличение урожаев риса могло быть легко достигнуто дополнительными трудозатратами, рост трудовых ресурсов привел не к производству больших объемов риса и торговле ими в целях получения тканей из других регионов, а к изготовлению тканей на местах. Предлагаемые Перкинсом

154. Дополнительную информацию по данному вопросу см. в приложении Е.

155. Menzies 1996: 619–622, 644–665, 659–663.

разрозненные данные позволяют сделать предположение о том, что в провинции Хунань (среднее течение Янцзы) с ростом населения произошло и резкое повышение уровня урожайности риса с единицы площади в некоторых из округов, ориентированных на вывоз продукции в наибольшей степени: в XVIII в. уровень урожайности риса составлял примерно 60% от соответствующего показателя по нижнему течению Янцзы, сравнявшись с ним в XIX в.<sup>156</sup> Площади обрабатываемых земель также существенно увеличились, судя по всему, в наименее развитых районах<sup>157</sup>. Поскольку население Хунаня в период с 1775 по 1850 г. увеличилось на 40% (вполне вероятно, что его ежегодный прирост в 1750–1775 гг. был даже выше, хотя данных, подтверждающих подобное предположение, почти нет)<sup>158</sup>, эта провинция вполне могла бы добиться поддержания необходимых объемов производства продуктов питания из расчета на душу населения и соответственно увеличить абсолютные объемы излишков, которые можно было поставлять в другие провинции. Поскольку вместо этого произошло снижение объемов поставок, нам следует сделать вывод о том, что повышение урожайности в более всего ориентированных на вывоз продукции округах не было поддержано ее повышением во многих других округах частично по причине того, что жители выбирали другие виды деятельности. Того же мнения придерживались и многие чиновники империи Цин. Некоторые из них возлагали вину за неудачи в своих кампаниях, направленных на распространение практики последовательного культивирования на одном и том же наделе двух культур за один сельскохозяйственный сезон, на нежелание крестьян обеспечивать необходимые объемы трудового вклада даже в местностях, где условия благоприятствовали подобной практике<sup>159</sup>. При этом население, занимавшееся не связанной с культивацией зерновых деятельностью, шла ли речь о жителях долин, изготавливавших ткани, или выращивающих рис жителей горных областей, по-прежнему потребляло рис, снижая поставляемые в другие регионы излишки. Подобное перераспределение труда неминуемым вовсе не было.

Несмотря на снижение физической отдачи от трудового вклада в любой из ориентированной на вывоз продукции сфер, повы-

156. Perkins 1969: 21, 315, 318–319, 321.

157. Ibid., p. 234.

158. Perdue 1987: 56–57.

159. Ibid., p. 129, 132.

шение цен на сырье было достаточно высоким, чтобы сделать и дальнейшую специализацию более выгодной, чем диверсификацию. Хотя транспортные издержки в предшествовавший Новому времени период способствовали развитию самодостаточности отдельных регионов, стоимость транспортировки речным или морским путем зачастую была достаточно невысокой. Поскольку периферийные районы Китая все же продолжали поставлять в Цзянань и Линнань большое (хотя и снижавшееся) количество слишком объемных относительно своей стоимости товаров, можно было бы заключить, что перевозчики, которым требовалось везти какой-то груз и в обратном направлении, должны были бы предлагать привлекательные расценки на транспортировку производимых в Цзяннане товаров, хотя дополнительный вес был более серьезной проблемой для судов, поднимавшихся вверх по течению, чем для судов, спускавшихся к Цзяннаню. Соответственно нам требуется получить дополнительные объяснения для такого феномена, как протопромышленность районов среднего течения Янцзы, либо посредством рассмотрения сил, *препятствовавших* дальнейшему росту вывозимой продукции, либо сил, *способствовавших* межрегиональной диверсификации.

Одним из логических объяснений, хотя у нас и нет достаточных данных, стало бы объяснение, касающееся местных транспортных издержек. В границах того или иного макрорегиона первым делом заселялись наиболее плодородные и доступные регионы, ближе всего расположенные к рекам, выполнявшим роль крупных транспортных артерий. Дальнейший прирост производства осуществлялся в районах, в слишком непропорциональной степени удаленных от данных артерий, вследствие чего транспортировка объемных товаров становилась дорогостоящей. А поскольку Китай уступал Европе и Индии по такому показателю, как поголовье крупного домашнего скота из расчета на душу населения, вполне возможно, что, несмотря на то что (в соответствии с обоснованием, предложенным в главе 1) *общие* его транспортные мощности европейским не уступали, по мере удаления от речных артерий транспортные издержки быстро повышались. Однако самое большое, что можно было бы этим объяснить, это то, почему рост объемов вывозимой продукции отставал от роста населения, культивируемых площадей и общего производства продукции в периферийных регионах. Этим не объясняется то, почему жители местностей, расположенных рядом с хорошей транспортной инфраструктурой, снизили в XIX в. объемы вывозимой продукции, если только нам не удастся продемонстриро-

вать, что они начали обменивать свою сырьевую продукцию на товары, производимые в районах более позднего заселения.

Это прояснило бы ситуацию с теми, кто заселял местности, расположенные вне пределов долин основных рек, — речь идет о быстро увеличивавшемся количестве лиц, расчищавших и возделывавших склоны гор и холмов в конце XVIII и начале XIX столетия. Заселение склонов гор и холмов долгое время связывали с внедрением введенных продовольственных культур (картофеля, батата), способных произрастать на менее качественных почвах в условиях высокогорья<sup>160</sup>. Это помещает расчистку и заселение гор и холмов в мальтузианский контекст, в рамках которого прирост населения вытесняет часть жителей на менее качественные земли, а новые культуры чудесным образом дают им возможность выживать на этих землях, или же новые сельскохозяйственные территории делают возможным дальнейший рост населения. Бедные жители высокогорий, едва выживающие на низкосортных пищевых культурах, вряд ли бы были целью для поставок излишков, производимых земледельцами долинных местностей.

Тем не менее была у нагорного земледелия и другая сторона, для нашего исследования весьма актуальная. Значительная часть того, что выращивалось на склонах гор и холмов, а также бывших пустошах — чай, арахис и различные масличные культуры, — пользовалась все большим спросом по причине роста благосостояния жителей Китая, а не только увеличения его населения. В своей недавней статье Фань Синь аргументирует утверждение о росте уровня жизни населения в нижнем течении Янцзы в XVII–XIX вв. именно свидетельствами об увеличении потребления незерновых культур<sup>161</sup>. Хотя на настоящий момент схожими исследованиями по практике питания населения в остальных частях Китая мы не располагаем, представляется достаточно вероятным, что выращивавшие рис жители низменных местностей в среднем и верхнем течении Янцзы, добившиеся как более выгодных условий торговли, так и более высоких показателей производительности земли<sup>162</sup>, тратили часть своего растущего дохода на разнообразные приправы. Если так оно и было, то им пришлось стать потребителями продукции своих соседей, проживавших в горных и холмистых местностях,

160. Для ознакомления с классическим мнением см.: Но 1955: 192, 196–197.

161. Fang 1996: 97.

162. Perdue 1987: 113–135; Perkins 1969: 21.

отсылая и м взамен часть производимого риса. Авторами исследований вполне обоснованно подчеркивается тот факт, что производители незерновых товарных культур зачастую выращивали и пищевые культуры, то есть, скажем, могло происходить одновременное расширение производств чая и батата, что делало их менее зависимыми от приобретаемых продуктов питания по сравнению с производителями «вызывающих привыкание продуктов» Карибского региона<sup>163</sup>. Распространение второстепенных зерновых культур в конце XVIII и XIX вв. привело к тому, что несколько испытывавших ранее дефицит продуктов питания округов в Хунане превратились в чистых экспортеров данной продукции<sup>164</sup>. При этом по-прежнему вполне вероятно, что тот рис, который ранее перевозился на лежащие ниже по течению территории, теперь отправлялся в горные местности.

До настоящего момента в рассмотрении данного вопроса я ограничивался экономическими факторами, лишь добавляя отдельные детали, раскрывающие особенности того, каким именно образом рыночные силы проявляли себя в Китае, вместо того чтобы обсудить какие-либо из прочих причинных сил. При этом для объяснения возраставшего дефицита основных категорий ввозимых товаров, свойственного Цзяннаню, могут быть приведены дополнительные экономические факторы.

В период после 1800 г. произошло ухудшение состояния водной транспортной связи между Северным Китаем и долиной Янцзы, что усугубило ситуацию с поставками хлопка-сырца. Разумеется, возделывание опийного мака в качестве товарной альтернативы хлопчатнику в районах верхнего течения Янцзы, на северо-западе и юго-западе страны ситуацию не улучшило, хотя и началось лишь после 1850 г.<sup>165</sup> Однако следует рассмотреть и прочие факторы, касающиеся общественного устройства и государственной политики.

Одним из этих возможных факторов представляется государственная система общественных зернохранилищ, доказавших свою эффективность в сдерживании цен как в периоды их сезонных колебаний, так и в неурожайные годы. Пьер-Этьен Уилл и Р. Бин Вонг указывают на тот факт, что это снизило риски, связанные

163. Mazumdar 1984: 269–270; Gardella 1994: 32.

164. Perdue 1987: 134.

165. Информацию об упадке Великого канала, связывавшего север и юг страны, см. в: Hoshi 1971: 223–227; Pomeranz 1993: 154–164. Сведения о произошедшей в ряде регионов замене хлопчатника на опийный мак см. в: Chao 1977: 23.

с переходом на возделывание незерновых культур и необходимостью приобретения продуктов питания на рынке<sup>166</sup>. Пик развития данной системы зернохранилищ пришелся на XVIII столетие, после чего для нее наступили тяжелые времена. Тем не менее многие местные зернохранилища продолжали функционировать и позднее, хотя правительство более и не могло осуществлять межрегиональные перевозки больших объемов зерна для сглаживания периодически возникавших кризисов. Таким образом, в XIX в. система зернохранилищ еще могла служить в качестве буфера против рисков, которым в районах с избыточным производством зерна подвергались крестьяне, выбиравшие диверсификацию, будучи, однако, малоэффективной в отношении рисков, связанных с межрегиональной специализацией.

Другим, более скрытым фактором влияния могли быть китайские обычаи, определявшие те или иные роли для женщины и мужчины. Женщинам больше подобало работать на дому, занимаясь прежде всего прядением и изготовлением тканей, а не в поле. Если бы данных традиций, включая связывание ног остающимся на дому женам, не существовало, вполне возможно, что проживавшие во внутренних материковых регионах страны семьи пытались бы заниматься более интенсивным возделыванием больших земельных площадей, таким образом производя дополнительные товарные объемы сельхозпродукции и меньшие объемы тканей.

В главе 2 нами уже были рассмотрены некоторые из проблем, касающихся оценки ограничительного влияния данных обычаев на выбор экономического характера. При этом мы выяснили, что даже в Цзяннане женщины полностью прекратили заниматься полевыми работами лишь после 1850 г.

Мы также выяснили, что по крайней мере при ценах середины XVIII в. необходимости обращаться к обычаям, чтобы объяснить, почему в данный период сельские женщины занимались ткачеством, а не полевыми работами, нет. (В особенной мере относительные цены благоприятствовали занятиям ткачеством в районах среднего течения Янцзы, для которых были характерны более низкие цены на рис.) Однако самое простое объяснение далеко не всегда дает представление о настоящих мотивах, и идеализированная формула «мужчина пашет, женщина ткет», ставшая актуальной в период правления династий Мин и особенно

166. Will and Wong 1991: 496–497.

Цин, вероятно, действительно способствовала импортозамещению в центральных регионах страны<sup>167</sup>.

Поскольку распределение труда согласно принципу «мужчина пашет, женщина ткёт» представляло собой идеал, который в силу практических соображений иногда все же нарушался, его можно рассматривать даже в качестве вожеленного уклада жизни (в той же мере, что и ограничение труда женщин домохозяйственными задачами в ряде стран Запада в определенные исторические периоды, когда заработки мужчины позволяли супруге оставаться на дому), который по мере роста благосостояния в конце XVIII в. могло перенимать все большее число семей, проживавших в районах среднего течения Янцзы. А поскольку обычаи не в состоянии самоутвердиться автоматически (хунаньским мужчинам пришлось учиться выращивать хлопчатник, а хунаньским женщинам — прясть хлопчатобумажное волокно и ткать), усилия империи Цин, направленные на распространение домохозяйств, построенных на принципе «земледелец/ткачиха», посредством распространения соответствующей информации, судя по всему, определенный эффект возымели.

Более того, подобные обычаи, касавшиеся роли мужчины и женщины, возможно, были актуальны и в середине XIX в., когда внутренние периферийные районы страны оказались довольно плотно заселены (за исключением Маньчжурии), удерживая население от обратной миграции в Цзяннань. Пока во внутренних районах еще имелось достаточно земли, а профессиональные умения большинства населения (а также самовосприятие) были связаны с земледелием, вполне вероятно, что массовой миграции в прибрежные территории все равно быть не могло. Однако несмотря на проблемы, с которыми Цзяннаню пришлось столкнуться в XIX в., уровень среднедушевого дохода в провинции оставался самым высоким в Китае, и вследствие того, что в других частях страны стала ощущаться нехватка земель, можно предположить, что все большее число лиц, не имевших достаточно земли, мигрировали в Дельту Янцзы для занятий ремеслами и работы в сфере обслуживания, что вело к росту населения региона, снижению уровня заработной платы и стоимости вывозимой ткани и т. п. Возможность подобной миграции можно было бы представить, если бы женщины могли мигрировать в одиночку (в регионы, где они были бы в состоянии заниматься производством текстиля) без опасности стать жертвой предрассудков и если бы ткачество

167. Mann 1992: 75–96; Bozhong 1996: 99–107.

не рассматривалось как идеальное занятие для женщины, бывшей частью домохозяйства, в рамках которого мужчине был обеспечен надежный доступ (посредством либо прав владельца, либо долгосрочной аренды) к земельному наделу. Однако, поскольку подобные обычаи все же существовали — даже в Цзяннане арендатор, как правило, должен был вносить значительный депозит, — ни о какой миграции бедных сельских домохозяйств в экономические центры не могло быть и речи. Чтобы подобная миграция началась, понадобилось зарождение после 1900 г. промышленности фабричного типа, когда при некоторых предприятиях существовали общежития для одиноких женщин, и пролетариата по европейскому образцу. В середине 1950-х гг. миграция вновь прервалась, когда правительство Китайской Народной Республики запретило переезд сельского населения на жительство в города.

Рост населения и развитие ремесел в менее развитых регионах поощрялись империей Цин не только в качестве одного из элементов общественного идеала, но и как способ максимального повышения числа домохозяйств простолюдинов, преуспевающих в достаточной мере, чтобы быть в состоянии выплачивать налоги на регулярной основе. Администрация Цин не стала полагаться в этом деле лишь на динамику рынка. Мы уже видели, каким образом государство поощряло миграцию в менее заселенные территории, предоставляя соответствующую информацию, вкладывая деньги в инфраструктуру, а иногда и предоставляя ссуды. А меры в области налогообложения земли как юридическая оценка жестких квот, касающихся земельных налогов с Цзяннаня и ряда прочих богатых территорий, с других регионов страны не взимавшихся, так и фактическая политика, позволявшая недавно заселенным или повторно заселяемым территориям не выплачивать налоги, без всякого сомнения, были направлены на поддержку развития периферий, вероятно сдерживая при этом развитие важнейших экономических центров империи.

Государством также предпринимались значительные, хотя и нерегулярные усилия по содействию распространению передового опыта как в области сельского хозяйства, так и ремесленных производств. Речь идет, например, о таких мерах, как внедрение новых сочетаний сельскохозяйственных культур и наем ткачих из Цзяннаня для обучения населения в других регионах<sup>168</sup>. (Этому благоприятствовала практика запрета чиновникам служить

168. Mann 1992: 86; Wong 1997.

в той местности, откуда они были родом, и частой их территориальной ротации.) Кроме того, администрация Цин предпринимала масштабные меры по обеспечению средств существования для населения испытывавших наибольшие экологические проблемы районов севера и северо-запада Китая. Вполне вероятно, что на цели крупнейшего из данных проектов, направленного на сохранность природных ресурсов прилегающих к Хуанхэ территорий, а также служащего и прочим целям, было потрачено более 10% от суммы общих правительственных расходов в начале XIX в., то есть больше, чем некоторые правительства тратили на прочие расходы, за исключением расходов на военные нужды, выплату долга и заработную плату госслужащих<sup>169</sup>.

Оценить точно эффект предпринятых администрацией Цин мер не представляется возможным. Вполне вероятно, что на фундаментальном уровне изменить динамику развития они и не смогли. Однако они все же имели определенное воздействие, способствовавшее наряду с рынками распространению по территории империи сельскохозяйственной, ремесленной и коммерческой экономики. Воздействие это, однако, вряд ли было постоянным, и нам стоит разобраться, когда и почему именно оно менялось.

Р. Бин Вонг указывает на тот факт, что у администраций поздней империи Мин и империи Цин было два варианта развития экономики. Согласно одному первенство отдавалось межрегиональной торговле и специализации, а согласно второму — созданию в значительной мере независимых и самодостаточных ячеек. Оба сценария предусматривали наличие на первоначальном этапе определенных усилий со стороны государства. Второй вариант требовал существенно меньшего постоянного контроля со стороны высших уровней государственной власти<sup>170</sup>. (Или во всяком случае так предполагалось: при рассмотрении долгосрочных экологических последствий регионального или местного самообеспечения это может оказаться противоречащим фактам. Кроме того, картина осложняется наличием разнообразных уровней, применительно к которым можно вести речь о различных степенях вза-

169. Для ознакомления с детальным исследованием системы субсидирования экологически уязвимого Северного Китая, в котором, к слову, подчеркивается, что к концу XIX в. субсидирование было прекращено (соответственно, оно не может служить объяснением стремительного и продолжительного роста населения в данном регионе, имевшего место в XX в.), см.: Pomeranz 1993.

170. Wong 1997: 139; см. также с. 224–229.

имозависимости или самодостаточности, — от уровня империи и макрорегионов, по Скиннеру, до местных общин.) Период после 1750 г., когда, как я уже указывал, реальность на местах сдвигалась в сторону отдельных ячеек, стал также периодом, когда (особенно после 1800 г.) государство все больше дистанцировалось от крупных проектов и становилось все менее эффективным в их реализации. То, каким образом первенство тех или иных идей изменялось в соответствии с текущим пониманием возможностей и наоборот, и то, каким образом меняющаяся официальная позиция, конкретные меры и широкомасштабные экономические тенденции были взаимосвязаны между собой, еще только предстоит выяснить.

Между тем Япония демонстрирует в целом схожие модели развития при наличии весьма отличных обязательств, которые берет на себя центральное правительство. После 1720 г. прирост населения в главных экономических центрах страны был весьма ограниченным, более того, в конце XVIII и начале XIX столетия было зафиксировано *падение* численности населения как в Канто, так и в столичном регионе, в то время как в различных периферийных районах примерно после 1780 г. был отмечен как прирост населения, так и расширение ремесленных производств<sup>171</sup>. Развитие периферии в ущерб экономическим центрам династий Токугавы не поощрялось, однако после 1760 г. правителям некоторых периферийных провинций было разрешено предпринять новые меры, благодаря которым была достигнута диверсификация экономики и обеспечена более существенная, чем ранее, поддержка растущего населения.

Так, Тоса, относительно бедная провинция, специализировавшаяся на производстве древесины, оказалась лишена значительной части своих лесов во время пришедшегося на XVII столетие строительного бума: для обеспечения древесиной Осаки и оплаты огромных расходов, которые правители Тосы несли в рамках оказываемых сёгунату услуг и во время проживания в Эдо, вырубленными оказались склоны целых гор и холмов. Последующие попытки сельскохозяйственного освоения расчищенных земель угнаться за ростом населения не смогли по причине разрушения почв потоками воды, обрушивающимися

171. Информацию по стагнации численности населения в экономических центрах ср.: Saito 1985: 211 и Iwahashi 1981: 440; по стабильному приросту населения в периферийных районах, несмотря на разразившийся в середине XVIII столетия сильнейший голод, см. в: Roberts 1991: 87–91.

с оголенных склонов гор и холмов. XVIII столетие оказалось для Тосы гораздо более сложным, чем XVII: население испытывало нехватку еды, а в 50-е гг. и вовсе разразился голод<sup>172</sup>.

Однако в конце столетия прирост населения в Тосе возобновился, а проблема нехватки пищи стала менее острой. В немалой степени этому способствовало упразднение в провинции монополий, что привело к масштабному буму мелких производств, занимавшихся изготовлением предназначенных для вывоза товаров, таких, например, как высококачественная бумага. Упразднение же монополий стало возможным благодаря тому, что правителям Тосы удалось существенно сократить расходы на содержание своего двора в Эдо и оказываемые сёгунату услуги. Для реализации данных изменений, позволивших ослабить бремя, возложенное на данную провинцию, и освободить ее экономику от пагубного бюджетного груза, понадобилось согласие центрального правительства<sup>173</sup>.

После того как бюджет сделал возможным упразднение пагубных монополий и трудовых обязательств и таким образом позволил обеспечивать всем необходимым более многочисленное население в периферийных районах, прирост этого населения привел к укреплению направленных на либерализацию тенденций. Увеличение населения в периферийных районах сопровождалось все более масштабным переходом к выращиванию двух урожаев риса в год. В свою очередь, расширение подобного земледелия, крайне трудоемкого и с трудом поддающегося контролю, способствовало развитию более мелких земледельческих производств и возрастанию независимости арендаторов. Двумя столетиями ранее те же изменения произошли в столичном регионе, когда он переживал и значительный рост населения, и распространение практики выращивания двух урожаев риса в год<sup>174</sup>.

Таким образом, хотя династия Токугава, в отличие от Цин, и не поощряла более равномерное распределение населения и протопромышленности по территории страны, в конце концов ею были упразднены меры, способствовавшие концентрации населения и ремесленных производств в экономических центрах. Тем временем по меньшей мере некоторыми европейскими государствами проводилась противоположная политика, противодействующая рынкам (не всегда успешно) в целях дальнейшего

172. Roberts 1991: 88–100, 1151–21.

173. Ibid., p. 271–299.

174. Согласно данным из: Smith 1959, приведенным в: Palat 1995: 62.

обеспечения привилегированного положения ведущих специализированных регионов. Как японская, так и китайская промышленность независимо от стоящих за этим причин пришли к менее выраженному региональному разделению труда и более выраженному разделению труда в рамках домохозяйств, чем протопромышленность в Англии<sup>175</sup>.

Развитие внутренних районов Старого Света не вызвало ментального возникновения дефицита в более развитых регионах, закупавших в них сырьевые ресурсы. Даже густонаселенная долина нижнего течения Янцзы по-прежнему находила территории, где она могла обменивать свои промышленные товары на местные сырьевые ресурсы частично за счет поиска более отдаленных рынков, частично благодаря специализации в ряде низших производств, например в изготовлении высококачественных тканей, где прочие регионы составить им конкуренцию были пока не в состоянии. Потенциал данных процессов был, однако, безграницным.

К 1800 г. китайские торговцы древесиной проникли во все уголки империи, и расстояния, на которые сплавлялись бревна прежде, чем достигнуть пункта назначения, составляли иногда не одну тысячу километров. В ряде мест провинции Шэньси, отличавшейся низким уровнем заработной платы, волочение бревен до реки осуществлялось на расстояние до 65 миль. Это больше, чем протяженность маршрутов сухопутной доставки бревен в Европе, за исключением маршрутов, по которым осуществлялось обеспечение бревнами Мадрида<sup>176</sup>. При этом количество рабочих рук, необходимых для проведения работ, сделало подобную древесину чрезмерно дорогой даже для Цзяннаня. Согласно одному из письменных источников XVIII в., «независимо от того, стоит ли дерево 100 или 1000 тазелей, его заготовка обойдется все в те же 1000 тазелей»<sup>177</sup>. Более того, высокая себестоимость пере-

175. Saito 1983: 40–43.

176. Wu and Xu 1985 435–446; Bozhong 1994b: 93; Braudel 1981: 365–367; Бродель 1986: 390–392. Для информации по доставке бревен в Мадрид см: Ringrose 1970: 27. Мадрид мог позволить себе приобретение невероятно дорогих ресурсов (и, соответственно, разрастись до размеров, когда собственно внутренние территории страны обеспечивать его всем необходимым были более не в состоянии) благодаря стекавшим в него налогам и своему положению в качестве промежуточного пункта доставки серебра из Нового Света, а не благодаря товарам, которые производились им для обмена на сырьевые материалы, или арендным и налоговым выплатам, получаемым с прилегающих к нему территорий.

177. Цитата из: Bozhong 1994b: 93.

возки вполне могла иметь парадоксальные последствия: уничтожение лесов не приносило никакой ощутимой экономической выгоды экспортируемым древесиной регионам. Подобная практика явилась полной противоположностью той эффективности, которая достигалась благодаря сбору топлива рядом с домом. Так, в 1920-х гг. высокая себестоимость транспортировки из лесов Северо-Западного Китая привела к тому, что доставка стала ограничиваться лишь самыми ценными частями деревьев. Последствиями этого стало не замедление вырубki лесов, а увеличение объемов обрубков и количества отходов, которые лесорубы оставляли на местах, замедляя восстановление лесов<sup>178</sup>. Вполне возможно, что в конце XVIII в. рубка древесины, перекинувшаяся на более отдаленные районы, отличалась той же расточительностью. Таким образом, несмотря на необычайную эффективность доставки товаров на дальние расстояния, обеспечивать быстро развивавшиеся прибрежные регионы необходимыми объемами сырья и дальше не представлялось возможным.

В Японии торговля между провинциями, относимыми к регионам I и II, столкнулась в XVIII в. с теми же проблемами, хотя, возможно, и не столь быстро. Импортозамещение в регионе II набирало ход, и в среде крестьян соответствующих провинций все большее распространение получали товарно-денежные хозяйства, хотя оба процесса тормозились наличием дарованных даймё монопольных концессий<sup>179</sup>. Таким образом, к XIX в. многие из экспортных ниш региона I, все еще не имевших конкурентов, были заняты производством предметов роскоши для довольно малочисленной элиты региона II. Между тем рост населения в отдаленных регионах, продолжавшийся еще долгое время и после того, как в регионе I он прекратился, вел к сокращению изытка производимой в них землемоккой продукции. Так, в XVIII в. прирост объемов производства древесины отсутствовал<sup>180</sup>. В целом же, как указывает Конрад Тотман, «общество эпохи Эдо

178. Menzies 1996: 634.

179. Hanley and Yamamura 1977: 19–23, 131–146. Большая эффективность контроля со стороны даймё над провинциями, относящимися к региону II, частично объясняется тем, что регионом I управляли представители дома Токугава, осуществлявшие менее жесткий контроль, чем многие даймё из внешних провинций, а частично более низким уровнем развития городов и торговли, а также меньшими возможностями трудовой занятости вне рамок сельскохозяйственного производства в провинциях, относящихся к региону II.

180. Totman 1995: 104.

столкнулось в беспрецедентными сложностями в расширении своей природной базы»<sup>181</sup>. И это несмотря на нулевой прирост населения в экономических центрах страны, либерализацию торговли древесиной и рисом<sup>182</sup> и географические особенности, благодаря которым большей части страны был обеспечен доступ к водному транспорту.

*Меньшая степень свободы и приспособляемости периферий*

Торговле Западной Европы с Восточной Европой были свойственны другие сложности. В отличие от внутренних районов Китая Восточная Европа характеризовалась наличием большого числа поместий, на которых применялся подневольный (в той или иной степени) труд. Хотя прусские крестьяне иногда и могли отстаивать свои права в судебном порядке, суды находились под контролем помещиков, а потому добиться успеха здесь было нелегко, а у крестьян Мекленбурга, Польши и России возможностей судебной защиты своих прав было и того меньше. И хотя у них по-прежнему оставался такой вариант, как бегство, они рисковали лишиться и тех немногих прав, что у них были<sup>183</sup>; кроме того, в случае поимки им грозило суровое наказание. В России беглых крепостных зачастую возвращали хозяевам. Хотя предотвратить бегство крепостных помещики не могли, они сумели скоординировать ответные действия гораздо лучше владельцев трудовых повинностей в Индии и Юго-Восточной Азии, добившись значительного сдерживающего эффекта. Одно время польским крестьянам побег давались довольно легко, однако в XVIII в. ситуация сильно осложнилась<sup>184</sup>. Хотя недавние исследования и показали, что даже в Восточной Европе права хозяев «обсуждались», а не просто навязывались, динамика ситуации здесь сильно отличалась от того, что наблюдалось в регионах с более свободным населением. Это означало, что по сравнению с внутренними районами Китая процессы прироста населения и импортозамещения оказались здесь замедленными. При этом, как мы вскоре увидим, это ограничивало экспорт продукции совершенно по-иному.

Те из землевладельцев, которые полагались на принудительный труд, ощущали снижение дохода от падения цен на экспорт

181. Totman 1995: 102.

182. Ibid., p. 105–107.

183. Hagen 1985: 114; Hagen 1996: 308; Hagen 1998: 238–239.

184. Blum 1961: 309–10, 552–554; Hagen 1996: 307; ср. с: Reid 1988a: 129–130; Fukuzawa 1982b: 251; Habib 1982c: 248; Ludden 1985: 42–50, 80–84.

тируемую продукция в гораздо меньшей степени, чем земледельцы-собственники или те, кто пользовался наемной рабочей силой. По крайней мере в теории дополнительный час работы крепостного крестьянина не стоил его хозяину ничего, соответственно оснований для того, чтобы цены даже на ту древесину, что поступала из труднодоступных районов, достигали заоблачных высот, не было. При этом земледельческое производство с использованием подневольного труда было способно повышаться и в обстоятельствах, которые в условиях свободного труда (даже низкооплачиваемого) сделали бы рост производства противоречащим логике: так, иногда объемы производства увеличивались в качестве ответа на падение цен, с тем чтобы не допустить снижения доходов хозяина<sup>185</sup>.

В действительности труд не просто «извлекался» из пассивно настроенного крестьянства. Уильям Хейген продемонстрировал, что по крайней мере в Пруссии огромные объемы дополнительного подневольного труда, которые удалось «извлечь» во время пришедшегося на XVI столетие бума производства зерновых, оказались частично компенсированы снижением требуемых от крестьян выплат натурой и деньгами; соответственно, подобный труд обходился для землевладельца далеко не бесплатно. При этом сами крепостные крестьяне соглашались (весьма неохотно) на увеличение объемов труда частично в силу того, что у них оставалось достаточно времени и (тяговой силы) на возделывание собственных наделов. Можно говорить о том, что бытовавшие ранее представления о крестьянстве, задавленном возросшими объемами труда, возможно, являются преувеличением. Более того, судя по всему, произошло расширение производства трудоемких огородных культур, возделываемых крестьянами для личного пользования. Частично это было необходимой мерой, вызванной сокращением личных наделов вследствие роста населения и использования владельцами крепостных крестьян различных ухищрений для захвата дополнительных земель. Но, вполне вероятно, это стало и отражением снижения объемов натуральных (осуществлявшихся зерновыми) и денежных выплат, что означало: крестьянин мог обойтись и меньшими объемами урожая зерновых<sup>186</sup>. Если крестьянам приходилось отрабатывать дополнительные часы, работая над возделыванием экспортных культур для своих хозяев, и практиковать более трудоемкий подход

185. Kochanowicz 1989: 100–102.

186. Hagen 1985: 104, 107, 111; Hagen 1986b: 154; Hagen (готовится к печати): 38–39, 43.

в отношении собственных уменьшающихся наделов, то можно вести речь об увеличении общих объемов труда, возможно, в большей степени, чем в случае, когда прибыль от экспорта продукции повысила бы почасовой заработок крестьян и позволила бы им выбирать между большим временем отдыха и (или) большим потреблением. В этом смысле договорная зависимость могла и не сильно отличаться от того, что следовало бы ожидать от более старых моделей навязываемого в одностороннем порядке крепостничества. При этом в Мекленбурге, большей части Польши, Литве, России и многих других странах бытовали системы, основанные именно на старых моделях.

Между тем достаточно слабое развитие городов и протопромышленности в Восточной Европе также способствовало более продолжительной ориентации местных производств на экспорт, снижая потенциал развития импортозамещения согласно тем принципам, которые мы наблюдали на периферийных территориях Восточной Азии. Объяснения стагнации и упадку восточноевропейских городов в период позднего Средневековья и раннего Нового времени даются самые разнообразные. Некоторые из них упирают на наличие конкуренции со стороны торговых и промышленных центров, некоторые — на последствия многочисленных войн, некоторые — на отсталое сельское хозяйство, само по себе ограничивавшее размеры городов, некоторые — на сознательные усилия дворянства, направленные на то, чтобы любой ценой уничтожить власть буржуазии (предотвратив для крестьян возможность укрываться в городах), а некоторые — на собственно бум производства зерновых, вызвавший к жизни новое разделение труда между Восточной и Западной Европой<sup>187</sup>.

Независимо от того, что именно стояло за следующим феноменом, необходимо отметить, что текстильное производство в Восточной Европе снизилось в относительном выражении еще в XV в., а на фоне роста экспорта зерновых произошло и его падение в абсолютном выражении<sup>188</sup>. Были, однако, исключения, когда отмечался быстрый рост текстильного производства в XVIII в. в Силезии, отдельных частях Богемии и альпийских районах Австрии. Тем не менее подобный рост обычно отмечался в местах проживания относительно свободного населения,

187. Краткие историографические справки см. в: Hagen 1988 и Hagen (готовится к печати).

188. Pach 1990: 183, 186–188, 190; Kisch in Kriedte, Medick, and Schlumbohm 1981: 178–199.

к примеру в горных областях, где пригодных для земледелия участков было немного, но, с другой стороны, и подневольный труд не был особо распространенным явлением<sup>189</sup>. В большинстве крупных равнин Восточной Европы вотчинное владение было более мощным явлением, а сельская промышленность сильно отставала от ситуации в Западной Европе<sup>190</sup>. В венгерской части, которая не была ни Балтикой, ни крупным поставщиком зерновых в Западную Европу до определенного момента, хотя с начала «длинного XVI в.» ею уже осуществлялся экспорт крупного рогатого скота, вина и прочих землеемких товаров, империи Габсбургов более 80% трудового населения были заняты в сельском хозяйстве вплоть до 1860-х или 1870-х гг.<sup>191</sup>

Более того, ни резкое повышение объемов экспорта, ни развитие протопромышленности в данном регионе не имели того же демографического эффекта, что и высокий уровень жизни в странах с более свободным населением, где наемный труд часто делал возможным более раннее вступление в брак и рождение детей. Прусские помещики, реагируя на новый рост цен на зерновые после 1763 г., стали все чаще прибегать к использованию наемных работников, поскольку попытки повышенной эксплуатации труда крепостных столкнулись с сопротивлением со стороны последних и недостаточной эффективностью производства. Для того чтобы разрешить ситуацию, помещики селили на своих землях дополнительных работников в качестве независимых земледельцев, что делало возможным более быстрое формирование новых семей<sup>192</sup>. Тем не менее, исходя из тех данных, которыми мы обладаем

189. Kriedte, Medick, and Schlumbohm 1981: 14, 19. Дэйвид Гуд (Good 1984: 22) описывает ту же ситуацию применительно к Австро-Венгрии, связывая развитие протопромышленности с низкой плодородностью почв и отсутствием вотчинного земледелия.

190. Gunst 1989: 64, 69. Богемия была свойственно наличием как крупных поместий, так и высокоразвитой протопромышленности, при этом для поместий были характерны по крайней мере две особенности. Во-первых, крестьяне обладали необычайно широкими правами по сравнению с положением крестьянства в других странах Восточной Европы. Во-вторых, поскольку мощная горная промышленность существовала еще до того, как были образованы большинство поместий, способствовала формированию относительно многочисленного городского населения и необычайно развитой денежной экономики, большая часть избытков сельскохозяйственной продукции поместий предназначалась для местных рынков (к тому же главным образом речь шла не столько о пищевых зерновых, сколько о ржи и хмеле для пивоварения), а не для вывоза в Западную Европу.

191. Good 1984: 23.

192. Hagen 1986a: 73–90.

на настоящий момент, другим странам, расположенным к востоку от Эльбы, данный подход был несвойствен (в XVIII в. там в основном наблюдалось усиление объемов принудительного труда, иногда до шести дней в неделю), и даже в Пруссии подобная практика получила распространение лишь в 50-летний период, предшествовавший отмене крепостной системы<sup>193</sup>. Но даже в данном случае предшествовавший отмене крепостничества поворот в сторону наемного труда проявил себя далеко не стабильной тенденцией. Наоборот, по мере роста числа наемных работников ситуация с ними все больше напоминала ситуацию с крепостными крестьянами. В 1763 г. данные поденщики выплачивали 9,5 талера (серебряная монета, стоимость которой примерно равнялась сумме недельного заработка поденщика) в качестве арендной платы за дом, огород и право выпаса скота. Участие в обмолоте зерновых оплачивалось им натурой, а прочие работы — наличными деньгами. Объем бесплатной отработки составлял для них лишь шесть дней в году. К 1808 г. денежная рента была сокращена для них до 5 талеров, а вот ежегодное количество дней бесплатной отработки возросло до 65 (плюс работы по обмолоту, вспахиванию и прочим трудоемким задачам), что составляло примерно 40% обязательной отработки «полноценного крестьянина», в распоряжении которого находился более значимый по площади надел земли<sup>194</sup>.

В Восточной Европе в результате развития протопромышленности ранние браки и более быстрый демографический рост также оказались менее масштабными явлениями, чем в Западной Европе. В регионе, подробно исследованном Юргеном Шлюмбом, даже развитие крупной льняной промышленности в XVIII и XIX вв. предоставляло безземельным трудящимся относительно немного возможностей по трудоустройству. Вместо них большую часть трудовой силы данной промышленности составили «полноправные» землевладельцы, не испытывавшие недостатка земли для содержания семьи, и зависимые от них земледельцы. Крупные землевладельцы продолжали контролировать право данных земледельцев на вступление в брак, при этом в большом числе новых семей они заинтересованы не были. Население росло, однако не с той стремительностью, которую Шлюмбом связывал в своих ранних работах с протопромышленностью<sup>195</sup>. Оце-

193. Rosener 1994: 113.

194. Hagen 1986a: 88.

195. Hagen 1997.

нивая общую ситуацию, сложившуюся в Восточной Европе в 1800 г., Вернер Розенер указывает, что 10–15% сельского населения составляла домашняя прислуга крупных поместий, которая обычно была не в состоянии вступать в брак<sup>196</sup>. В Австро-Венгрии крестьяне получили право вступать в брак без разрешения хозяина лишь после 1781 г.<sup>197</sup>

Существование подобной ситуации сильно снижало число переселенцев в восточную часть Европы. В ряде стран были приняты программы колонизации, особенно в Пруссии, где в программе осушения и заселения болотистых местностей было задействовано до 300 тыс. колонистов. Реализовывались подобные программы и в ряде районов Галиции, Литвы и России. Для удержания колонистов властям обычно приходилось давать им гарантии личной свободы и предоставлять наследственные права на землю, освобождая от ряда обычных повинностей<sup>198</sup>. Однако подобные подходы были исключением, и речь здесь шла об освоении пустующих земель. Лучшие земли привлечь мигрантов были не в состоянии, поскольку их возделывание осуществлялось в условиях, на которые согласились бы немногие жители Западной Европы. Более того, хотя эмиграция (в основном немцев) в Восточную Европу, начавшаяся в XII в., продолжилась и в XVIII в., ее влияние на ситуацию на местах значительно снизилось. Эмигранты первой волны принесли с собой новые технологии земледелия и новые идеи о правах земледельцев, оказавшие влияние на проживавшее с ними по соседству славянское население Пруссии, Богемии и некоторых частей Польши, а вот переселенцы, отправившиеся в XVIII в. в располагавшиеся еще далее на восток регионы (главным образом в Буковину и Россию), особого влияния не оказали: их число было слишком незначительным по сравнению с местным населением, а сами они жили обособленно<sup>199</sup>. Таким образом, как раз в тот момент, когда на основе демографических тенденций в Западной Европе следовало бы ожидать движения на восток большего числа людей (а с ними и идей), миграционный поток спал.

Итак, институциональные силы, замедлявшие рост населения, протопромышленность и отход от ориентации на вывоз местной продукции, оказались более мощными в Восточной Европе, чем

196. Rosener 1994: 154.

197. Good 1984: 34.

198. Rosener 1994: 130–132.

199. Gunst 1989: 63–64.

в периферийных областях Японии, и гораздо более мощными, чем во внутренних районах Китая. Условия здесь полностью соответствовали стремлению Западной Европы обменивать свои промышленные товары на местные сырьевые ресурсы. Получить некоторое представление о различиях в покупательной способности, наличии ресурсов и альтернативных издержках в противоположных частях Европы можно, если обратиться к ценам на необработанный балтийский лес в английских портах, которые в 20 раз превышали его стоимость в месте вырубки. Ограниченные и не слишком точные данные, которыми я располагаю относительно цен на древесину в Цзяннане и в отдаленных внутренних районах Китая, позволяют говорить о десятикратной разнице цен<sup>200</sup>.

При этом наличие подобного партнера оборачивалось для Западной Европы определенными проблемами. Во-первых, неповоротливость институциональной системы ограничивала возможности Восточной Европы по увеличению объемов производства. Во-вторых, Восточная Европа была недостаточно крупным рынком для промышленных товаров, что снижало способность Западной Европы оплачивать приобретаемые ею сырьевые ресурсы. Соответственно, подневольный труд не только помог стабилизировать модель товарообмена между западными и восточными регионами Европы, но и значительно ограничил масштабы данного товарообмена, что совершенно не соответствовало возрасставшему аппетиту Западной Европы к землеемким товарам. Давайте для начала обратимся к препятствиям к увеличению объемов производства, после чего перейдем к рассмотрению проблем, вытекающих из относительно ограниченного спроса Восточной Европы на товары, производимые в Западной Европе.

Подневольный труд отличался низкой производительностью, а потому ни хозяева крепостных крестьян, ни сами они особых инвестиций в усовершенствование производства не производили. Примечательно, что с ростом вложений в капитал своих сельскохозяйственных предприятий немецкие помещики стали прибегать к более широкому использованию наемного труда<sup>201</sup>. Следует также не забывать, что феодальные системы Восточной

200. Ср.: Albion 1965: 103 и Bozhong 1994b: 93. Следует, однако, подчеркнуть, что некоторые из приведенных Бочжонгом ценовых данных не отличаются конкретикой, например он прибегает к таким формулировкам, как «несколько тазлей» или «несколько десятков тазлей».

201. Hagen 1986a: 86–92.

Европы (как и более мягкие системы, свойственные значительной части Западной Европы) подразумевали не только отношения между господином и отдельными крестьянскими домохозяйствами, но и отношения между господином и деревенской общиной. В качестве таковых они способствовали воспроизводству различных форм общей собственности — лесов, пастбищ и неогороженных полей, предпринимать реформы в отношении которых, как мы уже удостоверились, было делом крайне затруднительным. Благодаря наличию подобных неиспользуемых ресурсов институты Восточной Европы вполне могли откладывать экспорт излишков зерновых на будущее. Однако в краткосрочном плане данные институты сильно затрудняли мобилизацию земель на цели производства зерновых независимо от наличия ценовых стимулов<sup>202</sup>.

Как мы уже видели в главе 2, в Германии конец общинного землепользования сделал возможным значительное повышение объемов производства, хотя и лишь по окончании эпохи Наполеона. Во владениях же Габсбургов, где процесс освобождения крестьян был более медленным, замедленным был и отказ от паровой системы полеводства: если к 1750 г. под пар оставляли 33% земель, то к 1850 г. данный показатель снизился до 25%<sup>203</sup>. В Венгрии и Польше в середине XIX в. замена парового полеводства системой севооборота только начиналась. Более того, даже двуполье в этих странах к середине XIX в. еще не исчезло полностью, в то время как в России, Румынии, Болгарии и Сербии оно продолжало существовать и после строительства железных дорог, соединивших сельскохозяйственные производства с портами, и открытия в 1829 г. Босфора для прохода российских судов. В ряде областей России двуполье еще существовало и после отмены крепостничества в 1860-х гг.<sup>204</sup> В целом же чем дальше на восток, тем более медленным было распространение новых технологий. Таким образом, стагнация экспортного производства зерновых в Восточной Европе в предшествующий отмене крепостничества период на уровне, значительно уступающем экологическим возможностям, была обусловлена собственно сложившейся в регионе ситуацией. Как мы сейчас удостоверимся, определенные проблемы имели место и в Западной Европе.

202. Rosener 1994: 172–184.

203. Good 1984: 70.

204. Gunst 1989: 76–77.



вые отношения Китая и Японии с Юго-Восточной Азией представляют собой более сложную картину, для которой было характерно движение во всех направлениях различных денежных средств, что является указанием на то, что главной движущей силой выступало не уравнивание торгового баланса, а спекуляции<sup>209</sup>, а многие китайские товары приобретались для перепродажи в частях мира, лежащих к западу от данного региона. Тем не менее всем, кто продавал товары собственно в странах Юго-Восточной Азии, приходилось иметь дело с довольно небольшими местными рынками, в связи с чем нередко возникала ситуация, когда завоз большого числа определенного вида товаров легко насыщал рынок примыкавшей к тому или иному порту местности<sup>210</sup>. Между тем сырьевые материалы, поставлявшиеся из Южной и Юго-Восточной Азии в Китай и Японию (вьетнамский и тайский сахар, индонезийский перец и т. п.), имели дело с более масштабными рынками, а потому сравнимых проблем с их быстрым насыщением не испытывали. Вполне возможно, что, не существуя ограничений, налагаемых на участников торговых операций властями как стран происхождения товаров, так и стран назначения, объемы их продаж были бы существенно выше<sup>211</sup>.

Индия вновь предстает в качестве сложного промежуточного примера и как импортер, и как экспортер. У Китая она закупала прежде всего сельскохозяйственные товары (хлопок, индиго, позднее — опиум), причем Индия реэкспортировала в Китай часть серебра, получаемого из стран Запада. Кроме того, Китай поставлял в Индию золото и разнообразные ткани премиум-класса, часть которых затем перепродавалась в другие страны. Золото использовалось, разумеется, и в качестве денежного и квазиденежного средства (так, украшения при необходимости шли на переплавку), однако чаще как средство накопления сбережений, чем как инструмент государственных расчетов или по крайней мере всех повседневных сделок. Вполне вероятно, что значительная его часть циркулировала достаточно медленно, чтобы спрос на него воспринимался как преследующий прежде всего цели накопления, а не расчетов. Соответственно, в своей торговле с Китаем Индия предстает в качестве более крупного аналога Юго-Восточной Азии или Восточной Европы, что вполне соответствует

209. von Glahn 1996: 132.

210. van Leur 1955: 67, 135–136, 162, 197–200.

211. Cushman 1975: 105–106, 124, 200–211; Viraphol 1977: 107–121, 181–209.

нашему наблюдению о том, что многие индийцы существовали вне рамок денежной экономики при наличии, судя по всему, крайне неравномерного распределения доходов.

А вот торговля, которую Индия вела в XVIII в. с другими регионами, выглядит совсем иначе. Здесь экспорт отличался большим разнообразием, а самая крупная его статья — ткани — представляла собой промышленное изделие. Хотя британцы и начали высказывать интерес к индийской древесине, в основном он сводился к постройке судов на верфях Мадраса и Бомбея. Экспорт древесины, как и экспорт хлопка, индиго и, наконец, зерновых в XIX в., был на тот момент делом будущего<sup>212</sup>. Как отмечает Чарльз Киндлбергер, утверждение о том, что в XVIII в. Индия в достаточно больших объемах приобретала немного товаров европейского производства, за исключением монет, изготавливаемых из добытых в Новом Свете металлов, соответствует действительности, однако зачастую подобное положение дел было вызвано либо конкуренцией на местных рынках, либо транспортными трудностями, но не инертностью экономики<sup>213</sup>. Более того, ввозимые из Европы монеты, как и ввозимые из Океании раковины каури, применявшиеся в качестве денежных средств, широко использовались рядовыми гражданами для совершения повседневных сделок купли-продажи, а не только в качестве средства накопления сбережений состоятельными гражданами<sup>214</sup>. Кроме того, различные индийские государства закупали европейское оружие и боевых лошадей в Центральной Азии и Аравии<sup>215</sup>. Такие товары не относятся к категории потребительских, однако они являются еще одним доказательством того, что стереотипное представление об Индии как экономике «скряг», а не «транжир» неверно. Таким образом, в Индии европейским торговцам не пришлось столкнуться с той же «проблемой малых масштабов рынка», что и в Восточной Европе и Юго-Восточной Азии, однако существовавший здесь спрос на товары препятствовал реализации планов Западной Европы по обмену своих промышленных изделий на землемую продукцию — подобная модель товарообмена будет реализована позднее.

212. Информацию по судостроению см. в: Wadia 1955; по лесам см. в: Rangarajan 1994; по площадям хлопчатника и вырубке лесов см. в: McAlpin and Richards 1983; по пшенице см. в: Latham and Neal 1983: 271–273.

213. Kindelberger 1990: 68–69; перечень приобретаемых Индией европейских товаров см. в: Chaudhuri 1978: 475–476.

214. Perlman 1987: 248–314.

215. Chaudhuri 1990: 278–283.

Наконец, картина в тех частях Африки, которые участвовали в широком товарообмене с Европой раннего этапа Нового времени, напоминала ситуацию, сложившуюся в торговле с Юго-Восточной Азией, хотя в некоторых аспектах их перспективы в качестве источника сырьевых ресурсов выглядели не столь многообещающими. Здесь мы также сталкиваемся с достаточно малой плотностью населения, за исключением некоторых частей Сенегала и Гамбии, и социальной структурой, в рамках которой одну из главных ролей играл подневольный труд. (Хотя, как и в Юго-Восточной Азии, подневольное население в Африке обычно было более свободным, чем крепостные крестьяне Восточной Европы.) Между тем местные отрасли были в состоянии полностью обеспечить значительное большинство местных потребностей, поэтому импорт ограничивался в основном предметами роскоши. Джон Торнтон убедительно продемонстрировал, что железо, поставлявшееся в Африку европейцами в XVI и XVII вв., составляло не более 10–15% от общих объемов потребления железа даже в импортировавших его прибрежных регионах, в то время как импорт тканей не мог составлять более 2% от общих объемов потребления тканей: вполне вероятно, что импортные ткани использовались главным образом местной знатью в качестве экзотических товаров, предназначенных для демонстрации своего социального положения. При этом африканские страны продавали значительные объемы тканей европейцам<sup>216</sup>.

Более того, поскольку Африка (в отличие от Юго-Восточной Азии) обладала еще и значительными залежами золота, европейцы могли мало что предложить для приобретения местных товаров, кроме промышленных изделий, относящихся к предметам роскоши. Главные же статьи африканского сырьевого экспорта — перец, золото и слоновая кость — не могли заместить собой большие земельные площади Европы. Лишь значительно позже благодаря своей военной мощи (и сопротивляемости болезням) европейцам удалось навязать Африке свою волю и заставить выращивать необходимые для них сельскохозяйственные культуры<sup>217</sup>.

В конце концов одной из статей африканского экспорта, а именно работоторговле, достичь огромных масштабов все же удалось. Однако рост работоторговли вовсе не является показателем того, что европейцы могли формировать структуру своего товарообмена с Африкой в одностороннем порядке, хотя с современной точки

216. Thornton 1992: 45–54.

217. Ibid., p. 112–125; Crosby 1986: 136–142.

зрения это и указывает на полное доминирование одной из сторон. Занимавшиеся работорговлей европейцы воспользовались тем фактом, что в некоторых обществах было не только дозволено владеть людьми, но и не существовало частной собственности на землю. Соответственно, владение людьми превратилось в одну из форм накопления состояния<sup>218</sup>. Приобретавшие рабов европейцы позволяли их хозяевам обращать накапливаемое подобным образом состояние в престижные неодушевленные (а потому более надежные, хотя и менее продуктивные) предметы, необходимые объемы которых по мере расширения работорговли изыскивались европейскими торговцами все с большим трудом<sup>219</sup>.

Соответственно, чтобы сделать правильные выводы, нам следует избегать проецирования на предшествующие эпохи свойственной XX столетию модели, в рамках которой условия торговли, как правило, благоволят экспортерам промышленных изделий, а не экспортерам сырьевых материалов, делая термин «сельскохозяйственный» практически синонимом термина «бедный»<sup>220</sup>. Подобная модель утвердилась лишь после того, как производство сырьевых материалов само стало требовать больше созданных промышленным способом факторов производства, и даже малосостоятельные граждане начали приобретать большое количество несельскохозяйственных товаров и (или) сельскохозяйственных товаров, которые были созданы с помощью изготовленных промышленным способом факторов производства. В данном случае «недостаточное потребление» предстает феноменом, весьма отличным от того, что описывают ученые (главным образом придерживающиеся, хотя и не всегда, марксистской идеологии), занятые исследованием XIX и XX вв. В большинстве их работ недостаточность спроса видится в качестве проблемы экономиче-

218. Thornton 1992: 85–90.

219. Информацию о сложностях, связанных с обеспечением достаточных объемов индийских тканей для данного товарообмена, подстегнувшего производство хлопчатобумажных тканей в Англии, см. в: Hobsbawm 1975: 57–58; Chaudhuri 1978: 273–275.

220. Наиболее тщательное развитие подобное предположение получило в анализе зависимостей и мировых систем, которым подчеркивается, насколько редко странам, ставшим в мировой экономике частью периферии, удавалось сократить отставание от ее центров. При этом те же предположения лежат в основе многих программ развития и мнений, которыми подчеркивалась необходимость изъятия ресурсов из сельского хозяйства и как можно более быстрого построения промышленной базы даже тогда, когда вторыми теориями, в отличие от первых, последствия участия в мировых рыночных процессах оценивались в целом положительно.

ских центров, возникающей тогда, когда резкий рост объемов производства, достигнутый за счет механизации, намного превосходит покупательную способность получающих мизерную плату трудящихся. Таким образом, как утверждают некоторые из них, потребность в дополнительных рынках и привела к зарождению в *конце* XIX в. новой, типично капиталистической по своей природе волне империализма. Однако недостаточное потребление возникает в качестве проблемы, порожденной структурой общества и демографическими условиями в ряде самих периферий доиндустриального периода (именно поэтому объемы экспорта и превосходили в них объемы импорта), и рассматривается как препятствие для экономических центров, которые испытывали недостаток в материалах, но не в потребителях, обеспечить себя необходимой землеемкой продукцией.

Восточная Европа представляла собой прежде всего для Западной Европы торгового партнера-периферию, обладающего *природными* мощностями, позволявшими экспортировать большие объемы зерновых, древесины и прочей землеемкой продукции. Вследствие неповоротливости институциональных систем данные мощности не направлялись на обеспечение внутреннего экономического роста в той же степени, что и в периферийных регионах Восточной Азии. При этом та же неповоротливость означала, что товарообмен Восточной Европы с Западной Европой достиг своего пика довольно быстро, а уровень данного пика, как мы уже удостоверились, был незначительным по сравнению с показателями поставок на дальние расстояния зерновых, древесины и удобрений в Китае<sup>221</sup>. Удивительным здесь представляется и относительно ограниченная вырубка обширных лесов балтийского региона, несмотря на мощный спрос, рост цен и неудобство водного транспорта. Мы не владем достаточными объемами данных для проведения количественного сравнения с торговлей лесом в Китае, однако, судя по всему, заготовка леса в балтийском регионе сильно уступала, например, в XVIII в. показателям по Новой Англии и Канаде, которые мало что еще поставляли на экспорт, импортируя большую часть потребляемых товаров промышленного производства. На фоне же показателей XIX в. она и вовсе выглядит крайне блекло<sup>222</sup>.

221. См. выше с. 34–35, 226.

222. Для ознакомления с показателями XVIII в. по балтийскому региону, Новой Англии и Канаде см.: Lower 1973: 22, 31–32 и McCusker and Menard 1985; с показателями XIX в. см.: Lower 1973: 59–134; Tucker and Richards 1983: xii–xvii.

Специалистам по теориям мировых систем данный товарообмен между феодальной Восточной Европой и капиталистической Западной Европой<sup>223</sup> зачастую видится в качестве поворотного момента, с которого и берет начало международное разделение труда. Тем не менее, как мы смогли удостовериться, данный товарообмен не выделялся ни категориями задействованной в нем продукции, ни своими масштабами. При этом ему были свойственны внутренние ограничения на дальнейший рост объемов, которые были в том числе и ограничениями способности Западной Европы увеличивать свои объемы продовольствия, энергоресурсов, волокна и строительных материалов посредством подобных товарообменов. Просто найти менее развитых в экономическом плане торговых партнеров еще не означало для экономических центров решенные имеющихся у них проблем, во всяком случае на долгосрочную перспективу.

В конце XIX в. ситуация складывалась таким образом, что для Западной Европы, возможно, было выгодным отсутствие в Восточной Европе значительного увеличения населения (как за счет естественного прироста, так и за счет иммиграции<sup>224</sup>) и раннего импортозамещения, подобных тому, что наблюдались во внутренних районах Китая или в регионе II Японии. Последствиями этого было наличие большего числа производимых Восточной Европой землеемких товаров, доступных для экспорта в эпоху, когда массовая капитализация производства и обусловленный промышленной революцией рост производительности превратили как земли Габсбургов, так и Россию в территории, где можно было продать все что угодно начиная с тканей и заканчивая

223. Wallerstein 1974: 71–89.

224. Применительно к вопросу иммиграции мы вновь сталкиваемся с тем, что наличие многочисленных государств с различными социальными системами играет в Европе заметную роль — однако опять же посредством того, что препятствует эффективности в краткосрочной перспективе, а не содействует ей. Некоторым царям время от времени удавалось приглашать немцев на жительство в свою державу, даруя им особые условия, однако принимая во внимание правовой статус, которым обладала в России большая часть земельных угодий и земледельцев, даже Черноземье было не в состоянии привлекать жителей перенаселенной Вестфалии или Восточной Англии в той же степени, что и Сычуань или высокогорья Цзянси — жителей Фуцзяня, а Маньчжурия — население Шаньдуна. Вместо этого жители Вестфалии и Восточной Англии оставались у себя на родине до того момента, как их стали привлекать территории Нового света — пусть даже ценою временной утраты свободы, если они направлялись туда в XVII и XVIII в., и за значительно меньшую и быстро снижающуюся оплату самых дешевых пассажирских мест, если речь шла о XIX и начале XX столетия.

средствами железнодорожного транспорта. Соответственно, Европа, рассматриваемая как единое целое, и здесь могла в итоге получить определенные дивиденды от «преимущества отставания», ставшего результатом институциональных барьеров, воспрепятствовавших более интенсивному использованию земли в более раннем периоде. Однако этим преимуществом еще не дано было воспользоваться в технологических и институциональных условиях ни XVIII, ни начала XIX в. В тот момент, когда процесс освобождения крестьян и раздела общинных земель только-только начал свое шествие по Центральной и Восточной Европе, рядовые граждане в значительной части Восточной Европы по-прежнему приобретали очень мало промышленных товаров, а дорогостоящее производственное оборудование было все еще редкостью. Таким образом, по состоянию на 1800 г. торговля между Западной и Восточной Европой оставалась там же, где она и пребывала с середины XVII в., то есть была в состоянии обеспечить лишь часть потребностей Западной Европы. Соответственно, в 1800 г. представленные ранее в данной главе экологические проблемы, с которыми приходилось иметь дело Западной Европе, оставались неразрешенными точно так же, как они оставались неразрешенными в Китае и Японии. Данные проблемы могли привести к полной остановке экономического роста или заставить Западную Европу пойти более трудоемким, восточно-азиатским (или, возможно, датским) путем, не требовавшим серьезных технологических прорывов. В итоге экологическое «преимущество отставания» сыграло одну из ключевых ролей, хотя для того, чтобы это произошло, понадобилось время.

А пока этого не произошло, одной из форм частичного решения экологических проблем стало широкое применение угля, однако и оно оказалось недостаточным, принимая во внимание все разнообразие необходимой земледельческой продукции. Если Западная Европа хотела добиться в дальнейшем более существенного по сравнению с уровнем середины XVIII в. прироста в промышленном производстве и потреблении сырьевых материалов — пусть даже в абсолютном выражении, не говоря уже в расчете на душу населения, ей требовался новый тип торгового партнера. И таким исключительным партнером, как мы с вами убедимся, и стал Новый Свет.

## Решение проблемы нехватки земель: Южная и Северная Америка как новый тип периферии

ОДНОМУ из мировых экономических центров, а именно Западной Европе, удалось вырваться из тупика протопромышленного развития, обеспечив ремесленникам — с появлением соответствующих технологий — занятость в современных промышленных отраслях. В значительной степени ей это удалось по причине того, что эксплуатация Нового Света сделала ненужной мобилизацию огромного числа дополнительных трудящихся на использование собственно европейских земельных ресурсов более интенсивным и экологически рациональным образом, даже если бы подобный подход был способен обеспечить производство сырьевых ресурсов в объемах, превосходящих потребности увеличивавшегося в XIX в. населения. Новый свет оказался в состоянии обеспечивать Европу как реальными ресурсами, так и драгоценными металлами, требующими разных производственных подходов. Предлагаю начать с рассмотрения реальных ресурсов. Они же, в свою очередь, начинаются с плантационных культур бассейна Карибского моря, северо-востока Бразилии, а позднее юга США.

Продукция сельскохозяйственного экспорта Нового Света производилась в основном рабами. Почти все плантации располагались либо на островах, либо рядом с побережьем. Как следствие, производство экспортной продукции в плантационной зоне Карибского бассейна не столкнулось с тем же снижением объемов, которое пришлось пережить производству предназначенных для Цзяннаня и Линнаня товаров во внутренних районах Китая, когда свободное трудовое население в результате падения доходов обратилось к изготовлению ремесленных товаров. Избежало оно и стремительного роста транспортных издержек, с которым сталкивались лесозаготовщики в Старом Свете, когда им приходилось отдаляться от речных артерий. А поскольку владельцы плантаций Нового Света (в отличие от владельцев имений в Восточной Европе или полей перца в Юго-Восточной

Азии) приобретали большую часть своей рабочей силы за рубежом, зачастую ограничиваясь лишь небольшими объемами производства предметов повседневного спроса, товарообмен Западной Европы с данным регионом сумел избежать и такой сложности, как проблема малых масштабов рынка, затруднявшей приобретение сырьевых материалов в Восточной Европе. Объемы экспорта должны были быть достаточно высокими, чтобы покрыть издержки на приобретение рабов, а также необходимую им еду и одежду.

Причин, по которым африканские рабы стали главной рабочей силой во многих колониях Нового Света, было несколько. Первая и главная из них заключалась в большой смертности среди местного населения после контакта с европейцами, главным образом вследствие болезней. Как мы уже выяснили, в период до 1800 г. оплатить свой переезд в Новый Свет могли лишь немногие из малосостоятельных европейцев, а брать их на борт бесплатно имело смысл только в случае, если впоследствии их труд можно было эксплуатировать для целей производства экспортных товаров. Поскольку обращение в рабов европейцев было делом недопустимым, оставался такой вариант, как договор индентуры, по окончании которого связанное им лицо получало свободу и землю. По мере того как продолжительность жизни европейцев (и африканцев) в Новом Свете увеличивалась, издержки владельцев плантаций чрезвычайно возрастали, в то время как они предпочитали выплачивать пусть и большую сумму сразу, но зато приобрести на нее раба, которого не нужно будет впоследствии освобождать<sup>1</sup>. В рабов иногда обращались и представители выжившего местного населения (особенно в Бразилии), однако по ряду причин предпочтение отдавалось африканцам. Из-за высокой смертности вследствие контакта с европейцами коренные жители рассматривались как слабые и немощные. К тому же некоторые европейцы выступали против их обращения в рабов из человеколюбия, которое на африканцев, однако, не распространялось<sup>2</sup>. К тому же американским индейцам было легче сбежать, присоединившись к проживающим поблизости непокоренным племенам, хотя так иногда поступали и африканцы. А поскольку завоевание коренных народов после первых 50 лет их покорения сильно замедлилось, после того как волна смертности, вызванная оспой, спала и коренные жители получили

1. Galenson 1989: 52, 76; Morgan 1975: 215–216, 296–299.

2. Thornton 1992: 135–136.

в свое пользование огнестрельное оружие и лошадей, усложнилось и их обращение в рабство<sup>3</sup>. Масштабная торговля рабами в самой Африке делала для европейцев приобретение невольников достаточно легким предприятием при условии наличия товаров, к которым испытывали интерес хозяева рабов. Испанские и португальские власти предпочитали покупку невольников в Африке обращению в рабов коренного населения Америки, поскольку в первом случае они могли легче отслеживать процесс, взимая соответствующие налоги<sup>4</sup>. Это было еще одним проявлением того, как межгосударственное соперничество и «милитаристская фискальная политика» пусть и косвенно, но содействовали ускоренному восстановлению численности населения Нового Света за счет жителей других континентов и созданию таких условий, когда колонистам (в отличие, скажем, от лиц, переселявшихся в приграничные территории Китая) было трудно заниматься чем-то, кроме производства предназначавшихся для экспорта товаров. У рабов какой-либо возможности выбора не существовало вовсе. Да и у их хозяев выбор был невелик, поскольку (в отличие от тех, кто захватывал и обращал в рабство коренное население) они были вынуждены оплачивать приобретаемую рабочую силу.

В денежном выражении ввоз рабов в британскую Вест-Индию в период между 1760 и 1810 гг. соответствовал примерно одной четвертой доходов от экспорта сахара. Половина доходов уходила на приобретение товаров в самой Британии, а оставшаяся четверть шла на оплату продовольствия и древесины, поставляемых из британской Северной Америки (в дополнение к тем их объемам, что обменивались на сахар напрямую)<sup>5</sup>. В период, непосредственно предшествовавший революциям во Франции и на Гаити, объемы сахара, экспортируемого из французских колоний Карибского бассейна, были на 15% ниже показателя соответствующих британских владений, в то время как численность ввозимых на протяжении XVIII в. рабов почти равнялась количеству рабов, ввезенных в британскую Вест-Индию. Таким образом, здесь на приобретение рабов должно было идти примерно 30% дохода от продажи сахара<sup>6</sup>.

3. Thornton 1992: 138–141.

4. Ibid., p. 136–137.

5. При расчетах были использованы цены на рабов, приведенные в: Miller 1986: 70; данные по импорту из Британии основаны на сведениях из: Mitchell 1988: 462–464 и Deeg 1949–50: 1. См. также приложение D.

6. Информацию по объемам экспорта британских колоний в бассейн Карибского моря см. в: Deeg 1949–50: I: 193–203; по объемам экспорта французских ко-

В Бразилии же, крупнейшем в мире импортере рабов, стоимость приобретенных в 1821–1826 гг. невольников (в первом из многолетних периодов, по которому мне удалось найти соответствующие данные) равнялась общей сумме экспортных доходов страны за указанные годы<sup>7</sup>. Поскольку в 1720-х гг. было отмечено необычайно большое число приобретений рабов по высоким ценам, данный показатель должен выходить за рамки привычного: с конца XVIII в. средние суммы, затрачиваемые на приобретение невольников, скорее всего, составляли около одной четвертой общей стоимости экспорта, точно так же как в британских и французских владениях в бассейне Карибского моря<sup>8</sup>. Таким образом, работорговля сделала европейско-американский товарообмен фундаментально иным и более объемным по сравнению с прямым обменом сырьевых материалов на промышленные товары и серебро, осуществлявшимся между экономическими центрами Старого Света и его перифериями.

Более того, в то время как в Старом Свете почти все подневольные земледельцы выращивали продукцию для собственного потребления, у многих рабов в Новом Свете такой возможности не было. А поскольку в течение долгого времени плантаторы приобретали весьма ограниченное число рабынь (и отпускали их на волю чаще, чем мужчин), многие рабы были лишены семьи, помогавшей с производством продукции для личного потребления в домохозяйствах подневольных земледельцев во многих частях Старого Света<sup>9</sup>. Таким образом, несмотря на их бедность, повседневные потребности рабов содействовали созданию значительного рынка импортных товаров. В этом плане рабы отличались от подневольного населения периферийных регионов Старого Света. Товары эти (прежде всего дешевые хлопчатобумажные ткани для одежды рабов) представляли собой значительную часть импорта промышленных товаров, на которые тратилось почти 50% доходов от экспорта производимого в британской

---

лоний см. в: Deerr 1949–50: I: 235–242); по ввозу рабов см. в: Curtin 1969: 216.

7. Данные за 1821–1826 гг. из: Miller 1986: 70 и Ludwig 1985: 107, 314; при расчетах использована примерная стоимость одного раба, составлявшая 250 тыс. реалов (один из самых низких из приведенных у Миллера показателей); методы расчета те же, что и для Вест-Индии.

8. Информацию по количеству приобретаемых рабов и ценам на них см. в: Miller 1986: 70; Ludwig 1985: 107, 314; Curtin 1969: 216. Данные по бразильскому экспорту за 1796 и 1806 гг. из: Morineau 1985: 177–178.

9. Информацию по соотношению полов и показателям частоты браков в Бразилии см., например, в: Schwartz 1985: 354–358, 385.

Вест-Индии сахара. Некоторые из них производились исключительно в Европе. Другие поначалу попадали в Америку из Индии транзитом через Европу, однако позднее оказались заменены копиями британского производства.

Оставшаяся одна четвертая доходов от продажи сахара шла на приобретение зерновых и древесины (в дополнение к тем объемам, что обменивались на сахар напрямую) из британских колоний Северной Америки. А поскольку данный товарообмен позволял колониям материковой части оплачивать собственный импорт британских промышленных товаров<sup>10</sup>, он представлял собой обходной маршрут, которым Британия обращала еще большее количество своих и так относительно изобильных капитальных и трудовых ресурсов в землесберегающую импортную продукцию. Используя подневольный труд плантации Бразилии и британской Северной Америки приобретали большие объемы товаров у местных производителей, чем плантации Карибского бассейна. Кроме того, владельцы прежде всего бразильских плантаций также экономили за счет того, что снабжали своих рабов едой и одеждой чрезвычайно низкого качества<sup>11</sup>. Соответственно, они приобретали меньшее число товаров зарубежного производства, при этом объемы необходимых им товаров были далеко не малозначимыми<sup>12</sup>. Более того, выбранный бразильскими плантаторами подход — начиная с низкокачественного питания и заканчивая несбалансированностью половой принадлежности невольников — увеличивал потребность в восполнении собственно количества рабов посредством новых их приобретений в Африке.

Таким образом, рабство способствовало тому, что товарообмен между Европой и Америкой в корне отличался от торговли между экономическими центрами Старого Света и его периферийными территориями. Периферия со свободным населением, такая, например, как Юго-Западный Китай, не смогла бы обслуживать Европу в той же мере даже в случае, если бы обладала изобильными природными ресурсами. Не смогла бы этого сделать и периферия, подобная Восточной Европе (или позднее — Ява), где ориентированные на самообеспечение хозяйства были вынуждены вкладывать часть своего труда в производство товаров экспортного

Д. См.: Shepherd and Walton 1972: 43–44; Richardson 1987: 765–766.

11. Данные по Бразилии см., например, в: Schwartz (1985: 136–138, 296, 436, 441–442).

12. Для ознакомления с информацией по самым дешевым тканям, поставляемым в Бразилию, см., например: Subrahmanyam 1993: 182–185.

назначения. История экспорта серебра из Потоси, объемы которого с восстановлением численности коренного населения и зарождением более самодостаточной региональной экономики упали<sup>13</sup>, служит для нас напоминанием о том, что один лишь европейский спрос еще не гарантировал непрерывных поставок в Европу тех или иных предметов потребления в условиях отсутствия применения силы или *воспроизводства* местных потребностей в европейских товарах. К вопросу экспорта серебра мы вскоре вернемся. Сейчас же следует подчеркнуть, что такие огромные объемы экспорта сахара, табака, а позже и хлопка обеспечивались не только природными возможностями Карибского региона: данный регион был поставлен в такие социологические и политические условия, что ничем другим он себя обеспечить был не в состоянии. Одно из преимуществ Британии заключалось в том, что в отличие от Франции, Голландии или Дании ей не приходилось перевозить *продовольственные* товары в свои сахаропроизводящие колонии из Европы, поскольку в производстве данных товаров она могла полагаться на континентальную Северную Америку, в свою очередь закупавшую английские промышленные товары, которые требовали использования не столько земельных площадей, сколько труда и капитала.

Таким образом, истребление населения вкупе с последующим его восстановлением за счет рабов превратили Карибский регион в аномально огромный рынок для импортируемых товаров и в источник экспорта землеемкой продукции. Карибский бассейн стал первым периферийным регионом, которому были свойственны характеристики, которыми мы наделяем сегодня страны так называемого третьего мира: это был крупный импортер как средств производства (в рассматриваемом нами случае речь идет о прямоходящих, говорящих и обращенных в рабство средствах производства), так и промышленных товаров повседневного пользования, создавая при этом товары экспортного назначения, цены на которые с повышением эффективности, капиталоемкости и масштабов их производства падали. Цены же на большую часть различных форм энергоресурсов, производимых в Европе, включая продукты питания, на протяжении XVIII в. относительно уровня заработной платы и стоимости

13. Lang 1975: 61, 65–66. Дополнительные сведения по восстановлению экономик, которым была свойственна более значительная степень внутренней взаимосвязанности и автономии в испанских владениях в Новом Свете, см. также в: Stern 1988.

прочих товаров, наоборот, повышались<sup>14</sup>. Таким образом, плантационные регионы Нового Света представляли собой новый тип периферии, ввозящей достаточные объемы товаров, чтобы ее товарообмен с экономическими центрами отличался достаточным равновесием. Более того, ее импорт и экспорт оказывали друг на друга стимулирующий эффект: экспорт все больших объемов сахара вел к ввозу все большего количества рабов, еды и тканей, а зачастую и к росту задолженности плантаторов, что требовало продажи в будущем еще больших объемов сахара независимо от текущих цен на него<sup>15</sup>.

Между тем ориентация большинства плантационных регионов на один-два вида экспортной продукции способствовала значительному усовершенствованию собственно торговли. В течение XVIII в. издержки на перевозку грузов через Атлантику упали примерно на 50% даже в отсутствие серьезных технологических изменений. Частично подобное снижение было вызвано и изменениями в политической обстановке: благодаря британскому военно-морскому флоту масштабы пиратства сильно сократились, что привело к снижению страховых ставок и возможности перевозить большие объемы грузов без военного сопровождения с помощью немногочисленных экипажей<sup>16</sup>. При этом еще одной важной причиной снижения себестоимости, рассмотренной вкратце в главе 4, стало резкое уменьшение времени для формирования груза. Это привело к более быстрому обороту рабочего капитала, более интенсивному использованию судов и значительной экономии на зарплате экипажа, которому требовалось платить за каждый день нахождения вне родины даже в случае, когда корабль простаивал в порту во время покупки груза. Сокращение сроков пребывания в порту было достигнуто благодаря тому, что местные агенты занимались формированием грузов на складах еще до прибытия кораблей, благодаря чему судам больше не требовалось плавать от плантации к плантации, теряя время на переговоры. Подобное делегирование полномочий было гораздо более легким делом, когда речь шла о территории, производя-

14. См., например, диаграмму в: Goldstone 1991: 186; см. также: Thomas 1985a: 140–141.

15. Ричардсон (Richardson 1987: 745–746) демонстрирует прямую взаимосвязь между объемами экспорта сахара из британской Вест-Индии в определенный год и спросом на рабов в последующем году, которым, в свою очередь, обеспечивалось производство больших объемов сахара.

16. Shepherd and Walton 1972: 81–84.

щей лишь один-два вида экспортной продукции, а не множество видов, как, к примеру, в портах Индийского океана<sup>17</sup>.

Таким образом, в то время как привлечение дополнительных сырьевых материалов из многих периферийных территорий Старого Света означало исчерпание наиболее доступных ресурсов, высокие транспортные издержки и шаги, предпринимаемые вопреки логике импортозамещения, во многих частях Нового Света себя проявляла совершенно противоположная динамика. При наличии политических и социологических факторов, препятствующих импортозамещению, экспортные монокультуры привели к снижению издержек, связанных с перевозкой грузов через Атлантику и осуществлением коммерческих сделок. Это, в свою очередь, дало возможность американским поселенцам не бояться увеличения местных транспортных расходов — например, при освоении отдаленных от побережья территорий, по-прежнему продавая Европе достаточно своей продукции, чтобы оплачивать ее промышленные товары и возмещать свои первоначальные расходы. Данная динамика функционировала независимо от того, о какой именно рабочей силе шла речь — рабах, лицах, связанных договором индентуры, или свободных людях, сыграв одну из ключевых ролей в заселении Северной Америки<sup>18</sup>. Способствовала она и расширению трансатлантического обмена промышленными товарами (и подневольными «средствами производства») в отличие от товарообмена со странами Балтии или внутренними районами Китая.

Иными словами, совокупность таких факторов, как демографическая катастрофа, колониальное законодательство и рабство, привела к появлению периферии, бывшей беспрестанно расширяющимся источником сырьевых ресурсов в эпоху, предшествовавшую периоду, когда большая часть производств требовала наличия дорогостоящих средств производственно-технического назначения и большинство людей продолжали вести натуральное хозяйство. Подобная ситуация оказалась временной в том числе и для многих частей Нового Света: по мере восстановления численности населения в Перу и Мексике их экономика становилась все более самодостаточной и уровень объемов экспорта

17. Shepherd and Walton 1972: 52–53, 87. Информацию по огромному разнообразию грузов, получаемых торговыми судами в портах Индийского океана, см. в: van Leur 1955: 132, 253; Chaudhuri 1978: 204–208.

18. См.: McCusker and Menard 1985: 18, 23, 28–30; см. также: Shepherd and Walton 1972.

снижался<sup>19</sup>. Без наличия тех особых условий, что сложились в бассейне Карибского моря, уже само существование товарообмена между богатым, обладающим свободными трудовыми ресурсами экономическим центром и более бедной, осваиваемой периферией не имело бы таковым посредством подневольного труда периферией не имело бы таковых эпохальных последствий. К примеру, торговля Западной Европы с Восточной ни в коем случае не превышала по своей значимости и динамике товарообмена между долиной нижнего течения Янцзы и ее различными перифериями, для которых было характерно наличие свободного трудового населения. Существовавшие в периферийных районах формы контроля над трудовыми ресурсами действительно имели ключевое значение, как на том настаивают разработчики теорий мировых систем, однако смешение воедино всех типов «подневольных производителей товарных культур» было бы чрезмерным упрощением. Рабству и колониализму Нового Света были свойственны чрезвычайно важные особенности.

В высказывавшихся ранее утверждениях о важности рабского труда для европейского (особенно британского) промышленного роста зачастую уделялось первостепенное внимание экспортным рынкам, выполнявшим роль стимула для бурно развивающихся отраслей. Следовательно, эти утверждения были довольно уязвимы против делающего упор на внутренние факторы аргумента, согласно которому собственные рынки также переживали рост, причем на основе более широкой базы. Подобная постановка вопроса неубедительна уже по своей природе: если на спрос со стороны Карибского региона в период между 1748 и 1776 гг. пришлось 12% прироста британского промышленного производства<sup>20</sup>, то какой вывод из это следует? Что пресловутый стакан наполовину пуст или наполовину полон? Мы же исходим из утверждения, что одни рынки были более значимы, чем другие, поскольку Новый Свет и работорговля смогли предложить то, что не смог дать развивающийся внутренний рынок, а именно пути обращения промышленных изделий, создаваемых без особой эксплуатации земельных ресурсов Британии, во все более растущие объемы землемных продовольственных товаров и волокна (а позднее и древесины) по вполне приемлемой (и даже снижающейся) стоимости.

19. Lang 1975: 61, 65–66.

20. Richardson 1987: 768.

## Еще одна часть Нового Света, еще одна удача: драгоценные металлы

Тем временем Мексика, Перу, а позднее и Бразилия обеспечивали Европу большими объемами драгоценных металлов. Частично это было непосредственным результатом колониальной эксплуатации — например, изъятия определенной доли продукции горных предприятий, расположенных во владениях Испании и Португалии, в пользу правящих домов этих держав. В период до 1640 г. размер этой доли был определен в законодательном порядке и составлял не менее чем 27,5%, дохода, возможно, и до 40%, от объемов вывозимой продукции<sup>21</sup>. Поскольку подобные размеры доли королевских домов быстро привели к широкой практике контрабандного вывоза продукции, ее реальные размеры никогда данным цифрам не соответствовали, а законодательно установленный уровень сбора для борьбы с контрабандой постепенно снижался. Тем не менее вполне вероятно, что доля правящих домов составляла от одной десятой до одной пятой регистрируемых объемов производства<sup>22</sup>.

При обеспечении дальнейшего производства драгоценных металлов наблюдалось лишь незначительное снижение в использовании прямых мер принуждения. Квоты на труд невольников способствовали снижению себестоимости горной добычи независимо от того, выполняли представители коренного населения работу сами или выкупали себя, субсидируя таким образом заработную плату других работников<sup>23</sup>. Хотя непосредственную пользу от квот получали занимавшиеся горной добычей предприниматели Нового Света, эти квоты позволяли добывать более высоких объемов производства независимо от конкретных цен на продукцию. Поскольку золотом и серебром владели многие из занятых в отрасли лица — от крупных и средних предпринимателей до собственно «горняков-издольщиков»<sup>24</sup>, получаемая таким образом экономия волей-неволей оказывалась доступной и европейским покупателям их продукции. Между тем колониальное законодательство сильно ограничило конкуренцию между торговцами, поставлявшими европейские и азиатские товары в обмен на драгоценные металлы. Кроме того, были зафиксированы по крайней мере попытки законодательно ограничить производство местных

21. Hamilton 1934; Flynn and Giraldez 1996: 321–329.

22. Morineau 1985: 102, 121, 289.

23. Stern 1988: 849–852; Tandeter 1993: 15–85.

24. Stern 1988: 852–854.

альтернатив данному импорту. Таким образом, перекося был свойствен как масштабам данной торговли, так и сформировавшимся в ее рамках ценам, в результате чего неизвестная нам доля экспортируемого золота и серебра оказалась просто-напросто бесплатным подарком Европе.

Часть объемов данного «подарка» так в Западной Европе и осталась. Вполне вероятно, что особой пользы для экономического развития Европы металлы эти не принесли, поскольку использовались на цели финансирования военных кампаний, включая почти удачные попытки Испании подчинить себе зарождающиеся на северо-западе Европы экономические центры<sup>25</sup>. Тем не менее драгоценные металлы вполне могли помочь «смазать» механизм европейского товарообмена и уж точно сыграли определенную роль в развитии более эффективных вооруженных сил. Между тем значительная часть богатств Нового Света отправлялась на Восток, взамен чего в Европу поступали нужные ей товары. Движение богатств Нового Света можно условно разделить на три потока.

Один из потоков экспортируемых из Нового Света золота и серебра направлялся в экологически богатые, но небольшие с точки зрения масштабов рынка зоны Старого Света — от Юго-Восточной Азии до Ближнего Востока и Восточной Европы, что позволяло Европе расширять ввоз реальных ресурсов из этих периферийных регионов. В данном случае серебро или (реже) золото использовалось наподобие сегодняшних валютных резервов: они представляли собой остаточное средство накопления сбережений, направляемое на цели уравнивания торгового баланса в товарообмене с регионами, для которых был характерен ограниченный спрос на продаваемые Европой товары. При этом данные металлы, обычно поставлявшиеся из Европы в виде чеканной монеты, можно рассматривать и в качестве европейского промышленного изделия, для которого данные регионы являлись достаточно крупным рынком (в условиях отсутствия соответствующих сырьевых материалов) с ограниченными возможностями организации соответствующих производств на месте<sup>26</sup>. В экономиках, в которых быстро набирало оборот хождение де-

25. Flynn 1984: 43.

26. Перлин (Perlin 1994: 113–118, 147–174) подчеркивает тот факт, что монеты данного периода зачастую гораздо полезнее рассматривать именно в качестве промышленного товара, а не денег, противопоставляемых товарам. В другой своей работе Перлин (Perlin 1991: 239–373, особенно с. 248–249, 268–280) рассматривает изготовление монет в качестве производства товаров, часто предназначенных для отдаленных целевых рынков.

нежных средств (например, во многих частях Скандинавии), данное промышленное изделие было по крайней мере частично предметом массового спроса. На периферии же с наименее развитыми рынками, такой как Восточная Европа, оно представляло собой прежде всего предмет роскоши. В любом случае промышленное изделие сделало возможным приобретение в данных регионах более существенных объемов сырьевой продукции, чем те, которых можно было бы добиться в его отсутствие.

При этом то, что драгоценные металлы не изнашиваются и не исчерпываются наподобие тканей или зерна, представляло собой серьезную проблему для *расширения* (или хотя бы поддержания) спроса на них в случаях, когда ими пользовалась лишь незначительная часть населения. Разумеется, состоятельные граждане делали накопления в виде серебра или драгоценностей, однако в какой-то момент они достигали таких объемов, что создание дальнейших запасов не имело смысла, к тому же потребление серебра как форма демонстрации социального статуса стало уступать в престиже потреблению шелка, фарфора, художественных полотен и т. п. Таким образом, серебро Нового Света позволило Западной Европе получить больше сырьевых материалов, чем в случае, если бы возникший в XV в. дефицит монет из драгоценных металлов так и не разрешился<sup>27</sup>, однако само по себе оно было не в состоянии обеспечить бесконечное расширение торговли Западной Европы с теми экономиками Старого Света, которые не имели достаточного денежного наполнения.

Второй поток драгоценных металлов также способствовал задаче получения Западной Европой необходимых ей землеемких товаров, хотя и не напрямую. Данный поток обменивался на различные промышленные товары, изготовленные в Азии (главным образом в Индии), которые затем использовались в приобретении рабов для Америки. В XVIII в. одни только индийские ткани составляли примерно треть товаров, обмениваемых английскими торговцами на африканских рабов, и могли составлять более половины товаров в аналогичном обмене французских торговцев (французская промышленность научилась производить качественную замену индийским тканям позже британской)<sup>28</sup>. Значительная часть торговых судов португальской империи связывала Азию с Африкой и Бразилией напрямую, заходя в метрополию лишь для доставки товаров из Нового Света<sup>29</sup>. Иными

27. Day 1978: 3–54.

28. Klein 1990: 291.

29. Subrahmanyam 1993: 183–185.

словами, данный поток драгоценных металлов способствовал развитию уже рассмотренного нами процесса, в котором те районы Нового Света, где применялся рабский труд, оказывали важное содействие богатой трудовыми ресурсами и капиталом, но бедной землей Европе.

Как мы уже видели, применительно к Индии имеет смысл рассматривать значительную часть притока золотых и серебряных монет в качестве средства удовлетворения спроса со стороны разнообразных слоев населения, использовавших их для совершения сделок, а не как средство накопления, к которому прибегали для покрытия торгового дефицита. Однако, несмотря на впечатляющие свидетельства продолжавшегося развития денежных отношений в индийской экономике, из этого еще не следует, что в условиях отсутствия металлов Нового Света Индия просто-напросто приобретала бы больше других европейско-американских товаров. Значительная часть индийского населения по-прежнему участвовала в рынке лишь для приобретения незначительного количества предметов первой необходимости, покрытия периодических ритуальных расходов, например связанных с проведением свадебных церемоний, и получения наличных денежных средств для оплаты налогов и прочих сборов. Если же говорить о приобретении других товаров, то еще неизвестно, смогли бы европейские промышленные товары быть достаточно конкурентоспособными на индийском рынке. Более высокая престижность китайских тканей и керамических изделий, деликатесов из Юго-Восточной Азии и товаров с Ближнего Востока, предназначенных для последователей ислама, означала, что европейским предметам роскоши так же вряд ли удалось бы завоевать значительную долю местного рынка. Соответственно, даже если мы будем рассматривать направлявшиеся в Индию драгоценные металлы просто как один из товаров, им все же была присуща одна примечательная особенность: вполне возможно, что они были единственным европейским товаром, приобретаемым Индией в таких огромных масштабах. (Единственная приходящая на ум альтернатива—это оружие. Однако остается неясным, каким именно был эффект от значительного увеличения уже и так широкомасштабной торговли оружием в период, на который пришелся упадок империи Великих Моголов и завоевание Индии Британией).

Наконец, третий поток драгоценных металлов на протяжении десятилетий оставался крупнейшим. Весьма вероятно, что он сыграл самую малозначимую роль в решении европейской проблемы нехватки земельных ресурсов. Речь идет о поставках серебра

в густонаселенные и отличавшиеся высоким уровнем развития товарных отношений части Азии, где оно использовалось в качестве средства обеспечения сделок, в которых участвовали представители всех общественных классов. Взамен серебра в Европу и в самую Америку поступали различные потребительские товары. Подобное представление ситуации, как мы уже убедились, может быть соотнесено и с товарообменом, осуществлявшимся с Индией, однако прежде всего речь идет об огромном потоке серебра в Китай, где миллионы рядовых граждан использовали серебро для оплаты налогов и разнообразных покупок.

Совершенно очевидно, что в данном случае серебро выполняло функцию товара, а не остаточного средства накопления, используемого для выравнивания торгового дисбаланса. В то время как в период между 1500 и 1640 гг. серебро в Китай ввозилось, золото и медь из него вывозились, зачастую направляясь в Европу<sup>30</sup>. И хотя шелк, самый важный из реальных товаров китайского экспорта, был тканью, а не металлом, в ряде местностей он тоже использовался в качестве денежного средства. Таким образом, добываемое в Новом Свете серебро было в данном товарообмене лишь одним из многих товаров для получения прибыли за счет расхождения в ценах в разных регионах мира: те товары, которых в Китае было больше, чем где-либо еще (золото, фарфор, шелк), обменивались на серебро, которое было в Китае достаточно дефицитным<sup>31</sup>, но пользовавшимся весьма высоким спросом металлом, который выполнял роль монетарной и фискальной базы крупнейшей экономики мира<sup>32</sup>. К 1640 г. данная торговля помогла добиться примерного соответствия соотношений стоимости серебра и золота в Китае и Европе. Таким образом, утратив смысл, эта торговля пережила резкое падение объемов, которые восстановились лишь в XVIII в.<sup>33</sup> В первоначальном своем воплощении данная торговля мало что сделала для обеспечения Европы землеемкими товарами. При этом она была чрезвычайно прибыльной и обеспечивала наличие товаров, которые (в отличие от все больших объемов серебра) могли быть использованы для товарообмена в других частях мира.

Если бы серебра не было, то вряд ли в товарообмене с Индией и Китаем нашелся бы другой товар, который ввозился бы в эти две

30. Flynn and Giraldez 1997: xxvii; von Glahn 1996: 129–133, 224–229.

31. Для ознакомления с данными по соотношению «золото — серебро» в разных регионах мира см.: von Glahn 1996: 127.

32. Flynn and Giraldez 1997: xix.

33. von Glahn 1996: 128, 232.

страны в столь огромных объемах. Таким образом, и в этом случае рудники Нового Света сыграли важную роль в способности Европы приобретать товары в остальных частях Старого Света. При этом ситуация с импортом в Китай отличается от ситуации с Индией, поскольку рассматривать значительную часть ввозимого им серебра в качестве товара второстепенной важности не приходится. Таким образом, если бы данного потока серебра не существовало, следовало бы предположить импорт других денежных средств или масштабную передислокацию собственных производственных ресурсов Китая, что, возможно, вызвало бы расширение спроса на прочие виды импорта. Применительно же к ситуации в Европе разница между потоками металлов, ввозимых в Китай и Индию, заключалась в том, что первый из них позволил разрядить ситуацию с дефицитом европейских земельных ресурсов, пусть даже и косвенно, лишь в относительно незначительной степени.

Подобное разграничение сфер применения богатств Нового Света основывается на временной каузальности событий и слишком несовершенно, а взаимосвязь различных сфер применения с различными направлениями движения потоков металлов следует рассматривать в качестве тенденций, но не абсолютных правил. Даже в Восточной Европе — периферии, население которой, возможно, было вовлечено в денежную экономику в наименьшей степени, не все объемы ввезенных металлов являли собой абстрактное богатство, накапливаемое правящими классами в условиях застойной экономики. С другой стороны, стоит говорить о том, что в некоторой степени накопление серебра имело место даже в Китае. Что нам следует сделать, так это признать, что в той или иной мере, но подобное поведение проявлялось повсеместно, причем оснований для резкого разграничения, которое некоторые специалисты проводят между «транжирами» Европы и «скрягами» Азии, нет<sup>34</sup>. Более того, сама грань между спросом на металлы для целей накопления и целей совершения сделок была довольно размытой в условиях отсутствия у рядовых граждан накопительных счетов и в условиях, когда драгоценности и прочие предметы демонстрации статуса зачастую представляли собой ключевую часть обеспечения брака, являвшего собой способ воссоздания производственных единиц.

Однако, несмотря на приблизительность и изменчивость данных категорий, они в состоянии кое о чем поведать нам: металлы

34. Для ознакомления с одной из последних формулировок подобного предположаемого отличия см.: Kindleberger 1990.

Нового Света были не просто деньгами, которые европейцы обращали в реальные ресурсы посредством их распространения по Старому Свету, а движущей силой данного процесса всегда выступали потребности Европы. Внутренняя динамика прочих регионов была способна создавать потребности, которые были не менее реальны, чем потребности Европы, такие, например, как потребность Китая в более практичной валюте или желание правящих классов Восточной Европы обратить излишки зерновых в нечто не создающее трудностей при хранении и перевозке, а потому соответствующее задаче обеспечения войск при проведении военных кампаний<sup>35</sup>. Масштабы и природа движения данных металлов определялись *взаимодействием* европейской динамики и динамики прочих регионов: в мировой экономике по-прежнему существовало несколько центров, и силы, действующие в прочих регионах, оказывали на нее не меньшее влияние, чем силы в Европе.

Как мы уже видели в главе 4, если бы китайская экономика не была столь динамичной, что изменение ее монетной базы было способно поглощать на протяжении трех столетий невероятное количество добываемого в Новом Свете серебра, его рудники могли бы потерять рентабельность в течение всего нескольких десятилетий. Масштабная инфляция привязанных к стоимости серебра цен, имевшая место в Европе в период с 1500 по 1640 г., служит показателем снижавшейся ценности серебра в данном регионе, несмотря на то что значительную его часть оттягивала на себя Азия<sup>36</sup>, а части Старого Света с менее развитыми денежными системами также были бы не в состоянии поглощать драгоценные металлы бесконечно долго, без того чтобы те не обесценивались. Это еще одно из проявлений того факта, что в раннем периоде Нового времени серебро и золото были совсем не тем, что представляют собой современные деньги: сегодня владельцы твердой валюты не испытывают проблем с получением большего числа ресурсов, поскольку потребности современных периферий в капитале невероятно велики.

Переправка добываемых в Новом Свете металлов позволила Европе расширить импорт своих реальных ресурсов в гораздо большей степени, чем ей удалось бы это сделать в их отсутствие. Возможно, для расширения потока ресурсов из тех периферий Старого Света, которые обладали менее развитыми денежными системами, часть добываемого в Новом Свете серебра требовалось

35. Blum 1961: 201–204.

36. Hamilton 1934; Flynn and Giraldez 1996: 323–329.

обращать в ткани, фарфор или пряности, а благодаря спросу со стороны Китая данная возможность также существовала. И как мы уже отмечали, собственно добываемые в Новом Свете металлы, перепродаваемые азиатские товары, которые часто приобретались в обмен на серебро, и экзотические товары из самого Нового Света, такие как сахар и табак, позволяли Западной Европе приобретать больше товаров в остальных частях Старого Света, чем промышленные изделия европейского производства.

Таким образом, проводимое рядом специалистов разграничение между драгоценными металлами, добываемыми посредством принуждения, и гораздо более весомым потоком реальных ресурсов, получаемых посредством международной торговли, осуществившейся ненасильственными методами, представляется искусственным<sup>37</sup>. Кроме того что эксплуатация земли и труда, участвовавших в производстве экспортных ресурсов Нового Света, осуществлялась главным образом посредством принуждения, выходившего за рамки рыночных процессов, избежание всех тех сил, что тормозили развитие товарообмена между экономическими центрами и перифериями Старого Света, требовало уникальных механизмов взаимодействия между плантаторами Карибского региона и проводимой в Новом Свете меркантилистской политикой. Довольно затруднительно представить себе, как именно «экологические богатства» Нового Света смогли бы поставляться в Европу в таких объемах или каким образом Европе удалось бы разрядить ситуацию со своими экологическими проблемами за счет других регионов Старого Света в отсутствие данных элементов и серебра, которым оплачивались расходы на управление колониями и переправлявшиеся в Африку и Америку азиатские товары.

### Некоторые оценки степени решения экологических проблем: Британия в эпоху промышленной революции

Объемы данных богатств были огромны<sup>38</sup>, однако для того чтобы их рассмотрение оказалось небесполезным, их следует разбить на несколько категорий. Для целей аргументации давайте исключим товары, которые могли быть приобретены на перифериях Старого Света без проведения крупных институциональных измене-

37. См., например: Jones 1981: 83–84.

38. Для ознакомления с методами расчета представленных в данном разделе данных см. приложение D.

ний (например, меха, которые Россия, судя по всему, могла поставлять в больших количествах), и выгоду, которую принесло Старому Свету выращивание таких культур Нового света, как картофель, в отсутствие которого ни Ирландия, ни Пруссия экспортировать зерно в Англию были бы не способны. Исключить также стоит и огромные запасы рыбы Нового Света, промысел которой у берегов Северной Америки был удобным, хотя и не имел какого-либо ключевого значения. Запасы эти тоже можно отнести к богатствам Нового Света, однако лишь в случае, если «забрасывать слишком широкий невод», то есть подсчитывать весь объем поставлявшихся через Атлантику товаров, вместо того чтобы демонстрировать, что торговля теми или иными товарами (и в меньшей степени стоявшие за этим механизмы) была действительно значима. Соответственно, рассмотрение ситуации в XVIII и начале XIX в. будет посвящено почти исключительно сахару и хлопку с некоторыми отступлениями, касающимися более широкого потока сырьевых продуктов, поставлявшихся из Америки в середине и конце XIX в.

Согласно Минцу, к 1800 г. на сахар приходилось примерно 2% потребляемых британцами калорий, а к 1900 г. — целых 14%<sup>39</sup>. При этом реальные цифры вполне могли быть гораздо выше. Используя те же оценочные показатели среднедушевого потребления сахара, которые приводит Минц, и ту же методику их перевода в калории, мы приходим к тому, что в 1800 г. показатель среднедушевого ежедневного потребления сахара составлял в Британии (включая Ирландию) более 90 калорий. Если предположить, что в 1800 г. среднестатистический британец потреблял 2500 калорий в день, что вполне может представлять завышенную оценку, то оказывается, что 90 калорий уже тогда составляли почти 4% от общего числа калорий<sup>40</sup>. В 1901 г. среднее потребление сахара должно было бы превышать 18%, если действительно можно говорить о том, что среднестатистическое

39. Mintz 1985: 133.

40. Кларком, Хуберманом и Линдертом (Clark, Huberman, and Lindert 1995: 223) была проведена работа по compilации данных из ряда исследований, посвященных среднедушевому потреблению в домохозяйствах трудящихся, на основе которых они приходят к выводу, что показатель потребления из расчета на взрослого мужчину составлял от 1500 калорий (на основе выборки малоимущих сельских жителей за период 1787–1796 гг.) до целых 2400 (на основе выборки городских рабочих за 1863 г. и 1889–1890 гг.) плюс одна из оценок позволяет говорить о потреблении сельскими работниками 3200 калорий в 1860-е гг.; однако даже последние цифры в пересчете на среднедушевой показатель будут составлять менее 2500 калорий.

потребление еды давало 2500 калорий в день, и выше 22% для более правдоподобного показателя в 2000 калорий. И хотя сегодня сахар зачастую рассматривается в качестве источника «вредных» калорий, он вполне может быть довольно ценным продуктом при менее качественном питании, так как предупреждает получение энергии путем сжигания более дефицитного белка<sup>41</sup>.

Показатель 4% за 1800 г. может считаться заниженным, однако следует напомнить, что 1 акр сахарного тростника в тропиках даст больше калорий, чем 4 акра картофеля, который в XVIII в. большинство европейцев употреблять не желали<sup>42</sup>, или 9–12 акров пшеницы<sup>43</sup>. Обеспечение Соединенного Королевства тем количеством калорий, что давало в 1800 г. потребление сахара (при использовании показателей, предлагаемых Минцем<sup>44</sup>), потребовало бы продукции, обеспечиваемой не менее чем 1,3 млн акров среднестатистических английских земель, а возможно, и более чем 1,9 млн акров. В 1831 г. эквивалент потребления сахара составлял бы уже от 1,9 до 2,6 млн акров. А поскольку те земли, которые в Европе (и особенно в Британии) все еще оставались невозделанными, вряд ли можно отнести к самым плодородным, то вполне можно допустить, что данные показатели могли бы быть гораздо выше.

Вяленое мясо плюс суда, продукты перегонки древесных живицы и смолы, а также небольшие объемы древесины и зерна помогли спасти часть британских земель в XVIII в. и уже гораздо большие площади в начале XIX в. К примеру, до 1800 г. объемы поставок североамериканской древесины в Британию были весьма незначительны (хотя поставки в Южную Европу уже отличались большими объемами), однако к 1825 г. они были уже достаточными для того, чтобы сэкономить 1 млн акров европейского леса, по-

41. Daniels 1996: 277.

42. Braudel 1981: 170; Бродель 1986: 188; Salaman 1949: 479–484.

43. Mintz 1985: 191.

44. В данном случае Минц ведет речь о Британии, однако поскольку его данные совпадают с показателями, которые и Деерр, и Митчелл приводят по Соединенному Королевству Англии и Ирландии, то вполне вероятно, что он имеет в виду и Соединенное Королевство; для целей его исследования данная разница малозначима. А поскольку, как мы уже удостоверились, начиная с 1770 г. Англия сильно зависела от поставок продовольствия из Уэльса, Шотландии и Ирландии, объемы которых были бы значительно ниже, если бы в данных регионах не существовало других способов удовлетворения минимальных потребностей в калориях, именно показатели по Соединенному Королевству нам и следует использовать для оценки вклада Карибского региона в обеспечение питанием переживающей процесс индустриализации Англии.

сле чего продолжили стремительно расти<sup>45</sup>. Некоторая экономия достигалась косвенным путем, поскольку поставляемые из Нового Света серебро и реэкспортируемые товары использовались для оплаты значительной части древесины, ввозимой Британией из балтийского региона (ежегодный объем которой в 1780–90-х гг. соответствовал примерно 650 тыс. акров лесных угодий). Принимая во внимание тот факт, что общая площадь пахотных земель в Британии составляла примерно 17 млн акров<sup>46</sup>, те 3–4 млн «фантомных акров», что уже эксплуатировались на тот момент в Новом Свете, представляли собой совсем немалый вклад в земельную базу Британии, даже если не брать в расчет производство хлопчатника, не говоря уже о стремительном росте объемов ввозимых из Америки товаров в середине XIX в.

К 1815 г. Британия ввезла более 100 млн фунтов произведенного в Новом Свете хлопка, а к 1830 г. данный показатель составил 263 млн фунтов<sup>47</sup>. Если заменить этот показатель на аналогичный показатель пеньки или льна, то дополнительные площади земли, необходимые для их производства, оказываются сравнительно небольшими: 200 тыс. акров в 1815 г. и 500 тыс. в 1830 г. Однако и пенька (в особенности), и лен как недостаточно качественные волокна для большей части сфер их применения поддавались обработке труднее, чем хлопок, а процессы механического получения пеньковой и льняной пряжи возникли позднее аналогичного процесса получения хлопчатобумажной пряжи<sup>48</sup>. Более значимым было то, что выращивание и конопли, и льна было чрезвычайно трудоемким и требовало больших объемов навоза — настолько больших, что большинство земледельцев выращивали их лишь для личного пользования. Принимавшиеся государством в течение трех столетий различные программы развития и субсидирования их производства не увенчались успехом ни в Англии, ни в Северной Америке<sup>49</sup>.

Это оставляет нам шерсть — на протяжении долгого времени главное волокно Европы. Однако содержание овец, необходимых

45. Для ознакомления с методами расчета см. приложение D; данные по экспорту взяты из: Lower 1973: 259.

46. Mitchell 1988: 186. Вообще-то это показатель по более поздней дате (за 1867 г.), однако одновременно с этим и самый ранний из всех доступных, к тому же в рассматриваемом периоде он, скорее всего, оставался достаточно неизменным.

47. Mann 1860: 112.

48. Mokyr 1990: 103; Мокир 2014: 165.

49. Данные по Англии и ее колониям см. в: Warden (1967: 32–40).

для замены импортируемого Британией из Нового Света хлопка, потребовало бы невероятных земельных площадей: примерно 9 млн акров в 1815 г. (при использовании показателей ведущих хозяйств) и более чем 23 млн акров в 1830 г. Последний показатель превосходит общую площадь всех пахотных и пастбищных угодий Британии. Превосходит он и оценку Энтони Ригли, согласно которой примерно в 1815 г. ежегодные объемы добываемого в Британии угля были таковы, что для производства равнозначных объемов энергии из древесины страна каким-то волшебным образом должна была бы рассчитывать на дополнительные 15 млн акров леса<sup>50</sup>. Если прибавить сюда хлопок, сахар и древесину, произведенные, к примеру, в 1830 г., мы приходим к показателю 25–30 млн «фантомных акров», что явным образом превосходит даже вклад угольной промышленности.

Как уже было рассмотрено в главе 5, поставляемые из других континентов товары способствовали снижению потребляемой еды из расчета на душу населения путем изменения пищевых привычек. Это может заставить нас пересмотреть размеры экономии земельных ресурсов в большую сторону, однако, вполне вероятно, что они не поддаются исчислению. Разумеется, удешевление обогрева зданий было отнесено прежде всего на счет резкого роста добычи угля. При этом возможность для все большего числа людей трудиться в помещениях, а не следовать цзяннаньским или даже датским путем экологического выживания зависела прежде всего *как от дешевой энергии угля, так и от заморских поставок хлопка, зерна и прочих землесемких товаров*. По сравнению с лицами, занятыми трудом вне помещений, для тех, кто работал внутри, требовалось на треть меньше калорий<sup>51</sup>. Производство беспрецедентных объемов дешевых тканей, помогавших телу сохранять тепло, а также снижать его потребности в калориях, без американского хлопка было бы попросту невозможно. Принимая во внима-

50. Wrigley 1988: 54–55. В действительности в качестве «водораздела» Ригли использует год смерти Георга III (1820 г.), однако, согласно данным по объемам производства угля, которые приводит Митчелл (Mitchell 1988: 247), его добыча достигла необходимого уровня в 15 млн тонн именно в 1815 г. Более важным здесь является то, что, по признанию самого Ригли, его предположение о том, что один акр леса давал две тонны сухой древесины в год, вполне вероятно, является завышенной, снижая оцениваемый им эффект от добычи угля. Если бы он использовал современный среднемировой показатель, как это делает Смил (Smil 1983: 36) и я (в других своих работах), полученный им оценочный показатель эффекта от добычи угля лишь ненамного превысил бы 21 млн «фантомных акров».

51. Clark, Huberman, and Lindert 1995: 223 vs. 226.

ние тот факт, что потребности в калориях также сокращались и за счет подавляющих аппетит свойств чая и сахара, их потребление представляло собой еще один вид скрытой экономии, которого удалось добиться в том числе благодаря предпринимаемым за рубежом мерам принуждения. Большая часть сахара поставлялась с плантаций Нового Света, в то время как чай поначалу обменивался на добываемое в Новом Свете серебро, а позднее на индийский опиум. Все эти факторы вносили заметный вклад в экономию земель метрополии уже в начале XIX в., а в середине и конце столетия масштабы данного вклада стали огромными.

Разумеется, юг Соединенных Штатов был не единственной территорией, где была налажена культивация хлопчатника, однако без этого региона развитие ткацкой промышленности Манчестера на раннем его этапе было бы сильно затруднено. Понять, насколько сложным было бы обеспечение роста производства хлопчатобумажного текстиля без природных и институциональных возможностей данного региона, можно, если обратиться к разразившемуся позднее, во время Гражданской войны в США, так называемому хлопковому голоду.

Хотя экспорт американского хлопка оказался приостановлен лишь в период между 1862 г. и серединой 1865 г. (в 1861 г. блокада сил северян не была достаточно эффективной), уже к 1850 г. Британия стала предпринимать значительные усилия по расширению поставок хлопка. Они были наверняка гораздо более масштабными, чем те, что Британия предпринимала бы в гипотетическом мире, где экспорт хлопка из США был бы невозможен. По состоянию на тот момент мощь Британии была несравненно выше, чем в начале столетия, а транспортные и прочие технологии — значительно более развитыми. Возможно, более важным было то, что существование многочисленных фабрик, огромного числа рабочих и наличие потребителей, нацеленных на приобретение продукции данных фабрик, явились гораздо более важными стимулами для предотвращения снижения поставок хлопка, чем любые планы по созданию текстильной промышленности смогли бы сделать для преодоления нехватки хлопка в первоначальном периоде. Тем не менее, несмотря на данные усилия, «предложение сырья... проявило себя чрезвычайно малогибким»<sup>52</sup>.

В центре внимания Британии оказалась Индия. В 1850-х гг. индийское правительство проводило «осуществлявшуюся в интересах хлопчатобумажной промышленности политику аннексий

52. Farnie 1979: 136.

и строительства железных дорог», хотя в первое десятилетие похвастаться особо было нечем. Серьезного успеха удалось добиться только в 1861 г. в значительной мере в ущерб внутреннему потреблению и экспорту в Китай, а не за счет роста производства, однако объемы поставок из Индии составили в указанном году менее половины объемов поставок из США. Более того, в дальнейшем объемы экспорта увеличились лишь на 8,6%, несмотря на то что осуществляемая силами северян блокада привела к резкому росту цен на хлопок<sup>53</sup>.

Еще одного относительного успеха — при приложении гораздо меньших внешних усилий — удалось добиться в Египте. Возможным он стал благодаря тому, что само египетское правительство было заинтересовано в расширении производства хлопка еще с момента правления страной Мухаммедом Али: как только построенные по его приказу фабрики оказались неконкурентоспособными, производимый в стране хлопок стал доступен для экспорта. Поставки на экспорт начались в 1821 г., превысив в 1824 г. 27 млн фунтов и достигнув к 1850-м гг. почти 50 млн фунтов<sup>54</sup> (однако это составляло менее половины объемов экспорта хлопка из США за 1815 г.). Пиковые показатели экспорта египетского хлопка достигли 200 млн фунтов, что все равно было ниже объемов экспорта из США за 1830 г., после чего резко снизились<sup>55</sup>. Этого краткосрочного успеха удалось добиться лишь после 40 лет активных усилий правительства (до Гражданской войны производство хлопка в Египте почти не выходило за пределы земельных угодий, которыми владели Мухаммед Али и его родственник), вдохновившегося успехом Ланкашира. Несмотря на столь долгий подготовительный период, производство оказалось неспособным к стабильному поддержанию своего уровня, не говоря уже о дальнейшем расширении. К тому же при таких ценах на египетский хлопок промышленность Ланкашира не смогла бы протянуть слишком долго.

Во время Гражданской войны в США примерно 40% пахотных земель в дельте Нила были постоянно засеяны хлопчатником. Принимая во внимание используемые принципы ротации культур, в течение 1863–1865 гг. в тот или иной момент под

53. Farnie 1979: 137, 142, 145–146, 151.

54. Issawi 1966: 362, 416–417; преобразование показателей на основе данных, приведенных на с. 518.

55. Ibid., p. 417.

хлопчатником оказался каждый из земельных наделов дельты<sup>56</sup>. Вследствие того что в Египте достаточным орошением обеспечивалось лишь ограниченное количество земель, вполне вероятно, что данный показатель являл собой абсолютный максимум возможных объемов производства в отсутствие тех ирригационных мощностей, что были достигнуты в XX в. в рамках соответствующих мегапроектов. Даже на орошаемых территориях издержки культивации очень быстро выросли до такого уровня, что выращивание хлопчатника было выгодным лишь при абсолютных пиковых ценах 1864 г.<sup>57</sup>, однако при таких ценах (а в действительности еще и при более низких ценах 1862 г.) стоимость хлопка-сырца оказалась выше стоимости необработанной пряжи<sup>58</sup>.

Менее масштабные усилия Британии по стимулированию экспорта из прочих многообещающих регионов — Бразилии, Западной Африки, Квинсленда и Бирмы — какими-либо успехами, несмотря на стремительный взлет цен, практически не увенчались<sup>59</sup>. В 1861–1862 гг. потребление хлопка в Британии упало на 55% при одновременном увеличении цен вдвое, что произошло по причине разразившейся войны еще в 1861 г. В относительном выражении в 1860 г. стоимость хлопка составляла примерно треть от стоимости шерсти, однако к 1864 г. она увеличилась<sup>60</sup>. Вне всякого сомнения, цены после начала Гражданской войны могли бы вырасти еще сильнее, если бы не значительные запасы хлопка-сырца и не огромный переизбыток хлопчатобумажных изделий на складах готовой продукции, что снижало необходимость в дальнейшем повышении объемов прядильного и ткацкого производства<sup>61</sup>. В 1862 г. количество лиц, занятых на фабриках Ланкашира, упало почти вдвое, а для оставшихся продолжительность рабочей недели к ноябрю составляла в среднем 2,3 дня (по сравнению с шестидневной рабочей неделей в 1860–1861 гг.)<sup>62</sup>. Большое же число предприятий (особенно мелких, которые напоминали первые фабрики по уровню запасов наличных средств, наличию оборудования и прочих ресурсов) попросту обанкротились.

56. Owen 1966: 424.

57. Ibid.

58. Farnie 1979: 145.

59. Ibid., p. 150.

60. Ibid., p. 147, 162.

61. Ibid., p. 138–139, 144–145.

62. Ibid., p. 145–146.

Разумеется, даже эти недостаточные объемы ввоза хлопка-сырца значительно превышали поставки из США в начале XIX в., однако, как мы уже видели, это стало результатом усилий, которые в указанный период были нереализуемы. А без сельскохозяйственных машин XX в. замена в последующий период еще более масштабной «золотой жилы» в виде поставок пищевых культур из регионов, условно обозначаемых как «нео-Европа», представляется маловероятной. Во всем Старом Свете лучшим местом для выращивания традиционных европейских пищевых культур, принимая во внимание необходимые экологические условия, относительно малую плотность населения и благоприятные институциональные механизмы, является собственно Европа<sup>63</sup>.

### Сравнения и расчеты: о чем говорят цифры

Данные расчеты можно попытаться опровергнуть способами, схожими с тем подходом (рассмотренным в главе 4), что был использован применительно к утверждениям, касающимся добычи ресурсов в заморских территориях и накопления капитала в Европе: как можно называть что-то решающим в ситуации, когда прочие факторы — накопление капитала внутри Европы, внутреннее производство продуктов питания и т. п. — были более масштабными? Вопрос этот важен как применительно к данному конкретному случаю, так и для более общей концептуализации исторических процессов.

При рассмотрении роста в рамках той или иной отдельной ситуации менее масштабные факторы являются второстепенными. Однако даже здесь возникает проблема категорий. «Сельскохозяйственные товары, импортируемые из Нового Света в Британию» в качестве всеобъемлющей категории могут выглядеть менее масштабным фактором по сравнению с сопоставимыми категориями «сельхозпродукция внутреннего (британского) производства» и «импорт из прочих частей Европы», однако при дальнейшем раздроблении указанных категорий («продовольственный импорт из Германии», «древесина из Скандинавии» и т. п.) оказывается, что некоторые из подкатегорий, касающиеся импорта из Нового Света, например «волокно из Соединенных Штатов», оказываются в более длинном перечне составляющих импорта одними из самых крупных. То, насколько далеко нам следует углубляться в сужении рассматриваемых категорий,

63. Crosby 1986.

зависит от сложных суждений (и ряда дальнейших гипотез) относительно взаимозаменяемости различных товаров, значимости той или иной отрасли для экономики в целом и т. п. (Это одна из причин того, почему ресурсы Нового Света представляются более важными, чем его доходы: нет никаких сомнений относительно существования альтернативных областей инвестирования, которые также могли бы оказаться прибыльными, однако оснований полагать, что существовали и альтернативные пути производства огромных объемов землесмешных товаров, гораздо меньше.) Таким образом, если только мы не преследуем целью категоричное утверждение о том, что абсолютно что угодно может быть *всегда* замещено и что рынки *всегда* точным образом оценивают относительную важность определенных видов деятельности, товаров и т. п., подобных суждений не избежать. (Чтобы понять ограниченность подобных предположений, представьте себе, что марсиане вдруг лишили Землю всего ископаемого топлива. Последствия данного события можно было бы оценить посредством достаточно небольшой доли мирового ВВП, приходящейся сегодня на производителей ископаемого топлива, хотя в действительности последствия были бы куда более масштабными.)

В более широком смысле можно говорить о том, что в ряде ситуаций все решает достаточно небольшой прирост того или иного показателя. 98,4% человеческих генов совпадают с генами карликового шимпанзе<sup>64</sup>, однако лишь немногие из нас отвергли бы объяснение распространения человеческой расы почти по всей планете (в то время как шимпанзе выжили лишь в ряде ограниченных территорий) тем, что человек сосредоточился на развитии качеств, на которые приходится оставшиеся 1,6%.

Фундаментальная идея о том, что относительно небольшие изменения способны привести к значимым историческим расхождениям, не только стала частью пословиц и поговорок («если бы гвоздь не выпал, ботинок остался бы цел»), но и не утратила своей актуальности сегодня (как в случае со знаменитым примером теории хаоса, согласно которой взмах крыльев бабочки в Африке способен привести к изменению погоды в Гренландии). Данная идея идет вразрез с моделями достижения равновесия, в рамках которых небольшие изменения к существенным и *продолжительным* расхождениям не приводят. Таким образом, она ведет к нескладному союзу между историей и экономикой: по крайней мере некоторые экономические школы рассматривают единственное

64. Diamond 1992: 23.

равновесие в качестве конечной точки, к которой стремится любящая система. Приятие значимости малых факторов может привести и к мыслительной анархии. Объяснения могут стать такими громоздкими, что мы перестанем их понимать. Или же они просто превращаются в ассорти идей, когда каждый отстаивает в качестве ключевого тот фактор, который более всего отвечает преследуемым им в текущий момент целям. Чтобы история была значимой, иногда требуется наличие факторов, долгосрочные последствия которых превышают то, что можно было бы предположить исходя из их масштабности.

Выбор в пользу того или иного фактора на основе сравнений частично зависит от того, насколько явно в остальном рассматриваемые случаи схожи. Представление истории никогда не является столь же четким и простым, что и в случае с шимпанзе и человеком, где 98,4% генов абсолютно идентичны. Вместо этого мы получаем утверждения о примерных подобиях или преимуществах, которые представляются тесно связанными с противостоящими им недостатками, или рассуждения, в рамках которых довольно трудно представить механизм, который оказался бы способен достаточно сильно выделить значимость того или иного отличия в период возникновения крупного расхождения.

Таким образом, то, насколько важным будут представляться нам уголь и Новый Свет, частично зависит от того, насколько убежденными окажутся читатели в отношении сходств, на которые я обращал внимание применительно к другим областям, а также от аргументов, касающихся этих конкретных феноменов. Что же касается самих феноменов, у меня есть четыре аргумента в пользу того, чтобы наделить их особой важностью:

- 1) приведенные выше расчетные показатели демонстрируют, что они вовсе не малозначимы применительно к некоторым соразмерным стандартам (например, земельной базе Британии на территории метрополии);
- 2) они проявляют себя в нужный момент, чтобы объяснить определенное ключевое расхождение (это становится очевидным, когда мы переносим рассмотрение данного расхождения на столетний период, центром которого выступает 1800 г.);
- 3) они воздействовали на развитие соответствующих регионов посредством снижения остроты определенной проблемы — ограниченных размеров земельных площадей, решить которую каким-либо другим образом, принимая во внимание знания и институты рассматриваемого периода, было бы крайне затруднительно;

- 4) экономические центры в Китае, Японии и ряде частей Европы (например, в Дании) являют собой примеры того, как именно могли выглядеть лишенные данных преимуществ общества.

Они не требуют от нас говорить о том, что без решения данной проблемы Европа скатилась бы к мальтузианской катастрофе — ситуации, когда «взмах крыльев бабочки порождает ураган», или о том, что при наличии более протяженного во времени «экологического окна» Индия, Китай или Япония смогли бы прийти к собственной промышленной революции. Европейский экологический кризис вполне *мог бы* иметь место, однако гипотезы позволяют предположить целый ряд куда более вероятных вариантов развития событий, общим у которых является трудоемкая адаптация к проблеме ограниченности земельных ресурсов, которая была в действительности успешно осуществлена оказавшимися в схожих обстоятельствах людьми, однако ни к чему напоминающему британский прорыв не привела. Более того, как мы с вами удостоверимся в заключительном разделе, трудоемкий путь мог препятствовать реализации индустриализации в идущих данным путем обществах даже после того, как соответствующие технологии стали доступны для их копирования и воспроизведения. Таким образом, то, что я заостряю внимание на соответствующих факторах, представляется мне целесообразной, а вовсе не опрометчивой отсылкой к принципу, согласно которому не столь уж и существенная первоначальная разница способна привести к значительно большей разнице в будущем.

### Что осталось за цифрами

После того как мы ввели идею о наличии динамических последствий, которые довольно сложно учесть в моделях равновесия или при более масштабных количественных расчетах, обратимся ненадолго к некоторым связям Нового Света с расхождением путей Европы и остального Старого Света. Мы лишь ненадолго останавливались (в главе 3) на динамических последствиях культурного характера, свойственных экспорту произведенных в Новом Свете товаров, таких как табак и кофе, в частности на их влиянии на потребительские привычки и стимулировании ими товарного производства. Несмотря на отсутствие у них значимости в рамках произведенных нами расчетов экономики земельных ресурсов, эти «необязательные» товары, как и другие, получаемые в Азии в обмен на серебро Нового Света, без

всякого сомнения, многое сделали для ускорения «революции трудолюбия», сыгравшей столь важную роль в экономическом динамизме Европы.

Одна из особенностей табака, сахара, какао, кофе и чая заключалась в том, что они вызывали привыкание, были легки в приготовлении и потреблении и обеспечивали кратковременные приливы энергии. Это делало их идеальным средством для скрашивания долгих рабочих дней, особенно когда речь шла о работе вне стен своего дома: обособление дома и рабочего места привели к тому, что важность данных особенностей, прежде всего в фабрично-заводскую эпоху, возросла. (Можно сказать, что добываемое в Новом Свете серебро, способствовавшее частичной замене джина и пива китайским чаем, помогло формированию, прежде всего в Британии, населения, которое в большей степени соответствовало потребностям требующей энергичности, а иногда и связанной с опасностями трудовой занятости.) Более того, культуры, на основе которых производились все эти новые «предметы роскоши повседневного пользования», на территории Европы, за исключением табака, не выращивались, а потому самостоятельно производить их в рамках домохозяйства не представлялось возможным. Следовательно, их приобретение требовало занятия рыночным трудом. То же касалось и возможности приобретения хлопчатобумажных и шелковых тканей или их популярных сочетаний, а также серебряных пряжек и прочих аксессуаров, ставших важными показателями статуса даже в среде малоимущего населения.

Приобретение данных товаров не просто было возможно лишь посредством их покупки: во многих случаях их стоимость подталкивала к развитию специализации. Домохозяйство, способное самостоятельно изготавливать одежду из пеньки или льна, вряд ли пошло бы на риск, связанный с возможностью испортить более привлекательные ткани, а домохозяйство, согласное на списание всей материи, которая будет испорчена в процессе обучения подростков работе с шелком, должно быть либо достаточно состоятельным, либо нацеленным на зарабатывание денег именно работой с шелком. Как следствие, экзотические товары, ставшие в данном периоде частью жизни многих рядовых граждан, вполне могли в значительной, хотя и не поддающейся количественной оценке мере способствовать перераспределению трудового времени от производства продукции для собственных нужд к товарному производству, что, в свою очередь, сыграло важнейшую роль в обеспечении «эндогенных» доходов Европы через возросшее

разделение труда. Мы также оставили в стороне возможную значимость плантаций, на которую обращает внимание Сидни Минц, в качестве моделей внутрифабричной организации<sup>65</sup>.

Кроме того, нам не следует забывать, что богатства Нового Света не просто позволили европейцам *приобретать* дополнительные товары в других частях Нового Света. Они также способствовали зарождению класса европейских военных офицеров и торговцев, которые становились влиятельными партнерами туземных элит, а позднее и их колониальными правителями<sup>66</sup>. Потребительские налоги на выращиваемые на плантациях сахар и табак, а также прочие колониальные товары сыграли в росте военной мощи Европы заметную роль. Половина роста дохода (в фиксированных ценах) британского правительства в период между 1670 и 1800 гг. (или 1810 г., если принимать во внимание более долгий период наполеоновских войн) была обеспечена таможенными сборами, а по крайней мере в 1788–1792 гг. две трети таможенных сборов пришлось на чай, сахар, индийские ткани, шелк-сырец, табак и зарубежный алкоголь (главным образом ром, изготовленный на основе карибского сахара,—вино в данную категорию не включалось)<sup>67</sup>. В целом же доля таможенных сборов с данных товаров в указанный период составила 22% от общей суммы основных категорий британских налогов<sup>68</sup>. Разумеется, многие территориальные завоевания европейских держав в Азии были осуществлены руками различных ост-индских компаний, за счет торговли и существовавших.

Следует также отметить, что, хотя возростающая военная мощь и позволила европейцам воспользоваться в конце XVIII и начале XIX столетия политической нестабильностью в различных частях Азии, внутренние конфликты разрывали и саму Европу<sup>69</sup>. Джек Голдстоун убедительным образом показывает наличие взаимосвязей между политической нестабильностью середины XVII и конца XVIII в., с одной стороны, и дефицитом ресурсов и скачками

65. Mintz 1985: 46–61.

66. Bayly 1989: 74; Washbrook 1988.

67. Расчеты на основе данных из: O'Brien 1988: 15.

68. Расчеты на основе данных из того же источника, с. 11.

69. Кристофер Бейли (Bayly 1989) прекрасно представил важность роли, которую спровоцированные коммерциализацией политические кризисы, потрясшие мусульманские империи от Северной Африки до Явы, сыграли в зарождении новой волны европейского империализма. Кроме того, Бейли указывает на общую схожесть между данными кризисами и повсеместным крушением государств, с которым европейцам пришлось столкнуться на собственном континенте.

цен, вызванными ростом населения, — с другой<sup>70</sup>. В свете данной ситуации полученные из-за рубежа ресурсы выглядят весьма значимыми, поскольку их наличие позволило избежать усугубления проблем. То же можно сказать и о государственных доходах, получаемых с поставок товаров из Нового Света, поскольку взимавшиеся с них сборы были непопулярны в меньшей степени, чем налоги на отечественные товары и активы. Данная ситуация представляется еще более значимой, если вспомнить, что эпоху революций Британия пережила сравнительно легко, в то время как для многих европейских стран это оказалось периодом масштабных экономических потрясений, и что на момент окончания указанной эпохи Британская империя значительно разрослась.

Таким образом, представляется весьма вероятным, что эксплуатация Нового Света и вывезенных для работы на его плантациях африканцев была во многих аспектах более значимой, чем то, что нашло свое отражение в наших показателях, касающихся «фантомных акров». Исходя из всех показателей следует, что данная эксплуатация сделала для обособления Западной Европы от остальных экономических центров Старого Света больше, чем любое из предполагаемых преимуществ над данными центрами, обеспечиваемых функционированием рынков, существующими системами семьи и прочими европейскими институтами. Что касается обособления Западной Европы по крайней мере от азиатских экономических центров, то здесь можно вести речь лишь о трех сравнимых по значимости факторах. Один из них, как это ни странно, свойственное Европе «преимущество отставания», благодаря которому европейский континент оказался обеспечен в XIX в. свободными ресурсами, давшими ему необходимую передышку. Однако, как мы уже удостоверились, данное преимущество не распространялось на Британию (или исторические Нидерланды) и ряд ключевых предметов потребления (прежде всего сельскохозяйственное волокно и древесину) и оказалось нивелировано недостатками экологического характера. Второй такой возможный фактор — это удачное расположение британских угольных залежей и его взаимосвязь с развитием целого угольного/парового комплекса. Третий фактор — собственно волна промышленных нововведений, роль которой еще не полностью осознана, но, как мы видели, гораздо более значима благодаря тому, что была связана как с огромными запасами угля, так и с ослаблением

70. Goldstone 1991.

нехватки прочих ресурсов, которого удалось добиться благодаря эксплуатации богатств Нового Света.

В двух последних разделах настоящего исследования я рассматриваю идею судьбоносных расхождений с двух точек зрения. Во-первых, я выдвигаю утверждение о важности роли Нового Света в развитии Европы и в последующие годы XIX в. и кратко обрисовываю то, как именно данная динамика менялась и развивалась по мере распространения процесса индустриализации за пределы Британии. Наконец, я снова обращаюсь к Китаю, Японии и Индии, представляющим регионы, которым в той или иной степени пришлось брать на вооружение все трудоемкие подходы к решению экологических проблем и позднее столкнуться с ситуацией, когда данные подходы в той или иной степени затрудняли проведение капиталоемкой и энергоемкой индустриализации. Поскольку я уже неоднократно подчеркивал тот факт, что без рассматриваемых здесь заморских ресурсов Европе тоже пришлось бы идти путем гораздо более трудоемкого развития, последние примеры предназначены не только для того, чтобы подвести итог представленной здесь мировой истории, но и дополнить собой аргументы в пользу утверждения о том, что начало XIX в. представляет собой ключевой момент расхождения, имевшего долгосрочные последствия, когда благодаря всем рассмотренным нами факторам Англии удалось избежать судьбы Дельты Янцзы, а различия между двумя данными территориями достигли такой степени, что поверить в то, что еще совсем недавно они были весьма схожи, стало делом весьма нелегким.

### Вперед, в индустриальный мир

Импорт из Нового Света, сделавший возможным экономию земельных ресурсов в Европе, достиг значимых объемов лишь после 1830 г.: в течение десятилетий его рост шел рука об руку с поразительным прогрессом в добыче ископаемого топлива. В течение 1815–1900 гг. объемы добычи угля в Британии увеличились в 14 раз<sup>71</sup>, импорт сахара вырос примерно в 11 раз<sup>72</sup>, импорт хлопка — двадцатикратно<sup>73</sup>. Тем временем Британия начала потреблять

71. Mitchell 1988: 247.

72. Расчеты на основе данных из: Mitchell 1988: 709–711.

73. Ср. с: Farnie 1979: 7; данные по потреблению сахара см. в.: Mitchell 1988: 709–712; информацию по отсутствию значительного внутреннего производства сахара до 1920-х гг. см. в: Mitchell 1988: 196–201; см. также: Bruchey 1967: table 2-A.

американское зерно, телятину и прочую сырьевую продукцию, необычайно возрос ввоз древесины, и Новый Свет наконец-то превратился в направление масштабной миграции избыточного населения Европы.

В начале XIX в. Британия прекратила продажу рабов в Северную Америку и Карибский регион; в Аргентину большое количество рабов никогда и не поставлялось. К середине столетия развитие технологий способствовало дальнейшему снижению себестоимости перевозки грузов через Атлантику, другие изменения, прежде всего строительство железных дорог, революционизировали сухопутный транспорт. Это привело к значительному ускорению рассмотренного выше процесса, в рамках которого снижение транспортных издержек дало европейским эмигрантам возможность самостоятельно оплачивать издержки на переезд, обустройство и производство за счет экспорта сырьевой продукции в Европу из все более расширяющихся районов осваиваемых территорий Южной и Северной Америки. (Данный процесс был также ускорен и развитием независимого правительства Соединенных Штатов, которое в гораздо меньшей степени стремилось к возмещению своих затрат на цели обеспечения безопасности и освоения отдаленных территорий, чем заправлявшие здесь раньше делами коммерческие колониальные компании.)

К этому моменту уже существовал как интерес со стороны производителей Нового Света к приобретению у Европы механических (а не прямоходящих) средств производства, так и определенные меры защиты патентных прав на оборудование. Между тем дешевый транспорт, механизированное производство и потребительские вкусы европейских эмигрантов означали, что Европа теперь тоже может продавать значительные объемы потребительских товаров Новому Свету. С большим притоком капитала и трудовых ресурсов в такой непосредственной форме, как инвестиции и иммигранты, и в такой косвенной форме, как промышленные товары, богатые землей и ориентированные на рыночное производство Соединенные Штаты стали прекрасным дополнением для все более густонаселенной и промышленно развитой Европы.

Но, несмотря на все эти изменения, по крайней мере Британия косвенным образом продолжала зависеть от мер принуждения в финансировании значительной части резко возросшего в XIX в. импорта ресурсов Нового Света. Более того, даже на пике своей репутации в качестве «промышленного цеха мира» Британии редко когда удавалось продавать в Южную и Северную Америку достаточно своей продукции, чтобы ее товарообмен с этими регио-

нами находился в равновесии<sup>74</sup>. Ситуация лишь ухудшилась с развитием импортозамещения на европейском континенте и в Северной Америке, которым в итоге удалось создать отрасли, способные конкурировать и на экспортных рынках. Как следствие, европейский колониализм и насильственные действия в заморских регионах — теперь ареной их применения стал Старый Свет — продолжали быть актуальными в течение еще многих десятилетий и, возможно, в меньшей степени, чем в период до 1850 г. В течение четырех десятилетий, предшествовавших Первой мировой войне, Британии удалось выровнять крайне разросшийся дефицит торговли с Южной и Северной Америкой и континентальной Европой, фигурировавший даже в таких «невидимых» статьях, как перевозка грузов, страхование и выплаты по процентам, главным образом за счет своего огромного положительного сальдо в торговле со странами Азии. Наибольших объемов сальдо Британия достигла в товарообмене с Индией, где законодательство искусственным образом содействовало расширению рынков ее товаров от тканей до паровозов. Индия же продолжала покрывать значительную часть данного дефицита за счет поставок опиума в Китай, а также такой разнообразной сельскохозяйственной продукции, как чай и индиго, производившейся с применением мер крайнего принуждения и предназначенной для экспорта в континентальную Европу<sup>75</sup>. Между тем способность Британии выдерживать огромный дефицит в товарообмене со странами Америки и европейского континента при одновременном экспорте значительных объемов капитала имела значимость не только для британского потребителя — она сыграла свою роль в помощи следующей волне вставших на путь индустриализации государств, прежде всего Соединенным Штатам, предпринимавшим меры по защите собственного рынка, продвигавшим свою продукцию на свободных рынках и привлекавшим большие суммы капитала.

Я согласен с утверждением Эрика Джонса о том, что далеко не всякая группа лиц, которым посчастливилось бы открыть Новый Свет (и стать причиной его обезлюдения, что было бы неизбежно при наличии собственных Старому Свету болезней), использовала бы вновь открытые континенты тем же образом, что и Европа. При этом европейское предпринимательство,

74. Информацию по торговым балансам см. в.: Latham 1978b: 69 и Hobsbawm 1975: 138, 144–145; по ограниченности рынка британских товаров в Латинской Америке см. в: Platt 1972: 4–5.

75. См.: Latham 1978b 69–70, 80, 89; Farnie 1979: 325; Hobsbawm 1975: 149.

на которое указывает Джонс<sup>76</sup>, вовсе не было *уникальной* составляющей уравнения или такой его составляющей, в которой Западная Европа превзошла по уровню развития другие густонаселенные регионы мира. Нововведения западных европейцев, касавшиеся организации изысканий, долгосрочных завоевательных кампаний и создания институтов, сочетавших предпринимательство с активными мерами принуждения (плюс благоприятные международные условия, на формирование которых оказало влияние множество факторов — от восприимчивости к оспе до масштабной добычи в Новом Свете серебра и не менее масштабного проекта обновления денежной системы в Китае), дали им немало преимуществ. Это, в свою очередь, способствовало тому, что Западная Европа оказалась в привилегированном положении, позволившем ей относительно безболезненно пережить последнее столетие «старого биологического режима», которому было свойственно множество экологических проблем, и даже продолжить развитие промышленных отраслей (от текстильной до пивоваренной и сталелитейной), требовавших значительных объемов земельной продукции.

### Последние объекты сравнения: интенсивность труда, ресурсы и промышленное «взросление»

Таким образом, когда уголь, пар и механизация открыли дорогу новым технологическим возможностям, страны Западной Европы (особенно Англия) оказались в уникальном положении, позволившем извлекать из сложившейся ситуации выгоду. Им стали доступны еще не использовавшиеся огромные ресурсы Нового Света (а также залежи подземных ископаемых), благодаря которым была снята острота связанной с нехваткой земли проблемы. Более того, благодаря той выгоде, которую западные европейцы уже извлекали из Нового Света, они вступили в XIX в. при более высоком уровне жизни, чем тот, которого они добились бы в противном случае при возросшей военной мощи, которая в ряде случаев позволяла делать открытыми рынки других стран или получать монопольное преимущество, и ремесленных отраслях более значимых масштабов, чем те, к которым удалось бы прийти без ресурсов Нового Света. И именно работники протопромышленности, а не крестьяне (во всяком случае не напрямую) и составили большую часть рабочей силы фабрик и заводов.

76. Jones 1981: 84.

Важность того факта, что на фабрики и заводы пришло большое число занятых в протопромышленности лиц, очень четко выражена в модели «взросления», предложенной Джоэлем Мокиром для описания европейской индустриализации. Во-первых, несмотря на многочисленные попытки отыскать «излишки трудовой силы» в сельском хозяйстве, то есть работников, которые могли бы покинуть данную отрасль без ее существенного ослабления<sup>77</sup>, случаи ухода крестьян на фабрики и заводы, судя по всему, были достаточно редки, как редки они даже в современных странах третьего мира<sup>78</sup>. Причем ни один из рассматриваемых нами экономических центров не мог позволить себе по состоянию на 1800 г. значительное снижение сельскохозяйственного производства. Во-вторых, производства, на которых были заняты пришедшие из протопромышленности рабочие, обладали отличительным преимуществом. Если работники промышленных предприятий были бывшими земледельцами, то даже в случаях, когда спрос на них не вел к повышению заработной платы (другими словами, если в сельском хозяйстве *действительно* существовал переизбыток рабочей силы), причин для падения зарплат все равно не было бы. Поскольку распространение технологий массового производства вело к снижению цен на промышленную продукцию, фабрики и заводы должны были сталкиваться с падением прибыли и испытывать трудности с расширением производств. (Мокир высказывает предположение о достаточной дешевизне основного капитала, что было свойственно ранней индустриализации, а раз цены на сырье от производственных процессов не зависели, самой важной статьёй текущих издержек выступала зарплатная ведомость предприятия.) Однако если зарождающаяся отрасль способна привлекать лиц, занятых в протопромышленности и выпускающих ту же продукцию, что и новые предприятия, то те же технологии, что заставляют снижать цены на промышленные изделия, затрагивают и альтернативные заработки занятых в протопромышленности. Таким образом, промышленное предприятие оказывается в состоянии не только сокращать заработную плату, но и по-прежнему привлекать работников протопромышленных производств, что позволяет ему получать более высокую прибыль на протяжении более продолжительного периода<sup>79</sup>.

77. Lewis 1954: 139–191; для ознакомления с более поздними сведениями см.: Myint 1958: 317–337.

78. Schultz 1964: 61–70.

79. Mokyr 1976: 132–164.

Таким образом, в рамках подобного сценария формирование промышленной отрасли может стать результатом «взросления» протопромышленности. Не потребуется проведения *параллельных* социальных и технологических преобразований, которые позволили бы сельскому хозяйству поддерживать или увеличивать объемы производства на одних и тех же площадях и одновременно с этим испытывать потребность в гораздо меньшем числе работников. Более того, зачастую переходящие на работу на фабрику или завод работники протопромышленности приносили с собой навыки и (или) знания, которые оказывались полезными для разработки дальнейших нововведений. Все это позволяет предположить, что продолжавшийся рост протопромышленности в те десятилетия, что предшествовали или совпали с развитием механизированной промышленности, способствовал тому, что Европа оказалась в куда более благоприятном положении, чем в случае, когда ей пришлось бы удерживать в сельском и лесном хозяйстве гораздо большее число рабочих рук.

Если несколько переформулировать вышесказанное, то расширение как протопромышленности, так и зарождающихся механических отраслей потребовало от Европы увеличения объемов сельскохозяйственного производства. Независимо от того, удалось бы Британии (или даже Европе в целом) изыскать достаточные земельные площади для разрешения данных проблем, сама необходимость в огромных дополнительных объемах прямого трудового вклада, требующихся для производства данных сельхозтоваров, способна была бы породить в дальнейшем новые проблемы. Однако в действительности Европа оказалась обеспечена сельхозтоварами за счет продукции, которую для нее выращивали другие регионы мира, в то время как сама она использовала собственные трудовые ресурсы для увеличения количества солдат, матросов, торговцев и производителей промышленной продукции. Фабрики и заводы в метрополиях были способны удовлетворять свою потребность в большем количестве рабочих рук за счет привлечения работников протопромышленности, получая при этом указанные выше преимущества.

Со временем благодаря технологическим изменениям (например, совершенствованию огнестрельного оружия и судов) эффективность труда солдат и моряков из расчета на душу населения увеличилась, а их самих все чаще дополняли или заменяли туземцами, которые нанимались за счет взимаемых в колониях налогов. Таким образом, ситуация в заморских территориях также прошла через собственную стадию «взросления», означавшего, что подоб-

ный способ получения сырьевой продукции не требовал увеличения объемов труда со стороны европейцев. Масштабное расширение сельского хозяйства в метрополиях, если бы оно все же потребовалось, не только было бы затруднительным с экологической точки зрения, но и вряд ли смогло бы сочетаться с ростом рабочей силы в промышленном секторе. Когда в период после 1850 г. наконец было отмечено снижение числа занятых в сельском хозяйстве Британии в абсолютном выражении, связано это было как с недоступными в первой половине века технологиями, так и с масштабным увеличением объемов сельскохозяйственного импорта. По мере снижения трудового вклада объемы производимой продукции оставались неизменными или повышались в незначительной степени<sup>80</sup>. Контраст с нетипичным (для Европы) примером Дании, рассмотренным в главе 5, поразителен. В Дании почти стабилизировавшаяся благодаря трудоемким решениям экологическая ситуация на протяжении многих десятилетий находилась в противоречии с процессом индустриализации даже несмотря на то, что предельные доходы в данной сфере, а также реальная заработная плата городских и сельских тружеников были низкими и продолжали снижаться<sup>81</sup>.

На протяжении долгого времени и Китай, и Япония, подобно Европе в целом, были способны добиваться роста своих агропромышленных отраслей даже в условиях отсутствия у них ресурсов Нового Света, благодаря которым они могли бы получать волокно и прочую землеемкую продукцию. Соответствующий ход развития также потребовал некоторого расширения торговли (или объемов рыбной ловли) в целях снижения испытываемого экономическими центрами давления на земельные ресурсы. Однако по сравнению с решением, к которому прибегла Европа, данный ход развития оказался связан с большей интенсификацией и расширением сельского хозяйства, прежде всего в части производства волокна. К концу XVIII в. данный процесс замедлился, испытывая все большие экологические трудности. К 1750 г.

---

80. Томпсон (Thompson 1989: 189) демонстрирует тот факт, что в период между 1840 г. и началом XX в. производство пищевых продуктов из расчета на одного сельхозработника выросло почти на 50%, при этом число занятых в сельскохозяйственном производстве лиц снизилось на 25%, следовательно, чистая выгода от увеличения объемов производства составила 12,5%. Более того, даже данная выгода потребовала масштабного увеличения использования в сельском хозяйстве химических веществ и прочих изделий промышленного производства (см. с. 193–199).

81. Для ознакомления с тенденциями заработной платы см.: Kjaergaard 1994: 160.

население Японии перестало расти, и хотя население Китая продолжало увеличиваться на протяжении еще целого столетия, нельзя исключить, что процентная доля занятых в протопромышленности не увеличивалась или даже снижалась. Вполне вероятно, что те районы Китая, в которых ранее отмечалось масштабное развитие протопромышленности, пережили значительную деиндустриализацию. Вместо дальнейшего развития протопромышленности возникла ситуация, когда за период с 1750 по 1850 г. доля специализировавшихся на сельскохозяйственном производстве территорий Китая в общем показателе численности населения страны значительно увеличилась.

Если в 1750 г. население наиболее развитых в экономическом отношении префектур в Дельте Янцзы составляло 16–21% от общего населения Китая, то в 1850 г. его доля снизилась до 9%, а в к 1950 г. — до 6%. Как мы вскоре удостоверимся, доля населения данных префектур, занятого в протопромышленности, возможно, несколько снизилась, однако независимо от того, имело ли данное снижение место, факт остается фактом: в усредненных показателях регион империи с самой развитой протопромышленностью утратил свой вес. В Линнане, втором по уровню развития протопромышленности макрорегионе, прирост населения в период 1750–1850 гг. составил около 75%, притом что прирост населения по стране в целом составил целых 100%. Более того, диспропорциональная доля в приросте населения макрорегиона пришлось на Гуанси — провинцию, где основными отраслями были сельское и лесное хозяйство.

Таким образом, несмотря на тот факт, что, хотя некоторые из макрорегионов, где господствовало сельское хозяйство, и развивали протопромышленность, их крайне высокая доля в общем населении страны в период после 1750 г. означает, что в 1850 г. Китай был аграрной экономикой не в меньшей мере, чем в 1750 г., а в 1950 г. лишь в незначительно меньшей степени. Более того, занятые в протопромышленности лица, разбросанные по земельным угодьям внутренних районов и зачастую рассматриваемые как неотъемлемая часть идеального сельского домохозяйства, не могли столь же легко перемещаться для работы на гипотетические фабрики и заводы, что и настоящие, не привязанные к земле пролетарии. Соответственно, на протяжении примерно двух столетий после 1750 г. Китай переживал ситуацию, когда индустриализация по относительно легкому пути «взросления» оказалась невозможной, и ему пришлось столкнуться со всеми проблемами,

связанными с необходимостью привлечения большинства своих промышленных рабочих напрямую из сельского хозяйства.

При этом пример Соединенных Штатов является важным напоминанием о том, что не все страны, ставшие пионерами в области индустриализации, обладали достаточно крупной протопромышленностью. Более того, Кеннет Соколофф и Дэйвид Доллар, сравнивая ситуацию, сложившуюся в XIX в. в Соединенных Штатах и в Англии, подчеркивают, что гораздо большая продолжительность сезона полевых работ в Англии тормозила развитие фабрично-заводской промышленности. В ситуации, когда значительное число трудящихся могли быть заняты в ней лишь часть года, причем при уровне зарплаты гораздо ниже того, при котором работники были бы согласны полностью оставить сельское хозяйство, ремесленная отрасль проявила себя крепким соперником для фабрик и заводов, а инвестирование в централизованные предприятия, в оборудование и контроль оказалось менее выгодным, чем оно было бы в случае полного разделения трудовых ресурсов сельского хозяйства и промышленности. В противоположность ситуации в Англии в США весьма благоприятное соотношение «земля—трудовой вклад» позволяло земледельцам дополнять выращивание зерновых другими видами деятельности, например скотоводством, заготовкой леса, выращиванием фруктов и расчисткой новых территорий под нужды земледелия, которые давали меньшую прибыль с единицы земли, но большую из расчета на час рабочего времени. Таким образом, трудовым ресурсам была обеспечена полная занятость без того, чтобы у них была необходимость прибегать к ремеслу. Соответственно, появлявшиеся фабрики и заводы могли наращивать производство гораздо быстрее, чем в Англии (особенно на занятом производством зерновых и ремесленных изделий юге Англии)<sup>82</sup>.

Данное видение ситуации актуально как применительно к Англии, так и к Соединенным Штатам. При этом ситуация в США коренным образом отличалась от той, что наблюдалась в любом из рассматриваемых нами европейских экономических центров. Весьма благоприятное соотношение между урожайностью земли и трудовым вкладом означало, что американские земледельцы могли без особых трудностей прокормить отделенные от них зарождающиеся (как за счет мигрантов, так и прироста местного населения и его исхода в города) трудовые ресурсы промышленности. Означало оно и то, что земледельцы были достаточно

82. Sokoloff and Dollar 1997: 1–20.

состоятельными, даже в отсутствие подработки в промышленном производстве, чтобы приобретать промышленные изделия, несмотря на то что они производились достаточно дорогой рабочей силой. Между тем протяженность территории и таможенные тарифы помогли предотвратить захват европейскими промышленными изделиями, производившимися зачастую более дешевой рабочей силой, всего американского рынка.

Вполне возможно, что в данных специфических условиях расширение американской промышленности, которой приходилось искать свою рабочую силу в среде бывших земледельцев (независимо от того, были ли это земледельцы из Массачусетса, Ирландии или Германии), происходило вопреки принципам модели «взросления» быстрее, чем расширение английской. При этом в XVIII в. в Старом Свете нашлось бы немного регионов, где огромный рост населения не привел бы ни к росту местного сельского хозяйства, ни к притоку сырьевых материалов за счет производства промышленных изделий, предназначенных для *экспорта*. В тех же экономических центрах Старого Света, где сельское население не было занято в протопромышленности, данный факт объяснялся, скорее всего, наличием крайне трудоемкого и круглогодичного возделывания сразу целого ряда культур (как, например, в ряде областей Линнана) или огромными объемами работ, направленными на решение экологических проблем (как, например, в Дании, где осуществлялась масштабная деятельность по удобрению почв мергелем, рытью канав и т. д.), чем прибыльными, хотя и землеемкими видами приработка, свойственными земледельческим хозяйствам США XIX в.

Таким образом, экономические центры Старого Света были не в состоянии формировать фабрично-заводскую рабочую силу тем же образом, что и США. Для них выбор заключался либо в привлечении лиц, занятых на постоянной основе в протопромышленности, либо лиц, по крайней мере частично занятых в сельском хозяйстве. Принимая во внимание данные обстоятельства, можно говорить, что привлечение работников протопромышленности являлось для Старого Света наиболее эффективным путем формирования фабрично-заводских рабочих кадров. Это ставило Англию в гораздо более выгодное положение по сравнению с такими регионами, как Дельта Янцзы, лишенными периферий, способных дополнять развитие центров в той же мере, что и периферии, выступавшие в качестве торговых партнеров Англии. Данное утверждение может быть выражено и посредством еще одной составляющей предложенной Мокиром модели «взросле-

ния» европейской индустриализации. Согласно данной модели трудящиеся обращаются к протопромышленной деятельности прежде всего тогда, когда предельная производительность их труда в сельском хозяйстве падает ниже предельной производительности труда в протопромышленности. (Первоначальный уровень первого показателя выше, чем второго, однако далее следует его более быстрое по сравнению со вторым показателем снижение прежде всего по причине ограниченности земельных площадей.) Таким образом, в какой-то момент все излишние трудовые ресурсы направляются в протопромышленность при условии, что соответствующая территория остается способной экспортировать изделия протопромышленности в обмен на продовольственные товары (мы можем также прибавить сюда волокно и древесину), не влияя на относительные цены на продовольственные товары и ремесленные изделия на международном рынке, в рамках которого данный товарообмен и осуществляется.

Данное условие, обычно определяемое как «допущение по малым странам», отлично описывает ситуацию в Нидерландах и Бельгии, применительно к которым Мокир и разработал свою модель, а в какой-то момент данное допущение становится актуальным и применительно к долине нижнего течения Янцзы, Линнаню, Канто и столичному региону Японии. Несмотря на то что, как мы уже удостоверились, префектуры Дельты Янцзы ввозили огромные объемы сырьевой продукции (36-миллионное население ввозило 15–22% потребляемой им пищи плюс древесину, удобрения на основе соевого жмыха и т. п.), задействованные здесь внутренние районы и рыночные цепочки были так велики, что «допущение по малым странам» все же актуально применительно к тому, чтобы взглянуть на торговлю региона в XVIII в. Однако по мере того как территории среднего и нижнего течения Янцзы, а также Северный Китай переживали рост населения при одновременном снижении прибыльности сельского хозяйства и развитии собственной протопромышленности, условия товарообмена менялись в ущерб протопромышленным производителям.

Хотя выраженные в серебре цены на хлопчатобумажные ткани и переживали ежегодные колебания, какой-либо тенденции по изменению номинальных цен на них в период с 1750 по 1850 г. выявлено не было<sup>83</sup>. Цены на хлопок-сырец в Кантоне, по которым мы располагаем достоверными данными, также не дают оснований говорить о наличии сколько-нибудь четко выраженной

83. Zhongmin 1988: 208.

тенденции, хотя краткосрочные колебания зачастую и отличались резкостью<sup>84</sup>. При этом в течение тех же 100 лет выраженные в себестоимости цены на рис увеличились в долине нижнего течения Янцзы на 40%<sup>85</sup>. Уже одно только подобное увеличение цен должно было привести к снижению связанных с прядением и ткачеством доходов гипотетических работников, рассматриваемых в главе 2, примерно на 30%: от 7,2 ши риса в 1750 г. до 5,0 ши в 1850 г.

Более того, фрагментарные данные, собранные Кишимото Мио, указывают, что собственно в долине нижнего течения Янцзы в период между 1750 и 1800 гг. цены на хлопок-сырец действительно существенно выросли. Данный вывод согласуется с отсутствием тенденций колебания цен на прилегающих к Кантону территориях, поскольку цены на транспортировку грузов между этими двумя регионами пережили в конце XVIII и начале XIX столетия резкое падение. Согласовываться он должен и с нашим пониманием ситуации в XVII в., согласно которому колебания цен на хлопок-сырец в Дельте Янцзы в целом повторяли колебания цен на рис<sup>86</sup>. Если допустить, что данные Кишимото в целом отражают ситуацию в Цзяннане, можно говорить о примерно 50%-ном снижении доходов прядильщиц и ткачих уже в период между 1750 и 1794 гг., когда данные обрываются. При этом их падение должно было происходить с более высокой изначальной отметки. А если мы исходим из того, что тенденция колебания цен на хлопок-сырец на протяжении долгого времени повторяла тенденцию, свойственную ценам на рис, то покупательная способность нашей гипотетической прядильщицы (ткачихи), выраженная в объемах доступного ей риса, должна была снизиться на 25% в период между 1750 и 1800 гг. и на 37% к 1840 г.<sup>87</sup> Если же измерять покупательную способность в ценах на соль или древесину, можно говорить о том, что она упала еще сильнее.

Однако даже столь обесценившийся доход должен был оставаться достаточным для удовлетворения основных потребностей самой работницы и близким к уровню сельскохозяйственного заработка мужчин, который в реальном выражении также снижался, поскольку разница в заработке мужчин и женщин в Китае оставалась менее выраженной, чем в Европе. Тем не менее все это

84. См.: Dermigny 1964: IV: table 19.

85. Wang 1992: 42, 45.

86. Kishimoto 1997: 139, 141; Greenberg 1951: 92; Dermigny 1964: IV: table 19. Дополнительную информацию см. в приложении Е.

87. Дополнительные данные см. в приложении Е.

указывает на существенное снижение доходов домашнего текстильного производства даже в период, предшествовавший началу изготовления тканей на машинном оборудовании. Ткачи, занимавшиеся производством особо дорогих тканей, такого падения доходов должны были избежать, поскольку цены на эти ткани в течение того же столетнего периода выросли почти вдвое<sup>88</sup>, однако речь идет не о типичных ткачихах, а о тех, кто обладал необыкновенно высокими навыками и, вероятно, производил из года в год все меньше тканей.

Согласно модели Мокира подобное падение доходов от непромышленной деятельности в долине нижнего течения Янцзы должно было бы вызвать отток в сельское хозяйство по меньшей мере части рабочей силы, согласной на уровень заработка, который до этого воспринимался ею как недопустимо низкий, и, как следствие, привести к дальнейшей сельскохозяйственной интенсификации и определенной деиндустриализации<sup>89</sup>. Несмотря на то что любые подобные изменения должны были быть незначительными, мы все же располагаем свидетельством того, что подобная ситуация могла иметь место. Судя по всему, в начале XIX в. объемы хлопка-сырца, поставляемого из долины нижнего течения Янцзы в Гуанчжоу (Кантон), значительно выросли,

88. Zhongmin 1988: 194.

89. В графическом выражении взаимосвязь выглядит примерно следующим образом:



Time T = 1

Первый график описывает ситуацию до подъема цен на первичные продукты

Time T = 2

Второй график описывает ситуацию после подъема цен на первичные продукты

На графике N и N\* показывают момент, в который труд переходит в ремесленный;

L и L\* — общая трудоемкость;

От N до L и от N\* до L\* — ремесленный труд

а цены на него снизились к вящему неудовольствию иностранных торговцев, ввозивших индийские ткани. Хотя снижение цен могло быть во многом обусловлено улучшением ситуации с транспортным снабжением<sup>90</sup>, рост поставок хлопка-сырца может служить указанием на возможное снижение производства пряжи и тканей собственно в Дельте Янцзы. Представляется маловероятным, чтобы производство хлопка-сырца в долине нижнего течения Янцзы в указанный период значительно выросло. При этом ввоз хлопка-сырца из Северного Китая почти наверняка снижался.

Несмотря на это, большая часть женского населения в Дельте Янцзы продолжала заниматься прядением и ткачеством, пусть даже и при снижающемся уровне заработка. Более того, как мы уже видели, именно в XIX в. исчезают последние упоминания о женщинах, работающих в поле вместе с мужчинами<sup>91</sup>. Если некоторые семьи не желали того, чтобы жены и дочери снова работали в поле, где они чаще попадались на глаза посторонним мужчинам, и, возможно, даже пытались увеличить объемы производства тканей в целях поддержания уровня доходов, то сложившиеся обстоятельства вполне могли напоминать описываемую Голдстоуном квазиреволюционную ситуацию, когда тот факт, что женщины увязли в крайне низкодоходном прядильном и ткацком производстве, осуществлявшемся на дому, делало гипотетическое текстильное производство на фабриках еще менее прибыльным делом. Любые подобные обстоятельства, возникавшие в рассматриваемый период, следует рассматривать скорее как результат их временного стечения, а не в качестве фундаментальной составляющей долгосрочного развития Китая, основанной, как предполагает Хуан Ци-чен, на вневременных обычаях. Более того, данные обстоятельства стали проявляться слишком поздно, чтобы служить основным объяснением отсутствия фабрик, которое и выдвигает Голдстоун<sup>92</sup>.

90. Greenberg 1951: 91–92.

91. См.: Bozhong 1996 и с. 103–104 настоящего издания.

92. Как я уже указывал в главе 2 и прочих частях настоящего исследования, уделять особое внимание отсутствию фабрик, возможно, и не требуется: их становление столкнулось с большими препятствиями как в Китае, так и в прочих странах, и более «естественный» путь развития, судя по всему, вел к исчерпанию возможностей протопромышленности. Если что и требует объяснения, так это то, почему отдельные части Европы не пошли тем же путем, то есть Европа может рассматриваться в качестве второго несостоявшегося Китая (или Англия в качестве несостоявшейся Фландрии), вместо того чтобы рассматривать весь мир как вторую несостоявшуюся Англию.

Тем не менее, как отмечает далее в своем эссе Голдстоун, это могло замедлить замещение производства тканей на дому их фабричным производством даже тогда, когда стала доступной соответствующая технология. Как бы то ни было, но прядильщицы и ткачихи остались частью домохозяйств, в рамках которых мужчины (а в некоторой степени и дети) были вынуждены прибегать ко все более трудоемким стратегиям земледелия, сбора топлива и землепользования, а не стали многообещающими предвестниками индустриализации.

Реакция Японии на схожие обстоятельства в целом соответствовала ситуации в Китае, однако некоторые отличия могли иметь последствия в долгосрочном плане. Во-первых, в Японии население «пробило» исторический максимум своей численности, после которого оно уже не снижалось, раньше, чем в Китае или Европе. Здесь численность населения достигла новой отметки в конце XVII в., тогда как и Европа, и Китай переживали его снижение, а начиная примерно с 1720 г. численность населения Японии оставалась неизменной вплоть до 1860 г.<sup>93</sup> Столь долгий период отсутствия роста населения мог являться более быстрой и основательной формой демографической адаптации к экологическим проблемам, чем замедляющийся, но все же ощутимый рост населения Китая в начале XIX в. Тем не менее можно говорить и о том, что адаптация в Японии была более радикальной потому, что она оказалась в гораздо более тяжелой ситуации: в конце концов даже по состоянию на 1860 г. показатель плотности населения в Японии был намного выше, чем в Китае<sup>94</sup>. И хотя огромный рост объемов морского рыбного промысла в Японии и явился одним из способов снизить остроту проблемы нехватки земель, к которому Китай прибегал в гораздо меньшей степени (рыбный промысел обеспечивал население как едой, так и удобрением), а раннее развитие систематического шелководства оказалось еще одним важным элементом адаптации<sup>95</sup>, Япония также столкнулась с серьезными препятствиями на пути дальнейшего расширения агропромышленности в своих экономических центрах.

В 1730-х гг. цены на сельскохозяйственную продукцию резко выросли по отношению к ценам на промышленные изделия, после чего вплоть до 1820-х гг. каких-либо тенденций не проявляли.

93. Saito 1985: 185.

94. Макеевы и Джонс (McEvedy and Jones 1978: 166–171, 179–181) особенно отмечают низкую долю пахотных земель в Японии.

95. Totman 1989: 81–170; Howell 1992: 271–275.

В дальнейшем произошел их новый крутой подъем: превалярующий средний уровень цен в 1735–1825 гг. примерно на 20% превышал пиковый уровень середины 1720-х гг. и почти на 50% — случившийся в 1730 г. ценовой обвал<sup>96</sup>. Мне неизвестно о каких-либо свидетельствах деиндустриализации ни в Канто, ни в столичном регионе, которая произошла бы в ответ на изменение относительных цен, а вот снижение численности населения в данных регионах в период 1751–1821 гг. имело место: на 16% в Канто и, возможно, на 5% в столичном регионе; при этом наиболее впечатляющий рост населения пришелся на префектуры, которые в 1870 г. все еще отличались относительно малой плотностью и значительно уступали общенациональному показателю сельской индустриализации согласно индексу Саито. (В столичном же регионе и показатель плотности населения, и показатель сельской индустриализации превышали общенациональные в два раза<sup>97</sup>.) Мы уже удостоверились в том, что основной прирост как индустриального производства, так и населения отмечался в бедных провинциях, таких как Тоса, где влияние старых монополий слабело; однако многие из монополий были еще достаточно мощными, как мощными оставались и препоны для миграции населения. Они могли ограничивать численность семей на большем числе периферийных территорий, чем в Китае (хотя любое сравнение при имеющихся на настоящий момент данных может осуществляться лишь на уровне предположений), что в итоге привело к накоплению неиспользуемых ресурсов подобно тому, как это произошло в континентальной Европе, но не в Китае. Иными словами, в Японии доля наиболее развитых регионов в общенациональных показателях снизилась, как снизилась она и в Китае, однако в Японии снижение было далеко не резким, поскольку рост показателей периферий оказался более скромным. Интенсивность труда возросла, однако почти исключительно за счет увеличения количества рабочих часов из расчета на одного трудящегося, а не благодаря росту населения. И хотя города и уступали сельской местности<sup>98</sup>, все еще достаточно высокий уровень урбанизации страны служил указанием на то, что по сравнению с Китаем в Японии в ремесленном производстве (в отличие от сельскохозяйственного) было занято значительно большее число лиц, в отношении которых Мокир использует определение «псевдоизбыточная рабочая сила».

96. Saito and Shinbo 1989: 91.

97. См.: Saito 1985: 211; ср. с: Iwahashi 1981: 440.

98. Sugihara 1997: 153.

Как и следовало ожидать, ситуация в Индии была иной, хотя и соответствовала общим тенденциям. При этом отличия Индии от Китая указывают в направлении, противоположном от отличий, свойственных Японии, позволяя говорить о существовании более серьезных долгосрочных препятствий для индустриализации. Как мы уже видели, в Индии бум населения начался позднее, чем в Китае или Западной Европе, и намного позже, чем в Японии, возможно, после 1830 г. и почти наверняка после 1800 г.<sup>99</sup> В XIX в. в Индии отмечалось значительное увеличение площадей возделываемых земель, но при этом есть немного указаний на серьезную и масштабную нехватку еды, топлива, волокна или строительных материалов. (Их перераспределение было, разумеется, совсем иным вопросом: так, в конце XIX в. Индия экспортировала большие объемы зерна, в то время как внутри страны бушевал голод.) Однако, несмотря на продолжавшуюся в поздний доколониальный период коммерциализацию, доля населения Индии, занятого в не связанных с сельским хозяйством видах деятельности, в начале британского правления, скорее всего, снизилась. Индийский субконтинент пережил то, что Бейли определяет как «окрестьянивание», в процессе которого бывшее кочевое население и бывшие ремесленники все больше склонялись или подталкивались к занятию оседлым земледелием. Процесс этот, судя по всему, начался еще до колониального периода частично по причине того, что конкурировавшие друг с другом государства, вышедшие из империи Великих Моголов, надеялись, что привязывание кочевых населения к земле позволит улучшить ситуацию с государственным контролем, общественной безопасностью и государственными доходами; в эпоху правления британцев данный процесс ускорился, вовлекая все большее число жителей городов<sup>100</sup>.

Сегодня ведутся серьезные споры относительно того, имел ли место в Индии XIX в. процесс деиндустриализации, однако в отсутствие соответствующих данных вопрос, скорее всего, так и останется открытым<sup>101</sup>. А вот тот факт, что с конца XVIII в. число лиц, занятых прядением и ткачеством на постоянной основе (особенно среди жителей городов), значительно снизилось, представляется достаточно обоснованным. Данный факт был прежде

99. Moosvi 1987: 402, 405; Subrahmanyam 1990: 358–360; Habib 1982a: 166–167; Visaria and Visaria 1983: 463–465.

100. Bayly 1983: 219–226, 290–292; Bayly 1989: 188–189.

101. См., например: Bagchi 1976; Vicziany 1979: 105–143; Bagchi 1979: 147–161; Perlin 1983: 89–95; Harnetty 1991: 455–510.

всего результатом мер, предпринимаемых (особенно в Бенгалии) Ост-Индской компанией и рядом прочих торговых предприятий, стремившихся привязывать прядильщиков к единственному потенциальному покупателю. Поскольку подобная практика вела к падению заработка, многие ремесленники оставляли эту сферу деятельности<sup>102</sup>. Дальнейшее усугубление ситуации с их доходами произошло на фоне конкуренции со стороны Ланкашира<sup>103</sup>. Более того, в долгосрочном плане доля индийского населения, проживавшего в городах, снизилась с 13–15% в конце XVII в. до 9,3% в 1881 г. — на настоящий момент говорить о более точных датах данного снижения не представляется возможным<sup>104</sup>. На вероятность деиндустриализации указывают и найденные Хабибом свидетельства того, что в период между 1595 г. и 1870-ми гг. стоимость производимых в Индии сахара, хлопка и индиго в абсолютном выражении, скорее всего, упала (не говоря уже о показателях на душу населения)<sup>105</sup>.

В то время как общие объемы производства пряжи и тканей в Индии могли и не снижаться благодаря тому, что занятость прядением и ткачеством на частичной основе переживала в сельской местности подъем, данный факт не мог быть значимым для будущей индустриализации в той же мере, что и рост рабочей силы, занятой в протопромышленности на полноценной основе. Эти лица не могли позже перейти на работу на фабрики и заводы без ущерба для сельскохозяйственного производства<sup>106</sup>. Не были они и такими работниками, затраты на которых для потенциального владельца фабрики падали бы вместе со стоимостью единицы продукции, поскольку значительную часть их дохода составляла выручка от сельскохозяйственной деятельности.

Таким образом, хотя Индия вошла в XIX в. с экономикой, которой был свойствен более низкий по сравнению с экономиками Китая, Японии или Западной Европы уровень развития денежных отношений, двигалась она в схожем направлении и обладала большими, чем они, экологическими ресурсами для роста численности населения и среднедушевого потребления. Тем не менее к на-

102. Hossain 1979: 326–335; Mitra 1978: 23, 25, 29, 32, 37–38, 48–49, 56, 79–80, 84, 87–92, 132, 144, 164, 172–173.

103. Harnetty 1991: 463–466, 505–7; Mitra 1978: 188, 194–195.

104. Habib 1982a: 168–169.

105. Ibid.

106. Сведения по отсутствию в сельском хозяйстве Индии излишков трудовых ресурсов в их чистом виде даже в XX в. см. в: Schultz 1964: 61–70.

чалу XX в. данное преимущество было ею утрачено. Вместо этого можно говорить о наличии у нее таких минусов, как высокая плотность населения, ограниченность развития протопромышленности и слабость внутреннего рынка. Данное сочетание проблем возникло не столько по причине того (главным образом) рыночного развития отдельных регионов, что завело в тупик Китай, сколько из-за стремления колониальных (а в некоторой степени и местных) властей добиться оседлости населения, соблюдения правовых обычаев, экспорта продукции сельского и лесного хозяйства и создания закрытого рынка для промышленных товаров, производимых в метрополии. Результатом стало *увеличение* экспорта сырьевой продукции даже на фоне значительного прироста населения. При этом меры принуждения, применявшиеся в отношении занятых в производстве данной продукции лиц, были не менее (а то и более) жесткими, чем те, что применялись в тех районах Индии, которым в XVIII в. была свойственна наименьшая степень свободы населения<sup>107</sup>.

Соответственно, несмотря на значительный рост сельскохозяйственного производства и торговли, Индия оказалась в менее выгодном положении для проведения преобразований, во главе которых должен был стоять промышленный рост. По сравнению с тем, что могло бы произойти по крайней мере чисто теоретически, если бы социальные тенденции XVIII в. оказались несколько более продолжительными при одновременном росте населения и более позднем появлении изделий, производимых машинным способом, свойственная колониальной Индии форма «окрестьянивания» может быть вполне резонно определена как развитие отсталости. Вполне возможно, что британцы индустриальному прорыву, который был весьма вероятен, и не помешали, хотя некоторые настроенные в националистическом ключе ученые считают иначе. Однако произошедшие в XIX в. изменения могли бы сделать подобный прорыв гораздо более сложным, чем он был бы в отсутствие данных изменений, и более сложным, чем те трансформации, с которыми столкнулись экономики стран Западной Европы и Восточной Азии. Иными словами, японские и особенно китайские экономические центры столкнулись с рядом сдерживающих факторов вследствие того, что их периферии стремились к моделям развития, свойственным экономическим центрам; индийским же экономическим центрам выпала куда бо-

---

107. См., например, данные, которые приводит Бэйли (Bayly 1989) по ситуации на чайных плантациях.

лее печальная участь движения в сторону моделей развития, свойственных перифериям.

Именно поэтому удивителен тот факт, что примерно в то же время, когда «допущение по малым странам» стало менее актуальным применительно к экономическим центрам Восточной Азии прежде всего вследствие того, что рост населения и промышленности в соответствующих перифериях вел к тому, что объемы сырьевой продукции, доступные на их мировых рынках, все в меньшей мере соответствовали их потребностям, то же самое допущение не утратило своей актуальности применительно к Британии, несмотря на то что население ее стремительно увеличивалось, как увеличивался и среднедушевой спрос (поначалу медленно, а после 1840 г. довольно быстро). Более того, оно оставалось актуальным и на протяжении последующего столетия, причем не только применительно к Британии, но и к куда более широкой по масштабам индустриальной Европе. Без этого «дива» такое сочетание, как значительно более многочисленное население, более высокое среднедушевое потребление и значительно *менее* трудоемкое землепользование, а все они сыграли центральную роль в становлении «европейского чуда», было невозможным. Без данного «дива» достижения доиндустриальной рыночной экономики Европы, несмотря на всю свою внушительность, могли бы привести ее в том же направлении, которым пошли не менее внушительные рыночные экономики прочих регионов. Без него еще одно «диво» — ряд технологических нововведений, составивших настоящую историю промышленной революции, вполне могло замедлиться до черепашьяго шага.

Подобное «диво» можно частично объяснить свойственным Западной Европе «преимуществом отставания», которое было представлено в главе 5: речь идет о внутренних ресурсах, остававшихся не востребованными по причине институциональных барьеров, которые исчезли лишь в XIX в., и сдерживавших в рассматриваемом периоде рост потребности в импортной продукции со стороны ряда регионов. При этом, как мы видели, данная ситуация мало применима к Британии, а также к потребности в волокне и древесине. Технологическое «наверстывание», например в показателях урожайности единицы площади, сыграло свою роль, однако само по себе оно вряд ли может объяснить тот рывок, который в отличие от остального мира совершила Европа. Само собой разумеется, острота дефицита древесины в Европе с применением угля была в значительной мере снята, однако в течение долгого времени это было актуально лишь применительно к Британии

и ряду других стран. Более того, общий спрос на древесину продолжал расти даже там, где активно применялся уголь, поскольку древесина использовалась для множества других целей: в конце XVIII в. объемы импорта древесины продолжали увеличиваться, в XIX в. их прирост достиг беспрецедентных показателей. (Хотя, как мы знаем, уголь тоже нашел целый ряд дополнительных сфер применения благодаря тому, что оказался связан с паровыми двигателями, железнодорожным транспортом и т. п.)

Таким образом, чтобы дать более полное объяснение того, что произошло в экономических центрах Европы, нам следует обратиться к ее перифериям и попытаться понять, почему именно они принялись увеличивать, а не уменьшать экспорт своей сырьевой продукции на мировой рынок. Часть ответа лежит в институциональных системах Восточной Европы и России, которые на протяжении долгого времени препятствовали росту населения и protoпромышленности в том виде, в котором они произошли во внутренних районах Китая и регионе II Японии: здесь речь снова идет о «преимуществе отставания», однако таком, которым удалось воспользоваться в полной мере лишь после 1860 г. Остальная часть ответа — и тот мост, что связал первое столетие protoпромышленного развития Европы с переходом к индустриализации, — в значительной мере может быть найдена в соответствии с рассмотренными в данной главе утверждениями в Новом Свете — не только в его природных богатствах, но и в уникальных институтах и обстоятельствах, которые обеспечили Европу большими объемами богатств гораздо раньше, чем это удалось бы торговле, осуществляемой исключительно по принципам Адама Смита.

Среди институциональных факторов были и такие (например, работорговля и принудительная работа на рудниках), которые явным образом отходили от принципов рынка и которые мы зачастую слишком поспешно относим к проявлениям эпохи, предшествовавшей современному миру, забывая ту роль, которую они сыграли в его становлении. Прочие факторы, такие как корпорации, нам привычны, современны и имеют явно европейские корни. Мы часто забываем, что они были созданы как следствие контактов между континентами и в целях их осуществления и что в течение продолжительного времени они могли представлять собой прежде всего метод компенсации огромных постоянных издержек, связанных с применением насильственных методов, — тот самый метод, который впоследствии заставил данные предприятия увеличивать *объемы* ввоза экзотических товаров (вместо того, чтобы сосредоточиваться, подобно венецианцам или португальцам,

исключительно на повышении рентабельности) и, как следствие, расширять европейское присутствие за рубежом. При этом о других факторах, таких как специализированные плантации, использовавшие труд рабов, нам хорошо известно, однако здесь их роль в создании для Европы периферии нового типа рассматривается под другим углом. Если же выйти за границы данных институтов, то можно говорить о существовании различных международных обстоятельств, способствовавших расширению европейского присутствия в Новом Свете — от ветровых режимов и устойчивости к заболеваниям до соперничества между европейскими странами и спроса на серебро со стороны Китая.

Все вместе эти в целом не связанные собственно с европейским континентом и нерыночные факторы сыграли важную роль в том, чтобы сделать трансатлантическую торговлю уникальным саморазвивающимся инструментом, посредством которого Европа (прежде всего Британия) могла использовать свои трудовые ресурсы и капитал для того, чтобы ослабить остроту дефицита земельных ресурсов и, таким образом, направить даже демографический и протопромышленный рост, который, в отличие от ситуации в Восточной Азии, значительно обгонял рост сельского хозяйства, в актив своего дальнейшего развития. В отсутствие данных факторов этот демографический и протопромышленный рост позднее привел бы к катастрофе, или же прекратился по причине произошедшего в XIX в. роста цен на сырьевую продукцию, или же был бы серьезно ограничен потребностью в более трудоемких подходах к использованию и сохранению небезграничных земельных ресурсов.

Таким образом, внерыночные силы и обстоятельства, складывавшиеся за пределами Европы, заслуживают центрального места в объяснении того, почему европейским экономическим центрам, не выделявшимся ничем особенным среди других мировых экономических центров, удалось добиться уникального прорыва и оказаться в привилегированном положении сердца зародившейся в XIX в. новой мировой экономики, способного обеспечить стремительно растущее население беспрецедентным уровнем жизни. Наше долгое путешествие через межрегиональные сравнения привело нас по крайней мере к некоторому разрешению методологического вопроса, с которого мы и начали: оно показало, что вместо того чтобы стремиться к поиску отличий, имевших место накануне индустриализации между по-настоящему самостоятельными единицами сравнения, нам следует признать значимость существовавших ранее связей в формировании данных отличий.

## ПРИЛОЖЕНИЕ А

### Сравнительная оценка мощностей сухопутного транспорта из расчета на душу населения: Германия и Северная Индия в 1800 году

**Н**ЕСМОТЯ на значительное ценовое преимущество водного транспорта, в предшествующую Новому времени эпоху перевозка большей части товаров в большинстве экономик осуществлялась сухопутным путем. Зачастую соответствующих водных путей попросту не существовало или же доступ к ним требовал достаточно протяженного перемещения по суше. При этом существует крайне мало оценок как реальных, так и гипотетических объемов сухопутной перевозки товаров по любой из экономик доиндустриального периода.

Одним из редких исключений здесь являются расчеты Вернера Зомбарта по Германии за 1800 г., представленные в работе «Современный капитализм» (*Der Moderne Kapitalismus*, vol. 2, part 1, p. 339–341). В своих расчетах он опирается на результаты проведенной в 1846 г. переписи лошадей, использовавшихся для перевозки людей и грузов в рамках Германского таможенного союза. Согласно его предположениям, количество данных лошадей лишь немногим уступало их количеству в 1800 г., поскольку строительство железных дорог привело к снижению потребности содержать собственных лошадей. Зомбарт умножает количество лошадей на возможные вес грузов и ежедневно покрываемые ими расстояния исходя из предположения о 250-дневной протяженности рабочего года. (Последнее предположение не формулируется Зомбартом и тем более не обосновывается, однако необходимо для понимания приводимых им данных.) Расчеты позволяют получить следующие цифры: 500 млн тонно-километров или 325 млн тонно-миль в год.

В одной из своих недавних публикаций Ирфан Хабиб оценивает транспортные мощности банджаров Северной Индии (кочевой касты, представители которой владели стадами волов, занимаясь перевозкой грузов для других лиц, а иногда и сами становясь торговцами) в 821 млн метрических тонно-миль

в год<sup>1</sup>. Хотя используемые Хабибом значения одного из ключевых показателей — численности находившихся в распоряжении банджаров волов — и основываются на примерных предположениях неофициальных источников, а не на данных переписи, их вполне можно считать как усредненными, так и завышенными.

Более того, Хабиб исходит из расчета 115 рабочих дней в году, что более чем вдвое ниже соответствующего показателя у Зомбарта. Постоянного жилья у банджаров не было, а стада волов приходилось перегонять с места на место, чтобы найти им пропитание. Поскольку волы питались подножным кормом и лишь изредка покупным, они представляли собой весьма дешевое транспортное средство, однако по этой же причине, как полагает Хабиб, они могли проходить лишь 6–7 миль в день. Соответственно, предлагаемый Хабибом показатель числа рабочих дней, подобранный таким образом, чтобы быть максимально взвешенным, представляется слишком низким для целей нашего сравнения. Для оценки транспортных мощностей нам достаточно было бы отказаться от оценки числа рабочих дней и сравнить соответствующие мощности из расчета на один рабочий день. Мною была выбрана альтернатива, незначительно (лишь незначительно) склоняющая результаты расчетов в пользу Германии. Допустим, что предлагаемое Зомбартом число рабочих дней отражает реальное положение вещей, и увеличим вдвое оценочный показатель Хабиба таким образом, чтобы речь шла о 230 рабочих днях в год (по сравнению с 250 рабочими днями в Германии). После чего показатель Хабиба вырастает до 1642 млн метрических тонно-милей в год, что немногим более чем в 5 раз превышает показатель Зомбарта. Последняя неопределенность, связанная со сравнением мощностей, заключается в том, что Зомбарт не уточняет, идет ли речь об английских или метрических тоннах. Если он имел в виду английскую тонну, то показатель по Северной Индии следует откорректировать на дополнительные 10%, в результате чего он будет превышать показатель по Германии в 5,5 раза.

Наконец, нам требуется разделить показатели на численность населения, данные по которой также лишь приблизительны, однако мы можем определить рамки допустимого диапазона. Максведи и Джонс приводят следующий показатель за 1800 г. для территории, которой впоследствии предстояло стать Германской империей (то есть в целом соответствуя территории, на которой

1. Habib 1990.

проводилась перепись лошадей Германского таможенного союза, на которую и ссылается Зомбарт),—24 млн человек<sup>2</sup>. Ниппердей оценивает численность населения в тот же период и на той же территории в 30 млн человек<sup>3</sup>. ●ценки же населения Индии сильно разнятся: в «Кембриджской экономической истории Индии» приводится целый ряд оценок по численности всего Индийского субконтинента по состоянию на 1800 г., согласно которым она могла составлять от 139 до 214 млн человек. При этом большинство приведенных оценок склоняется к диапазону 170–190 млн<sup>4</sup>. Если вычесть 20 млн человек, составлявших население Южной Индии, где банджары не появлялись<sup>5</sup>, то у нас остается 150–170 млн человек, которые превышали тогдашнее население Германии в 5–7 раз и обслуживались транспортными мощностями, превышавшими германские в 5–5,5 раза.

Это позволяет говорить о том, что мощности немецкого сухопутного транспорта из расчета на душу населения превышали аналогичный показатель по Северной Индии, хотя и ненамного. Более того, вполне возможно, что наши данные имеют погрешность в пользу Германии. Банджары специализировались на перевозке грузов на дальние расстояния, это означает, что нами не принимаются во внимание перевозка грузов животными на местные рынки и их перевозка на небольшие расстояния в прочих целях, в то время как именно перевозки на небольшие расстояния вполне могли составлять большинство в экономике доиндустриального периода. В отличие от данных по Индии данные Зомбарта учитывают всех использовавшихся в транспортных целях лошадей, включая и тех, что применялись прежде всего для перевозки людей, а не грузов. Принимая во внимание относительность данных, сделать какой-либо окончательный вывод по этому сравнению не представляется возможным, однако, судя по всему, мощности двух регионов в целом были вполне сопоставимы, и в обоих из них имелись значительные ресурсы неиспользовавшихся мощностей.

---

2. McEvedy and Jones 1978: 71.

3. Nipperdey 1996: 85.

4. Visaria and Visaria 1983: 466.

5. Subrahmanyam 1990: 360.

# Оценка объемов навоза, использовавшегося в земледельческих хозяйствах Северного Китая и Европы в конце XVIII века, и сравнение последующих изменений в уровне содержания азота в почвах

С ОГЛАСНО данным по XX в. из справочных изданий компании Mantetsu (представляющихся достаточно точными), в бедных деревнях Северного Китая на 1 му пахотных земель применялось 1800–2000 цзиней навоза — мною взят средний показатель 1900 цзиней. В более развитых деревнях Северного Китая данный показатель достигал 3000 цзиней на 1 му пахотных земель<sup>1</sup>. При конвертации в килограммы и акры получаем 6600–10 600 кг/акр пахотных земель.

Для того чтобы сделать возможным проецирование данных показателей на конец XVIII в., я предположил, что в экономике, для которой было характерно очень редкое использование животных для пахотных работ<sup>2</sup>, наиболее важными источниками удобрения являлись свиньи и люди. Кроме того, я полагаюсь на оценку Перкинса, согласно которой количество домашних свиней в целом соответствовало тенденциям, свойственным численности населения Китая<sup>3</sup>. Если брать в расчет данные, приводимые Филипом Хуанем по населению Хэбэя и Шаньдуна за 1790 и 1933 г.<sup>4</sup>, можно говорить о том, что объемы доступного навоза в конце XVIII в. составляли 60% от уровня 1930-х гг.

Следует, однако, учитывать, что меньшие по сравнению с показателями XX в. объемы навоза применялись к меньшим площадям пахотных земель. Если взять промежуточный показатель по приведенным Хуанем цифрам за 1753 и 1812 гг., которые достаточно близки друг к другу, и сравнить его с показателем 1933 г., то получим коэффициент, равный 1,4<sup>5</sup>. Результаты расчетов позволяют го-

1. Все приведенные показатели из: Huang 1985: 147–148.

2. Ibid., p. 138–154.

3. Perkins 1969: 71.

4. Huang 1985: 322.

5. Ibid., p. 327.

ворить о диапазоне 5600–8900 кг/акр пахотных земель, что значительно превышает предложенный Сливхером ван Батом диапазон 4000–5600 кг/акр пахотных земель, свойственный Европе конца XVIII в.<sup>6</sup> При этом европейские данные, которыми он оперирует, касаются прежде всего Нидерландов, Рейнской области, Англии и Франции. Кроме того, представляется вероятным, хотя и недоказуемым, что в Северном Китае навоз не уступал, а может быть, и превосходил по качеству европейский.

Переход от объемов выращиваемой продукции и уровня унавоживания к показателям содержания питательных веществ в почве представляется крайне неблагоприятным занятием. Сколько именно конкретного питательного вещества вносится в почву с тем или иным объемом навоза или, что еще важнее, овощами, способствующими закреплению в почве азота, зависит от многих факторов, включая и те, о которых нам неизвестно. На данные показатели влияет настолько много свойственных той или иной местности условий, что даже оценки по сегодняшней ситуации представляют собой не конкретные цифры, а довольно широкие их диапазоны. Сказанное можно проиллюстрировать следующим крайним случаем: выращивание сои позволяет закрепить в гектаре пашни от 15 до 331 кг азота<sup>7</sup>. Тем не менее сравнение Западной Европы и Китая по такому параметру, как колебания уровня искусственно внесенного в почву азота, не лишено смысла. Для этого следует применять зафиксированные в письменном виде усредненные показатели по таким ключевым параметрам, как объемы азота, вносимые тонной той или иной сельскохозяйственной культуры. Исследование азота представляется весьма логичным шагом, поскольку он является одним из трех основных макроэлементов в питании растений. Уровень содержания одного из двух других макроэлементов — фосфора, как правило, тесно связан с уровнем содержания азота. Третий макроэлемент — калий представляет для анализа существенные трудности, потому что почвы могут содержать большие его объемы, но при этом он может быть недоступен растениям, и на настоящий момент известно, почему подобное происходит<sup>8</sup>. Более того, поскольку азот не может долгое время сохраняться в почве в усваиваемой большинством растений форме, а именно для его закрепления и выращиваются соответствующие культуры, колебания уровня

6. van Bath 1977: 94.

7. Smil 1985: 140.

8. Smil 1990: 429.

его содержания весьма часто выступали в роли ограничивающего фактора в продуктивности почв в предшествующий Новому времени период<sup>9</sup>.

Учитывая все эти оговорки, я провел сравнение реконструированного типичного для Северного Китая земледельческого хозяйства с образцовым земледельческим хозяйством Англии, принося показатели различных параметров, предлагаемые Питером Боуденом<sup>10</sup>. По многим параметрам Англия более сопоставима с долиной нижнего течения Янцзы или Линнанем, однако экологические отличия между выращиванием пшеницы и культивацией риса представляют собой непреодолимую проблему. Выбирая Северный Китай, мы по крайней мере строим сравнение на основе схожих сельскохозяйственных культур, благодаря чему становится возможной оценка, например, истощения азота вследствие выращивания тонны пшеницы. Согласно моему предположению, северокитайское хозяйство осуществляет чередование культур по принципу «три урожая в течение двух лет», из которых два урожая пшеницы и один — сои. Что касается английского хозяйства, то здесь я исхожу из предположения об одном урожае в год в следующем порядке: два года культивации пшеницы, за которыми следует один год выращивания закрепляющего азот клевера.

Судя по всему, при образовании одного килограмма зерен и стеблей пшеницы из почвы попадает примерно 0,0234 кг азота<sup>11</sup>. Если при последующем вспахивании земли стебли попадают в почву, хотя, как обычно и происходит, при этом теряется по крайней мере половина азота<sup>12</sup>, то в рамках земледелия европейского типа при выращивании одного килограмма пшеницы почва теряет 0,0214 кг азота. В отношении северокитайского хозяйства я исхожу из предположения о том, что остаточные продукты урожая не попадали в почву *вообще*, хотя это и является преувеличением. Как следствие, потери азота при выращивании одного килограмма пшеницы составляли 0,0234 кг азота.

В 1770-х гг. средние урожаи пшеницы в Британии составляли примерно 23 бушеля зерна с акра<sup>13</sup>. Поскольку восемь бушелей

9. Kjaergaard 1994: 22, 58, 87.

10. Bowden 1990.

11. На основе данных из расчета на один гектар пашни (Smil 1985: 174); расчеты на основе несколько отличных данных, приводимых тем же автором (Smil 1983: 203), дают в целом близкое значение: 0,0209 кг азота на 1 кг пшеницы.

12. Smil 1985: 218.

13. Bowden 1990: 197.

составляют квартал<sup>14</sup>, а пять кварталов—тонну<sup>15</sup>, 23 бушеля дают нам 523 кг с акра. В письменных источниках по Северному Китаю конца XVIII в. содержится крайне мало непосредственных показателей, тем не менее можно строить расчеты исходя из показателя по 1930-м гг.— 100 цзиней с 1 му пахотных земель<sup>16</sup>. С учетом свойственного Северному Китаю данного периода количества остаточных продуктов урожая с 1 му отданной под пшеницу пашни (140 цзиней, согласно изданию «Домашний скот в Шаньдуне» (Santō no Chikuguyū)<sup>17</sup>) мы получаем весьма реалистичные коэффициенты соотношения между зерном пшеницы и мякиной. Если спроецировать данные показатели на 1800 г. с учетом утверждения Перкинса о том, что объемы производства пищевых продуктов из расчета на душу населения не изменились, и скорректировать объемы урожая с 1 му таким образом, чтобы они отражали в себе известные нам (приблизительно) тенденции, касающиеся размеров пахотных земель и численности населения, то мы получим показатель для 1800 г. в размере примерно 306 кг с акра<sup>18</sup>. Таким образом, в течение шести лет взятое нами английское земледельческое хозяйство должно было вырастить четыре урожая пшеницы общим объемом 2092 кг с акра, а северокитайское хозяйство—шесть урожаев пшеницы общего объема 1816 кг с акра. (Следует отметить, что если прибавить сюда три урожая сои, то средние объемы урожая северокитайского хозяйства будут существенно превышать соответствующий показатель английского, хотя применительно к средним показателям по стране Северный Китай и характеризовался относительно слабым уровнем производства.)

В Англии в течение шестилетнего периода урожая пшеницы должны были извлекать из 1 акра пашни 44,77 кг азота, а в Китае— 42,49 кг. Теперь мы можем обратиться к усилиям по восстановлению уровня азота и начнем с навоза.

Современные данные позволяют говорить о том, что объемы азота, поступающего в почву с навозом домашнего скота, составляют примерно 0,9% от веса свежего навоза. После добавления в почву примерно половина или даже большая часть данного

14. Bowden 1990: 373, табл. 48, примечание А.

15. Ibid., p. 32.

16. См., например: Perkins 1969: 267, 270.

17. Minami Manshū Tetsū do Kabushiki Kaisha 1936: 33.

18. Дополнительную информацию по использованию данных Перкинса при проецировании сельскохозяйственных показателей за 1930-е гг. на 1800 г. см. в: Pomeranz 1995 и приложение В.

объема теряется вследствие испарения<sup>19</sup>. Если применить данные показатели для ситуации конца XVIII в., то получится, что и английские, и северокаитайские хозяйства легко восполняли потери азота и без применения закрепляющих азот культур, однако это представляется маловероятным. И в Англии, и в Северном Китае (а по большому счету практически везде) земледельцы пришли к выводу, что для поддержания больших урожаев такой прием, как севооборот, был просто необходим. И существует по меньшей мере две причины, почему данные показатели, актуальные по состоянию на конец XX в., слишком велики для конца XVIII в. Во-первых, данные показатели касаются навоза животных, питающихся коммерческим кормом, более питательным, чем тот корм, которым питались животные более ранних периодов. Во-вторых, вышеприведенные цифры касаются свежего навоза. Если же он не вносится в почву довольно оперативно, то быстро утрачивает свои свойства<sup>20</sup>. Однако исходя из необходимости экономии труда, можно говорить о том, что и Китае, и в Европе навоз не вносился в почву сразу, а накапливался. Более того, на некоторых английских фермах масштабное унавоживание земли практиковалось с периодичностью реже одного раза в год<sup>21</sup>.

Как следствие, вполне возможно, что пользы от унавоживания было гораздо меньше, чем можно было бы заключить на основе показателей по XX в., однако насколько меньше, нам неизвестно. Независимо от того, какими именно были показатели абсолютно-го уровня, вполне возможно, что сельскохозяйственные хозяйства Северного Китая были здесь впереди в *относительном* выражении. Они не только применяли на 60% больше навоза на акр пашни в весовом выражении, но и применяли его чаще, благодаря чему потеря питательных веществ вследствие хранения было, возможно, меньше. Наконец, в Китае основными производителями животного навоза были свиньи, в то время как в Европе — молочный и мясной крупный рогатый скот. По крайней мере сегодня навоз свиней превосходит по качеству навоз крупного рогатого скота: содержание азота в нем составляет 2,0–7,5% (у свежего продукта), в то время как у мясного крупного рогатого скота этот показатель равен 0,6–4,9%, а у молочного — 1,5–3,9%<sup>22</sup>. Вследствие того что

19. Smil 1983: 333–334, 336.

20. Ibid., p. 335–336.

21. van Bath 1977: 94–95.

22. Smil 1985: 153.

в Китае применялся навоз более высокого качества, причем чаще, пользы от него для почвы было больше, чем в Британии.

Наконец, рассмотрим закрепляющие азот культуры. В Северном Китае в качестве таковых обычно использовалась соя, а в Англии — горох, бобовые или клевер. Последний закрепляет в почве азот гораздо лучше, чем горох и бобовые: в существующих на сегодняшний день условиях бактерии, живущие на корнях большинства видов клевера, закрепляют 24–94 кг азота на акр земли. При этом средний показатель для большинства видов данного растения составляет 60 кг. Это несколько выше показателя сои, составляющего 48 кг<sup>23</sup>. При этом, поскольку наше гипотетическое китайское хозяйство собирает на протяжении шестилетнего периода целых три урожая сои, в то время как английское высевает клевер дважды, сравнение усредненных показателей снова оказывается в пользу китайских хозяйств (144 кг азота на акр каждые шесть лет против 120 кг в английских).

Данному сравнению мешает большое число неопределенностей, однако по крайней мере оно снова демонстрирует тот факт, что у нас нет оснований полагать, что ситуация в Китае была более сложной. А вот в тех земледельческих хозяйствах Англии, где для севооборота использовались горох и бобовые, а не клевер, ситуация действительно могла быть хуже: сегодня соответствующий показатель по обычным бобам составляет 4–26 кг азота на акр при среднем показателе 12 кг, а для гороха — 7–31 кг при среднем показателе 22 кг, хотя у чечевицы данные показатели несколько выше, а у боба садового — существенно выше<sup>24</sup>. В то время как предложенные Смилом показатели по бобовым соответствуют их среднему урожаю в размере 0,56 т с акра<sup>25</sup> — опять же при значительном диапазоне вариации, приведенные Боуденом показатели урожайности бобовых в конкретных английских земледельческих хозяйствах по двум из трех дат, по которым он данными показателями располагает (1737 и 1738 гг.; третий показатель касается 1671 г., когда урожаи всех культур были необычайно высоки), позволяют говорить о 13,4–15,0 бушеля с гектара<sup>26</sup> или примерно 0,144 тонны с акра, что едва составляет четверть современных урожаев. Если

23. Smil 1985: 142.

24. Ibid.

25. Ibid., p. 145.

26. Bowden 1990: 374–375.

сделать поправку на закрепление азота посредством высева данных культур, составляющее 3 кг азота на акр, то становится очевидным, что данный показатель слишком мал, чтобы компенсировать потерю азота в результате двух урожаев пшеницы. (Кстати, сравнение гороха, бобовых и клевера, а практика культивации последнего быстро распространилась среди передовых хозяйств, указывает еще на один существенный плюс огораживания, несмотря на последние тенденции в научной литературе, указывающие на противоположное.)

В итоге следует сказать, что мы не в состоянии точно рассчитать показатели уровня содержания азота в почвах ни для Англии, ни для Северного Китая. Тем не менее мы можем сказать: все имеющиеся у нас свидетельства указывают на то, что положение в Северном Китае было более сложным. При этом ситуация в Китае была более благоприятной, чем в Англии.

## Площади лесов и обеспеченность топливом во Франции, в Линнане и в части Северного Китая в 1700–1850 годах

**О**ЦЕНОЧНЫЙ показатель по объемам обеспечения топливом Северного Китая рассчитан для юго-западной части Шаньдуна—одного из самых густонаселенных районов Великой китайской равнины. Мною же приводился оценочный показатель обеспеченности топливом данной территории в 1930-х гг., основанный на достаточно надежных данных. (Основные источники данных и использованные методики представлены в Romeranz 1988, appendix F.)

Для проецирования данных показателей на ситуацию конца XVIII в. я снова воспользовался показателями Хуаня, касающимися изменений в численности населения и площади возделываемых земель в Северном Китае, уже описанным выше способом. Каких-либо подробных данных, которые можно было бы использовать для сравнения отдельных округов рассматриваемой территории, у меня нет. Мною снова было принято предположение Перкинса о том, что изменения поголовья свиней в целом повторяли собой тенденции в изменениях численности населения, в то время как количество животных, используемых при пахотных работах, в целом соответствовало изменениям в площадях возделываемых земель.

Сокращение площади культивированных земель примерно на 30% в соответствии с показателями по провинции в целом требует от нас такого умственного упражнения, как попытка догадаться, что именно эти земли представляли собой до того, как их начали возделывать. Я попытался снизить свои расчетные показатели объемов обеспечения топливом посредством отнесения максимально возможных земельных площадей к тем сферам их использования, где производство топливных материалов было бы минимальным.

Так, в своей оценке по 1930-м гг. я исхожу из того, что 18,9% территории рассматриваемого региона были заняты зданиями

и дорогами, что исключало их участие в производстве биомассы. Начнем с того, что подобное предположение, вероятно, является завышенным. Поскольку изменения в площади земель, отданных под здания и дороги, должны в целом соответствовать изменениям в численности населения и уровне коммерциализации, наиболее вероятным стало бы предположение о том, что в 1800 г. под данные цели использовалось лишь 60% этих земель; в действительности же мною взято значение 80% от показателя за 1930-х гг. (15,1%).

Те земли, которые не возделывались, не использовались под здания и дороги и не были полностью бесполезны (как, например, каменистые горные склоны или пустыни), необходимо было распределить по трем категориям: пастбища, частично покрытые лесом территории и полноценные леса, взятые в порядке возрастания производимых объемов топливных материалов с единицы площади. На протяжении столетий для Северного Китая были характерны весьма незначительные площади пастбищ, поскольку жители региона разводили относительно малое число крупных животных, если не считать тех, что использовались для вспахивания земель, а согласно проведенному в 1940 г. в данном регионе опросу, на пастбища приходилось лишь 7,5% объемов получаемой домашним скотом пищи. Для того чтобы мои расчеты оставались взвешенными, я исхожу из предположения о том, что в 1800 г. примерно половина необходимых сельскохозяйственным животным кормов обеспечивалась за счет пастбищ: это гораздо выше, чем любые допущения, которые можно было бы сделать на основе исторических свидетельств, и требует отнесения 27% всех земель именно к этой категории (по сравнению с 3,8% в 1930-х гг.). Оставшиеся 13% земель отнесены к лесам, две трети из которых к менее производительной категории «частично покрытые лесом территории». Это примерно та же доля, что отражена в проведенных после 1949 г. исследованиях, при этом ста пятьюдесятью годами ранее площади покрытых зрелыми лесами земель почти наверняка были еще больше.

Наконец, я пересмотрел в сторону понижения и объемы остаточных продуктов урожая, вновь руководствуясь предположениями Перкинса. Если в 1800 г. площади пахотных земель составляли примерно 70% от уровня 1930-х гг., количество населения — 60%, а избытки урожая из расчета на душу населения были лишь незначительно выше или ниже, то урожайность сельскохозяйственных культур с единицы площади составляла около 85% от уровня 1930-х гг. Соответственно, я полагаю, что объемы оста-

точных продуктов урожая в 1800 г. составляли те же 85% от базовых. Далее я исхожу из предположения о том, что в 1800 г. сельскохозяйственные животные потребляли столько же корма, что и в 1930 г., и что методы, которые сельские жители применяли при сжигании древесины, стеблей и т. д., были в 1800 г. не менее эффективными, чем они были в 1930-х гг. Результаты расчетов указывают на достаточно комфортный для эпохи, предшествующей использованию ископаемого топлива, уровень в 0,62 туэ (тонн угольного эквивалента) на душу населения в год. А поскольку результаты расчетов чрезвычайно зависимы от оценки использования земель, изменения в любом из моих весьма умеренных предположений ведет к значительному увеличению уровня обеспеченности населения топливом.

Расчеты по Франции представляются более простыми. Поскольку остаточные продукты урожая и трава использовались в качестве топлива весьма редко, нас должны интересовать не различные практики использования земли, а то, сколько именно территории было покрыто лесами. Для расчета примерного показателя объемов обеспечения топливом на душу населения я просто воспользовался приблизительными данными по площадям лесов в 1550 и 1789 гг., которые приводит Купер: около 18 и 9 млн га соответственно. Для расчетов экологически рациональных объемов топлива, собираемого с 1 га леса, я воспользовался среднемировым показателем в 3,6 т древесины (1,8 туэ) с гектара, предложенным Смилом и примененным в оценке показателя по Северному Китаю<sup>1</sup>. Данные по численности населения (14 млн в 1550 г. и 25 млн в 1789 г.) взяты из публикации Макеведи и Джонса<sup>2</sup>.

Результаты расчетов были следующими: 2,31 туэ на душу населения в 1550 г. и 0,64 туэ в 1789 г. Поскольку в 1550 г. жители Франции вряд ли использовали больше топлива, чем 0,5 туэ из расчета на душу населения, нам следовало бы рассматривать древесину, выходящую за рамки данного показателя, как использовавшуюся для прочих целей, а это достаточно большие объемы: примерно 3,6 т древесины на душу населения в год. Однако к 1789 г. почти весь ежегодный сбор древесины с лесных угодий должен был идти на покрытие потребностей в топливе (0,5 туэ, согласно оценке Броделя). Для прочих целей оставалось лишь 0,29 т, что лишь незначительно превышало соответствующий

1. Cooper 1985: 139п. 2; Smil 1983: 100–101.

2. McEvedy and Jones 1978: 59.

теоретический показатель за 1800 г. по Северному Китаю (0,24 т), одному из двух регионов Внутреннего Китая с наименьшей долей лесных площадей. Согласно оценкам Азиатского банка развития (АБР), минимальным, экологически рациональным объемом обеспеченности топливом на душу населения является показатель 0,33 туэ, а не использованный в настоящей работе показатель по Франции и Северному Китаю, равный 0,5 туэ. Однако следует учитывать, что сегодня большинство бедняков Азии проживают в более теплом по сравнению с Францией или Северным Китаем климате, а используемые ими домашние очаги требуют меньшего расхода топлива, чем те, что бытовали в XVIII в. Кроме того, используемые многими из них методы приготовления пищи более эффективны, чем те, что использовались во Франции, а возможно, и в Северном Китае. Если показатель 0,5 туэ действительно представляет собой разумный минимум как по Франции, так и по Северному Китаю, то к 1800 г. в обоих местах использование больших объемов древесины для прочих целей должно было привести к ее серьезной нехватке в качестве топлива.

При этом Линнань находился в несколько лучшей по сравнению с Францией ситуации, несмотря на то что уже в 1753 г. показатель плотности его населения соответствовал показателю Франции за 1789 г., а к 1853 г. и вовсе увеличился почти вдвое. Преимущество Линнаня обусловливается главным образом двумя факторами. Во-первых, в Линнане, как и в Северном Китае, остаточные продукты урожая регулярно использовались в качестве топлива. Во-вторых, принимая во внимание субтропический климат Линнаня и китайские методы приготовления пищи, представляется разумным использовать в отношении данного региона предлагаемый АБР показатель 0,33 туэ на душу населения в качестве прожиточного уровня потребления топливных материалов, а не показатель 0,5 туэ, используемый применительно к Франции и Северному Китаю. Согласно оценке Смиля, в тропиках население беднейших деревень использует сегодня в пять раз меньше топлива, чем в зонах умеренного климата<sup>3</sup>. И хотя Линнань и расположен в субтропиках, вполне вероятно, что я, выдвигая предположение о том, что объемы потребляемого его жителями топлива составляли две трети от показателя по Франции, соответствующее преимущество китайского региона занял прежде всего в силу того, что методы приготовления пищи

3. Smil and Knowland 1980: 119.

в Северном Китае также отличались большей экономичностью по сравнению с теми, что использовались европейцами. Более того, чтобы влияние климатических отличий не оказалось завышенным, я использовал тот же показатель экологически рациональных объемов топлива, собираемого с 1 га леса, что и для Франции и Северного Китая, несмотря на тот факт, что в теплом климате деревья растут значительно быстрее.

Моя первая задача заключалась в оценке площадей лесов по состоянию на тот или иной год. Начал я с показателей лесных площадей в Линнane в 1700 г., предлагаемых Линем Дакси<sup>4</sup>. Роберт Маркс пришел к выводу, что данные показатели в целом совпадают с данными из других источников<sup>5</sup>. Согласно оценкам Линя, в 1700 г. лесом были покрыты 54,5% территории Гуандуна (20,2 млн га) и 39% территории Гуанси (18,7 млн га). К 1937 г., по которому мы располагаем более надежными данными, площади лесов в Гуандуне снизились до 10% общей территории, а в Гуанси — до 5%<sup>6</sup>, в то время как население двух провинций увеличилось примерно на 25 и 10 млн человек соответственно<sup>7</sup>. Поскольку основной причиной снижения лесных площадей является рост населения, я разделил показатель исчезнувших лесов на показатель прироста населения, что дало примерный усредненный показатель 0,4 га утраченных лесов на дополнительного человека в Гуандуне и 0,6 га — в Гуанси (вполне допустимая разница в показателях, принимая во внимание тот факт, что Гуандун специализируется на выращивании риса в гораздо большей степени).

Будучи, возможно, достаточно приблизительным, подобный подход способен скорее *завысить* показатели потери лесов в начале рассматриваемого периода, чем занижить их. В начале данного периода оставались еще достаточные площади лесов, вырубка которых производилась лишь для целей сбора экологически рациональных объемов топлива и, вероятно, для целей строительства. Однако ближе к его окончанию обеспечение даже самых элементарных потребностей домохозяйств должно было вызвать необходимость в повышенной вырубке лесов на топливо, что соответственно придавало дополнительную динамику тем

4. Ling 1983: 34.

5. Из личной переписки с Робертом Марксом (Marks), август 1996 г.

6. Ling 1983: 35.

7. Marks 1997: 280.

потребностям, что и так уже угрожали оставшимся лесам. Результаты данных тенденций выражены в табл. В.1.

Далее нам требуется выяснить, какая именно доля минимального уровня потребления топлива (0,33 туэ на душу населения) могла бы быть удовлетворена за счет остаточных продуктов урожая. Чтобы избежать завышения доступных объемов топлива, мною были сделаны два нереалистичных предположения. Во-первых, я предположил, что площади вырубленных лесов, которые не использовались в качестве пахотных земель, не производили топливных материалов, давая лишь небольшое количество корма для домашнего скота. В результате выпадают огромные площади: согласно оценкам Роберта Маркса, площади земли, ставшей в 1700–1937 гг. сельскохозяйственными угодьями в Гуандуне, составляли лишь одну шестую исчезнувших лесных территорий; по Гуанси соответствующий показатель равняется одной трети исчезнувших лесов. Значительная часть остальных площадей, непригодных для земледелия (особенно в горных и холмистых районах), превратилась в пастбища<sup>8</sup>. При этом трава данных пастбищ использовалась в существенной мере в качестве корма для скота и прочих целей.

Во-вторых, я учитываю лишь остаточные продукты урожая пищевых культур. Сколько именно площадей использовалось в Линнане в те или иные годы в предшествующий XX в. период под конкретные культуры, нам неизвестно, однако мы обладаем достаточно надежной оценкой объемов потребления пищевых продуктов в 1753 г. на основе местных письменных источников: 60 млн ши или примерно 9,3 млн цзиней<sup>9</sup>. А поскольку в выращенном рисе (и большинстве прочих культур) употребляемые в пищу части уступают по весу остаточным продуктам, нам требуется определиться с минимумом последних в урожаях пищевых культур без того, чтобы была необходимость знать точные площади возделываемых земель. При этом, чтобы понять, насколько умеренным является данный подход, необходимо иметь в виду, что оценки Роберта Маркса, согласно которым пищевые потребности Линнаня по состоянию на 1753 г. следовало бы увеличить в таком выражении, как площади возделываемых земель, всего на 16,8 млн му<sup>10</sup>, в то время как в одном только Гуандуне соответствующий показатель составлял 43 млн му (глава 9). Та-

8. Marks 1997: 280, 319–327.

9. Ibid., p. 251.

10. Ibid., p. 250.

Таблица В.1  
Лесные площади, га

|         | Гуандун   | Гуанси   | Итого     |
|---------|-----------|----------|-----------|
| 1753 г. | 9 000 000 | 6500000  | 15500 000 |
| 1773 г. | 8 200 000 | 6020000  | 14220 000 |
| 1793 г. | 7 440000  | 5 660000 | 13100 000 |
| 1813 г. | 6560000   | 5 240000 | 11800 000 |
| 1833 г. | 5 760 000 | 4940000  | 10700000  |
| 1853 г. | 4880000   | 4700000  | 9 580000  |

ким образом, мы исключаем из нашей оценки значительную часть объемов остаточных продуктов урожая по данному региону, вполне вероятно большую его часть, как ранее мы уже исключили крупные и при этом увеличивающиеся площади земель, которые не возделывались и не были покрыты лесами.

Последняя часть расчетов объемов остаточных продуктов урожая, доступных для использования в качестве топлива в 1753 г., состояла в оценке того, сколько именно данных остаточных продуктов требовалось для прокорма скота. Для этого я исходил из предположения о том, что в XVIII в. в Линнане соотношение между поголовьем домашнего скота и численностью населения соответствовало показателям за XX в. по Северному Китаю, то есть составляло примерно одну единицу крупного рогатого скота на шесть человек. При этом здесь существует риск занижить поголовье свиней, поскольку Линнань был более благополучным регионом, чем Северный Китай, в то время как Перкинс полагает, что в Китае в целом показатель поголовья свиней из расчета на душу населения в течение рассматриваемого периода изменился незначительно<sup>11</sup>. Однако здесь почти наверняка присутствует завышенная оценка числа рабочих животных, поскольку их поголовье должно было соответствовать изменениям площади возделываемых земель, а не изменениям численности населения, а по такому показателю, как площадь возделываемых земель из расчета на душу населения, Линнань сильно уступал Северному Китаю. Потребление корма домашним скотом в XVIII в. должно было быть тем же, что и в XX в. Наконец, я исходил из предположения о том, что примерно половина кормовых потребностей домашнего скота обеспечивалась за счет источников,

11. Perkins 1969: 71.

Таблица В.2

Древесина, доступная для целей, не связанных с использованием ее в качестве топлива, в Линнане в 1753–1853 гг.

|         | <i>Площади лесов<br/>в Линнане, га</i> | <i>Площади, используемые<br/>для сбора топлива</i> | <i>Площади, доступные<br/>для прочих целей</i> |
|---------|--|--|--|
| 1753 г. | 15500000                               | 1650000  | 13850000                                       |
| 1773 г. | 14200000                               | 1675000  | 12525000                                       |
| 1793 г. | 13100000                               | 2260000  | 10840000                                       |
| 1813 г. | 11800000                               | 2469000  | 9331000  |
| 1833 г. | 10700000                               | 2956000  | 7744000  |
| 1853 г. | 9580000                                | 3339000  | 6241000  |

не относящихся к остаточным продуктам урожая, как то: пастбищ, подножных кормов в лесах, остатков со стола и т. п. (При этом более половины данных потребностей вполне могли обеспечиваться за счет одной только травы.) Результаты соответствующих расчетов указывают на наличие в 1753 г. 636 фунтов (0,318 т) остаточных продуктов урожая на душу населения, доступных для сжигания, что составляет 0,16 туэ на душу населения или почти половину минимальных потребностей. Остальная часть потребностей в топливе могла удовлетворяться за счет экологически рациональных объемов заготовки древесины всего с 1,65 млн га лесов Линнаня, общая площадь которых составляла 15,5 млн га.

Далее мною использовались те же традиционные методы для расчета объемом обеспеченности топливом за счет остаточных продуктов урожая в последующие годы. Иными словами, я использовал оценочные показатели Маркса по приросту населения каждые 20 лет, умножив их на его оценочные показатели потребления пищевых продуктов из расчета на душу населения, чтобы получить дополнительные объемы доступных остаточных продуктов урожая (снова не учитывая того факта, что площади вырубленных лесов значительно превосходили площади, необходимые для выращивания соответствующих пищевых культур), и прибавив кормовые потребности домашнего скота с соблюдением пропорциональности между его поголовьем и численностью населения. После чего я предположил, каковыми могли быть постоянные потребности в топливе на душу населения, и рассчитал, сколько именно леса понадобилось для экологически рационального обеспечения тех потребностей в топливе, которые не удовлетворялись остаточными продуктами урожая. Результаты расчетов представлены в табл. В.2.

Таблица В.3  
Объемы доступной древесины из расчета на душу населения  
в Линнане в 1753–1853 гг., т

|         |     |         |     |
|---------|-----|---------|-----|
| 1753 г. | 2,8 | 1813 г. | 1,3 |
| 1773 г. | 2,2 | 1833 г. | 1,0 |
| 1793 г. | 1,6 | 1853 г. | 0,7 |

Наконец, мною были проведены расчеты экологически рациональных объемов заготовки древесины на дополнительных лесных площадях, которые я затем разделил на показатель численности населения (см. табл. В.3). Совершенно очевидно, что рост населения сильно сказывался на избыточных объемах древесины даже в таких экологических и экономических условиях, которые в целом отличались достаточной бережливостью и умеренностью. В течение 100 лет, когда численность населения увеличилась почти на 75%, площади лесов уменьшились лишь на 40%, а вот избыточные объемы древесины упали на 55%, показатель же избыточных объемов древесины из расчета на душу населения и вовсе на 75%. При всем при этом и текущий уровень, и тенденции оставались здесь более благоприятными, чем во Франции. Показатель избыточных объемов древесины по Франции за 1550 г. (3,6 т на душу населения) представляется достаточно высоким по сравнению с показателем по Линнану за 1753 г., однако не настолько, на сколько можно было бы ожидать. По той причине, что земледельческие угодья никакой роли в обеспечении населения Франции топливом не играли, притязания на избытки древесины со стороны каждого дополнительного жителя были гораздо более высокими, чем в Линнане. С 1550 по 1789 г. население Франции увеличилось немногим менее чем на 80% — примерно на столько же, на сколько и население Линнаня в период с 1753 по 1853 г., а вот показатель избыточных объемов древесины из расчета на душу населения упал на целых 92%, составляя лишь 40% от показателя по Линнану. Без новых источников топлива обоим регионам грозили серьезные затруднения, при этом, несмотря на то что подсказывает нам наша интуиция, дела во Франции, судя по всему, обстояли куда хуже.

## Оценочные показатели «фантомных площадей», обеспечиваемых поставками импортных товаров в Британию, конца XVIII — начала XIX века

### Сахар

**В** НАЧАЛЕ XIX в. в период, *предшествовавший* снижению таможенных сборов и стремительному росту закупок сахара, потребление данного продукта в Соединенном Королевстве составляло примерно 150 тыс. т<sup>1</sup>. Поскольку 5,6 т сахара в течение года обеспечивают 140 человек 420 кал в день<sup>2</sup>, 150 тыс. т было бы достаточно для обеспечения 614 тыс. человек 2500 кал в день в течение года. (Данные по ежедневному потреблению калорий значительно разнятся, при этом оценочный показатель для рядовых жителей Парижа накануне революции был ниже указанного<sup>3</sup>, как и большинство показателей XIX в. по английским трудящимся<sup>4</sup>.)

Какие именно площади понадобились бы, чтобы прокормить такое количество жителей? Преобразование 150 тыс. т сахара в калории на основе предлагаемого Минцем коэффициента дает нам следующий результат — 571812 466 тыс. ккал. Используя те же данные по урожайности пшеницы в Англии, что и в приложении В, и учитывая, что одну десятую урожая необходимо было откладывать для следующей посевной, получаем, что 1 акр зерна производил 471 кг пшеницы. Учитывая тот факт, что при помоле продукта теряется примерно половина его веса<sup>5</sup>, получаем 235 кг муки, что при показателе 3400 ккал на килограмм<sup>6</sup> дает нам 799 тыс. ккал с акра. Это означает, что для замены данных объемов сахара понадобилось бы примерно 715 тыс. акров высокока-

1. Минц (Mintz 1985: 143) ошибочно употребляет термин «британские»; корректные показатели даны в: Mitchell 1988.

2. Mintz 1985: 191.

3. Braudel 1981: 130; Бродель 1986: 144–145.

4. Clark, Huberman, and Lindert 1995: 223–226.

5. Aykroyd and Doughty 1970: 86–88.

6. Ibid., p. 89.

чественных земель. Более того, согласно обобщенной Боуденом отчетности по английскому сельскохозяйственному сектору<sup>7</sup>, ежегодная потребность соответствующего земледельческого хозяйства в тягловой силе для пахотных работ составила бы четыре вола, для прокорма каждого из которых понадобилось сено с участка земли площадью 1 акр (даже при допущении, что половину своего корма волы получали во время выпаса на общих пастбищах, питаясь в хлеву только часть года). Таким образом, 20 акров пашни требовали наличия не менее 24 акров дополнительных земель; умножение дает нам следующий результат: замена ввозимого сахара собственной пшеницей потребовала бы наличия 858 тыс. акров. Если же кормить тягловых животных исключительно сеном без использования общих выгонов, то соответствующий показатель вырастет до 1001 тыс. акров, а если допустить, что земледельцами применяется трехполье, при котором на каждые 20 акров, отданных под культивацию пшеницы, должны приходиться 10 акров паров (или же в более современном варианте — клевера), на которых пасется домашний скот, то соответствующий показатель вырастет уже до 1072 тыс. акров. Наконец, если исходить из предположения о 10 акрах под паром, которые действительно «отдыхали», и о 4 акрах, используемых под сено, хотя подобный подход в Англии конца XVIII в. и практиковался уже достаточно редко, мы приходим к показателю 1215,5 тыс. акров.

Альтернативный подход заключается в предположении, что все Соединенное Королевство представляло собой единый рынок продовольствия, в рамках которого в 1770–1860 гг. Англия получала большое количество пищевых продуктов из Шотландии, Уэльса и Ирландии<sup>8</sup>. Подобный вариант был возможен лишь в случае, если в распоряжении данных регионов имелись другие источники калорий. В начале XIX в. Шотландия, Уэльс и Ирландия почти не уступали Англии по численности населения, имея примерно тот же показатель потребления сахара на душу населения<sup>9</sup>. Если умножить предложенный Деерром среднедушевой показатель потребления по Соединенному Королевству (примерно 18 фунтов) на показатели численности населения согласно Митчеллу<sup>10</sup>, получим следующие результаты:

7. Bowden 1990: 73, 75, 294.

8. См.: Thomas 1985a.

9. Deerr 1950: II:532.

10. Mitchell 1988: 9–10.

1801 г.—311 тыс. фунтов;  
 1811 г.—333 тыс. фунтов;  
 1831 г.—432 тыс. фунтов.

При использовании уже рассмотренных выше методов расчета получаем по первому показателю 892–1264 тыс. «фантомных акров». По показателю за 1811 г.—950–1346 тыс. «фантомных акров», а за 1831 г.—1237–1752 тыс. Если же использовать типичные, согласно Броделю<sup>11</sup>, показатели континентальных урожаев (при условии, что Англии пришлось бы ввозить недостающие объемы зерна из других стран Европы), то площади «фантомных акров» увеличатся вдвое. Если же допустить более широкое потребление картофеля, наоборот, уменьшатся.

### Лесоматериалы

Самыми легкими представляются расчеты лесоматериалов. Я воспользовался оценочными показателями Вацлава Смиля<sup>12</sup> по увеличению объемов пригодной для заготовки древесины, обеспечиваемой 1 га достаточно производительного естественного леса, то есть речь идет не о лесоводстве, и показателями Артура Лоуэра<sup>13</sup> по объемам поставок в Британию лесоматериалов из Балтики и Америки. Кроме того, я прибегнул к переводу досковых футов в кубические. Результаты расчетов дают следующие показатели: ежегодный импорт лесоматериалов из Балтики, эквивалентный 646,875 тыс. акров леса по состоянию на конец XVIII в. (при параметре 150 млн досковых футов в год), и ежегодный ввоз лесоматериалов из Северной Америки в объемах, эквивалентных 1 млн акров по состоянию на начало XIX в. (250 млн досковых футов).

### Хлопок

В 1815 г. Британия ввезла из Нового Света примерно 100 млн фунтов хлопка, в 1830 г.—263 млн<sup>14</sup>. Поскольку 1 акр льна давал при бережной культивации примерно 500 фунтов урожая<sup>15</sup>, то для замещения ввезенного в 1815 г. хлопка понадобилось бы около

11. Braudel 1981: 121; Бродель 1986: 136.

12. Smil 1983: 36.

13. Lower 1973: 25, 39, 259.

14. Mann 1860: 112.

15. Warden 1967: 11.

200 тыс. акров льна; для замещения импорта в 1830 г.— примерно 500 тыс. акров. При этом производство льна имело свои сложности, которые уже были рассмотрены в настоящей работе, и доведение его до указанных объемов стало бы чрезвычайно трудной задачей. В конце XVIII в. *общие* объемы производства льна в Англии вряд ли превышали 8 млн фунтов, что соответствует 16 тыс. акров посевных площадей<sup>16</sup>. Конопля, дававшая примерно те же объемы урожая волокна и характеризовавшаяся примерно теми же многочисленными сложностями культивации, для производства высококачественных тканей не годилась<sup>17</sup>.

Что же касается шерсти, то здесь я воспользовался предложенной Боуденом моделью овцеводческого хозяйства (500 акров качественной земли) в Англии XVII в.<sup>18</sup> Согласно его оценке, подобное хозяйство могло насчитывать до 1 тыс. валухов, дающих 4,5 фунта шерсти в год, и 1181 прочих овец и баранов (3,5 фунта), что в итоге дает нам общий показатель продукции фермы, равный 8445 фунтов шерсти в год. При подобных объемах производства весовое замещение ввезенного в 1815 г. хлопка потребовало бы наличия 11 841 подобного хозяйства или 5920,5 тыс. акров земли, замещение же объемов 1830 г.— 15393,3 тыс. акров. Один фунт шерсти давал 35840 (64 x 560) ярдов качественной 64-й нити (основного типа)<sup>19</sup>, в то время как из одного фунта хлопка вырабатывалось 53760 (64 x 840) ярдов 64-й нити, то есть в полтора раза больше. (В XVIII в. большая часть хлопчатобумажной пряжи представляла собой нить с 40-го по 80-й номер, а вот оборудование XIX в. позволяло вырабатывать гораздо более тонкую нить<sup>20</sup>.) Если при вычислении площадей, необходимых для производства замещающей импортируемый хлопок шерстяной пряжи, сделать поправку на данный фактор, то мы приходим к следующим показателям: почти 9 млн акров в 1815 г. и более 23 млн в 1830 г.

16. Rimmer 1960: 5.

17. Warden 1967: 49.

18. Bowden 1990: 86.

19. Jenkins and Ponting 1982: 11–12.

20. Mann 1860: 26–27.

## ПРИЛОЖЕНИЕ Д

### Оценочные показатели доходов работников текстильной отрасли в сельских районах долины нижнего течения Янцзы в 1750–1840 годах

**Л**ЮБЫЕ оценочные показатели заработка прядильщиц и ткачих будут приблизительными, поскольку наша информация по ценам как на хлопок-сырец, так и на ткани характеризуется сильной фрагментарностью, в то время как краткосрочные колебания зачастую являются весьма значительными. Попытки связать пики цен на хлопок с минимальными ценами на ткани и наоборот способны ввести в сильное заблуждение. Более того, ткани были весьма неоднородными изделиями, а приводимые в письменных источниках цены не всегда достаточно четко указывают, о каких именно тканях идет речь. В течение рассматриваемого нами периода среднее качество тканей, производимых в Цзяннане, повысилось<sup>1</sup> частично благодаря тому, что макрорегионы с более дешевой рабочей силой удовлетворяли свои потребности в низкокачественных тканях самостоятельно.

Данные по ценам на хлопок-сырец, предложенные Кишимото<sup>2</sup>, и по ценам на ткани, указанные Джанем Джоньмином<sup>3</sup>, дают правдоподобную общую картину и, судя по всему, представляют собой отражение наиболее часто бытовавших ситуаций. При этом Фань Синь<sup>4</sup> приводит значительно более высокие цены на хлопок-сырец — почти столь же высокие, что и цены на готовые ткани у Джаня Джоньмина, в то время как в трактате «О хлопке», широко цитируемом источнике XVIII в., указываются цены на ткани, которые в большей мере соответствуют данным ценам на хлопок-сырец, но при этом, если увязать их с ценами на хлопок-сырец, которые приведены Кишимото, означали бы, что

1. Fang 1987: 89.

2. Kishimoto 1997.

3. Zhongmin 1988.

4. Fang 1987.

у работников текстильной отрасли были невероятно высокие заработки. (Цены на хлопок, которые приводит Фань Синь, касаются Северного Китая и периферийных рынков, однако, исходя из того что Северный Китай поставлял хлопок-сырец в Цзянань, проблема остается актуальной.) Различия в ценах весьма значимы, поскольку, принимая во внимание тот факт, что мы располагаем точными данными по ценам на рис, применение более высоких показателей цен как на хлопок, так и на ткани ведет к более высоким показателям заработка, выраженного в доступных для приобретения объемах *риса*.

Как следствие, мною были произведены два вычисления — с учетом высоких цен на ткани и хлопок и с учетом более низких. Оба варианта дают достаточно близкие друг к другу результаты, если вести речь о работницах (или домохозяйствах), сочетавших прядение с ткачеством, хотя вариант с высокими ценами указывает на более высокие заработки. Применительно к тем, кто только пряд, вариант с низкими ценами подтверждает мнение о том, что для обеспечения взрослой женщины заработка от подобного занятия был недостаточным, хотя лишь в случаях, когда для всех параметров выбираются самые пессимистичные показатели. В противном случае данный вариант предусматривает вероятность того, что подобный заработок мог быть достаточным для обеспечения взрослой женщины, хотя каких-либо сбережений сделать в этом случае почти не представлялось возможным, что неудивительно, поскольку большинство прядильщиц, не занимавшихся ткачеством, по крайней мере в Дельте Янцзы, были девушками-подростками. А вот вариант с высокими ценами — наоборот: взрослая прядильщица не просто была в состоянии обеспечить себя, но при этом у нее оставались небольшие сбережения. Что же касается женщин, занятых исключительно ткачеством, то вариант с низкими ценами подразумевает достаточно высокие, что все же вероятно, заработки, в то время как вариант с высокими ценами подразумевает такой уровень заработка, который, как нам известно, выходит за рамки бюджетов большинства сельских домохозяйств.

Таким образом, вариант с низкими ценами выглядит более вероятным, в большей степени сочетается с моей гипотезой и не противоречит большей части из имеющихся у нас данных по ценам. Как следствие, в основном тексте настоящей публикации я опираюсь именно на него. В приложении, однако, я рассматриваю расчеты на основе обоих вариантов.

Совместное занятие прядением  
и ткачеством в XVIII веке*Применение минимальных показателей ценового диапазона*

## ВЫБОР ДАННЫХ

В трактате «О хлопке» указывается, что в середине XVIII в. цены на очень хорошую хлопчатобумажную ткань (остается неясным, насколько высоким является подразумеваемое качество) не превышали 50 цзяней (речь идет об имеющей широкое хождение медной монете, стоимость которой составляла примерно одну тысячную унции серебра) за 1 чи (единица длины). Лу Ханчао<sup>5</sup> приводит данные из письменного источника, датированного 1677 г., согласно которому работнице требовалось примерно семь дней для получения пряжи из хлопка-сырца и изготовления рулона ткани размером в 20 чи; данная оценка физической производительности не слишком разнится с оценкой Хуаня. Такой рулон стоил примерно 1000 цзяней или, если брать за основу соотношение цен на серебро и медь в 1750 г., 1,1 таэля.

Однако стоимость ткани включала в себя и стоимость хлопка, а не только стоимость работы, при этом цены на хлопок сильно варьировались. Данные Кишимото Мио позволяют говорить о том, что в середине столетия в Цзяннане цена 1 цзиня неочищенного хлопка составляла 20–40 цзяней, при этом, как правило, цена колебалась в диапазоне 20–30 цзяней, однако в засушливые годы превышала и 40 цзяней<sup>6</sup>. Это, как мы вскоре удостоверимся, значительно ниже тех цен на хлопок в Северном Китае, что приводит Фань. При этом сравнение цен на ткани, которые приводит Кишимото, с ее ценами на хлопок-сырец дает нам те стоимостные доли, которые приходятся на труд прядильщицы-ткачихи и на собственно хлопок и достаточно близки к показателям, рассчитанным на основе данных Фань<sup>7</sup>. «Сценарий низких цен», при котором предполагается наличие низких цен как на хлопок-сырец, так и на ткани, подробным образом рассматривается далее.

Если же мы попробуем совместить относительно низкие цены на хлопок-сырец, предлагаемые Кишимото, с высокими ценами на ткань, приведенными в трактате «О хлопке», у нас возникнет затруднение. Поскольку из 1 цзиня неочищенного хлопка полу-

---

5. Lu 1992: 481.

6. Kishimoto 1997: 139.

7. Fang 1987: 92.

чалось лишь 0,33 цзиня очищенного хлопка, применение цен на неочищенный хлопок, предлагаемых Кишимото, позволяет говорить о диапазоне цен на 1 цзинь очищенного хлопка, равном 60–120 цяней. При подобном уровне цен 1,33 цзиня хлопка, требующегося для изготовления рулона ткани<sup>8</sup>, стоил бы в средне-статистическом году примерно 130 цяней. Если совместить данную цену с ценами на ткани, приведенными в трактате «О хлопке», то получается, что доля труда прядильщицы-ткачихи в стоимости ткани составляла почти 90%. Данный показатель представляется неоправданно высоким, а поскольку я нацелен на взвешенную оценку заработка занятых в текстильной отрасли лиц, я полагаю, что цены, приведенные в трактате «О хлопке», были актуальны лишь тогда, когда цены на хлопок-сырец также были высокими (хотя остается неясным, случалось ли подобное в действительности). Таким образом, вместо них я использовал более высокие показатели цен, которые предлагает Фань Синь<sup>9</sup>: 140–400 цяней за цзинь очищенного хлопка в Северном Китае по состоянию на конец XVIII в. Поскольку в указанный период Северный Китай еще поставлял некоторые объемы хлопка-сырца в долину нижнего течения Янцзы, я исходил из предположения о том, что цены в долине нижнего течения Янцзы не могли быть ниже цен в Северном Китае, а потому сделал выбор в пользу верхнего показателя ценового диапазона Фаня — 400 цяней (с целью снизить оценочные показатели заработка). Данный сценарий высоких цен рассматривается в следующем разделе.

#### РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МАКСИМАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЦЕНОВОГО ДИАПАЗОНА

При данных ценах 1,33 цзиня очищенного хлопка, требующегося для изготовления рулона ткани, стоили бы 533 цяня, что составляет более половины стоимости рулона. (При этом колебания цен были малозначимы для тех семей, что использовали для изготовления пряжи и тканей хлопок, который сами же и выращивали.) Поскольку Фань Синь также приходит к выводу, что стоимость труда работницы, занимающейся изготовлением хлопчатобумажной пряжи (менее квалифицированное и выгодное занятие, чем ткачество), обычно составляла 30–50% от стоимости хлопка-сырца<sup>10</sup> (этот же показатель берет за основу и Хуань),

8. Huang, 1990: 84.

9. Fang 1987: 84.

10. Ibid., p. 88.

наша оценка, согласно которой стоимость труда работницы, изготовлявшей и пряжу, и ткань, составляла немногим менее 90% от стоимости хлопка-сырца, представляется довольно умеренной, принимая во внимание указанные цены: она значительно ниже современного оценочного показателя Фаня, согласно которому цена на ткани в целом в четыре раза превышала цену на хлопок<sup>11</sup>.

Соответственно если работница была способна заработать 467 цзяней в течение тех семи дней, что она занималась изготовлением пряжи и ткани, то в течение рабочего года протяженностью 210 дней она была в состоянии заработать 14010 цзяней. (Такая протяженность рабочего года намного ниже того, что было зафиксировано в начале XX в. в Цзяннане в среде сельских прядильщиц и ткачих, рабочий год которых составлял в среднем 300 дней<sup>12</sup>; и, как показано в приложении Д, это в целом совпадает с нашей традиционной оценкой общих объемов производства тканей в данном регионе при условии, что ткачеством в Цзяннане были заняты все представительницы женского пола. Однако поскольку совершенно очевидно, что некоторые из них ткачеством не занимались, то вполне вероятно, что рабочий год тех, кто ткачеством занимался, составлял более 210 дней и что наша оценка заработка снова тяготеет к занижению.) При своих средних середине столетия соотношениях цен это должно было соответствовать 15,5 таэля серебра. Если использовать предложенный Вангом Йе-Чьеном скользящий средний показатель цен на рис (1,67 таэля) за 1735–1765 гг., то этого было бы достаточно для приобретения 9,3 ши риса.

#### Прядение и ткачество при сценарии низких цен

Указанная выше цена, приведенная в трактате «О хлопке», судя по всему, не является типичной. Речь здесь может идти либо о тканях необычайно высокого качества, либо о необычайно благоприятном для цен годе. Джань Джоньмин<sup>13</sup> ссылается на цену порядка 0,3–0,4 таэля за ткань длиной 16 чи, что составляет 80% длины ткани, о которой идет речь в трактате «О хлопке», однако при этом он не приводит никаких весовых данных и не уточняет, о каком именно периоде идет речь (за исключением того, что это середина правления династии Цин). Согласно Фаню<sup>14</sup>,

11. Fang 1987: 92.

12. Xinwu 1992: 469.

13. Zhongmin 1988: 207.

14. Fang 1987: 92.

цены на ткани в период правления императора Цяньлуна (1736–1795 гг.) составляли в среднем 0,4 таэля, хотя в некоторые годы поднимались и до 0,7–0,8 таэля. Кроме того, он приводит данные по весу ткани: для изготовления ткани требовалось 3 цзиня хлопка-сырца, что составляет три четверти объемов хлопка-сырца, необходимого для стандартного рулона, упоминаемого в трактате «О хлопке» и соответствующего расчетам Лу и Хуаня. Начнем расчеты с предлагаемого им показателя 0,4 таэля.

При бытовавшем в середине XVIII в. в долине нижнего течения Янцзы соотношении цен 0,4 таэля соответствовали примерно 360 цзяням. Если предложенные Кишимото цены на хлопок касаются неочищенного хлопка-сырца (в противном случае они до абсурдности низки, а заработки изготовителей тканей должны быть чрезвычайно высоки даже при низких ценах на сами ткани), то доля собственно хлопка в стоимости указанных рулонов ткани должна была составлять примерно 90 цзяней. Данные показатели полностью согласуются с показателями цитируемого Фанем источника<sup>15</sup>, согласно которому стоимость ткани в четыре раза превышала стоимость необходимого для ее изготовления хлопка-сырца. Соответственно, стоимость труда, вложенного в изготовление ткани, составляла 270 цзяней; если адаптировать данные показатели применительно к более длинным рулонам, на которые ссылаются Лу, Хуань и автор трактата «О хлопке», то стоимость труда будет составлять 360 цзяней. Если именно эту сумму прядильщица-ткачиха зарабатывала за семь дней, то ее доход при рабочем годе длиной в 210 дней должен был составлять 10800 цзяней или 12 таэлей; это на 22% ниже нашего оценочного показателя, рассчитываемого при варианте с высокими ценами, однако достаточно для приобретения 7,2 ши риса при ценах 1750 г., как мы сейчас удостоверимся, и полностью конкурентоспособно по сравнению с заработками земледельцев-мужчин.

#### СРАВНЕНИЯ С МУЖСКИМ ЗАРАБОТКОМ И СО СТОИМОСТЬЮ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

Оценочные показатели потребления риса из расчета на душу населения варьируются в пределах 1,74–2,62 ши в год; согласно Роберту Марксу, оптимальный усредненный показатель — 2,17 ши<sup>16</sup>. Наибольший из встречавшихся мне показателей составляет

15. Fang 1987: 92.

16. Marks 1991: 77–78.

5,5 ши в год из расчета на взрослого мужчину, занятого физическим трудом вне дома. Пан Минь Те предлагает показатель 2,5 ши для взрослой женщины и значительно более низкий — для детей<sup>17</sup>. Эти данные позволяют вписать заработки нашей гипотетической работницы в соответствующий контекст.

В Цзяннане денежная составляющая типичного заработка безземельных сельскохозяйственных работников в рассматриваемом периоде составляла 2–5 таэлей в год<sup>18</sup>. Верхний предел рассчитан не на основе годового показателя, а путем умножения месячных показателей на 12 и соответственно подразумевает, что подобный работник был обеспечен работой в течение всех месяцев в году, что было маловероятным, но не невозможным. Более того, в периоды занятости по крайней мере часть питания данных работников обеспечивалась работодателем. Если предположить в качестве одного из вариантов, согласно которому все необходимое питание доставалось им бесплатно, они были заняты работой в течение всего года и основу их питания составлял рис, которого они потребляли из расчета 5 ши в год, что несколько ниже самого высокого из имеющихся в нашем распоряжении показателей, то их заработок как сумма наличных денег и денежного эквивалента риса составляла 10,4–13,4 таэля в год (или как альтернативный вариант — 6,1–7,8 ши риса).

Таким образом, в варианте с высокими ценами заработок нашей гипотетической прядильщицы-ткачихи составлял 116–149% заработка сельскохозяйственного работника мужского пола даже в случае, если он был занят работой весь год, а она — лишь 210 дней в году. Если мы возьмем размер заработка, который остается после трат на питание, имея при этом в виду, что женщины, как правило, потребляли гораздо меньше пищи, чем мужчины (особенно по сравнению с мужчинами, занятыми трудом в поле), то разница существенно возрастает: после удовлетворения своих пищевых потребностей у женщины все еще оставалось 6,8 ши риса, у мужчины — лишь 1,2–3,0.

В рамках нашего сценария низких цен прядильщица-ткачиха зарабатывает куда меньше, но все же ее заработок вполне сопоставим с доходом сельскохозяйственного работника мужского пола. Ее заработок в 12,0 таэля чуть выше среднеарифметического показателя заработка мужчины (10,4–13,4 таэля), который рассчитан нами с применением весьма больших допущений. А по-

17. Pan 1994: 327.

18. Zhao 1983: 57.

сколько взрослые женщины потребляли гораздо меньше пищи, чем мужчины, то и в этом случае у прядильщицы-ткачихи остается гораздо больший «избыток» после вычета питания, чем у сельскохозяйственного работника мужского пола.

Таким образом, в рамках высоких цен прядильщица-ткачиха зарабатывала достаточно, чтобы прокормить 1,9 взрослого мужчины, или же (если речь шла о вдове) она была способна прокормить себя, кого-то одного из престарелых родителей или родителей мужа и трех, а может, и больше детей (в зависимости от возраста и, разумеется, учитывая, что дедушка или бабушка помогали с уходом за детьми и работой по дому в достаточной мере, чтобы наша работница могла сосредоточиться на заработке). В рамках же сценария низких цен прядильщица-ткачиха была в состоянии прокормить 1,4 взрослого мужчины или же себя, престарелого члена семьи и, возможно, двух детей. Хотя существование в подобных условиях и было бы сложным, данная ситуация была не хуже, а возможно, и несколько лучше, чем ситуация, когда речь шла о семье сельхозработника-вдовца, даже если в остальном судьба ему благоволила. Совершенно очевидно, что заработок женщин в рассматриваемый период был вовсе не ниже прожиточного уровня, как на этом настаивают гипотезы, согласно которым Китай переживал инволюцию.

### *Заработок прядильщиц в середине XVIII века*

#### ПРИМЕНЕНИЕ МАКСИМАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЦЕНОВОГО ДИАПАЗОНА

Для женщин, занимавшихся исключительно прядением, ситуация была значительно менее благоприятной, однако не настолько, как ее представляет Хуань. Если в распоряжении прядильщицы была колесная прялка с ножной педалью, рассчитанная на взрослого человека, она была в состоянии производить 8 лян (0,5 цзиня) пряжи в день; если же она работала без использования колесной прялки (многие прядильщицы были еще детьми, которые работать на прялке такого типа не могли), то более достоверным представляется выработка 5 лян (0,31 цзиня) пряжи в день. Поскольку ее заработок, скорее всего, составлял 30–50% от стоимости хлопка-сырца<sup>19</sup>, то речь шла о стоимостном эквиваленте 0,09–0,25 цзиня очищенного хлопка как от ее дневной выработки, так и от колебаний цен; предположим, что речь идет

19. Fang 1987: 88.

о стоимостном эквиваленте 0,16 цзиня, что немного ниже среднего показателя указанного диапазона. Если цены на хлопок колебались в диапазоне от 140 до 400 цянней за 1 цзинь и мы снова принимаем срединное значение диапазона (в данном случае, в отличие от ситуации с прядильщицей-ткачихой, выбор самых высоких цен на сырье сделать нашу оценку более взвешенной не сможет), то прядильщица должна была зарабатывать 43 цяня в день или 8600 цянней (9,5 таэля) в течение рабочего года продолжительностью 200 дней, что было достаточным для приобретения 5,7 ши риса. Давайте продолжим использовать усредненные показатели диапазонов цены на хлопок и стоимостного эквивалента заработка прядильщицы, однако теперь примем нижний показатель дневной выработки в размере 5 лян исходя из предположения, что прядильщица была не в состоянии пользоваться прядильным колесом с педальным механизмом. В данном случае заработок прядильщицы должен был составлять 6400 цянней в год или примерно 7 таэлей, что было достаточным для приобретения 4,2 ши риса. Если мы продолжим делать те же «щедрые» допущения относительно заработка сельскохозяйственного работника-мужчины, то получится, что в рамках средних цен женщины зарабатывали значительно меньше мужчин: в лучшем случае 87% от заработка мужчин, если мы сравниваем самый высокий заработок прядильщицы с самым низким заработком сельхозработника мужского пола, и едва 50% при сравнении противоположных показателей. Тем не менее нам следует помнить, что даже подобные заработки должны были быть достаточными, для того чтобы обеспечить пропитанием взрослую женщину и по меньшей мере одного ребенка, что большинство тех жителей Цзяннаня, кто занимался лишь прядением, были маленькими девочками и что рассматриваемый сценарий подразумевает рабочий год продолжительностью 200 дней.

Если принять нижние показатели диапазонов цен и выработки, а также 200-дневную продолжительность рабочего года, то мы действительно придем к такому оценочному показателю заработка (3,7 таэля, 2,2 ши), уровень которого, возможно, будет ниже минимальных потребностей взрослой женщины, хотя, вероятно, и нет: все-таки он окажется достаточным для потребления с рисом 1870 кал в день. Прийти к уровню заработка ниже прожиточного минимума можно лишь при использовании всех минимально возможных показателей (цены хлопка, дневной вы-

работки, доли заработка прядильщицы), что дает нам 2,8 таэля или 1,7 ши риса при 200-дневной продолжительности рабочего года.

### ПРИМЕНЕНИЕ МИНИМАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЦЕНОВОГО ДИАПАЗОНА

При этом, если мы будем исходить из нижних показателей цен на хлопок и из того, что заработок прядильщицы составлял 40% стоимости используемого ею хлопка-сырца, то мы сможем прийти к крайне низким оценочным показателям дохода. Если стоимость 1 цзиня очищенного хлопка составляла 90 цяней, а прядильщица была в состоянии переработать лишь 0,31 цзиня в день, то ее дневной заработок составлял лишь 28 цяней, что давало ей возможность приобретать 1,3 ши риса в год. Это намного ниже потребностей взрослой женщины, однако, возможно, все же достаточно, чтобы прокормить девочку, не достигшую подросткового возраста, а ведь именно девочки и составляли основную рабочую силу, занятую прядением в Цзяннане. Очень важно при этом помнить, что наша оценка заработка прядильщиц (точно так же как и оценка, произведенная Хуанем) основана на использовании процентной доли цен на хлопок и что наш источник по данным показателям (Фань Синь) является одновременно и нашим источником по верхним показателям диапазона цен на хлопок-сырец<sup>20</sup>. Каких-либо оснований полагать, что данный процентный показатель был бы актуален и при более низких ценах на хлопок, нет. Наоборот, представляется более вероятным, что в те периоды и в тех местностях, где хлопок-сырец был дешевле, заработок прядильщиц составлял большую процентную долю в стоимости пряжи и что приведенный Фанем низкий показатель доли труда прядильщицы в стоимости пряжи частично отражает тот факт, что прядильщицам приходилось использовать дорогой хлопок-сырец в условиях рыночной конкуренции и при наличии такого числа отказывавшихся от приобретения тканей при росте их стоимости потребителей, которых было достаточно, чтобы даже для тех производителей, которые продавали свою продукцию лишь на местных рынках, при повышении стоимости сырья наступали весьма непростые времена.

---

20. Fang 1987.

*Заработок ткачих в середине XVIII века*

Оборотной стороной малой доли заработка прядильщиц в стоимости тканей была достаточно большая доля заработка ткачих. Вполне вероятно, что среди сельских ткачих было немного тех, кто все необходимые объемы пряжи приобретал на стороне; большинство либо пряли сами, либо за них пряли дочери (в подобном случае семья, скорее всего, не знала с достаточной точностью, какова именно доля труда каждого ее члена в тех деньгах, что они выручали с продажи тканей). При этом в качестве варианта возьмем пример женщины, занимавшейся только ткачеством, и попробуем рассчитать ее личный доход.

Если для изготовления пряжи и рулона ткани, на который уходило около 21 унции хлопка, требовалось семь дней и при этом в распоряжении женщины имелась лишь простая колесная прялка, с помощью которой можно было получать лишь 5 унций пряжи в день, получается, что 4 дня из 7 должны были уходить на изготовление пряжи, а для превращения пряжи в ткань требовалось 3 дня. Если же в ее распоряжении имелась колесная прялка с педальным механизмом, с помощью которой можно было производить 8 унций пряжи в день, то изготовление пряжи занимало только 2,5 дня, а изготовление ткани — 4,5. Возьмем за основу последний пример, поскольку именно при помощи него можно получить более взвешенные оценочные показатели и поскольку у взрослой женщины не было никаких причин не иметь в своем распоряжении прядильное колесо более совершенной конструкции. Если мы воспользуемся приведенным выше сценарием низких цен, то получится, что на преобразование пряжи стоимостью 168 цяней (40%-ный прирост к 120 цяням, составлявшим стоимость очищенного хлопка) в ткань стоимостью 480 цяней уходило 4,5 дня. Таким образом, при таком сценарии женщина, занятая лишь ткачеством, была способна заработать 312 цяней за 4,5 рабочего дня или 14560 цяней в течение рабочего года продолжительностью 210 дней, что приносило ей в итоге 16,2 таэля. Данный показатель оказывается выше даже заработка прядильщицы-ткачихи в рамках сценария высоких цен и на целых 35% — дохода прядильщицы-ткачихи в рамках сценария низких цен или заработка сельхозработника мужского пола. Используя тот же самый подход применительно к сценарию высоких цен, получаем, что стоимость пряжи должна была составлять 360 цяней, а ткани — 1000, то есть при полной занятости доход ткачихи должен был со-

ставлять 640 цяней каждые 4,5 дня, что более чем вдвое превышает оценочный показатель при сценарии низких цен и представляется совершенно неправдоподобным исходя из того, что нам известно об уровне доходов представителей других профессий.

*Занятие прядением и ткачеством в более поздние периоды*

Разрозненность наших данных по ценам сильно осложняет возможность определить, какими именно были заработки прядильщиц и ткачих в 1750–1850 гг. Поскольку уровень цен на ткани, судя по всему, оставался довольно стабильным, за исключением особо модных тканей<sup>21</sup>, в то время как (прекрасно задокументированные) цены на рис значительно выросли, мы можем быть уверены в том, что реальная покупательная способность нашей гипотетической прядильщицы-ткачихи снизилась, но чтобы выяснить, на сколько именно, нам следует сделать ряд допущений. Я предлагаю четыре возможных сценария, согласно которым доходы рассматриваемых работников снизились на 25–50%.

### СЦЕНАРИЙ А

Данный подход является самым простым и дает самые оптимистические оценочные показатели. Он предполагает использование сценария высоких цен и тенденций цен на хлопок-сырец, характерных для Кантона и его окрестностей. По данной местности мы располагаем достаточно проверенными данными частично благодаря документальным свидетельствам иностранцев, многие из которых занимались поставками хлопка из Индии. Поскольку в указанный столетний период изменений в ценах на хлопок-сырец зафиксировано не было<sup>22</sup>, как не было зафиксировано изменений и в ценах на ткани, данная модель позволяет говорить о том, что номинальные доходы работников текстильной отрасли также не должны были претерпеть каких-либо изменений, а вот в реальном выражении они должны были стать беднее из-за повышения цен на рис, которые выросли примерно на 22% в период между 1750 и 1800 гг. и еще на 32% — к 1840 г.<sup>23</sup>

21. Zhongmin 1988: 207–208.

22. Dermigny 1964: IV: table 19.

23. Wang 1992: 41–44.

## СЦЕНАРИЙ Б

При этом маловероятно, чтобы в долине Янцзы цены на хлопок-сырец оставались такими же неизменными, как и в Кантоне. Более того, неизменность цен в Кантоне служит указанием на то, что в долине Янцзы они росли. Большую часть хлопка Линнань получал именно из долины Янцзы, хотя в середине XVIII в. он начал закупать и более дешевый хлопок из Индии; когда хлопок из долины Янцзы снова вытеснил индийский, в значительной мере это было достигнуто благодаря резкому снижению себестоимости транспортных перевозок между долиной Янцзы и Линнанем<sup>24</sup>. Если цены в Кантоне оставались неизменными, в то время как транспортные издержки снижались, это указывает на то, расходы на приобретение хлопка в Цзяннане росли. Но как сильно?

Для начала примем наш сценарий высоких цен в качестве сложившейся по состоянию на 1750 г. ситуации. В данном случае нам придется воспользоваться верхним показателем ценового диапазона, предлагаемого Фанем, в качестве нашей точки отсчета с середины XVIII в., однако в силу того, что Фань не приводит каких-либо данных по дельнейшим тенденциям, нам требуется вспомогательный показатель, на основе которого было бы понятно, как сильно цены на хлопок-сырец могли вырасти в течение последующих 100 лет. Крайне простой прием, который мог бы нам в этом помочь, заключается в предположении, что в долгосрочном плане тенденции цен на хлопок повторяли тенденции цен на рис. Подобный прием вполне оправдан в силу того факта, что на протяжении XVII в. действительно наблюдалось совместное изменение цен на эти два продукта (при этом изменения в ценах на хлопок отставали на несколько лет)<sup>25</sup>. Он также представляется вполне обоснованным как в качестве монетарного объяснения роста цен, так и, что более актуально применительно к целям нашего анализа, в качестве гипотезы, которой подчеркиваются изменения и в соотношении «земля — труд», и в протопромышленном развитии торговых партнеров Цзяннаня, что делало приобретение дешевого риса или хлопка-сырца все более сложной задачей. Оснований полагать, что хлопок-сырец был подвержен большей инфляции, чем зерно, нет. В 1750–1859 гг. Северный Китай — главный внешний поставщик хлопка для долины нижнего течения Янцзы — пережил особо бурный

24. См., например: Greenberg 1951: 91–92.

25. Kishimoto 1997: 141.

рост населения, и, как показано в главе 3 и приложении F, вполне вероятно, что в данном регионе произошло сокращение площадей хлопчатника при одновременном увеличении объемов изготавливаемых в нем пряжи и тканей; соответственно, вывоз хлопка-сырца мог пережить резкий спад. А по мере того как Великий канал приходил в негодность, себестоимость транспортировки грузов между Северным Китаем и долиной нижнего течения Янцзы вполне могла возрасти, что еще больше осложняло ввоз хлопка-сырца в Цзяннань. Между тем вполне возможно, что снижение себестоимости перевозки грузов между долиной нижнего течения Янцзы и Линнанем — пути, по которому Цзяннань вывозил хлопок-сырец, привело к росту цен, по которым покупатели были готовы приобретать товар для рынка Линнаня. Хотя объемы ввоза риса в долину нижнего течения Янцзы, поставлявшегося главным образом из районов среднего ее течения, упали по тем же причинам, что и объемы ввоза хлопка из Северного Китая (рост населения и прогресс протопромышленности в относительно менее развитом регионе), снижение это было не столь стремительным, а повышение товарообмена с Маньчжурией могло привести к небольшому уменьшению дефицита благодаря ввозу менее значимых видов зерновых; главной статьей ввозимых товаров была соя, перерабатывавшаяся в удобрение, однако кроме сои осуществлялись и поставки пшеницы (при этом часть сои все же шла в пищу). Таким образом, несмотря на то что предположение о том, что после 1750 г. цены на хлопок-сырец повышались с той же скоростью, что и цены на рис, является всего лишь предположением, оно, вероятно, достаточно умеренно.

Если мы применим тенденции цен на рис к хлопку, то стоимость хлопка-сырца, требующегося для изготовления ткани стоимостью 1000 цянй, должна была увеличиться к 1800 г. с 533 (в соответствии с рассмотренными выше данными из работы Фаня) до 654 цянй. Это означало снижение стоимостной доли труда с 467 до 346 цянй или примерно 25% в процентном выражении. А притом что цены на рис в течение того же 50-летнего периода увеличились на чуть более чем 20%<sup>26</sup>, то в реальном выражении снижение доходов составило примерно 40%. Если мы используем тот же принцип оценки применительно к 1840 г., то обнаружим, что по состоянию на эту дату стоимостная доля хлопка в ткани ценой 1000 цянй выросла уже до 702 цянй, а заработок работника текстильной отрасли соответственно упал

26. Wang 1992: 41–44.

до 298 цяней; если же учесть тот факт, что стоимость 1 ши риса увеличилась до 2,20 таэля, то окажется, что в реальном выражении снижение доходов в течение 90-летнего периода составило 52%.

Однако, как мы удостоверились, вполне вероятно, что наш сценарий низких цен является более типичным, и здесь мы также можем вести речь о двух вариантах. В первом случае речь идет о применении тех фрагментарных показателей по ценам на хлопок в XVIII в., которые предлагает Кишимото. Во втором — об использовании ее вывода о том, что в XVII в. тенденции цен на хлопок повторяли тенденции цен на рис применительно к XVIII и началу XIX столетия. При этом в силу ограниченности данных, которыми мы располагаем, речь в обоих случаях идет лишь о приблизительных оценках.

### СЦЕНАРИЙ В

Кишимото удалось собрать ряд данных, касающихся цен на хлопок-сырец в Цзяннане, свидетельствующих о том, что в период между 1750 и 1800 гг. произошло более чем двукратное их увеличение, хотя здесь мы снова сталкиваемся с трудностями, связанными с тем, чтобы отделить реальные тенденции от краткосрочных колебаний<sup>27</sup>. При этом, как мы смогли убедиться, эти данные позволяют проводить достаточно взвешенную оценку доходов при их использовании с показателями цен на ткани периода середины века, которые предлагают Джань Джоньмин и Фань Синь, хотя при использовании с показателями из трактата «О хлопке» оценочный уровень дохода оказывается чрезвычайно высоким. Если же теперь применительно к 1750 г. мы воспользуемся нашим сценарием низких цен, основанным на ценах на хлопок, предлагаемых Кишимото, и ценовых показателях по тканям, которые приводят Джань Джоньмин и Фань Синь, и умножим цену на хлопок-сырец в два раза, то стоимостная доля сырья в рулоне ткани ценой 480 цяней увеличится со 120 до 240 цяней, а доля заработка прядильщицы-ткачихи соответственно упадет с 360 до 240 цяней — 33-процентное снижение в номинальном выражении. Если же для периода до 1800 г. учитывать и рост цен на рис (приведенные Кишимото данные обрываются в 1794 г.), то получится, что снижение реальных доходов составило 45%. Если мы предположим (в отсутствие соответствующих данных), что до 1840 г.

27. Kishimoto 1997: 139.

дальнейшего повышения цен на хлопок не происходило, имевший место рост цен на рис все равно доводит снижение реальных доходов почти до 50%; если же допустить, что в период после 1800 г. цены на хлопок продолжили повышаться, то снижение уровня заработка должно было быть еще более выраженным.

### Сценарий Г

Наконец, давайте применительно к середине столетия снова используем наш сценарий низких цен, однако теперь с допущением, что тенденции цен на хлопок-сырец следовали за тенденциями цен на рис. В этом случае в период между 1750 и 1840 гг. стоимостная доля хлопка в рулоне ткани ценой 480 цяней возрастает со 120 до 158 цяней, а доля заработка прядильщицы-ткачихи снижается с 360 до 302 цяней — падение почти на 33%. Ву и Сю ссылаются в своей работе на источник середины XIX в., согласно которому в 1821 г. 1 дань (100 цзиней) хлопка-сырца продавался за 3200 (предположительно медных монет)<sup>28</sup>, что очень близко к приведенному Кишимото показателю стоимости неочищенного хлопка семьдесятю годами ранее; согласно тому же источнику 10–20 годами позже обычной стала уже цена в 4500–5000 (цяней); при этом как данный источник, так и другие указывают на более сильные кратковременные колебания цен. Таким образом, эти данные указывают на практически тот же показатель роста цен в течение ста с небольшим лет, что и допущение о том, что тенденции цен на хлопок-сырец следовали за тенденциями цен на рис с тем отличием, что, согласно этим данным, почти весь рост цен на хлопок-сырец пришелся на последние 20 лет рассматриваемого периода.

Если мы воспользуемся индексом цен на рис и повысим стоимостную долю сырья в применяемой нами цене на ткань со 120 до 158 цяней, то доля дохода прядильщицы-ткачихи снизится с 360 до 302 цяней, что представляет собой достаточно умеренное снижение дохода в номинальном выражении — всего 16%. Однако при учете цен на рис даже данный сценарий предполагает 37%-ное снижение реального дохода к 1840 г. (По состоянию на 1800 г. стоимостная доля хлопка составляла бы 147 цяней, а доля труда прядильщицы-ткачихи — 333 цян, то есть снижение дохода должно было составить 7% в номинальном выражении и 25% — в реальном.)

28. Wu and Xu 1985: 323.

# Оценочные показатели производства хлопка и шелка в нижнем течении Янцзы и в Китае в целом в 1750 году и в более поздних периодах: сравнение с показателями по Соединенному Королевству, Франции и Германии

## Производство шелка в Гуандуне

Для оценочных расчетов объемов производства шелка мною были выбраны лишь два крупнейших производственных региона — Гуандун (главным образом дельта реки Чжуцзян) и Дельта Янцзы. Что касается Гуандуна, то применительно к нему мною был использован тот же метод, что и для оценки производства сахара, описанный в главе 3. Начнем с данных Роберта Маркса по общему показателю возделываемых территорий и по площадям земель, необходимых для производства пищевых культур. Это приводит нас к следующему результату: в 1753 г. под непищевые культуры использовалось по меньшей мере 16,8 млн му земли. (Маркс полагает, что в действительности показатель мог быть на 20% выше.) Далее мы исходим из предположения, что одна десятая данных площадей (1,68 млн му) использовалась для выращивания тутового дерева, необходимого в культивации шелкового червя, точно так же как мы поступили при расчетах производства сахара. Это почти наверняка заниженный показатель, поскольку тутовое дерево и сахарный тростник были в провинции самыми распространенными непищевыми культурами, а поскольку речь идет о показателе общей площади засаженных тутовым деревом угодий во всей провинции, необходимо отметить, что он ниже показателя соответствующих площадей в трех крупнейших шелкопроизводящих округах провинции по состоянию на 1920-е гг. и намного ниже общего показателя по округам, территориально относящимся к дельте. Если воспользоваться данными Алвина Соу, согласно которому для прокорма шелковых червей, необходимых для производства 1 пикюля (133 фунтов) высококачественного шелка, требовалась плантация тутового дерева пло-

щадью 20 му<sup>1</sup>, то указанные 1,68 млн му могли быть достаточными для получения 11 млн фунтов шелка в год.

При этом на Гуандун приходилась примерно одна четвертая общих объемов экспорта шелка<sup>2</sup>. Поскольку единственный порт, открытый для торговли с иностранцами, располагался именно в Гуандуне, находясь на сотни миль дальше от основных внутренних рынков высококачественного шелка (долины нижнего течения Янцзы и столичного округа), чем второй главный шелкопроизводящий регион страны (Дельта Янцзы), представляется маловероятным, чтобы в Гуандуне шелковое производство было нацелено на экспорт в *меньшей* степени, чем в Дельте Янцзы. В связи с этим есть все основания предполагать, что по показателю производства шелка Дельта Янцзы вряд ли могла уступать Гуандуну более чем в три раза (33 млн фунтов), а в действительности он был, скорее всего, гораздо выше: данное примечание следует иметь в виду, поскольку мы переходим к оценке объемов производства шелка в данном регионе.

### Производство шелка в Цзяннане

Что касается Дельты Янцзы, то мы располагаем гораздо более подробной информацией по возделывавшимся здесь культурам. Ванг Йе-Чьен провел тщательную оценку объемов потребления и ввоза пищевых продуктов в 14 префектурах, образующих регион Дельты<sup>3</sup>; предложенные им данные могут быть использованы для получения оценочных показателей площадей, использовавшихся для производства пищевых культур, которые шли на удовлетворение местных потребностей. В качестве среднего объема урожая был взят предложенный Перкинсом показатель 1,9 ши шелушеного риса с 1 му земли<sup>4</sup>. Кроме того, я воспользовался собственными показателями Ванга по численности населения каждой из префектур<sup>5</sup>, которые касаются ситуации по состоянию на 1778 г., однако в период после 1750 г. численность населения в данном регионе увеличивалась медленно, и показателями возделываемых площадей (в му) из официальных налоговых ведомостей, в которых эти цифры, разумеется, не слишком велики,

1. So 1986: 80.

2. Ibid., p. 81n. 2.

3. Wang 1989.

4. Perkins 1969: 21.

5. Wang 1989: 427.

приведенными в работах Перкинса и Ляня Фанчжонга<sup>6</sup>. (Речь идет о данных как за 1735 г., так и за 1820 г., которые по большинству префектур у авторов достаточно близки.)

Отличие моего подхода от подхода, примененного Вангом, касается лишь двух моментов, которые должны будут отразиться на моей оценке объемов производства. Во-первых, я не стал учитывать данные по трем префектурам, расположенным на северной стороне Янцзы. Хотя в этих префектурах производились и хлопок, и шелк, в них располагались крупные соляные прииски, что осложняет задачу по распределению площадей, не занятых зерновыми, между другими культурами. Полный отказ от их учета самым естественным образом ведет к снижению моих итоговых оценочных показателей. Во-вторых, мною был использован оценочный показатель среднедушевого потребления зерновых 2,2 ши риса или эквивалентного объема, а не показатель 2 ши, предлагаемый Вангом: благодаря этому мои расчеты согласуются с расчетами Маркса по Гуандуну; кроме того, это означает, что под зерновые были отданы большие площади земли, чем предполагается Вангом.

Общие результаты моих расчетов, касающихся тех площадей префектур дельты, что были заняты незерновыми культурами, приведены в табл. Е.1; полученные мною результаты в целом либо совпадают с теми оценочными показателями современников, цитируемых Вангом, согласно которым (к примеру) половина площадей той или иной префектуры была занята хлопчатником, либо уступают им.

После того как мы получили оценочные показатели площадей под незерновыми культурами, нам требуется определить доли данных площадей, занятых той или иной незерновой культурой. В данном регионе подобные земли отдавались прежде всего под выращивание хлопчатника и тутового дерева, а не под многообразные товарные культуры, как это было характерно для Гуандуна; соответственно, мы можем обойтись без таких заниженных оценочных показателей, как одна десятая не занятых зерновыми площадей, которая была определена нами под производство сахара и шелка в Гуандуне. Вместо этого мы можем руководствоваться тем, что Ванг характеризует отдельные из рассматриваемых префектур как занятые в основном либо производством хлопка, либо производством шелка, либо и тем и другим, хотя для обеспечения взвешенности наших оценок мы намерен-

6. Perkins 1969: 230; Liang Fangzhong 1981: 401-413.

Таблица Е.1  
Оценочные показатели площадей, занятых незерновыми культурами, в префектурах Дельты Янцзы в 1750 г.

| <i>Префектура</i> | <i>Возделываемые площади</i> | <i>Площади, занятые зерновыми</i> | <i>Площади, занятые незерновыми культурами</i> |
|-------------------|------------------------------|-----------------------------------|--|
| Сучжоу            | 6254000                      | 3471209                           | 2782791  |
| Сунцзян           | 4048871                      | 1877230                           | 2171641  |
| Тайцан            | 3962671                      | 1263409                           | 2699262  |
| Чанчжоу           | 5579264                      | 3222943                           | 2356321  |
| Чжэньцзян         | 5200023                      | 1815028                           | 3384995  |
| Цзянинь           | 5233949                      | 1798866                           | 3435083  |
| Ханчжоу           | 4284327                      | 1733300                           | 2551027  |
| Цзясин            | 4356442                      | 1538385                           | 2818057  |
| Хучжоу            | 6136678                      | 1406438                           | 4279640  |
| Нинбо             | 4066059                      | 1290984                           | 2775075  |
| Шаосина           | 3492271                      | 2955317                           | 536954   |

<sup>а</sup> Шаосин—единственная префектура, данные по которой относительно возделываемых площадей за 1735 и 1820 гг. сильно разнятся; показатель за 1820 г. (6765514 му) почти вдвое превышает расчетный. При его использовании доля площадей Шаосина, занятых незерновыми культурами, увеличилась бы почти до 60%, что в гораздо большей степени согласуется с соответствующими процентными показателями по прочим префектурам, чем те 15%, что использованы мною. Тем не менее я принял решение применить более низкий (и наверняка менее точный) показатель, чтобы избежать переоценки объемов производства шелка и хлопка.

но занижаем соответствующие площади (по ряду префектур на 50%).

Ханчжоу, Хучжоу и Цзясин были сосредоточены прежде всего на производстве шелка при весьма малых площадях хлопчатника; в сумме на них приходилось 10098724 му товарных культур, что позволяло производить 66651578 фунтов высококачественного шелка. Если предположить, что под тутовое дерево было выделено лишь три четверти данных площадей, этого все равно было бы достаточно для производства почти 50 млн фунтов шелка. В Сучжоу, Нинбо и Шаосине доли площадей хлопчатника и тутового дерева были сопоставимы. В соответствии с нашими более ранними расчетами на данные префектуры приходилось 6094820 му товарных культур. Хотя показатель по Сучжоу и представляется несколько заниженным исходя

из почти единодушного мнения о том, что это была самая развитая в коммерческом плане префектура империи, заниженным, вне всякого сомнения, является и показатель по Шаосину (см. пояснение к табл. Е.1): я намеренно сократил размеры площадей, чтобы быть в своих расчетах предельно сдержанным. Это дает нам показатель 3947 410 му, который следует разделить поровну между плантациями хлопчатника и тутового дерева; подобный подход увеличивает объемы производства высококачественного шелка на 10056453 фунтов. Таким образом, даже сделав все эти допущения и предположив, что в оставшейся части дельты шелк не производился (что, разумеется, не соответствует действительности), мы приходим для рассматриваемого региона к показателю 60 млн фунтов шелка в год или два фунта на душу населения. При этом было бы совсем не сложно обосновать и вдвое больший показатель.

Рассчитать общенациональные объемы производства чрезвычайно трудно, поскольку мы решили не учитывать большое число задействованных в производстве территорий, а по двум рассматриваемым регионам попытаться получить взвешенные показатели. Тем не менее следует заметить, что даже если бы приведенные выше цифры и составляли общий объем производства шелка в Китае, речь шла бы о почти 71 млн фунтов или 5,1–6,5 унции в год на душу населения (составлявшего 175–225 млн человек) — не слишком много, но не столь уж и мало для изделия, относившегося к предметам роскоши.

### Производство хлопка в Цзяннане

Применяя вышеуказанный подход, мы пришли к выводу, что в префектурах с сопоставимыми объемами производства хлопка и шелка под хлопчатник было отдано 1523705 му площадей, при том что мы намеренно сократили площади непищевых культур на 50%. При объемах урожая, свойственных данной территории и составлявших, судя по всему, около 39 фунтов очищенного хлопка с 1 му, можно говорить об общих объемах производства, равных 59424495 фунтов. Если затем мы воспользуемся показателями тех префектур дельты, которые специализировались прежде всего на культивировании хлопчатника, умножив их на тот же показатель урожайности, то получим 547764778 фунтов хлопка. В сумме с вышеуказанными объемами это дает нам чуть более 600 млн фунтов. Опять же с целью добиться точности расчетов я намеренно сократил данный показатель до 500 млн фун-

тов. Но даже в этом случае объемы производства хлопка на душу населения в Цзяннане составляют немногим более 16 фунтов на человека.

Для оценки того, сколько именно хлопка использовалось для производства ткани в самом Цзяннане, требуется выполнить два действия. Во-первых, нам следует учесть хлопок, использовавшийся для целей, не связанных с изготовлением ткани (речь прежде всего идет о набивке для верхней одежды и стеганых одеял). У нас нет данных по объемам хлопка, использовавшегося на эти цели в XVIII в., однако в XX в. соответствующий общенациональный показатель составлял в Китае примерно 1,3 фунта из расчета на душу населения<sup>7</sup>. Если предположить, что в XVIII в. ситуация была аналогичной, то можно сказать, что объемы хлопка, доступного для прядения и производства ткани, составляли в Цзяннане около 14,7 фунта на человека; я округлил данный показатель до 14,5.

Во-вторых, нам следует принимать в расчет хлопок, ввозившийся в Цзяннань из Северного Китая, и хлопок, вывозившийся из Цзяннаня в районы юго-восточного побережья и в Линнань (главным образом в обмен на сахар). К сожалению, мы почти не располагаем достоверными данными по объемам этих потоков товаров. Отдельные свидетельства указывают на то, что в XVIII в. объемы ввозимого в Цзяннань хлопка, вероятно, превышали объемы вывозимого; таким образом, если данные потоки товарообмена попросту не учитывать, то это позволит нам избежать завышения показателей местного производства тканей. Я принял данный подход в качестве временной стратегии, применив показатели производства тканей из предыдущего абзаца. Тем не менее существуют основания полагать, что, несмотря на данные свидетельства, даже в 1750-х гг. Цзяннань *вывозил* значительно больше хлопка, чем ввозил; а поскольку в течение последующих 100 лет спрос на хлопок в Линнане возрастал, в то время как его ввоз из Северного Китая сокращался, то к 1850 г. объемы вывоза хлопка из Цзяннаня уже определенно превышали объемы его ввоза. К сожалению, при имеющихся в нашем распоряжении данных оценить объемы указанных товаропотоков не представляется возможным (к счастью, это не мешает расчетам общенациональных объемов производства), и мы можем только гадать, как сильно они сказываются на наших расчетах региональных показателей.

7. Chao 1977: 233.

Одно из оснований полагать, что Цзяннань вывозил хлопко-сырец, заключается в том, что для его населения было бы сложно, хотя и возможно, обращать весь производимый в регионе хлопок в ткань. Если использовать показатели, касающиеся размеров рулонов ткани и производительности труда женщин (приложение Е), то 450 млн фунтов хлопка, остающиеся после вычета объемов, применявшихся в качестве набивочного материала, были бы достаточными для изготовления 30 млн рулонов ткани, на что потребовался бы труд 10 млн женщин, занятых 210 дней в году. В 1750 г. в Цзяннане проживало примерно 16 млн женщин; если возрастная структура населения была примерно той же, что и в начале XX в., можно сказать, что число женщин региона в возрасте от 10 до 50 лет составляло как раз 10 млн<sup>8</sup>. Поскольку нам известно, что достаточно большое число женщин было занято в шелководстве и множестве прочих, не связанных с прядением хлопка и производством хлопчатобумажных тканей задач, сложно понять, откуда было взяться достаточному для изготовления хлопчатобумажного текстиля числу взрослых женщин.

Здесь возможно несколько решений. Первое состоит в предположении о том, что в прядении (но не в ткачестве) активно применялся труд девяти-, а может быть, и восьмилетних девочек; это представляется правдоподобным, хотя их число не могло превышать 300 тыс. человек. Количество же женщин в возрасте старше 50 лет должно было быть гораздо более значительным (возможно 2,5 млн, и некоторые из них, вне всякого сомнения, занимались прядением и ткачеством, хотя сколько именно, нам неизвестно. Мужчины также занимались ткачеством, однако мы не знаем, в каких именно объемах. Вполне возможно, что мой в достаточной мере произвольный показатель продолжительности рабочего года (210 дней) для женщин, занятых прядением и ткачеством, слишком низок (как мы выяснили, в начале XX в. он составлял более 300 дней), однако его пересмотр в сторону увеличения сделал бы заработки женщин (и домохозяйств) неправдоподобно высокими. При этом нельзя исключать, что эти различные факторы могли бы помочь привести наши оценочные показатели производительности труда в соответствие с предположением о том, что Цзяннань вывозил столько же хлопка-сырца, что и вывозил, тем не менее более вероятным представляется предположение о существовании

8. Buck 1964: 377.

разницы между объемами ввоза и вывоза, которая объясняется последним фактором (вывозом). Вполне вероятно, что часть хлопка вывозилась в близлежащие территории, такие как, например, три достаточно преуспевающие префектуры, прилегающие к Цзяннаню с севера: вполне возможно, что в данных префектурах, которые Ван Йе-Цьен включает в состав Дельты Янцзы, проживало еще 1,5 млн женщин в возрасте 10–49 лет.

Остальная часть разницы должна была вывозиться в районы юго-восточного побережья и Линнань. На то, что объемы вывозимого из Цзяннаня хлопка были значительными, указывают свидетельства о процветающей текстильной отрасли в этих двух регионах, которые сами производили лишь небольшие объемы хлопка, и хотя они ввозили часть его из Индии, объемы данного импорта были недостаточными. Указывают на это и объемы сахара, ввозимого из данных регионов в Цзяннань: вполне вероятно, что речь идет о 300 млн фунтов; при этом фунт (белого) сахара стоил примерно столько же, сколько и фунт очищенного хлопка<sup>9</sup>. Современниками товарообмен между Линнанем и Цзяннанем определяется прежде всего как обмен именно этими двумя категориями товаров; как следствие, легко предположить, что, в свою очередь, Цзяннань вывозил 300 млн фунтов очищенного хлопка, однако у нас нет никаких свидетельств о том, что торговля между двумя регионами была сбалансированной, или об объемах прочих участвующих в ней категорий товаров, среди которых были различные дорогостоящие предметы потребления. А поскольку масштабы товаропотока из Северного Китая оценить еще сложнее (см. с. 335–337), то попытки определить, как сильно нам следует сократить наши показатели, касающиеся объемов производимой в Цзяннане ткани, будут тщетными; до появления дополнительных данных оптимальным представляется предположение о том (принимая во внимание прочие наши допущения, направленные на то, чтобы оценочный показатель был предельно взвешенным), что показатель 14,5 фунта на душу населения, вероятно, выше, чем тот, что имел место в действительности, хотя и незначительно.

В только что опубликованном, но уже доказавшем свою значимость труде Ли Бочжонга предлагаемый показатель по объемам производства тканей в Цзяннане значительно ниже того, к которому пришел я. (При этом общенациональных показате-

9. Сведения по ценам на сахар см. в: Mazumdar 1984: 64; по ценам на хлопок — в приложении Е.

лей он не касается.) Любопытно здесь то, что предлагаемый им показатель отражает оценку объемов производства из расчета на одного трудящегося, которая весьма близка к той, к которой пришел я<sup>10</sup>, однако Ли Бочжонг полагает, что прядением и ткачеством была занята гораздо меньшая доля населения Цзяннаня.

Ли Бочжонг использует применительно к Цзяннаню показатель потребления тканей одной из его префектур, Сунцзяна, рассчитанный Су Синву; далее он использует предложенный Ву и Су показатель экспорта для расчетов общих объемов производства тканей в Цзяннане<sup>11</sup>. Однако если только производившаяся в Сунцзяне ткань не отличалась необычайно большим весом, то предлагаемый Су показатель, выражающий количество рулонов, ведет нас к такому оценочному значению среднеловового потребления ткани в Сунцзяне, возможно самой богатой префектуре империи, которое оказывается существенно ниже даже самого осторожного общенационального показателя, предложенного Ву и Су (см. с. 337). Отталкиваясь от данного показателя объемов производства, Ли рассчитывает число занятых в текстильной отрасли женщин<sup>12</sup>. Тот факт, что полученный показатель достаточно близок к предполагаемому им числу домохозяйств, не занятых сельскохозяйственной деятельностью, рассматривается как достоверный, однако подобный подход чреват ошибками, принимая во внимание то огромное количество семей, которые занимались и сельским хозяйством, и текстильным производством. В нижеследующем тексте я попытаюсь продемонстрировать, что оценочные значения, полученные на основе числа занятых в текстильной отрасли лиц, гораздо ближе к более высокому показателю, предложенному мною.

Ли исходит из предположения о том, что примерно 1,4 млн домохозяйств (в каждом в текстильной отрасли были заняты и мать и дочь), проживавших в рассматриваемой им части Цзяннаня, могли производить примерно 60% того, что принимается им за общие объемы производства ткани в Цзяннане. Если допустить, что остальные объемы ткани производились аналогичными домохозяйствами с той же скоростью, это дает нам показатель рабочей силы, равный примерно 2,3 млн пар мать—дочь, что составляет менее половины сельских домохозяйств,

10. Bozhong 1998: 150–51, 219n. 28.

11. Ibid., p. 109.

12. Ibid., p. 185n. 10.

или эквивалент, соответствующий занятости в текстильной отрасли 3,5 млн взрослых, — около 19% общего показателя рабочих ресурсов Цзяннаня. Цифры эти представляются чрезмерно низкими.

Ли отмечает, что различные источники, относящиеся к раннему и среднему периодам правления династии Цин, оценивают число трудящихся Цзяннаня, не занятых в сельском хозяйстве, в 50–70% от общего числа рабочих ресурсов региона, но при этом считает, что эти цифры чрезмерно высоки<sup>13</sup>. Вместо этого он полагается на показатели 1930–40-х гг., согласно которым в сельскохозяйственном производстве не были заняты лишь немногим более 10% домохозяйств сельской местности, рассматривая данную цифру в качестве взвешенной оценки. Ли также полагает, что 15% населения Цзяннаня проживало в городах<sup>14</sup>.

Ли почти наверняка прав в том, что показатель, согласно которому 10% сельских домохозяйств не принимали участия в сельскохозяйственном производстве, слишком занижен для реалий XVIII и XIX столетий, причем, вероятнее всего, занижен существенно. (Тем не менее он использует его в целях обеспечения точности своей оценки.) Во-первых, к 1930-м гг. прядение в сельской местности пришло в упадок, не выдержав конкуренции со стороны городских механизированных производств. Во-вторых, как уже указывалось в главах 5 и 6, существуют серьезные основания полагать, что к 1930-м гг. объемы изготовления тканей в Цзяннане снизились, а оставшиеся производства переместились в города. Более того, показатели поставок зерновых в Цзяннань из других регионов Китая в 1930-х гг. представляются более низкими по сравнению с показателями, которые отмечались двумя столетиями ранее, несмотря на значительный рост городского населения; это подтверждает свидетельства того, что объемы местного производства зерновых возрастали главным образом за счет увеличения трудозатрат. Определенная доля такого увеличения, вне всякого сомнения, обеспечивалась за счет повышения трудового вклада со стороны каждого индивидуального трудящегося, однако есть все основания предполагать и рост количества занятых в сельскохозяйственном производстве. Как следствие, двумя столетиями ранее доля тех сельских домохозяйств в Цзяннане, которые

13. Bozhong 1998: 22–23.

14. Ibid., p. 20–22.

не участвовали в сельскохозяйственном производстве, наверняка значительно превышала 10%. А поскольку в ряде данных домохозяйств в текстильное производство были вовлечены как мужчины, так и женщины, это должно было существенно увеличить число участвующих в изготовлении тканей лиц. Если прибавить сюда объемы производства в городах и в тех из сельских земледельческих домохозяйств, где женщины участвовали в изготовлении тканей, а это более половины всех подобных домохозяйств (здесь уместно вспомнить замечание самого Ли о том, что эпоха Цин наконец-то стала временем почти полного триумфа концепции «мужчина пашет, женщина ткёт» в системе разделения труда в Цзяннане<sup>15</sup>), то прийти к значительно более высоким показателям производства тканей в Цзяннане совсем несложно. Сделанное ранее упрощающее предположение о том, что объемы вывозимого из Цзяннаня хлопка и объемы ввозимого уравнивали друг друга, может дать несколько завышенные показатели, однако точность расчетов обеспечивается рядом других факторов, и я продолжаю считать, что моя оценка, согласно которой в 1750 г. показатель производства хлопка на душу населения составлял в Цзяннане более 14 фунтов, остается в рамках допустимых значений.

### Сравнение с показателями по Соединенному Королевству

Предлагаю взять указанные цифры за примерный оценочный показатель. Что же касается показателей по Соединенному Королевству, то здесь в 1800 г. общие объемы производства хлопка, шерсти, шелка и льна из расчета на душу населения составили 12,9 фунта<sup>16</sup>, и это уже после начала распространения по стране технологических нововведений в текстильном производстве. (Поскольку из фунта льна или шерсти обычно выходило меньше квадратных футов ткани, чем из фунта хлопка, то объединение этих разных текстильных волокон в одно целое, во-первых,

15. Bozhong 1996: 99–107.

16. Deane and Cole 1962: 51, 185, 196, 202. Данные по численности населения из: Mitchell 1988: 9–10. В идеале было бы предпочтительным сравнить Дельту Янцзы и Британию, поскольку данные по Ирландии, скорее всего, занимают среднедушевые показатели, в то время как в Дельте Янцзы местности, схожей по размерам территории и уровню бедности с Ирландией, не было, однако мне не удалось разбить общенациональные показатели по Соединенному Королевству на составные части.

упрощает сравнение, а во-вторых, делает его менее выгодным для Китая.) К сожалению, нам неизвестно, сколько именно произведенной в Дельте Янцзы ткани вывозилось из данного региона; доля вывозимой ткани вполне могла быть выше показателя по Соединенному Королевству, где на экспорт шла примерно треть от общих объемов производства<sup>17</sup>, что делает объемы *потребления* ткани в данном регионе более низкими по сравнению с уровнем потребления в Соединенном Королевстве. При этом многое указывает на примерную схожесть объемов производства и, возможно, потребления этого важнейшего изделия в наиболее развитых с производственной точки зрения регионах Китая и Европы, особенно если вспомнить, что в 1753 г. количество населения рассматриваемых префектур Дельты Янцзы составляло 31 млн человек, что почти в два раза превышало показатель по Соединенному Королевству.

### Общенациональные объемы производства и сравнение с показателями по прочим частям Европы

Если попытаться сравнить весь Китай со всей Европой, то проблема наличия соответствующих данных становится еще более острой. Данные оказываются слишком фрагментарными, а производство — слишком неоднородным географически, чтобы позволить нам сконцентрироваться на нескольких ключевых регионах. Исключением здесь, как мы уже убедились, является шелк, большая часть производства которого в Китае была, скорее всего, сосредоточена в Дельте Янцзы, возможно до трех четвертей его объемов. При этом в общих объемах производства тканей изготовление шелковых тканей занимало лишь незначительное место, а хлопчатобумажное производство отличалось значительной географической разнородностью.

К сожалению, методы, используемые нами для получения оценочных показателей по объемам производства сахара, шелка и хлопка (последнее — по Цзяннаню), оказываются несостоятельными при расчетах применительно к большим, но менее коммерчески развитым регионам. В подобных случаях сравнительно небольшие изменения в наших допущениях, например относительно среднечеловеческого потребления продуктов питания, могут запросто увеличить в наших оценках площади земель,

17. Deane and Cole 1962: 185, 196, 202.

доступных для культивации хлопчатника, в два-три раза (скажем, с доли в 3–9% от чрезвычайно большого показателя общих площадей). Как следствие, нам следует воспользоваться другим подходом, который состоит в том, чтобы отталкиваться от данных более позднего периода.

В 1870 г. вскоре после подавления восстаний няньцзюней и тайпинов объемы собираемого в Китае хлопка составили около 1,85 млрд фунтов<sup>18</sup>. К 1900 г. данный показатель снизился примерно до 1,5 млрд фунтов, после чего начался новый, продолжающийся до сих пор рост объемов производства. Вполне вероятно, что в 1750 г. объемы производства были лишь немногим ниже, что означает более высокий показатель из расчета на душу населения. Подобное утверждение может показаться странным, однако оно основано на последовательном изучении основных хлопкопроизводственных регионов Китая.

Во-первых, важно иметь в виду, что крупных регионов, где выращивание хлопчатника началось лишь в эпоху династии Цин, было немного<sup>19</sup>. В период после 1750 г. в провинциях, примыкавших к среднему течению Янцзы, было отмечено увеличение площадей хлопчатника, однако в число крупных производителей они никогда не входили. Между тем ряд важных хлопкопроизводственных территорий в западных провинциях Сычуань и Шэньси занялись выращиванием еще одной товарной культуры — опийного мака, культивация которого зачастую производилась в ущерб производству хлопка; часть территорий переключились на производство опийного мака в период до 1870 г., а некоторые — после<sup>20</sup>. При наличии достаточно большого количества территорий культивации хлопчатника, разбросанных по всему Китаю, наиболее важными из них в 1750 и 1870–1900 гг. были долина нижнего течения Янцзы и Северный Китай. Что касается долины нижнего течения Янцзы, то особых оснований полагать, что в течение XIX в. здесь имело место расширение производства хлопка, нет. В коммерчески наиболее развитых частях региона в период между 1750 и 1850 гг. не было отмечено ни прироста населения, ни увеличения возделываемых площадей; впрочем, в остальных частях региона они были весьма незначительными. После катастрофы середины

18. Расчеты на основе данных из: Chao 1977: 233 и Kraus 1968: 162.

19. Zhao 1977: 23.

20. Там же.

ХІХ в., приведших к сильному сокращению и численности населения, и возделываемых территорий, население и сельскохозяйственные площади к 1900 г., возможно, восстановились, однако в период до 1949 г. дальнейшего их прироста практически не происходило<sup>21</sup>. А поскольку сведения, которыми мы располагаем, указывают на то, что в 1750 г. площади земель, отданных под товарные культуры, в данном регионе были уже так велики, что на протяжении двух последующих столетий их дальнейшего прироста не отмечалось (так, в 1930-е гг. объемы поставляемого в данный регион риса, возможно, были ниже показателя 1750-х гг., что может служить указанием на то, что часть земель вновь начала использоваться для выращивания пищевых культур), можно было бы заключить, что площади эти на протяжении всего двухсотлетнего периода оставались неизменными. Тем не менее площади хлопчатника вполне могли и уменьшиться, по крайней мере к 1900 г., поскольку после 1870 г. территория возделывания тутового дерева возросла. И хотя наши сведения о показателях урожаев весьма фрагментарны, они не дают никакого основания полагать, что в период между 1750 и 1900 гг. в долине Янцзы могло иметь место увеличение объемов производства хлопчатника. Подобного увеличения и не следовало бы ожидать, поскольку каких-либо существенных изменений ни в технологиях, ни в объемах трудозатрат (при отсутствии прироста населения) не произошло.

Что же касается Северного Китая, то данных по нему у нас очень мало, при этом показатели площадей земель, отданных под хлопчатник, могли колебаться здесь в большей степени, чем в других частях страны. С одной стороны, оценки Крауса указывают на то, что в 1900 г. на Шаньдун и Хэбэй приходилось лишь 3 млн му хлопчатника; к 1920-м гг. данный показатель увеличился до 5–6 млн му (несмотря на серьезный ущерб, нанесенный в результате военных действий) и еще больше — в 30-х гг.<sup>22</sup> (Производители Шаньдун и Хэбэй входят в число трех главных производителей хлопка в Северном Китае; каких-либо значимых данных по третьей провинции, Хэнани, мне найти не удалось.) Вполне вероятно, что данный прирост был лишь возвратом к предыдущим уровням, поскольку, как уже упоминалось,

21. Bozhong, 1994a: 34; Skinner 1977a: 213 — с корректировкой данных из: Skinner 1987.

22. Данные из: Kraus 1968 приведены в: Huang 1985: 126, 128.

в период между 1870 и 1900 гг. отмечалось снижение общенациональных показателей производства хлопка, и Северный Китай, переживший в конце XIX в. сильнейшие засухи, сделавшие выращивание такой «жадной» до воды культуры, как хлопчатник, крайне рискованным предприятием, представляется вполне логичным кандидатом на сокращение соответствующих площадей. Так, приведенные Краусом показатели по 1920-м гг. позволяют сказать, что доля хлопчатника в обеих провинциях едва превышала в данный период 3% от общей площади земледельческих угодий.

С другой стороны, Чао Канг цитирует источник XVIII в., согласно которому на хлопчатник приходилось 20–30% возделываемых земель в Чжили (название провинции Хэбэй в эпоху правления династии Цин) — 14–21 млн му только в данной провинции<sup>23</sup>. Согласно еще одному китайскому источнику XVIII в., известному как «Иллюстрированное пособие по выращиванию хлопчатника», 20–30% земель в Чжили к югу от Баодина были заняты именно этой культурой<sup>24</sup>. Основываясь на данном утверждении и показателе зарегистрированных земледельческих угодий за 1820 г. (35–50 млн му, что опять же, вероятно, является сильно заниженными цифрами), получаем, что только в данной провинции площади хлопчатника составляли 7–15 млн му. Если в Шаньдуне и Хэбэе хлопчатником было заняты хотя бы 10% земель, то речь идет о 17–24 млн му, что в 6–8 раз превышает показатель 1900 г.<sup>25</sup> Это также представляет собой примерный показатель площадей в двух провинциях, доступных для возделывания непищевых культур, если мы применим методы расчетов, использованные ранее для других регионов, приняв нереалистично низкие официальные цифры по возделываемым площадям и среднедушевой показатель потребления пищевых продуктов 2,2 ши в год<sup>26</sup>. Если же вместо этого допустить, что в 1750-х гг. площади возделываемых земель практи-

23. Chao 1977: 23.

24. Источник цитируется в: Zhang Gang 1985: 99. Показатели соответствующих площадей по Чжэндину, Сюньде, Гуанпину, Дамину, Ичжу, Чаочжоу, Шэньчжоу, Динчжоу и, возможно, Хэцзяню и самому Баодину из: Liang 1980: 401.

25. Для ознакомления с официальными данными по возделываемым площадям, которые представляются чрезмерно заниженными, и с их приемлемой корректировкой см.: Huang 1985: 325.

26. Роберт Маркс (Marks 1991: 77), отмечающий наличие оценочных показателей в диапазоне от 1,74 до 2,62 ши на душу населения, использует примени-

чески уже совпадали с показателями 1930-х гг., то показатель земель, доступных для выращивания непищевых культур, разрастается до неправдоподобного значения 70–90 млн му в зависимости от того, какой показатель среднедушевого потребления пищевых продуктов мы применяем — 2,2 или 2,5 ши; в любом случае хлопчатник оказывается самой популярной непищевой культурой. Соответственно, существуют серьезные основания полагать, что в 1750 г. Северный Китай выращивал гораздо больше *хлопка*, чем в 1870 или 1900 г.

Прочие данные косвенным образом это подтверждают. В 1750–1870 гг. население Шаньдуна и Хэбэя выросло на 40%, а к 1913 г. — на 80%, в то время как площади возделываемых земель росли гораздо медленнее. Перкинс высказал предположение, что никакого увеличения площади возделываемых земель и вовсе не произошло<sup>27</sup>. Мне подобное предположение представляется крайностью: как уже отмечалось в главе 5, я полагаю, что в 1800 г. площади лесов в данных провинциях были значительно большими по сравнению с показателями 1930-х гг. При этом даже сомнительные официальные показатели за 1750-е гг. указывают на почти 4%-ный прирост к 1873 г. и примерно 45%-ный — к 1930-м гг.; под приростом понимают значительные площади в дополнение к тем, что уже и так возделывались на протяжении долгого времени<sup>28</sup>. В прочих регионах Китая усугубление соотношения количества населения к площадям возделываемых земель компенсировалось значительным ростом урожайности, которого удалось достигнуть благодаря более интенсивному использованию удобрений (как навоза, так и соевого жмыха), большему разнообразию выращиваемых культур и возращанию трудового вклада на единицу площади (например, посредством особо тщательной прополки). Однако в Северном Китае не выращивались культуры, которые позволяли бы добиваться существенного повышения урожайности за счет дополнительных трудозатрат в той же мере, что и рис; дополнительные объемы удобрений сводились в основном к применению навоза, поскольку более эффективный соевый жмых был одновременно и более дорогостоящим; короткий земледельческий сезон делал масштабное увеличение ротации культур невозможным.

---

тельно к Линнаню, бывшему более благополучным по сравнению с Северным Китаем регионом, показатель 2,17.

27. Perkins 1969: 219.

28. Huang 1985: 322.

Более того, усугубление таких проблем, как заболочивание и засоление почв, в результате изменения в 1853 г. русла Хуанхэ почти наверняка привело к тому, что в провинции Шаньдун на площадях размером в миллионы му упала урожайность. Как следствие, представляется весьма вероятным, что площади земель, которые Северному Китаю требовалось выделять для повышения производства пищевой продукции, росли гораздо быстрее, чем общие площади, возделывавшиеся в регионе в период между 1750 и 1870, 1900 и даже 1930 гг.; это, в свою очередь, указывает на то, что в течение данного периода объемы производства хлопка в абсолютном выражении значительно снизились.

Таким образом, представляется весьма вероятным, что объемы производства хлопка в Северном Китае существенно упали, точно так же как это могло произойти и в Сычуане, и Шэньси, в то время как объемы его производства в долине нижнего течения Янцзы почти не изменились; и лишь в долине среднего течения Янцзы и (предположительно) Хэнане — двух менее значимых с точки зрения производства хлопка территориях — его объемы увеличились. Принимая во внимание эти региональные тенденции, можно сказать, что в 1750 г. общенациональные объемы производства хлопка в Китае не уступали показателю за 1870 г. и уж точно показателю за 1900 г.

Если мы примем показатель за 1900 г., вычтя хлопок, использовавшийся в качестве набивки и прочих целей, не требующих его прядения, и разделив полученные объемы на гораздо меньшую численность населения в 1750 г. (175–225 млн), то придем к среднему показателю, равному примерно 6,2 фунта; использование показателя за 1870 г. дает нам почти 8,0 фунта на человека. Данные показатели значительно выше тех, что предложены Су и Ву по состоянию на 1840 г. и рассчитаны исходя из показателей по XX в., что представляется весьма неоднозначным подходом, поскольку у нас нет единого мнения относительно того, что именно происходило с объемами производства и уровнем жизни населения в течение ста лет после 1840 г., — повышались они или же снижались<sup>29</sup>. Их показатель составляет 3,5 фунта из расчета на душу населения (включая хлопок, использовавшийся для набивки), в то время как мой минимальный оценочный показатель — 7,5 фунта с учетом использовавшегося для набивки хлопка. При этом разница меж-

29. Huang 1985: 322.

ду показателями не должна стать причиной для беспокойства. Если я прав, что общие объемы производства хлопка в период между 1750 и 1840 гг. изменились незначительно, в то время как численность населения удвоилась (Су и Ву используют для 1840 г. показатель 400 млн человек), то их оценочные показатели за 1840 г. должны быть примерно вдвое ниже моих показателей за 1750 г. Таким образом, мои оценочные показатели за 1750 г. представляются вполне приемлемыми, при этом минимальные показатели диапазона — более вероятными, чем максимальные.

Как это соотносится с европейскими показателями? По состоянию на 1800 г. общее потребление хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых и льняных тканей в Соединенном Королевстве (включая Ирландию) составляло примерно 8,7 фунта на душу населения<sup>30</sup>. В 1780-х гг. объемы производства льняной ткани во Франции составляли 6,9 фунта на душу населения при крайне малых объемах производства хлопчатобумажной (0,3 фунта на человека)<sup>31</sup>. Данные по шерстяным тканям существуют лишь в виде показателей квадратных ярдов, а не фунтов, и их точный перевод в весовые показатели зависит от типа тканей. При этом использование достаточно традиционного коэффициента указывает на то, что в 1800 г. объемы производства шерстяной ткани составляли 1,8 фунта на душу населения<sup>32</sup>. Таким образом, представляется вероятным, что во Франции объемы текстильного производства из расчета на душу населения схожи с нашими максимальными показателями по Китаю и примерно на одну треть выше минимальных. Самые ранние сведения по Германии, которые мне удалось обнаружить, указывают на гораздо меньшие по сравнению с Китаем показатели производства текстиля: в 1816 г. производство шерстяных тканей составило в стране всего 1,1 фунта на душу населения, хлопчатобумажных в 1838 г. — лишь 0,6 фунта, а льна в 1850 г. — 3,3 фунта, что в сумме не дает и 5 фунтов изделий текстильной отрасли на душу населения<sup>33</sup>. Благодаря импорту из Англии общий показатель потребления

30. Расчеты на основе данных из: Deane and Cole 1962: 51, 185, 196, 202.

31. Данные из: Mitchell 1980: 30, 448, 478.

32. Данные из: Markovitch 1976: 459; информация по единицам измерения представлена на с. 497. Для перевода в фунты я воспользовался предложенным Чао (Chao 1977: 234) показателем веса грубой хлопчатобумажной ткани и замечанием Дженкинса и Понтинга (Jenkins and Ponting 1982: 11–12) о том, что шерстяная пряжа была в полтора раза тяжелее хлопчатобумажной пряжи той же длины и толщины.

33. Данные из: Mitchell 1980: 30, 448, 464, 478.

тканей из расчета на душу населения, вне всякого сомнения, был выше, и все же вполне вероятно, что в начале XIX в. среднедушевой показатель по Германии уступал показателю потребления тканей, которое могло иметь место в Китае семьдесятю пятью годами ранее. При этом, разумеется, Германия намного опережала беднейшие регионы Европы, хотя у меня и нет соответствующих данных по Восточной и Южной Европе, относящихся к более раннему, чем конец XIX в., периоду, в то время как наши показатели по Китаю учитывают ситуацию в самых отдаленных и бедных районах империи. Следовательно, по сравнению с ситуацией в Европе потребление текстильных тканей в Китае в середине и конце XVIII в. выгодно отличалось.

# Литература

- Аллен, Роберт. 2014. *Британская промышленная революция в глобальной картине мира*. М.: Издательство Института Гайдара.
- Арриги, Джованни. 2006. *Долгий двадцатый век: деньги, власть и создание нашей эпохи*. М.: Территория будущего.
- Арриги, Джованни. 2009. *Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век*. М.: Институт общественного проектирования.
- Бродель, Фернан. 1986. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное*. М.: Прогресс.
- . 1988. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена*. М.: Прогресс.
- . 1992. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира*. М.: Прогресс.
- . 1993. *Динамика капитализма*. Смоленск: Полиграмма.
- Валлерстайн, Иммануил. 2016. *Мир-система Модерна I: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Зомбарт, Вернер. 2008. *Собрание сочинений в 3 томах. Том III: Исследования по истории развития современного капитализма*. СПб.: Владимир Даль.
- Ладюри, Ле Руа Э. 1993. Застывшая история, *THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем*. Вып. 2. 153–173.
- Лал, Дипак. 2007. *Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты*. М.: ИРИСЭН.
- Мокир, Джоэль. 2012. *Дары Афины. Исторические истоки экономики*. М.: Издательство Института Гайдара.
- . 2014. *Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс*. М.: Издательство Института Гайдара.
- . 2016. *Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг.* М.: Издательство Института Гайдара.
- Мур-младший, Баррингтон. 2016. *Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира*. М.: ВШЭ.
- Полань, Карл. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.
- Розанов, Б. Г., Таргульян, В. О., Орлов, Д. С. 1989. Глобальные тенденции изменения почв и почвенного покрова // *Почвоведение*. № 5. С. 5–18.
- Смит, Адам. 2007. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.

- Хиршман, Альберт О. 2009. *Выход, голос и верность. Реакция на упадок фирм, организаций и государств*. М.: Новое издательство.
- Фрис, Ян де. 2016. *Революция трудолюбия. Потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней*. М.: ИД «Дело» РАНХиГС.
- Чаянов, А.В. 1989. *Крестьянское хозяйство. Избранные труды*. М.: Экономика.
- Abel, Wilhelm. 1980. *Agrarian Fluctuations in Europe from the 13th to the 20th Centuries*. N. Y.: St. Martin's Press.
- Abu-Lughod, Janet. 1989. *Before European Hegemony: The World System, A.D. 1250–1350*. N. Y.: Oxford University Press.
- Adachi, Keiji. 1978. "Daizu kasu ryūtsū to shindai no shōgyōteki nōgyō." *Tōyōshi Kenkyū* 37:3. 35–63.
- Adshead, S. A. M. 1997. *Material Culture in Europe and China, 1400–1800*. N. Y.: St. Martin's Press; L.: MacMillan Press.
- Akamatsu Kaname. 1962. "A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries," *Developing Countries* 1: 3–25.
- Albion, R. G. 1965 (1926). *Forests and Sea Power: The Timber Problem of the Royal Navy*. Hamden, Conn.: Archon.
- Alexander, Paul, Peter Boomgaard, and Ben White. 1991. *In the Shadow of Agriculture: Non-farm Activities in the Javanese Economy, Past and Present*. Amsterdam: Royal Tropical Institute.
- Allen, Robert, Jean-Pascal Bassino, Debin Ma, Christine Moll-Murata, and Jan Luiten Van Zanden. 2011. "Wages, Prices and Living Standards in China 1738–1925: In Comparison with Europe, Japan, and India." *Economic History Review* 64:18–38.
- . 1982. "The Efficiency and Distributional Consequences of Eighteenth Century Enclosures." *Economic Journal* 92:4937–953.
- . 1992. *Enclosure and the Yeoman: The Agricultural Development of the South Midlands*. N. Y.: Oxford University Press.
- . 2000. "Economic Structure and Agricultural Productivity in Europe, 1300–1800," *European Review of Economic History* 4:11–25.
- . 2004. "Mr. Lockyer Meets the Index Number Problem: *The standard of Living in Canton and London in 1704*," July 2004, <http://www.iisg.nl/hpw/papers/allen.pdf>.
- . 2009a. *The British Industrial Revolution in Global Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . "Agricultural Productivity and Rural Incomes in England and the Yangzi Delta, ca. 1620–1820," *Economic History Review* 62:3 (August), pp. 525–550.
- Ambrosoli, Mauro. 1997. *The Wild and the Sown*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Amin, Samir. 1974. *Accumulation on a World Scale*. N. Y.: Monthly Review Press.
- Anderson, and Marja Anderson. 1977. "Modern China: South." In K. C. Chang, ed., *Food in Chinese Culture: Anthropological and Historical Perspectives*. New Haven: Yale University Press. 317–382.
- Anderson, Eugene. 1988. *The Food of China*. New Haven: Yale University Press.
- Andrews, Kenneth. 1984. *Trade, Plunder and Settlement: Maritime Enterprise and the Genesis of the British Empire, 1480–1630*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Appadurai, Arjun. 1986. "Introduction: Commodities and the Politics of Value." In Arjun Appadurai, *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press. 3–63.
- Arasaratnam, S. 1980. "Weavers, Merchants and Company: The Handloom Industry in Southeastern India, 1750–1790." *Indian Economic and Social History Review* 17:3. 257–281.
- Arrighi, Giovanni. 1994. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. N. Y.: Verso.
- . 2009. *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. London: Verso.
- Ashworth, William. 2014. "The British Industrial Revolution and the Ideological Revolution: Science, Neoliberalism, and History," *History of Science* 52:2 178–199.
- Asian Development Bank. 1982. *Asian Energy Problems*. N. Y.: Frederick A. Praeger.
- Aykroyd, W. R., and Joyce Doughty. 1970. *Wheat in Human Nutrition*. Rome: United Nations Food and Agriculture Organization.
- Bagchi, A. K. 1976. "De-industrialization in India in the Nineteenth Century: Some Theoretical Implications." *Journal of Development Studies* 12:2 (January): 135–164.
- . 1979. "A Reply [to Marika Vicziany]." *Indian Economic and Social History Review* 16:2. 147–161.
- Bairoch, Paul. 1975. "The Main Trends in National Economic Disparities since the Industrial Revolution." In Paul Bairoch and Maurice Levy-Leboyer, eds., *Disparities in Economic Development since the Industrial Revolution*. N. Y.: St. Martin's Press. 3–17.
- Bakewell, Peter. 1988. *Silver and Entrepreneurship in Seventeenth Century Potosi*. Santa Fe: University of New Mexico Press.
- Barrett, Ward. 1990. "World Bullion Flows, 1450–1800." In James Tracy, ed., *The Rise of Merchant Empires*. N. Y.: Cambridge University Press. 224–254.
- Bayly, C. A. 1983. *Rulers, Townsmen, and Bazaars*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1989. *Imperial Meridian: The British Empire and the World, 1780–1830*. L.: Longman's.
- Beattie, Hilary. 1979. *Land and Lineage in China: A Study of T'ung-ch'eng County, Anhwei, in the Ming and Ch'ing Dynasties*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Behrens, Betty. 1977. "Government and Society." In E. E. Rich and C. H. Wilson, eds., *The Cambridge Economic History of Europe, Volume V*. Cambridge: Cambridge University Press. 549–620.
- Bellah, Robert. 1957. *Tokugawa Religion: The Values of Pre-Industrial Japan*. Glencoe, Ill.: Free Press.
- Bernal, Rafael. 1966. "The Chinese Colony in Manila, 1570–1770." In Alfonso Felix, ed., *The Chinese in the Philippines, 1570–1770*. Manila: Solidaridad Publishing. 40–66.
- Bernhardt, Kathryn. 1992. *Rents, Taxes and Peasant Resistance: The Lower Yangzi Region, 1840–1950*. Stanford: Stanford University Press.
- Bhargava, Meena. 1993. "Perception and Classification of the Rights of the Social Classes: Gorakhpur and the East India Company in the Late 18th and Early 19th Centuries." *Indian Economic and Social History Review* 30:2. 215–237.
- Blaikie, Piers, and Harold Brookfield. 1987. *Land Degradation and Society*. L.: Meteun.
- Blaut, James. 1993. *The Colonizer's Model of the World: Geographical Diffusionism and Eurocentric History*. N. Y.: Guilford.

- Blayo, Yves. 1975. "La mortalité en France de 1740 à 1829." *Population* (November–December): 138–39.
- Bloch, Marc. 1966. *French Rural History*. Berkeley: University of California Press.
- Blum, Jerome. 1961. *Lord and Peasant in Russia, from the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton: Princeton University Press.
- . 1971. "The Internal Structure and Polity of the European Village Community from the Fifteenth to the Nineteenth Century." *Journal of Modern History* 43:4 (December): 541–576.
- Blussé, Leonard. 1981. "Batavia 1619–1740: The Rise and Fall of a Chinese Colonial Town." *Journal of Southeast Asian Studies* 12:1 (March): 159–178.
- . 1986. *Strange Company: Chinese Settlers, Mestizo Women and the Dutch in VOC Batavia*. Dordrecht, Holland: Foris Publications.
- Borah, Woodrow. 1943. *Silk Raising in Colonial Mexico*. Berkeley: University of California Press.
- Borgstrom, George. 1972. *The Hungry Planet: The Modern World at the Edge of Famine*. N. Y.: MacMillan.
- Bowden, Peter, ed. 1990. *Economic Change: Wages, Profits, and Rents, 1500–1750*. Vol. 1 of Joan Thirk, gen. ed., *Chapters from the Agrarian History of England and Wales*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Boxer, Charles, ed. 1953. *South China in the 16th Century*. L.: Hakluyt Society.
- Brandt, Loren, Debin Ma and Thomas Rawski. 2014. "From Divergence to Convergence: Reevaluating the History Behind China's Economic Boom," 52:1 45–123.
- Braudel, Fernand. 1977. *Afterthoughts on Material Civilization and Capitalism*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- . 1981. *The Structures of Everyday Life: The Limits of the Possible*. (trans. Sian Reynolds). N. Y.: Harper and Row.
- . 1982. *The Wheels of Commerce*. Trans. Sian Reynolds. N. Y.: Harper and Row.
- . 1984. *The Perspective of the World*. Trans. Sian Reynolds. Berkeley: University of California Press.
- Bray, Francesca. 1984. Agriculture. Part II of Vol. 6, Biology and Biological Technology (Vol. 41 overall). In Joseph Needham, ed., *Science and Civilization in China*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1985. *The Rice Economies: Technology and Development in Asian Societies*. N. Y.: Oxford University Press.
- . 1997. *Technology and Gender: Fabrics of Power in Late Imperial China*. Berkeley: University of California Press.
- Brenner, Robert. 1985a. "Agrarian Class Structure and Economic Development." In T. H. Aston and C. H. E. Philpin, eds., *The Brenner Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. 10–63.
- . 1985. "The Agrarian Roots of European Capitalism." In T. H. Aston and C. H. Philpin, eds., *The Brenner Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe*. N. Y.: Cambridge University Press. 213–327.
- Brenner, Robert and Christopher Isett. 2002. "England's Divergence from the Yangzi Delta: Property Relations, Microeconomics, and Patterns of Development," *Journal of Asian Studies* 61:2 609–662.
- Brennig, Joseph. 1977. "Chief Merchants and the European Enclaves of 17th Century Coromandel." *Modern Asian Studies* 11:3. 321–340.

- . 1986. "Textile Producers and Production in Late 17th Century Coromandel." *Indian Economic and Social History Review* 23:4. 333–353.
- Britnell, R. H. 1993. *The Commercialization of English Society, 1000–1500*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Broadberry, Stephen, Hanhui Guan and David Daokui Li. 2014. "China, Europe, and the Great Divergence: A Study in Historical National Accounting, 980–1850," <http://eh.net/eha/wp-content/uploads/2014/05/Broadberry.pdf>.
- Brook, Timothy. 1993. *Praying for Power: Buddhism and the Formation of Gentry Society in Late-Ming China*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- . 1998. *The Confusions of Pleasure: Commerce and Culture in Ming China*. Berkeley: University of California Press.
- Bruchey, Stuart. 1967. *Cotton and the Growth of the American Economy, 1790–1860*. N. Y.: Harcourt Brace.
- Brundage, Anthony. 1978. *The Making of the New Poor Law: The Politics of Inquiry, Enactment, and Implementation, 1832–1839*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press.
- Buck, John L. 1964 (1937). *Land Utilization in China*. N. Y.: Paragon Book Reprint Corp.
- Buoye, Thomas. 1993. "From Patrimony to Commodity: Changing Concepts of Land and Social Conflict in Guangdong Province during the Qianlong Reign (1736–1795)." *Late Imperial China* 14:2 (December): 33–59.
- Burke, Peter. 1993. "Res et Verba: Conspicuous Consumption in the Early Modern World." In John Brewer and Roy Porter, eds., *Consumption and the World of Goods*. N. Y.: Routledge. 148–161.
- Butel, Paul. 1990. "France, the Antilles, and Europe, 1700–1900." In James Tracy, ed., *The Rise of Merchant Empires*. Cambridge: Cambridge University Press. 153–173.
- Cain, M. 1982. "Perspectives on Family and Fertility in Developing Countries." *Population Studies* 36:2 (July): 159–75.
- Cao Shuji and Chen Yixin. 2002. "Maerasi lilun he Qingdai yilaide de Zhongguo renkou: ping Meiguo xuezhe jinnianlai de xiangguan yanjiu" (Malthusian Theory and Chinese Population from the Qing dynasty onwards; a critique of recent American scholarship), *Lishi yanjiu* 275 41–54.
- Carr, Raymond. 1967. "Spain." In Albert Goodwin, ed., *The European Nobility in the Eighteenth Century*. N. Y.: Harper and Row. 43–59.
- Chan, Wellington. 1977. *Merchants, Mandarins and Modern Enterprise in Late Ch'ing China*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- . 1982. "The Organizational Structure of the Traditional Chinese Firm and Its Modern Reform." *Business History Review* 56:2 (Summer): 218–235.
- Chandler, Alfred D. 1977. *The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Chang Chung-li. 1955. *The Chinese Gentry: Studies on Their Role in Nineteenth Century Chinese Society*. Seattle: University of Washington Press.
- . 1962. *The Income of the Chinese Gentry*. Seattle: University of Washington Press.
- Chao Kang (Zhao Gang). 1975. "The Growth of a Modern Cotton Textile Industry and the Competition with Handicrafts." In Dwight Perkins et al., *China's Modern Economy in Historical Perspective*. Stanford: Stanford University Press. 167–201.
- . 1977. *The Development of Cotton Textile Production in China*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- . 1983. "Zhongguo lishihang gongzi shuiping de bianqian." *Zhongguo wenhua fuxing yuekan* 16:9 (September): 52–57.

- Chao Kang (Zhao Gang). 1986. *Man and Land in Chinese History: An Economic Analysis*. Stanford: Stanford University Press.
- Chaudhuri, 1978. K. N. Chaudhuri, *The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660–1760*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chaudhuri, K. N. 1981. "The English East India Company in the 17th and 18th Centuries: A Pre-Modern Multi-national Organization." In Leonard Blussé and Femme Gastra, eds., *Companies and Trade*. Leiden: Leiden University Press. 29–46.
- . 1985. *Trade and Civilization in the Indian Ocean: An Economic History from the Rise of Islam to 1750*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1990. *Asia before Europe: Economy and Civilization of the Indian Ocean from the Rise of Islam to 1750*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chaussinand-Nogaret, Guy. 1985. *The French Nobility in the 18th Century*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chayanov, A. U. 1966 (1925). *The Theory of Peasant Economy*. Homewood, Ill.: Irwin.
- Chayanov, A.V. 1986 A.V. *Chayanov on the Theory of Peasant Economy* (edited by Daniel Thorner, Basile Kerblay, and R.E.F. Smith). Madison, WI: University of Wisconsin Press.
- Chen Han-seng. 1936. *Landlord and Peasant in China*. N. Y.: International Publishers.
- Chen Hongmou. 1962 (1820). "Fengsu tiaoyue." In He Changling and Wei Yuan, eds., *Huang chao jingshi wenbian*. 68:4a-6b (pp. 1752–53). Taipei: Guofeng chubanshe.
- Chen Fu-mei and Ramon Myers. 1976. "Customary Law and the Economic Growth of China during the Ch'ing Period." *Ch'ing-shi wen-t'i* 3:1. 4–12.
- Chen Xiaoxi. 2008. "Jiazhou pai de yanjiu fangfa ji muqian cunzai de wenti" (The Research Methods of the California School and Currently Existing Problems), Part 3 of Qinghua University Discussion forum on "the California School," December 5, 2008, <http://economy.guoxue.com/article.php/18494>.
- Chi Ch'ao-ting. 1963 (1936). *Key Economic Areas in Chinese History*. N. Y.: Paragon.
- China News Digest, May 21, 1998.
- Chu Dajun, ed. 1968 (1680). *Guangdong xinyu*. Taipei: Taiwan xuesheng shuju.
- Clark, Gregory. 1991. "Yields Per Acre in English Agriculture, 1250–1860: Evidence from Labour Inputs." *Economic History Review* 44:3. 445–60.
- . 1996. "The Political Foundations of Modern Economic Growth: England 1540–1800." *Journal of Interdisciplinary History* 26:4 (Spring): 563–88.
- . 1998. "Commons Sense: Common Property Rights, Efficiency, and Institutional Change." *Journal of Economic History* 58:1 (March): 73–102.
- Clark, Gregory, Michael Huberman, and Peter H. Lindert. 1995. "A British Food Puzzle, 1770–1850." *Economic History Review* 48:1. 215–237.
- Clunas, Craig. 1988. *Chinese Furniture*. L.: Bamboo Publishers.
- . 1991. *Superfluous Things: Material Culture and Social Status in Early Modern China*. Cambridge: Polity Press.
- Cooper, J. P. 1985. "In Search of Agrarian Capitalism." In T. H. Aston and C. H. Philpin, eds., *The Brenner Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe*. N. Y.: Cambridge University Press. 138–191.
- Cornell, Laurel. 1996. "Infanticide in Early Modern Japan? Demography, Culture and Population Growth." *Journal of Asian Studies* 55:1 (February): 22–50.
- Cranmer-Byng, J. L., 1962. *An Embassy to China: Being the Journal Kept by Lord Macartney during His Embassy to the Emperor Ch'ien-lung, 1793–1794*. L.: Longman's.

- Crawcour, E. S. 1965. "The Tokugawa Heritage." In William W. Lockwood, ed., *The State and Economic Enterprise in Japan*. Princeton: Princeton University Press. 17-44.
- . 1968. "Changes in Japanese Commerce in the Tokugawa Period." In John W. Hall, ed., *Studies in the Institutional History of Early Modern Japan*. Princeton: Princeton University Press. 189-202.
- Cronon, William. 1983. *Changes in the Land: Indians, Colonists, and the Ecology of New England*. N. Y.: Hill and Wang.
- Crosby, Alfred. 1986. *Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900-1900*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Curtin, Philip. 1969. *The Atlantic Slave Trade: A Census*. Madison: University of Wisconsin Press.
- . 1984. *Cross-Cultural Trade in World History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1990. *The Rise and Fall of the Plantation Complex: Essays in Atlantic History*. N. Y.: Cambridge University Press.
- Cushman, Jennifer. 1975. "Fields from the Sea: Chinese Junk Trade with Siam during the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries." Ph.D. diss., Cornell University.
- . 1978. "Duke Ch'ing-fu Deliberates: A Mid-Eighteenth Century Reassessment of Sino-Nanyang Commercial Relations." *Papers on Far Eastern History* 17 (March): 137-156.
- Da Cruz, Gaspar. 1953 (1570). "The Treatise of Fr. Gaspar da Cruz, O.P." In Charles R. Boxer, ed. and trans., *South China in the Sixteenth Century*. L.: Hakluyt Society. 45-239.
- Daniels, Christian. 1996. "Agro-Industries: Sugarcane Technology." Volume 6, Part III of Joseph Needham, ed., *Science and Civilization in China*. N. Y.: Cambridge University Press. Section 42a:5-539.
- Darby, H. C. 1956. "The Clearing of the Woodland in Europe." In B. L. Thomas, ed., *Man's Role in Changing the Face of the Earth*. Chicago: University of Chicago Press. 187-216.
- Day, John. 1978. "The Bullion Famine of the 15th Century." *Past and Present* 79 (May): 3-54.
- Deane, Phyllis, and W. A. Cole. 1962. *British Economic Growth, 1688-1959*. N. Y.: Cambridge University Press.
- Deerr, Noel. 1949-50. *The History of Sugar*. Vols. 1 and 2. N. Y.: Chapman and Hall.
- De Jesus, Eduard C. 1982. "Control and Compromise in the Cagayan Valley." In Eduard C. de Jesus and Alfred W. McCoy, *Philippine Social History: Global Trade and Local Transformation*. Quezon City: Ateneo de Manila University Press. 21-38.
- Dennerline, Jerry. 1986. "Marriage, Adoption and Charity in the Development of Lineages in Wu-Hsi from Sung to Ch'ing." In Patricia Ebrey and James Watson, eds., *Kinship Organization in Late Imperial China*. Berkeley: University of California Press. 170-209.
- Dermigny, Louis. 1964. *La Chine et l'Occident: Le commerce à Canton au XVIII<sup>e</sup> siècle 1719-1833*. 4 vols. Paris: S.E.V.P.E.N.
- De Vries, Jan. 1974. *The Dutch Rural Economy in the Golden Age, 1500-1700*. New Haven: Yale University Press.
- . 1975. "Peasant Demand and Economic Development: Friesland 1550-1750." In William Parker and E. L. Jones, eds., *European Peasants and Their Markets*. Princeton: Princeton University Press. 205-265.

- De Vries, Jan. 1976. *The Economy of Europe in an Age of Crisis, 1600–1750*. N. Y.: Cambridge University Press.
- . 1993. "Between Consumption and the World of Goods." In John Brewer and Roy Porter, eds., *Consumption and the World of Goods*. L.: Routledge. 85–132.
- . 1994a. "How Did Pre-Industrial Labour Markets Function?" In George Grantham and Mary MacKinnon, eds., *Labour Market Evolution*. L.: Routledge. 39–63.
- . 1994b. "The Industrious Revolution and the Industrial Revolution." *Journal of Economic History* 54:2 (June): 249–270.
- , and Ad. van der Woude. 1997. *The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 2008. *The Industrious Revolution: Consumer Behavior and the Household Economy, 1650 to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 2013. "The Industrious Revolution in East and West," in Gareth Austin and Kaoru Sugihara, eds., *Labour-Intensive Industrialization in Global History*. London: Routledge. 65–84.
- Dewald, Jonathan. 1987. *Pont St. Pierre, 1398–1789: Lordship, Community, and Capitalism in Early Modern France*. Berkeley: University of California Press.
- De Zeeuw, J. W. 1978. "Peat and the Dutch Golden Age: The Historical Meaning of Energy Attainability." *Afdeling Agrarische Geschiedenis Bijdragen* 21. 3–31.
- Dharampal, ed. 1971. *Indian Science and Technology in the Eighteenth Century: Some Contemporary European Accounts*. Delhi: Impex India.
- Diamond, Jared. 1992. *The Third Chimpanzee: The Evolution and Future of the Human Animal*. N. Y.: Harper Collins.
- Dollar, David. 2015. "China's Rise as a Regional and Global Power: The AIIB and 'One Belt One Road,'" *Horizons* 4162–172.
- Du Jiaji. 1994. "Qingdai tianhuabing zhi lunchuan fangzhi ji qi dui huangzu renkou zhi yinxiang chu tan." In Li Zhongqing and Guo Songyi, eds., *Qingdai huangzu renkou xingwei de shehui huanjing*. Peking: Peking University Press. 154–69.
- Du Xuncheng and Li Jin. 2009. "Jiazhou xuepai" yu 18 shiji Zhong Ou jingji shi bijiao yanjiu (The "California school" and the comparative study of Chinese and European economic history of the 18<sup>th</sup> century), *Shilin* 5167–191. [http://cn.cnki.com.cn/Article\\_en/CJFDTotat-LWBI200905020.htm](http://cn.cnki.com.cn/Article_en/CJFDTotat-LWBI200905020.htm).
- Dudbridge, Glen. 1991. "A Pilgrimage in Seventeenth Century Fiction: T'ai-shan and the Hsing-shih yin-yuan chuan." *T'oung Pao* 77:4–5. 226–52.
- Dumont, Louis. 1970. *Homo Hierarchicus: An Essay on the Caste System*. Chicago: University of Chicago Press.
- Dunstan, Helen. 1977. "Official Thinking on Environmental Issues and the State's Environmental Roles in Eighteenth Century China." In Mark Elvin and Liu Ts'ui-jung, eds., *Sediments of Time*. Cambridge: Cambridge University Press. 585–614.
- Earle, Peter. 1989. *The Making of the English Middle Class: Business, Society, and Family Life in London, 1660–1730*. Berkeley: University of California Press.
- Economy, Elisabeth and Michael C. Levi. 2015. *By All Means Necessary: How China's Resource Quest is Changing the World*. Oxford: Oxford University Press.
- Elliott, J. H. 1961. "The Decline of Spain." *Past and Present* 20 (November): 52–75.
- . 1990. "The Seizure of Overseas Territories by the European Powers." In Hans Pohl, ed., *The European Discovery of the World and Its Economic Effects on Pre-Industrial Society, 1500–1800*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 43–61.

- Elliott, Mark. 1993. "Resident Aliens: The Manchu Experience in China, 1644-1800." Ph.D. diss., University of California, Berkeley.
- Elman, Benjamin. 1990. *From Philosophy to Philology: Intellectual and Social Aspects of Change in Late Imperial China*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Elvin, Mark. 1973. *The Pattern of the Chinese Past*. Stanford: Stanford University Press.
- Engerman, Stanley. 1994. "The Industrial Revolution Revisited." In Graham Snookes, ed., *Was the Industrial Revolution Necessary?* L.: Routledge. 112-123.
- Esherick, Joseph. 1981. "Number Games: A Note on Land Distribution in Pre-Revolutionary China." *Modern China* 7:4. 387-412.
- Everitt, Alan. 1967. "The Marketing of Agricultural Produce." In Joan Thirsk, ed., *The Agrarian History of England and Wales*. Vol. 4 Cambridge: Cambridge University Press. 460-592.
- Fairbank, John K. 1968. "A Preliminary Framework," and "The Early Treaty System in the Chinese World Order." In John K. Fairbank, ed., *The Chinese World Order*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1-20, 257-275.
- Fan Shuzhi. 1990. *Ming Qing Jiangnan shi zhen tanwei*. Shanghai: Fudan daxue chubanshe.
- Fang Xing. 1987. "Lun Qingdai qianqi mianfangzhi de shehui fen gong." *Zhongguo jingji shi yanjiu* 2:1. 79-94.
- . 1996. "Qingdai Jiangnan nongmin de xiaofei." *Zhongguo jingji shi yanjiu* 11:3. 91-98.
- Farnie, D. A. 1979. *The English Cotton Industry and the World Market, 1815-1896*. N. Y.: Oxford University Press.
- Ferguson, James. 1988. "Cultural Exchange: New Developments in the Anthropology of Commodities." *Cultural Anthropology* 3:4. 488-513.
- Fletcher, Joseph. 1995. *Studies in Chinese and Islamic Inner Asia*. Ed. Beatrice Forbes Manz. Brookfield, Vt.: Variorum.
- Flinn, M. W. 1958. "The Growth of the English Iron Industry, 1660-1760." *Economic History Review* 2d ser. 11:2 (1958): 144-153.
- . 1978. "Technical Change as an Escape from Resource Scarcity: England in the 17th and 18th Centuries." In William Parker and Antoni Marczak, eds., *Natural Resources in European History*. Washington, D.C.: Resources for the Future. 139-159.
- Flinn, Michael W. 1984. *The History of the British Coal Industry. Volume 2. 1700-1830: The Industrial Revolution*. Oxford: Clarendon Press.
- Flynn, Dennis. 1984. "Early Capitalism Despite New World Bullion: An Anti-Wallersteinian Interpretation of Imperial Spain." Translation of "El desarrollo del primer capitalismo a pesar de los metales preciosos del Nuevo Mondo: Una interpretacion anti-Wallerstein de la Espana Imperial." *Revista de Historia Economica* 2:2 (Spring): 29-57.
- . 1995. "Arbitrage, China, and World Trade in the Early Modern Period." *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 38:4. 429-448.
- , and Arturo Giraldez. 1996. "China and the Spanish Empire." *Revista de Historia Economica* 14:2 (Spring): 309-38.
- . 1997. "Introduction." In Dennis Flynn and Arturo Giraldez, eds., *Metals and Monies in an Emerging Global Economy*. Aldershot, U.K.: Variorum, xv-xl.
- Forster, Robert. 1960. *The Nobility of Toulouse in the Eighteenth Century: A Social and Economic Study*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

- Frank, Andre Gunder. 1969. *Capitalism and Underdevelopment in Latin America: Historical Studies of Chile and Brazil*. N. Y.: Monthly Review Press.
- . 1998. *ReOrient: The Silver Age in Asia and the World Economy*. Berkeley: University of California Press.
- Franck, Penelope. 2013. "Simple Pleasures: Food Consumption in Japan and the Global Comparison of Living Standards," *Journal of Global History* 8:1 (March, 2013), pp. 95–116.
- Fu Lo-shu. 1966. *A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations, 1644–1820*. Tuscon: University of Arizona Press and Association for Asian Studies.
- Fukuzawa, H. 1982a. "The State and the Economy: Maharashtra and the Deccan." In Tapan Raychaudhuri and Irfan Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1 c.1200–c.1750*. Cambridge: Cambridge University Press. 193–202.
- . 1982b. "Agrarian Relations and Land Revenue: The Medieval Deccan and Maharashtra." In Tapan Raychaudhuri and Irfan Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1 c.1200–c.1750*. Cambridge: Cambridge University Press. 249–60.
- . 1982c. "Non-Agricultural Production: Maharashtra and the Deccan." In Tapan Raychaudhuri and Irfan Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1 c.1200–c.1750*. Cambridge: Cambridge University Press. 308–314.
- Gaastra, Femme. 1981. "The Shifting Balance of Trade of the Dutch East India Company." In Leonard Blussé and Femme Gaastra, eds., *Companies and Trade*. Leiden: Leiden University Press. 47–70.
- Gadgil, Madhav, and Ramachandra Guha. 1993. *This Fissured Land: An Ecological History of India*. Berkeley: University of California Press.
- Galenson, David. 1989. "Labor Markets in Colonial America." In David Galenson, ed., *Markets in History*. N. Y.: Cambridge University Press. 52–96.
- Galeote Pereira. 1953 (1555). "The Report of Galeote Pereira." In Charles Boxer, ed. and trans., *South China in the Sixteenth Century*. L.: Hakluyt Society. 3–45.
- Ganesh, K.N. 1991. "Ownership and Control of Land in Medieval Kerala: Janmam-Kanam Relations during the 16th–18th Centuries." *Indian Economic and Social History Review* 28:3. 300–23.
- Gao Xiangfu. 2008. "Jiazhou xuepai de yanjiu fangfa ji wo de yidian yihuo" (The Research Methods of the California School and a Point on Which I have Doubts), Part 5 of Qinghua University Discussion forum on "the California School," December 8, 2008, <http://economy.guoxue.com/article.php/18526>.
- Gardella, Robert. 1990. "The Min-Pei Tea Trade during the Late Ch'ien Lung and Chia-Ch'ing Eras: Foreign Commerce and the Mid-Ch'ing Fu-chien Highlands." In Edward Vermeer, ed., *Development and Decline of Fukien Province in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*. Leiden: E. J. Brill. 317–347.
- . 1992a. "Squaring Accounts." *Journal of Asian Studies* 51:2 (May): 317–339.
- . 1992b. "Qing Administration of the Tea Trade: Four Facets over Three Centuries." In Jane Kate Leonard and John Watt, eds., *To Achieve Security and Wealth: The Qing State and the Economy 1644–1912*. Ithaca: Cornell East Asia Series. 97–118.
- . 1994. *Harvesting Mountains: Fujian and the China Tea Trade, 1757–1937*. Berkeley: University of California Press.
- Geertz, Clifford. 1963. *Agricultural Involution: The Process of Ecological Change in Indonesia*. Berkeley: University of California Press.

- Glamann, Kristof. 1977. "The Changing Patterns of Trade." In E. E. Rich and C. H. Wilson, eds., *The Cambridge Economic History of Europe*. Volume V. N. Y.: Cambridge University Press. 185–285.
- . 1981. *Dutch Asiatic Trade, 1620–1740*. 's-Gravenhage: Martinus Nijhoff.
- Godley, Michael. 1981. *The Mandarin Capitalists from Nanyang: Overseas Chinese Enterprise in the Modernization of China, 1893–1911*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goldsmith, James. 1984. "The Agrarian History of Preindustrial France: Where Do We Go from Here?" *Journal of European Economic History* 13:1 (Spring): 175–199.
- Goldstone, Jack. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.
- . 1996. "Gender, Work and Culture: Why the Industrial Revolution Came Early to England but Late to China." *Sociological Perspectives* 39:1. 1–21.
- . 2003. "Europe vs. Asia: Missing Data and Misconceptions," *Science and Society* 67:2 184–194.
- Good, David. 1984. *The Economic Rise of the Habsburg Empire*. Berkeley: University of California Press.
- Goodrich, Carter. 1960. *Government Promotion of American Canals and Railroads*. N. Y.: Columbia University Press.
- Grantham, George. 1989a. "Agrarian Organization in the Century of Industrialization: Europe, Russia, and North America." In George Grantham and Carol Leonard, eds., *Agrarian Organization in the Century of Industrialization: Europe, Russia and North America*. Greenwich, Conn.: JAI Press. 1–24.
- . 1989b. "Capital and Agrarian Structure in Early Nineteenth Century France." In George Grantham and Carol Leonard, eds., *Agrarian Organization in the Century of Industrialization: Europe, Russia and North America*. Greenwich, Conn.: JAI Press. 137–161.
- Grantham, George. 1989c. "Agricultural Supply during the Industrial Revolution: French Evidence and European Implications." *Journal of Economic History* 49:1 (March): 43–72.
- Greenberg, Michael. 1951. *British Trade and the Opening of China*. N. Y.: Oxford University Press.
- Greif, Avner. 1998. "Theorie des jeux et analyse historique des institutions." *Annales HSS* 3 (May–June): 597–633.
- Greven, Philip. 1970. *Four Generations: Population, Land, and Family in Colonial Andover, Massachusetts*. Ithaca: Cornell University Press.
- Griffin, Alan R. 1977. *The British Coalmining Industry: Retrospect and Prospect*. Buxton, Derbys, England: Moorland Publishing.
- Grove, Linda. 2006. *A Chinese Economic Revolution: Rural Entrepreneurship in the Twentieth Century*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- Grove, Richard. 1995. *Green Imperialism: Colonial Expansion, Tropical Island Edens, and the Origins of Environmentalism, 1600–1800*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Guan Hanhui and David Daokui Li. 2010. "Mingdai GDP ji jiegou shitan," (A Study of GDP and its Structure in China's Ming dynasty), *Zhongguo jingji jikan* 9:3 787–829, [http://cn.cnki.com.cn/Article\\_en/CJFDTotal-JJXU201003003.htm](http://cn.cnki.com.cn/Article_en/CJFDTotal-JJXU201003003.htm).
- Guan Yongqiang. 2009. "Cong Ouzhou zhongxin shiguan kan Meiguo Zhongguo shi yanjiu bianqian," (American Studies of Chinese History as seen in the light

- Of the Problem of Historical Eurocentrism), *Shixue lilun yanjiu* #No. 1. 2 parts. [www.3hresearch.com/ShowArticle.asp?ArticleID=1375](http://www.3hresearch.com/ShowArticle.asp?ArticleID=1375) and [www.3hresearch.com/ShowArticle.asp?ArticleID=1376](http://www.3hresearch.com/ShowArticle.asp?ArticleID=1376).
- Guerrero, Milagros. 1966. In Alfonso Felix, ed., *The Chinese in the Philippines, 1570–1770*. Manila: Solidaridad Publishing. 15–39.
- Gunst, Peter. 1989. "Agrarian Systems of Central and Eastern Europe." In Daniel Chirot, ed., *The Origins of Backwardness in Eastern Europe*. Berkeley: University of California Press. 53–91.
- Guo Qiyuan. 1962 (1820). "Lun Min sheng wuben jiejong shu." In He Changling and Wei Yuan, eds., *Huang chao jingshi wenbian*. 36:20a–21a (pp. 929–30). Taipei: Guofeng chubanshe.
- Habbakuk, John. 1962. *American and British Technology in the Nineteenth Century: The Search for Labour-Saving Inventions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Habib, Irfan. 1982a. "Population." In Tapan Raychaudhuri and Irfan Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1 c.1200–c.1750*. Cambridge: Cambridge University Press. 163–71.
- . 1982b. "Systems of Agricultural Production: North India." In Tapan Raychaudhuri and Irfan Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1 c.1200–c.1750*. Cambridge: Cambridge University Press. 214–25.
- . 1982c. "Agrarian Relations and Land Revenue: North India." In Tapan Raychaudhuri and Irfan Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1 c.1200–c.1750*. Cambridge: Cambridge University Press. 235–49.
- . 1982d. "Monetary System and Prices." In Tapan Raychaudhuri and Irfan Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1 c.1200–c.1750*. Cambridge: Cambridge University Press. 360–81.
- . 1990. "Merchant Communities in Pre-Colonial India." In James Tracy, ed., *The Rise of Merchant Empires*. Cambridge: Cambridge University Press. 371–99.
- Hagen, William. 1985. "How Mighty the Junker? Peasant Rents and Seigneurial Profits in 16th Century Brandenburg." *Past and Present* 108. 80–116.
- . 1986a. "The Junkers' Faithless Servants: Peasant Insubordination and the Breakdown of Serfdom in Brandenburg-Prussia, 1763–1811." In Richard Evans and W. R. Lee, eds., *The German Peasantry*. L.: Croom Helm. 71–101.
- . 1986b. "Working for the Junker: The Standard of Living of Manorial Laborers in Brandenburg, 1584–1810." *Journal of Modern History* 58 (March) 143–58.
- . 1988. "Capitalism and the Countryside in Early Modern Europe: Interpretations, Models, Debates." *Agricultural History* 62:1. 13–47.
- . 1991. Review of Daniel Chirot, ed., *The Origins of Backwardness in Eastern Europe*. *Journal of Social History* 24:4 (Summer): 889–92.
- . 1996a. "Subject Farmers in Brandenburg-Prussia and Poland: Village Life and Fortunes under Manorialism in Early Modern Central Europe." In M. L. Bush, ed., *Serfdom and Slavery: Studies in Legal Bondage*. L.: Longman. 296–310.
- . 1996b. Review of Jürgen Schlumbohm, *Lebenslaufe, Familien, Höfe. Die Bauern und Heuerleute des Osnabrückischen Kirchspiels Belm in proto-industrieller Zeit*. In *Central European History* 29:3. 416–19.
- . 1998. "Village Life in East-Elbian Germany and Poland, 1400–1800: Subjection, Self-Defence, Survival." In Tom Scott, ed., *The peasantries of Europe : from the fourteenth to the eighteenth century*. L.: Longman. 227–268.

- Hai Shan. 1983. "Yutang chungqu—Jining shi Yutang jiangyuan jianshi." *Jining shi shiliao* no. 1: 48–78 and no. 2: 90–106.
- Hajnal, John. 1965. "European Marriage Patterns in Perspective." In D. V. Glass and D. E. C. Eversley, eds., *Population in History*. Chicago: Aldine Publishing. 101–146.
- Hajnal, John. 1982. "Two Kinds of Preindustrial Household Formation System." *Population and Development Review* 8:3 (September): 449–494.
- Hamashita Takeshi, ed. 2001. *Ajia kōekiken to Nihon kōgyōka 1500–1900*. (The Asian trading sphere and Japanese industrialization, 1500–1900.). Tokyo: Fujiwara shoten.
- Hamashita Takeshi. 1988. "The Tribute Trade System and Modern Asia." *Memoirs of the Research Department of the Tōyō Bunko* 46. 7–25.
- . 1994. "Kindai Dō Ajia kokusai taikēi." In Hamashita Takeshi et al., *Chiiiki Shisutemu to kokusai kanken*. Vol. 4 of *Kōza Gendai Ajia*. Tokyo: Tōdai Shuppankai. 285–325.
- . 2008. *China, East Asia, and the Global Economy: Regional and Historical Perspectives*. London: Routledge.
- Hambly, Gavin R.G. 1982. "Towns and Cities: Mughal India." In Tapan Raychaudhuri and Irfan Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1 c.1200–c.1750*. Cambridge: Cambridge University Press. 434–451.
- Hamilton, Earl. 1934. *American Treasure and the Price Revolution in Spain*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Hammersley, G. 1973. "The Charcoal Iron Industry and Its Fuel, 1540–1750." *Economic History Review* 2d ser. 26:2. 593–613.
- Handler, Richard, and Daniel Segal. 1990. *Jane Austen and the Fiction of Culture: An Essay on the Narration of Social Realities*. Tucson: University of Arizona Press.
- Hanley, Susan. 1983. "A High Standard of Living in Tokugawa Japan: Fact or Fantasy." *Journal of Economic History* 43:1. 183–192.
- . 1997. *Everyday Things in Premodern Japan: The Hidden Legacy of Material Culture*. Berkeley: University of California Press.
- Hanley, Susan., and Kozo Yamamura. 1977. *Economic and Demographic Change in Pre-Industrial Japan, 1600–1868*. Princeton: Princeton University Press.
- Hao, Yen-p'ing. 1986. *The Commercial Revolution in Nineteenth Century China: The Rise of Sino-Western Capitalism*. Berkeley: University of California Press.
- Harnetty, Peter. 1991. "'Deindustrialization' Revisited: The Handloom Weavers of the Central Provinces of India, c. 1800–1947." *Modern Asian Studies* 25:3. 455–510.
- Harris, John R. 1988. *The British Iron Industry, 1700–1850*. L. and N. Y.: Macmillan.
- . 1992. *Essays on Industry and Technology in the 18th Century: England and France*. N. Y.: Variorum.
- Hartwell, Robert. 1962. "A Revolution in the Iron and Coal Industries during the Northern Sung." *Journal of Asian Studies* 21:2 (February): 153–162.
- . 1967. "A Cycle of Economic Change in Imperial China: Coal and Iron in Northeast China, 750–1350." *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 10:1 (July): 102–159.
- . 1982. "Demographic, Social and Political Transformations of China, 750–1550." *Harvard Journal of Asiatic Studies* 42:2 (December): 365–442.
- Hayami Akira. 1977. "Keizai shakai no seiritsu to sono tokushitsu" (The emergence of economic society and its characteristics), in Shakkai Keizaishi Gakkai, eds., *Ararashii Edo Jidai shi zō o Motomete: sono shakai Keizai shiteki sekkin*. Tokyo: Toyo Keizai Shinposha. 3–18.

- Hayami Akira. 1986. "A Great Transformation: Social and Economic Change in Sixteenth and Seventeenth Century Japan," *Bonner Zeitschrift für Japanologie* 83-13.
- . 1989. "Kinsei Nihon no keizai hatten to Industrious Revolution." In Hayami Akira, Saito Osamu, and Sugiyama Chuya, eds., *Tokugawa shakai kara no tenbo: hatten, kozo, kokusia kankei*. Tokyo: Dobunkan. 19-32.
- . 1992. "The Industrious Revolution," *Look Japan* 38 (436) 8-10.
- He Aiguo and Meng Fandong. "'Da fenliu' yanjiu congshu," (Taking account of *The Great Divergence*), January 16, 2009, <http://www.douban.com/group/topic/5162396/>.
- Heidhues, Mary Somers. 1996. "Chinese Settlements in Rural Southeast Asia: Unwritten Histories." In Anthony Reid, ed., *Sojourners and Settlers: Histories of Southeast Asia and the Chinese in Honour of Jennifer Cushman*. St. Leonards, New South Wales: Association for Asian Studies of Australia with Allen and Unwin. 164-182.
- Henderson, John. 1984. *The Development and Decline of Chinese Cosmology*. N. Y.: Columbia University Press.
- Heske, Franz. 1938. *German Forestry*. New Haven: Yale University Press.
- Hill, Christopher. 1980. *The Century of Revolution: 1603-1714*. Walton-on-Thames: Nelson.
- Hill, Lamar. unpublished "Extreme Detriment: Failed Credit and the Narration of Indebtedness in the Jacobean Court of Requests." Unpublished paper, cited with permission of the author.
- Hirschman, Albert. 1970. *Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Ho Ping-ti. 1954. "The Salt Merchants of Yang-chou." *Harvard Journal of Asiatic Studies* 17. 130-168.
- . 1955. "The Introduction of American Food Plants into China." *American Anthropologist* 57. 191-201.
- . 1959. *Studies on the Population of China, 1368-1953*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- . 1962. *The Ladder of Success in Imperial China: Aspects of Social Mobility, 1368-1911*. N. Y.: Columbia University Press.
- Hobsbawm, Eric. 1975. *Industry and Empire*. London: Penguin.
- Hodgson, Marshall. 1993. *Rethinking World History: Essays on Europe, Islam, and World History*. Edited, with an introduction and conclusion by Edmund Burke III. Cambridge: Cambridge University Press.
- Horrell, Sara, and Jane Humphries. 1995. "Women's Labour Force Participation and the Transition to the Male-Breadwinner Family, 1790-1865." *Economic History Review* 48:1. 89-117.
- Hoshi Ayao. 1971. *Dai Unga*. Tokyo: Kundo shuppansha.
- Hoskins, W. G. 1953. "The Rebuilding of Rural England." *Past and Present* 4. 44-59.
- Hossain, Hameeda. 1979. "The Alienation of Weavers: Impact of the Conflict between the Revenue and Commercial Interests of the East India Company, 1750-1800." *Indian Economic and Social History Review* 16:3. 323-345.
- Howell, David. 1992. "Proto-Industrial Origins of Japanese Capitalism." *Journal of Asian Studies* 51:2 (May): 269-280.
- Hsieh, Chiao-min. 1973. *Atlas of China*. N. Y.: McGraw-Hill.

- Huang, Philip C. 1985. *The Peasant Economy and Social Change in North China*. Stanford: Stanford University Press.
- . 1990. *The Peasant Family and Rural Development in the Lower Yangzi Region, 1350–1988*. Stanford: Stanford University Press.
- . 2002a. "Development or Involution in Eighteenth Century Britain and China? A Review of Kenneth Pomeranz's *The Great Divergence: China, Europe and the Making of the Modern World Economy*," *Journal of Asian Studies* 61:2501–538.
- . (Huang Zongzhi). 2002b. "Fazhan haishi neijuan? Shiba shiji Yingguo yu Zhongguo—Ping Peng Mulan 'Da fenliu: Ouzhou, Zhongguo ji xinadai shijie jingji de fazhan,'" *Lishi yanjiu* 149–176.
- . 2003. "Further Thoughts on Eighteenth-Century Britain and China: Rejoinder to Pomeranz's Response to My Critique," *Journal of Asian Studies* 62:1157–167.
- Huang Qichen. 1989. *Zhongguo gangtie shengchan shi, shisi—shiqi shiji*. Zhengzhou: Zhongzhouguji chubanshe.
- Huang Zongzhi (Philip Huang). 2009. "Xu lun shiba shiji Yingguo yu Zhongguo—dui Peng Mulan de fanbo de huida," (More on 18<sup>th</sup> Century England and China: a Response to Pomeranz's Counter-argument), *Zhongguo xiangcun yanjiu*, re-posted at shixue yanjiu wang, June 17, 2009, <http://www.shresearch.com/ShowArticle.asp?ArticleID=1700>.
- Huang, Ray. 1974. *Taxation and Government Finance in 16th Century Ming China*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Idema, Wilt. 1990. "Cannons, Clocks and Clever Monkeys: Europeana, Europeans, and Europe in Some Early Ch'ing Novels." In Eduard Vermeer, ed., *The Development and Decline of Fukien Province in the 17th and 18th Centuries*. Leiden: E. J. Brill. 459–488.
- Issawi, Charles, ed. 1966. *The Economic History of the Middle East, 1800–1914*. Chicago: University of Chicago Press.
- Iwahashi Masaru. 1981. *Kinsei Nihon bukkashi no kenkyū: kinsei beika no kōrō to hendō*. Tokyo: Ohara Shinseisha.
- Jacob, Margaret. 1988. *The Cultural Meaning of the Scientific Revolution*. N. Y.: Alfred A. Knopf.
- Jeannin, Pierre. 1969. *L'Europe de nord-ouest et du nord aux XVIIe et XVIIIe siècles*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Jenkins, D. T., and K. G. Ponting. *The British Wool Textile Industry, 1770–1914*. L.: Heinemann Educational Books.
- Jin Ping Mei. 1957 (Авто и дата неизвестны, XVII век). Shanghai: Qingyun tu gongsi. В Великобритании издано под названием *The Golden Lotus*. L.: Routledge and Kegan Paul.
- Jinan fuzhi. Jinan: 1839.
- Jing Su and Luo Lun. 1986 (1958). *Qingdai Shandong jingying dizhu jingji yanji*. Rev. ed. of 1958 text. Jinan: Qilu shushe.
- Johnson, David, Andrew Nathan, and Evelyn Rawski. 1985. *Popular Culture in Late Imperial China*. Berkeley: University of California Press.
- Jones, Eric L. 1981. *The European Miracle: Environments, Economies, and Geopolitics in the History of Europe and Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1987. *The European Miracle*. 2<sup>nd</sup> edition. Cambridge: Cambridge University Press.

- Jones, Eric L. 1988. *Growth Recurring: Economic Change in World History*. N. Y.: Oxford University Press.
- Judd, Ellen. 1994. *Gender and Power in Rural North China*. Stanford: Stanford University Press.
- Kaplan, Steven. 1976. *Bread, Politics, and Political Economy in the Reign of Louis XV*. The Hague: Martinus Nijhoff.
- Kawata Tei'ichi. 1979. "Shindai gaku jutsu no ichi sokumen." *Tōhōgaku* 57: 84–105.
- Kawakatsu Heiita. 1991. *Nihon bunmei to kindai seiyō: "sakoku" saikō* (Japanese Civilization and the Modern West: "Sakoku" Reconsidered). Tokyo: Nippon Hōsō Shuppan Kyōkai.
- Kellenblenz, Herman. 1974. "Rural Industries in the West from the End of the Middle Ages to the Eighteenth Century." In Peter Earle, ed., *Essays in European Economic History, 1500–1800*. Oxford: Clarendon. 45–88.
- Keller, Wolfgang, and Carol Shiue. 2007. "Markets in China and Europe on the Eve of the Industrial Revolution." *American Economic Review* 97:41189–1216.
- Kelly, William. 1982. *Water Control in Tokugawa Japan: Irrigation Organization in a Japanese River Basin, 1600–1870*. Ithaca: Cornell University East Asia Papers #3.
- Kindleberger, Charles. 1990. "Spenders and Hoarders." In Charles Kindleberger, ed., *Historical Economics: Art or Science*. Berkeley: University of California Press. 35–85.
- Kishimoto Mio. 1987. "Shindai Bukkashi Kenkyū no Gensho." *Chūgoku Kindaishi Kenkyū* 5. (April): 79–104.
- . 1997. *Shindai Chūgoku no Bukka to Keizai Hendō*. Tokyo: Kenbun shuppan.
- Kjaergaard, Thorkild. 1994. *The Danish Revolution, 1500–1800*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Klein, Daniel, and John Majewski. 1991. "Promoters and Investors in Antebellum America: The Spread of Plank Road Fever." Irvine: University of California Irvine Institute for Transportation Studies Working Paper 91–1.
- Klein, Herbert. 1990. "Economic Aspects of the 18th Century Atlantic Slave Trade." In James Tracy, ed., *The Rise of Merchant Empires*. Cambridge: Cambridge University Press. 287–310.
- Klein, Julius. 1920. *The Mesta: A Study in Spanish Economic History*. Port Washington, N.Y.: Kennikat Press.
- Knaap, Gerritt. 1995. "The Demography of Ambon in the 17th Century: Evidence from Proto-Censuses." *Journal of Southeast Asian Studies* 26:2 (September): 227–241.
- Knodel, John. 1988. *Demographic Behavior in the Past: A Study of Fourteen German Village Populations in the Eighteenth and Nineteenth Centuries*. N. Y.: Cambridge University Press.
- Ko, Dorothy. 1994. *Teachers of the Inner Chambers: Women and Culture in Seventeenth-Century China*. Stanford: Stanford University Press.
- Kochanowicz, Jacek. 1989. "The Polish Economy and the Evolution of Dependency." In Daniel Chirot, ed., *The Origins of Backwardness in Eastern Europe*. Berkeley: University of California Press. 92–130.
- Kraus, Richard. 1968. "Cotton and Cotton Goods in China, 1918–1936: The Impact of Modernization on the Traditional Sector." Ph.D. diss., Harvard University.
- Kriedte, Peter, Hans Medick, and Jürgen Schlumbohm. 1981. *Industrialization before Industrialization*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Kulikoff, Alan. 1992. *The Agrarian Origins of American Capitalism*. Charlottesville: University Press of Virginia.
- Kuznets, Simon. 1968. "Capital Formation in Modern Economic Growth (and Some Implications for the Past)." *Third International Conference of Economic History: Munich 1965*. Paris: Mouton 1968. 1: 15-53.
- Kwan Man-bun. 1990. "The Merchant World of Tianjin: Society and Economy of a Chinese City." Ph.D. diss. Stanford University.
- Labrousse, Ernest. 1984 (1933). *Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle*. Paris: Librairie Dalloz.
- Ladurie, Emmanuel LeRoy. 1974. "A Long Agrarian Cycle: Languedoc, 1500-1700." In Peter Earle, ed., *Essays in European Economic History*. Oxford: Oxford University Press. 143-164.
- . 1976. "De la crise ultime à la vraie croissance, 1660-1789." In Georges Duby and A. Walton, *Histoire de la France Rurale*. Volume 2. (Paris: Seuil). 359-575.
- . 1981. "History that Stands Still," in E. E Roy Ladurie, *The Mind and Method of the Historian*. Brighton: Harvester. 1-27.
- Lai Yuyun. 2008. "Jiazhou pai de gongxian yu buzhu" ("The California School's Contributions and Shortcomings"), Part 4 of Qinghua University Discussion forum on "the California School," December 7, 2008, <http://economy.guoxue.com/article.php/18515>.
- Lal, Deepak. 1998. *Unintended Consequences: The Impact of Factor Endowments, Culture, and Politics on Long-Run Economic Performance*. Cambridge: MIT Press, 1998.
- Lamb, H. H. 1982. *Climate, History and the Modern World*. London and N. Y.: Methuen.
- Lamoreaux, Naomi. 1994. *Insider Lending: Banks, Personal Connections and Economic Development in Industrial New England*. Cambridge: Cambridge University Press and National Bureau of Economic Research.
- Landes, David. 1969. *The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1998. *The Wealth and Poverty of Nations*. N. Y.: Norton.
- Lang, James. 1975. *Conquest and Commerce: Spain and England in the Americas*. N. Y.: Academic Press.
- Latham, A. J. H. 1978a. "Merchandise Trade Imbalances and Uneven Development in India and China." *Journal of European Economic History* 7 (Spring): 33-60.
- Latham, A. J. H. 1978b. *The International Economy and the Undeveloped World, 1865-1914*. Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield.
- Latham, A. J. H., and Larry Neal. 1983. "The International Market in Rice and Wheat, 1868-1914." *Economic History Review* 2d ser. 36. 260-280.
- Lavelly, William, and R. Bin Wong. 1998. "Revising the Malthusian Narrative: The Comparative Study of Population Dynamics in Late Imperial China." *Journal of Asian Studies* 57:3 (August): 714-748.
- Lazonick, William. 1981. "Production Relations, Labor Productivity and Choice of Technique: British and U.S. Spinning." *Journal of Economic History* 41:3 (September): 491-516.
- Ledderose, Lothar. 1991. "Chinese Influence on European Art, Sixteenth to Eighteenth Centuries." In Thomas Lee, ed., *China and Europe*. Hong Kong: Chinese University Press. 221-250.

- Lee, Ching Kwan. 1995. "Engendering the Worlds of Labor: Women Workers, Labor Markets and Production Politics in the South China Economic Miracle." *American Sociological Review* 60 (June): 378-397.
- Lee, James, and Cameron Campbell. 1997. *Fate and Fortune in Rural China: Social Organization and Population Behavior in Liaoning, 1774-1873*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lee, James, and R. Bin Wong. 1991. "Population Movements in Qing China and Their Linguistic Legacy." In William S-Y. Wang, ed., *Languages and Dialects of China*. Berkeley: Journal of Chinese Linguistics Monograph Series. 52-77.
- Lee, James, and Wang Feng. Forthcoming. "Malthusian Mythologies and Chinese Realities." Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Lee, James, Cameron Campbell and Wang Feng. 2002. "Positive Check or Chinese Checks?" *Journal of Asian Studies* 61:2 591-607.
- Lee, James. 1982. "The Legacy of Immigration in Southwest China, 1250-1850." *Annales de Demographie Historique* 279-304.
- Lee, Robert H. G. 1979. *The Manchurian Frontier in Ch'ing History*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Levi, Giovanni. 1988. *Inheriting Power: The Story of an Exorcist*. Chicago: University of Chicago Press.
- Levine, David. 1977. *Family Formation in an Age of Nascent Capitalism*. N. Y.: Academic Press.
- . 1977. *Family Formation in an Age of Nascent Capitalism*. N. Y.: Academic Press.
- Lewis, Arthur. 1954. "Economic Development with Unlimited Supplies of Labor." *Manchester School of Economics and Social Studies* 22:2 (May): 139-191.
- Li Bozhong. 2000. *Jiangnan de zaoqi gongyehua* (Proto-industrialization in Jiangnan.) Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe.
- Li Bozhong and Jan Luiten Van Zanden. 2012. "Before the Great Divergence? Comparing the Yangzi Delta and the Netherlands at the Beginning of the Nineteenth Century," *Journal of Economic History* 72:4 (December), pp. 956-989.
- Li Bozhong. 1994a. "Kongzhi zengchang yi bao fuyu—Qingdai qian, zhongqi Jiangnan de renkou xingwei." *Xin shixue* 5:3 (September): 25-71.
- . 1994b. "Ming Qing shiqi Jiangnan de mucai wenti." *Zhongguo shehui jingji shi yanjiu* 1:86-96.
- . 1996. "Cong 'fufu bing zuo' dao 'nan geng nu zhi'." *Zhongguo jingji shi yanjiu* 11:3. 99-107.
- . 1998. *Agricultural Development in Jiangnan, 1620-1850*. N. Y.: St. Martin's Press.
- . 2003. *Fazhan yu zhiyue: Ming Qing Jiangnan shengchanli yanjiu*. (Development and Constraint: Research on Productive Capacity in Ming-Qing Jiangnan.) Taipei: Lianjing.
- . 2005. "Farm Labour Productivity in Jiangnan," in Robert Allen, Tommy Bengtsson and Martin Dribe, eds., *Living Standards in the Past: New Perspectives on Well-Being in Asia and Europe* (Oxford: Oxford University Press), pp. 55-76.
- Li Dangrui and Chen Daiguang. 1981. *Henan renkou dili zhi*. Henan sheng kexueyuan dili yanjiusuo.
- Li Wenzhi et al. 1983. *Ming Qing shidai de nongye ziben zhuyi mengya wenti*. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe.
- Li Zhihuan. 1990. *Zhongguo shi tang shigao*. Beijing: Nongye chubanshe.

- Li Zhongqing, and Guo Songyi, eds. 1994. *Qingdai huangzu renkou xingwei de shehui huanjing*. Peking: Peking University Press.
- Li Zhongqing. 1994. "Zhongguo lishi renkou zhidu: Qingdai renkou xingwei ji qi yiyi." In Li Zhongqing and Guo Songyi, eds., *Qingdai huangzu renkou xingwei de shehui huanjing*. Beijing: Beijing daxue chubanshe. 1-17.
- Liang Fangzhong. 1981. *Zhongguo lidai hukou, tiandi, tianfu tongji*. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe.
- Lieberman, Victor. 1990. "Wallerstein's System and the International Context of Early Modern Southeast Asian History." *Journal of Asian History* 24: 70-90.
- Lieberman. 1993. "Abu-Lughod's Egalitarian World Order. A Review Article." *Comparative Studies in Society and History* 544-550.
- Lin Man-houng. 1990. "From Sweet Potato to Silver: The New World and 18th Century China as Reflected in Wang Hui-tsu's Passage about the Grain Prices." In Hans Pohl, ed., *The European Discovery of the World and Its Economic Effects on Pre-Industrial Society, 1500-1800*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 304-327.
- Lindert, Peter, and Jeffrey Williamson. 1982. "Revising England's Social Tables 1688-1812." *Explorations in Economic History* 19:4 (October). 385-408.
- Ling Daxie. 1983. "Wo guo senlin ziyuan de bianqian." *Zhongguo nongshi* 3:2. 26-36.
- Liu, William Guanglin. 2015. *The Chinese Market Economy 1000-1500*. Albany: State University of New York Press.
- Lombard, Denys. 1981. "Questions on the Contact between European Companies and Asian Societies." In Leonard Blussé and Femme Gaastra, eds., *Companies and Trade*. The Hague: Martinus Nijhoff. 179-187.
- Lombard-Salmon, Claudine. 1972. *Un exemple d'Acculturation Chinoise: La province du Gui Zhou au XVIIIe siècle*. Paris: École Française d'Extrême Orient.
- Lower, Arthur R. M. 1973. *Great Britain's Woodyard: British America and the Timber Trade, 1763-1867*. Montreal: McGill University Press.
- Lu Hanchao. 1992. "Arrested Development: Cotton and Cotton Markets in Shanghai, 1350-1843." *Modern China* 18:4 (October): 468-499.
- Ludden, David. 1985. *Peasant History in South India*. Princeton: Princeton University Press.
- . 1988. "Agrarian Commercialism in Eighteenth-Century South India: Evidence from the 1823 Titunelveli Census." *Indian Economic and Social History Review* 25:4. 493-517.
- Ludwig, Armin K. 1985. *Brazil: A Handbook of Historical Statistics*. Boston: G. K. Hall and Co.
- Lufrano, Richard. 1997. *Honorable Merchants: Commerce and Self-Cultivation in Late Imperial China*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Luo Xu. 2007. "Reconstructing world History in the People's Republic of China Since the 1980s," *Journal of World History* 18:3325-350.
- Ma, Debin. 2004. "Modern Economic Growth in the Lower Yangzi in 1911-1937: a Quantitative, Historical, and Institutional Analysis" (Discussion paper 2004-06-002, Foundation for Advanced Studies on International Development, Tokyo).
- MacLeod, Christine. 1988. *Inventing the Industrial Revolution: The English Patent System, 1660-1800*. N. Y.: Cambridge University Press.
- Maddison, Angus. 1995. *Monitoring the World Economy, 1820-1992*. Washington, D.C.: OECD Publications and Information Center.
- . 2001. *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD.

- Maddison, Angus. 2003. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD.
- Majewski, John. 1994. "Commerce and Community: Economic Culture and Internal Improvements in Pennsylvania and Virginia, 1790–1860." Ph.D. diss. UCLA.
- Mann, James A. 1860. *The Cotton Trade of Great Britain*. London: Simpkin and Marshall.
- Mann, Susan. 1987. *Local Merchants and the Chinese Bureaucracy, 1750–1950*. Stanford: Stanford University Press.
- . 1992. "Household Handicrafts and State Policy in Qing Times." In Jane Kate Leonard and John Watt, eds., *To Achieve Security and Wealth: The Qing State and the Economy*. Ithaca: Cornell University Press. 75–96.
- . 1997. *Precious Records: Women in China's Long Eighteenth Century*. Stanford: Stanford University Press.
- Markovitch, T. J. 1976. *Les industries lainières de Colbert à la Revolution*. Geneva: Librairie Droz.
- Marks, Robert. 1984. *Rural Revolution in South China: Peasants and the Making of History in Haifeng County, 1570–1930*. Madison: University of Wisconsin Press.
- . 1991. "Rice Prices, Food Supply, and Market Structure in 18th Century China." *Late Imperial China* 12:2 (December): 64–116.
- . 1997. *Tigers, Rice, Silk, and Silt: Environment and Economy in Guangdong, 1250–1850*. N. Y.: Cambridge University Press.
- Marshall, P. J. 1980. "Western Arms in Maritime Asia in the Early Phases of Expansion." *Modern Asian Studies* 14:1. 13–28.
- . 1987. *Bengal—The British Bridgehead: Eastern India, 1740–1828*. N. Y.: Cambridge University Press.
- Matthias, Peter. 1972. "Who Unbound Prometheus? Science and Technological change, 1600–1800," in A. E. Musson, ed., *Science, Technology and Economic Growth in the Eighteenth Century*. London: Methuen. 148–167.
- Mazumdar, Sucheta. 1984. "A History of the Sugar Industry in China: The Political Economy of a Cash Crop in Guangdong, 1644–1834." Ph.D. diss. UCLA.
- McAlpin, Michele, and John Richards. 1983. "Cotton Cultivation and Land Clearing in the Bombay Deccan and Karnatak, 1818–1920." In John Richards and Richard Tucker, eds., *Global Deforestation and the Nineteenth-Century World Economy*. Durham: Duke Press Policy Studies. 68–94.
- McCloskey, Deirdre. 2006. *The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce*. Chicago: University of Chicago Press.
- . 2010. *Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago: University of Chicago Press.
- . 2016. *Bourgeois Equality: How Ideas, Not Capital or Institutions, Enriched the World*. Chicago: University of Chicago Press.
- McCloskey, Donald. 1975a. "The Persistence of English Common Fields." In E. L. Jones and William Parker, eds., *European Peasants and Their Markets: Essays in Agrarian Economic History*. Princeton: Princeton University Press. 73–119.
- . 1975b. "The Economics of Enclosure: A Market Analysis." In E. L. Jones and William Parker, eds., *European Peasants and Their Markets: Essays in Agrarian Economic History*. Princeton: Princeton University Press. 123–60.
- . 1989. "The Open Fields of England: Rent, Risk and the Rate of Interest, 1300–1815." In David Galenson, ed., *Markets in History: Economic Studies of the Past*. Cambridge: Cambridge University Press. 5–49.

- McCloskey, Donald. 1991. "History, Differential Equations, and the Problem of Narration." *History and Theory* 30:1 21-36.
- McCusker, John, and Russell Menard. 1985. *The Economy of British America, 1607-1789*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- McEvedy, Colin, and Richard Jones. 1978. *Atlas of World Population History*. N. Y.: Penguin.
- McGowan, Bruce. 1994. "The Age of the Ayans, 1699-1812." In Halil Inalcik and Donald Quatert, eds., *An Economic and Social History of the Ottoman Empire*. 2 vols. N. Y.: Cambridge University Press. 637-758.
- McKendrick, Neil, John Brewer, and J. H. Plumb. 1982. *The Birth of a Consumer Society: The Commercialization of Eighteenth-Century England*. Bloomington: Indiana University Press.
- McNeill, John R. 1994. "Of Rats and Men: A Synoptic Environmental History of the Island Pacific." *Journal of World History* 5:2. 299-349.
- Medick, Hans. 1982. "Plebeian Culture in the Transition to Capitalism." In Raphael Samuel and Gareth Stedman-Jones, eds., *Culture, Ideology, and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 84-112.
- Mendels, Frederick. 1972. "Proto-industrialization: The First Phase of the Industrialization Process", *The Journal of Economic History*, 32:1 241-261.
- Menzies, Nicholas. 1992a "Sources of Demand and Cycles of Logging in Pre-Modern China." In John Dargavel and Richard Tucker, eds., *Changing Pacific Forests*. Durham, N.C.: Forest History Society. 64-76.
- . 1992b. "Strategic Space: Exclusion and Inclusion in Wildland Policies in Late Imperial China." *Modern Asian Studies* 6:4 (October): 719-734.
- . 1996. "Forestry." In Joseph Needham, ed., *Science and Civilization in China*. Vol. 27. Cambridge: Cambridge University Press. 541-690.
- Metzger, Thomas. 1973. *The Internal Organization of the Chinese Bureaucracy: Legal, Normative, and Communications Aspects*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- . 1977. *Escape from Predicament: Neo-Confucianism and China's Evolving Political Culture*. N. Y.: Columbia University Press.
- Meuvret, Jean. 1977-1988. *Le problème des subsistances à l'époque Louis XIV*. 6 vols. Paris: Mouton.
- Miller, Joseph. 1986. "Slave Prices in the Portuguese Southern Atlantic, 1600-1830." In Paul Lovejoy, ed., *Africans in Bondage*. Madison: University of Wisconsin Press. 43-77.
- Minami Manshū Tetsūdo Kabushiki Kaisha. 1936. *Santō no Chikuguyū*. Tianjin: Mantetsu.
- Mintz, Sidney. 1985. *Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History*. N. Y.: Penguin.
- Mitchell, B. R. 1980. *European Historical Statistics, 1750-1975*. N. Y.: Facts on File.
- . 1988. *British Historical Statistics*. N. Y.: Cambridge University Press.
- . 1993. *Historical Statistics: The Americas*. N. Y.: Stockton Press.
- Mitra, Debendra Bijoy. 1978. *The Cotton Weavers of Bengal, 1757-1833*. Calcutta: Firma KLM Private Limited.
- Mokyr, Joel. 1976. *Industrialization in the Low Countries, 1795-1850*. New Haven: Yale University Press.

- Mokyr, Joel. 1985a. "Demand and Supply in the Industrial Revolution." In Joel Mokyr, ed., *The Economics of the Industrial Revolution*. Totowa, N.J.: Rowman and Allanheld. 97–118.
- . 1985b. "The Industrial Revolution and the New Economic History." In Joel Mokyr, ed., *The Economics of the Industrial Revolution*. Totowa, N.J.: Rowman and Allanheld. 1–52.
- . 1988. "Is There Life in the Pessimist Case? Consumption during the Industrial Revolution, 1790–1850." *Journal of Economic History* 48:1. 69–92.
- . 1990. *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*. N. Y.: Oxford University Press.
- . 1991. "Cheap Labor, Dear Labor and the Industrial Revolution." In David Landes, Patrice Higonnet, and Henry Rosovsky, eds., *Favorites of Fortune*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 177–200.
- . 1994. "Progress and Inertia in Technological Change." In Mark Thomas and John James, eds., *Capitalism in Context: Essays on Economic Development and Culture in Honor of R. M. Hartwell*. Chicago: University of Chicago Press. 230–254.
- . 2004. *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*. Princeton: Princeton University Press.
- . 2010. *The Enlightened Economy: An Economic History of Britain, 1700–1850*. New Haven: Yale University Press.
- Moore, Barrington. 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.
- Mooser, Josef. 1984. *Ländliche Klassengesellschaft, 1770–1848*. Gottingen: Vandenhoeck and Ruprecht.
- Moosvi, Shireen. 1987. *The Economy of the Mughal Empire c.1595: A Statistical Study*. Delhi: Oxford University Press.
- Morgan, Edmund S. 1975. *American Slavery, American Freedom: The Ordeal of Colonial Virginia*. N. Y.: W. W. Norton and Co.
- Morineau, Michel. 1985. *Incroyables Gazettes et Fabuleux Metaux*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Morris, J. H., and L. J. Williams. 1958. *The South Wales Coal Industry, 1841–1875*. Cardiff: University of Wales Press.
- Morse, Hosea Ballou. 1966. *A Chronicle of the East India Company Trading to China*. 4 vols. Taipei: Chengwen (reprint).
- Morton, A. G. 1981. *History of Botanical Science*. N. Y.: Academic Press.
- Mote, Frederick. 1977. "Yuan and Ming." In K. C. Chang, ed., *Food in Chinese Culture*. New Haven: Yale University Press. 195–257.
- Mukerji, Chandra. 1983. *From Graven Images: Patterns of Modern Materialism*. N. Y.: Columbia University Press.
- Myers, Ramon. 1982. "Customary Law, Markets, and Resource Transactions in Late Imperial China." In Roger Ransom, Richard Sutch, and Gary Walton, eds., *Explorations in the New Economic History: Essays in Honor of Douglass C. North*. N. Y.: Academic Press. 273–298.
- Myint, H. 1958. "The 'Classical' Theory of International Trade and the Underdeveloped Counties." *Economic Journal* 68. 317–337.
- Najita, Tetsuo. 1987. *Visions of Virtue in Tokugawa Japan*. Chicago: University of Chicago Press.

- Najita, Tetsuo. 1997. *Visions of Virtue: The Kaitokudō Merchant Academy of Osaka*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Naquin, Susan, and Evelyn Rawski, 1987. *Chinese Society in the Eighteenth Century*. New Haven: Yale University Press.
- Needham, Joseph. 1965. With assistance from Wang Ling. *Physics and Physical Technology*. Vol. 4, part 2 (vol. 27 overall). In Joseph Needham, et al., *Science and Civilization in China*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nef, John. *The Rise of the British Coal Industry*. L.: Routledge.
- . 1964. *The Conquest of the Material World*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ng Chin-keong. 1983. *Trade and Society: The Amoy Network on the China Coast, 1683–1735*. Singapore: Singapore University Press.
- . 1990. "The South Fukienese Junk Trade at Amoy from the 17th to the Early 18th Centuries." In Eduard Vermeer, ed., *Development and Decline of Fukien Province in the 17th and 18th Centuries*. Leiden: E. J. Brill. 297–316.
- Nipperdey, Thomas. 1996. *Germany from Napoleon to Bismarck, 1800–1866*. Princeton: Princeton University Press.
- Nishijima Sadao. 1984. "The Formation of the Early Chinese Cotton Industry." In Linda Grove and Christian Daniels, eds., *State and Society in China*. Tokyo: University of Tokyo Press. 17–78.
- Nishikawa, Shunsaku. 1978. "Productivity, Subsistence, and By-Employment in the Mid-Nineteenth Century Choshu." *Explorations in Economic History* 15: 69–83.
- North, Douglass. 1981. *Structure and Change in Economic History*. N. Y.: W. W. Norton.
- . 1991. "Institutions, Transaction Costs, and the Rise of Merchant Empires." In James D. Tracy, ed., *The Political Economy of Merchant Empires*. Cambridge: Cambridge University Press. 22–40.
- . 1994. "The Evolution of Efficient Markets in History." In John James and Mark Thomas, eds., *Capitalism in Context: Essays on Economic Development and Culture in Honor of R. M. Hartwell*. Chicago: University of Chicago Press. 257–264.
- , and Robert Paul Thomas. 1973. *The Rise of the Western World: A New Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- , and Barry Weingast. 1989. "Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in 17th Century England." *Journal of Economic History* 49: 803–832.
- Nyren, Eve. 1995. *The Bonds of Matrimony = Hsing Shih Yin Yuan Chuan*. Lewiston, N.Y.: E. Mellen Press.
- O'Brien, Patrick K. 1977. "Agriculture and the Industrial Revolution." *Economic History Review* 2d ser. 30:166–81.
- . 1982. "European Economic Development: The Contribution of the Periphery." *Economic History Review* 35:1 (February): 1–18.
- . 1988. "The Political Economy of English Taxation." *Economic History Review* 41:1 (February): 1–32.
- . 1990. "European Industrialization: From the Voyages of Discovery to the Industrial Revolution." In Hans Pohl, ed., *The European Discovery of the World and Its Economic Effects on Pre-Industrial Society, 1500–1800*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 154–177.
- , and Caglar Keydar. 1978. *Economic Growth in Britain and France, 1780–1914*. London: George Allen and Unwin.

- Ogilvie, Sheilagh. 1996. "Proto-Industrialization in Germany." In Sheilagh Ogilvie and Markus Cerman, eds., *European Proto-Industrialization*. Cambridge: Cambridge University Press. 118-36.
- , and Markus Cerman. 1996. "Introduction: The Theories of Proto-Industrialization." In Sheilagh Ogilvie and Markus Cerman, eds., *European Proto-Industrialization*. Cambridge: Cambridge University Press. 1-11.
- O'Rourke, Kevin, and Jeffrey Williamson, "From Malthus to Ohlin: Trade, Industrialisation, and Distribution since 1500," *Journal of Economic Growth* 10:1 (March, 2005), pp. 5-34.
- Osako, Masako M. 1983. "Forest Preservation in Tokugawa Japan." In John R. Richards and Richard P. Tucker, eds., *Global Deforestation and the 19th Century World Economy*. Durham: Duke University Press Policy Series. 129-145.
- Osborne, Anne. 1994. "The Local Politics of Land Reclamation in the Lower Yangzi Highlands." *Late Imperial China* 15:1 (June): 1-46.
- Owen, E. R. J. 1966. "Egyptian Cotton and the American Civil War, 1860-1866." In Charles Issawi, ed., *The Economic History of the Middle East, 1800-1914*. Chicago: University of Chicago Press. 416-429.
- Overton, Mark. 1996. *Agricultural Revolution in England: The Transformation of the Agrarian Economy 1500-1800*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Pach, Z. S. P. 1990. "The East-Central European Aspect of the Overseas Discoveries and Colonization." In Hans Pohl, ed., *The European Discovery of the World and Its Economic Effects on Pre-Industrial Society, 1500-1800*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 178-94.
- Palat, Ravi. 1995. "Historical Transformations in Agrarian Systems Based on Wet-Rice Cultivation: Toward an Alternative Model of Social Change." In Philip McMichael, ed., *Food and Agrarian Orders in the World Economy*. Westport, Conn.: Greenwood Press. 55-76.
- Pan, Ming-te. 1985. *Zhongguo jindai diandangye zhi yanjiu (1644-1937)*. Taipei: Guoli Taiwan shifan daxue lishi yanjiu suo zhuankan #13.
- . 1994. "Rural Credit Market and the Peasant Economy (1600-1949)—The State, Elite, Peasant, and 'Usury.'" Ph.D. diss., University of California, Irvine.
- . 1998. "Who Was Worse Off?" Доклад на конференции специалистов по китайской истории, 1998 г., Сياتл, США.
- Parker, Geoffrey. 1988. *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500-1800*. N. Y.: Cambridge University Press.
- Parker, William. 1984, 1991. *America, Europe, and the Wider World*. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press.
- Parker, David, and Patricia Croot. 1985. "Agrarian Class Structure and the Development of Capitalism: France and England Compared." In T. H. Aston and C. H. E. Philip, eds., *The Brenner Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. 79-90.
- Parthasarathi, Prasannan. 1998. "Rethinking Wages and Competitiveness in the Eighteenth Century: Britain and South India." *Past and Present* 158 (February): 79-109.
- Pearson, M. N. 1991. "Merchants and States." In James D. Tracy, ed., *The Political Economy of Merchant Empires*. Cambridge: Cambridge University Press. 41-116.
- Perdue, Peter. 1987. *Exhausting the Earth: State and Peasant in Hunan, 1500-1850*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Perkins, Dwight H. 1969. *Agricultural Development in China, 1368-1968*. Chicago: Aldine Publishing.

- Perlin, Frank. 1978. "Of White Whale and Countrymen in the 18th Century Maratha Deccan: Extended Class Relations, Rights, and the Problem of Rural Autonomy under the Old Regime." *Journal of Peasant Studies* 5:2. 172-237.
- . 1983. "Proto-Industrialization and Pre-Colonial South Asia." *Past and Present* 98 (February): 30-95.
- . 1985. "State Formation Reconsidered, Part Two." *Modern Asian Studies* 19:3. 415-80.
- . 1987. "Money Use in Pre-colonial India." In John F. Richards, ed., *Imperial Monetary Systems in Early Modern India*. N. Y.: Oxford University Press. 232-373.
- . 1988. "Disarticulation of the World: Writing India's Economic History." *Comparative Studies in Society and History* 30:2 (April): 379-387.
- . 1990. "Financial Institutions and Business Practices across the Euro-Asian Interface: Comparative and Structural Considerations, 1500-1900." In Hans Pohl, ed., *The European Discovery of the World and Its Economic Effects on Pre-Industrial Society, 1500-1800*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 257-303.
- . 1991. "World Economic Integration before Industrialization and the Euro-Asian Monetary Continuum." In H. G. Van Cauwenberghe, ed., *Money, Coin, and Commerce: Essays in the Monetary History of Asia and Europe*. Leuven: Leuven University Press. 239-374.
- . 1994. *Unbroken Landscape: Commodity, Category, Sign and Identity: Their Production as Myth and Knowledge from 1500*. Aldershot, U.K.: Variorum.
- Peterson, Willard. 1978. *Bitter Gourd: Fang I-chih and the Impetus for Intellectual Change in the Ming*. New Haven: Yale University Press.
- Phelps Brown, E. H., and Sheila Hopkins. 1956. "Seven Centuries of the Prices of Consumables, Compared with Builders' Wage-rates." *Economica* 23:4 (November): 296-314.
- . 1957. "Wage-rates and Prices: Evidence for Population Pressure in the Sixteenth Century." *Economica* 24:4 (November): 289-299.
- . 1981. *A Perspective of Wages and Prices*. London: Methuen. Phillips, Carla Rahn. 1990. "The Growth and Composition of Trade in the Iberian Empires, 1450-1750." In James Tracy, ed., *The Rise of Merchant Empires*. N. Y.: Cambridge University Press. 34-101.
- Platt, D. C. M. 1972. *Latin America and British Trade, 1806-1914*. London: A&C Black.
- Plumb, J. H. 1972. *The Commercialization of Leisure in Eighteenth-Century England*. Reading: University of Reading Press.
- Polanyi, Karl. 1957. *The Great Transformation*. Boston: Beacon Press.
- Pollard, Sidney. 1981. *Peaceful Conquest: The Industrialization of Europe, 1760-1970*. N. Y.: Oxford University Press.
- Pomeranz, Kenneth. 1988. "The Making of a Hinterland: State, Society, and Economy in Inland North China 1900-1937." Ph.D. diss., Yale University.
- . 1993. *The Making of a Hinterland: State, Society, and Economy in Inland North China, 1853-1937*. Berkeley: University of California Press.
- . 1995. "How Exhausted an Earth? Some Thoughts on Qing (1644-1911) Environmental History." *Chinese Environmental History Newsletter* 2:2 (November): 7-11.
- . 1997a. "Power, Gender and Pluralism in the Cult of the Goddess of Taishan." In R. Bin Wong, Theodore Huters, and Pauline Yu, eds., *Culture and State in Chinese History*. Stanford: Stanford University Press. 182-204.

- . 1997b. "Gentry Merchants Revisited: Family, Firm, and Financing in the Yutang Co. of Jining, 1779–1956." *Late Imperial China* 18:1 (June): 1–38.
- Pomeranz, Kenneth. 2000. *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton: Princeton University Press.
- . 2001. "Is there an East Asian Development Path? Long-Term Comparisons, Constraints, and Continuities," *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 44:3, pp. 322–362.
- . 2002. "Beyond the East-West Binary: Resituating Development Paths in the Eighteenth Century World," *Journal of Asian Studies* 61:2 539–590.
- . 2003a. "Facts Are Stubborn Things: A Response to Philip Huang," *Journal of Asian Studies* 62:1167–181.
- . 2003b. "Shijie jingji shi zhong de jinshi Jiangnan: bijiao yu zonghe guancha" (Early modern Jiangnan in global economic history: comparative and integrative perspectives), *Lishi yanjiu* 2843–48.
- . 2005. "Women's Work and the Economics of Respectability," in Bryna Goodman and Wendy Larson, eds., *Gender in Motion*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- . 2006. "Standards of Living in Rural and Urban China: Preliminary Estimates for the Mid-18<sup>th</sup> and Early 20<sup>th</sup> Centuries." Paper for Panel 77, World Economic History Congress, Helsinki.
- . 2008. "Chinese Development in Long-run Perspective," *Proceedings of the American Philosophical Society* 152:1 83–100.
- . 2009a. "Le machinisme induit-il une discontinuité historique? Industrialisation, modernité précoce et formes du changement économique dans l'histoire globale," in Beaujard P., Berger L. and Norel P. (eds), *Histoire globale, mondialisations, capitalisme*. Paris: La découverte. 335–373.
- . 2009b. *La Force de L'Empire: Révolution industrielle et écologie, ou pourquoi l'angleterre a fait mieux que la Chine*. Edited, with an introduction, by Philippe Minard. Alfortville: Éditions ére.
- . 2009c. "Introduction: What is Industrialization and What Does it Have to Do With the Pacific World?," in Kenneth Pomeranz, ed., *Industrialization in the Pacific World*. Aldershot, UK: Ashgate. xiii–xlix.
- . 2013. "Labour-Intensive Industrialization in the Rural Yangzi Delta: Late Imperial Patterns and their Modern Fates," in Gareth Austin and Kaoru Sugihara, eds., *Labour-Intensive Industrialization in Global History*. London: Routledge. 122–143.
- . 2015. "Hajimeni," ("Introduction" — in *Daibunki: Chugoku, Yōroppa, soshite Kindai Sekai Keizai no Keisei* (Japanese edition of the Great Divergence). Nagoya: Nagoya University Press, 2015. 1–16.
- Postel-Vinay, Giles. 1994. "The Dis-Integration of Traditional Labour Markets in France: From Agriculture and Industry to Agriculture or Industry." In George Grantham and Mary MacKinnon, eds., *Labour Market Evolution*. L.: Routledge 1994. 64–83.
- Powelson, John. 1994. *Centuries of Economic Endeavor: Parallel Paths in Japan and Europe and Their Contrast with the Third World*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Prakash, Om. 1981. "European Trade and South Asian Economies: Some Regional Contrasts, 1600–1800." In Leonard Blussé and Femme Gastra, eds., *Companies and Trade: Essays on Overseas Trading Companies during the Ancien Régime*. Leiden: Leiden University Press. 189–205.

- Rabb, Theodore K. 1967. *Enterprise and Empire: Merchant and Gentry Investment in the Expansion of England, 1575–1630*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Rangarajan, Mahesh. 1994. "Imperial Agendas and India's Forests: The Early History of Indian Forestry, 1800–1878." *Indian Economic and Social History Review* 31:2. 147–167.
- Rawski, Evelyn. 1972. *Agrarian Change and the Peasant Economy of South China*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- . 1985. "Economic and Social Foundations of Late Imperial Culture." In David Johnson, Andrew Nathan, and Evelyn Rawski, eds., *Popular Culture in Late Imperial China*. Berkeley: University of California Press. 3–33.
- Raychaudhuri, Tapan. 1982a. "The State and the Economy: The Mughal Empire." In Tapan Raychaudhuri and Irfan Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1 c.1200–c.1750*. Cambridge: Cambridge University Press. 172–192.
- . 1982b. "Non-Agricultural Production: Mughal India." In Tapan Raychaudhuri and Irfan Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1 c.1200–c.1750*. Cambridge: Cambridge University Press. 261–307.
- . 1982c. "Inland Trade." In Tapan Raychaudhuri and Irfan Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1 c.1200–c.1750*. Cambridge: Cambridge University Press. 325–359.
- Razzell, Peter. 1993. "The Growth of Population in Eighteenth Century England: A Critical Reappraisal." *Journal of Economic History* 53:4 (December): 743–771.
- Reid, Anthony. 1988a. *Southeast Asia in the Age of Commerce: Volume I, The Lands below the Winds*. New Haven: Yale University Press.
- . 1988b. "Women's Roles in Pre-Colonial Southeast Asia." *Modern Asian Studies* 22:3 (July): 626–646.
- . 1989. "The Organization of Production in Southeast Asian Port Cities." In Frank Broeze, ed., *Brides of the Sea: Port Cities of Asia from the 16th to 20th Centuries*. Honolulu: University of Hawaii Press. 55–74.
- . 1990. "The System of Trade and Shipping in Maritime South and Southeast Asia and the Effects of the Development of the Cape Route to Europe." In Hans Pohl, ed., *The European Discovery of the World and Its Economic Effects on Pre-Industrial Society, 1500–1800*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 74–96.
- . 1993. *Southeast Asia in the Age of Commerce: Volume II, Expansion and Commerce*. New Haven: Yale University Press.
- Richards, John. 1990. "Land Transformation." In B. L. Turner II et al., eds., *The Earth as Transformed by Human Action*. Cambridge: Cambridge University Press. 163–178.
- Richardson, David. 1987. "The Slave Trade, Sugar, and British Economic Growth, 1748–1776." *Journal of Interdisciplinary History* 17:4 (Spring): 739–69.
- Rimmer, W. G. 1960. *Marshalls of Leeds, Flax Spinners, 1788–1886*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ringrose, David. 1970. *Transportation and Economic Stagnation in Spain*. Durham: Duke University Press.
- Riskin, Carl. 1975. "Surplus and Stagnation in Modern China." In Dwight Perkins, ed., *China's Modern Economy in Historical Perspective*. Stanford: Stanford University Press. 49–84.
- Rönnbäck, Klas. 2010. "New and Old Peripheries: Britain, the Baltic, and the Americas in the Great Divergence," *Journal of Global History* 5:3373–394.
- Roberts, J. M. 1967. "Lombardy." In Albert Goodwin, ed., *The European Nobility in the Eighteenth Century*. N. Y.: Harper and Row. 60–82.

- Roberts, Luke. 1991. "The Merchant Origins of National Prosperity Thought in 18th Century Tosa." Ph.D. diss., Princeton University.
- Roberts, Michael. 1967. "Sweden." In Albert Goodwin, ed., *The European Nobility in the Eighteenth Century*. N. Y.: Harper and Row. 136–153.
- Rosener, Werner. 1994. *The Peasantry of Europe*. L.: Basil Blackwell.
- Rosenthal, Jean-Laurent. 1992. *The Fruits of Revolution: Property Rights, Litigation, and French Agriculture, 1700–1860*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rosenthal, Jean-Laurent and R. Bin Wong. 2011. *Before and Beyond Divergence: The Politics of Economic Change in China and Europe*. Cambridge: Harvard University Press.
- Rossiter, Margaret. 1975. *The Emergence of Agricultural Science: Justus Liebig and the Americans, 1840–1880*. New Haven: Yale University Press.
- Rowe, William. 1984. *Hankow: Commerce and Society in a Chinese City, 1796–1889*. Stanford: Stanford University Press.
- . 1989. *Hankow: Conflict and Community in a Chinese City, 1796–1895*. Stanford: Stanford University Press.
- . 1990. "Success Stories: Lineage and Elite Status in Hanyang County Hubei, c.1368–1949." In Joseph Esherick and Mary Rankin, *Chinese Rural Elites and Patterns of Dominance*. Berkeley: University of California Press. 51–81.
- . 1992. "Women and the Family in Mid-Qing Thought: The Case of Chen Hongmou." *Late Imperial China* 13:2 (December): 1–41.
- Roy, William G. 1997. *Socializing Capital: The Rise of the Large Industrial Corporation in America*. Princeton: Princeton University Press.
- Rozanov, Boris, Victor Targulian, and D.S. Orlov. 1990. "Soils." In B. L. Turner et al., *The Earth as Transformed by Human Action*. N. Y.: Cambridge University Press. 203–214.
- Sahlins, Marshall. 1976. *Culture and Practical Reason*. Chicago: University of Chicago Press.
- . 1994 (1989). "Cosmologies of Capitalism: The Trans-Pacific Sector of the World System." In Nicholas Dirks, Geoff Eley, and Sherry B. Ortner, eds., *Culture/Power/History*. Princeton: Princeton University Press. 412–455.
- Saito Osamu. 1978. "The Labor Market in Tokugawa Japan: Wage Differentials and the Real Wage Level, 1727–1830." *Explorations in Economic History* 15: 84–100.
- . 1983. "Population and the Peasant Family Economy in Proto-Industrial Japan." *In Journal of Family History* 8:1 (Spring): 30–54.
- . 1985. *Puroto-Kōgyō no jidai: Seidō to Nihon no hikakushi*. Tokyo: Nihon Hyōronsha.
- . and Shinbo Hiroshi. 1989. *Kindai Seichō no Taidō*. Tokyo: Iwanami Shoten.
- . 1985 *Puroto-Kōgyō no jidai: Seidō to Nihon no hikakushi* (The age of proto-industrialism: a comparison of Japan and the West). Tokyo: Nihon Hyōronsha.
- . 2013. "Proto-Industrialization and Labour-Intensive Industrialization: Reflections on Smithian growth and the role of Skill Intensity," in Gareth Austin and Kaoru Sugihara, eds. *Labour-Intensive Industrialization in Global History*. London: Routledge. 85–106.
- Salaman, Redcliffe N. 1949. *The History and Social Influence of the Potato*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Santamaria, Alberto. 1966. "The Chinese Parian." In Alfonso Felix, ed., *The Chinese in the Philippines, 1570–1770*. Manila: Solidaridad Publishing. 67–118.
- Schama, Simon. 1988. *The Embarrassment of Riches: An Interpretation of Dutch Culture in the Golden Age*. N. Y.: Alfred A. Knopf.

- Schoppa, R. Keith. 1989. *Xiang Lake: Nine Centuries of Chinese Life*. New Haven: Yale University Press.
- Schran, Peter. 1978. "A Reassessment of Inland Communications in Late Ch'ing China." *Ch'ing-shih wen-t'i* 3:10 28-48.
- Schultz, Theodore. 1964. *Transforming Traditional Agriculture*. New Haven: Yale University Press.
- Schurz, William. 1939. *The Manila Galleon*. N. Y.: E. P. Dutton.
- Schwartz, Stuart. 1985. *Sugar Plantations in the Formation of Brazilian Society: Bahia, 1550-1835*. N. Y.: Cambridge University Press.
- . 1992. *Slaves, Peasants, and Rebels: Reconsidering Brazilian Slavery*. Chicago: University of Chicago Press.
- Senghaas, Dieter. 1985. *The European Experience: A Historical Critique of Development Theory*. Dover: Berg Publishers.
- Sewell, William. 1980. *Work and Revolution in France: The Language of Labor from the Old Regime to 1848*. N. Y.: Cambridge University Press.
- Shanghai shehuiju. 1989 (1935). *Shanghai zhi shangye*. Taipei: Wenhai Chubanshe.
- Shen Congwen. 1992. *Zhongguo gudai fushi yanjiu*. Hong Kong: Shangwu yinhu shuguan.
- Shepherd, John Z. 1993. *Statecraft and Political Economy on the Taiwan Frontier, 1600-1800*. Stanford: Stanford University Press.
- Shepherd, James F. and Gary M. Walton. 1972. *Shipping, Maritime Trade, and the Economic Development of Colonial North America*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shi Jianyun. 2003. "Chongxin shenshi Zhong Xi bijaio shi ("Looking Anew at the Comparative History of China and the West"), *Jindaishi yanjiu* 3.
- Skinner, G. William. 1971. "Chinese Peasants and the Closed Community: An Open and Shut Case." *Comparative Studies in Society and History* 13:2. 270-81.
- . 1976. "Mobility Strategies in Late Imperial China: A Regional Systems Analysis." In Carol A. Smith, ed., *Regional Analysis*. N. Y.: Academic Press. Vol. 1. 327-364.
- . 1977a. "Regional Urbanization in Nineteenth-Century China." In G. William Skinner, ed., *The City in Late Imperial China*. Stanford: Stanford University Press. 211-249.
- . 1977b. "Cities and the Hierarchy of Local Systems." In G. William Skinner, ed., *The City in Late Imperial China*. Stanford: Stanford University Press. 275-351.
- . 1987. "Sichuan's Population in the 19th Century: Lessons from Disaggregated Data." *Late Imperial China* 8:1 (June): 1-79.
- Slicher Van Bath, B. H. 1977. "Agriculture in the Vital Revolution." In E. E. Rich and C. H. Wilson, *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. 5. N. Y.: Cambridge University Press. 42-132.
- Smil, Vaclav. 1983. *Biomass Energies*. N. Y.: Plenum.
- . 1984. *The Bad Earth*. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe.
- . 1985. *Carbon, Nitrogen, Sulfur*. N. Y.: Plenum.
- . 1990. "Nitrogen and Phosphorus." In B. L. Turner et. al., *The Earth as Transformed by Human Action*. N. Y.: Cambridge University Press. 423-36.
- . 1993. *China's Environmental Crisis: An Inquiry into the Limits of National Development*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe.
- . 1994. *Energy in World History*. Boulder: Westview.

- Smil, Vaclav, and William Knowland. 1980. *Energy in the Developing World: The Real Energy Crisis*. Oxford: Oxford University Press.
- Smil, Vaclav. 2015. "A New World of Energy," in John McNeill and Kenneth Pomeranz, eds., *The Cambridge World History volume 7A: Production, Destruction, and Connection, 1750—Present*. Cambridge: Cambridge University Press. 164–183.
- Smith, Adam. 1937 (1776). *The Wealth of Nations*. Ed. Edwin Cannan. N. Y.: Modern Library.
- Smith, Paul, and Richard Von Glahn, eds. 2003. *The Song Yuan Ming Transition in Chinese History*. Cambridge: Harvard University Press.
- Smith, Thomas. 1958. *The Agrarian Origins of Modern Japan*. Stanford: Stanford University Press.
- Smith, Thomas, Robert Eng, and Robert Lundy. 1977. *Nakahara: Family Farming and Population in a Japanese Village*. Stanford: Stanford University Press.
- Snookes, Graham. 1994a. "New Perspectives on the Industrial Revolution." In Graham Snookes, ed., *Was the Industrial Revolution Necessary?* L.: Routledge. 1–26.
- . 1994b. "Great Waves of Economic Change." In Graham Snookes, ed., *Was the Industrial Revolution Necessary?* L.: Routledge. 43–78.
- So, Alvin. 1986. *The South China Silk District: Local Historical Transformation and World-System Theory*. Albany: SUNY Press.
- Soboul, Albert. 1966. *La France à la veille de la Revolution: Economie et société*. Paris: Société d'Édition d'Enseignement Supérieur.
- Sokoloff, Kenneth, and David Dollar. 1997. "Agricultural Seasonality and the Organization of Manufacturing in Early Industrial Economies: The Contrast between England and the United States." *Journal of Economic History* 57:2 (June): 1–20.
- Solow, Barbara. 1992. "Why Columbus Failed: The New World without Slavery." In Wolfgang Reinhard and Peter Waldman, eds., *Nord und Süd in Amerika*. Freiburg: Rombach Verlag. 1111–1123.
- Sombart, Werner. 1924–1927. *Der Modern Kapitalismus*. Munich: Dunckner and Humblot.
- . 1967. *Capitalism and Luxury*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Spence, Jonathan. 1977. "Ch'ing." In K. C. Chang, ed., *Food in Chinese Culture*. New Haven: Yale University Press. 259–294.
- Stansell, Christine. 1986. *City of Women: Sex and Class in New York City, 1790–1860*. Urbana: University of Illinois Press.
- Stanziani, Alessandro. 2014. *Bondage: Labor and Rights in Eurasia from the Sixteenth to the Early Twentieth Centuries*. N. Y.: Berghahan Books.
- Staunton, George. 1799. *An Authentic Account of an Embassy from the King of Great Britain to the Emperor of China*. 3 vols. Philadelphia: R. Campbell.
- Steensgaard, Niels. 1982. "The Dutch East India Co. as an Institutional Innovation." In Maurice Aymard, ed., *Dutch Capitalism and World Capitalism*. N. Y.: Cambridge University Press. 235–258.
- . 1990a. "Trade of England and the Dutch before 1750." In James Tracy, ed., *The Rise of Merchant Empires*. N. Y.: Cambridge University Press. 102–152.
- . 1990b. "Commodities, Bullion and Services in International Transactions before 1750." In Hans Pohl, ed., *The European Discovery of the World and Its Economic Effects on Pre-Industrial Society, 1500–1800*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 9–23.

- Stein, Burton. 1982a. "Vijayanagara c.1350-1564." In Tapan Raychaudhuri and Irfan Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1 c.1200-c.1750*. Cambridge: Cambridge University Press. 102-124.
- . 1982b. "State and Economy: The South." In Tapan Raychaudhuri and Irfan Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1 c.1200-c.1750*. Cambridge: Cambridge University Press. 203-213.
- . 1985. "State Formation and Economy Reconsidered Part One." *Modern Asian Studies* 19:3. 387-413.
- Steinfeld, Robert J. 2001. *Coercion, Contract and Free Labor in the Nineteenth Century*. Cambridge, UK and N. Y.: Cambridge University Press.
- Stern, Steve J. 1988. "Feudalism, Capitalism and the World System in the Perspective of Latin America and the Caribbean." *American Historical Review* 93:4 (October): 829-72.
- Stone, Lawrence. 1979. *The Family, Sex, and Marriage in England, 1500-1800*. N. Y.: Harper and Row.
- Stross, Randall. 1985. "Number Games Rejected: The Misleading Allure of Tenancy Estimates." *Republican China* 10:3 (June): 1-17.
- Subrahmanyam, Sanjay. 1986. "Aspects of State Formation in South India and South-east Asia." *Indian Economic and Social History Review* 23:4. 357-377.
- Subrahmanyam, Sanjay. 1990. *The Political Economy of Commerce: South India, 1500-1650*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1993. *The Portuguese Empire in Asia, 1500-1700*. L.: Longman's.
- . 1996. "The European Miracle and the East Asian Miracle: Towards a New Global Economic History." *Sangyō to Keizai* 11:2. 27-48.
- Sugihara, Kaoru. 1997. "Agriculture and Industrialization: the Japanese Experience." In Peter Mathias and John Davis, eds., *Agriculture and Economic Growth*. Oxford: Blackwell Publishers. 148-166.
- . 2003. "The East Asian Path of Economic Development: A Long-Term Perspective," in Giovanni Arrighi, Hamshita Takeshi, and Mark Selden, eds., *The Resurgence of East Asia: 500, 150 and 50 Year Perspectives*. Londobn: Routledge. 78-123.
- . 2005. "Introduction," in Kaoru Sugihara, ed., *Japan, China, and the Growth of the International Asian Economy* (Oxford: Oxforde University Press), pp. 1-19.
- . 2013. "Labour-Intensive Industrialization in Global History: An Interpretation of East Asian Experiences," in Gareth Austin and Kaoru Sugihara, eds. *Labour-Intensive Industrialization in Global History*. London: Routledge. 20-64.
- Sun Jingzhi. 1988. *Economic Geography of China*. N. Y.: Oxford University Press.
- Sun Xiaofen. 1997. *Qingdai qianqi de yimin zhen Sichuan*. Chengdu: Sichuan daxue chubanshe.
- Takekoshi, Yosaburo. 1967 (1930). *The Economic Aspects of the History of the Civilization of Japan*. Vol. 3. N. Y.: Macmillan.
- Tanaka Masatoshi. 1984. "Min-shin Jittai no tonyasi maegashi seisan ni tsuite; iryo seisan shu to suru kenkyūshiteki oboegaki." In Nishijima Sadao Hakushi kanreiki kinen ronso henshu iinkai, eds., *Higashi Ajia shi ni okeru kokka to nōmin*. Tokyo: Yamakawa shuppansha.
- Tandeter, Enrique. 1993. *Coercion and Market: Silver Mining in Colonial Potosi, 1692-1816*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Tanimoto Masayuki, "From Peasant Economy to Urban Agglomeration: The Transformation of 'Labour-Intensive Industrialization in Modern Japan,'" in Gareth

- Austin and Kaoru Sugihara, eds. *Labour-Intensive Industrialization in Global History*. London: Routledge. 144-175.
- Tavernier, Jean-Baptiste. 1925 (1676). *Travels in India*. 2 vols. Trans. from the 1676 French edition by V. Ball. Ed. William Crooke. L.: Oxford University Press.
- Teiser, Stephen. 1993. "The Growth of Purgatory." In Patricia Ebrey and Peter Gregory, eds., *Religion and Society in T'ang and Sung China*. Honolulu: University of Hawaii Press. 115-46.
- Telford, Ted. 1990. "Patching the Holes in Chinese Genealogies: Mortality in the Lineage Population of Tongcheng County, 1300-1800." *Late Imperial China* 11:2 (December): 116-36.
- Teng Ssu-yu and John K. Fairbank, eds. 1954. *China's Response to the West*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Terada Takanobu. 1972. *Sansei shōnin no kenkyū*. Kyoto: Tōyōshi kenkyū kai.
- Thomas, Brinley. 1985a. "Food Supply in the United Kingdom during the Industrial Revolution." In Joel Mokyr, ed., *The Economics of the Industrial Revolution*. Totowa, N.J.: Rowman and Allanheld. 137-150.
- . 1985b. "Escaping from Constraints: The Industrial Revolution in a Malthusian Context." *Journal of Interdisciplinary History* 15:4 (Spring): 729-753.
- Thomaz, Luis Filipe Feirera Reis. 1993. "The Malay Sultanate of Melaka." In Anthony Reid, ed., *Southeast Asia in the Early Modern Period: Trade, Power, and Belief*. Ithaca: Cornell University Press. 70-89.
- Thompson, E. P. 1966. *The Making of the English Working Class*. N. Y.: Vintage.
- . 1967. "Work, Time and Industrial Discipline." *Past and Present* 38 (December): 56-97.
- Thompson, F. M. L. 1963. *English Landed Society in the Nineteenth Century*. L.: Routledge.
- . 1968. "The Second Agricultural Revolution, 1815-1880." *Economic History Review* 21:1. 62-77.
- . 1989. "Rural Society and Agricultural Change in 19th Century Britain." In George Grantham and Carol Leonard, eds., *Agrarian Organization in the Century of Industrialization: Europe, Russia and North America*. Greenwich, Conn.: JAI Press. 187-202.
- Thornton, John. 1992. *Africa and Africans in the Making of the Atlantic world, 1400-1680*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tilly, Charles. 1975. "Food Supply and Public Order in Modern Europe." In Charles Tilly, ed., *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton: Princeton University Press. 380-455.
- . 1984. *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. N. Y.: Russell Sage Foundation.
- . 1984. "Demographic Origins of the European Proletariat," in David Levine, ed. *Proletarianization and Family History*. Orlando: Academic Press. 1-85.
- . 1990. *Coercion, Capital and European States, AD 990-1990*. London: Basil Blackwell.
- Totman, Conrad. 1989. *The Green Archipelago: Forestry in Preindustrial Japan*. Berkeley: University of California Press.
- . 1992. "Forest Products Trade in Pre-Industrial Japan." In John Dargave and Richard Tucker, eds., *Changing Pacific Forests*. Durham, N.C.: Forest History Society. 19-24.
- . 1993. *Early Modern Japan*. Berkeley: University of California Press.

- Totman, Conrad. 1995. *The Lumber Industry in Early Modern Japan*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Tracy, James. 1991. "Introduction." In James D. Tracy, ed., *The Political Economy of Merchant Empires*. Cambridge: Cambridge University Press. 1–21.
- Tucker, Richard P., and J. F. Richards, eds. 1983. *Global Deforestation and the Nineteenth-Century World Economy*. Durham: Duke University Press.
- Ukers, William. 1935. *All about Coffee*. N. Y.: The Tea and Coffee Trade Journal Company.
- Unschuld, Paul. 1986. *Medicine in China: A History of Pharmaceuticals*. Berkeley: University of California Press.
- Usher, Abbott Payson. 1913. *The History of the Grain Trade in France, 1400–1710*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Van der Wee, Herman. 1977. "Monetary, Credit, and Banking Systems." In E. E. Rich and C. H. Wilson, *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. 5. Cambridge: Cambridge University Press. 290–393.
- Van Leur, J. C. 1955. *Indonesian Trade and Society: Essays in Asian Social and Economic History*. The Hague: W. Van Hoeve.
- Van Schendel, Willem. 1991. *Three Deltas: Accumulation and Rural Poverty in Rural Burma, Bengal, and South India*. New Delhi: Sage Publications.
- Van Zanden, Jan Luiten. 2004. "Estimating Early Modern Economic Growth" (Working Paper, International Institute of Social History, University of Utrecht, <http://www.iisg.nl/research/jvz-estimating.pdf>).
- Vermeer, Eduard. 1990. "The Decline of Hsing-hua Prefecture in the Early Ch'ing." In Eduard Vermeer, ed., *Development and Decline of Fukien Province in the 17th and 18th Centuries*. Leiden: E. J. Brill. 101–63.
- Vicziany, Marika. 1979. "The Deindustrialization of India in the 19th Century: A Methodological Critique of Amiya Kumar Bagchi." *Indian Economic and Social History Review* 16:2. 105–45.
- Viraphol, Sarasin. 1977. *Tribute and Profit: Sino-Siamese Trade, 1652–1853*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Visaria, Leela, and Pravin Visaria. 1983. "Population." In Dharma Kumar, ed., *The Cambridge Economic History of India: Volume 2, 1757–1970*. Cambridge: Cambridge University Press. 463–532.
- Von Glahn, Richard. 1996. *Fountain of Fortune: Money and Monetary Policy in China, 1000–1700*. Berkeley: University of California Press.
- Von Tunzelmann, G. N. 1978. *Steam Power and British Industrialization to 1860*. Oxford: Oxford University Press.
- Voth, Hans-Joachim. 1998. "Time and Work in Eighteenth-Century London," *Journal of Economic History* 58:1 29–58.
- Voth, Hans-Joachim. 2001. *Time and Work in England 1750–1830*. Oxford: Clarendon Press.
- Wadia, Ardeshir Ruttonji. 1955. *The Bombay Dockyard and the Wadia Master Builders*. Bombay: A. R. Wadia.
- Wakefield, David. 1992. "Household Division in Qing and Republican China: Inheritance, Family Property, and Economic Development." Ph.D. diss., University of California, Los Angeles.
- Waley-Cohen, Joanna. 1999. *The Sextants of Beijing: Global Currents in Chinese History*. N. Y.: W. W. Norton.

- Walker, Mack. 1971. *German Home Towns: Community, State, and General Estate, 1648–1871*. Ithaca: Cornell University Press.
- Wallen, C. C., ed. 1970. *Climates of Northern and Western Europe*. Amsterdam: Elsevier Publishing Co.
- Wallerstein, Immanuel. 1974. *Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy*. N. Y.: Academic Press.
- . 1976. *The Modern World-System, Volume I*. N. Y.: Academic Press.
- . 1989. *The Modern World-System III: 1730s–1840s*. N. Y.: Academic Press.
- Waltner, Ann. 1990. *Getting an Heir: Adoption and the Construction of Kinship in Late Imperial China*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Wang Gungwu. 1990. "Merchants without Empire." In James Tracy, ed., *The Rise of Merchant Empires*. Cambridge: Cambridge University Press. 400–421.
- Wang Jiafan. 2004. "'Xixue dongjian' haishi 'xishi dongbian': Peng Mulan da fenliu dapo Ouzhou xiongxin zhuyi le ma?" (Did Pomeranz's *Great Divergence* break through Europcentrism?) *Wenhui bao* May 16, 2004. 8
- Wang, Yeh-chien. 1973. *Land Taxation in Imperial China, 1750–1911*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Wang, Yeh-chien. 1986. "Food Supply in 18th Century Fukien." *Late Imperial China* 7:2 (December): 80–111.
- . 1989. "Food Supply and Grain Prices in the Yangtze Delta in the Eighteenth Century." In *The Second Conference on Modern Chinese History*. 3 vols. Taipei: Academia Sinica. 2:423–462.
- . 1992. "Secular Trends of Rice Prices in the Yangzi Delta, 1638–1935." In Thomas Rawski and Lillian Li, eds., *Chinese History in Economic Perspective*. Berkeley: University of California Press. 35–68.
- Warden, Alexander J. 1967. *The Linen Trade*. L.: Cass.
- Warren, James. 1982. "The Sulu Sultanate." In Eduard de Jesus and Alfred McCoy, eds., *Philippine Social History: Global Trade and Local Transformation*. Quezon City: Ateneo de Manila University Press. 415–444.
- Washbrook, D. A. 1988. "Progress and Problems: South Asian Economic and Social History, c. 1720–1860." *Modern Asian Economic and Social History* 22:1. 57–96.
- Watson, Rubie. 1990. "Corporate Property and Local Leadership in the Pearl River Delta, 1898–1941." In Joseph Esherick and Mary Rankin, eds., *Chinese Local Elites and Patterns of Dominance*. Berkeley: University of California Press. 239–260.
- Weatherill, Lorna. 1988. *Consumer Behavior and Material Culture in Britain, 1660–1760*. N. Y.: Routledge.
- Weber, Eugen. 1976. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford: Stanford University Press.
- Weber, Max. 1992. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. L.: Routledge.
- Wei Qingyuan, Wu Qiyuan, and Lu Su. 1982. *Qingdai Nubi Zhidu*. Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe.
- Widmer, Ellen. 1996. "The Huanduzhai of Hangzhou and Suzhou: A Study in Seventeenth-Century Publishing." *Harvard Journal of Asiatic Studies* 56:1. 77–122.
- Wigen, Karen, and Martin Lewis. 1997. *The Myth of Continents*. Berkeley: University of California Press.
- Will, Pierre-Etienne. 1980. "Une cycle hydraulique en Chine: La province du Hubei du 16eme au 19e siècles." *Bulletin de l'école française d'extreme orient* 68. 261–288.
- Will, Pierre-Etienne., and R. Bin Wong. 1991. *Nourish the People: The State Civilian Granary System in China, 1650–1850*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

- Williams, Eric. 1944. *Capitalism and Slavery*. N. Y.: Russell and Russell.
- Williams, Michael. 1990. "Forests." In B. L. Turner et al., *The Earth as Transformed by Human Action*. N. Y.: Cambridge University Press. 179–202.
- Williamson, Jeffrey. 1990. *Coping with City Growth during the British Industrial Revolution*. N. Y.: Cambridge University Press.
- . 1994. "Leaving the Farm to Go to the City: Did They Leave Fast Enough?" In John James and Mark Thomas, eds., *Capitalism in Context: Essays on Economic Development and Culture in Honor of R. M. Hartwell*. Chicago: University of Chicago Press. 159–182.
- Wills, John E., Jr. 1979. "Maritime China from Wang Chih to Shih Lang: Themes in Peripheral History." In Jonathan Spence and John Wills, eds., *From Ming to Ch'ing*. New Haven: Yale University Press. 201–238.
- . 1984. *Embassies and Illusions: Dutch and Portuguese Envoys to K'ang-hsi, 1666–1687*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- . 1993. "European Consumption and Asian Production in the Seventeenth and Eighteenth Centuries." In John Brewer and Roy Porter, eds., *Consumption and the World of Goods*. L.: Routledge. 133–47.
- . 1994. *Mountain of Fame: Portraits in Chinese History*. Princeton: Princeton University Press.
- . 1995. "How We Got Obsessed with the 'Tribute System' and Why It's Time to Get Over It." Paper delivered at annual meeting of the Association for Asian Studies, Washington, D.C.
- Wink, Andre. 1983. "Maratha Revenue Farming." *Modern Asian Studies* 17:4. 591–628.
- Wittfogel, Karl. 1957. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press.
- Wolf, Arthur. 2001. "Is There Evidence of Birth Control in Late Imperial China?" *Population and Development Review* 27:1133–154.
- Wolfe, Martin. 1972. *The Fiscal System of Renaissance France*. New Haven: Yale University Press.
- Wong, R. Bin. 1997. *China Transformed: Historical Change and the Limits of European Experience*. Ithaca: Cornell University Press.
- . 2003. "Integrating China into world history, *Journal of Asian Studies*, posted at [www.aasianst.org/catalog/wong.pdf](http://www.aasianst.org/catalog/wong.pdf).
- Wright, Mary C. 1962. *The Last Stand of Chinese Conservatism*. Stanford: Stanford University Press.
- Wright, Tim. 1984. *Coal Mining in China's Economy and Society, 1895–1937*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wrigley, E. Anthony. 1988. *Continuity, Chance, and Change: The Character of the Industrial Revolution in England*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wrigley, E. Anthony. 1994. "The Classical Economists, the Stationary State, and the Industrial Revolution." In Graham Snookes, ed., *Was the Industrial Revolution Necessary?* L.: Routledge. 27–42.
- Wrigley, E., and Roger Schofield. 1981. *The Population History of England, 1540–1871*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wrigley, E.. 1990. "Brake or Accelerator? Urban Growth and Population Growth before the Industrial Revolution." In A. D. van der Woude, Akira Hayami, and Jan De Vries, eds., *Urbanization in History*. Oxford: Clarendon Press. 101–112.
- Wu Chengming, and Xu Dixin. 1985. *Zhongguo zibenzhu yi de mengya*. Beijing: Renmin Chubanshe.

- Wu Chengming. 1983. *Zhongguo zibenzhuyi yu guonei shichang*. Zhongguo shehui kexue chubanshe.
- . 1985. *Zhongguo zibenzhuyi yu guonei shichang* (Chinese Capitalism and the National Market). Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe.
- . 2003. "Da fenliu dui bijiao yanjiu fangfa de gongyan ("The Great Divergence's Contribution to the method of Comparative Research"), *Zhongguo xueshu* 1.
- Wu Peiyi. 1992. "Women Pilgrims to Taishan." In Susan Naquin and Chun-fang Yu, eds., *Pilgrims and Sacred Sites in China*. Berkeley: University of California Press. 39–64.
- Xiong Pingzhen. 1995. *Xuyu: Chuantong Zhongguo de qianpao zhi dao*. Taibei: Lianjing.
- Xu Dixin and Wu Chengming. 1985. *Zhongguo zibenzhuyi de mengya* (The Sprouts of Capitalism in China). Zhongguo shehui kexue chubanshe.
- Xu Tan. 1986. "Ming Qing shiqi de Linqing shangye." *Zhongguo jingji shi yanjiu* 2 (1986): 135–57.
- . 1995. "Ming Qing shiqi Shandong de liangshi liutong." *Lishi dangan* 57. 81–88.
- Xu Xinwu, ed. 1992. *Jiangnan tubushi*. Shanghai: shehui kexueyuan chubanshe.
- Xuxiu Licheng xianzhi. 1968 (1924) Jinan. Taibei: Chengwen chubanshe. Reprint.
- Yamamura, Kozo. 1974. *A Study of Samurai Income and Entrepreneurship: Quantitative Analysis of Economic and Social Aspects of the Samurai in Tokugawa and Meiji Japan*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Ye Xian'en. 1983. *Ming Qing Huizhou nongcun shehui yu dianpu zhi*. Hefei: Anhui renmin chubanshe.
- Yu Mingxia. 1991. *Xuzhou Meikuang shi*. Nanjing: Jiangsu guji chubanshe.
- Yu Yingshi. 1985. "Rujia sixiang yu jingji fazhan; Zhongguo jinshi zongjiao lunli yu shangren jingshen." *The Chinese Intellectual* 6 (Winter): 3–45.
- . 1987. *Zhongguo jinshi zongjiao lunli yu shangren jingshen* (The Modern Chinese Religious Ethic and Merchant Spirit). Taibei: Lianjing chubanshe.
- Zangheri, R. 1969. "The Historical Relationship between Agricultural and Economic Development in Italy." In E. L. Jones and S. J. Woolf, eds., *Agrarian Change and Economic Development*. L.: Methuen. 23–40.
- Zelin, Madeleine. 1986. "The Rights of Tenants in Mid-Qing Sichuan." *Journal of Asian Studies* 45:3 (May): 499–526.
- Zelin, Madeleine. 1988. "Capital Accumulation and Investment Strategies in Early Modern China: The Case of the Furong Salt Yards." *Late Imperial China* 9:1 (June): 79–122.
- . 1990. "The Fu-Rong Salt Yard Elite." In Joseph Esherick and Mary Rankin, eds., *Chinese Local Elites and Patterns of Dominance*. Berkeley: University of California Press. 82–112.
- Zhang Gang. 1985. "Qingdai Zhili shangpin jingji fenxi." *Hebei shiyuan xuebao* #3. 9–104.
- Zhang Xiaobo. 1995. "Merchant Associational Activism in Early Twentieth Century China: The Tianjin General Chamber of Commerce, 1904–1928." Ph.D. diss., Columbia University.
- Zhang Xueqian. 2008. "Jiazhou pai xueshu shi yiyi zhi huigu yu zhanwang" (Retrospect and Prospect on the Historical Meaning of the California School's Scholarship) Part 6 of Qinghua University Discussion forum on "the California School," December 11, 2008, <http://economy.guoxue.com/article.php/18559>.

- Zhang Zhilian. 2004. "Peng Mulan, Wang Guobin dui Zhong, Ou fazhan daolu de kanfa" ("The Opinions of Kenneth Pomeranz and R. Bin Wong on the Development paths of China and Europe"), *Qingshi yicon* 1.
- Zhang Zhongmin. 1988. *Shanghai cong kaifa dao kaifang, 1369-1843*. Kunming: Yunnan Renmin chubanshe.
- Zhao Gang. 1983. "Zhongguo lishishang gongzi shuiping de bianqian." *Zhonghua Wenhua fuxing yuekan* 16:9 (September): 52-57.
- Zhou Lin. 2008a. "Zhuchi ren de hua" (Convener's comments") Part 1 of Qinghua University Discussion forum on "the California School." December 12, 2002, <http://economy.guoxue.com/article.php/18473>.
- . 2008b. "'Jiazhou pai' de xueshu zongzhi, daibiao lunzhe he neibu fenyue" (The General Scholarly direction, representative writers and internal differences of the 'California School') Part 2 of Qinghua University Discussion forum on "the California School," December 3, 2008, Chinese Economic History Forum, <http://economy.guoxue.com/article.php/18477>.
- . 2009. "Shu xie shemmayang de Zhongguo Lishi?—'Jiazhou xuepai' Zhongguo shehui jingji shi yanjiu shuping" ("Writing what kind of Chinese history? Evaluating the 'California School's' Research on Chinese Social and Economic History"), *Qinghua daxue xuebao* 1:50-58. <http://www.3hresearch.com/ShowArticle.asp?ArticleID=1717>.
- Zuo Dakang and Zhang Peiyuan. 1990. "The Huang-Huai-Hai Plain." In B. L. Turner et al., *The Earth as Transformed by Human Action*. N. Y.: Cambridge University Press. 473-477.

*Научное издание*

**КЕННЕТ ПОМЕРАНЦ**  
**ВЕЛИКОЕ РАСХОЖДЕНИЕ**  
**Китай, Европа и создание современной**  
**мировой экономики**

Главный редактор В.В. Анашвили  
Заведующая редакцией Ю.В. Бандурина  
Выпускающий редактор Е.В. Попова  
Корректор Л.Ф. Королева  
Художник Е.Н. Спасская  
Оригинал-макет О.З. Элов  
Верстка Т.Г. Ситникова

Подписано в печать 08.11.2016. Формат 70×100<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Усл. печ. л. 48,1. Тираж 1000 экз.  
Изд. № 811. Заказ № 8548.

Издательский дом «Дело» РАНХиГС  
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82  
Коммерческий центр  
тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02  
[www.ranepa.ru](http://www.ranepa.ru)  
[delo@ranepa.ru](mailto:delo@ranepa.ru)

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»  
Филиал «Чеховский Печатный Двор»  
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1  
Сайт: [www.chpd.ru](http://www.chpd.ru), E-mail: [sales@chpd.ru](mailto:sales@chpd.ru), тел. 8(499)270-73-59

ISBN 978-5-7749-1201-8



9 785774 912018







## *Кеннет Померанц*

профессор истории Чикагского университета,  
член Американской академии наук и искусств, президент  
Американской исторической ассоциации (2013–2014),  
автор многочисленных работ, посвященных изучению  
взаимного влияния государства, общества и экономики  
в позднеимперском Китае и Китае XX столетия,  
возникновению мировой экономики в результате взаимных  
влияний между различными регионами и сравнительным  
исследованиям труда, семейной организации  
и экономических изменений в Европе и Восточной Азии.

---

Дающая серьезную пищу для размышлений книга, меняющая знаменатели  
в дискуссии о зарождении капитализма, процветании Запада и крахе Востока.

*Авнер Оффер*, Times Higher Education Supplement

---

Эта книга, бесспорно, вносит самый значительный и важный вклад в наше  
понимание причин и механизмов расхождения путей Запада и Китая...  
Совершенно новый и свежий взгляд. С одной стороны, Померанц находит  
новые отличия между Европой, Китаем, Японией, Индией и Юго-Восточной  
Азией, с другой — проводит между ними смелые параллели, которые делают все  
бытовавшие ранее и большинство бытующих ныне мнений архаичными.

*Андре Гундер Франк*, Journal of Asian Studies

---

Крайне значимая книга, к которой следует предельно серьезно относиться всем,  
кто полагает, что понимание промышленной революции... крайне важно  
для постижения современного мира... Книга столь богатая, что практически  
каждая страница дарит нам новый взгляд на проблематику.

*Роберт Б. Маркс*, American Historical Review

---